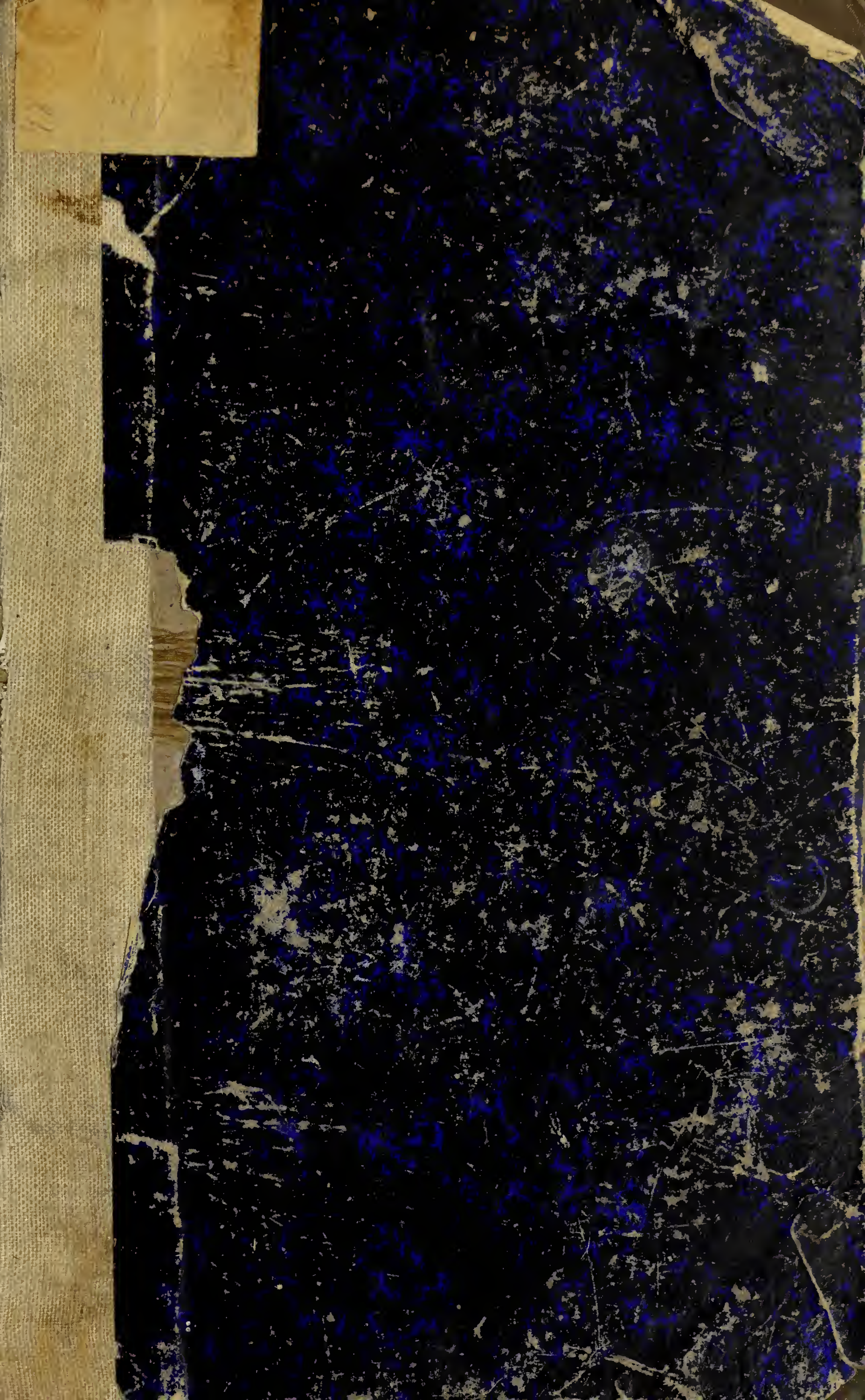
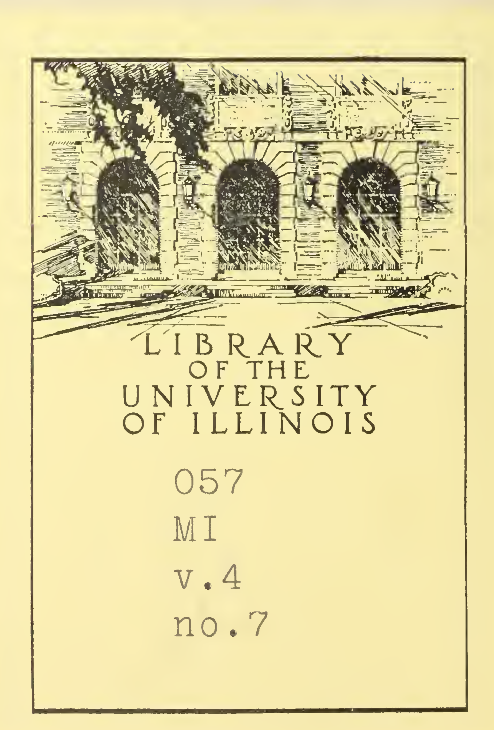

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

Годъ IV-й. № 7-й

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНIЯ.

IЮЛЬ

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

Контора журнала имѣетъ честь увѣдомить, что лицамъ, не приславшимъ къ выходу іюльской книжки полной доплаты до подписной суммы 7 р., высылка журнала прекращена.

СОДЕРЖАНІЕ.

Годъ IV-й. № 7-й

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНIЯ.

IЮЛЬ

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20-го іюня 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

(*Продолженіе* *).

III.

Пути сообщенія.—Сухопутныя дороги, шоссе, желѣзныя дороги, рѣки и каналы.—Общій характеръ развитія русскихъ путей сообщенія.—Развитіе почтовыхъ сношеній.—Внутренняя торговля.—Цѣны за провозъ товаровъ.—Медленность товарнаго обращенія. — Караванный и ярмарочный характеръ торговли.—Изолированность мѣстныхъ рынковъ и разнообразіе мѣстныхъ хлѣбныхъ цѣнъ, какъ наиболѣе характерный признакъ этой изолированности. — Внѣшняя торговля.—Ея пассивный характеръ.—Роль иностранцевъ во внѣшней торговлѣ Новгорода и Москвы.—Успѣхи и стремленія русскаго купечества со второй половины XVII в.— Медленность въ развитіи судостроенія и торговыхъ компаній. — Увеличеніе размѣровъ вывоза и ввоза съ конца XVII в.—Дѣйствіе охранительныхъ и либеральныхъ тарифовъ. — Процентное отношеніе между главными предметами вывоза и ввоза.—Отношеніе внѣшней торговли къ внутренней.—Исторія денегъ и цѣнъ.—Кредитныя деньги (мѣдныя и бумажныя).—Частный кредитъ.—Высота процента и прибыли.—Правительственныя попытки дешеваго кредита. — Положеніе кредита въ первой половинѣ XIX вѣка и быстрое развитіе его во второй половинѣ. —Двѣ стороны въ характеристикѣ экономическаго развитія Россіи.

Экономическое развитіе страны тѣсно связано съ улучшеніемъ ея путей сообщенія. Чѣмъ безопаснѣе, легче и быстрѣе становятся сношенія между людьми, тѣмъ большее число людей соединяется между собою общими экономическими интересами. Улучшенные пути сообщенія раздвигаютъ предѣлы рынка и увеличиваютъ количество покупателей, и этимъ даютъ возможность расширить размѣры производства товаровъ, раздробить это производство на спеціальныя отрасли и распредѣлить его между производителями такъ, чтобы каждый продуктъ производился при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, т. е. возможно дешевле. И наобо-

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

ротъ, усиленіе обмѣна и увеличеніе производства создаетъ потребность въ хорошихъ путяхъ сообщенія: чѣмъ больше производится и перемѣщается въ странѣ товаровъ, тѣмъ выгоднѣе становится затратить часть капитала на постройку дорогъ, удешевляющихъ доставку этихъ товаровъ и открывающихъ имъ доступъ къ отдаленному потребителю. Посмотримъ же, имѣя въ виду эту взаимную связь, о какой степени промышленнаго развитія свидѣтельствуютъ пути сообщенія древней Россіи.

Можно сказать съ увѣренностью, что на всемъ протяженіи своей исторіи, до самаго послѣдняго времени, Россія не знала искусственныхъ путей сообщенія. О непроходимости русскихъ сухопутныхъ дорогъ единогласно свидѣтельствуютъ иностранные путешественники XVI и XVII столѣтія. Административная нужда заставила Петра Великаго выстроить «перспективную дорогу» между обѣими столицами; но и эта дорога, укрѣпленная въ топкихъ мѣстахъ фашинникомъ и бревенчатой настилкой, безпрестанно портившаяся и чинившаяся на протяженіи всего XVIII вѣка, едва ли была бы причислена, по теперешней терминологіи, къ «искусственнымъ» дорожнымъ сооруженіямъ. Шведскія дороги Балтійскаго края оставались втеченіе всего прошлаго столѣтія недосягаемымъ образцомъ, которому правительство тщетно приказывало подражать; и еще Екатеринѣ II пришлось распорядиться, чтобы рядомъ съ искусственнымъ полотномъ дороги оставлялись по сторонамъ широкія полосы грунта, на которыя можно было бы сворачивать съ непроходимой казенной дороги, не рискуя свалиться въ канаву. Только при Александрѣ I, въ 1816 г., начинается постройка шоссейныхъ дорогъ, и только къ 1830-му году была окончена первая изъ нихъ, между Москвой и Петербургомъ. Какъ недалеко ушло съ тѣхъ поръ построеніе шоссейныхъ дорогъ, видно изъ того, что тридцать лѣтъ спустя, въ шестидесятыхъ годахъ, въ Россіи считалось всего около 8.000 верстъ шоссейнаго пути *); въ слѣдующее же тридцатилѣтіе шоссейныя сооруженія развивались еще медленнѣе, такъ что теперь (1893) общая длина поднялась только до $11^1/_2$ тыс. верстъ. Это—втрое меньше длины большихъ шоссейныхъ дорогъ маленькой Англіи и слишкомъ въ 20 разъ меньше количества французскихъ шоссе,—если брать абсолютныя цифры. Если же взять отношеніе этихъ цифръ къ величинѣ страны, то въ Россіи шоссейныхъ дорогъ окажется въ сотни разъ меньше западной Европы. Правда, такая задержка въ устройствѣ шоссейныхъ путей совпа-

*) Въ томъ числѣ 6.000 верстъ приходилось на большую дорогу отъ Петербурга до Иркутска черезъ Москву и 1.000 верстъ отъ Петербурга до австрійской границы черезъ Варшаву.

даетъ съ чрезвычайно быстрымъ развитіемъ русской желѣзнодорожной сѣти. Первая русская желѣзная дорога (1838) послѣдовала очень скоро за первымъ русскимъ шоссе (1830); черезъ тридцать лѣтъ (1867) длина желѣзнодорожнаго пути составляла уже болѣе половины длины шоссейныхъ сообщеній (4.700 верстъ), а въ слѣдующее неполное тридцатилѣтіе (1894) она увеличилась еще въ $6^1/_2$ разъ (до 30 тыс. верстъ или $33^1/_2$ тыс. километровъ) и стала почти втрое превосходить длину нашихъ шоссе. Съ этой послѣдней цифрой желѣзныхъ дорогъ Россія приближается къ Англіи (32,7 тыс. кил.) и Франціи (39,5 тыс. кил.); но она еще далеко отстаетъ отъ нихъ, если принять въ разсчетъ ея пространство. На тысячу квадр. километровъ приходится у насъ всего 6 километровъ желѣзнодорожнаго пути, а во Франціи 74, въ Англіи 104, т. е. въ 12 и 17 разъ больше. Втеченіе года русскими желѣзными дорогами пользуются изъ каждой сотни жителей 44 человѣка, тогда какъ во Франціи и въ Германіи всякій житель, среднимъ числомъ, по 6—7 разъ проѣдетъ по желѣзной дорогѣ, а въ Англіи даже по 21 разу, т. е. пассажирское движеніе тамъ въ 15—50 разъ сильнѣе, чѣмъ въ Россіи. То же можно сказать и о движеніи грузовъ.

Подобныя же наблюденія можно сдѣлать и относительно водяныхъ путей,—главныхъ средствъ сообщенія древней Россіи. Изъ 100 тыс. верстъ общей длины нашихъ рѣкъ, около трети (34 т.) судоходны и такое же количество удобно для сплава. Это самая большая длина во всей Европѣ, но сравнительно съ пространствомъ Россіи и она превращается въ самую малую: 35 верстъ на 100 кв. миль, тогда какъ въ Германіи эта цифра доходитъ до 119 в., во Франціи до 135 в., въ Великобританіи до 145 вер. на 100 кв. миль. Приведенныя цифры станутъ еще знаменательнѣе, если прибавимъ, что очень значительная часть европейскихъ водяныхъ путей создана искусственно. Соединительные и обходные каналы составляютъ $16^0/_0$ общей длины водяныхъ путей въ Германіи, $35^0/_0$ во Франціи и $69^0/_0$ въ Англіи. Въ Россіи эта цифра едва доходитъ до $1^0/_0$, хотя строеніе искусственныхъ водяныхъ путей началось у насъ гораздо раньше шоссе и желѣзныхъ дорогъ,—еще съ Петра Великаго. Къ началу шоссейныхъ соооруженій наша система каналовъ была уже готова въ общихъ чертахъ, но съ тѣхъ поръ она уже не развивалась дальше. Здѣсь повторилось то же, что мы видѣли съ развитіемъ шоссейныхъ дорогъ: постройка шоссе, повидимому, такъ же затормозила устройство каналовъ, какъ она сама была заторможена возникновеніемъ желѣзнодорожной сѣти. Новый способъ сообщенія не столько пополнялъ,

сколько прямо замѣнялъ старый: проведенныя между тѣми же самыми главнѣйшими административными и торговыми центрами, желѣзныя дороги лишили значенія параллельныя съ ними шоссе и отвлекли отъ рѣкъ значительную часть ихъ грузовъ. Такимъ образомъ, получилось скопленіе искусственныхъ сообщеній на главныхъ путяхъ, при полномъ почти отсутствіи ихъ на второстепенныхъ: вмѣсто того, чтобы взаимно пересѣкаться, у насъ значительная часть разнородныхъ искусственныхъ путей совпала. Только въ послѣднеее время вопросъ о соединительныхъ и подъѣздныхъ путяхъ сталъ, наконецъ, на очередь.

Пародируя извѣстное изреченіе, можно было бы сказать, что всякая страна имѣетъ такія сообщенія, какія она заслуживаетъ имѣть,—если бы только состояніе путей сообщенія опредѣлялось исключительно экономическимъ развитіемъ данной страны или ея отдѣльныхъ частей. Въ дѣйствительности, въ удобныхъ и правильныхъ сообщеніяхъ раньше населенія Россіи нуждалось ея правительство, а затѣмъ иностранныв торговцы. Задолго до устройства искусственныхъ путей, правительство старалось себѣ обезпечить возможность административныхъ сношеній со всѣми частями управляемой страны путемъ устройства казенныхъ «ямовъ». Первое устройство правильныхъ почтовыхъ сообщеній современно объединенію Руси и относится къ концу XV столѣтія. Два вѣка спустя въ распоряженіи правительства находилось до 200 почтовыхъ станцій, распредѣленныхъ между девятью ямскими дорогами, сообщавшимися со всѣми окраинами государства. Ко вступленію Екатерины II это число возрасло до 574, а въ почтовомъ дорожникѣ 1829 года показано уже до 3.240 станцій. Въ допетровское время, однако, ямскія учрежденія служили исключительно потребностямъ государства. Регулярныхъ сношеній не было, и правительство пользовалось ямщиками лишь по мѣрѣ того, какъ въ этомъ являлась надобность. Частныя лица вовсе не могли пользоваться казенными «ямами». На просьбы объ этомъ англійскихъ купцовъ XVI вѣка московское правительство, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, отвѣтило отказомъ. Только вѣкъ спустя, при Алексѣѣ Михайловичѣ (1663), иностраннымъ торговцамъ удалось, наконецъ, добиться устройства правильныхъ почтовыхъ сношеній съ заграницей (черезъ Ригу и Вильну) и съ единственнымъ торговымъ портомъ того времени, Архангельскомъ. Но для этого они должны были сами сдѣлаться предпринимателями новаго дѣла и вести его совершенно независимо отъ Ямского приказа, подъ наблюденіемъ тогдашняго министерства иностранныхъ дѣлъ (Посольскаго приказа). Петръ взялъ, наконецъ, русскую почту изъ рукъ

иностранцевъ-предпринимателей въ руки государства; но только при Екатеринѣ II различіе между казенной и купеческой почтой уничтожилось окончательно. Какъ быстро развивались почтовыя сношенія въ нынѣшнемъ вѣкѣ, можно судить изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1825 году одно письмо приходилось почти на 10 жителей; въ 1856 г. уже только одно на двухъ, а въ 1888 г. на каждаго жителя приходилось почти по 3 письма. Конечно, и эта послѣдняя цифра покажется незначительной, если сопоставимъ ее съ размѣрами корреспонденціи на Западѣ. Во Франціи на каждаго жителя приходится по 18 писемъ, въ Германіи по 33, въ Англіи по 53.

При отсутствіи искусственныхъ путей сообщенія до начала нынѣшняго столѣтія и правильныхъ почтовыхъ сношеній до второй половины XVII в., при извѣстномъ уже намъ низкомъ уровнѣ экономическаго уровня Россіи,—чѣмъ была древняя русская торговля? Затрудненія по перевозкѣ товаровъ она умѣла побѣждать, пользуясь лѣтомъ рѣчными путями, а зимою — санной дорогой. Характерно для тогдашняго состоянія Россіи, что оба эти способа транспорта стоили, повидимому, приблизительно одинаково, или даже сухопутная перевозка обходилась дешевле водяной. Зимняя дорога отъ Москвы до Вологды составляла нѣсколько болѣе четверти протяженія главнаго торговаго пути XVII вѣка—отъ Москвы до Архангельска (около 400 верстъ изъ 1.500). Изъ Вологды русскіе товары доставлялись обыкновенно уже водой на архангельскую ярмарку; и изъ Архангельска заграничные товары еще до замерзанія рѣкъ успѣвали добраться до Вологды, откуда они доставлялись въ Москву по новому зимнему пути. Обычная цѣна за провозъ съ пуда отъ Москвы до Архангельска была во второй половинѣ XVII вѣка (1674)—19 коп. Изъ этой суммы менѣе четверти (4 коп.) платилось за зимній провозъ отъ Москвы до Вологды, а остальныя три четверти цѣны (15 коп.) стоила доставка водой отъ Вологды до Архангельска. На версту зимней дороги это составитъ около $^1/_{100}$ коп., а на версту рѣчного пути около $^1/_{70}$ коп. Принимая въ разсчетъ, что каждая копѣйка того времени равнялась по своей покупательной силѣ семнадцати теперешнимъ, мы можемъ приравнять эти цѣны, приблизительно, $^1/_6$—$^1/_4$ нашихъ копѣекъ. Между тѣми же нормами ($^1/_{100}$—$^1/_{70}$ тогдашнихъ коп.) колебалась провозная плата за пудъ съ версты по другой большой торговой дорогѣ на Новгородъ *).

*) Съ саней, вмѣщавшихъ обыкновенно около 30 пудовъ, это составитъ $^3/_{10}$—$^3/_7$ коп. съ версты. Казенные прогоны по указу 1627 г. равнялись $^3/_{20}$ к. съ подводы и версты, т. е. были въ 2 — 3 раза меньше. На наши

Сравнительно съ теперешней стоимостью гужеваго провоза (около 1/10 коп.), эти цѣны раза въ два выше, а сравнительно съ провозомъ по желѣзной дорогѣ—онѣ дороже въ 8—20 разъ. Какъ видимъ, провозъ товаровъ не удешевился сколько-нибудь значительно до самой постройки желѣзныхъ дорогъ, и не въ этой дороговизнѣ заключалось главное затрудненіе древне-русской торговли. Гораздо важнѣе была невозможность постояннаго и быстраго обращенія товаровъ, связанная какъ съ состояніемъ путей сообщенія, такъ и съ общимъ уровнемъ экономическаго развитія страны. Провезти товаръ по лѣтней дорогѣ стоило, по крайней мѣрѣ, вчетверо дороже зимняго провоза; такимъ образомъ, вся сухопутная перевозка останавливалась лѣтомъ. Обмѣнъ товаровъ между внутреннимъ и внѣшнимъ рынкомъ совершался одинъ разъ въ годъ, и этотъ однократный оборотъ производился на протяженіи полугода для иностранныхъ купцовъ и цѣлаго года для русскихъ. Періодичность и медленность товарнаго оборота создала въ Россіи тѣ же формы торговли, которыя вообще свойственны примитивному экономическому быту. Передвиженіе товаровъ въ странѣ приняло форму *караваннаго* транспорта, наиболѣе приспособленнаго къ недостаточной безопасности русскихъ дорогъ и къ періодической массовой перевозкѣ товаровъ. Необходимость скоплять товары въ извѣстное время года въ извѣстномъ мѣстѣ создала періодическіе съѣзды купцовъ и покупателей, а это придало торговлѣ *ярмарочный* характеръ. Наконецъ, неустойчивость и непостоянство торговыхъ связей заставили торговцевъ смотрѣть на каждую отдѣльную сдѣлку, какъ на первую и послѣднюю въ своемъ родѣ, и этимъ опредѣлили низкій уровень сословной нравственности, вошедшій въ пословицу и у иностранныхъ, и у своихъ наблюдателей. Всѣ эти явленія, конечно, начинаютъ теперь исчезать съ уничтоженіемъ породившихъ его условій. Караваны и ярмарки теряютъ свой смыслъ съ появленіемъ дешеваго, быстраго и регулярнаго пароваго транспорта; поэтому, несмотря на общее оживленіе промышленной жизни, ярмарочные обороты или стоятъ въ послѣднее время на одной точкѣ, или, съ начала прошлаго десятилѣтія, начинаютъ довольно быстро уменьшаться. Осѣдлая торговля развивается повсюду на счетъ ярмарочной; мѣстные рынки теряютъ свою замкнутость и сливаются мало-по-малу въ одинъ общій рынокъ, подчиняющійся общимъ условіямъ русской и даже всемірной промышленной жизни. Лучшимъ признакомъ та-

---

деньги это составитъ около 5—7 коп. торговой платы и около 2 1/2 коп. казенной. Послѣдняя цифра совершенно соотвѣтствуетъ среднимъ прогонамъ «Почтоваго Дорожника» 1850 года.

кого объединенія рынка является установленіе однообразныхъ цѣнъ на товары, которые до того подчинялись разнообразнымъ условіямъ производства и сбыта на мѣстныхъ, болѣе или менѣе ограниченныхъ рынкахъ. У насъ, въ Россіи, движеніе хлѣбныхъ цѣнъ—вотъ тотъ пульсъ, который всего нагляднѣе можетъ свидѣтельствовать, насколько быстро совершается кровообращеніе въ русскомъ экономическомъ организмѣ. Громоздкій и капризный товаръ, хлѣбъ, только при болѣе или менѣе совершенномъ объединеніи рынка, можетъ быстро приспособляться къ колебаніямъ рыночной цѣны. Поэтому, изолированность мѣстныхъ рынковъ скорѣе всего отзовется разнообразіемъ мѣстныхъ хлѣбныхъ цѣнъ. Въ XVI и XVII вв. разница *въ 4—6 разъ* между мѣстными цѣнами ржи составляла самое обычное явленіе; иногда даже въ сосѣднихъ мѣстностяхъ (напр. Москва и Кашира, или Суздаль; Новгородъ и Олонецкая губ.) цѣны разнились втрое. Въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка цѣна четверти ржи колебалась между 30 к. (Ливны, Пронскъ и Алатырь) и 2 р. 24 к. (Псковъ); средними же цѣнами для юго-востока были около 50 к., а для сѣверо-запада около 1 р. 50 к. за четверть. Другими словами: при средней разницѣ *въ три раза*, въ отдѣльныхъ случаяхъ хлѣбныя цѣны колебались до $7^1/_2$ разъ. Еще сто лѣтъ спустя (1847—1853), низшая средняя цѣна четверти (въ Оренб. г.) была 1 р., а высшая (въ Петерб. г.) 5 р. 50 к., т. е. въ $5^1/_2$ разъ больше; но между юго-востокомъ и сѣверо-западомъ Россіи вообще—разница въ цѣнѣ ржи была уже не болѣе, чѣмъ *вдвое*. Въ степной полосѣ рожь стоила 2 р. за четверть, а въ сѣверной полосѣ около 4 р.; центральная полоса занимала промежуточное положеніе съ цѣнами $2^1/_2$—$3^1/_2$ р. Наконецъ, въ 1881—87 гг. въ тѣхъ же мѣстностяхъ цѣны ржи были: въ степной полосѣ 64 к. за пудъ, на сѣверѣ—около рубля, въ центральныхъ губерніяхъ—отъ 74 до 90 коп. за пудъ. Другими словами: теперь цѣны разнятся не болѣе, какъ въ *полтора раза*; и даже разница между самой высокой цѣной (Петерб. 1 р. 22 к. за пудъ) и самой низкой (Уфим. 50 к.) составляетъ менѣе $2^1/_2$. Русскій хлѣбный рынокъ очень быстро приспособляется теперь къ колебаніямъ хлѣбныхъ цѣнъ на всемірномъ рынкѣ, но ему далеко еще до того, чтобы, подобно Америкѣ, регулировать эти цѣны самостоятельно. Вынужденная продажа хлѣба производителями по низкимъ осеннимъ цѣнамъ и вынужденная покупка его по высокимъ весеннимъ — составляетъ первое препятствіе для участія Россіи въ созданіи международныхъ цѣнъ; но главная причина пассивной роли Россіи на международномъ рынкѣ заключается, конечно, въ общихъ

условіяхъ русской экономической жизни, вызывающихъ и только-что упомянутую покупку и продажу.

Изолированность мѣстныхъ рынковъ, караванный характеръ перевозки товаровъ и ярмарочный характеръ ихъ продажи и покупки—таковы, слѣдовательно, типическія черты старинной внутренней торговли Россіи. Мы уже знаемъ, что всѣ эти черты свидѣтельствуютъ о слабости обмѣна и незначительности оборотовъ внутренней торговли. Естественно, что, чѣмъ дальше мы углубляемся въ историческое прошлое Россіи, тѣмъ болѣе эта внутренняя торговля отодвигается на второй планъ, и тѣмъ замѣтнѣе преобладаетъ надъ нею торговля внѣшняя. Этотъ видъ торговли не зависитъ отъ размѣровъ потребностей данной страны, а только отъ размѣра потребностей другихъ народовъ, ищущихъ въ этой странѣ своего удовлетворенія. Вокругъ Россіи во все время ея историческаго существованія всегда были на-лицо народности съ болѣе развитыми потребностями, чѣмъ она сама. Очевидно, и торговля съ этими народностями должна была существовать, но только эта торговля носила не активный, а чисто пассивный характеръ. Другими словами, иностранные потребители нуждались въ русскихъ товарахъ, а не русскіе въ иностранныхъ: поэтому, вывозъ русскихъ товаровъ долженъ былъ преобладать надъ ввозомъ заграничныхъ, и самое веденіе торговли должно было находиться въ рукахъ иностранныхъ посредниковъ. Этими чертами и отличается внѣшняя торговля древней Россіи.

Торговые интересы привели иностранныхъ промышленниковъ и авантюристовъ на рѣчные пути внутренней Россіи, положивъ такимъ образомъ начало русской государственности. На успѣхахъ внѣшней торговли основывался и кратковременный блескъ кіевскаго юга, обѣднѣвшаго и потерявшаго политическій вѣсъ вмѣстѣ съ разстройствомъ этой торговли. Какую важную роль играли въ кіевской торговлѣ иностранные купцы,—объ этомъ, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній, мы можемъ только догадываться. Зато роль иноземныхъ посредниковъ въ новгородской торговлѣ является уже совершенно ясной. «Готскій» и «нѣмецкій» дворы, основанные въ XII вѣкѣ купечествомъ Готланда и Любека, а въ XIV вѣкѣ соединившіеся въ вѣдомствѣ городскаго ганзейскаго союза,—на нѣсколько столѣтій монополизировали всю русскую торговлю, шедшую черезъ Новгородъ. Попытка новгородцевъ создать русскую компанію «заморскихъ гостей» не повела къ устройству своего собственнаго коммерческаго флота, и поѣздки отдѣльныхъ купцовъ за море на чужихъ корабляхъ или даже отдача своего товара на коммиссію—остались разрозненными попытками частныхъ предпри-

нимателей. Новогородцамъ пришлось удовольствоваться ролью посредниковъ-монополистовъ между скупщиками товаровъ на сѣверѣ и юго-востокѣ Россіи и ганзейской конторой. Освободиться отъ владычества ганзейцевъ русской внѣшней торговлѣ удалось только тогда, когда на помощь явились иностранные конкурренты Ганзы и своими силами пробили себѣ непосредственный доступъ къ русскимъ товарамъ. Въ XV и началѣ XVI в. это были шведскіе купцы и лифляндскіе города, отвлекшіе движеніе товаровъ на сѣверъ и на югъ отъ обычнаго пути ганзейской торговли. Слѣдомъ за ними явились въ Россію и представители главныхъ промышленныхъ націй новой Европы, товарами которыхъ торговала до сихъ поръ Ганза: англичане и голландцы. Англичане имѣли для этого особыя причины, такъ какъ въ своемъ главномъ привозномъ товарѣ, сукнахъ, Ганза оказывала предпочтеніе нидерландской промышленности передъ англійской. Въ поискахъ сѣверо-восточнаго пути въ Индію нѣсколько англійскихъ кораблей попали въ Бѣлое море (1553): съ этихъ поръ завязались прямыя сношенія ихъ съ Россіей черезъ Архангельскъ. Голландцы, появившіеся въ Архангельскѣ послѣ англичанъ, нашли позицію уже занятой, получили меньше льготъ и часто должны были прибѣгать къ посредничеству англичанъ при покупкѣ русскихъ товаровъ. Русское купечество было застигнуто врасплохъ этимъ переворотомъ. Если въ Новгородѣ ему удавалось удержать въ своихъ рукахъ, по крайней мѣрѣ, посредничество въ оптовой торговлѣ русскими товарами, то въ Москвѣ оно рисковало одно время утратить и эту роль. Несравненно болѣе сплоченная, чѣмъ лѣтніе и зимніе постояльцы новгородскаго нѣмецкаго двора, англійская компанія тотчасъ принялась за постройку своихъ конторъ въ важнѣйшихъ промышленныхъ пунктахъ и разослала повсюду агентовъ, которые входили въ прямыя сношенія съ мелкими скупщиками и давали имъ за ихъ товары дороже, чѣмъ русскіе оптовые торговцы. Точно такъ же дѣйствовали и голландцы. Конечно, со стороны высшаго русскаго купечества скоро послышались жалобы, что иностранцы «оголодили» русскую землю. Въ серединѣ XVII вѣка правительство уступило, наконецъ, требованіямъ «гостей», въ услугахъ и капиталахъ которыхъ оно нуждалось для цѣлей финансоваго управленія. Иностранцы потеряли большую часть своихъ льготъ; англичане лишены были права торговать безпошлинно. По замѣчанію шведа Кильбургера (1674), «гости» стали «неограниченно управлять торговлей во всемъ государствѣ». Они хотѣли сдѣлаться исключительными посредниками между иностранными торговцами и русскими производителями и потребителями. До второй половины

XVIII в. русское законодательство ограничивало права иностранцевъ — оптовой торговлей. Стремленія до-петровскаго купечества простирались, однако, и дальше. Оно мечтало о томъ, чтобы вовсе выпроводить иностранцевъ изъ внутреннихъ городовъ Россіи, уничтожить ихъ консуловъ и агентовъ, «загородить накрѣпко дыру», продѣланную ими въ нашу землю въ видѣ извѣстной намъ коммерческой почты, — словомъ, добиться того, чтобы «какъ наши русскіе люди о ихъ товарахъ не знаютъ, такъ бы и они о нашихъ товарахъ не знали». Только объ одномъ не мечтало и въ это время русское купечество: объ активномъ вмѣшательствѣ во внѣшнюю торговлю,—о томъ, чтобы противопоставить знанію знаніе и искусству искусство, вмѣсто того, чтобы бороться на почвѣ взаимнаго невѣдѣнія. «Мнѣ кажется,—пишетъ Кильбургеръ,—что Господь Богъ, по неисповѣдимымъ причинамъ, скрываетъ еще это отъ понятія русскихъ и не показываетъ имъ выгодъ, которыя имѣетъ земля ихъ для заведенія (внѣшней) торговли». Съ помощью иностранцевъ Петръ, наконецъ, понялъ то, «что понималъ и разумѣлъ цѣлый свѣтъ» во время Кильбургера; но, несмотря на всѣ усилія, и ему не удалось опередить промышленное развитіе Россіи. Только казна вела при немъ активную торговлю за границей, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ. Торговыя компаніи, къ составленію которыхъ Петръ тщетно старался «приневолить» русское купечество, начали возникать только въ пятидесятыхъ годахъ XVIII вѣка и то не для западной, а для юго-восточной торговли, въ которой иностранцы до сихъ поръ не успѣли сдѣлаться опасными конкуррентами. Скоро оказалось, впрочемъ, что эти компаніи только злоупотребляли своимъ привиллегированнымъ положеніемъ; лишенные своихъ монополій Екатериной II, они тотчасъ потеряли всякое значеніе. Только основанная въ концѣ вѣка россійско-американская компанія пользовалась прочнымъ успѣхомъ въ отдаленномъ районѣ своихъ операцій. Не повезло и русскому судостроенію. Несмотря на всѣ субсидіи, преміи и сбавки пошлинъ, оно развивалось очень туго до самаго послѣдняго времени. Еще въ 1879 году изъ каждаго рубля, полученнаго судохозяевами за привозъ и отвозъ товаровъ въ Россію, на долю русскихъ владѣльцевъ судовъ доставалось только семь копѣекъ: остальныя 93 к. получали иностранцы, и въ томъ числѣ англичане больше полтинника (54). При всѣхъ этихъ условіяхъ, торговымъ консуламъ Россіи заграницей, появившимся со времени Петра, долго нечего было дѣлать. Въ договорахъ съ торговыми державами Россія выговаривала, правда, одинаковыя льготы для обѣихъ сторонъ, но съ русской стороны этими льготами некому было пользоваться.

Со времени Петра, однако же, положеніе внѣшней торговли успѣло сильно измѣниться. Блестящая перспектива торговли на четырехъ моряхъ, нарисованная Кильбургеромъ, сдѣлалась дѣйствительностью. Къ Бѣлому и Каспійскому морямъ Петръ присоединилъ Балтійское, Екатерина II—Черное. Вмѣстѣ съ промежуточной между ними сухопутной границей оба эти моря подѣлили почти на три равныя части весь русскій привозъ и отпускъ по европейской границѣ. Чрезвычайно выросли, наконецъ, размѣры торговли. На этомъ возрастаніи мы теперь и должны остановиться.

Въ 1654—77 гг. въ единственномъ русскомъ портѣ, Архангельскѣ, обращалось товаровъ ежегодно не менѣе, чѣмъ на 750 тыс. тогдашнихъ рублей, судя по тому, что казна собирала съ нихъ, среднимъ числомъ, по 75 тыс. руб. въ годъ, а высшая пошлина была 10%. На Петровскія деньги это составитъ вдвое больше, т.-е. до 1½ милліона ежегоднаго оборота. При Петрѣ оборотъ Архангельской ярмарки доходилъ уже до 3 милліоновъ, но благодаря переводу торговли въ Петербургъ, упалъ послѣ Петра до 300 тысячъ. Зато въ Петербургѣ оборотъ достигъ до 4 милліоновъ. Слѣдующія цифры покажутъ, какую роль игралъ въ этомъ увеличеніи ввозъ и вывозъ (въ тысячахъ рублей).

	1717—1719.		1726.	
	Вывозъ.	Ввозъ.	Вывозъ,	Ввозъ.
Архангельскъ.	2.334	597	285	36
Петербургъ.	269	218	2.403	1.550
Итого . .	2.613	815	2.688	1.586
Рига	—	—	1.550	540

Какъ видимъ, русскій отпускъ не возросъ на первыхъ порахъ, а только перемѣнилъ направленіе: на тѣ же 2.600 тыс. рублей вывозилось изъ Россіи товаровъ, но прежде 89% ихъ шло къ Бѣлому морю, а теперь то же количество направилось къ устью Невы. Зато иностранныхъ товаровъ стало привозиться въ Петербургъ на вдвое большую сумму. Наконецъ, кромѣ Архангельска и Петербурга, присоединился третій портъ, Рига, съ 1½ милл. вывоза и ½ милл. ввоза, несмотря на удары, нанесенные его торговлѣ войной. Такимъ путемъ общій итогъ внѣшней торговли въ 1726 г. превышалъ 4 милл. по вывозу и 2 милл. по ввозу. Къ серединѣ XVIII вѣка (1749) эти цифры выросли до 6,9 милл, и 5,7 милл. Какъ видимъ, ввозъ продолжалъ догонять вывозъ: первый увеличился въ 2,8 разъ, а второй только въ 1,7 раза. Можно было предвидѣть, что скоро Россія будетъ отпускать меньше, чѣмъ получать изъ-за-границы. Но извѣстные намъ таможенные тарифы, положили конецъ этому возрастанію ввоза и сохранили торговый

балансъ въ пользу Россіи, заставивъ русскихъ потребителей отказаться отъ иностранныхъ товаровъ и удовольствоваться туземными. За вторую половину XVIII в. нашъ вывозъ и ввозъ возрастали по пятилѣтіямъ (начиная съ 1754—1758 и кончая 1799—1804) слѣдующимъ образомъ (среднія цифры ежегоднаго оборота въ милліонахъ рублей) *).

Вывозъ. . . 8 — 11 — 12 — 16 — 19 — 21 — 26 — 36 — 57 — 68
Ввозъ . . . 7 — 8 — 10 — 12 — 13 — 17 — 19 — 30 — 39 — 50.

Въ какой степени искусственно поддерживался перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ, показалъ фритредерскій тарифъ 1819 года. Въ 1820 и 1821 гг. вывозъ былъ 62 и 56 милл., а ввозъ поднялся до 69 и 58 милл. Запретительный тарифъ 1822 г. возстановилъ опять перевѣсъ вывоза. За время его дѣйствія ежегодные обороты внѣшней торговли развивались по пятилѣтіямъ отъ 1824—1828 до 1844—1848) слѣдующимъ образомъ:

Вывозъ. . . . 56 — 65 — 69 — 84 — 101 **)
Ввозъ. . . . . 50 — 52 — 64 — 76 — 84.

Дѣйствіе либеральныхъ тарифовъ 50-хъ и 60-хъ годовъ и строго-охранительныхъ — 70-хъ и 80-хъ видно будетъ изъ слѣдующаго ряда цифръ (отъ 1851—1855 до 1886—1890, въ металл. рубляхъ):

Вывозъ . . . 81 — 141 — 140 — 192 — 303 — 345 — 346 — 380
Ввозъ . . . . 74 — 120 — 121 — 212 — 364 — 326 — 304 — 224.

Какъ видимъ, тарифы 50-хъ и 60 годовъ привели къ преобладанію ввоза въ десятилѣтіе 1866—1875 гг. Затѣмъ, съ возвращеніемъ къ покровительственной системѣ, началось съ 70-хъ годовъ быстрое усиленіе вывоза и столь же быстрое паденіе ввоза.

Для дополненія характеристики русской торговли, намъ остается познакомиться съ главными предметами нашего ввоза и вывоза. Изъ общаго характера нашей экономической исторіи можно уже заключить, что предметами вывоза изъ Россіи были, главнымъ образомъ, ея сырые продукты. Какіе это были продукты и въ какой послѣдовательности они пріобрѣтали первенствующее значеніе въ торговлѣ, легко угадать, припомнивъ, въ какомъ порядкѣ развивалась эксплуатація природныхъ богатствъ Россіи. Пушной

*) При оцѣнкѣ трехъ цифръ, особенно трехъ послѣднихъ паръ, необходимо имѣть въ виду, что курсъ рубля во второй половинѣ XVIII вѣка падалъ. Въ 1754 г. рубль равнялся 51 голландскому штиверу, а за десять слѣдующихъ пятилѣтій средній курсъ его былъ: 45, 44, 45, 41, 42, 38, 34, 27, 28 и 28 голл. штив. О причинахъ этого паденія курса см. ниже.

**) Въ 1847 г. былъ чрезвычайный отпускъ хлѣба благодаря неурожаю въ Европѣ.

товаръ, медъ и воскъ были одной изъ главныхъ статей отпуска со времени арабовъ и норманновъ до времени Ганзы, съ тою только разницей, что дорогіе сорта мѣховъ замѣтно отступили на второй планъ уже въ XV вѣкѣ, и ганзейцы вывозили, главнымъ образомъ, заячьи и бѣличьи шкурки. Воскъ сдѣлался въ то время главной статьей вывоза, а за нимъ выступали уже продукты земледѣлія. Первыми въ ряду этихъ продуктовъ выдвинулись, однако же, не пищевыя, а техническія растенія: не хлѣбъ, а ленъ и пенька, какъ въ сыромъ видѣ, такъ и въ видѣ холста и канатовъ. Развитію хлѣбной торговли, занявшей первое мѣсто въ нашемъ столѣтіи, мѣшали въ прошломъ вѣкѣ безпрестанныя запрещенія правительства и плохіе пути сообщенія. Вмѣстѣ съ названными статьями и другіе сырые продукты русской природы имѣли и удержали въ вывозной торговлѣ важную роль: лѣсные продукты—строевой лѣсъ, смола, деготь; продукты скотоводства—щетина и сало, а также шерсть; наконецъ, продукты горнодѣлія—желѣзо. Какую важную роль играло сырье, какъ предметъ питанія и технической обработки, въ отпускной торговлѣ двухъ послѣднихъ вѣковъ, видно изъ слѣдующей таблицы: цифры показываютъ здѣсь процентное отношеніе между пищевыми продуктами, матеріалами для промышленной обработки, готовыми издѣліями и всѣми другими предметами отпуска.

	Жизн. припасы.	Матер. для обраб.	Издѣлія.	Проч. товары
1726	1$\frac{1}{2}$	43	52	3
1749	$\frac{1}{2}$	50	40	8$\frac{1}{2}$
1778—1780	8	63	20	9
1802—1804	20	66	10	4
1851—1853	36	58	2$\frac{1}{2}$	3
1893	56	38	4	2.

Какъ видимъ, жизненные припасы играютъ все болѣе и болѣе значительную роль въ нашемъ отпускѣ; вывозъ русскихъ техническихъ матеріаловъ начинаетъ терять въ значеніи съ середины нашего вѣка; наконецъ, потребность въ русскихъ издѣліяхъ (преимущественно льняныхъ и пеньковыхъ) на заграничномъ рынкѣ быстро уменьшается уже къ концу прошлаго вѣка, и едва замѣтно поднимается въ наше время.

Взамѣнъ нашего сырья ввозная торговля могла бы снабжать Россію продуктами своей обрабатывающей промышленности. Но мы знаемъ, что до Петра спросъ на эти продукты былъ довольно незначителенъ, а послѣ Петра его задерживали искусственными мѣрами: русскій потребитель былъ отданъ въ распоряженіе фабриканта, какъ до Петра онъ находился въ распоряженіи русскаго оптоваго торговца. Въ интересахъ торговаго баланса и развитія

внутренней промышленности, ввозъ иностранныхъ издѣлій насильственно сокращался, а изъ допущенныхъ къ ввозу предметовъ все болѣе и болѣе значительную роль играли матеріалы, нужные для той же промышленности. Прилагаемая таблица ввоза пояснитъ этотъ выводъ цыфрами (въ процентныхъ отношеніяхъ):

	Жизн. припасы.	Матер. для обраб.	Издѣлія.	Проч. товары.
1726	21	27	51	1
1749	25	22	44	8
1778—1780	30	19	44	7
1802—1804	40	23	32	5
1851—1853	30	50	16	4
1893	17	62	21	—

Изъ жизненныхъ припасовъ только рыба (преим. сельди) принадлежала къ предметамъ первой необходимости; кромѣ нея, ввозились преимущественно вина и колоніальные товары. Вмѣсто готовыхъ издѣлій, преобладавшихъ среди предметовъ ввоза въ прошломъ столѣтіи, въ нынѣшнемъ безусловный перевѣсъ получили матеріалы, необходимые для русскаго производства.

Сравнивая статьи русскаго привоза и отпуска, мы убѣждаемся, что русская промышленность работаетъ почти исключительно для внутренняго потребленія. Можно спорить о томъ, много или мало переплачиваетъ русскій потребитель для поддержки русскаго фабриканта; слѣдуетъ ли предпочесть національную или интернаціональную систему обмѣна и производства; удовлетворяетъ ли національная промышленность внутреннему спросу, или опережаетъ, или даже сокращаетъ его. Рѣшать эти вопросы мы не можемъ въ предѣлахъ «Очерковъ». Но, какъ бы мы ни рѣшали ихъ, несомнѣненъ самъ по себѣ одинъ основной фактъ. За два послѣдніе вѣка внутреннее потребленіе и обмѣнъ возрасли въ огромной степени. Ихъ ростъ именно и сдѣлалъ возможнымъ и развитіе промышленности, и расширеніе оборотовъ внѣшней торговли, и, вообще, весь подъемъ русской промышленной жизни. Внѣшняя торговля, по мѣрѣ этого внутренняго развитія, должна была играть все менѣе и менѣе значительную роль въ общемъ оборотѣ народнаго хозяйства. Когда въ 1753 году уничтожены были Елизаветой внутреннія пошлины, оказалось, что казна собирала ихъ, среднимъ числомъ, по 900 тыс. рублей въ годъ. Такъ какъ внутреннія сдѣлки купли-продажи облагались 5% пошлиной, то общая цѣна всѣхъ товаровъ, обращавшихся на ярмаркахъ и во всѣхъ городахъ Россіи въ срединѣ XVIII вѣка, составляла около 18 милліоновъ. Въ то же время размѣры внѣшней торговли доходили до 12,6 милліоновъ, Эти 12,6 входили, необходимо, въ составъ 18 милл. внутренней торговли, такъ какъ каждый привозный и вывозный

товаръ кончаетъ или начинаетъ тѣмъ, что побываетъ въ народномъ оборотѣ. Стало быть, внѣшняя торговля составляла въ срединѣ XVIII вѣка 7/10 всего обращенія товаровъ въ странѣ. Въ наше время стоимость привоза и отпуска равняется, приблизительно, милліарду изъ четырехъ милліардовъ общаго оборота народнаго хозяйства, т. е. внѣшняя торговля составляетъ уже не болѣе 1/4 внутренней. Конечно, оба разсчета гадательны: въ обоихъ внутреннее обращеніе оцѣнено, навѣрное, гораздо ниже дѣйствительности. Но именно потому, что ошибка въ обоихъ случаяхъ однородна, эти цифры могутъ все-таки дать правильное понятіе о томъ, какъ сильно уменьшилось сравнительное значеніе внѣшней торговли въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. Какъ ни быстро расширялись ея обороты, развитіе внутренняго обмѣна шло, очевидно, еще быстрѣе.

Отъ исторіи внѣшней торговли мы можемъ прямо перейти къ исторіи денегъ и цѣнъ въ Россіи; и въ этой области мы найдемъ все тѣ же знакомыя намъ черты русскаго экономическаго развитія. Въ странѣ безъ рудниковъ, а въ Россіи добываніе серебра началось только при Петрѣ, добываніе же золота только съ середины прошлаго вѣка,—въ такой странѣ единственнымъ драгоцѣннымъ металломъ долженъ быть тотъ, который получается путемъ внѣшней торговли. При недостаткѣ металла наша торговля, и внутренняя и внѣшняя, до самаго конца XVII вѣка сохраняла мѣновой характеръ: оптовые торговцы платили и кредитовали другъ другу товарами. Во внутреннемъ обмѣнѣ очень долго ходили мѣха, и еще во время Петра мы встрѣчаемъ въ русскихъ захолустьяхъ въ полномъ ходу различные денежные суррогаты. Но та же слабость экономическаго развитія помогла и накопленію въ Россіи драгоцѣнныхъ металловъ. Мы видѣли, что русскій вывозъ постоянно превышалъ ввозъ. Такимъ образомъ, въ международномъ обмѣнѣ Россія всегда была въ барышѣ: она больше продавала, чѣмъ покупала, больше получала, чѣмъ платила и, стало быть, получаемыя за этотъ излишекъ вывоза чистыя деньги постоянно оставались внутри страны.

Возрастаніе въ странѣ количества металла имѣетъ самую тѣсную связь съ исторіей монеты и цѣнъ. Драгоцѣнный металлъ, какъ и всякій другой товаръ, дешевѣетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается его количество. Это удешевленіе денегъ выражается въ постепенномъ вздорожаніи цѣнъ всѣхъ остальныхъ товаровъ. Явленіе это одинаково свойственно всѣмъ странамъ; но въ Россіи вздорожаніе цѣнъ и удешевленіе денегъ совершалось втеченіе трехъ послѣднихъ столѣтій съ такой необычайной быстротой, ко-

торой экономическая исторія Запада не можетъ противопоставить ничего подобнаго. Это и понятно: такъ какъ за этотъ короткій промежутокъ трехъ-четырехъ столѣтій Россія совершила процессъ, растянувшійся болѣе чѣмъ на тысячу лѣтъ на Западѣ. Отъ самыхъ примитивныхъ формъ экономической жизни она перешла къ самымъ сложнымъ явленіямъ современнаго денежнаго хозяйства. Четыре вѣка тому назадъ деньги были слишкомъ дорогимъ и рѣдкимъ товаромъ въ Россіи сравнительно съ Западной Европой: вотъ почему съ тѣхъ поръ цѣнность денегъ успѣла упасть и всѣ товары—вздорожать слишкомъ во сто разъ. За тотъ же промежутокъ времени въ Англіи деньги успѣли подешевѣть не болѣе, какъ въ пять разъ; и даже если мы возьмемъ вдвое большій промежутокъ,—со времени Вильгельма Завоевателя,—то и тамъ мы найдемъ цѣны только разъ въ двадцать ниже теперешнихъ.

Въ московскомъ государствѣ XVI вѣка можно было купить цѣлую избу за 30 или 50 копѣекъ, корову за три четвертака и лошадь за рубль; сани со всѣмъ приборомъ стоили не больше гривенника, а за копѣйку можно было нанять на цѣлый день работника. Одинъ русскій ученый заключилъ изъ этого, что въ московскомъ государствѣ жилось необыкновенно дешево. На самомъ дѣлѣ это значитъ, что деньги были чрезвычайно дороги, то-есть, имѣли гораздо болѣе покупной силы, чѣмъ теперь. Чтобы опредѣлить покупную силу денегъ, надо сравнить цѣны одного какого-нибудь товара въ разное время, но преимущественно такого, который самъ не терялъ и не измѣнялъ внутренней цѣны. Строго говоря, такихъ товаровъ нѣтъ, но есть товары, болѣе или менѣе подходящіе. Менѣе всего подходятъ для этой цѣли колоніальные привозные товары, такъ какъ, подобно самимъ деньгамъ, они съ теченіемъ времени быстро дешевѣли,—особенно у насъ въ Россіи. Удобнѣе всего взять для сравненія хлѣбъ,—товаръ, наиболѣе необходимый для существованія и составлявшій долгое время главную пищу населенія. Въ XV-мъ вѣкѣ на 1 рубль можно было купить столько хлѣба, сколько на 130 руб. теперешнихъ. Въ первую половину XVI вѣка цѣна хлѣба была въ 83 раза ниже теперешней, а во вторую половину вѣка—уже только 74 — 60 разъ ниже. Такимъ образомъ, въ концѣ XVI вѣка на рубль можно было купить вдвое меньше хлѣба, чѣмъ въ концѣ XV вѣка; слѣдовательно, за столѣтіе покупная сила рубля упала вдвое. За тотъ же промежутокъ времени Европа пережила цѣлый экономическій переворотъ, благодаря разработкѣ рудниковъ Новаго Свѣта. Цѣны на западѣ стали не вдвое, а раза въ четыре выше прежнихъ. Трудно сказать, было ли удешевленіе русскаго рубля въ

XVI вѣкѣ отдаленнымъ отголоскомъ этихъ европейскихъ событій, или же онъ зависѣло отъ внутреннихъ причинъ. Во всякомъ случаѣ, быстрое паденіе цѣны денегъ на европейскомъ рынкѣ могло подготовить то явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся на рубежѣ XVI и XVII столѣтій. Цѣны хлѣба поднялись въ началѣ XVII в. сразу въ пять разъ, и слѣдовательно во столько же разъ уменьшилась покупная сила рубля. Вмѣсто 60 нынѣшнихъ рублей, старинный рубль сталъ равняться всего 12-ти. Внѣшнимъ толчкомъ къ такому рѣзкому возвышенію цѣнъ было, конечно, страшное разореніе, произведенное смутнымъ временемъ; но этотъ толчокъ только помогъ ослабить старинную изолированность русскаго рынка и далъ ему случай приспособиться до нѣкоторой степени къ положенію европейскаго рынка. Вѣроятно, поэтому—результатъ оказался прочнѣе породившей его причины. Отъ разоренія, произведеннаго смутой, Россія скоро оправилась, а цѣна рубля поднялась съ 12 всего до 14 рублей теперешнихъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ и до 17 къ концу столѣтія. Новое паденіе покупной цѣны рубля произошло при Петрѣ: рубль упалъ съ 17 до 9 теперешнихъ рублей. Пониженіе произошло, опять-таки, сразу и, несомнѣнно, вызвано было тѣмъ, что Петръ выпустилъ новую серебряную монету, вдвое легковѣснѣе старой. Съ тѣхъ поръ до середины XVIII вѣка рубль стоялъ на одинаковой высотѣ. Во вторую половину вѣка, послѣ новаго пониженія вѣса (мѣдной) монеты вдвое, цѣнность рубля снова начала падать, а послѣ 1788 года сразу понизилась до 5 руб. нынѣшнихъ. Объясненіе этого послѣдняго факта мы найдемъ въ томъ новомъ элементѣ, которымъ осложнилась наша денежная система въ XVIII вѣкѣ: въ неосторожномъ пользованіи государственнымъ кредитомъ.

Собственно говоря, уже Петръ Великій перешелъ отъ настоящихъ денегъ къ денежнымъ знакамъ, обращеніе которыхъ въ народѣ основывается на кредитѣ, на довѣріи къ государству. До Петра въ Россіи обращались исключительно настоящія деньги, сдѣланныя изъ драгоцѣннаго металла (серебра) и, стало быть, имѣвшія цѣну не только какъ деньги, но и какъ товаръ, Петръ замѣнилъ серебряную копѣйку мѣдной, заставивъ принимать ее по равной цѣнѣ съ серебряной копѣйкой, т.-е. сообщивъ ей принудительный курсъ. Разсчетъ правительства оправдался: курсъ мѣдныхъ копѣекъ не упалъ; но зато случилось то, что обыкновенно случается въ подобныхъ случаяхъ. При существованіи дешевыхъ мѣдныхъ денегъ, никому невыгодно было платить серебряными. Все серебро мало-по-малу исчезло изъ монетнаго обращенія, утекло въ чужія страны или было передѣлано въ вещи, и въ народномъ оборотѣ

осталась почти одна тяжеловѣсная мѣдь. При мелочныхъ расплатахъ это не представляло затрудненій, но въ крупныхъ оборотахъ расплачиваться мѣдной монетой было крайне неудобно. Необходимость облегчить обращеніе мѣдной монеты и была главной причиной, вызвавшей, по идеѣ Шувалова, первыя русскія кредитныя учрежденія (банки). Мѣдь должна была складываться въ банкахъ, а крупныя уплаты могли производиться простымъ переводомъ мѣди отъ одного предпринимателя къ другому. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сама собой явилась мысль—замѣнить мѣдные знаки бумажными свидѣтельствами банка, которыя бы давали владѣльцу ассигновку на опредѣленную сумму мѣди. Правда, при Елизаветѣ Сенатъ нашелъ эту мысль «предосудительной» и «опасной», такъ какъ бумажки не имѣли и той «внутренней цѣны», которую все-таки имѣла мѣдь. Но мѣдныя деньги, все равно, были уже кредитными знаками: переходъ къ бумажкамъ былъ только другой формой кредита. При Екатеринѣ II переходъ этотъ совершился. Правительство основало новые «ассигнаціонные» банки въ Москвѣ и Петербургѣ (1768); «ассигнаціи» этихъ банковъ должны были замѣнить въ обращеніи мѣдную монету. Милліонъ рублей капитала былъ положенъ въ запасъ банковъ, и на ту же цѣну выпущено кредитныхъ билетовъ (не ниже 25-рублеваго достоинства). Нововведеніе, такъ хорошо обставленное, понравилось публикѣ; требованія на ассигнаціи были такъ велики, что скоро понадобились новые выпуски, такъ какъ обмѣнъ ассигнацій на металлъ былъ всегда обезпеченъ, и бумажный рубль ходилъ почти въ равной цѣнѣ съ металлическимъ. Но такой способъ создавать деньги изъ ничего, путемъ выпуска новыхъ запасовъ бумажекъ, былъ слишкомъ соблазнителенъ. Когда въ началѣ второй турецкой войны (1787) понадобились усиленные расходы, правительство стало выпускать ассигнаціи, уже не соображаясь съ размѣннымъ запасомъ металла въ банкахъ, и впервые выпустило въ обращеніе билеты 10-ти и 5-ти-рублеваго достоинства. Въ результатѣ, ассигнаціи распространились въ болѣе широкихъ кругахъ публики, но цѣна ихъ начала быстро падать. Въ концѣ царствованія Екатерины за рубль ассигнаціями давали только 68 коп.; передъ войной 1812 г. уже только 50 коп., а послѣ войны (въ связи съ новымъ уменьшеніемъ вѣса мѣдной монеты въ $1^1/_2$ раза) только 25 коп. и даже 20 (1815). Въ виду такого паденія ассигнацій, самъ собой явился независимый отъ нихъ счетъ на «рубли серебромъ». Въ 1839 г. этотъ счетъ сдѣланъ былъ оффиціальнымъ: правительство ввело теперешній «рубль серебромъ» равный 3 р. 50 к. ассигнаціями. Въ 1843 г ассигнаціи были обмѣнены на новые кредитные би-

леты, безпрепятственно обмѣнивавшіеся на серебро. Извѣстно, однако, что и съ «серебрянымъ рублемъ» повторилась та же исторія: размѣнъ на серебро прекращенъ былъ со времени крымской войны, и въ результатѣ произошло новое паденіе курса. Такова, въ общихъ чертахъ, судьба нашего государственнаго кредита.

Намъ остается теперь познакомиться съ изложеніемъ частнаго кредита въ Россіи. Изъ всѣхъ явленій экономической жизни, этотъ видъ кредита развивается у насъ послѣднимъ: это и совершенно естественно, такъ какъ вообще частный кредитъ есть самый деликатный продуктъ высокаго экономическаго развитія. Отдать свой капиталъ въ чужія руки было въ древней Руси слишкомъ рискованно, да и некому, такъ какъ слишкомъ мало было промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій. Естественно, что капиталъ принималъ чаще всего форму клада: владѣлецъ предпочиталъ беречь его въ сундукѣ или даже зарыть его въ землю для лучшей сохранности. Поэтому, когда въ капиталѣ являлась надобность, не легко было найти человѣка, который бы согласился ссудить его: и отдавая свои деньги въ оборотъ, капиталистъ бралъ за рискъ чрезвычайно высокій процентъ. Въ древней Руси за ссуду обыкновенно платилось 20%. Правда, монастыри,—эти банкиры древней Россіи,—уже въ началѣ XVI в. ссужали деньги за половинный ростъ—10%. Но мы имѣемъ свѣдѣнія, что старинный двадцати-процентный ростъ былъ очень употребителенъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка. При Александрѣ I частный кредитъ сплошь и рядомъ обходился въ 10% годовыхъ, тогда какъ въ Европѣ охотно довольствовались въ это время половиннымъ размѣромъ. Если такъ много нужно было заплатить, чтобы получить капиталъ въ ссуду, то употребить его въ промышленное предпріятіе могъ побудить только еще гораздо большій барышъ. Прибыль съ предпріятія должна была быть значительно выше процента съ капитала. Крупные фабриканты увѣряли еще въ 40-хъ годахъ извѣстнаго путешественника Гакстгаузена, что при 12% за ссуду, прибыль должна быть не меньше 30—35%, чтобы предпріятіе считалось доходнымъ.

Мы знаемъ, что такая высота прибыли была обезпечена русскимъ предпринимателямъ правительствомъ съ помощью таможенныхъ тарифовъ. Правительство первое позаботилось и о томъ, чтобы дать имъ дешевый кредитъ, раньше чѣмъ сама жизнь создала условія такого кредита. За отсутствіемъ кредитныхъ учрежденій, выдача ссудъ была поручена на первыхъ порахъ монетному учрежденію: монетная контора съ 1733 года начала выдавать ссуды подъ залогъ золота и серебра съ платежомъ 8%. Въ 1754 году

*

правительство сдѣлало первую попытку организовать спеціальныя кредитныя учрежденія для долгосрочнаго земельнаго и краткосрочнаго коммерческаго кредита. Первой цѣли должны были служить два дворянскіе банка въ Москвѣ и Петербургѣ, а второй— купеческій банкъ для торгующихъ при Петербургскомъ портѣ. Ссуды выдавались изъ 6% подъ залогъ имѣній, домовъ и фабрикъ. Такимъ образомъ, опредѣлились двѣ главныя задачи, которыя съ тѣхъ поръ неизмѣнно преслѣдовались правительственными кредитными учрежденіями: «поощреніе промышленности и поддержаніе дворянскаго достоянія» (слова гр. Канкрина). Дѣла всѣхъ этихъ банковъ шли, однако же, очень плохо до самаго уничтоженія ихъ и преобразованія въ «государственный заемный банкъ» въ 1786 году. Въ 1817 г. заемный банкъ былъ вновь преобразованъ, и въ то же время открытъ опять особый «коммерческій банкъ». Съ этихъ поръ мы получаемъ возможность слѣдить за оборотами обоихъ банковъ и можемъ составить себѣ понятіе о состояніи русскаго кредита въ первой половинѣ столѣтія. Мы видѣли, что русскіе капиталы упорно прятались отъ промышленнаго употребленія; только высокій доходъ могъ преодолѣть страхъ передъ рискомъ и принудить владѣльца отдать свои деньги въ оборотъ. Но отдать деньги въ государственное учрежденіе казалось совершенно безопаснымъ; притомъ же, онѣ не только были тамъ цѣлѣе, чѣмъ дома, а еще и давали владѣльцу безъ всякихъ хлопотъ съ его стороны хотя бы небольшой процентъ. Для заграничныхъ капиталовъ этотъ процентъ, выдаваемый русскимъ банкомъ, оказывался даже больше, чѣмъ можно было получить въ то время за границей. Вотъ почему приливъ капиталовъ въ банки, и въ томъ числѣ иностранныхъ, оказался очень значительнымъ: количество частныхъ вкладовъ въ заемномъ и коммерческомъ банкахъ поднялось въ теченіе 1817—1857 гг. съ 23 милліоновъ до 300. Но охотниковъ воспользоваться для промышленныхъ цѣлей скопившимися капиталами было далеко не такъ много. Учетъ векселей пошелъ-было бойко въ первые 4 года, но тотчасъ же обнаружились злоупотребленія; правительство принуждено было принять строгія мѣры противъ неблагонадежныхъ векселей, и размѣры операціи до самой середины 40-хъ годовъ колебались около той же цифры (11 мил.), съ которой начались въ 1818 году; съ тѣхъ поръ эта цифра стала возрастать, но къ серединѣ вѣка учетъ векселей составлялъ не болѣе 4—5% всѣхъ оборотовъ заемнаго банка. А между тѣмъ банкъ учитывалъ по 8—6½% вмѣсто 15—12% учета у частныхъ банкировъ. Еще меньшихъ размѣровъ (2½% оборотовъ) достигъ учетъ товаровъ, непрерывно падавшій съ 1817 года. Такимъ обра-

зомъ, «операціи, преимущественно направленныя на оживленіе торговыхъ оборотовъ и фабричной дѣятельности», развивались крайне вяло. Важную услугу оказала торговлѣ возможность перевода денегъ черезъ коммерческій банкъ; но размѣры этой операціи тоже не возрастали замѣтно, колеблясь между 20—40 милліонами. Очевидно, и въ этомъ случаѣ банкъ удовлетворялъ только существующему спросу, не создавая новаго. Съ этими деньгами банкъ, конечно, не могъ предпринимать никакихъ оборотовъ; но и вкладовъ, отданныхъ въ процентное обращеніе, ему некуда было дѣвать. За неимѣніемъ другого дѣла, банкъ занимался операціями съ разными процентными бумагами, но это не могло дать помѣщенія его капиталамъ. Между тѣмъ, вкладчикамъ банкъ долженъ былъ платить узаконенные 5 процентовъ. Чтобы обезпечить ихъ банку, правительство съ 1825 г. распорядилось передавать капиталы коммерческаго банка въ заемный, который долженъ былъ раздавать ихъ въ видѣ ссудъ желающимъ за 6% и платить $5^1/_2$% коммерческому банку. Но и въ заемномъ банкѣ было такъ же трудно обезпечить помѣщеніе капиталамъ вкладчиковъ. Спросъ на ссуды былъ и здѣсь настолько малъ, что его не хватало даже для помѣщенія денегъ собственныхъ вкладчиковъ заемнаго банка. За 1820—1857 гг. число ссудъ, выданныхъ подъ залогъ имѣній, фабрикъ и домовъ, поднялось съ 10 до 50 мил., а количество вкладовъ увеличилось за тотъ же промежутокъ времени съ 23 мил. до 62-хъ. Такимъ образомъ, деньги коммерческаго банка оказывались безусловно лишними. Чтобы задержать приливъ вкладовъ и увеличить спросъ на ссуды, банки съ 1830 года стали платить вкладчикамъ 4%, вмѣсто 5%, и выдавать ссуды за 5%, вмѣсто 6%. Но это ничуть не измѣнило положенія дѣла, и правительство, наконецъ, нашло помѣщеніе для коммерческихъ капиталовъ въ своемъ собственномъ казначействѣ. За недостаткомъ частныхъ требованій, свободные капиталы были употреблены «на разныя общественныя предпріятія и казенныя надобности». Въ моментъ ликвидаціи старыхъ кредитныхъ учрежденій, въ 1860 году, казна была должна заемному банку 250 милліоновъ, т.-е. въ ея распоряженіи находилось почти $^4/_5$ всѣхъ вкладовъ заемнаго банка (318 мил.).

За то въ этотъ самый моментъ въ положеніи русскаго кредита наступила рѣшительная перемѣна. Первые признаки этой перемѣны сказались въ 1857 году, когда правительство снова понизило процентъ—по вкладамъ до 3% и по ссудамъ до 4%. На этотъ разъ цѣль пониженія была достигнута: вклады быстро начали отливать и искать себѣ другого помѣщенія. Спеціальный комитетъ, назначенный для обсужденія вопроса, рѣшилъ понизить еще

процентъ—до 2%, ликвидировать существовавшіе тогда государственные банки и предоставить организацію кредита частнымъ предпринимателямъ. Съ этихъ поръ мы присутствуемъ при необычайномъ ростѣ кредитныхъ учрежденій. Независимо отъ вновь учрежденнаго Государственнаго банка, съ 60-хъ годовъ начали быстро возникать акціонерныя и общественныя кредитныя предпріятія. Изъ 10-ти дѣйствующихъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ 2 основаны въ 1862 году, остальные въ 1871—1873 гг. Изъ 39-ти коммерческихъ банковъ 7 учреждены въ 1864—1870 гг. и 21 въ 1871—1873 гг. Изъ 248 городскихъ общественныхъ банковъ до 1857 г. существовало всего 21; въ 1862 г. ихъ было 40, а къ началу 1873 г. насчитывалось уже 222. Къ тому же времени дѣйствовала уже половина нынѣ существующихъ обществъ взаимнаго кредита (52 изъ 108). Наконецъ, число сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которыя начали устраиваться по образцу Шульце-Деличевскихъ съ 1866 года, дошло черезъ 20 лѣтъ до 712. Надо прибавить, что въ началѣ 80-хъ годовъ количество всѣхъ этихъ учрежденій было еще больше, чѣмъ теперь: многія изъ нихъ закрылись, не переживъ періода акціонерной горячки *).

Какъ видимъ, въ исторіи кредита мы наталкиваемся опять на то же явленіе, съ которымъ не разъ встрѣчались въ другихъ областяхъ русской экономической жизни. Послѣ крайне медленнаго роста въ теченіе вѣковъ, экономическое развитіе Россіи сразу двигается впередъ со второй половины нашего вѣка съ такой быстротой, которая не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ прошломъ. Полное измѣненіе всѣхъ условій экономическаго быта ведетъ русскую жизнь къ еще болѣе рѣшительному разрыву со всѣмъ ея прошлымъ, чѣмъ мы могли это предположить, слѣдя за перемѣнами въ количествѣ населенія и въ его разселеніи на территоріи Россіи. Но здѣсь, какъ и тамъ, мы постоянно отмѣчали и обратную сторону дѣла. Отставъ отъ своего прошлаго, Россія далеко еще не пристала къ европейскому настоящему. Въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ экономической жизни мы могли наблюдать то огромное разстояніе, которое отдѣляетъ Россію отъ наиболѣе развитыхъ странъ Европы. И, подводя теперь итогъ всему сказанному, мы опять должны напомнить, что весь этотъ грандіозный ростъ нашего промышленнаго развитія до сихъ поръ покоится на фундаментѣ, отчасти слишкомъ элементарномъ, отчасти слишкомъ искусственномъ. Русская промышленность сдѣлала колоссальные успѣхи,—

*) Въ 1883 г. насчитывалось 15 земельныхъ банковъ, 34 коммерческихъ, 306 общественныхъ, 115 взаимнаго кредита и 756 ссудо-сберегательныхъ товариществъ.

но государство все еще не рѣшается предоставить ее ея собственнымъ силамъ. Русская торговля чрезвычайно расширила свои обороты; но подавляющій процентъ нашего вывоза продолжаетъ состоять изъ сырья, и въ томъ числѣ хлѣбъ составляетъ болѣе половины всей суммы. Русская желѣзнодорожная сѣть быстро достигла значительныхъ размѣровъ, но, во-первыхъ, изъ каждаго рубля, затраченнаго на желѣзныя дороги, частные предприниматели внесли только 8 коп., а остальныя 92 коп. доплатило правительство; а во-вторыхъ, главный доходъ доставляютъ желѣзнымъ дорогамъ хлѣбные грузы и сельскіе рабочіе. Обращеніе капиталовъ въ странѣ значительно усилилось, но большая часть этихъ капиталовъ употребляется для того, чтобы обернуться съ русскимъ урожаемъ: каждую осень деньги отливаютъ изъ банковъ въ провинцію, и потребность въ денежныхъ знакахъ усиливается настолько, что правительство къ этому времени дѣлаетъ усиленные выпуски новыхъ бумажныхъ денегъ. Сдѣлавъ свое дѣло, т.-е. купивъ и продавъ хлѣбъ, деньги снова возвращаются въ правительственныя и частныя кассы.

Всѣ эти признаки слабаго промышленнаго развитія такъ же ярки, какъ и тѣ черты, которыми харакеризуется быстрый промышленный ростъ Россіи, Естественно, что оба ряда противоположныхъ признаковъ повели къ двумъ противоположнымъ пониманіямъ общаго хода русской экономической жизни. Тѣ, кто обращалъ преимущественное вниманіе на *процессъ* экономическаго роста, не могли не отмѣтить полнаго сходства этого процесса съ тѣмъ, который прошла когда-то и Западная Европа. Напротивъ, тѣ, которые останавливались, главнымъ образомъ, на *результатахъ* этого процесса, не могли не быть поражены совершеннымъ своеобразіемъ этихъ результатовъ, слишкомъ мало похожихъ на тѣ, которыхъ достигла теперь Западная Европа. Съ нашей точки зрѣнія обѣ стороны спорятъ о разныхъ вещахъ, и обѣ могли бы быть правы, если бы не примѣшивали своихъ принципіальныхъ разногласій къ спору о наличности данныхъ фактовъ. Выдвигая эти разногласія впередъ, «марксисты» и «народники» даютъ намъ лишь новый варіантъ стариннаго спора между западниками и націоналистами,— спора, вытекающаго на этотъ разъ изъ столкновенія двухъ непримиримыхъ міровоззрѣній, — научнаго и этическаго. Въ этомъ смыслѣ, ихъ споръ еще послужитъ предметомъ нашей бесѣды совсѣмъ въ другомъ отдѣлѣ этихъ «Очерковъ».

Пособіями для этого отдѣла послужили, кромѣ названныхъ раньше, слѣдующіе общіе статистическіе очерки: Военно-статистическій сборникъ, вып. IV, Россія. Спб. 1871 г. Фабрично-заводская промышленность и торговля Рос-

сіи. Изд. Д-та Торговли и Мануфактуръ (по поводу выставки въ Чикаго). Спб. 1893.—*Д. Моревъ.* Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи. Изд. 4-е, Спб. 1894. Изъ спеціальныхъ изслѣдованій: *Бржозовскій.* Историческое развитіе русскаго законодательства по почтовой части (въ Юридическомъ сборникѣ Мейера, Казань, 1855); *Ганъ*, о почтахъ въ Россіи (въ Сборникѣ стат. свѣд. о Рос., изд. стат. отд. Имп. Р. Геогр. О., книжка II, Спб. 1854). — *А. С. Лаппо-Данилевскій.* Поверстная и указная книга Ямскаго приказа, Спб. 1890. — *В. Ключевскій.* Русскій рубль XVI—XVIII въ въ его отношеніи къ нынѣшнему (въ чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1884, I и отдѣльно).—*А. Егуновъ.* О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. М. 1855.—*Бережковъ.* О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Спб. 1879 г. (въ Зап. Истор.-фил. факульт. Спб. унив.). — *А. Никитскій.* Исторія экономическаго быта великаго Новгорода, чтенія Общ. Ист. и Др. 1893, I—II. — *Костомаровъ.* Очеркъ торговли Моск. госуд. въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1862.—*Кильбургеръ.* Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, какимъ образомъ оная производилась черезъ всю Руссію въ 1674 году, перев. Языкова. Спб. 1820.—*Ф. Г. Вирстъ.* Разсужденія о нѣкоторыхъ предметахъ законодательства и управленія финансами и коммерціею Россійской имперіи, перев. И. Степанова, Спб. 1807.—*Заблоцкій.* Сравнительное обозрѣніе внѣшней торговли Россіи за послѣднія 25 лѣтъ (1824—1848) въ Сб. стат. свѣдѣній о Россіи, кн. I, Спб. 1851.—*Небольсинъ.* Стат. обозрѣніе внѣшней торговли Россіи. Спб. 1850. 2 части.—*В. Гольдманъ.* Русскія бумажныя деньги. Спб. 1867.—*Е. Ламанскій.* Историческій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи съ 1650 по 1817 годъ и *его же* Статистическій обзоръ операцій государственныхъ кредитныхъ установленій съ 1817 г. до настоящаго времени (обѣ статьи въ Сб. статистич. свѣдѣній о Россіи, кн. II, Спб. 1854).—*И. Кауфманъ.* Статистика русскихъ банковъ. Спб. 1872 (ч. 1-я). Статьи о «банкахъ» и «желѣзныхъ дорогахъ» въ Энциклопедич. словарѣ Арсеньева и Петрушевскаго.

ИЗЪ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА

I.

Колыбельная пѣсня.

Баю баюшки, спи въ колыбели своей!
Твой отецъ былъ одинъ изъ народныхъ вождей,
И красавицей мать въ нашемъ кланѣ слыла,—
Но обоихъ, увы, рано смерть отняла.

* * *

Баю баюшки, спи въ колыбели своей!
И долины, и гладь изумрудныхъ полей—
Все твое! Охраняя твой сонъ отъ врага,
На стѣнѣ крѣпостной затрубили рога.

* * *

Баю баюшки, спи! А настанетъ чередъ—
Поведешь ты бойцовъ за собою впередъ:
Приближается жизнь съ вѣковою борьбой,
И приноситъ заря пробужденье съ собой.

II.

Умирающій бродяга.

Гонимый невзгодою странникъ,
Соблазна грѣховнаго данникъ,
Лишенный отчизны изгнанникъ—
Навѣкъ успокоился онъ.

Съ тоскою воздѣтыя руки,
Рыданья предсмертнаго звуки,
И—кончились тяжкія муки,
И путь безнадежный пройденъ.

Обрядъ совершили прощальный,
Пропѣли псаломъ погребальный,
Вдали замираетъ печальный
Торжественный звонъ.

Теперь не страшны̀ ему: холодъ,
Нужда, непогода и голодъ,
Пусть сыплетъ ударами молотъ,—
Заснулъ онъ,—и тихъ его сонъ!

О. Чюмина.

ДЕРЕВЕНСКІЯ КАРТИНКИ.

I.

Ребята.

За околицей, на пригоркѣ, съ котораго круто падаетъ внизъ дорога, остановилась маленькая дѣвочка, въ одной рубахѣ изъ грубаго домашняго холста, стриженая и босая. Звонкимъ голосомъ она крикнула:

— Эй, Латынецъ!.. Горюнъ!.. Паукъ! ау!

Ей снизу отвѣтили:

— Э-гей, Вострякъ! иди сюда-а-а!..

Подъ горой, гдѣ протекалъ ручей, на плоскомъ прибрежьи, усѣянномъ мелкими камешками, виднѣлась кучка ребятишекъ. Дѣвочка сбѣжала къ нимъ, но вскорѣ вернулась, ведя за собою трехъ мальчиковъ; это и были Паукъ, Горюнъ и Латынецъ. Паукъ везъ маленькую телѣжку, Горюнъ тащилъ на веревочкѣ старый лапоть, нагруженный пылью и камешками и тоже изображавшій, вѣроятно, какой-нибудь экипажъ; Латынецъ ѣхалъ верхомъ на палкѣ, подгоняя ее веревочнымъ кнутикомъ. Они шли, загребая ногами теплую пыль, лежавшую на дорогѣ толстымъ слоемъ, и подымали цѣлыя облака. Когда же всѣ вошли въ деревню, Вострякъ захватила полныя пригоршни пыли, подбросила ее высоко вверхъ и звонко крикнула:

— Пожа-а-а-аръ!

Легкая пыль, клубясь, расползалась и повисала въ безвѣтренномъ воздухѣ и дѣйствительно походила на дымъ. Шалость Востряка увлекла и мальчиковъ; къ нимъ стали присоединяться другія дѣти, выбѣгавшія на крикъ; толпа наростала, какъ снѣжный комъ, и какъ ураганъ неслась вдоль деревни, вздымая цѣлую тучу пыли и оглашая воздухъ крикомъ:

— Пожаръ! пожаръ! пожаръ!

Дѣти остановились только на другомъ концѣ деревни, у пруда; всѣ они были покрыты пылью съ головы до ногъ, словно сѣрою пеленой, и лишь глаза сверкали, да красныя губы выдѣлялись на этихъ фигурахъ, сплошь и густо затушеванныхъ однимъ пыльнымъ тономъ.

— Ребята, купаться!

— Валяй!

Эта толпа жила одной жизнью. За словомъ у нея тотчасъ же слѣдовало дѣло; дѣти моментально посбрасывали рубахи и начали шлепаться и кувыркаться въ водѣ, наполняя воздухъ визгомъ, гамомъ, смѣхомъ и водяною пылью. Они барахтались и ныряли до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые не начали синѣть и стучать зубами. Не смотря на жаркое время года, вода въ прудѣ, питавшемся изъ родниковъ, была холодна. Тогда Вострякъ предложила:

— Братцы! идемте грѣться на мелочь, гдѣ свиньи валяются... тамъ горячая, небось, грязь-то...

Дѣти перебѣжали къ устью пересохшаго ручейка. Вода въ его руслѣ стояла лишь кое-гдѣ лужицами, а самое устье было наполнено жидкой грязью, растолченой скотомъ. Озябшіе ребятишки распласталиcь въ этой теплой, липкой грязи, выражая большое удовольствіе отъ ощущенія пріятной теплоты.

— Хрю, хрю! я свинка,—заявилъ Паукъ, валяясь въ грязи.

Сравненіе понравилось, и никто не захотѣлъ отстать отъ Паука; одни пожелали быть большими свинками и начали вторить ему хрюканьемъ, другіе удовольствовались ролью поросятъ и визжали.

Черезъ полчаса вся ватага очутилась уже далеко за деревней, въ ржаномъ полѣ, пробираясь по узкой, поросшей травою полевой дорожкѣ, тянувшейся между двухъ стѣнъ густой высокой ржи. Впереди шла Вострякъ, коноводившая ватагой; ея штабъ составляли Паукъ, Горюнъ и Латынецъ.

Этой дѣвочкѣ могло быть лѣтъ десять; тоненькая, сухая, живая и юркая, какъ ртуть, съ быстрыми глазенками, скорою рѣчью и звонкимъ рѣзкимъ голосомъ, она отличалась маленькой головкой, острой мордочкой съ острымъ носикомъ и острымъ подбородкомъ... Всей своей фигуркой она вызывала въ умѣ представленіе именно о чемъ-то остромъ, и вполнѣ оправдывала свое прозвище.

Паукомъ прозывался мальчикъ съ огромной головой на

толстомъ, шарообразномъ туловищѣ, съ большимъ животомъ, короткими, кривыми ногами и длинными худыми руками.

Горюнъ былъ кроткое, хилое, безобидное существо, а Латынецъ—косноязычный.

— Я знаю, какъ пройти ближе,—сказала Вострякъ и свернула съ дороги въ рожь, на межу. Чтобы не топтать колосьевъ, ребята растянулись за нею по межѣ длинной вереницей. Рожь была такъ высока, что они не только скрывались въ ней, но едва доставали до колосьевъ, подымая кверху руки. Дѣти шли во ржи какъ въ лѣсу; тамъ было невыносимо жарко и душно.

Черезъ четверть часа они вышли на большую проселочную дорогу.

— Братцы, гляди! никакъ это Совушка?—сказала Вострякъ, останавливаясь.

По дорогѣ частыми, мелкими шажками брелъ маленькій, немного сгорбленный старичокъ, босой, одѣтый въ короткій заплатаный кафтанишко, набойчатые вылинявшіе порты, съ сумкой черезъ плечо и въ огромной, походившей формою на архіерейскую митру, шапкѣ, страшно засаленной и дырявой, съ торчащими изъ дыръ клочками хлопьевъ. У старика было темное худое лицо, съ мелкими морщинками; на видъ ему можно было дать лѣтъ восемьдесятъ-девяносто. Если онъ былъ не совсѣмъ слѣпъ, то, во всякомъ случаѣ, видѣлъ очень плохо; это было замѣтно и потому, какъ онъ ощупывалъ палкою дорогу, и потому, какъ смотрѣлъ своими тусклыми, не моргающими глазами.

Ребятишки сплотились около Востряка и стали о чемъ-то совѣщаться, а потомъ тихо двинулись на встрѣчу старику. Подойдя на близкое разстояніе, они вдругъ съ крикомъ и гвалтомъ окружили его со всѣхъ сторонъ.

На лицѣ старика явилась жалкая дѣтская гримаса, какъ у ребенка, когда онъ собирается заплакать. Онъ остановился и замахалъ вокругъ себя палкой, торопливо бормоча:

— Я васъ!.. вотъ я васъ, пострѣлята!.. палкою!.. вотъ я васъ палкою!..

Но пострѣлята мало боялись его палки; они атаковали его еще смѣлѣе и дружнѣе.

— Совушка! спой намъ про Совушку,—кричали одни.

— Совушка! разскажи про пьяницу,—требовали другіе.

— Нѣтъ, совушку! совушку!.. валяй намъ совушку!

— Ну, пой, что ли, старый хрычъ, пой!

— Пой, говорятъ тебѣ, пой! а то вздуемъ...

Нѣкоторое время старикъ успѣшно отбивался палкой, но скоро онъ сталъ уставать; замѣтивъ это, одинъ изъ мальчишекъ дернулъ его сзади и увернулся отъ удара; его примѣру послѣдовалъ другой, и началась настоящая травля. Старикъ злился и изо всѣхъ старческихъ силъ старался огрѣть кого-нибудь палкой; ребятишки осмѣлѣли, разгорячились, увлеклись и съ азартомъ теребили его со всѣхъ сторонъ. Въ этой неравной борьбѣ старикъ напоминалъ устарѣвшаго волка, затравленнаго стаей псовъ; видя, что ему нѣтъ спасенія, онъ садится на землю и щелкаетъ беззубыми челюстями, пока какой-нибудь пёсикъ посмѣлѣе не бросится на него, а за нимъ и вся стая не покроетъ звѣря.

Вдругъ, старикъ опустился на землю и заплакалъ въ голосъ, какъ ребенокъ.

Галдѣвшая толпа моментально стихла и стала, какъ вкопанная. Удивленныя мордочки неподвижно уставились въ старческое лицо, сморщившееся и плакавшее совершенно по дѣтски. Кто-то, было, хихикнулъ, но его сразу оборвали:

— Чего скалишь зубы-то?

— Черти, нашли на кого нападать!.. Право, окаянные!..

— Чего лаешься-то? самъ не нападалъ?

— Самъ... извѣстно... я за вами...

— Дѣдушка!—сказала Вострякъ, нагибаясь къ старику,— не плачь, родненькій!.. мы больше не будемъ.

— Совушка! мы, вѣдь, это только такъ.

— Извѣстно, а ты, рази, думалъ мы взаправду?

— Вставай, Совушка!

— Давайте, братцы, мы его подымемъ.

— Не замай! пусть его отдохнетъ маленько.

Сидя на землѣ, старый ребенокъ продолжалъ плакать. Совушка былъ единственнымъ живымъ памятникомъ недавно исчезнувшей съ лица земли цѣлой деревни; всѣ жители ея разбрелись, ушли въ переселеніе, самое мѣсто, гдѣ она стояла, было распахано, и лишь онъ, какъ слишкомъ дряхлый для далекаго путешествія, остался сложить свои кости на старомъ кладбищѣ приходской церкви. Его кормили три деревни, подѣлившія между собою землю переселенцевъ.

Наконецъ, Совушка утѣшился и всталъ, старчески-дѣтское лицо его уже счастливо улыбалось, лишь въ морщинкахъ щекъ остались слѣды необсохшихъ слезъ. Теперь онъ сдѣлался сговорчивѣе и сразу сдался на просьбу дѣтей спѣть

„Совушку“. Покачиваясь слегка въ тактъ, онъ запѣлъ слабымъ дрожащимъ старческимъ голосомъ:

— Эхъ, Сова моя, Совушка!
Сова черноброваая,
Зарѣчная барыня,
Грозная княгиня,
А гдѣ жъ ты бывала?
А гдѣ жъ ты живала?
— Бывала я, Совушка,
Живала я, вдовушка,
Во темномъ лѣсищѣ,
Во старомъ дуплищѣ...

Дальше разсказывалось, какъ эту Совушку просватали за Бѣлаго Луня и какъ при этомъ:

Витютень-то сватъ былъ,
Воробей дружкомъ,
А грачъ-то подружьемъ,
Ворона-то свахою,
А галка стряпухою,
Сорока скакухою,
А воронъ-то поваръ,
По двору летаетъ,
Куръ собираетъ и т. д.

Дѣти окружили Совушку плотной толпой и повели его въ деревню. Одни приподнимали его сумку, чтобы ему было легче нести ее, другіе тащили за кафтанъ, третьи слегка подталкивали его сзади, а нѣкоторые даже помогали ему переставлять палку, всѣмъ хотѣлось чѣмъ-нибудь помочь старику...

II.

Пастухи.

Раннее утро. Солнце только-что поднялось надъ дальнимъ лѣсомъ и огнистыми косыми лучами начинаетъ заливать сѣрое поле. На травѣ блеститъ роса. Вдали надъ рѣчкой повисъ туманъ. Но роса таетъ, туманъ рѣдѣетъ...

По невспаханному паровому полю разбрелось стадо, пощипывая жалкіе остатки выбитой жесткой травы. Пастухъ, высокій, сгорбленный старикъ, опершись обѣими руками на палку и положивъ на руки подбородокъ, стоитъ неподвижный, какъ изваяніе. Лицо у пастуха исхудалое, потухшіе глаза глубоко ввалились; сожженная солнцемъ темнобурая кожа на лицѣ сморщивалась толстыми грубыми складками.

Эта загрубѣлость кожи придавала лицу пастуха видъ окаменѣлости, какого-то мертвеннаго спокойствія; казалось, оно потеряло способность отзываться на внутреннія ощущенія и выражать что-либо, кромѣ тупого равнодушія.

Пока еще не жарко—стадо спокойно, и подпасокъ Ванька Чумичка, юркій мальчуганъ лѣтъ 13-ти, сидитъ здѣсь же, возлѣ пастуха; двѣ собаки, Шарикъ и Катокъ, растянулись у его ногъ.

Пастухъ что-то говоритъ. Судя по тому, какъ жадно слушаетъ его Чумичка, разсказъ пастуха, должно быть, очень интересенъ.

— ...И не было тогда ни земли, ни неба, ни солнца, ни мѣсяца, ни звѣздочекъ,—слышится глухой монотонный голосъ пастуха:—а была одна бода—кіанъ-море... И задумалъ Господь свѣтушко создать, и призвалъ онъ Анчутку, который еще въ то время у Господа первымъ архангеломъ былъ и Сатаніиломъ звался, и повелѣлъ ему Господь: Пойди ты, говоритъ, Сатаніилъ, въ Кіанъ-море и достань мнѣ со дна песку морскаго. Полѣзъ Анчутка на дно, захватилъ песку въ руки, набилъ имъ полонъ ротъ, а когда сталъ ворочаться къ Господу—самъ себѣ и думаетъ: зачѣмъ это Господу песокъ понадобился? Пришелъ лукавый къ Богу, отдалъ весь песокъ, но чуточку за скулою утаилъ. Господь посѣялъ песокъ, сказалъ слово божественное, и сталъ тотъ песокъ рости... изъ каждой песчинки цѣлая гора выросла, и сотворилась земля... Не успѣлъ Сатаніилъ изо рта песокъ выплюнуть, какъ онъ выросъ у него тамъ съ добрую гору. Взвылъ лукавый отъ лютой боли, бросился къ Господу и давай во всемъ каяться и прощенья просить. Простилъ его Милостивый и ослободилъ...

И повелѣлъ Господь Сатаніилу двѣ кремневыя горы принести, и ударилъ Господь горою объ гору... выскочила искра, упала на землю и сотворилась человѣкомъ; ударилъ Господь двѣнадцать разъ и сотворилъ двѣнадцать человѣкъ...

И долго-долго льется мѣрная рѣчь пастуха, а солнце поднимается все выше и выше, лучи его становятся горячѣе; появляются мухи и овода, скотина дѣлается безпокойнѣе. Подпасокъ съ Шарикомъ и Каткомъ все чаще и чаще убѣгаютъ въ сторону, чтобы собирать разбредающееся стадо. Но мальчикъ при первой возможности возвращается, чтобы хоть урывками послушать интересныхъ разсказовъ дяди Михайлы. Много ужъ Чумичка наслушался отъ него чудесныхъ исто-

рій: и о сотвореніи земли, какъ сегодня, и о свѣтопреставленіи, и объ антихристѣ; узналъ, что мѣсяцъ—„божій глазокъ", что до морскаго дна такое же разстояніе, какъ до неба, и что, когда падаетъ звѣздочка, то это не звѣздочка, а ангелокъ божій слетаетъ съ неба со свѣчкой за душой умершаго праведника.

Но старикъ, вдругъ, почему-то сталъ неразговорчивъ. Чумичка догадывается, что ему сегодня очень неможется. Михайло и боленъ, и старъ,—ему давно бы пора на покой, но приходится нести тяжелую обязанность и терпѣть... И Михайло терпитъ: онъ умираетъ на ногахъ, не стоная, не охая, молчаливо, какъ животное, какъ засыхающее дерево...

Приближается полдень, начинается зной; мухи и овода цѣлыми роями нападаютъ на стадо. Подпасокъ не подбѣгаетъ ужь къ пастуху; онъ едва справляется со скотиной при помощи Шарика и Катка.

Наступаетъ полдень.

— Дядюшка Михайла, ужъ и на полдни бы гнать пора,— говоритъ Чумичка.

Дядя Михайла уже не стоитъ, а лежитъ подъ тѣнью куста, на краю вершины; силы измѣнили ему. Онъ попробовалъ, было, встать, но только махнулъ рукой и сказалъ:

— Гони съ Богомъ, Ваня... Я вотъ чуточку отдохну только... ты гони, не жди меня.

Чумичка погналъ. До деревни было версты три, но еще на полдорогѣ подпасокъ растерялъ свое стадо. Жаръ дѣлался невыносимымъ; овода десятками облѣпляли животныхъ, жалили ихъ до крови, доводили до бѣшенной ярости. Большой черный общественный быкъ, задравъ хвостъ, съ ревомъ помчался прочь отъ стада, а вслѣдъ за нимъ подрали нѣсколько бойкихъ коровъ. Чумичка выбивается изъ силъ, бросаясь во всѣ стороны, и не разъ всплакнувъ при этомъ. Шарикъ и Катокъ мечутся какъ угорѣлыя, высунувъ языки и хрипя отъ лая. Махнувъ рукой на отбившихся, подпасокъ старается довести въ цѣлости хотя остатки своей взбунтовавшейся арміи; онъ изнемогъ. На свое горе онъ захватилъ съ собою огромный тяжелый кнутъ пастуха и, не будучи въ силахъ имъ пользоватся, свилъ его кольцомъ и тащитъ какъ хомутъ на шеѣ.

Уже передъ самой деревней стадо нагнали староста и дурачекъ Петруша, они пригнали нѣсколько отбившихся коровъ.

— Вы что жъ это, черти, стадо-то распустили!..—крикнулъ издали трусившій верхомъ староста, но, замѣтивъ отсутствіе пастуха, спросилъ:

— А гдѣ же Михайло?

Чумичка заплакалъ; онъ сталъ разсказывать, какъ отсталъ пастухъ, какъ взбѣленилась скотина, и какъ онъ не могъ съ нею совладать.

— Ишь ты, грѣхъ-то какой,—проворчалъ староста.— Вся, что ли, теперь скотина-то?

— Нѣтъ, еще быка да трехъ коровъ нѣту; вонъ туда побѣжали,—махнулъ рукой подпасокъ.

— Ну?! бѣда таперича, лѣшій те дери!.. Непремѣнно въ барскій хлѣбъ заберутся... бѣда!.. Ты, Петрунька, оставайся при стадѣ, покамѣсь пастухъ не придетъ.

И староста, подгоняя лошадь пятками голыхъ ногъ и смѣшно растопыривъ локти, потрусилъ по направленію, указанному подпаскомъ.

Дурачекъ Петрунька, молодой парень, съ глупой, но добродушной физіономіей, весело осклабился; приказаніе старосты, очевидно, пришлось ему по сердцу. Увидѣвъ у пастушенка кнутъ, онъ сказалъ:

— Дакась мнѣ его.

И, взявъ кнутъ, онъ распустилъ его, поволокъ по землѣ и, полюбовавшись, какъ онъ, словно длинная змѣя, извивался по пыльной дорогѣ, сильно взмахнулъ имъ, рѣзко хлопнулъ, свистнулъ и загоготалъ во все горло:

— О-го-го-го! О-го-го-го! фить-гей! фить-гей!..

Стадо расположилось въ узкомъ мелкомъ заливчикѣ большаго пруда, въ концѣ деревни. Животныя размѣстились въ водѣ по росту: средину залива занялъ крупный рогатой скотъ, забравшись въ воду по брюхо, или выставляя только спину и голову; на мелкихъ мѣстахъ у береговъ скучивались овцы. Встревоженная поверхность воды еще не успѣла успокоиться, и улегавшіяся волны, словно задремывая подъ жаркими лучами, лѣниво ползли изъ залива на широкій просторъ, гдѣ окончательно засыпали, выравниваясь въ гладкую поверхность. Вскорѣ вся эта масса животныхъ застыла въ какой-то тяжелой дремотѣ, и только иногда взмахи коровьихъ хвостовъ, шлепавшихъ по водѣ, да изрѣдка движеніе рогатыхъ головъ нарушали впечатлѣніе мертвой окаменѣлости стада.

Чумичка, Петрунька и Шарикъ съ Каткомъ улеглись и уснули въ тѣни большой старой лозы, росшей на берегу

пруда. Въ безлюдной по случаю рабочей поры деревнѣ ни звука, ни шелеста... Ясное небо глубоко и прозрачно; знойный воздухъ душенъ и неподвиженъ, и только въ синей дали струится мелкими прозрачными волнами.

Прошелъ часъ, другой... Широкая тѣнь лозы значительно передвинулась къ сѣверо-востоку и открыла солнцу частъ тѣла Чумички. Подпасокъ безпокойно заметался подъ припекомъ жгучихъ лучей, накалявшихъ его обнаженную голову, но проснулся не сразу. Наконецъ, онъ открылъ глаза, лѣниво приподнялся, сѣлъ, поникнувъ отяжелѣвшею головою, поскребъ пятернею въ волосахъ, посмотрѣлъ на солнце и сталъ будить Петруньку.

— Петра!.. Петрунька, вставай!.. слышь, пора!

— А!.. чаво?

Петрунька приподнялъ голову, оглядѣлся кругомъ и отвѣтилъ:

— И то, малый, пора... гони!

Онъ всталъ, распустилъ кнутъ и, зайдя отъ устья заливчика, принялся за дѣло: раздался короткій, сильный, точно пистолетный выстрѣлъ, ударъ кнута, рѣзкій свистъ и гоготанье.

— Фить-гей! фить-гей! О-го-го-го-го!

Чумичка погналъ скотину съ другой стороны залива, а Шарикъ и Катокъ лаяли на нее, забравшись въ воду.

Стадо зашевелилось и стало выбираться на сушу.

Когда стадо вышло въ поле и приблизилось къ тому мѣсту, гдѣ утромъ остался пастухъ, Чумичка, поручивъ наблюденіе за стадомъ Петрунькѣ, направился къ знакомому кусту. Пастухъ лежалъ на томъ же мѣстѣ, навзничь, съ закрытыми глазами. По неподвижности и тому покою, который лежалъ на обострившихся чертахъ старика, его можно было принять за мертвеца.

— Дядюшка Михала!—позвалъ Чумичка.

Михайло медленно открылъ отяжелѣвшія вѣки, долго безсознательнымъ взоромъ глядѣлъ на мальчика, наконецъ узналъ его, съ усиліемъ раскрылъ запекшіяся губы и почти беззвучно зашевелилъ языкомъ.

Чумичка припалъ на колѣни и нагнулся къ самому лицу больнаго, чтобы разслышать его невнятный шепотъ.

— Сиротка... бѣдный!.. молись Богу, Ваня... онъ, батюшка, не оставитъ... Береги скотинку...

Пастухъ замолчалъ.

— Безъ покаянія... безъ причастія, — зашепталъ онъ опять, черезъ минуту, словно въ бреду: — Господи, прости!.. не постави во грѣхъ!

И снова замолкъ.

Чумичка видѣлъ, что пастухъ умираетъ, но не зналъ, что дѣлать. Слѣдовало бы дать знать старостѣ, но онъ боялся покинуть стадо. И подпасокъ рѣшился подождать, не проѣдетъ ли, не пройдетъ ли кто вблизи, чтобы можно было послать вѣсть въ деревню.

Уже передъ вечеромъ, никого не дождавшись и издали наблюдая за больнымъ, подпасокъ замѣтилъ, что тотъ дѣлалъ рукою какія-то движенія. Приближаясь къ пастуху, онъ видѣлъ, что тотъ крестится. Медленно приподнималъ умиравшій безсильную руку, касался ею лба, груди, плечъ, останавливался на минуту, какъ бы отдыхая, и потомъ опять, снова... Когда Чумичка подошелъ къ нему вплотную, пастухъ уже пересталъ креститься; рука его неподвижно легла на груди со сложенными для креста перстами, вѣки остались полуоткрытыми, и косые лучи солнца, заглядывая въ его безжизненные глаза, уже не заставляли ихъ щуриться.

Чумичка долго смотрѣлъ на мертвеца, потомъ присѣлъ на землю и заплакалъ въ голосъ.

А вдали дурачокъ Петрунька оралъ свое:

— О-го-го-го! О-го-го! фють-гей!..

М. Барановъ.

А. В. ЕЛИСѢЕВЪ.

Страничка изъ воспоминаній.

I.

Жаръ только что свалилъ. Дачники, прятавшіеся по своимъ дачнымъ трущобамъ, выходили подышать свѣжимъ воздухомъ. Особенно много было публики на Муринскомъ проспектѣ, около лѣтняго клуба, гдѣ лѣтніе артисты давали спектакль. Я отправился въ театръ, чтобы въ антрактахъ подышать свѣжимъ воздухомъ въ клубномъ саду. Въ Лѣсномъ въ жаркіе дни и душно, и пыльно, а вечеромъ поднимается самая предательская сырость. Это не значитъ, что Лѣсное хуже другихъ дачныхъ мѣстностей въ окрестностяхъ Петербурга,—такая же сырость, духота и пыль вездѣ.

Не помню, какая шла пьеса, но въ одинъ изъ антрактовъ знакомые указали на извѣстнаго уже тогда путешественника, д-ра Елисѣева, который гулялъ по аллеѣ вмѣстѣ съ остальной публикой. Я читалъ его статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ и какъ-то было странно видѣть этого смѣлаго изслѣдователя далекаго Востока въ какомъ-то Лѣсномъ, которое ни въ географическомъ, ни въ этнографическомъ, и ни въ какомъ вообще отношеніи не замѣчательно. Черезъ минуту мы были представлены другъ другу и сидѣли на садовой террасѣ.

— Я никакъ не ожидалъ васъ встрѣтить именно здѣсь,—удивлялся я, по привычкѣ, наблюдая новаго человѣка.—Даже какъ-то странно...

— И я тоже удивляюсь, что встрѣтилъ васъ въ Лѣсномъ. У меня здѣсь постоянное мѣстожительство...

— Да? А я нанялъ здѣсь дачу.

— Какъ дачное мѣсто, Лѣсное, пожалуй, неудобно. Очень много лѣтомъ набирается публики, а мы начинаемъ

жить, когда дачники разъѣдутся, т.-е. поздней осенью. Главное удобство—безусловная тишина, а это самое важное при работѣ.

По своей наружности д-ръ Елисѣевъ ни чѣмъ особеннымъ не выдѣлялся. Средняго роста, бѣлокурый, съ сѣрыми глазами, съ русскимъ лицомъ—и только. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлый военный китель и походилъ на армейскаго офицера. На первый взглядъ нѣсколько поражала торопливость его движеній и какая-то особенная быстрота взгляда, точно онъ постоянно куда-то спѣшилъ. Наружность „извѣстныхъ людей" рѣдко совпадаетъ съ тѣмъ представленіемъ о нихъ, какое составляешь о нихъ по ихъ сочиненіямъ. Такъ было и здѣсь. Первое впечатлѣніе меня, вообще, не удовлетворило, и я понялъ его, какъ типъ, только познакомившись съ нимъ ближе, въ его рабочемъ кабинетѣ, среди его коллекцій, книгъ и разныхъ рѣдкостей, собранныхъ со всего свѣта. Только въ этой обстановкѣ онъ дѣлался самимъ собой, тѣмъ Елисѣевымъ, котораго я уже ранѣе зналъ по книгамъ. Это былъ, если можно такъ выразиться, неисправимый путешественникъ, жертвовавшій всѣмъ для любимаго дѣла и десятки разъ рисковавшій для него собственной жизнью.

Кто изъ насъ въ дѣтствѣ не зачитывался путешествіями и кто не мечталъ сдѣлаться знаменитымъ путешественникомъ? Дѣтскій умъ рѣшаетъ вопросы „очень просто", и мы время отъ времени встрѣчаемъ въ газетахъ трагикомическія исторіи съ юными путешественниками, начитавшимися романовъ Майнъ-Рида, Густава Эмара и Купера. Эти милые мальчуганы, сбѣжавъ съ урока латинскаго языка, обыкновенно прямымъ путемъ отправляются въ Америку искать опасностей, приключеній и еще опасностей. Такія смѣлыя предпріятія заканчиваются обыкновенно путешествіемъ въ лодкѣ или поѣздкой по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ путешественниковъ возвращаютъ по мѣсту жительства. Но и большіе люди очень часто мечтаютъ о путешествіяхъ. Отчего бы въ самомъ дѣлѣ не махнуть куда-нибудь на Цейлонъ или на Огненную землю? Но эти мечты не осуществляются въ большинствѣ случаевъ просто потому, что русскій человѣкъ и географію плохо знаетъ, и съ языками знакомъ изъ пятаго въ десятое, и необходимой подготовки не имѣетъ, да еще и страшно притомъ. Оно, конечно, отчего не попутешествовать, а какъ васъ зарѣжетъ какой-нибудь хунгузъ, или, еще хуже, съѣдятъ людоѣды... Я именно съ этой точки зрѣнія и смотрѣлъ на Александра Ва-

сильевича. Вотъ человѣкъ, который осуществилъ то, о чемъ другіе едва смѣютъ мечтать. Кромѣ спеціальной подготовки къ каждому путешествію, нужна еще смѣлость.

— Скажите, Александръ Васильевичъ, неужели вы не испытывали страха, забираясь въ глухую сибирскую тайгу или на охотѣ за африканскими львами въ горахъ Атласа?—откровенно задалъ я вопросъ.

— И да, и нѣтъ... Все зависитъ отъ натуры, а затѣмъ отъ выдержки характера. Развѣ рабочій порохового завода, водолазъ, шахтарь, аэронавтъ, а больше всѣхъ врачъ—не рискуютъ каждую минуту? По моему мнѣнію, можно себя пріучить и закалить... Въ этомъ вся штука. А главное, путешественниками родятся, а не дѣлаются... Это какая-то мертвая тяга въ далекія неизслѣдованныя страны, даже тяга къ опасностямъ.

— Но, вѣдь, есть паническій страхъ, который внѣ воли человѣка?

— Право, не могу ничего сказать... Отчаяннымъ храбрецомъ себя не считаю, но особенно и бояться не приходилось. Вѣдь нѣтъ такого положенія, изъ котораго не было бы выхода... Все дѣло даже не въ какой-то храбрости или прямой отчаянности, а въ простомъ умѣньи разсчитать обстоятельства и сохранить во время опасности извѣстное хладнокровіе. Большинство, вѣдь, погибаетъ не отъ опасности, а отъ того, что люди теряютъ голову...

Для меня все-таки оставался неяснымъ вопросъ о храбрости, необходимой для каждаго путешественника. Истинно смѣлые люди, какимъ былъ покойный д-ръ Елисѣевъ, вѣроятно, не замѣчаютъ въ самихъ себѣ этого необходимаго достоинства, какъ здоровые не замѣчаютъ своего здоровья. Кстати, я припомнилъ очень трогательный разсказъ о какихъ-то французахъ-аэронавтахъ, которые перелетѣли на воздушномъ шарѣ въ Швецію. Шаръ опустился въ окрестностяхъ какого-то маленькаго городка, и матери приводили дѣтей, чтобы смѣльчаки-аэронавты благословили ихъ. Описывая Уссурійскій край, Александръ Васильевичъ говоритъ: „Опасности, быть можетъ, потому и привлекаютъ человѣка, что онѣ слишкомъ обаятельны“. Это уже поэзія опасностей...

II.

Все лѣто 1891 года мнѣ пришлось провести въ Лѣсномъ, и мы встрѣчались съ Александромъ Васильевичемъ почти каж-

дый день. Онъ особенно любилъ устраивать прогулки пѣшкомъ, причемъ отличался замѣчательной неутомимостью. Кстати, человѣкъ, который охотился на африканскихъ львовъ и амурскихъ тигровъ, какъ мнѣ казалось, побаивался простыхъ дворовыхъ собаченокъ и поэтому постоянно ходилъ съ толстой японской палкой. Впрочемъ, это, кажется, уже область идіосинкразіи,—по преданію, Петръ Великій боялся черныхъ тараканов, а кажется, человѣкъ былъ не изъ трусливаго десятка.

По вечерамъ Александръ Васильевичъ частенько завертывалъ ко мнѣ посидѣть на садовой террасѣ, поговорить, напиться чаю. У него только не было русской привычки засиживаться подолгу, завернувъ на одну минутку. Онъ самое большее могъ позволить себѣ свободный одинъ часъ—это былъ его законный отдыхъ. Было всегда жаль, когда онъ уходилъ, потому что онъ такъ хорошо разсказывалъ о своихъ странствованіяхъ по бѣлу свѣту, такъ много видѣлъ и умѣлъ видѣть, такъ много зналъ по разнымъ отраслямъ разныхъ наукъ.

— Да останьтесь, Александръ Васильевичъ... Посидите.

— Ахъ, нѣтъ, не могу... Работа, работа, работа!..

— Готовитесь опять къ экспедиціи?

— О, да...

Послѣднее онъ говорилъ такимъ удивленнымъ тономъ, точно всѣ люди должны были готовиться къ какой-нибудь экспедиціи.

Всего рельефнѣе обрисовывался Александръ Васильевичъ, конечно, у себя дома, въ той обстановкѣ, которая создавалась такимъ неустаннымъ трудомъ. Было что-то даже не русское въ этой систематизированной и выдержанной до послѣднихъ мелочей работѣ—не русское потому, что русскій человѣкъ съиспоконъ вѣковъ работаетъ какими-то взрывами, вѣрнѣе—не работаетъ даже, а страдуетъ. Александръ Васильевичъ выходитъ изъ дому только по необходимости — нужно сдѣлать визитъ больному, съѣздить на засѣданіе ученаго общества, сдѣлать необходимый моціонъ для поддержанія мускульной энергіи, а тамъ опять въ свою скорлупу, за свое любимое дѣло. И такъ изо дня въ день, цѣлые года, пока этотъ неустанный трудъ не прерывался какой-нибудь новой экспедиціей.

Если обстановка, вообще, до извѣстной степени характеризуетъ своего хозяина, то Александръ Васильевичъ былъ весь въ этой обстановкѣ, онъ жилъ ей, потому что каждая мелочь здѣсь напоминала ему то Японію, то Африку, то Аравію, то Цейлонъ, то тундры далекаго сѣвера, сибирскую тайгу и т. д.

Это былъ цѣлый музей, составленный не случайно, а съ строгимъ выборомъ—тутъ были и ботаническіе препараты, и коллекціи по энтомологіи, и зоологическіе раритеты и unicum'ы, и масса этнографическаго матеріала, и предметы ежедневнаго обихода разныхъ племенъ, ткани, матеріи, игрушки, артиклы и такъ безъ конца. Все это было расположено въ самомъ строгомъ порядкѣ и напоминало хозяину о его далекихъ путешествіяхъ. Особое мѣсто занимала спеціальная библіотека изъ книгъ на трехъ языкахъ. Здѣсь сосредоточивалась главная подготовительная работа, и здѣсь-то Александръ Васильевичъ реализировалъ результаты своихъ путешествій въ цѣломъ рядѣ статей. Онъ работалъ много, постоянно и упорно, не имѣя свободнаго времени для такъ называемыхъ удовольствій. Было величайшей рѣдкостью встрѣтить его гдѣ-нибудь на гуляньи или въ театрѣ. Когда же гулять и отдыхать, когда работы такъ много, а жизнь такъ коротка. Вообще, по своей трудоспособности Александръ Васильевичъ представлялъ очень рѣдкій и крайне отрадный примѣръ.

Была еще одна особенность этой обстановки, точно неодушевленныя вещи требовали живого голоса, движенія, вообще живой иллюстраціи. Въ квартирѣ Александра Васильевича цѣлая комната была отведена птицамъ. Центръ занимала громадная проволочная клѣтка, гдѣ жили маленькія птицы, а затѣмъ отдѣльныя клѣтки съ экземплярами покрупнѣе. Тутъ-то на подставкахъ бормотали какаду и сѣрые попугаи. Однимъ словомъ, цѣлый птичникъ, напоминавшій опять о далекихъ странахъ. Эта живая зоологія трещала, пѣла, свистала на всѣ лады, и Александръ Васильевичъ находилъ время ухаживать за своими любимцами. Въ этомъ скромномъ занятіи сказывалась страстная любовь къ живой природѣ, къ постоянной привычкѣ наблюдать эту живую природу и, такъ сказать, научнымъ развлеченіямъ.

— Это мои друзья,—объяснялъ онъ не безъ гордости.— Обратите вниманіе вонъ на эту чету зеленыхъ африканскихъ попугайчиковъ... Самая трогательная супружеская пара. Какъ говорятъ, они не переживаютъ другъ друга—умретъ одинъ, и другой умираетъ отъ тоски. А вотъ эта парочка кардиналовъ? А японскія чечотки съ красными хохолками на головѣ?..

Къ числу друзей принадлежалъ и рыжій сеттеръ, и жирный котъ, ласково поглядывавшій на клѣтки съ птицами, и охотничья двустволка, и неизмѣнная спутница во всѣхъ путешествіяхъ винтовка.

Именно въ этой обстановкѣ какъ-то особенно хорошо велись разговоры о предстоящей экспедиціи, къ которой готовился Александръ Васильевичъ. Онъ почти бредилъ Суданомъ и махдистомъ.

— Непремѣнно проберусь туда,—повторялъ онъ съ мягкой улыбкой.

— И опять въ единственномъ числѣ?

— Какъ всегда... Я, вѣдь, путешествую всегда на свои личныя средства и не имѣю возможности взять съ собой даже русскаго проводника.

Кстати, характерно то, что Александръ Васильевичъ, несмотря на свои многочисленные печатные труды и доклады въ разныхъ ученыхъ обществахъ, не могъ добиться какой-нибудь командировки съ спеціальной цѣлью. Живя въ Лѣсномъ, онъ заработывалъ опредѣленную сумму тяжелымъ трудомъ вольнопрактикующаго врача, отказывалъ себѣ во всемъ и на самыя скромныя средства отправлялся въ экспедицію за свой личный рискъ и страхъ. Это служило вѣчной помѣхой для послѣдовательности его изслѣдованій, отнимало напрасно много дорогого времени и составляло больное мѣсто. По своей скромности, Александръ Васильевичъ не могъ добиться никакой оффиціальной командировки, потому что такія командировки доставались другимъ... Онъ не роптaлъ, не завидовалъ болѣе счастливымъ путешественникамъ и продолжалъ съ завидною настойчивостью дѣлать свое дѣло.

— Все это только подготовительныя работы,—объяснялъ онъ.—А можетъ быть, когда-нибудь и добьюсь посторонней помощи... Конечно, жаль, когда приходится тратить столько времени буквально на собираніе грошей. Что же, у каждаго человѣка своя орбита, по которой онъ движется.

Дѣйствительно, у Александра Васильевича была своя собственная орбита, и онъ двигался по ней съ большимъ упорствомъ. Кстати, меня интересовало, почему онъ остановился на центральной Африкѣ, а не на Индіи или другихъ малоизслѣдованныхъ странахъ.

— Чорный материкъ теперь переживаетъ самое боевое время, — объяснялъ Александръ Васильевичъ. — Европейцы рвутъ его по частямъ, и, по моему, въ недалекомъ будущемъ ему предстоитъ громадная роль, о которой сейчасъ можно только догадываться... Во всякомъ случаѣ, здѣсь есть серьезная работа.

Но прежде, чѣмъ попасть въ Суданъ, Александръ Ва-

сильевичъ получилъ казенную командировку на голодный тифъ, свирѣпствовавшій въ Челябинскомъ уѣздѣ, Пермской губ., въ 1892 г. и въ томъ же году на ревизію врачебныхъ заведеній Западнаго края, а въ 1893 г. въ Бессарабію съ той же цѣлью.

III.

Свои путешествія Александръ Васильевичъ началъ еще будучи гимназистомъ, когда дѣлалъ продолжительныя экскурсіи по Новгородской и Псковской губерніямъ, а затѣмъ пѣшкомъ обошелъ часть Финляндіи, пробравшись черезъ Кояну въ Улеаборгъ. Это было въ 1875 г. Въ слѣдующемъ 1876 году мы его встрѣчаемъ уже въ Западной Европѣ, которую онъ объѣхалъ почти всю, за исключеніемъ Англіи и Балканскаго полуострова. Въ 1877 г. онъ опять цѣлыхъ три мѣсяца провелъ въ Финляндіи и Кореліи, все лѣто 1878 г. провелъ въ губерніяхъ Олонецкой, Вологодской и Архангельской, въ 1879 г. пробрался на сѣверный Уралъ и въ верховья Печоры. Лѣто 1880 года занимался въ дебряхъ новгородскихъ лѣсовъ изслѣдованіемъ мѣстныхъ кургановъ. Въ 1881 году, будучи студентомъ медико-хирургической академіи, въ первый разъ отправился на Востокъ,—былъ въ Египтѣ, доходилъ до Сіута, а затѣмъ, черезъ Каменистую Аравію прошелъ на верблюдѣ въ Палестину. Въ 1882 году совершилъ поѣздку въ Скандинавію и Лапландію, а въ 1883 году опять отправился въ Египетъ, дошелъ до первыхъ пороговъ на Нилѣ, перешелъ пустыню отъ Кеннэ до Коссейра, объѣхалъ берега Краснаго моря, опять прошелъ черезъ Синайскую пустыню. Въ 1884 году онъ опять былъ въ Палестинѣ, по порученію Палестинскаго Общества изслѣдовать положеніе русскихъ паломниковъ, отсюда отправился въ Триполи, чтобы пробраться въ Феццанъ, но послѣднее не удалось, и онъ, объѣхавъ Тунисъ и Алжиръ, совершилъ двухмѣсячную экскурсію въ Сахару до Гадамеса. Въ 1886 году перешелъ поперекъ Малую Азію, въ 1889 году совершилъ поѣздку на дальній Востокъ, причемъ объѣхалъ Южно-Уссурійскій край, пробылъ полтора мѣсяца въ Японіи и на обратномъ пути экскурсировалъ на Цейлонъ. Послѣдней экспедиціей Александра Васильевича была его попытка пробраться въ 1894 году въ Суданъ, занятый махдистами, но это предпріятіе закончилось полнымъ разгромомъ. Смѣлый путешественникъ едва спасся.

— Если бы не хорошій верблюдъ—я и самъ не ушелъ бы живъ, — разсказывалъ онъ мнѣ прошлымъ лѣтомъ въ Лѣсномъ,—онъ получилъ рану въ голову и ходилъ въ черной шелковой шапочкѣ.—А тутъ добрался до Нила, бросилъ верблюда и переправился на лодкѣ на другой берегъ... Всѣ вещи, коллекціи и деньги погибли. Это была моя первая неудача...

Эта неудача однако не остановила Александра Васильевича и онъ въ прошломъ году опять отправился въ страну махдистовъ, и опять неудача—его постигъ солнечный ударъ и онъ долженъ былъ вернуться въ свое Лѣсное, гдѣ долго лѣчился. Но, немного оправившись, онъ въ томъ же 1894 году, осенью, предпринялъ новую экспедицію въ Африку, вмѣстѣ съ г. Леонтьевымъ и вернулся въ Петербургъ только весной нынѣшняго года. Преждевременная смерть застала его въ приготовленіяхъ къ новой африканской экспедиціи, которая должна была осуществиться осенью нынѣшняго года.

Къ этимъ многочисленнымъ путешествіямъ нужно еще прибавить его службу въ качествѣ военнаго врача въ Туркестанѣ и на Кавказѣ. Однимъ словомъ, покойный путешественникъ въ теченіе своей короткой жизни — онъ умеръ всего 36 лѣтъ — исколесилъ почти весь Старый Свѣтъ по всѣмъ направленіямъ. Онъ точно предчувствовалъ роковой конецъ и ловилъ каждую минуту.

Родился докторъ Елисѣевъ въ Свеаборгѣ въ 1858 году и, въ качествѣ сына армейскаго офицера, съ ранняго дѣтства привыкъ къ скитальческой жизни, полной всевозможныхъ лишеній. Вѣроятно, благодаря этому, сложилась его неутомимая энергія и страсть къ путешествіямъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ кронштадтской гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ петербургскій университетъ, на физико-математической факультетъ. Закончилъ онъ свое образованіе въ медико-хирургической академіи. По окончаніи курса онъ долгое время служилъ военнымъ врачемъ, путешествовалъ и работалъ надъ своими статьями, помѣщенными, большею частью, въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ. О каждомъ своемъ путешествіи онъ давалъ читающей русской публикѣ подробный и обстоятельный отчетъ. Изъ его работъ назовемъ: „Къ археологіи и антропологіи Ильменскаго бассейна“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“), „Обитатели каменистой Аравіи“ (Ibid.), затѣмъ въ „Изв. Географ. Общ.“ имъ напечатаны: „Антропологическія замѣтки о финнахъ“, „Антропологическія экскурсіи поперекъ Малой Азіи“, отчетъ о путешествіи на

далекій Востокъ, „Магдизмъ и современное положеніе дѣлъ въ Суданѣ“; въ „Трудахъ антропол. отд. Общ. люб. естеств.“ статья „Борьба Великаго Новгорода со шведами и финнами по народнымъ сказаніямъ“. Въ общихъ журналахъ имъ напечатанъ цѣлый рядъ статей: въ „Вѣстн. Евр.“ описанія путешествія по берегамъ Краснаго моря, въ „Сѣв. Вѣстн.“ — „Положеніе женщины на Востокѣ“, „Среди поклонниковъ дьявола“, въ „Историч. Вѣстн.“ — статья „Значеніе малой Азіи для Россіи“. Особое мѣсто занимаютъ его статьи: „Опытъ раціональной географіи“ и „Къ вопросу о хвостатыхъ людяхъ“. Мы перечислили только небольшую часть его работъ, разбросанныхъ въ десяткѣ изданій. Только незадолго до своей смерти Александръ Васильевичъ сдѣлалъ сборникъ своихъ путешествій подъ общимъ заголовкомъ: „По бѣлу свѣту“, два компактныхъ, прекрасно иллюстрированныхъ тома. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить еще доклады въ ученыхъ обществахъ, отчеты по казеннымъ командировкамъ, публичныя лекціи и цѣлый рядъ газетныхъ статей. Все это доказываетъ, какъ покойный поработалъ въ такой короткій срокъ своей молодой жизни...

Подводя итоги всему сказанному, намъ больно было читать напечатанную въ одной газетѣ выдержку изъ автобіографіи Александра Васильевича, написанной имъ въ альбомъ пріятеля въ 1894 году: „Не много лѣтъ хватитъ моихъ силъ на этотъ безпрестанный каторжный трудъ, лишенный всякой поддержки, не только матеріальной, но и нравственной... Съ каждымъ годомъ чувствую, что силы начинаютъ измѣнять и нельзя безнаказанно злоупотреблять даже богатыми запасами, данными природою, не давая организму и недѣли полнаго отдыха безъ труда и безъ заботъ“. Это было роковое предчувствіе, разрѣшившееся роковой катастрофой... Отдыхъ былъ уже близокъ.

Каждый авторъ отдаетъ лучшую часть самого себя своимъ произведеніямъ, которыя такимъ образомъ являются его лучшей характеристикой. Поэтому не могу удержаться, чтобы не привести довольно длиннаго описанія далекой уссурійской тайги, которое всего лучше характеризуетъ покойнаго Александра Васильевича, какъ человѣкъ съ чуткой душой, тонкаго наблюдателя, окрыленнаго всесторонними знаніями, какъ, наконецъ, страстнаго и глубокаго любителя природы, понимавшаго самыя тончайшія проявленія ея многосложной жизни и находившаго въ нихъ отвѣтъ на глубокіе запросы

изъ другого міра. Вотъ это описаніе, которое можетъ служить лучшимъ портретомъ автора: „Великолѣпная снаружи, тайга еще болѣе поражаетъ въ своей таинственной глубинѣ. Въ глухихъ нѣдрахъ этого лѣсного океана, какъ подъ сводами древняго величественнаго храма, царитъ вѣчная торжественная тишина. Подъ сѣнью вѣковыхъ великановъ, подъ защитой непроницаемыхъ стѣнъ заросли, за прочными баррикадами старыхъ пней и стволовъ поваленныхъ деревъ, перевитыхъ виноградомъ и плющемъ—творятся незримо и беззвучно всѣ жизненные процессы тайги. Атмосфера тутъ пропитана дыханіемъ лѣса, испареніями почвы, своеобразнымъ ароматомъ тайги; запахъ хвои, перегнившей листвы, свѣжей зелени, благовонія позднихъ цвѣтовъ и особый, свойственный лишь глухому лѣсу, недоступному прямымъ лучамъ солнца, одуряющій ароматъ—наполняютъ глубину тайги. Тутъ любятъ гнѣздиться лишь мхи, лишайники и грибы; избѣгая солнца, они прячутся подъ сѣнь растеній, тянущихся къ теплу и свѣту. Здѣсь, въ недоступной глубинѣ, помѣщается настоящая лабораторія природы, изъ ничего создающей жизнь и чудеса; таинственные процессы жизни, круговоротъ превращенія матеріи, рожденіе и смерть, разрушеніе и созиданіе,—всѣ тайны природы, лишь отчасти доступныя человѣку, совершаются въ этихъ мрачныхъ уголкахъ, гдѣ такъ пахнетъ сыростью и грибами. Весною и осенью особенно дѣятельно идутъ эти процессы жизни, лабораторія природы работаетъ тогда энергичнѣе, чтобы усвоить и обработать матеріалъ, изъ котораго родится и выростаетъ тайга. Если весною идетъ усиленное созиданіе жизни изъ накопленной энергіи солнца, то осенью тутъ подводятся итоги, заготовляется матеріалъ для будущаго обновленія жизни—радостнаго воскресенія природы послѣ временнаго успокоенія и сна. Сюда, въ эти тихіе и безмолвные, мрачные, какъ могила, уголки, приходи искать разрѣшенія своихъ жизненныхъ загадокъ и сомнѣній, человѣкъ!.. Тутъ яснѣе, чѣмъ во всѣхъ книгахъ міра, можно познавать тайны мірозданія, понимать тѣ мудрые законы, по которымъ движется, живетъ и обновляется міръ. Тутъ нѣтъ мѣста для мрачнаго пессимизма; природа сама—великій оптимистъ, излишними и смѣшными кажутся предъ лицомъ ея стенанія праздныхъ людей о міровомъ горѣ, будто бы парализующемъ ихъ геніальныя силы. Борьба, движеніе и трудъ разлиты въ самой природѣ; они созидаютъ и міръ, и жизнь, и самого человѣка

въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Къ чему плакать, скорбѣть и отчаяваться, когда нужно работать, не покладая рукъ, когда искомое человѣчествомъ счастье заключается въ его коллективномъ, разумно направленномъ трудѣ. Природа сама указываетъ человѣку его счастье... Тотъ не мудрецъ, кто, понадѣявшись на одну творческую силу своего особаго одиночнаго ума, не умѣетъ наблюдать природы, понимать ея тайнъ или по крайней мѣрѣ читать въ той великой, полной тайнъ и загадокъ, книгѣ, которую представляетъ сама природа... Призывъ къ жизни, а не къ смерти несется изъ каждаго уголка зеленаго царства; жажда жизни и наслажденія ею слышатся въ каждомъ звукѣ, раздающемся въ тысячеголосой тайгѣ; шумъ лѣса, ревъ бури, журчаніе веселыхъ лѣсныхъ ручейковъ, вой дикихъ зрѣрей, пѣсни птицъ— все это различные призывы къ жизни... Даже тамъ, въ тѣхъ таинственныхъ лабораторіяхъ, гдѣ беззвучно совершаются жизненные процессы лѣса обновленіе беретъ верхъ надъ разрушеніемъ, жизнь царитъ надъ смертью, временами совершенно заглушая ее. Не успѣетъ упасть одинъ изъ великановъ лѣса, не успѣетъ сорваться отжившій листокъ, не успѣетъ погибнуть въ борьбѣ за существованіе одно изъ самыхъ ничтожныхъ существъ лѣса, какъ на трупахъ ихъ уже начинаетъ теплиться искорка новой жизни, словно разрушеніе одного организма есть возрожденіе многихъ другихъ. На трупѣ крошечнаго насѣкомаго, на обломкѣ отжившаго листка, въ кусочкѣ гніющей древесины копошатся уже безчисленныя юныя существа, которыхъ все назначеніе—служить посредниками въ великомъ круговоротѣ жизни".

Полагаемъ, что это чудное описаніе не нуждается въ комментаріяхъ...

IV.

Смерть застигла Александра Васильевича совершенно неожиданно, точно порвалась туго натянутая струна. Еще 10 мая онъ дѣлалъ докладъ въ географическомъ обществѣ о своей послѣдней поѣздкѣ въ Абиссинію, хотя и чувствовалъ нѣкоторое недомоганіе, которое приписывалъ легкой формѣ ангины. Но оказалось впослѣдствіи, что именно въ этотъ день на его рукахъ умеръ ребенокъ отъ круппа, слюна котораго попала ему прямо въ ротъ. Сначала Александръ Васильевичъ не обращалъ вниманія на свое недомоганіе, а когда обратился за помощью къ товарищамъ по профессіи, оказалось уже поздно—

крупозный процессъ заполонилъ уже всѣ бронхи. Больной все время былъ на ногахъ и только слегъ въ самый день смерти. Умеръ онъ въ полномъ сознаніи. Надежда на выздоровленіе покинула его только за 10 минутъ до смерти, когда онъ сказалъ: „Теперь все кончено"...

Умеръ Александръ Васильевичъ 22 мая, а 26 похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Самая смерть такихъ людей является живымъ примѣромъ, какъ надо жить... Скажемъ послѣднее прости этому неутомимому труженику и смѣлому изслѣдователю, который могъ еще такъ долго и много работать на общую пользу, въ чемъ видѣлъ все счастье, смыслъ и цѣль жизни! Онъ умеръ, какъ солдатъ, на своемъ посту...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

НАУЛАКА.

Романъ Рюдіарда Киплинга и Уолькотта Балестріера.

(*Продолженіе* *).

IV.

Въ Топазѣ предсѣдатель общества «Трехъ К°» занялъ комнаты въ отелѣ около желѣзной дороги и остался тамъ на слѣдующій день. Тарвинъ и Шерифъ завладѣли имъ и показывали ему городъ съ его естественными богатствами. Тарвинъ доказывалъ необходимость сдѣлать Топазъ соединительнымъ и центральнымъ пунктомъ новой желѣзной дороги.

Въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что предсѣдатель положительно не желалъ проводить линію на Топазъ; но продолжалъ идти къ своей цѣли. Ему гораздо легче было доказать, что Топазъ слѣдуетъ выбрать для соединительнаго пункта, чѣмъ говорить, что въ Топазѣ должна быть устроена главная станція.

Тарвинъ зналъ городъ свой вдоль и поперегъ, какъ таблицу умноженія. Онъ былъ предсѣдателемъ купеческой управы и не напрасно стоялъ во главѣ мѣстной компаніи съ милліоннымъ капиталомъ. Въ компаніи этой находились всѣ болѣе или менѣе значительныя лица города, и она владѣла всей долиной, до подножія горъ, и распланировала ее на улицы, бульвары и общественные парки. Всѣ могли покупать участки городской земли на протяженіи двухъ миль. Тарвинъ завѣдывалъ этимъ дѣломъ и поэтому поневолѣ долженъ былъ изучить каждый клочекъ земли въ окрестностяхъ города и умѣлъ говорить о предметѣ, столь ему знакомомъ.

Онъ зналъ, напримѣръ, что въ Рустлерѣ была не только болѣе богатая руда, чѣмъ въ Топазѣ, но что за нимъ тянулась мѣстность, изобилующая баснословными, еще не разработанными, бо-

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь 1895 г.

гатствами; онъ зналъ, что и председателю все это известно. Онъ точно также хорошо зналъ, что руда около Топаза вовсе не была замечательна по богатству, и что хотя городъ находился въ обширной, хорошо орошенной долинѣ и посреди удобной для скотоводства мѣстности, но что всѣ эти преимущества были очень невелики. Говоря другими словами, естественныя богатства Топаза вовсе не были такого рода, чтобы ради нихъ Топазъ можно было сдѣлать центральнымъ пунктомъ новой желѣзной дороги.

Тарвинъ говорилъ предсѣдателю, что если онъ сдѣлаетъ что-нибудь для города, то городъ покажетъ себя достойнымъ этого; и въ сущности ничего другого онъ и сказать не могъ. Вопросъ заключался только въ выборѣ между Топазомъ и Рустлеромъ, и, по мнѣнію Тарвина, тутъ не могло быть даже и вопроса.

— Вы сообразите только одно,—говорилъ Тарвинъ,—что надо обращать вниманіе на характеръ жителей города. Въ Рустлерѣ всѣ они мертвые и погребенные. Это всѣмъ извѣстно: тамъ нѣтъ ни торговли, ни промышленности, ни жизни, ни энергіи, ни денегъ! А посмотрите на Топазъ.

Предсѣдатель могъ судить о характерѣ гражданъ, даже проходя по улицамъ города. Все это были энергичные, дѣловые люди. Затѣмъ онъ сообщилъ ему, что одинъ изъ чугунно-плавильныхъ заводчиковъ Денвера намѣренъ устроить заводъ въ Топазѣ, что у него лежитъ въ карманѣ договоръ съ нимъ, который заключенъ только на непремѣнномъ условіи, чтобы черезъ городъ прошла желѣзная дорога общества «Трехъ К°». Такого условія съ Рустлеромъ заключено быть не можетъ. У Рустлера ни на что нѣтъ энергіи.

Тарвинъ говорилъ, что Топазу необходимы пути для сбыта своихъ продуктовъ въ Мексиканскій заливъ, и что это устроится съ помощью общества «Три К°». Предсѣдатель не сталъ спрашивать, что это за продукты, и слушалъ Тарвина молча, соображая, что ему надо.

Когда они повернули лошадей обратно и поѣхали къ городу, Тарвинъ съ любовью смотрѣлъ на свой милый Топазъ, который обитателю Востока представлялся просто безпорядочной грудой деревянныхъ домовъ. Всю дорогу Тарвинъ разсказывалъ предсѣдателю о городѣ; онъ показалъ ему зданіе, гдѣ давалась опера, показалъ почтовую контору, школу, судъ, со скромностью матери, показывающей своего первенца. Не смотря на все краснорѣчіе, онъ видѣлъ, что успѣха не будетъ, и съ горечью подумалъ, что это вторая неудача. Вернувшись, онъ видѣлся съ Кэтъ и понялъ, что развѣ чудо можетъ помѣшать ей уѣхать черезъ три дня въ Индію.

Онъ забылъ о существованіи Кэтъ, пока боролся за Топазъ, но лишь только разстался съ Метри, — сейчасъ же вспомнилъ о ней. Онъ взялъ съ нее обѣщаніе непремѣнно отправиться съ ними всѣми въ этотъ день къ Горячимъ Ключамъ; на эту поѣздку онъ смотрѣлъ, какъ на послѣднюю надежду. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ объясниться съ нею.

Поѣздка къ Горячимъ Ключамъ была устроена, чтобы показать м-съ Метри, какое Топазъ имѣетъ преимущество, какъ зимнее мѣстопребываніе. Предсѣдатель согласился поѣхать съ обществомъ, приглашеннымъ Тарвиномъ. Въ надеждѣ имѣть возможность спокойно поговорить съ Кэтъ, онъ, кромѣ Шерифа, пригласилъ еще троихъ: Максима, почтмейстера, Геклера, издателя «Топазской Газеты» (его коллеги по купеческой управѣ) и одного веселаго англичанина, Карматанъ. Онъ надѣялся, что они будутъ занимать предсѣдателя и, не портя дѣла города, дадутъ ему возможность хоть съ полчасика поговорить съ Кэтъ. Ему казалось, что предсѣдателю хотѣлось еще разъ осмотрѣть городъ, а лучшаго проводника, чѣмъ Геклеръ, трудно было себѣ и представить.

Карматанъ пріѣхалъ въ Топазъ два года тому назадъ, чтобы заняться скотоводствомъ. Онъ протратилъ всѣ свои деньги, но пріобрѣлъ познанія въ мѣстномъ скотоводствѣ и занимался теперь этимъ дѣломъ для другихъ, получая маленькое жалованье, но весьма философски относился къ своему положенію. Дорога, идущая вдоль полотна уже проведенной въ Топазъ дороги, шла по направленію, которое должно было, какъ говорилъ Тарвинъ, избрать общество «Трехъ К°» для своей линіи.

Тарвинъ, задержавъ лошадь, поѣхалъ рядомъ съ Кэтъ.

Она подняла свои выразительные глаза, лишь только онъ поѣхалъ рядомъ съ ея лошадью, и безмолвно просила его избавить ихъ обоихъ отъ продолженія безполезнаго разговора; но губы Тарвина были плотно сжаты, и онъ не послушался бы теперь даже самого ангела.

— Я утомляю васъ, говоря о вашей поѣздкѣ, Кэтъ. Я знаю. Но я хочу говорить о ней, хочу спасти васъ.

— Не пытайтесь болѣе, Никъ,—кротко отвѣчала она.—Пожалуйста. Когда я думаю объ этомъ, — мнѣ иногда кажется, что, можетъ быть, и на свѣтъ-то я родилась только для этого дѣла. Мы всѣ родились для того, чтобы сдѣлать, Никъ, хотя бы самое маленькое, ничтожное дѣло. Это мое назначеніе, Никъ. Помогите мнѣ исполнить его.

— Будь я проклятъ, если я это сдѣлаю! Я постараюсь, на-

противъ того, помѣшать вамъ. Ужъ я позабочусь объ этомъ. Всѣ исполняютъ всякое ваше желаніе. Отецъ и мать ваши дѣлаютъ все, что вы хотите. Они даже и не подозрѣваютъ, какъ вы рискуете своей жизнью. Никто имъ не замѣнитъ васъ. Это меня приводитъ въ ужасъ.

Кэтъ засмѣялась.

— Это не должно приводить васъ въ ужасъ, Никъ, хотя безпокойство ваше мнѣ нравится. Если бы вообще я могла остаться для кого-нибудь, такъ только для васъ. Повѣрьте мнѣ. Вѣрите?

— Вѣрю, и благодарю. Но отъ этого я ничего не выиграю. Мнѣ вѣры не надо, мнѣ нужны вы.

— Я знаю, Никъ, знаю. Но тамъ я нужна болѣе... не столько я, сколько то, что я могу сдѣлать, или то, что женщины, подобныя мнѣ, могутъ сдѣлать. Я слышу оттуда крикъ: «Придите и помогите намъ». Пока я буду слышать этотъ призывъ, я не найду ни въ чемъ успокоенія. Я могла бы выйти за васъ замужъ, Никъ. Это не трудно. Но я буду постоянной мученицей.

— Это жестоко, — проговорилъ Тарвинъ, глядя вверхъ на утесы.

Она улыбнулась, взглянувъ на него.

— Обѣщаю вамъ, что никогда не выйду ни за кого другого, если такое обѣщаніе можетъ успокоить васъ, Никъ?—сказала она съ внезапной нѣжностью въ голосѣ.

— Но вѣдь и за меня вы тоже не выйдете?

— Нѣтъ,—кротко, но твердо сказала она.

Онъ съ горечью выслушалъ этотъ отвѣтъ. Они ѣхали шагомъ, и онъ, опустивъ поводья, сказалъ:

— Ну, хорошо. Не будемъ говорить обо мнѣ. Во мнѣ говоритъ не одинъ эгоизмъ, дорогая. Я желаю, чтобы вы были моей, исключительно моей, я хочу, чтобы вы были около меня, я желаю васъ... да... Но прошу я васъ остаться не только для себя. Я прошу васъ остаться, потому что я не могу представить себѣ, чтобы вы бросились во всѣ опасности этой жизни одна, лишенная всякой защиты. Мысль объ этомъ не даетъ мнѣ спать. Это ужасно! Это безумно! Вы не должны этого дѣлать.

— Я не должна думать о себѣ,—упавшимъ голосомъ отвѣчала она.—Я должна думать о нихъ.

— Но я-то долженъ думать о васъ, Кэтъ. И вы не можете заставить, не можете принудить меня думать о чемъ-нибудь другомъ. Дорогая моя,—понизивъ голосъ сказалъ онъ:—мы окружены несчастьями. Развѣ вы можете уничтожить ихъ? Вы всегда будете жить, окруженная стонами страданій милліоновъ людей, гдѣ

бы вы ни жили. Всѣ мы окружены ими, и никогда отъ нихъ не избавимся. Мы платимъ этой цѣной за то, что осмѣливаемся быть счастливыми въ продолженіе какой-нибудь минуты...

— Знаю, знаю. Я и не хочу бѣжать отъ этихъ стоновъ, чтобы ихъ не слышать.

— Нѣтъ, но вы стараетесь прекратить ихъ, и стараетесь безполезно. Это равносильно старанію ковшомъ вычерпать океанъ. Вамъ этого не сдѣлать. А свою жизнь вы можете испортить. Ахъ, Кэтъ, вѣдь я не прошу для себя, или, говоря иначе, я прошу все. Подумайте объ этомъ въ то время, когда вы будете стараться обнять весь міръ вашими маленькими ручками. Боже мой, Кэтъ, если вы ищете несчастныхъ, чтобы осчастливить ихъ, то далеко вамъ ходить незачѣмъ. Начните съ меня...

Она печально покачала головой.

— Я должна начать съ того, на что указываетъ мнѣ мой долгъ, Никъ. Я не говорю, что мнѣ удастся значительно уменьшить необъятную массу человѣческихъ бѣдствій, и не заставляю всѣхъ дѣлать то, что я хочу сдѣлать, но мнѣ нужно такъ поступить. Я знаю это, и всѣ мы можемъ знать это. Одно сознаніе, что я хоть сколько-нибудь облегчила страданіе, должно быть отрадно. Вѣдь и вы должны это чувствовать, Никъ,—сказала она, тихо положивъ свою руку на его руку.

Тарвинъ сжалъ губы.

— Да, я это чувствую,—въ отчаяніи проговорилъ онъ,—но почувствуйте вы-то, какъ я васъ люблю, почувствуйте настолько, чтобы отдаться мнѣ. Я создамъ для васъ будущее. Доброта ваша можетъ пригодиться многимъ... Вы думаете, я любилъ бы васъ, не будь вы такая? И начните вы тѣмъ, что дайте счастье мнѣ.

— Не могу! не могу!—въ отчаяніи вскричала она.

— Вамъ придется, наконецъ, вернуться ко мнѣ. Неужели вы думаете, я могъ бы жить, если бы не думалъ этого? Но я не хочу, чтобы необходимость заставила васъ броситься въ мои объятія. Я хочу, чтобы вы сами пришли, и пришли бы немедленно.

Въ отвѣтъ на это, она наклонила голову и тихо заплакала. Пальцы Ника судорожно сжали ея руку.

— Не можете, милая? Ну, хорошо, не думайте больше объ этомъ.

Онъ взялъ ея руку и сталъ говорить кротко, какъ съ огорченнымъ ребенкомъ. Въ эту минуту Тарвинъ отказался—не отъ Кэтъ, не отъ своей любви, не отъ намѣренія жениться на ней, но отъ желанія остановить ея поѣздку въ Индію. Пусть себѣ ѣдетъ, если ужъ такъ этого хочется. Но поѣдетъ она не одна...

Когда они доѣхали до Горячихъ Ключей, онъ воспользовался первой возможностью и вступилъ въ разговоръ съ м-съ Метри. Въ то время, какъ Шерифъ показывалъ предсѣдателю ключи, бившіе изъ подъ земли, и строилъ планы, гдѣ слѣдуетъ устроить ванны и громадный отель, Тарвинъ отвелъ ее въ сторону. Кэтъ, не желая показать своихъ заплаканныхъ глазъ м-съ Метри, осталась съ отцомъ.

— Вы дѣйствительно желаете имѣть это ожерелье? — вдругъ спросилъ онъ м-съ Метри.

Она звонко засмѣялась.

— Желаю ли я? — повторила она: — ну, конечно, желаю. Я и луну тоже пожелала бы.

Тарвинъ тихо прикоснулся къ ея рукѣ.

— Вы будете его имѣть,—сказалъ онъ.

Она перестала смѣяться и даже поблѣднѣла.

— Что вы хотите этимъ сказать?—быстро спросила она.

— Что готовы вы сдѣлать для этого?—спросилъ онъ.

— Вернуться въ Омаха ползкомъ на рукахъ и на колѣняхъ,— совсѣмъ серьезно отвѣчала она.—Доползти до Индіи.

— Хорошо,—рѣшительно сказалъ Тарвинъ.—Это хорошо! ну такъ слушайте. Я хочу, чтобы «Три К°» остановились на Топазѣ. Согласны вы на это? Можемъ мы заключить условіе?

— Но вѣдь вы же не можете...

— Не въ этомъ дѣло. Я попытаюсь. А вы исполните?

— Вы хотите сказать...—начала она.

— Да,—рѣшительно отвѣчалъ онъ.—Хотите по рукамъ?

Тарвинъ, стиснувъ зубы и крѣпко сжимая свои руки, стоялъ передъ нею и ждалъ отвѣта.

Она наклонила на бокъ свою хорошенькую головку и вызывающимъ образомъ смотрѣла на него.

— То, что я скажу Джиму, то и будетъ сдѣлано,—мечтательно улыбаясь, сказала она.

— Такъ по рукамъ.

— Хорошо,—отвѣчала она.

— Давайте руку.

Они подали другъ другу руки и пристально смотрѣли одинъ на другого.

— Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, достанете мнѣ его!

— Достану.

— Вы не смѣетесь надо мною?

— Нѣтъ.

Онъ сжалъ ее руку такъ, что она вскрикнула.

— Охъ! больно!

— Ничего, — хрипло проговорилъ онъ, выпуская ея руку.— Это сдѣлка. Завтра я отправлюсь въ Индію.

V.

Тарвинъ стоялъ на платформѣ станціи Равутской соединительной дороги, и смотрѣлъ на облако пыли, поднимавшейся вслѣдъ за удалявшимся Бомбейскимъ почтовымъ поѣздомъ. Когда поѣздъ исчезъ изъ глазъ, нестерпимый зной на каменномъ полу снова сталъ палить, и Тарвинъ, защуривъ глаза, обернулся къ Индіи.

Какъ поразительно просто было проѣхать четырнадцать тысячъ миль! Онъ спокойно лежалъ на кораблѣ нѣкоторое время, затѣмъ перешелъ на поѣздъ и, снявъ жакетку, растянулся на кожаномъ диванѣ вагона, въ которомъ пріѣхалъ изъ Калькутты въ Равутъ. Путь показался ему продолжительнымъ, потому что онъ не могъ видѣть Кэтъ, но зато все время думалъ о ней. Неужели онъ пріѣхалъ въ Индію затѣмъ, чтобы видѣть пожелтѣвшую пустыню Раджпутаны и кое-гдѣ виднѣвшееся желѣзнодорожное полотно? Отъ этой пустоты у него морозъ пробѣгалъ по кожѣ. Онъ видѣлъ, что тутъ и не предполагали селиться. Это было нѣчто невозможно пустынное и унылое и, очевидно, заброшенное. Это было нѣчто законченное, порѣшенное. Мрачная каменная станція, прочная кирпичная платформа, и математическая точность дощечки съ наименованіемъ станціи, не подавали никакой надежды на будущее. Новая желѣзнодорожная линія не принесла бы пользы Равуту. Честолюбія у него не было. Это мѣсто принадлежало правительству. Въ немъ не было зелени, не было надежды на оживленіе. Даже ползучему растенію на станціи дали умирать отъ недостатка вниманія.

Тарвина спасло отъ настоящей тоски по родинѣ естественное человѣческое негодованіе. Одинъ единственный человѣкъ толстый, темный, одѣтый въ бѣлый газъ и въ черной бархатной шапочкѣ на головѣ, вышелъ изъ зданія. Этотъ начальникъ станціи и постоянный обитатель Равута встрѣтилъ Тарвина, какъ частичку мѣстности: онъ даже не взглянулъ на него. Тарвинъ началъ сочувствовать югу, гдѣ вспыхивало возстаніе.

— Когда пойдетъ слѣдующій поѣздъ въ Раторъ?—спросилъ онъ.

— Никакого поѣзда нѣтъ,—отвѣчалъ человѣкъ, останавливаясь на каждомъ словѣ. Онъ говорилъ, бросая слова раздѣльно, машинально, какъ фонографъ.

— Нѣтъ поѣзда? Гдѣ же ваше росписаніе? Гдѣ же карта желѣзныхъ дорогъ? Гдѣ указатель?

— Нѣтъ никакихъ поѣздовъ.

— Такъ на кой же чортъ сидите вы тутъ?

— Сэръ, я начальникъ этой станціи, и съ служащими нашего общества запрещается говорить невѣжливо.

— Такъ вы служащій? Будто запрещается? Ну такъ послушайте, мой другъ, вы начальникъ станціи, на которой выскакиваютъ пассажиры, и если вы дорожите своей жизнью, то скажите мнѣ, какимъ образомъ попасть въ Раторъ... скорѣй!

Человѣкъ молчалъ.

— Ну, что же мнѣ дѣлать?—крикнулъ западъ.

— Почемъ я знаю,—отвѣчалъ востокъ.

Тарвинъ посмотрѣлъ на коричневаго человѣка въ бѣлой одеждѣ, начиная съ его кожаныхъ башмаковъ, прозрачныхъ носковъ, изъ подъ которыхъ виднѣлись икры его ногъ, и кончая бархатной шапочкой на головѣ. Безстрастный взглядъ восточнаго человѣка, свойственный обитателямъ Красныхъ горъ, возвышавшихся за станціей, заставилъ Тарвина на минуту подумать: стоили ли Топазъ и Кэтъ, чтобы подвергаться всему этому? Но такая святотатственная мысль мелькнула только на одну минуту.

— Позвольте билеты,—сказалъ индусъ.

Туманъ сгущался. Значитъ, эта штука была тутъ, чтобы отбирать билеты, и будетъ отбирать, хотя бы люди любили, боролись, отчаявались и умирали у его ногъ.

— Послушайте, вы,—крикнулъ Тарвинъ:—мошенникъ съ раскрашенными пальцами, бѣлоглазый алебастровый столбъ...

Но далѣе продолжать ему не пришлось; отъ ярости и негодованія онъ чуть было не задохся. Пустыня поглощала все; и индусъ, повернувшись совершенно спокойно, вошелъ въ станціонный домъ и заперъ за собою дверь.

Тарвинъ только выразительно свистнулъ, поднявъ брови и глядя на дверь. Окошечко въ кассѣ немного пріотворилось, и индусъ показалъ свою безстрастную физіономію.

— Могу, какъ оффиціальное лицо, сообщить, что ваша честь можетъ доѣхать до Ратора на мѣстной телѣгѣ на буйволахъ.

— Найдите мнѣ телѣгу,—сказалъ Тарвинъ.

— Ваша честь заплатите коммиссіонные по уговору?

— Конечно!

Голова въ бархатной шапочкѣ, очевидно, понимала только такой тонъ.

Окошечко опустилось. Затѣмъ, но далеко не вскорѣ, послышался протяжный ревъ, ревъ утомленнаго колдуна, вызывающаго духъ.

— Моти! Моти! О!

— А, такъ тутъ есть Моти!—прошепталъ Тарвинъ, заглядывая черезъ низенькую стѣну и выходя съ чемоданомъ въ рукѣ въ Раджпутану. Его всегдашняя живость и увѣренность вернулись къ нему вмѣстѣ съ надеждой на скорый отъѣздъ.

Между нимъ и полукругомъ Красныхъ горъ лежало пространство въ пятнадцать миль, совершенно безполезной почвы, усѣянной обломками скалъ и чахлыми деревьями, засыпанными грязью и пылью, и безцвѣтными, какъ выгорѣвшіе отъ солнца волосы ребятишекъ. Далеко, по правую сторону, какъ серебро, блестѣло соленое озеро, и виднѣлась синева далекаго лѣса. Мрачнымъ, угнетающимъ и подавляющимъ образомъ все это напомнило ему его родныя долины.

Повидимому, откуда-то изъ земли, въ сущности же, какъ онъ потомъ разсмотрѣлъ изъ деревушки, пріютившейся между двухъ столкнувшихся холмовъ, показался столбъ пыли, въ серединѣ котораго оказалась телѣга. Послышался стукъ колесъ, напомнившій Тарвину стукъ въѣзжавшихъ въ Топазъ нагруженныхъ возовъ. Но тутъ груза никакого не было. Колеса состояли изъ трехъ брусьевъ, по большей части прямыхъ, соединенныхъ четырьмя спицами, перевязанными веревками изъ волоконъ какао. Два буйвола, немного покрупнѣе Ньюфаунлендскихъ собакъ, тянули телѣгу, въ которой нельзя было уложить и половины груза, обычнаго для лошади.

Телѣга подъѣхала къ станціи, и буйволы, посмотрѣвъ на Тарвина, легли. Тарвинъ усѣлся на свой чемоданъ, положивъ голову на руки, и засмѣялся.

— Ну, что же, начинайте,—сказалъ онъ индусу:—торгуйтесь. Я не спѣшу.

Тутъ началась сцена краснорѣчія и потасовки, передъ которыми стушевалась бы всякая ссора въ игорномъ домѣ. Невозмутимость начальника станціи слетѣла съ него, какъ сдунутое вѣтромъ легкое покрывало. Онъ убѣждалъ, махалъ руками и ругался, а возница, совершенно нагой и только прикрытый синей тряпкой, не отставалъ отъ него. Они указывали на Тарвина, и точно спорили о его происхожденіи и его предкахъ; и очевидно толковали о его тяжести. Лишь только, повидимому, они начинали приходить къ соглашенію, какъ снова возникалъ вопросъ, и они возвращались къ оцѣнкѣ его и поѣздкѣ.

Тарвинъ въ продолженіи первыхъ десяти минутъ слушалъ споръ довольно спокойно. Затѣмъ онъ приказалъ имъ замолчать, и когда они не унимались, а зной становился нестерпимымъ, онъ сталъ ихъ ругать.

Возница остановился на минуту въ изнеможеніи, и тутъ начальникъ вдругъ обратился къ Тарвину, и, схвативъ его за руку, закричалъ во все горло:

— Все улажено, сэръ, все улажено! Этотъ человѣкъ, сэръ, совсѣмъ неблаговоспитанный. Давайте деньги мнѣ, я все устроилъ!

Съ быстротой мысли возница ухватилъ Тарвина за другую руку, и на незнакомомъ языкѣ умолялъ его не слушать его противника. Тарвинъ отступилъ отъ нихъ, но они, поднявъ руки, умоляли и убѣждали его, и начальникъ забылъ англійскій языкъ, а возница забылъ уваженіе къ бѣлому человѣку. Тарвинъ, вывернувшись отъ нихъ, бросилъ свой чемоданъ въ телѣгу, прыгнулъ туда вслѣдъ за нимъ и крикнулъ единственное индійское слово, ему извѣстное. Къ счастью, это слово оказалось двигающимъ всю Индію: «чалло», т. е. «пошолъ!»

Такимъ образомъ, оставивъ за собою споръ и ссору, Николай Тарвинъ изъ Топаза, Колорадо, въѣхалъ въ пустыню Раджпутана.

VI.

При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ четыре дня могутъ показаться вѣчностью. Эти обстоятельства Тарвинъ встрѣтилъ въ телѣгѣ, изъ которой онъ вылѣзъ черезъ девяносто шесть часовъ послѣ того, какъ буйволы отошли отъ Равутской станціи. Буйволы тащили телѣгу такъ тихо, что можно было съума сойти. Въ часъ они проходили только двѣ съ половиной мили. Въ Топазѣ—въ счастливомъ Топазѣ!—можно было составить и потерять состояніе въ то время, пока телѣга тащилась по красному, раскаленному руслу рѣки, между двумя песчаными берегами. На западѣ могли бы возникнуть новые города и развалиться въ развалины болѣе древніе, чѣмъ сами Ѳивы, въ то время, какъ возница, послѣ остановокъ около дороги, поилъ буйволовъ и потомъ начиналъ кричать на животныхъ. Тарвину стало казаться, что вся дорога состояла только изъ остановокъ, и онъ стоналъ при мысли, что, теряя столько времени, онъ отстанетъ отъ американцевъ, такъ что никогда не догонитъ ихъ.

Въ ущельяхъ между горъ, въ высокой травѣ, на болотахъ, виднѣлись громадные сѣрые журавли, съ ярко-красными головами. Кулики и перепела не трудились улетать изъ-подъ самыхъ ногъ буйволовъ, и однажды, въ сумеркахъ, отдыхая на гладкомъ камнѣ, онъ увидалъ двухъ молодыхъ пантеръ, играющихъ другъ съ другомъ, какъ котята.

Проѣхавъ нѣсколько миль отъ Равута, возница его вынулъ изъ подъ сидѣнья длинную саблю и повѣсилъ ее себѣ на шею, употре-

бляя ее иногда вмѣсто кнута. Тарвинъ увидалъ, что здѣсь, также какъ и въ Америкѣ, всѣ ходили вооруженными. Но, по его мнѣнію, кусокъ стали, длиною въ три фута, не могъ замѣнить деликатнаго и скромнаго револьвера.

Разъ онъ вскочилъ въ телѣгѣ на ноги и закричалъ отъ восторга, потому что ему представилось, что онъ видитъ бѣлую вершину шхуны. Но это оказался громаднѣйшій возъ съ хлопкомъ, который тянули шесть буйволовъ, и который поднимался и опускался по холмистой мѣстности. И все время палящее индійское солнце освѣщало его, и онъ только дивился, какимъ образомъ могъ онъ хвалить вѣчное солнце въ Колорадо. При восходѣ солнца скалы сверкали, какъ брилліанты, а въ полдень пески у рѣкъ ослѣпляли, какъ милліоны разсыпающихся искръ. Въ сумерки поднимался холодный сухой вѣтеръ, а горы, по горизонту, окрашивались въ сотни цвѣтовъ при свѣтѣ заходящаго солнца. Тутъ Тарвинъ понялъ значеніе выраженія «блестящій востокъ», такъ какъ горы обращались въ груды рубиновъ и аметистовъ, а туманъ въ долинахъ походилъ на опалъ. Онъ лежалъ въ телѣгѣ навзничъ и смотрѣлъ на небо, мечтая объ ожерельи съ чернымъ брилліантомъ, и спрашивая себя: неужели оно дѣйствительно такъ хорошо?

— Тучи знаютъ, зачѣмъ я ѣду, — думалъ онъ, — и не собираются—это хорошее предзнаменованіе.

Онъ составлялъ планъ просто-на-просто купить это ожерелье, называвшееся Наулакой, за хорошую цѣну, собравъ деньги съ города. Топазъ могъ собрать деньги, продавая участки земли, а если Магараджа заломилъ бы слишкомъ высокую цѣну, то вѣдь можно будетъ устроить синдикатъ.

Въ телѣгѣ, покачивавшейся со стороны въ сторону, онъ раздумывалъ, гдѣ бы могла быть теперь Кэтъ. Если все благополучно, она могла быть теперь въ Бомбеѣ. Онъ предполагалъ это, тщательно изучивъ ея маршрутъ. Одинокая дѣвушка не могла перебраться изъ одного полушарія въ другое такъ быстро, какъ ни чѣмъ не связанный мужчина, подстрекаемый любовью къ ней и къ Топазу. Можетъ быть, она отдыхала нѣкоторое время въ Зенановской миссіи, въ Бомбеѣ. Онъ положительно отвергалъ мысль, что она могла заболѣть дорогой. Она отдыхала, смотрѣла нѣкоторыя достопримѣчательности незнакомой страны, оставленныя имъ совершенно безъ вниманія; но черезъ нѣсколько дней она будетъ въ Раторѣ, куда буйволы тащили его теперь.

Онъ улыбнулся и облизалъ губы отъ удовольствія при мысли объ ихъ встрѣчѣ, и забавлялся, раздумывая о томъ, что она не знаетъ о его настоящемъ мѣстопребываніи.

Онъ выѣхалъ изъ Топаза въ Санъ-Франццскъ немного болѣе, чѣмъ черезъ сутки послѣ разговора съ м-съ Метри, ни съ кѣмъ не простившись и никому не сказавъ, куда онъ ѣдетъ. Кэтъ, можетъ быть, удивилась многозначительно произнесенному имъ «Прощайте», когда онъ ушелъ изъ ихъ дома, вернувшись изъ поѣздки на Горячіе Ключи. Но она ничего не сказала, а Тарвинъ ушелъ, не сказавъ, что уѣзжаетъ. Онъ поспѣшно продалъ на слѣдующій, день нѣсколько городскихъ участковъ, спустивъ цѣну, чтобы собрать денегъ на поѣздку; но на это никто не обратилъ вниманія, и, наконецъ, онъ, стоя на задней платформѣ поѣзда, простился съ своимъ городомъ, въ увѣренности, что никто и не подозрѣваетъ, какъ онъ намѣренъ облагодѣтельствовать Топазъ. Чтобы въ городѣ могли объяснить чѣмъ-нибудь его отъѣздъ, онъ, покуривая сигару, подъ строжайшей тайной, разсказалъ кондуктору, что намѣренъ привести въ исполненіе маленькій планъ—поискать золото въ Аляскѣ, куда онъ направлялся теперь.

Кондукторъ смутилъ его немного, спросивъ, что же онъ намѣренъ дѣлать съ выборами? Но Тарвинъ и на это былъ готовъ съ отвѣтомъ. Онъ отвѣчалъ, что вопросъ этотъ онъ уже рѣшилъ, и по секрету сообщилъ ему, что въ головѣ у него составляются совсѣмъ иные планы. Мысленно же онъ задавалъ себѣ вопросъ, исполнитъ ли м-съ Метри свое обѣщаніе, и телеграфируетъ ли ему въ Раторъ о результатѣ выборовъ? Не странно ли, что ему пришлось поручить дамѣ увѣдомить его: членъ-ли онъ законодательнаго корпуса Колорадо, или нѣтъ? но вѣдь она была единственнымъ живымъ существомъ, знавшимъ его адресъ, а такъ какъ происшествіе это, называемое ею «очаровательнымъ заговоромъ», очень ей нравилось, то Тарвинъ былъ очень доволенъ.

Когда онъ уже вполнѣ убѣдился, что глаза его не только не увидятъ бѣлаго человѣка и не услышатъ понятнаго разговора,—телѣга въѣхала въ ущелье между двухъ горъ и остановилась на конечномъ пунктѣ поѣздки Тарвина. Зданіе представляло двойной кубъ изъ краснаго песчаника, и Тарвинъ готовъ былъ обнять его, потому что оно было полно бѣлыми людьми. Всѣ они были раздѣты до послѣдней степени, и лежали на верандѣ на кушеткахъ, съ кожаными чемоданами подлѣ нихъ.

Тарвинъ вылѣзъ изъ телѣги и вытянулъ отсиженныя ноги, понемногу выправляя мускулы. Все лицо у него было покрыто пылью, какая нерѣдко остается послѣ вихря или циклона. Пыль забилась во всѣ складки его платья и превратила его черную американскую жакетку на четырехъ пуговицахъ въ бѣлую, какъ жемчугъ. Она уничтожила промежутокъ между краемъ его панталонъ и

носкомъ башмаковъ. Пыль падала съ него при его малѣйшемъ движеніи. Его благочестивый возгласъ «Слава Богу!» замеръ въ приступѣ кашля. Онъ взошелъ на веранду, протирая засорившіеся глаза.

— Здравствуйте, господа, — сказалъ онъ. — Нѣтъ ли чего-нибудь выпить?

Никто не приподнялся, и только кто-то позвалъ слугу. А одинъ изъ присутствующихъ въ тонкой, шелковой ткани, широкой какъ шелуха на высохшемъ колосѣ, съ совершенно безцвѣтнымъ лицомъ, кивнулъ ему и спросилъ:

— А вы по какимъ дѣламъ?

— Вотъ какъ! Такъ и здѣсь эти появились?—подумалъ Тарвинъ, узнавъ въ этомъ вопросѣ общій лозунгъ странствующихъ приказчиковъ.

Онъ пошелъ по длинному ряду, каждому съ радостью и благодарностью пожимая руку, прежде чѣмъ сдѣлать сравненіе между востокомъ и западомъ и задать себѣ вопросъ: неужели эти безмолвные люди принадлежатъ къ той профессіи, съ которой онъ обмѣнивался разсказами, мнѣніями столько лѣтъ въ вагонахъ и въ отеляхъ? Эти лица какія-то выродки и бездушныя пародіи живыхъ, энергичныхъ, веселыхъ, пылкихъ животныхъ, которыхъ онъ встрѣчалъ на западѣ. Но, можетъ быть — боль въ спинѣ напомнила ему о себѣ—всѣ они пріѣхали въ телѣгахъ...

Онъ уткнулся носомъ въ стаканъ содовой воды съ коньякомъ и не поднялся, пока стаканъ не опустѣлъ; затѣмъ онъ опустился на незанятую кушетку и сталъ снова всѣхъ осматривать.

— Кто-то спрашивалъ меня, по какимъ я дѣламъ? Я пріѣхалъ по своимъ собственнымъ дѣламъ и путешествую ради удовольствія.

Онъ не успѣлъ сообразить нелѣпости своего заявленія, потому что всѣ пять человѣкъ разразились хохотомъ,—хохотомъ людей, долгое время лишенныхъ возможности хохотать.

— Удовольствія! — крикнулъ одинъ изъ нихъ. — О Господи! удовольствія! ну такъ вы пріѣхали не туда, куда надо.

— Въ хорошее мѣстечко вы попали!—сказалъ другой.—Тутъ скорѣе можно умереть, чѣмъ сдѣлать что-нибудь.

— Вы съ такимъ же успѣхомъ могли бы попытаться добиться крови изъ камня. Я сижу тутъ уже цѣлыхъ двѣ недѣли.

— Господи! Зачѣмъ-же?—спросилъ Тарвинъ.

— Мы всѣ сидимъ тутъ болѣе недѣли,—проворчалъ четвертый.

— Какая же у васъ цѣль, какое дѣло?

— Вы, вѣроятно, американецъ?

— Да, изъ Топаза, Колорадо.—Это указаніе не произвело на нихъ никакого впечатлѣнія. Онъ могъ съ такимъ же успѣхомъ говорить съ ними по гречески.—Но что же случилось?

— Вчера король обвѣнчался съ двумя женами. Можете и сегодня слышать, какъ бьютъ въ литавры. Онъ старается экипировать новый кавалерійскій полкъ на службу индѣйскаго правительства и поссорился съ своимъ политическимъ резидентомъ. Я прожилъ три дня у дверей полковника Нолана. Онъ говоритъ, что ничего не можетъ дѣлать безъ приказанія верховнаго правительства. Я пытался поймать короля, когда онъ отправлялся на голубиную охоту. Я каждый день пишу первому министру, если только не объѣзжаю городъ на верблюдѣ; и тѣмъ не менѣе, я получилъ цѣлую пачку писемъ отъ фирмы, спрашивающей меня, почему я не требую денегъ.

Черезъ десять минутъ Тарвинъ сталъ понимать, что это были представители различныхъ фирмъ Калькутты и Бомбея, безнадежно осаждающіе регулярно каждую весну этотъ городъ, чтобы получить хоть что-нибудь по счетамъ съ короля, заказывающаго пудами, а платящаго золотниками. Онъ покупалъ ружья, наряды, зеркала, украшенія на камины, стеклянные шары, что вѣшаютъ на ёлки, сѣдла, экипажи, духи, хирургическіе инструменты, подсвѣчники, фарфоровыя вещи, дюжинами и массами, смотря по своей царской прихоти. Теряя интересъ къ пріобрѣтеннымъ вещамъ, онъ терялъ и желаніе платить за нихъ; а такъ какъ его мало что занимало болѣе двадцати минутъ, то зачастую бывало, что его удовлетворяла одна покупка вещей, и ящики, присланные изъ Калькутты, стояли нераскупоренными. Водворенный миръ въ странѣ мѣшалъ ему взяться за оружіе противъ своихъ товарищей государей, единственное развлеченіе, которое имѣли въ продолженіи тысячи лѣтъ цари; но у нихъ остался интересъ вести войну нѣсколько измѣненную, съ приказчиками, получающими по счетамъ. Съ одной стороны стоялъ политическій резидентъ, назначенный для того, чтобы обучать короля умѣнью править и, главное, экономіи; а съ другой стороны, то-есть, у самыхъ воротъ дворца, находится обыкновенно какой-нибудь странствующій приказчикъ, чувствующій презрѣніе къ уклоняющемуся должнику, и въ то же самое время врожденное англичанину чувство благоговѣнія къ королю. Между этими двумя лицами король проѣзжалъ, отправляясь на голубиную охоту, на бѣга, на смотръ своей арміи, отдавая массу безполезныхъ приказаній и управляя своими женщинами, которыя знали о представляемыхъ счетахъ гораздо болѣе, чѣмъ первый министръ. За всѣмъ этимъ стояло правительство

Индіи, положительно отказывающееся гарантировать уплату долговъ короля, и отъ времени до времени посылающее ему на голубой бархатной подушкѣ бриллiантовые знаки императорскаго ордена, чтобы смягчить выговоры политическаго резидента.

— Я надѣюсь, вамъ вѣдь платятъ за это,—сказалъ Тарвинъ.

— Какъ такъ?

— Когда у насъ въ Америкѣ должникъ обѣщаетъ кредитору явиться, ну хоть бы въ отель, и не является, обѣщая на другой день придти въ лавку, чтобы заплатить, приказчикъ говоритъ: «Такъ не угодно ли будетъ заплатить за ѣду и вино, и сигары, взятыя мною, пока я васъ ждалъ». А по прошествіи втораго дня онъ принимаетъ рѣшительныя мѣры.

— Вотъ это интересно! Какъ же онъ получаетъ долгъ?

— Онъ вноситъ всѣ расходы въ слѣдующій счетъ того, что забирается товарами. Цѣны ставятся въ такихъ случаяхъ хорошія.

— Мы можемъ ставить цѣны, какія угодно. Затрудненіе заключается только въ трудности получить деньги.

— Я не понимаю, какъ же можно тратить такъ много времени,—замѣтилъ Тарвинъ.—У насъ дома время точно разсчитано, а если приказчикъ опоздаетъ на одинъ день, онъ телеграфируетъ своему покупщику, чтобы онъ пришелъ на станцію, и продаетъ ему товары во время остановки поѣзда. Можно продать всю землю, пока ваша телѣга проѣдетъ одну милю. Что же касается получки денегъ, то почему вы не арестуете стараго грѣховодника? На вашемъ мѣстѣ я наложилъ бы арестъ на все государство, на дворецъ, на его корону. Отдалъ бы его подъ судъ, и наказалъ бы его, если нужно, лично. Я заперъ бы старика и за него управлялъ бы Раджпутаной, но деньги бы получилъ.

На лицахъ всѣхъ присутствующихъ появилась улыбка состраданія.

— Это потому, что вы не знаете, — сразу сказало нѣсколько голосовъ; затѣмъ они начали объяснять. Вся ихъ вялость вдругъ пропала, и всѣ они заговорили вмѣстѣ.

Спустя нѣкоторое время, Тарвинъ замѣтилъ, что люди, сидѣвшіе на верандѣ, хотя и казались лѣнивыми, но были далеко не глупыми. Спокойно лежать, вродѣ нищихъ у дверей величія, включалось имъ въ обязанность. Времени уходило много, но въ концѣ концовъ сколько-нибудь въ уплату получалось, особенно, какъ объяснилъ человѣкъ въ желтомъ одѣяніи, если удастся заинтересовать перваго министра, и черезъ него возбудить интересъ въ королевскихъ женахъ.

Мимолетное воспоминаніе о м-съ Метри вызвало слабую улыбку на губы Тарвина.

Господинъ въ желтой одеждѣ продолжалъ говорить, и Тарвинъ узналъ, что главная королева—убійца, обвиненная въ убійствѣ своего перваго мужа. Она сидѣла въ желѣзной клѣткѣ въ ожиданіи казни, когда король въ первый разъ увидалъ ее, и спросилъ ее — какъ гласитъ разсказъ, — не отравитъ ли она его, если онъ на ней женится? Конечно, отвѣчала она, если онъ будетъ обращаться съ нею такъ, какъ обращался ея первый мужъ. Послѣ этого король женился на ней, частью ради прихоти, а, главнымъ образомъ, потому, что былъ восхищенъ ея смѣлымъ отвѣтомъ.

Эта цыганка безъ роду, безъ племени, не болѣе какъ въ одинъ годъ привлекла къ своимъ ногамъ и короля, и все государство, къ ногамъ, о которыхъ женщины гарема говорили, что онѣ грубы отъ ходьбы по грязнымъ дорогамъ. Она родила королю сына, на которомъ сосредоточила всю свою гордость и честолюбіе, и послѣ рожденія его, съ новой энергіей стала заботиться о своемъ господствѣ. Верховная власть, находившаяся за сто миль, знала, что она сила, которой нельзя было пренебрегать, и не долюбливала ее. Сѣдой, мягкорѣчивый политическій резидентъ, полковникъ Ноланъ, жившій въ красномъ домѣ, за какой-нибудь выстрѣлъ отъ городскихъ воротъ, часто терпѣлъ отъ нея дерзости. Ея послѣдняя побѣда была особенно для него унизительна: она узнала, что каналъ, предназначенный для снабженія города водою лѣтомъ, долженъ былъ проходить по померанцевому насажденію подъ ея окнами, и употребила свое вліяніе на Магараджу, чтобы не позволить этого. Вслѣдствіе этого Магараджа велѣлъ отвести его кругомъ, что стоило четверти его годоваго дохода, и что было противъ желанія резидента.

Ситабгая, цыганка, спрятавшись за шелковыми занавѣсками, видѣла и слышала споръ между раджей и его политикомъ и смѣялась.

Тарвинъ внимательно слушалъ. Все это ему было на руку, хотя опрокидывало весь его планъ рѣшительныхъ дѣйствій. Это открывало ему новый міръ, для котораго онъ вовсе не былъ подготовленъ и гдѣ онъ могъ дѣйствовать только по вдохновенію. Ему надо было тщательно изучить этотъ міръ, прежде чѣмъ начать свой походъ на Наулаку, и онъ охотно слушалъ все, что эти лѣнивые господа разсказывали ему. Ему стало представляться, — не лучше ли вернуться обратно, и снова приняться за азбуку. Что могло понравиться этому странному человѣку, что назывался королемъ? что увлекало его? что забавляло, а главнымъ образомъ, чего онъ боялся?

Онъ думалъ много и быстро.

— Не мудрено, — сказалъ онъ, — что король вашъ банкротъ, если ему приходится содержать такой дворъ.

— Онъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ королей въ Индіи,—сказалъ человѣкъ въ желтомъ одѣяніи.—Онъ самъ не знаетъ, чѣмъ владѣетъ.

— Въ такомъ случаѣ почему-бы ему не заплатить вамъ, вмѣсто того, чтобы держать васъ тутъ?

— Потому что онъ туземецъ. Онъ истратитъ сто тысячъ фунтовъ на свадебный праздникъ, и отложитъ на цѣлый годъ уплату двухсотъ рупій по счетамъ.

— Вамъ слѣдовало бы наказать его за это, — продолжалъ Тарвинъ. — Пошлите полицейскаго заарестовать коронные бриллiанты.

— Вы не знаете индійскихъ принцевъ. Они ни за что не позволятъ коснуться до коронныхъ бриллiантовъ, потому что они священны. Они принадлежатъ государству.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось взглянуть на эти сокровища!—вскричалъ одинъ изъ присутствующихъ, и Тарвинъ узналъ впослѣдствiи, что это былъ калькутскій агентъ ювелирной фирмы.

— Что это за сокровища?—совершенно спокойно спросилъ онъ, прихлебывая содовую воду.

— Наулака. Слыхали когда-нибудь?

Тарвинъ былъ избавленъ отъ необходимости отвѣчать человѣкомъ въ желтомъ одѣяніи, замѣтившимъ:

— Полноте! Всѣ эти сказки о Наулакѣ выдуманы жрецами.

— Не думаю,—отвѣчалъ ювелиръ.—Когда я въ послѣдній разъ былъ здѣсь, король сказалъ мнѣ, что онъ показывалъ Наулаку вице-королю. Но это единственный иностранецъ, видѣвшій это чудо. Король увѣрялъ меня, что онъ самъ не знаетъ, гдѣ теперь это ожерелье.

— Полноте! Можно ли повѣрить, что существуетъ изумрудъ въ два дюйма въ разрѣзѣ?—спросилъ желтый господинъ Тарвина.

— Это центральный камень,—отвѣчалъ ювелиръ:—и я готовъ побиться о закладъ, что это настоящій изумрудъ. Но меня удивляетъ вовсе не это. Я поражаюсь, какъ эти люди, не имѣющіе понятія о чистой водѣ въ камняхъ, могли набрать пятьдесятъ штукъ рѣдкихъ экземпляровъ. Они говорятъ, что камни на это ожерелье начали собирать со времени Вильгельма Завоевателя.

— Въ восемь столѣтій и я могъ бы набрать нѣчто удивительное,—сказалъ Тарвинъ.

Онъ лежалъ, отвернувшись отъ компаніи. Сердце у него сильно

билось. Онъ торговалъ рудою, землею и скотомъ въ свое время, и переживалъ минуты, когда раззореніе его иногда висѣло на волоскѣ и зависѣло отъ мановенія ока. Но онъ не переживалъ моментовъ, въ которыхъ сосредоточивалось восемь столѣтій.

Всѣ посмотрѣли на него съ какимъ-то состраданіемъ.

— Изъ девяти необыкновенныхъ камней, тамъ есть пять удивительныхъ сортовъ,—началъ ювелиръ:—рубинъ, изумрудъ, сафиръ, брилліантъ, опалъ, кошачій глазъ, бирюза, аметистъ и...

— Топазъ?—съ увѣренностью сказалъ Тарвинъ.

— Нѣтъ, черный брилліантъ,—черный какъ ночь.

— Но почемъ вы все это знаете... отъ кого вы все это слышали?—съ любопытствомъ спросилъ Тарвинъ.

— Знаю, какъ узнается здѣсь многое... изъ разговоровъ. Только никто не знаетъ, гдѣ это ожерелье.

— Вѣроятно, подъ какимъ-нибудь храмомъ въ городѣ,—сказалъ желтый господинъ.

Тарвинъ, не смотря на все стараніе скрыть свое волненіе, не могъ не спросить, почувствовавъ желаніе перерыть весь городъ:

— Да гдѣ же этотъ городъ?

Ему указали скалу, окруженную тройной стѣной. Это былъ такой же разрушенный городъ, мимо какихъ онъ проѣзжалъ лежа въ телѣгѣ. На скалистой возвышенности стоялъ мрачный темно-красный утесъ, а внизу тянулись пески, лишенныя всякой растительности, и на которыхъ могъ жить только дикій оселъ, и нѣкогда, какъ говорили, могъ жить дикій верблюдъ.

Тарвинъ посмотрѣлъ сквозь знойную мглу и увидалъ, что въ городѣ не было и признаковъ какой-либо жизни. Время было послѣполудничное, и подданные его величества спали. Слѣдовательно, этотъ уединенный утесъ былъ конечной цѣлью его поѣздки,—Іерихонъ,—для нападенія на который онъ пріѣхалъ изъ Топаза.

— Если бы какой-нибудь человѣкъ,—думалъ онъ:—пріѣхалъ изъ Нью-Іорка въ простой телѣгѣ, чтобы посвистать кругомъ Саугвашъ Ренча, какимъ бы я счелъ его дуракомъ!

Онъ всталъ и вытянулъ свои пыльныя ноги.

— Когда будетъ достаточно прохладно, чтобы пойти въ городъ?—спросилъ онъ.

— *Зачѣмъ* въ городъ? Будьте осторожны. Вы можете имѣть непріятности съ резидентомъ,—предупредилъ его одинъ изъ англичанъ.

Тарвинъ никакъ не могъ понять, какимъ образомъ осмотръ мертваго города могъ вовлечь его въ непріятности? Но онъ на-

моталъ все это на усъ, понявъ, что находится въ странѣ, гдѣ главную роль играли женщины. Этотъ городъ ему необходимо было взять, и скорѣе, пока на него не успѣла еще подѣйствовать всеобщая спячка.

Ему все-таки непремѣнно хотѣлось что-нибудь сдѣлать, и онъ спросилъ дорогу на телеграфную станцію, хотя могъ дойти, слѣдуя за телеграфными проволоками, доказывавшими, что въ Раторѣ дѣйствительно существовалъ телеграфъ.

— А вотъ кстати,—крикнулъ вслѣдъ за нимъ одинъ изъ присутствующихъ:—вамъ не мѣшаетъ помнить, что каждая депеша, посылаемая отсюда, передается предварительно королю.

Тарвинъ поблагодарилъ, думая, что, дѣйствительно, это не мѣшаетъ помнить, и пошелъ по песку къ указанной ему, около дороги въ городъ, магометанской мечети, гдѣ помѣщенъ телеграфъ.

Мѣстный солдатъ крѣпко спалъ на порогѣ, а лошадь его стояла неподалеку, привязанная къ длинной пикѣ, воткнутой въ землю. Другихъ признаковъ жизни тутъ не было никакихъ, кромѣ нѣсколькихъ голубей, сонливо воркующихъ подъ темнымъ сводомъ.

Тарвинъ тщетно отыскивалъ глазами голубаго съ бѣлымъ значка Западнаго Союза, или какого-нибудь аналогическаго знака въ этой странной странѣ. Онъ увидалъ, что проволоки исчезали въ отверстіи купола мечети. Подъ сводомъ онъ замѣтилъ двѣ, три деревянныхъ двери. Онъ на удачу отворилъ одну изъ нихъ и наступилъ на что-то мягкое и теплое, со стономъ отскочившее. Тарвинъ едва успѣлъ отстраниться, чтобы пропустить выскочившаго теленка-буйвола. Нисколько не смущаясь, онъ открылъ другую дверь, и увидалъ лѣстницу, шириною въ восемнадцать дюймовъ. Онъ съ трудомъ поднялся по ней, прислушиваясь, не услышитъ-ли телеграфнаго постукиванья. Но въ зданіи царило безмолвіе, какъ въ могилѣ. Онъ отворилъ еще дверь и вошелъ въ комнату, куполообразный потолокъ которой былъ выкрашенъ самыми варварскими пестрыми красками, съ миріадами вставленныхъ кусочковъ зеркалъ. Яркія краски и снѣговой бѣлизны полъ ослѣпили его послѣ совершенно темной лѣстницы. Тутъ несомнѣнно была телеграфная станція, такъ какъ на простомъ столѣ помѣщался телеграфный аппаратъ. Солнечный свѣтъ проникалъ въ отверстіе купола, сдѣланное для проволокъ, и потомъ не задѣланное.

Тарвинъ остановился, освѣщенный солнцемъ, и осмотрѣлся кругомъ. Онъ снялъ свою мягкую съ широкими полями западную шляпу, оказавшуюся слишкомъ теплой для этого климата, и вы-

теръ лобъ. Стоя тутъ, выпрямившись во весь ростъ, мускулистый, сильный, онъ отбилъ бы въ этомъ таинственномъ мѣстѣ у всякаго желаніе напасть на него. Онъ покрутилъ свои длинные усы, закручивавшіеся у угловъ рта, и высказалъ кое-какія замѣчанія языкомъ, къ которому стѣны этой комнаты не привыкли. Можно ли было надѣяться устроить сообщеніе съ Соединенными Штатами Америки изъ такой пропасти забвенія? Даже англійское проклятіе, раздавшееся въ комнатѣ, показалось ему чужестраннымъ и невыразительнымъ.

На полу лежала какая-то фигура.

— Эй вы! Вставайте!—крикнулъ онъ.

Фигура поднялась, и Тарвинъ увидалъ заспаннаго туземца въ сѣрой атласной одеждѣ.

— Что?—крикнулъ онъ.

— Эй!—повелительно проговорилъ Тарвинъ.

— Вы хотите видѣть меня?

— Нѣтъ, мнѣ нужно послать депешу, если только въ этой могилѣ существуетъ электрическій токъ?

— Сэръ, вы находитесь на телеграфной станціи. Я начальникъ почтъ и телеграфовъ здѣшняго государства.

Онъ сѣлъ на поломанный стулъ, открылъ ящикъ въ столѣ и началъ чего-то искать.

— Что вы ищите, молодой человѣкъ? Потеряли связь съ Калькуттой?

— Многіе изъ отправителей приносятъ свои собственные бланки,—отвѣчалъ онъ съ нѣкоторой укоризной.—Вотъ бланкъ. А карандашъ у васъ есть?

— Вотъ, не утруждайте себя. Не лучше ли вамъ пойти и лечь? Я самъ отправлю телеграмму. Какой у васъ знакъ въ Калькутту?

— Вы, сэръ, врядъ-ли съумѣете телеграфировать.

— Я-то? Вы посмотрѣли бы, какъ я телеграфирую во время выборовъ.

— На нашихъ аппаратахъ не всѣ умѣютъ дѣйствовать. Пишите депешу, а я пошлю. Это будетъ настоящимъ раздѣленіемъ труда. Ха-ха!

Тарвинъ написалъ слѣдующую депешу:

«Пріѣхалъ сюда. Помните Три К°.—Тарвинъ.»

Телеграмма была адресована на имя м-съ Метри, по адресу, который она дала въ Денверъ.

— Пускайте же!—сказалъ Тарвинъ, подавая бумажку черезъ столъ, улыбающемуся телеграфисту.

— Хорошо. Не безпокойтесь. Это моя обязанность,—отвѣчалъ туземецъ, видя, что иностранецъ спѣшитъ.

— Дойдетъ ли туда депеша?—спросилъ Тарвинъ, облокачиваясь на столъ и по товарищески глядя на индійца въ атласномъ одѣяніи, чтобы узнать: точно ли тутъ можетъ быть подлогъ.

— Конечно, дойдетъ завтра. Денверъ находится въ Америкѣ въ Соединенныхъ Штатахъ,—отвѣчалъ туземецъ съ дѣтской гордостью взглянувъ на Тарвина.

— Руку!—вскричалъ Тарвинъ, протягивая волосатую руку:—вы получили хорошее образованіе.

Онъ съ полчаса дружески проговорилъ съ телеграфистомъ объ общихъ познаніяхъ, и тому пришлось пустить телеграмму при немъ,—у Тарвина вмѣстѣ съ пощелкиваніемъ аппарата дума понеслась на родину. Посреди разговора индусъ вдругъ сталъ рыться въ столѣ и, вытащивъ оттуда запыленную телеграмму, подалъ ее Тарвину.

— Не знаете ли вы какого-нибудь новаго англичанина, пріѣхавшаго въ Раторъ, по фамиліи Тервинъ?—спросилъ онъ.

Тарвинъ посмотрѣлъ на адресъ и затѣмъ, разорвавъ конвертъ, нашелъ, что это депеша, какъ онъ ожидалъ, къ нему. М-съ Метри поздравляла его, что онъ выбранъ въ Колорадо въ законодательный корпусъ большинствомъ 1.518 голосовъ противъ Шерифа.

Тарвинъ крикнулъ отъ радости, исполнилъ военный танецъ на бѣломъ полу мечети и, ухвативъ изумленнаго телеграфиста, протанцовалъ съ нимъ бѣшеный вальсъ. Затѣмъ, отвѣсивъ низкій поклонъ индусу, выбѣжалъ изъ мечети и пошелъ по дорогѣ.

Вернувшись въ гостинницу, онъ пошелъ взять ванну, чтобы отскоблить хорошенько пыль, въ то время какъ торговые агенты, сидя на верандѣ, разсуждали о немъ. Онъ мылся въ громадной глиняной чашкѣ, а черный слуга обливалъ его съ головой.

На верандѣ кто-то громче другихъ говорилъ:

— Онъ пріѣхалъ, вѣроятно, искать золота или нефть, и не хочетъ сказать.

Тарвинъ подмигнулъ мокрымъ лѣвымъ глазомъ.

VII.

Обыкновенный постоялый дворъ въ пустынѣ не изобилуетъ меблировкой или коврами. Столъ, два стула, вѣшалка для платья на дверяхъ и прейсъ-курантъ считаются достаточнымъ для комнаты, а постель путешественникъ долженъ имѣть свою. Тарвинъ прежде чѣмъ лечъ спать, внимательно прочелъ прейсъ-курангъ и узналъ, что онъ остановился не въ гостинницѣ, и что, переночевавъ и пробывъ тутъ день, онъ можетъ быть изгнанъ.

Прежде чѣмъ лечь, Тарвинъ приказалъ принести себѣ перо и чернила, и написалъ письмо м-съ Метри.

Онъ видѣлъ во снѣ въ эту ночь, что Магараджа отдавалъ ему Наулаку въ промѣнъ за городскіе участки, а онъ надѣлъ ожерелье на шею м-съ Метри, и въ то же самое время слышалъ, какъ ораторъ изъ законодателей Колорадо провозглашалъ Топазъ со времени прибытія туда «Трехъ К°» метрополіей Запада. Затѣмъ, замѣтивъ, что ораторъ онъ самъ, онъ сталъ сомнѣваться въ сказанномъ, и проснулся, когда начало уже свѣтать.

На верандѣ къ нему обратился туземецъ-солдатъ, съ сѣдой бородой и въ сапогахъ, верхомъ на верблюдѣ. Солдатъ подалъ ему маленькую темную тетрадку съ надписью: «Прочтите и напишите, что прочли».

Тарвинъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на это изобрѣтеніе, но удивленія не выразилъ. Онъ уже постигъ одну тайну востока,—ничему не удивляться. Онъ взялъ книжку и прочелъ на указанной страницѣ объявленіе: «По воскресеньямъ божественная служба совершается въ гостиной агентства въ 7 съ 1/2 часовъ утра. Иностранцы очень приглашаются присутствовать. (Подпись) Л. Р. Эстесъ, Американская пресвитерская Миссія.»

— Не даромъ они здѣсь такъ рано встаютъ,—подумалъ Тарвинъ.—Служба въ 7 1/2 часовъ. Когда же они обѣдаютъ? Что же мнѣ надо заплатить?—вслухъ спросилъ онъ у солдата. И солдатъ и верблюдъ въ одно время посмотрѣли на него, и осклабились, отъѣзжая. Это до нихъ не касалось.

Тарвинъ посмотрѣлъ вслѣдъ за ними. Въ этой странѣ, очевидно, не умѣли ковать желѣзо, пока оно горячо. Онъ подумалъ о той минутѣ, когда онъ съ ожерельемъ въ карманѣ и рядомъ съ Кэтъ, снова повернетъ къ западу.

Для скорѣйшаго достиженія своей цѣли ему слѣдовало сдѣлать визитъ миссіонеру. Онъ былъ американецъ и скорѣе всякаго другого могъ разсказать ему что-нибудь о Наулакѣ, и, кромѣ того, Тарвинъ смутно предчувствовалъ, что онъ можетъ разсказать ему что-нибудь о Кэтъ.

Домъ миссіонера, находившійся какъ разъ у городскихъ стѣнъ, былъ тоже изъ краснаго песчаника, въ одинъ этажъ, и точно также, какъ станція въ Раджпутанѣ, не былъ обвитъ ни виноградникомъ, ни какой-либо другой зеленью. Но за то въ домѣ онъ встрѣтилъ теплый, душевный пріемъ. М-съ Эстесъ принадлежала къ разряду добрыхъ женщинъ и такихъ хозяекъ, которыя изъ подвала съумѣли-бы сдѣлать пріятную квартиру. У нея было круглое, кроткое лицо, съ нѣжной кожей, и спокойные, счастливые

глаза. Ей было лѣтъ сорокъ. Еще не посѣдѣвшіе волосы ея были гладко зачесаны назадъ, и она производила успокоительное впечатлѣніе.

Посѣтитель ихъ узналъ, что они пріѣхали изъ Бангора, Майне, и что отецъ его приходился имъ сродни, такъ какъ родился на фермѣ въ Портлендѣ, и Тарвинъ, не пробывъ у нихъ и десяти минутъ, былъ приглашенъ завтракать. Симпатичность его была непреодолима. Это былъ такой человѣкъ, которому мужчины довѣряли свои самыя сокровенныя тайны, и раскрывали души въ курительныхъ комнатахъ. Онъ служилъ складочнымъ мѣстомъ цѣлой кучи разсказовъ о несчастіяхъ и заблужденіяхъ, которымъ по большей части нельзя было помочь, но изъ которыхъ нѣкоторымъ онъ все-таки помогалъ. Еще завтракъ не былъ поданъ, какъ онъ узналъ отъ Эстеса и его жены всю картину ихъ положенія въ Раторѣ. Они разсказали ему о своихъ непріятностяхъ съ Магараджей и его женами, и о совершенной безполезности ихъ трудовъ, разсказали о своихъ дѣтяхъ, жившихъ въ изгнаніи на родинѣ. Они объяснили, что они отправлены въ Бангоръ, гдѣ живутъ у тетки и учатся въ общественной школѣ.

— Мы уже пять лѣтъ, какъ не видали ихъ, — сказала м-съ Эстесъ, когда они сѣли за столъ. — Фреду было тогда всего шесть лѣтъ, а Лорѣ восемь. А теперь имъ одиннадцать и тринадцать... подумайте только! Мы надѣемся, они не забыли насъ, но какъ имъ помнить? Вѣдь они дѣти!

Затѣмъ она разсказала ему о возобновленіи узъ между родителями и дѣтьми въ Индіи такія исторіи, что у него кровь застыла въ жилахъ.

Этотъ завтракъ породилъ въ Тарвинѣ страшную тоску по родинѣ. Послѣ цѣлаго мѣсяца на морѣ, двухъ дней на желѣзной дорогѣ и ночи, проведенной въ гостинницѣ, онъ болѣе чѣмъ оцѣнилъ домашній семейный столъ и обиліе американскаго завтрака. Завтракъ начался арбузомъ, который не напомнилъ ему родины, такъ какъ въ Топазѣ арбузы были невѣдомой роскошью и не могли никакъ созрѣть въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Но дальнѣйшій завтракъ перенесъ его домой, а мясо, картофель и кофе чуть не вызвали слезъ изъ глазъ. М-съ Эстесъ была довольна, видя его радость, и сказала, что надо его угостить кленовымъ сиропомъ, присланнымъ имъ изъ Бангора; и когда тихо двигающійся слуга въ бѣлой одеждѣ и красной чалмѣ подалъ вафли, она послала его за сиропомъ. Всѣ они были очень довольны и говорили объ американской республикѣ, въ то время какъ пунка поскрипывала, покачиваясь надъ ихъ головами.

У Тарвина въ карманѣ была карта Колорадо, и когда разговоръ заходилъ о какой-нибудь части Соединенныхъ Штатовъ, онъ раскладывалъ ее на столѣ между вафлями и мясомъ и показывалъ имъ на положеніе Топаза. Онъ объяснялъ Эстесу, какъ новая желѣзнодорожная линія, идя съ сѣвера на югъ, принесетъ пользу городу, и затѣмъ съ чувствомъ прибавилъ, что это за славный городокъ, и какъ отстроился въ послѣдній годъ, и какъ послѣ пожара они на другой же день стали строиться. Пожаръ принесъ 100.000 ф. страховой преміи городу, разсказывалъ онъ. Онъ, конечно, все преувеличивалъ и не упоминалъ о пустыряхъ, еще не занятыхъ постройками.

— Мы ждемъ сюда одну молодую дѣвушку, кажется, изъ вашихъ мѣстъ,—перебила его м-съ Эстесъ, въ воображеніи которой всѣ восточные города перемѣшивались. — Кажется, она изъ Топаза, Люсьенъ? Я почти въ этомъ увѣрена.

Она встала и подошла къ своей рабочей корзинкѣ за письмомъ, гдѣ нашла подтвержденіе своихъ словъ.

— Да, изъ Топаза. Какая-то миссъ Шерифъ. Она ѣдетъ къ намъ отъ Зенанской миссіи. Можетъ быть, вы ее знаете?

Тарвинъ наклонился надъ разложеннымъ планомъ.

— Да, я ее знаю,—отвѣчалъ онъ.—Когда она пріѣдетъ?

— На-дняхъ,—отвѣчала м-съ Эстесъ.

— Какъ это ужасно, — сказалъ Тарвинъ: — что молодая дѣвушка ѣдетъ сюда одна, вдали отъ своихъ друзей... Хотя я увѣренъ, вы дружески отнесетесь къ ней, — быстро прибавилъ онъ, взглянувъ на м-съ Эстесъ.

— Мы постараемся, чтобы она не скучала по родинѣ,—сказала м-съ Эстесъ своимъ задушевнымъ тономъ.—Вѣдь, какъ вамъ извѣстно, Фредъ и Лора живутъ тамъ въ Бангорѣ, — помолчавъ, прибавила она.

— Это будетъ очень хорошо съ вашей стороны,—съ бо̀льшимъ чувствомъ, чѣмъ того требовала Зенанская миссія, — сказалъ Тарвинъ.

— Позвольте мнѣ спросить, по какимъ дѣламъ вы пріѣхали сюда?—спросилъ миссіонеръ, подавая женѣ чашку, чтобы она налила ему еще. Онъ говорилъ нѣсколько оффиціальнымъ образомъ и слова его точно заглушались густой, необыкновенно длинной бородой съ просѣдью. У него было добродушное, улыбающееся лицо, рѣзкія, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятныя манеры, и онъ смотрѣлъ всѣмъ прямо въ глаза, что Тарвинъ любилъ. Мнѣнія у него были установившіяся, въ особенности о туземныхъ племенахъ Индіи.

— Я дѣлаю изысканія,—отвѣчалъ Тарвинъ совершенно спо-

койнымъ тономъ и глядѣлъ въ окно, точно онъ ожидалъ, что тотчасъ же появится Кэтъ.

— А! Золота?

— Да, но и всего другого.

Эстесъ пригласилъ его на веранду выкурить сигару; жена его принесла шитье и сѣла съ ними; Тарвинъ покуривая, сталъ разспрашивать о Наулакѣ. Гдѣ это ожерелье? Что это за вещь?—смѣло спрашивалъ онъ. Но онъ увидалъ, что миссіонеръ, хотя былъ и американцемъ, зналъ не болѣе разлѣнившихся коммерсантовъ въ гостинницѣ. Онъ зналъ, что ожерелье существуетъ, но не встрѣчалъ человѣка, кромѣ Магараджи, который бы видѣлъ его. Тарвинъ разспрашивалъ объ этомъ среди разговора о другихъ, менѣе для него интересныхъ вещахъ; но въ золотыхъ промыслахъ, къ которымъ миссіонеръ постоянно возвращался, онъ усматривалъ идею. Эстесъ замѣтилъ, что онъ, вѣроятно, начнетъ съ поисковъ золота?

— Конечно,—отвѣчалъ Тарвинъ.

— Но въ рѣкѣ Аметъ врядъ ли вы найдете много золота. Туземцы въ продолженіе сотенъ лѣтъ временами промывали его. Вы ничего не найдете, кромѣ того, что тиной смыто съ кварцевыхъ скалъ горъ Гунгра. Вы, конечно, начнете работы въ широкихъ размѣрахъ?—съ любопытствомъ глядя на него, спросилъ миссіонеръ.

— Ну, конечно, въ большихъ размѣрахъ.

Эстесъ прибавилъ, что, несомнѣнно, онъ имѣлъ въ виду политическія затрудненія. Ему придется получить согласіе полковника Нолана и черезъ него согласіе англійскаго правительства, если онъ предполагаетъ начать въ Индіи какое-нибудь серьезное дѣло. Да и вообще, чтобы имѣть право жить въ Раторѣ, надо имѣть разрѣшеніе полковника Нолана.

— Вы полагаете, мнѣ надо просить британское правительство оставить меня въ покоѣ?

— Да.

— Хорошо. Я и это сдѣлаю.

М-съ Эстесъ быстро, не поднимая головы, взглянула на мужа. Она думала по своему, по женски.

VIII.

Въ продолженіе слѣдующей недѣли Тарвинъ узналъ много новаго, и вмѣстѣ съ полнымъ преобразованіемъ своей внѣшности, такъ какъ на другой же день своего пріѣзда одѣлся въ бѣлое полотно, онъ усвоилъ иныя манеры, обычаи и традиціи. Эти измѣненія пріятны не были, но производились не безъ основанія—

онъ увидѣлъ, что преобразованіе его доставило ему возможность быть представленнымъ единственному человѣку въ государствѣ, отъ котораго зависѣлъ его успѣхъ. Эстесъ охотно взялся представить его Магараджѣ. Однажды, утромъ, они съ миссіонеромъ сѣли на коней и поднялись на крутой подъемъ на скалу, гдѣ стоялъ дворецъ, высѣченный въ камнѣ. Проѣхавъ подъ глубокимъ сводомъ, они въѣхали во дворъ, вымощенный бѣлымъ мраморомъ, и нашли Магараджу съ оборваннымъ слугой, разсуждающими о достоинствахъ собаки, лежавшей передъ ними на плитахъ.

Тарвинъ, незнакомый съ королями, надѣялся видѣть окруженнымъ важностью лицо, не платящее по счетамъ, и приготовился отнестись къ нему съ почтеніемъ, но никакъ не ожидалъ встрѣтить такъ неряшливо одѣтаго правителя, безцеремонностью своей избавившаго его отъ необходимости сдерживаться при мысли, что находишься въ присутствіи высочайшей особы. Дворъ тоже былъ неряшливый и грязный. Магараджа оказался толстымъ, любезнымъ деспотомъ, темнымъ и обросшимъ бородой, одѣтымъ въ зеленый бархатный, шитый золотомъ халатъ, очень довольнымъ, что видитъ, наконецъ, человѣка, не имѣющаго никакого отношенія къ индійскому правительству и, словомъ, не упомянувшаго о деньгахъ.

Лицо у него было припухшее и тупоумное, а мутные глаза сонливо смотрѣли изъ подъ густыхъ бровей. Тарвинъ, привыкшій читать о побужденіяхъ людей запада по ихъ лицамъ, не нашелъ въ этихъ глазахъ ни боязни, ни желанія, а только подавляющее утомленіе. Это былъ потухшій вулканъ, ворчавшій на хорошемъ англійскомъ языкѣ.

Тарвинъ очень любилъ собакъ и страстно желалъ сойтись съ правителемъ государства. Въ качествѣ короля онъ представлялся Тарвину не на мѣстѣ, но какъ любитель собакъ и владѣтель Наулаки, онъ былъ ему болѣе чѣмъ братъ, или братъ любимой особы. Онъ говорилъ краснорѣчиво и хорошо.

— Приходите,—сказалъ Магараджа, съ выраженіемъ истиннаго интереса, вспыхнувшаго въ его глазахъ, когда Эстесъ, нѣсколько скандализованный, уводилъ гостя.—Приходите сегодня вечеромъ послѣ обѣда. Вы пріѣхали изъ Новаго Свѣта?

Его величество впослѣдствіи, послѣ вечерняго пріема опіума, безъ котораго ни одинъ раджпутъ не можетъ ни говорить, ни думать, выучилъ привлекательнаго иностранца, разсказывавшаго ему разныя исторіи о бѣлыхъ людяхъ, жившихъ на краю земли,—королевской игрѣ пачизи. Они играли до самой ночи, на вымощенномъ мраморномъ дворѣ, окруженные зелеными ставнями, изъ за

которыхъ Тарвинъ слышалъ, не поворачивая головы, шопотъ подсматривавшихъ женщинъ, и шуршанье шелковыхъ платьевъ. Дворецъ, какъ онъ видѣлъ, былъ полонъ глазъ.

На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, онъ увидалъ короля въ концѣ главной улицы, поджидающаго какого то знаменитаго кабана, возвращавшагося въ логовище. Охотничьи законы Гокрама Ритаруна распространялись и на улицы городовъ, окруженныхъ стѣнами, и кабаны беззаботно расхаживали по ночамъ по улицамъ. Кабанъ появился и былъ убитъ на разстояніи ста ярдовъ изъ новаго ружья его величества. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ чисто, и Тарвинъ чистосердечно выразилъ восторгъ. Видѣлъ ли когда-нибудь его величество король, какъ изъ револьвера прострѣливаютъ брошенную монету? Сонные глаза сверкнули дѣтской радостью. Король не видывалъ такой штуки, и монеты у него не было. Тарвинъ высоко бросилъ американскую монету и прострѣлилъ ее, когда она падала обратно. Король просилъ его повторить еще разъ, но Тарвинъ, боясь испортить свою репутацію, положительно отказался повторить это, если только кто-нибудь изъ придворыхъ не попробуетъ подать примѣра.

Королю самому захотѣлось попробовать, и Тарвинъ бросилъ для него монету. Пуля непріятно просвистѣла у самаго уха Тарвина, но монета лежала на травѣ нетронутой. Мѣткость Тарвина нравилась ему, какъ бы нравилась его собственная мѣткость, и Тарвинъ не намѣревался разочаровывать его въ себѣ.

На слѣдующее утро, онъ совершенно лишился милости короля и, только поговоривъ съ обитателями гостинницы, узналъ, что Ситабгая пришла въ совершенную ярость. Послѣ этого онъ направился къ полковнику Нолану, и своимъ умѣньемъ забавлять людей заставилъ старика такъ хохотать, какъ онъ не хохоталъ съ чина прапощика, разсказывая ему, какъ король дѣлалъ пробы стрѣльбы изъ револьвера. Тарвинъ остался у него завтракать, и въ продолженіи этого утра открылъ, какова истинная политика индійскаго правительства по отношенію къ Гокраму Ритаруну. Правительство намѣревалось поднять это государство, но, такъ какъ Магараджа не хотѣлъ платить за вводимую цивилизацію, то дѣло и подвигалось очень медленно. Разсказъ полковника Нолана о внутренней дворцовой политикѣ, разсказъ весьма осторожный, вовсе не походилъ на сообщеніе миссіонера, а сообщеніе миссіонера не подтверждалось обитателями гостинницы.

Въ сумерки Магараджа прислалъ къ Тарвину верховаго посла, такъ какъ высочайшая милость была возвращена, и звалъ къ себѣ высокаго мужчину, пробивавшаго монеты въ воздухѣ,

разсказывавшаго исторіи и игравшаго въ пачизи. Въ этотъ вечеръ на сценѣ былъ не одинъ пачизи, и его величество король патетически разсказывалъ Тарвину длинную и откровенную исторію о затруднительномъ положеніи, какъ своемъ собственномъ, такъ и его государства, что представило всѣ обстоятельства дѣла съ четвертой, новой стороны. Онъ заключилъ свои жалобы, обращаясь съ непонятнымъ воззваніемъ къ президенту Соединенныхъ Штатовъ, подъ властью котораго находился Тарвинъ, выразилъ и готовность соединиться съ націей, къ которой принадлежалъ Топазъ. По многимъ причинамъ Тарвинъ не счелъ время это удобнымъ для переговоровъ о Наулакѣ.

На слѣдующій и въ продолженіи нѣсколькихъ другихъ дней къ дверямъ гостинницы, гдѣ Тарвинъ продолжалъ жить, являлась цѣлая вереница въ радужныхъ цвѣтахъ восточныхъ людей, министровъ двора, съ презрѣніемъ смотрѣвшихъ на кредиторовъ коммерсантовъ, и почтительно представлялась Тарвину, которому они не совѣтовали кому-либо довѣрять, кромѣ нихъ. Каждая бесѣда заканчивалась словами: «А я вашъ другъ, сэръ», и каждый изъ нихъ обвинялъ своего ближняго во всевозможныхъ преступленіяхъ передъ государствомъ и въ козняхъ противъ индійскаго правительства, какія только могъ изобрѣсти.

Тарвинъ не могъ сообразить, что могло бы это значить. Онъ не считалъ за особенную высочайшую милость играть съ королемъ въ пачизи, а путанницы восточной дипломатіи онъ совсѣмъ не понималъ. Министры же, съ своей стороны, не понимали его. Онъ явился къ нимъ издали, совершенно спокойный, безстрашный, и на сколько они могли видѣть, вполнѣ безкорыстный. Это тѣмъ болѣе давало имъ поводъ думать, что онъ тайный эмиссаръ правительства, планы котораго они не могли понять. Его варварское невѣдѣніе всего касающагося индійскаго правительства только утверждало ихъ въ этомъ мнѣніи. Для нихъ было довольно знать, что онъ ходилъ къ королю потихоньку, запирался съ нимъ по цѣлымъ часамъ, и король выслушивалъ его.

Эти сладкозвучные, нарядные, таинственные незнакомцы утомляли Тарвина и возбуждали въ немъ отвращеніе, и онъ вымещалъ свою досаду на коммерсантахъ, продавая имъ участки своей городской земли и акціи своей компаніи. Желтый господинъ, какъ его лучшій другъ и совѣтникъ, получилъ весьма немного акцій на «будущіе пріиски». Это было еще до золотой горячки въ Нижнемъ Бенгалѣ, и въ Индіи еще существовала вѣра.

Всѣ эти разговоры перенесли его назадъ, въ Топазъ, и заставили его страстно желать хоть словомъ перекинуться съ своими

юными соотечественниками, отъ которыхъ онъ совершенно отрѣзалъ себя своей таинственной экспедиціей. Въ этой экспедиціи онъ одинъ игралъ роль ради ихъ общей ставки. Онъ отдалъ бы всѣ рупьи, бывшія у него въ карманѣ, за то только, чтобы взглянуть на «Топазовскую газету», или на «Денверскую». Что дѣлали его пріиски, что дѣлалъ «Моли К°», «Маскотъ» предметъ спора, что дѣлали «Будущіе Пріиски», которые обѣщали оказаться очень богатыми? Что сталось со всѣми пріисками, съ его друзьями, съ ренчами и со всѣми предпріятіями? И, наконецъ, что сталось съ Колорадо и съ Соединенными Штатами? Тамъ, можетъ быть, вотировали изгнаніе серебра изъ Вашингтона, или обратили, можетъ быть, республику въ монархію?

Отъ тоски онъ спасался только въ домѣ миссіонера, гдѣ говорили о Бангорѣ, Майнѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Къ этому дому, какъ ему было извѣстно, съ каждымъ днемъ приближалась все ближе и ближе дѣвушка, ради которой онъ объѣхалъ половину свѣта.

Черезъ десять дней послѣ его пріѣзда, въ роскошное утро чуднаго желтаго и фіолетоваго цвѣта, онъ былъ разбуженъ тоненькимъ звонкимъ голоскомъ, требовавшимъ на верандѣ немедленнаго появленія новаго англичанина. Магараджа-Кенваръ, наслѣдникъ престола Гокрама Ритаруна, бѣлый, какъ хлопокъ, девятилѣтній мальчикъ, приказалъ своему миніатюрному двору запречь свою коляску и свезти его къ гостинницѣ.

Подобно своему пресыщенному отцу, ребенку хотѣлось позабавиться. Всѣ дворцовыя женщины разсказывали ему, что новый англичанинъ заставилъ отца его смѣяться. Магараджа-Кенваръ говорилъ по англійски гораздо лучше своего отца—говорилъ и по французски—и хотѣлъ показать свои познанія лицамъ, лести которыхъ онъ еще не слыхалъ.

Тарвинъ повиновался этому голосу, потому что это былъ дѣтскій голосъ, и, выйдя, увидалъ, повидимому, пустую коляску и конвой въ десять громаднѣйшихъ солдатъ.

— Какъ вашe здоровье? Comment vous portez vous? Я наслѣдникъ государства. Я Магараджа-Кенваръ и когда-нибудь буду королемъ. Поѣдемте со мной кататься.

Къ нему протянулась маленькая худенькая ручка. Перчатки были ярко красныя шерстяныя, съ зелеными полосками у обшлаговъ, а ребенокъ былъ одѣтъ въ жесткую золотую ткань съ головы до ногъ, на чалмѣ у него красовалась шишка изъ брилліантовъ въ шесть дюймъ вышиной, и крупные изумруды ниспадали ему до бровей. Изъ-подъ этого сіянія выглядывали черные глаза, полные гордости и лишенные дѣтскаго выраженія.

Тарвинъ послушно сѣлъ въ коляску. Онъ сталъ удивляться, не смотря на то, что не считалъ возможнымъ уже чему-нибудь удивляться.

— Мы поѣдемъ по большой дорогѣ,—сказалъ мальчикъ.—Кто вы такой?—спросилъ онъ, нѣжно положивъ свою руку на кулакъ Тарвина.

— Человѣкъ, милый.

Личико мальчика изъ подъ чалмы казалось гораздо старше своихъ лѣтъ, такъ какъ дѣти, родившіяся для неограниченной власти, или никогда не знавшія неудовлетворенныхъ желаній и выросшія подъ знойнымъ солнцемъ, зрѣютъ даже скорѣе другихъ дѣтей востока, которые съ дѣтскихъ лѣтъ уже становятся самостоятельными мужчинами.

— Говорятъ, вы пріѣхали сюда, чтобы осматривать страну.

— Это правда,—сказалъ Тарвинъ.

— Когда я буду королемъ, я никому не позволю пріѣзжать сюда, не позволю даже вице-королю.

— Сдѣлайте исключеніе для меня,—смѣясь, замѣтилъ Тарвинъ.

— Вы можете пріѣхать,—подумавъ, сказалъ мальчикъ:—если съумѣете заставить меня смѣяться. Разсмѣшите меня.

— Вамъ этого хочется, мальчуганъ? Хорошо... жилъ былъ... только я не знаю, что можетъ смѣшить здѣшнихъ дѣтей. Я не видалъ, какъ смѣшатъ мальчиковъ. Фью!—Тарвинъ свистнулъ.—Что это тамъ, мальчуганъ?

Далеко на дорогѣ виднѣлось маленькое облачко пыли. Пыль поднимали быстро повертывавшіяся колеса, ничего не имѣвшія общаго съ колесами мѣстныхъ телѣгъ.

— Я за этимъ-то сюда и пріѣхалъ, — сказалъ Магараджа-Кенваръ.—Она вылѣчитъ меня. Отецъ мой, Магараджа, говоритъ это. Теперь я нездоровъ.—Онъ повелительно обернулся къ любимому груму, сидѣвшему на запяткахъ.—Суръ Сингъ,—по-индусски сказалъ онъ: — какъ это называется, когда я теряю чувства? Я забылъ, какъ это по-англійски?

Грумъ наклонился впередъ.

— Я не помню, богоподобный,—отвѣчалъ онъ.

— Я вспомнилъ!—вдругъ вскричалъ мальчикъ.—М-съ Эстесъ называетъ это припадками. Что это такое припадки?

Тарвинъ положилъ руку на плечо мальчика, не спуская глазъ съ облака пыли.

— Будемъ надѣяться, что она излѣчитъ васъ отъ нихъ, какіе бы они ни были. Но кто же это *она*?

— Я не знаю ея фамиліи, но она вылѣчитъ меня. Вотъ видите! Отецъ мой послалъ за нею экипажъ.

Коляска ихъ отъѣхала въ сторону при приближеніи разбитаго, дребежжащаго экипажа, на козлахъ котораго оглушительно трубили въ надтреснувшую трубу.

— Во всякомъ случаѣ, это лучше, чѣмъ телѣга,—подумалъ Тарвинъ, вставъ въ коляскѣ, потому что онъ началъ задыхаться.

— Молодой человѣкъ, вы не знаете, кто она? — снова спросилъ онъ.

— Ее прислали,—сказалъ Магараджа-Кенваръ.

— Ее зовутъ Кэтъ,—хрипло проговорилъ Тарвинъ:—и не забывайте этого.—Затѣмъ онъ проговорилъ, про себя, *Кэтъ*!

Мальчикъ сдѣлалъ рукою знакъ своему конвою, который помѣстился по обѣ стороны дороги. Экипажъ остановился, и Кэтъ, разбитая, запыленная, утомленная продолжительнымъ путешествіемъ, и съ покраснѣвшими отъ безсонницы глазами, отдернула занавѣски и вышла на дорогу. Ее усталыя ноги подогнулись бы подъ ней, если бы Тарвинъ, выскочившій изъ коляски, не схватилъ ее, не смотря на присутствіе конвоя, и на устремленные взоры мальчика, одѣтаго въ золото и кричавшаго:

— Кэтъ! Кэтъ!

— Отправляйтесь, мальчикъ, домой,—сказалъ Тарвинъ.—Такъ вѣдь, Кэтъ?

Но Кэтъ при видѣ его смогла только заплакать и проговорить:

— Такъ это вы! вы! вы!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(*Окончаніе* *).

VII.

Мы знаемъ, съ какой тщательностью, своего рода священнымъ страхомъ работалъ Тургеневъ надъ своими произведеніями, сколько усилій стоило ему выпустить въ свѣтъ совершенно отдѣланную работу, какъ легко онъ поддавался совѣтамъ друзей и отзывамъ читателей, самымъ неблагосклоннымъ. Небольшихъ усилій стоило заставить Тургенева снова засѣсть за оконченный уже романъ, снова приняться за исправленія и передѣлки, и эти исправленія нерѣдко бывали на столько существенны и, подъ вліяніемъ излишней мнительности автора,—даже опрометчивы, что Тургеневу приходилось позже сѣтовать на свою покладливость.

Новь писалась и вышла въ свѣтъ при нѣсколько иныхъ условіяхъ. Авторъ, несомнѣвно, чувствовалъ себя достаточно закаленнымъ послѣ безпримѣрной войны по поводу каждаго своего романа и даже *Воспоминаній*. Самый организмъ могъ устать отъ безпрестанныхъ волненій, и вѣчная смѣна журнальныхъ воззрѣній и приговоровъ на самомъ дѣлѣ могла внушить Тургеневу болѣе спокойное отношеніе къ этой «тѣни, бѣгущей отъ дыма».

Новый романъ былъ написанъ необыкновенно быстро, какъ «ничто изъ моихъ большихъ произведеній», замѣчаетъ Тургеневъ, «съ плеча». Но эта быстрота окончательной работы свидѣтельствовала о продолжительномъ раннемъ процессѣ мысли, сосредоточенномъ на идеѣ романа. Это подтверждаетъ и самъ Тургеневъ. Романъ давно сложился въ головѣ автора,—не наступало только подходящаго момента, чтобы положить на бумагу давно надуманныя мысли и опредѣлившіеся образы.

Но никакія приготовленія не могли спасти Тургенева отъ мучительнаго безпокойства за свой трудъ. Письма, сопровождающія

---

*) См. «Міръ Божій» № 6, іюнь.

появленіе *Нови*, переполнены нервнымъ чувствомъ невольной боязни. Правда, авторъ спѣшитъ увѣрить себя и своихъ друзей въ полномъ равнодушіи къ мнѣніямъ критики и впечатлѣніямъ публики,—но на самомъ дѣлѣ равнодушія нѣтъ: иначе Тургеневъ не возвращался бы къ тому же вопросу почти въ каждомъ письмѣ, и не предупреждалъ бы Салтыкова на счетъ скромности своихъ ожиданій.

«Не о лаврахъ я мечтаю», писалъ онъ, «а о томъ, чтобы не слишкомъ сильно треснуться физіономіей въ грязь.—А впрочемъ, будь что будетъ» [295]).

Такъ думаетъ Тургеневъ, еще переписывая и исправляя романъ. Когда рукопись готова и уже отправлена предварительно на судъ неизмѣннаго перваго читателя—критика новыхъ произведеній Ивана Сергѣевича—Анненкова, авторъ пишетъ:

«Что изъ него вышло—неизвѣстно; намѣренія были хорошія—но каково исполненіе? Все это я теперь скоро узнаю» [296]).

Мы, конечно, должны ожидать, что Тургеневъ разсчитываетъ на самое худшее. Такова вѣчная психологія нервныхъ мнительныхъ натуръ. И дѣйствительно, немного спустя онъ заявляетъ:

«Никакого нѣтъ сомнѣнія, что если за *Отцовъ и Дѣтей* меня били палками, за *Новъ* меня будутъ лупить бревнами—и точно также съ обѣихъ сторонъ... Думаю, что это все съ меня сойдетъ, какъ съ гуся вода» [297]).

До появленія романа въ печати Тургеневъ, несомнѣнно, слышалъ многочисленные отзывы. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, какъ эти отзывы отразились на послѣдней редакціи *Нови*. Можемъ указать только на два факта.

Неждановъ, отправляясь въ первый разъ «въ народъ», одѣваетъ мѣщанское платье. Соломину это кажется забавнымъ, молодой дѣятель гнѣвается и быстро обрываетъ сцену:

«Я пойду,—сказалъ онъ,—теперь же; а то это все очень любезно—только слегка на водевиль съ переодѣваніемъ смахиваетъ».

Послѣднія слова, можно думать, вставлены уже послѣ окончанія романа и вставка вызвана отзывомъ одной дамы, обозвавшей *Новъ* «водевилемъ съ переодѣваніемъ». Авторъ, естественно, шелъ на встрѣчу такому же впечатлѣнію другихъ читателей и разсчитывалъ отразить его собственнымъ замѣчаніемъ. Можетъ быть, также объясняются и неоднократныя шутки Татьяны на счетъ «маскарада», устраиваемаго молодыми «опростѣлыми» героями.

---

[295]) *Письма*, 301.
[296]) *Ib.* 303.
[297]) *Ib.* 305.

Другой фактъ, за достовѣрность котораго трудно поручиться,— весьма прискорбнаго свойства. Есть извѣстіе, что уже послѣ напечатанія *Нови* въ *Вѣстникѣ Европы* изъ романа было выпущено нѣсколько сценъ и цѣлая глава, описывавшая «хожденіе въ народъ» Маріанны.

Мы приведемъ буквальныя слова лица, слышавшаго разсказъ объ этомъ отъ самого Тургенева.

«Эта Маріанна, какъ женщина, оказалась болѣе способной подойти къ жизни крестьянъ, и возбудила къ себѣ симпатіи и довѣріе мужиковъ. Правда, они сразу догадались, что это барышня, однако толковали съ нею по душѣ»...

Прискорбнѣе всего, что пропущенныя мѣста Тургеневъ не счелъ нужнымъ и даже возможнымъ возстановить ни въ иностранныхъ переводахъ *Нови*, ни въ отдѣльныхъ русскихъ изданіяхъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, подобныя сокращенія вредили цѣльности и ясности новаго произведенія, и Тургеневъ самъ указывалъ, что смыслъ *Нови* пострадалъ отъ выпусковъ. Критика и публика, даже и не подозрѣвавшіе факта, получили только новый поводъ недоумѣвать и подчасъ жестоко упрекать автора, а автору приходилось, скрѣпя сердце, расплачиваться за невольный грѣхъ.

Расплата оказалась необыкновенно тягостной. «Я никогда не подвергался такому единодушному порицанію въ журналахъ», пишетъ Тургеневъ, вскорѣ послѣ напечатанія *Нови*. И въ результатѣ мы, конечно, слышимъ старое обѣщаніе больше не писать. Всѣ отзывы о *Нови* онъ считаетъ для себя «дѣломъ прошлымъ», «такъ какъ», увѣряетъ онъ, «я рѣшился болѣе не писать и положить перо, которое служило мнѣ болѣе 30 лѣтъ;—пора въ отставку, къ ветеранамъ» [298]).

На этотъ разъ настроеніе, дѣйствительно, было рѣшительное, почти безнадежное. Его отмѣчаютъ даже иностранцы, сѣтуя на соотечественниковъ геніальнаго художника за безпощадность нападокъ [299]).

Но какъ бы нападки ни были рѣзки, сколько бы огорченій онѣ ни причиняли писателю на закатѣ его многотрудной и многострадальной жизни,—романъ, при самомъ хладнокровномъ и снисходительномъ отношеніи, не могъ не вызвать самыхъ страстныхъ сужденій. Мы здѣсь не станемъ разбирать тѣхъ сужденій: общее настроеніе молодой критики мы уже знаемъ послѣ *Отцовъ и Дѣтей*. Мы подойдемъ къ роману съ исторической и психологической

---

298) *Письма*, 314.

299) Пичъ. *Иностр. критика*. 179.

стороны, совершенно миновавъ личныя страсти и злобы минуты прошлаго.

Все произведеніе будто заранѣе было разсчитано на необыкновенно жгучій интересъ публики. Авторъ, прощаясь съ своей писательской дѣятельностью, представлялъ читателямъ настоящую личную исповѣдь въ художественной формѣ и открыто высказывалъ свои взгляды на важнѣйшіе наболѣвшіе вопросы современнаго молодого поколѣнія.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ составлялось у Тургенева въ теченіи многихъ лѣтъ. Изъ заграничнаго далека онъ не упускалъ изъ виду ни одного явленія русской жизни и, по исконному своему влеченію, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за нарожденіемъ и развитіемъ новыхъ идейныхъ теченій среди молодежи.

Мы могли по произведеніямъ и нѣкоторымъ чертамъ практической дѣятельности Тургенева видѣть, какое прочное и глубокое сочувствіе лучшіе русскіе люди питали къ народу наканунѣ и послѣ крестьянской реформы. Литература сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ усердно и самоотверженно распространяла въ обществѣ идеи гуманности и человѣческаго достоинства и постепенно воспитала поколѣніе, которое въ эпоху освобожденія сочло своимъ нравственнымъ долгомъ осуществить эти идеи въ жизни, придти на помощь народу на его новомъ трудномъ пути.

Тургеневъ лично поддался этимъ стремленіямъ и мы видѣли его неоднократныя попытки—отдать свои силы и свой талантъ на просвѣщеніе народа. Именно въ просвѣщеніи, въ народной грамотности Тургеневъ и видѣлъ величайшую цѣль высшихъ культурныхъ сословій. Крестьяне должны прежде всего цивилизоваться, стать культурнымъ классомъ страны. Эта идея, мы знаемъ, была принята единодушно въ кружкѣ Станкевича, здѣсь каждый будущій дѣятель считалъ высокимъ назначеніемъ учить народъ, по просту сдѣлаться учителемъ даже при самыхъ скромныхъ условіяхъ. Подъ вліяніемъ юношескихъ стремленій Тургеневъ впослѣдствіи въ первыхъ своихъ романахъ выводитъ учителей и всегда въ идеальномъ свѣтѣ. Перерожденіе Рудина изъ байронствующаго краснобая въ положительнаго человѣка сороковыхъ годовъ увѣнчивается дѣятельностью въ качествѣ преподавателя гимназіи, восторженнаго наставника и друга подростающаго поколѣнія. Въ *Дворянскомъ гнѣздѣ* ту же атмосферу неисправимаго идеализма, равнодушнаго ко всѣмъ превратностямъ жизни, приноситъ на сцену Михалевичъ. Онъ оканчиваетъ свою кипучую жизнь, неизмѣнно преисполненную благороднѣйшихъ стремленій, должностью старшаго надзирателя въ казенномъ заведеніи. Ее

авторъ называетъ его «настоящимъ дѣломъ». Михалевича и Рудина «обожаютъ» воспитанники. Эта сердечная связь—единственная награда идеалистамъ...

Очевидно, въ глазахъ Тургенева подобная награда являлась одной изъ самыхъ почетныхъ. Онъ до конца жизни оставался при этомъ убѣжденіи. Интеллигенція—призванный учитель и руководитель народа на одномъ и томъ-же пути общечеловѣческой культуры.

Но требовалась спокойная вдумчивая мысль и не малое самоотверженіе, чтобы ограничиться такой ролью. Крестьянская реформа вызвала преувеличенныя ожиданія, даже у крестьянъ. Среди наиболѣе восторженныхъ образованныхъ юношей, идеалистически мечтавшихъ о новыхъ гражданахъ новаго государства, та же реформа должна была произвести настоящій нравственный и умственный переворотъ...

Тургеневу не требовалось никакихъ выжиданій, чтобы заранѣе рѣшить вопросъ отрицательно. Ему неоднократно приходилось опровергать слишкомъ горячихъ реформаторовъ.

Естественно, такое холодное отношеніе къ пламеннымъ надеждамъ извѣстной части молодежи могло только усилить непопулярность Тургенева. Къ мечтательнымъ юношамъ присоединились даже нѣкоторые «отцы». Относительно этихъ энтузіастовъ насмѣшки Тургенева часто становились рѣзкими, безпощадными.

И онъ былъ правъ. На несбыточную игру воображенія непроизводительно уходили лучшія силы и отвлекали ихъ отъ прямого разумнаго дѣла. Если молодежь не могла простить Тургеневу уступокъ Базарова презрѣнной эстетикѣ, еще менѣе она могла позволить писателю насмѣшки надъ героями «молодой Россіи». Для Тургенева эти герои были въ лучшемъ случаѣ достойны состраданія подобно слѣпцамъ и младенцамъ, и онъ, съ обычной искренностью, не скрывалъ своихъ взглядовъ ни въ письмахъ, ни въ личныхъ бесѣдахъ, не побоялся, наконецъ, перенести ихъ и въ свой романъ.

Въ теченіи шестидесятыхъ годовъ Тургеневу приходилось безпрестанно касаться вопроса о народѣ и о роли образованнаго класса среди народа. Положеніе писателя, ознаменовавшаго свое раннее творчество *Записками охотника*, было крайне затруднительно. Интересъ къ народу, въ высшей степени напряженный до реформы, у многихъ литераторовъ послѣ 19-го февраля быстро переродился въ безотчетный восторгъ передъ деревенской жизнью, крестьянскими характерами и воззрѣніями. Возникло лирическое народничество, настроенное на высокій тонъ независимо отъ уро-

ковъ дѣйствительности подъ вліяніемъ однихъ волшебныхъ звуковъ—народъ, деревня, община. Крайнія увлеченія всегда одновременно съ чувствами восторга вызываютъ вражду противъ даже мнимыхъ противниковъ, сколько-нибудь не похожихъ на предметъ фанатическаго поклоненія. Русскіе народники такого противника открыли въ цивилизованной Европѣ, въ Западѣ, т. е. тамъ, гдѣ и старые славянофилы видѣли источники заразы и гнилья.

Народъ освобожденъ, — и горячимъ политикамъ представился вопросъ, какимъ политическимъ путемъ пойдутъ эти новые граждане? Отвѣтъ былъ найденъ *у себя, дома.* Россіи не требуется западно-европейскихъ формъ государственной и общественной жизни. На Западѣ торжествуетъ буржуазія въ ущербъ народу,— въ Россіи народная жизнь создала основу будущаго строя, свободнаго отъ буржуазнаго владычества. Эта основа—крестьянская *община*, *міръ*. Она должна примирить всѣ противорѣчія, созданныя культурой Запада, и вообще упрочить идеальный порядокъ для народной массы.

Очевидно, Тургеневу приходилось вести тѣ же бесѣды, какія онъ когда-то велъ съ Аксаковыми незадолго до романа *Дворянское гнѣздо.* Взгляды Тургенева на крестьянскую жизнь не измѣнились, онъ также остался прежнихъ убѣжденій и на счетъ Россіи, какъ государства европейскаго.

Противъ Тургенева стояло два противника—такъ называемая «молодая Россія»,—преобразователи изъ самыхъ юныхъ и горячихъ, и его давнишній другъ, когда-то весьма близкій ему по идеямъ, а теперь попавшій въ славянофильскій толкъ.

Главное оружіе Тургенева направлено именно противъ этого друга, въ высшей степени даровитаго публициста и, слѣдовательно, опаснаго для молодой и всякой другой публики.

Прежде всего Тургеневъ, опираясь на свое совершенное знаніе народной жизни, стремился охладить восторги своего друга предъ мужикомъ и доказать опрометчивость его нападокъ на Западъ съ его буржуазнымъ зломъ.

Другъ возлагалъ особенныя надежды на идейную и нравственную отзывчивость крестьянъ,—Тургеневъ возражалъ:

«Народъ, предъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ par excellence и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что даже оставитъ за собою всѣ мѣтко-вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную

буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить—посмотри на нашихъ купцовъ» [300]).

Дальше Тургеневъ указывалъ на грозную дилемму, которую неминуемо предстоитъ разрѣшить беззавѣтнымъ поклонникамъ народа. Необходимо, или «низвергаться» предъ нимъ, несмотря на многочисленныя темныя стороны его жизни и характера, воспитанныя многовѣковымъ рабствомъ, или «коверкать его» по теоріи, выработанной вдали отъ дѣйствительности. Придется чуть не одновременно признавать убѣжденія народа «святыми и высокими» и «клеймить ихъ несчастными и безумными».

И примѣръ подобнаго совпаденія Тургеневъ здѣсь же и приводилъ изъ брошюры, одного народолюбца.

Ясно, слѣдовательно, народническій энтузіазмъ—непростительное заблужденіе и притомъ гибельное. Оно воспитываетъ безпочвенную національную гордость, укрѣпляетъ варварское чувство самообольщенія и ведетъ къ безчисленнымъ разочарованіямъ, лишь только энтузіастъ принимается за практическую дѣятельность.

Тургеневъ жестоко упрекаетъ своихъ противниковъ въ совращеніи юнцовъ съ пути здравомыслія и вдумчиваго отношенія къ фактамъ.

«Наливъ молодыя головы вашей еще не перебродившей соціально-славянофильской брагой, пускаете ихъ хмѣльными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ предстоитъ споткнуться на первомъ шагу»... [301]).

Рѣчь Тургенева становится особенно энергичной, когда онъ начинаетъ указывать на преднамѣренное пренебреженіе новыхъ реформаторовъ къ самымъ убѣдительнымъ даннымъ «исторіи, физіологіи, статистики». Эти науки доказываютъ, что русскіе принадлежатъ «по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, genus europaeum», слѣдовательно для нихъ не можетъ быть исключительнаго пути культурнаго развитія. Столь же убѣдительныя данныя показываютъ полнѣйшее несходство вкусовъ и идеаловъ крестьянина и его непризваннаго руководителя - славянофила и обожателя всего народнаго. При настоящихъ условіяхъ мужикъ и политикъ-народникъ прямо не поймутъ другъ друга: это два существа двухъ совершенно различныхъ міровъ, и единственное средство объединить ихъ—просвѣщеніе.

Тургеневъ безпрестанно повторяетъ эту мысль. Ему приходится выслушивать весьма рѣзкія укоризны за свою приверженность къ

---

[300]) Письмо помѣчено: *Баденъ-Баденъ, 8 октября 1862 г.*

[301]) Письмо помѣчено: *Парижъ, 8 ноября, 1862.*

Европѣ. Онъ отвѣчаетъ спокойно и всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ:

«Не изъ эпикуреизма, не отъ усталости и лѣни я удалился, какъ говоритъ Гоголь, подъ *сѣнь струй* европейскихъ принциповъ и учрежденій. Мнѣ было бы 25 лѣтъ—я бы не поступилъ иначе—не столько для собственной пользы, сколько для пользы народа. Роль *образованнаго* класса въ Россіи быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать и принимать. Это въ сущности скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ»... [302]).

Въ этой программѣ слышались ясные отголоски стараго западничества Тургенева и тѣхъ самыхъ рѣчей, какими Лаврецкій поражалъ пылкаго канцелярскаго генія—Паншина. Во имя народа Тургеневъ требовалъ цивилизаціи и уваженія къ народной личности, какъ исторической силѣ. Онъ и теперь могъ искренно заговорить о «признаніи народной правды», о «смиреніи предъ нею»,—не въ смыслѣ слѣпаго культа, а неизмѣнно гуманнаго, вдумчиваго отношенія къ вѣковой исторіи народнаго быта и народнаго духа. Всякая ломка, производящая на народъ впечатлѣніе насилія и произвола, казалась Тургеневу одинаково тяжкимъ грѣхомъ и предъ европейской культурой, и предъ народной правдой. Воспитать въ народѣ сознательную потребность гражданственныхъ благъ, изъ стихійной косной массы превратить его въ мыслящее человѣческое общество и достигнуть этого упорнымъ мирнымъ трудомъ, безграничнымъ терпѣніемъ, незамѣтной, менѣе всего героической работой—таковъ былъ идеалъ Тургенева—и въ то время, когда онъ наканунѣ реформы замышлялъ «Общество для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія», и въ самый разгаръ его борьбы съ новымъ славянофильствомъ и народническимъ идолопоклонствомъ.

Немного позже *Нови* былъ написанъ діалогъ *Чернорабочій и бѣлоручка.* Здѣсь предъ нами роковое взаимное непониманіе различныхъ классовъ общества.

Гдѣ же исходъ?

Отвѣтъ Тургенева ясенъ—просвѣщеніе. Къ такимъ взглядамъ на вопросы современнаго общества Тургеневъ пришелъ задолго до того дня, когда онъ рѣшилъ, наконецъ, написать *Новь.* Взгляды въ общихъ чертахъ опредѣлились очень давно, но частности и преимущественно художественные образы, поясняющіе идею, сложились постепенно. Такъ слѣдуетъ понимать выраженіе Тургенева,

---

[302]) Письмо отъ 8 октября 1862 года.

что идея романа у него «долго вертѣлась въ головѣ». Осуществленіе идеи откладывалось въ теченіе многихъ лѣтъ, авторъ, очевидно, не чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ и вдохновенія. Эта невольная отсрочка должна была неизбѣжно приподнять тонъ разсказа, лирическимъ, т.-е. субъективнымъ мѣстамъ романа сообщить особенное воодушевленіе, отмѣтить красными чертами лично-дорогія автору идеи. *Нови*, слѣдовательно, предстояло раздѣлить участь *Дыма*, явиться сатирой, элегіей, отчасти защитительнымъ словомъ и менѣе всего спокойнымъ эпическимъ отраженіемъ дѣйствительности.

Мы знаемъ, въ чемъ могла состоять основная цѣль Тургенева, когда онъ обдумывалъ героевъ и факты своего будущаго произведенія. Письма шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ указываютъ эту цѣль безошибочно: «хожденіе въ народъ»—трагикомическій фарсъ, стремленіе къ героической преобразовательной роли—преступленіе предъ духомъ и потребностями времени: нужна «мелкая, темная и даже жизненная работа», т.-е. самая будничная и незамѣтная, въ родѣ обученія мужика грамотѣ, основанія больницъ...

Все это—подлинныя рѣчи самого Тургенева, и романъ послужилъ только иллюстраціей къ рѣчамъ.

Въ *Нови* два героя сосредоточиваютъ съ перваго взгляда все наше вниманіе: Неждановъ и Соломинъ. Вотъ они-то и должны будутъ въ лицахъ доказать извѣстный намъ общественно-просвѣтительный символъ Тургенева. Неждановъ долженъ представить банкротство политики «молодой Россіи», Соломинъ — блистательно оправдать «жизненную работу». Для автора, выдержавшаго столько сраженій съ представителями «прогрессивной молодежи» и даже съ нѣкоторыми увлекающимися отцами, важнѣе всего, конечно, было доказать безпочвенность прогресса, какъ его объясняли разные реальные Базаровы. Очевидно, Неждановъ долженъ очутиться въ особыхъ условіяхъ, которыя бы облегчили автору путь и совершенно естественно, въ силу логики событій, подсказали требуемый отвѣтъ на давнишній мучительный вопросъ.

Такъ это и происходитъ.

Нежданову предстоитъ идти въ народъ, тамъ его встрѣтитъ закоренѣлое невѣжество, нужда, равнодушіе къ величайшимъ лишеніямъ и, прежде всего, полное отсутствіе внѣшней культуры.

Послѣднее обстоятельство, конечно, краснорѣчивѣе всякой умственной темноты и нравственнаго отупѣнія, можетъ показать страшную пропасть между реформаторами народной жизни и этой самой жизнью. Потомъ, именно внѣшнія условія будничнаго существованія и праздничнаго веселья мужика скорѣе всего могутъ

оттолкнуть просвѣщеннаго горожанина, вызвать у него прямо физическое отвращеніе.

Представьте всѣ эти соображенія въ лицахъ и сценахъ, и вы сравнительно простыми и легкими средствами достигнете крупнаго результата: на большинство читающей публики произведете неотразимое впечатлѣніе, до какой степени безсмысленно съ современнымъ мужикомъ толковать объ общественныхъ дѣлахъ.

Именно такое впечатлѣніе и требуется автору, и онъ совершенно послѣдовательно выбираетъ въ герои «хожденія» юношу необыкновенно тонкой художественной организаціи, существо почти женственное, до болѣзненности впечатлительное и, въ заключеніе всего, безнадежно заѣдаемое рефлексіей.

Въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь въ судьбу и личность Нежданова, и вы будете поражены откровенностью авторскихъ намѣреній.

Неждановъ—незаконный княжескій сынъ и одинъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ вліянія наслѣдственности. Онъ отъ природы снабженъ всѣми признаками высшей экзотической культуры, начиная съ внѣшности. Чувство красоты въ немъ развито, какъ у истаго наслѣдника вѣковой эстетики «отцовъ»-романтиковъ. Предъ нимъ даже братья Кирсановы въ этомъ отношеніи созданія первобытныя и малоодаренныя. Тѣ только восхищаются произведеніями чужого поэтическаго генія,—Неждановъ самъ поэтъ и притомъ настоящій, чувствующій по временамъ непреодолимую потребность излить свои ощущенія и думы въ стихахъ. У него хранится завѣтная тетрадка, дневникъ, исторія сильнѣйшихъ моментовъ его жизни. У него, кромѣ того, есть другъ, повѣренный всѣхъ его тайнъ, «замѣчательно чистой души», Владиміръ Силинъ. Къ нему Неждановъ постоянно пишетъ письма, знаменуя ими важныя событія своего внѣшняго и внутренняго міра. Эти письма—другой дневникъ, другой рядъ сердечныхъ изліяній...

Развѣ все это не напоминаетъ нѣчто институтское, немыслимое безъ стихотворнаго альбома и идеальной дружбы? Развѣ этотъ юноша съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица и другими признаками «породы»—не герой какой-нибудь романтической идилліи, не прямой духовный потомокъ поколѣнія, много раньше осужденнаго авторомъ на немощное угасаніе среди новой реальной и органически-сильной жизни?

Теперь тотъ же авторъ вызываетъ изъ «царства мертвыхъ» юный образъ исключительно за тѣмъ, чтобы изобразить предъ нами давно извѣстную агонію — физическую и нравственную, точнѣе, чтобы разсказать жизнь, сплошь состоящую изъ одной агоніи.

Если бы Неждановъ родился при вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. отъ родителей въ бракѣ, его біографія врядъ ли отличалась бы чѣмъ отъ тысячи другихъ біографій. Самое существенное отличіе состояло бы, вѣроятно, въ поэтическихъ занятіяхъ Нежданова. Воспитавшись въ аристократической обстановкѣ, на лонѣ «высшей культуры», ежедневно вдыхая воздухъ романтизма и эстетики, — онъ, конечно, не считалъ бы своимъ нравственнымъ долгомъ скрывать свои стихотворческія упражненія. Они нисколько не нарушили бы общаго тона его существованія. Напротивъ, онъ могъ бы прослыть даже семейнымъ или салоннымъ геніемъ, и плоды его музы красовались бы не въ одномъ раздушенномъ альбомѣ мечтательной свѣтской красавицы.

Но злосчастная судьба все устроила по-своему. Неждановъ — незаконный сынъ и его даже не ожидали на свѣтъ божій. Прирожденный аристократъ, слѣдовательно, роковымъ образомъ очутился среди паріевъ, жертвой общественныхъ предразсудковъ и юридическихъ ограниченій. Драма въ высшей степени простая и безчисленное число разъ вдохновлявшая гуманныхъ поэтовъ и публицистовъ.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ существовалъ особый жанръ сценическихъ произведеній, посвященныхъ «незаконнымъ дѣтямъ». *Le Fils Naturel* — такой же обычный герой просвѣтительной эпохи, какъ «добрый сеньеръ», «крестьянинъ философъ», «почтенный буржуа». Естественно, незаконныя дѣти постоянно являлись дѣтьми отцовъ изъ высшихъ сословій, и для авторовъ служили краснорѣчивѣйшими застрѣльщиками въ борьбѣ противъ общественнаго неравенства, жестокихъ законовъ, обычаевъ и предразсудковъ. Въ видѣ примѣра, можно припомнить блестящія рѣчи героя Дидро въ знаменитой когда-то драмѣ *Le Fils Naturel*. Въ этихъ монологахъ изображены подробно лишенія и обиды, какія выпадаютъ на долю несчастнымъ отверженцамъ. Въ общихъ чертахъ Дидро написалъ превосходную біографію всѣхъ незаконныхъ дѣтей какой бы то ни было эпохи, въ томъ числѣ и нашего Нежданова. Разница только въ содержаніи протеста. Герой энциклопедиста ратовалъ за просвѣтительныя идеи своей эпохи, присоединялъ свой голосъ къ голосамъ Вольтера и его сподвижниковъ, а Неждановъ засталъ крайній протестъ своихъ сверстниковъ въ формѣ нигилизма, и немедленно постарался пристать къ нимъ, свою аристократическую натуру вдвинуть въ рамки базаровскаго типа.

Этотъ процессъ *нравственной и внѣшней передѣлки* собственной жизни и личности мы должны прежде всего имѣть въ виду относительно Нежданова. Это — процессъ насильственный, предна-

мѣренный, мучительный, потому что природа всегда сильнѣе всякихъ ухищреній даже самой сильной воли,—не только неждановской,—дряблой и пугливой воли аристократическаго тепличнаго дѣтища.

Неждановъ попалъ въ нигилисты въ силу случайнаго стеченія обстоятельствъ, исторія его нигилизма—исторія незаконнаго сына на почвѣ русскихъ шестидесятыхъ годовъ.

Почему же Неждановъ сошелся съ нигилистами, а не иначе какъ сталъ мстить людской неправдѣ,—это дѣло автора, и здѣсь еще ничего нѣтъ невѣроятнаго и явно тенденціознаго. Неждановъ могъ самымъ обыкновеннымъ путемъ превратиться въ нигилиста, но преднамѣренный разсчетъ автора въ томъ, что именно *на такомъ нигилистѣ* доказывается общее положеніе, именно Неждановъ долженъ посрамить молодыхъ защитниковъ извѣстнаго политическаго идеала.

До какой степени искусственно построенъ этотъ планъ посрамленія, особенно ясно станетъ, если Нежданова сопоставить съ Базаровымъ.

Мы указывали, какъ органически выросли и послѣдовательно развились отрицательныя идеи Базарова. Сила художественнаго созданія и общественное значеніе типа заключалось въ его цѣльности, природной мощи. Базаровъ *не могъ не быть нигилистомъ* по своей натурѣ, по условіямъ всей своей жизни, по ходу своего духовнаго развитія и по многочисленнымъ вліяніямъ своей эпохи. Самыя заблужденія Базарова—логическія слѣдствія основной жизненной идеи, воплощаемой его личностью. Базаровъ—стихія, оригинальная и независимая отъ начала до конца, никому и ничему не подражающая и уступающая только вѣчнымъ законамъ человѣческой природы и исторіи.

Неждановъ рядомъ съ Базаровымъ то же самое, что сценическая декорація лѣса предъ настоящимъ лѣсомъ. У Нежданова все чужое, кромѣ оскорбленнаго самолюбія, кромѣ неизбывныхъ страданій за свое происхожденіе, стыда за свой неудавшійся аристократизмъ. Онъ болѣзненно чутокъ ко всякому намеку на его «исторію». Это нѣчто «горькое», по выраженію автора, «что онъ всегда носилъ, всегда ощущалъ на днѣ души». Настоящій нигилистъ, Базаровъ, подобныя ощущенія съ глубочайшимъ презрѣніемъ обозвалъ бы романтизмомъ и насчетъ нервной системы повторилъ бы о Неждановѣ рѣчь, сказанную о братьяхъ Кирсановыхъ, «старенькихъ романтикахъ». А для Нежданова мнѣніе перваго встрѣчнаго флигель-адъютанта—источникъ драмы; даже голосъ его начинаетъ звучать «глухо».

Легко представить, какимъ неудобоносимымъ бременемъ окажется для него нигилизмъ.

Прежде всего, по нигилистическому уставу, Неждановъ долженъ отвергать эстетику. Мы знаемъ, чего это стоило даже Базарову—его подражатель прямо изнемогаетъ въ сущности на первой только ступени нигилизма. Первобытному Остродумову легко презирать эстетику, по крайней мѣрѣ, въ формѣ статей или стиховъ. Для Нежданова это своего рода гамлетовскій вопросъ и разрѣшаетъ онъ его столь же безславно, какъ и датскій принцъ мститъ за смерть отца. Украдкой пишутся стихи, лелѣется драгоцѣнная тетрадка, а на публикѣ—суровое лицо по поводу даже намековъ на «литературную жилку», негодованіе на отца, что тотъ пустилъ будущаго нигилиста по «эстетикѣ». Но нигилистъ во всемъ долженъ враждовать съ изяществомъ и красотой, и—вотъ судьба Нежданова:

«Опрятный до щепетильности, брезгливый до гадливости, онъ силился быть циничнымъ и грубымъ на словахъ; идеалистъ по натурѣ, страстный и цѣломудренный, смѣлый и робкій въ одно и то же время, онъ, какъ позорнаго порока, стыдился и этой робости своей, и своего цѣломудрія, и считалъ долгомъ смѣяться надъ идеалами».

Неждановъ, слѣдовательно, нарядился въ маскарадное платье и устроилъ изъ своей жизни «водевиль съ переодѣваніемъ» гораздо раньше своего «хожденія въ народъ». Но несчастіе не въ маскарадѣ собственно: есть много лицедѣевъ по натурѣ, и имъ тѣмъ легче чувствуется, чѣмъ искусственнѣе и эффектнѣе ихъ представленія. Но Неждановъ отъ природы человѣкъ правдивый, искренній, даже наивно-непосредственный. Актерскій нарядъ, все равно изъ какой угодно пьесы, для него жестокое испытаніе. Въ то время, когда для другихъ истинное удовольствіе и даже потребность—притворяться и парадировать въ чужой шкурѣ, для Нежданова всякая ложь, недомолвка, передержка—личное оскорбленіе. Онъ—самый поучительный примѣръ для пословицы «не въ свои сани не садись»: болѣе трагической расплаты за «чужія сани» трудно и представить, чѣмъ участь Нежданова.

Противъ врожденныхъ влеченій иной разъ можно вести борьбу съ великой рѣшительностью и даже наслажденіемъ, если есть сознаніе нравственной необходимости и разумной цѣлесообразности этой борьбы. Тогда борецъ становится героемъ принципа, рыцаремъ убѣжденій. Геній есть трудъ, любилъ говорить Гёте, а трудъ, создающій геніальную работу,—ничто иное, какъ неустанная дисциплина личныхъ силъ ради идеальной цѣли. И Неждановъ могъ бы попасть въ число этихъ настоящихъ героевъ идеи, если бы нигилизмъ для него составлялъ признанную высокую цѣль умственной и практической дѣятельности, если бы «отрицаніе эстетики» и

«хожденіе въ народъ» являлись для него незыблемыми основами будущаго общественнаго строя.

Но ничего подобнаго нѣтъ. Неждановъ *не вѣритъ и не можетъ вѣритъ* ни въ разумность отрицанія эстетики, ни въ плодотворность революціонныхъ предпріятій. Почему не вѣритъ?

Прежде всего, конечно, потому, что оба символа стихійно враждебны его натурѣ, а у него, какъ слабонервнаго романтика, нѣтъ достаточно нравственной силы—во что бы то ни стало пойти противъ своихъ аристократическихъ вкусовъ, а потомъ—все та же причина: автору требуется невѣрующій нигилистъ-дѣятель,—и, по его мнѣнію, всякій искренній, разумный юноша только подъ вліяніемъ привходящихъ обстоятельствъ, внѣшнихъ вліяній, несчастныхъ случайностей можетъ исповѣдовать эти символы, отнюдь не сливаясь съ ними всѣмъ своимъ нравственнымъ міромъ. Неждановъ именно искренній, разумный, эстетически и нравственно чуткій юноша, слѣдовательно, глубоко симпатичный автору, и онъ осужденъ на жесточайшую драму, какую только можно представить въ человѣческой жизни: защищать и даже приносить жертвы—дѣлу, не внушающему ему ни вѣры, ни одушевленія.

Авторъ, весьма тщательно оттѣняя противорѣчія въ противоэстетическихъ усиліяхъ Нежданова, еще тщательнѣе подчеркиваетъ отсутствіе принципіальности въ его нигилизмѣ, недостатокъ вѣры на каждомъ шагу, гдѣ требуется оправдывать нигилизмъ на дѣлѣ.

Это невѣріе охватываетъ рѣшительно все, сколько-нибудь касающееся главной тяготы—нигилистическаго направленія. Оно простирается даже на любовь Нежданова къ Маріаннѣ, потому что любовь возникла на почвѣ общаго сочувствія революціонной пропагандѣ.

«Во имя дѣла? Да, во имя дѣла?» твердитъ Неждановъ, размышляя о сближеніи съ Маріанной.

И эти слова оказались роковыми, они значили: «во имя того, во что я не вѣрю, что для меня не существуетъ, къ чему я привязалъ себя насильственно»... Во что̀ же должна превратиться любовь, заключенная во имя призрака, въ лучшемъ случаѣ искусственнаго самовнушенія?..

Авторъ необыкновенно ясно разсказываетъ всѣ эти нравственныя треволненія.

«Онъ вдругъ вообразилъ, что его призваніе—въ дѣлѣ пропаганды—дѣйствовать не живымъ, устнымъ словомъ, а письменнымъ; но задуманныя имъ брошюры не клеились. Все, что онъ пытался выводить на бумагѣ, производило на него самого впечатлѣніе чего-то фальшиваго, натянутаго, невѣрнаго въ тонѣ, въ

языкѣ, и онъ раза два—о, ужасъ!—невольно сворачивалъ на стихи или на скептическія личныя изліянія»...

Таково положеніе Нежданова послѣ неудачныхъ попытокъ даже сблизиться съ мужиками...

Далѣе еще болѣе краснорѣчивое изліяніе.

Неждановъ послѣ знакомства съ Соломинымъ, Маркеловымъ, Голушкинымъ, слѣдовательно, самыми разнообразными типами нигилистическаго толка, погружается въ раздумье:

«Странное было состояніе его души. Въ послѣдніе два дня сколько новыхъ ощущеній, новыхъ лицъ... Онъ въ первый разъ въ жизни сошелся съ дѣвушкой, которую по всей вѣроятности—полюбилъ; онъ присутствовалъ при начинаніяхъ дѣла, которому по всей вѣроятности посвятилъ всѣ свои силы. И что же?—Радовался онъ?—Нѣтъ.—Колебался онъ? Трусилъ? Смущался?—О, конечно, нѣтъ. Такъ чувствовалъ ли по крайней мѣрѣ то напряженіе всего мужества, которое вызывается близостью борьбы?—Тоже нѣтъ. Да вѣритъ ли онъ, наконецъ, въ это дѣло? Вѣритъ ли онъ въ свою любовь?—О, эстетикъ проклятый! Скептикъ! беззвучно шептали его губы.—Отчего эта усталость, это нежеланіе даже говорить, какъ только онъ не кричитъ и не бѣснуется?—Какой внутренній голосъ желаетъ онъ заглушить въ себѣ этимъ крикомъ?..»

Размышленія прерываются такимъ восклицаніемъ:

«О, Гамлетъ, Гамлетъ, датскій принцъ, какъ выйти изъ твоей тѣни? Какъ перестать подражать тебѣ во всемъ, даже въ позорномъ наслажденіи самобичеванія?».

Намъ, кажется, Нежданову не стоило такъ далеко искать своего первообраза, и Паклинъ, появляющійся именно въ эту минуту, будто Мефистофель къ Фаусту, вмѣсто своего восклицанія:

«Алексисъ! Другъ! россійскій Гамлетъ!»—

могъ воспользоваться другимъ, несравненно болѣе точнымъ и совершенно русскимъ:

«Алексѣй! Другъ! тургеневскій Рудинъ!»

Рудинъ—первой части романа, не эпилога:—и Паклинъ оказалъ бы большую услугу своему пріятелю. Ему слѣдовало бы только сдѣлать одну оговорку: «Я тебя, Алексѣй, считаю человѣкомъ честнымъ и прямымъ и не причисляю къ сонмищу байронствующихъ россіянъ». А все остальное самъ Неждановъ воспроизведетъ въ своемъ романѣ, повторитъ и въ мысляхъ, и въ дѣйствіяхъ рудинскую исторію.

Припомните одно изъ разсужденій Пигасова на счетъ особой человѣческой породы. «Куцыми бываютъ люди, говоритъ онъ, и

отъ рожденія, и по собственной волѣ. Куцымъ плохо: имъ ничего не удается—они не имѣютъ самоувѣренности».

За этимъ разсужденіемъ слѣдуетъ вспышка Волынцева, направленная противъ Рудина. Герой не посмѣлъ дать отпоръ, и—

«Эге! да и ты куцъ!» подумалъ Пигасовъ.

Въ одномъ изъ писемъ къ Владиміру Силину Неждановъ разсказываетъ свое трагическое положеніе незадолго до самоубійства и прибавляетъ замѣчательныя слова:

«Куда ни кинь, все клинъ! Окургузила меня жизнь, мой Владиміръ»...

Это отнюдь не случайное совпаденіе: кургузый и куцый—это Неждановъ-нигилистъ и Рудинъ-гегельянецъ.

Яснѣе всего это духовное родство обнаруживается въ романическихъ исторіяхъ обоихъ героевъ.

Намъ раньше приходилось рѣшать вопросъ, любитъ ли Рудинъ Наташу и указывать, что самъ герой менѣе всего знаетъ объ этомъ.

Не то же ли самое и съ Неждановымъ? Вы обратили вниманіе на его удивительную мысль: «сошелся съ дѣвушкой, которую—по всей вѣроятности—полюбилъ?» Это—*по всей вѣроятности*—стòитъ цѣлаго психологическаго разсужденія. А потомъ усиліе Нежданова убѣдить себя, что Маріанну онъ полюбилъ дѣйствительно «во имя дѣла! да, во имя дѣла!»—и это немедленно послѣ перваго объясненія... Развѣ предъ нами не рудинское: «Я счастливъ! да, я счастливъ», и замѣчаніе автора: «повторилъ онъ, какъ бы желая убѣдить самого себя», цѣликомъ можно отнести къ рѣчи и настроенію Нежданова.

Дальше—вопросъ поднимается о побѣгѣ, и побѣгъ предлагаетъ Маріанна, какъ Наташа—Рудину. Неждановъ восхищенъ и готовъ «на край свѣта» за героиней. Но эта готовность весьма подозрительнаго свойства:

Неждановъ много моложе Рудина, а у Маріанны нѣтъ мамаши—свѣтской энергичной дамы. Обстоятельства для перваго восторга, слѣдовательно, благопріятны, но за-то и раскаяніе тяжелѣе, чѣмъ у Рудина. Тотъ, вѣроятно, не особенно тосковалъ послѣ разлуки съ Наташей, а Неждановъ не знаетъ куда дѣваться отъ сомнѣній послѣ рѣшенія бѣжать. Предостереженіе Соломина, что молодой герой «долженъ беречь эту дѣвушку», приводитъ его въ отчаяніе:

«Неждановъ постоялъ немного посреди комнаты и, прошептавъ: «ахъ! лучше не думать!», бросился лицомъ въ постель...»

Но больнѣе всего достается Нежданову отъ самой Маріанны. Она инстинктивно чуетъ его «болѣзнь», понимаетъ, чтò за Гамлетъ передъ ней, и нѣсколько ея простыхъ словъ уничтожаютъ его.

Послѣ побѣга, на фабрикѣ у Соломина происходитъ слѣдующая сцена, изумительная по художественной силѣ и психологической правдѣ. Будто видишь предъ глазами двухъ собесѣдниковъ, улавливаешь выраженія ихъ лицъ, движенія, слышишь едва замѣтные, но полные смысла оттѣнки ихъ голосовъ.

Сначала бесѣда идетъ о безразличныхъ предметахъ, идетъ, ради разговора, Маріанна очень оживлена, Неждановъ, напротивъ, говоритъ вяло, прерывая рѣчь, впадаетъ въ задумчивость. Маріаннѣ приходится нарушать молчаніе.

«— Алеша!—промолвила она.

«— Что?

«— Мнѣ кажется, намъ обоимъ немножко неловко. Молодые— des nouveaux mariés,—пояснила она,—въ первый день своего брачнаго путешествія должны чувствовать нѣчто подобное. Они счастливы... имъ очень хорошо—и немножко неловко.

«Неждановъ улыбнулся принужденной улыбкой.

«— Ты очень хорошо знаешь, Маріанна, что мы не молодые въ твоемъ смыслѣ.

«Маріанна поднялась съ своего мѣста и стала прямо передъ Неждановымъ.

«— Это отъ тебя зависитъ.

«— Какъ?

«— Алеша, ты знаешь, что когда ты мнѣ скажешь, какъ честный человѣкъ—а я тебѣ вѣрю, потому что ты точно честный человѣкъ,—когда ты мнѣ скажешь, что ты меня любишь той любовью, которая даетъ право на жизнь другого, когда ты мнѣ это скажешь—я твоя.

«Неждановъ покраснѣлъ и отвернулся немного.

«— Да, тогда! Но вѣдь ты самъ видишь, ты мнѣ теперь этого не говоришь... О, да! Алеша, ты точно, честный человѣкъ. Ну, и давай толковать о вещахъ болѣе серьезныхъ.

«— Но вѣдь я люблю тебя, Маріанна!

«— Я въ этомъ не сомнѣваюсь... и буду ждать».

Чего же?—спросите вы, разъ любовь уже есть, а вѣдь только о любви и говоритъ Маріанна. Любовь—но столь же мало похожая на сильное, цѣльное чувство, какъ Неждановъ въ мѣщанскомъ кафтанѣ на народнаго вожака, какъ философствующій Рудинъ на человѣка сороковыхъ годовъ. И оба героя въ минуты искренности признаются, что не стóятъ увлеченныхъ ими дѣвушекъ.

«Она стóитъ не такой любви, какую я къ ней чувствовалъ»,— говоритъ Рудинъ о Наташѣ.

То же и Неждановъ:

«— О, Маріанна,—шепнулъ онъ,—я тебя не сто̀ю!»

Такія же слова и наканунѣ смерти.

И въ этой самой смерти сколько опять рудинскаго!

Неждановъ еще до «хожденія въ народъ» доказалъ свою способность растеряться въ критическій моментъ. Маркеловъ его оскорбилъ еще больнѣе, чѣмъ Волынцевъ Рудина, и онъ не отвѣчалъ на обиду, какъ настоящій «кургузый». Въ обоихъ случаяхъ мотивъ обиды—любовь къ дѣвушкѣ, и отвѣтъ былъ бы защитой этой любви. Но какъ защищать какое бы то ни было чувство, когда нѣтъ настоящей воли жить дорогой идеей или слѣпой страстью? Неждановъ молчаливо разрѣшаетъ этотъ вопросъ скорѣе Рудина, но въ томъ же направленіи до буквальнаго сходства. Въ его письмѣ къ Силину находится будто намѣренное объясненіе рудинской трагедіи:

«Право, мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—что если бы гдѣ-нибудь теперь происходила народная война, я бы отправился туда не для того, чтобы освобождать кого бы то ни было, но чтобы покончить съ собою...»

Но немного раньше Неждановъ находитъ, что смерть при такихъ условіяхъ—«какое-то сложное самоубійство», и предпочитаетъ *просто* покончить съ собой: «по крайней мѣрѣ, буду знать, когда и какъ, и самъ выберу, въ какое мѣсто выпалить».

Ждать пришлось недолго. Неждановъ умеръ, заявляя въ предсмертномъ письмѣ, что онъ не вѣрилъ «въ дѣло» и что его жизнь была «ложью».

Ложь—здѣсь неумѣстное понятіе. Неждановъ отъ начала до конца былъ правдивымъ человѣкомъ. Правдивость вызвала у него самопризнанія, которыя мы можемъ принять за истинное изображеніе его личности и судьбы.

Этихъ самопризнаній множество. Недаромъ Неждановъ велъ поэтическій альбомъ и дружескую переписку.

Еще до «хожденія въ народъ» онъ разсуждаетъ:

«Коли ты рефлектёръ и меланхоликъ,—ты пиши, стишки, да книги, да возись съ собственными мыслишками и ощущеньицами, да копайся въ разныхъ непрактическихъ соображеніяхъ и тонкостяхъ, а главное — не принимай твоихъ болѣзненныхъ нервическихъ раздраженій и капризовъ за мужественное негодованіе, за честную злобу убѣжденнаго человѣка»...

Нервнымъ людямъ, особенно неудачникамъ свойственно громить самихъ себя жестокими укоризнами, часто несправедливыми и преувеличенными. Но слова Нежданова соотвѣтствуютъ дѣйствитель-

ности, потому что его устами самъ авторъ излагаетъ его психологію и характеризуетъ его практическое положеніе...

Эти характеристики становятся тѣмъ внушительнѣе, чѣмъ ближе сталкивается съ жизнью нигилизмъ Нежданова. Тогда, какъ бы унизительно ни было самообличеніе юнаго героя, оно всецѣло опирается на факты, иногда даже отстаетъ отъ нихъ. Напримѣръ, послѣ перваго опыта Неждановъ говоритъ о себѣ:

«Охъ, трудно, трудно эстетику соприкасаться съ дѣйствительной жизнью!»

Это слишкомъ много послѣ трагикомическихъ приключеній съ мужиками. Но правда беретъ свое. Дыханіе смерти уже начинаетъ вѣять надъ Неждановымъ. «Онъ хотѣлъ умереть, онъ зналъ, что умретъ скоро».

«Хожденіе» повторяется и исповѣдь Нежданова становится все искреннѣе и страстнѣе, переходитъ минутами въ крикъ отчаянія.

Послѣ двухнедѣльнаго опыта онъ пишетъ Силину:

«О, какъ я проклинаю эту нервность, чуткость, впечатлительность, брезгливость, все это наслѣдіе моего аристократическаго отца! Какое право имѣлъ онъ втолкнуть меня въ жизнь, снабдивъ меня органами, которые несвойственны средѣ, въ которой я долженъ вращаться? Создалъ птицу — да и пихнулъ ее въ воду? Эстетика да въ грязь! Демократа, народолюбца, въ которомъ одинъ запахъ этой поганой водки — «зелена̀ вина» — возбуждаетъ тошноту, чуть не рвоту?»...

Драгоцѣннѣйшія слова, — и не потому, что они превосходно изображаютъ неждановскую драму, а потому, что они — лучшая критика на самый романъ. Неждановъ сколько угодно можетъ обижаться на своего естественнаго отца, но главнѣйшая вина: толкнуть птицу въ воду—лежитъ не на совѣсти отца. Напротивъ, князь менѣе всего посовѣтовалъ бы своему даже незаконному сыну превратиться въ нигилиста, онъ даже существенно облегчилъ для него борьбу за существованіе капиталомъ въ 6.000 руб., не то, что̀ судьба Базарова,—«пустилъ его по эстетикѣ» съ явнымъ намѣреніемъ создать полную гармонію практической дѣятельности сына съ его природными наклонностями. Гармонію эту разрушилъ самъ Неждановъ въ союзѣ съ авторомъ. Идейный отецъ Нежданова несравненно больше естественнаго виноватъ во всѣхъ противорѣчіяхъ его судьбы.

Авторъ романа взялъ нервнаго аристократа, романтическаго эстетика, брезгливаго барина и стихотворца— и произвелъ надъ нимъ убійственный опытъ: «толкнулъ» его въ царство стихій,

безпощадно уничтожающихъ и барство, и эстетику, и романтизмъ. Птица брошенная въ воду... Мы должны быть глубоко благодарны автору, съ обычнымъ художественнымъ талантомъ давшему намъ изумительно-вѣрный образъ, живую иллюстрацію къ своему роману. Всѣ психологическія изслѣдованія могутъ придти только къ такому результату.

Но—спросите вы—что же любопытнаго разсказывать и слушать о птицѣ, попавшей въ воду? Заранѣе вѣдь извѣстно, чѣмъ окончится это приключеніе. Птица нѣкоторое время будетъ бороться, трепетать крыльями, въ минуты отдыха изображать изъ себя мокрую курицу, а потомъ все-таки выбьется изъ силъ и утонетъ. Всѣ эти моменты съ великой точностью и полнотой воспроизводитъ біографія Нежданова, и будь поставлено его признаніе Силину эпиграфомъ къ роману, а не заключеніемъ, многіе, можетъ быть, не признали бы нужнымъ ломать копья изъ-за смысла новаго произведенія геніальнаго художника.

Онъ, конечно, воленъ выбирать какихъ угодно героевъ и ставить ихъ въ какія угодно условія, разъ его вымыселъ не противорѣчитъ вѣроятному и возможному. Но онъ обязанъ точно и справедливо опредѣлить предѣлы, въ которыхъ заключенъ *внутренній смыслъ* его произведенія. Въ логикѣ, и вообще по правиламъ здраваго разсужденія считается элементарнѣйшей ошибкой дѣлать заключеніе per enumerationem simplicem, т. е. на основаніи извѣстныхъ единичныхъ фактовъ составлять общее понятіе. Еще, конечно, грубѣе ошибка придавать *общее значеніе* одному, хотя бы и очень краснорѣчивому факту.

А именно такое впечатлѣніе создаетъ *Новь*. Темой романа послужилъ въ сущности анекдотическій случай съ милымъ барченкомъ, въ силу оскорбленнаго самолюбія и разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ попавшимъ въ нигилисты. Если въ чемъ и можетъ убѣдить насъ подобное приключеніе, то въ единственной истинѣ: аристократическіе потомки «старенькихъ романтиковъ» съ развинченными нервами совершенно не годятся въ послѣдователи направленія, именуемаго нигилизмомъ. Но стоило ли вообще доказывать эту истину? Намъ, напримѣръ, показался бы совершенно безплоднымъ замыселъ — писать романъ на тему слѣдующаго происшествія. Базаровъ, положимъ, подъ вліяніемъ безумной страсти къ какой-нибудь салонной барышнѣ (судьба, вѣдь, иногда забавляется и не такими комбинаціями противоположностей), задумалъ превратиться въ изящнаго кавалера, льстиваго донъ-жуана, вообще рыцаря печальнаго образа. И вотъ авторъ намѣренъ изобразить намъ его неудачи на этомъ поприщѣ. При гро-

мадномъ талантѣ, конечно, можно представить не мало любопытныхъ подробностей, даже болѣе забавныхъ, чѣмъ «маскарадъ» Нежданова, но только всѣ эти красоты такъ и останутся матеріаломъ для интереснаго чтенія. *Общественной идеи* такой романъ не выяснитъ. Развѣ только мы лишній разъ можемъ вспомнить старый мотивъ о неограниченной власти любовнаго чувства надъ смертными, а по поводу Нежданова—о широкомъ въ свое время распространеніи идей, увлекавшихъ подчасъ даже эстетиковъ и аристократовъ.

Но самъ авторъ далекъ отъ такого скромнаго представленія о смыслѣ своего произведенія. Въ лицѣ Нежданова развѣнчивается извѣстный *принципъ, политическое направленіе.* Личная непригодность героя для принципа, въ глазахъ автора, отступаетъ на задній планъ предъ идейной несостоятельностью самого принципа, и чтобы окончательно установить именно это положеніе, авторъ дѣятельность Нежданова обставляетъ эпизодами и личностями, въ конецъ добивающими политическій символъ главнаго героя.

Рядомъ съ Неждановымъ—Маркеловъ, гдѣ-то въ пространствѣ витающій Кисляковъ и таинственный незнакомецъ, заправила и главарь—Василій Николаевичъ. И всѣ эти лица существуютъ за тѣмъ, чтобы закрѣпить въ читателѣ одно и то же впечатлѣніе. О Кисляковѣ нечего и говорить: это прямо арлекинъ изъ фарса. О Василіи Николаевичѣ отзываются такъ: «призёмистый, грузный, чернявый... Лицо скуластое, калмыцкое... грубое лицо. Только глаза очень живые»... «да не столько говоритъ, сколько командуетъ».

«Отчего же онъ сдѣлался головою?»—спрашиваетъ изумленная такимъ отзывомъ Маріанна.

«— А съ характеромъ человѣкъ. Ни передъ чѣмъ не отступитъ. Если нужно—убьетъ. Ну—его и боятся».

Невольно припоминается Губаревъ изъ *Дыма.* О немъ Потугинъ говоритъ почти буквально то же самое, что мы слышали сейчасъ о Василіи Николаевичѣ:

«У него много воли-съ... Г-нъ Губаревъ захотѣлъ быть начальникомъ и всѣ его начальникомъ признали... Видятъ люди,— большого мнѣнія о себѣ человѣкъ, вѣритъ въ себя, приказываетъ,— главное приказываетъ; стало быть, онъ правъ, и слушаться его надо».

Въ *Дымѣ* изображена и сама молодежь въ соотвѣтствующемъ свѣтѣ. Вообще, мы уже замѣтили, краски въ этомъ романѣ необычайно густы и смѣлы. Въ *Нови*—тона изящнѣе, сдержаннѣе,— Василій Николаевичъ все-таки не такой пошлякъ и тупица, какъ

Губаревъ, и Неждановъ гораздо выше и симпатичнѣе Ворошилова. Но впечатлѣніе по существу одинаковое.

Остается Маркеловъ. Онъ не требуетъ никакихъ поясненій: личность простая, даже первобытная, неудачникъ чистой крови, идеалистъ мужицкаго царства до фанатизма. Изъ этихъ данныхъ и складывается его нигилизмъ—наивный до полной слѣпоты, стремительный до отчаянія, вѣрующій до умиленія. Маркеловъ не страдаетъ рефлексіей, подобно Нежданову, но и для него нигилизмъ своего рода опьяняющій напитокъ въ минуты личнаго горя. Несчастная любовь какъ-то весьма кстати переплетается у него съ рѣшительными дѣйствіями, «душевная усталость» овладѣваетъ имъ послѣ отказа Маріанны и наканунѣ заключительной пропаганды, и весьма умѣстно въ это же время Маріанна говоритъ о немъ:

«— Несчастный онъ человѣкъ, неудачливый!..»

Очевидно, такой же, какъ и Неждановъ.

Соберите всѣ эти черты, и онѣ поразятъ васъ изумительно-рѣзкой гармоніей красокъ и не оставятъ въ васъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ авторскихъ намѣреній.

Къ этимъ намѣреніямъ можно какъ угодно относиться, можно вполнѣ раздѣлять взглядъ Тургенева на извѣстный вопросъ, но нельзя отрицать одного: общій принципіальный выводъ построенъ на искусственныхъ основаніяхъ, значеніе и смыслъ посылокъ несравненно уже сдѣланнаго заключенія, личность и судьба центральнаго героя—какъ явленія случайныя и исключительныя—обличаютъ преднамѣренность авторскаго творчества.

И для полнаго выясненія этой преднамѣренности снова слѣдуетъ *Новь* сопоставить съ исторіей Рудина. Тамъ—мы видѣли—авторъ въ лицѣ героя казнилъ свои личныя заблужденія, здѣсь—также въ лицѣ героя—казнь совершается надъ «молодой Россіей», надъ извѣстнымъ направленіемъ. Сравненіе можно распространить дальше. Отдавъ дань самоотверженію, голосу совѣсти и ради этого изобразивъ самозванныхъ гегельянцевъ, авторъ представилъ въ томъ же романѣ и даже въ лицѣ того же, но только обновленнаго героя—настоящаго человѣка сороковыхъ годовъ. Въ *Нови* рядомъ съ заблудшими овцами нигилизма является представитель той самой незамѣтной *жизненной* дѣятельности, *темной подземной работы*, о которой писатель говоритъ въ *Дымѣ* устами Потугина и безпрестанно повторялъ въ личныхъ бесѣдахъ и письмахъ.

Великое значеніе, какое Тургеневъ придаетъ личности Соломина, ясно съ перваго же появленія этого героя на сцену. Это впечатлѣніе—силы и неотразимой привлекательности. Отъ насмѣшника и скептика Паклина до убогой Ѳимушки всѣ чувствуютъ, что

предъ ними существо высшей породы. Фабричные искренне любятъ его и глубоко уважаютъ и въ то же время считаютъ своимъ. Его личность до такой степени внушительна и могущественна, что даже сановникъ Сипягинъ и необыкновенно ловкая барыня—его супруга—теряются предъ «этимъ фабричнымъ», а язвительный и примѣрно нахальный Калломѣйцевъ рядомъ съ Соломинымъ напоминаетъ какого-то жалкаго, придавленнаго гада. Самый честный и сердечный человѣкъ въ романѣ—Маріанна—съ первой же минуты безсознательно подчиняется обаянію нравственной мощи, душевной простоты и яснаго спокойнаго ума этого удивительнаго самородка. Нежданову, всегда въ душѣ искреннему и правдивому, ничего не остается, какъ самому же раздѣлять чувства Маріанны къ Соломину, указывать ей на него, какъ на достойнаго спутника ея жизни.

«Честь и мѣсто!» шепчетъ онъ про себя, когда Соломинъ проходитъ въ комнату Маріанны.

Эти слова относятся къ побѣдѣ Соломина надъ Неждановымъ не только въ *романѣ*. Неждановъ долженъ отступить «на всѣхъ пунктахъ» и дать мѣсто дѣйствительной нравственной силѣ

Романическая роль Соломина не представляетъ психологическаго интереса. Доброе сердце, ясная энергическая мысль, непреодолимая сила воли,—все это основныя черты идеальнаго героя для тургеневской женщины, и Маріанна совершенно естественно идетъ за Соломинымъ, какъ Елена пошла за Инсаровымъ.

Гораздо сложнѣе вопросъ о Соломинѣ, какъ общественномъ дѣятелѣ, какъ о выразителѣ извѣстныхъ общественныхъ взглядовъ. На этой сторонѣ прежде всего была сосредоточена творческая работа автора, потому что Соломинъ долженъ воплотить въ своей личности *положительныя стремленія* сильнѣйшей и разумнѣйшей части русской молодежи.

Что именно Соломину, по замыслу автора, предназначена эта роль, ясно изъ самыхъ краснорѣчивыхъ сопоставленій.

Мы знаемъ жестокія нападки Тургенева на геніальничающихъ юношей, на самообожателей-фразеровъ и его напутствія подвижникамъ будничнаго труда. Въ концѣ «Нови» тѣ же рѣчи говорятся по поводу Соломина. Говоритъ ихъ Паклинъ, играющій въ романѣ роль шута въ старинномъ смыслѣ слова, т.-е. высказывающій многіе личные взгляды автора.

Машурина не понимаетъ натуры Соломина, чуждой всякаго внѣшняго эффекта и шума, и Паклинъ горячо протестуетъ. Рѣчь его достойна полнаго вниманія: каждое выраженіе въ ней соотвѣтствуетъ открытымъ личнымъ заявленіямъ самого автора.

«Вы вотъ о Соломинѣ отозвались сухо. А знаете ли, что я вамъ доложу? Такіе, какъ онъ—они-то вотъ и суть настоящіе. Ихъ сразу не раскусишь, а они настоящіе, повѣрьте, и будущее имъ принадлежитъ. Это — не герои; это даже не тѣ «герои труда», о которыхъ какой-то чудакъ, американецъ или англичанинъ, написалъ книгу для назиданія насъ, убогихъ; это — крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди. Теперь только такихъ и нужно! Вы смотрите на Соломина: уменъ, какъ день, и здоровъ, какъ рыба... Какъ же не чудно! Вѣдь у насъ до сихъ поръ ни души не было: коли ты живой человѣкъ, съ чувствомъ, съ сознаніемъ, такъ непремѣнно ты больной! А у Соломина сердце-то, пожалуй, тѣмъ же болѣетъ, чѣмъ и наше, и ненавидитъ онъ то же, что мы ненавидимъ, да нервы у него молчатъ, и все тѣло повинуется; какъ слѣдуетъ... значитъ: молодецъ! Помилуйте: человѣкъ съ идеаломъ—и безъ фразы; образованный—и изъ народа; простой—и себѣ на умѣ... какого вамъ еще надо?..»

Слѣдовательно, Соломинъ идеальная противоположность излюбленныхъ тургеневскихъ отрицательныхъ типовъ изъ образованнаго класса—лишнихъ людей и краснобаевъ на идейныя темы, жертвъ среды и героевъ эффекта.

Практическія стремленія Соломина, дѣйствительно, совершенно другія, чѣмъ русскихъ Гамлетовъ и преобразователей. Мы слышали объ этихъ стремленіяхъ отъ автора задолго до появленія *Нови*: школа, больница, нравственное сближеніе съ народомъ, черная работа культуры, вродѣ расчесыванья волосъ шелудивому мальчику... А то, о чемъ мечтаютъ герои, вызываетъ у Соломина одно лишь чувство состраданія, и здѣсь его рѣчь будто продолженіе рѣчей Потугина.

Потугинъ возводитъ эту мысль въ общій принципъ современной общественной дѣятельности.

«Въ томъ-то и штука,—говоритъ онъ,—что нынѣшняя молодежь ошиблась въ разсчетѣ. Она вообразила, что время прежней темной подземной работы прошло, что хорошо было старичкамъ отцамъ рыться на подобіе кротовъ, а для насъ-де эта роль унизительна, мы на открытомъ воздухѣ дѣйствовать будемъ... Голубчики! и ваши дѣтки еще дѣйствовать не будутъ; и вамъ не угодно ли въ норку, въ норку, опять по слѣдамъ старичковъ».

Старичками, конечно, Потугинъ называетъ людей своего поколѣнія, т. е. дѣятелей, работавшихъ ради великихъ реформъ. Соломинъ идетъ по слѣдамъ этихъ дѣятелей: онъ просвѣщаетъ народъ, облегчаетъ ему условія труда, лечитъ его отъ нравственныхъ и физическихъ недуговъ. Онъ превосходно знаетъ крестьянъ

и въ то же время самъ выученикъ европейской цивилизаціи, готовъ, гдѣ требуетъ практическая польза и нравственный долгъ, свое дурное замѣнить европейскимъ хорошимъ и разумнымъ.

И этотъ фактъ вполнѣ соотвѣтствуетъ личному идеалу Тургенева. Для него опытъ европейской культуры—неизбѣжная школа русскаго просвѣщеннаго человѣка и всего общества. Народность и цивилизація—два краеугольныхъ тургеневскихъ понятія—въ совершенной гармоніи воплощаются Соломинымъ, и ему «честь и мѣсто»...

Но всѣ наши указанія до сихъ поръ только черты извѣстнаго міросозерцанія, отдѣльные параграфы общественной программы. Для выясненія теоріи этого достаточно, но для героя художественнаго романа безусловно мало: помимо идей, требуется *личность*, плоть и кровь, облекающія отвлеченное содержаніе цѣльной реальной жизнью.

Когда вышла первая часть романа, Тургеневъ писалъ: «въ этой первой части Соломинъ—*главное* лицо, едва очерченъ» [304]). Можно было ожидать, что во второй части будетъ восполненъ пробѣлъ. Но драма Нежданова занимаетъ всю сцену, на долю Соломина остается весьма мало «мѣста», хотя и много «чести»: его всѣ слушаютъ и всѣ предъ нимъ благоговѣютъ. Не за идеи, конечно: Павелъ, Татьяна въ идеяхъ неповинны, Маріанна ихъ пока не знаетъ вполнѣ, Неждановъ съ ними не согласенъ. Слѣдовательно, *личность* Соломина производитъ такое волшебное дѣйствіе, но ея-то мы и не видимъ. Она нѣчто въ родѣ луннаго притяженія. О силѣ его можно судить только по морскимъ проливамъ, т.-е. по *отраженному дѣйствію*, а собственно на луну сколько угодно можно смотрѣть и не подозрѣвать ея могущества у насъ на землѣ. То же самое и Соломинъ.

«Отчего ему люди такъ преданы?»—спрашиваетъ Маріанна у Нежданова, и не получаетъ отвѣта. Не получаемъ и мы — не отъ Нежданова, а отъ самого автора, хотя для насъ дѣло не въ прямомъ, словесномъ даже и краснорѣчивомъ отвѣтѣ, а въ *общемъ психологическомъ впечатлѣніи.*

Оно—тревожно, смутно и безжизненно. Соломина мы видимъ будто въ перспективѣ, по тѣни, которая падаетъ отъ его мощной личности. И происходитъ это отъ очень простой причины.

Мы не видимъ Соломина живущимъ и дѣйствующимъ, а только говорящимъ—и то крайне мало. Правда, такіе люди неразговорчивы, но отчего бы намъ, напримѣръ, не знать со всѣми по-

---

[304]) *Письма*, 309.

дробностями сцены, описанной въ слѣдующихъ лаконическихъ словахъ?

Соломинъ у Маркелова «почти все молчалъ»—«разъ только разсердился не на шутку и такъ ударилъ своимъ могучимъ кулакомъ по столу, что все на немъ подпрыгнуло, не исключая пудовой гирьки, пріютившейся возлѣ чернильницы».

Со стороны человѣка «прохладнаго» этотъ эпизодъ довольно неожиданенъ,—и врывается онъ въ разсказъ какъ-то странно, оставляетъ впечатлѣніе штриха, искусственно придуманнаго «для оживленія картины». И такое впечатлѣніе объясняется тѣмъ, что мы не знаемъ Соломина, авторъ не раскрылъ намъ его души настолько, чтобы мы могли сразу освоиваться съ его дѣйствіями и рѣчами. Въ теченіи всего романа мы только наблюдаемъ, *какъ* проявляется Соломинъ, но *что* именно проявляется въ Соломинѣ— мы не знаемъ до конца, и отзывъ Паклина о немъ читаемъ почти съ тѣмъ же впечатлѣніемъ новизны, съ какимъ встрѣтили впервые самого Соломина. Прошла по нашему горизонту какая-то громадная тѣнь, бросилъ её на насъ человѣкъ будущаго, представитель цѣлой общественной полосы, которой и конца не видно; такъ насъ увѣряетъ авторъ... И могъ ли онъ послѣ этого отдать сцену своего романа другому, заранѣе осужденному на безпомощную гибель, т. е. агоніи и смерти, и человѣка жизни и побѣды показать только въ видѣ контраста мелкому мечтателю?

Это могло произойти отчасти по обстоятельствамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ намѣреніями и творческой силой автора, но, несомнѣнно, есть и другія причины.

Мы только-что указали на сцену, повергающую насъ въ нѣкоторое недоумѣніе. Такихъ сценъ въ романѣ не одна. Напримѣръ, какъ объяснить слѣдующее: Соломинъ—дѣятель съ прямыми и окончательно опредѣлившимися взглядами,—можетъ слушать «даже съ уваженьемъ» разговоры такихъ какъ Неждановъ и Маркеловъ... Молчать еще возможно изъ вѣжливости, или—съ совершенно естественной соломинской точки зрѣнія—изъ сострадательнаго пренебреженія, но чувствовать уваженіе! И это при умѣ Соломина, при его способности въ одно мгновеніе понимать людей и обстоятельства!..

Очевидно, авторъ грѣшитъ въ сторону излишняго добросердечія Соломина, доходя до предѣловъ комической наивности.

Дальше. Соломинъ съ перваго взгляда чувствуетъ «участіе, почти нѣжность» къ Нежданову, отлично знаетъ весь безумный и безцѣльный рискъ его пропаганды, не можетъ не видѣть и своего авторитета надъ нимъ, и все-таки, безъ малѣйшихъ воз-

раженій, совѣтовъ—допускаетъ его продѣлывать водевильные, но по существу трагическіе опыты въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Положимъ, слѣдуетъ дать возможность молодому человѣку поучиться, «понюхать немножко воздуха», но зачѣмъ же изъ науки дѣлать своего рода крестный путь? Маріанну вѣдь убѣждаетъ Соломинъ и съ ней онъ очень «разговорчивъ»—не потому ли, что ее «очень любитъ», а къ Нежданову только чувствуетъ «участіе?» Относительно разговорчивости, впрочемъ это подтверждаетъ и самъ Соломинъ. Слѣдовательно, выводъ ясенъ: у Соломина отнюдь не такая высокая душа, какъ это кажется большинству героевъ романа и самому автору. На такой выводъ авторъ, конечно, не разсчитывалъ. Не погрѣшилъ ли онъ слишкомъ относительно соломинскаго «уравновѣшеннаго характера», «спокойной крѣпкой силы», довелъ её почти до предѣловъ безчувствія или очень тонкой политики?

Въ самомъ дѣлѣ, если Тургенева обвиняли за карточныя неудачи Базарова, насколько же естественнѣе можно заподозрить Соломина въ разсчетѣ путемъ невмѣшательства, или, по современному, «непротивленія злу»—отдѣлаться отъ Нежданова и пріобрѣсти себѣ невѣсту въ лицѣ дѣвушки, которую онъ «очень любитъ»?

При нѣкоторомъ желаніи доказать эту мысль, можно набрать не мало фактовъ: прежде всего Неждановъ прямо говоритъ Маріаннѣ: «Я мѣшаю тебѣ... ему»... Потомъ Соломинъ, едва скончался Неждановъ, немедленно приглашаетъ Маріанну:

«Все готово, Маріанна; поѣдемъ. Надо исполнить его волю»...

И свадьба совершается.

А потомъ такія художественно отмѣченныя авторомъ мелочи, какъ, напримѣръ, осмотръ Соломинымъ замка у двери Маріанны и вопросъ: «Запираетъ ли ключъ»,—вопросъ настолько многозначительный, что заставляетъ Маріанну прошептать отвѣтъ и долго не поднимать глазъ.

Все это при обычной сдержанности и джентльменствѣ Соломина выходитъ очень краснорѣчиво и даже эффектно, и искусному адвокату не стоило бы большого труда обвинить Соломина въ трагической участи Нежданова.

Мы отнюдь не имѣемъ въ виду этой цѣли, потому что твердо убѣждены въ идеальной роли Соломина, какъ героя романа, и какъ человѣка, по представленію автора. Мы только хотимъ указать, на какой шаткой почвѣ построена роль, какъ неопредѣленны и часто двусмысленны черты, составляющія замѣчательную личность *«главнаго* героя». Таковъ можетъ быть результатъ двухъ причинъ: или авторъ, всегда творившій на основаніи наблюде-

ній, не имѣлъ предъ глазами достаточно яркаго и совершеннаго прототипа, или не успѣлъ свои наблюденія и идеи слить въ цѣльный живой образъ.

Весь романъ, слѣдовательно, насколько онъ касается современнаго общественнаго вопроса, представляетъ два крупныхъ недостатка. *Отрицательное*, по мнѣнію автора, направленіе молодежи подвергнуто критикѣ въ лицѣ героя, слишкомъ нравственно-ничтожнаго и по своему личному положенію исключительнаго, чтобы служить доказательствомъ общаго принципа. *Положительное* направленіе, теоретически вполнѣ ясное, воплощено въ личности художественно-недорисованной и психологически недостаточно опредѣленной.

Но на эти недостатки только можно указать, обвинять же за нихъ автора, значило бы не понимать ни его литературнаго генія, ни историческаго смысла явленій, избранныхъ имъ для послѣдняго романа.

Геній Тургенева, мы знаемъ, ничто иное, какъ творческое перевоплощеніе дѣйствительности, а явленія *Нови*—самая животрепещущая дѣйствительность. Тургеневъ, вѣрный своему безпримѣрно отзывчивому художественному инстинкту, въ теченіе многихъ лѣтъ наблюдалъ этотъ процессъ: доказательство — его необыкновенно оживленная переписка именно по поводу личностей, идей, фактовъ, которымъ предстояло заполнить сцену *Нови*. Въ одномъ письмѣ онъ даже самъ изумляется своей энергіи.

«Экая пошла у меня съ тобой корреспонденція,—пишетъ онъ заграничному другу, главному своему противнику по части народничества.—Можетъ быть, она тебѣ не по вкусу, да такой стихъ на меня нашелъ...»

Часто письма превращаются въ настоящіе трактаты и всегда напоминаютъ горячія публицистическія статьи. Но Тургеневъ не считалъ себя публицистомъ и «политическимъ человѣкомъ», а только писателемъ. Такъ онъ заявлялъ въ оффиціальномъ письмѣ... Естественно отвлеченныя разсужденія неминуемо должны были уступить мѣсто творчеству, задумана *Новь*. Но время идетъ, а мысль все не переходитъ въ дѣло: очевидно, не легко схватить обликъ и сущность во-очію съ каждымъ днемъ разростающейся жизни...

Наконецъ, романъ начатъ и оконченъ съ лихорадочной быстротой. Ясно, въ немъ будетъ много недомолвокъ, неясностей, даже противорѣчій. Мы бы сравнили его съ фотографіей быстро летящей птицы. Сравненіе, конечно, не вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему вопросу, но даетъ понятіе о причинѣ и основѣ недостатковъ *Нови*.

Тамъ, гдѣ предъ глазами автора были явленія законченныя, самою жизнью освобожденныя отъ неясностей и противорѣчій,—его кисть поражаетъ силой правды.

Тургеневъ очень равнодушно и даже пренебрежительно относился къ своему драматическому таланту. И его пьесы, дѣйствительно, обличаютъ первостепеннаго писателя и сравнительно блѣднаго драматурга. Онъ даже счелъ нужнымъ выразить глубокую благодарность Мартынову за то, что тотъ эту «блѣдность» превращалъ въ трогательную жизнь... Но всякій великій психологъ—драматургъ, хотя и не всегда для сцены, гдѣ, кромѣ психологіи, нужна иллюзія внѣшней кипучей жизни. И драматическій талантъ Тургенева сказывается постоянно, гдѣ его творчество на твердой почвѣ жизненныхъ наблюденій.

Мы не знаемъ, какую комедію можно поставить выше нѣкоторыхъ сценъ въ *Нови*, гдѣ дѣйствуютъ супруги Сипягины, Калломѣйцевъ... Такіе эпизоды, какъ ораторскія упражненія г-на Сипягина, бесѣда Калломѣйцева съ г-жей Сипягиной,—незабвенны, это образы, достойные Тэккерея и Гоголя. Только великимъ обличителямъ пошлости, рабскихъ инстинктовъ и лицемѣрія доступно было столь безпощадно клеймить презрѣнныхъ креатуръ слѣпой фортуны...

Одно только отличіе отъ Гоголя—живое, часто страстное чувство, дышащее въ картинахъ Тургенева. Авторъ, видимо, чувствуетъ глубокое презрѣніе, даже отвращеніе къ жертвамъ своего сарказма.

Въ *Нови* такой «субъективизмъ» повсюду. Мы указывали на роль Паклина. Онъ часто повторяетъ цѣлыя выдержки изъ писемъ Тургенева. Нѣкоторыя сопоставленія въ высшей степени важны для характеристики Тургенева, какъ романиста.

Паклинъ, напримѣръ, ораторствуетъ передъ Машуриной:

«...Вѣдь мы, русскіе, какой народъ? Мы все ждемъ: вотъ, молъ, придетъ что-нибудь, или кто-нибудь, и разомъ насъ излечитъ, всѣ наши раны заживитъ, выдернетъ всѣ наши недуги, какъ больной зубъ. Кто будетъ этотъ чародѣй?—Дарвинизмъ? Деревня? Архипъ Перепентьевъ? Заграничная война?—Что угодно! только, батюшка, рви зубъ!! Это все лѣность, вялость, недомысліе!»

Въ одномъ изъ писемъ по поводу турецкой войны читаемъ:

«У насъ на Руси снова проявилась столь часто замѣчаемая черта: ото всѣхъ нашихъ «болѣзней», лѣни, вялости, пустоты, скуки—мы ищемъ излечиться разомъ, какъ зубъ заговорить! И это чудодѣйственное средство: то какой-нибудь человѣкъ, то естественныя науки... Хлопъ! И мы совсѣмъ стали здоровы. Все это

признакъ слабаго развитія умственнаго и, говоря прямо, необразованія» [305]).

Любопытна еще одна рѣчь Паклина, какъ отраженіе фактовъ изъ личной біографіи Тургенева.

Паклинъ негодуетъ на пріятелей-клеветниковъ и приводитъ такіе примѣры:

«Былъ у меня, напримѣръ, пріятель—и, казалось, хорошій человѣкъ: такъ обо мнѣ заботился, о моей репутаціи! Бывало, смотришь: идетъ ко мнѣ... «Представьте,—кричитъ,—какую о васъ глупую клевету распустили: увѣряютъ, что вы вашего родного дядюшку отравили, что васъ ввели въ одинъ домъ, а вы сейчасъ къ хозяйкѣ сѣли спиной—и такъ весь вечеръ и просидѣли! И ужъ плакала она, плакала отъ обиды! Вѣдь этакая чепуха! Этакая нелѣпица! Какіе дураки могутъ этому повѣрить!» И что же? Годъ спустя, разсорился я съ этимъ самымъ пріятелемъ... И пишетъ онъ мнѣ въ своемъ прощальномъ письмѣ: «Вы, который уморили своего дядю! Вы, который не устыдились оскорбить почтенную даму, сѣвши къ ней спиной!..» и т. д., и т. д. Вотъ каковы пріятели!»

Фетъ лично приписываетъ всѣ эти рѣчи себѣ. Немедленно послѣ ссоры съ Иваномъ Сергѣевичемъ онъ разсказываетъ:

«Однажды въ Петербургѣ я передалъ Тургеневу, что премилая жена племянника Егора Петровича Ковалевскаго проситъ меня привести его къ ней на вечерній чай. Раскланявшись съ хозяйкой, Тургеневъ поставилъ шляпу подъ стулъ, сѣлъ спиною къ хозяйкѣ и, проговоривши съ кѣмъ-то все время помимо хозяйки, къ немалому сокрушенію моему, раскланялся и уѣхалъ. На другой день Егоръ Петровичъ своимъ добродушнымъ тономъ выговаривалъ мнѣ: «ну, какъ же вашему Тургеневу не стыдно такъ обижать молодую бабенку? Она всю ночь проплакала». — И это не единственный примѣръ»... «Его поступокъ съ дядей»... [306])

Мы уже знаемъ обвиненія Фета: ихъ онъ сообщилъ въ письмѣ къ Тургеневу, и тому для характеристики «пріятелей» оставалось только воспользоваться произведеніемъ обиженнаго поэта.

Очевидно, Тургеневу далеко было до совершеннаго личнаго безстрастія въ минуты творчества. Онъ и не стремился къ этой добродѣтели. По поводу той же *Нови* онъ писалъ: «Мнѣ иногда

---

[305]) *Письма*, 306.

[306]) *Мои воспоминанія.* II, 305—6. Е. П. Ковалевскій, директоръ азіатскаго департамента, предсѣдатель Общества пособія литераторамъ, стоялъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Тургеневымъ. Письма къ нему Тургенева въ *Русск. Ст.* XLII, 399—402.

потому только досадно на свою лѣнь, не дающую мнѣ окончить начатый мною романъ, что двѣ, три фигуры, ожидающія клейма позора, гуляютъ хотя съ мѣдными, но не выжженными еще лбами. Да авось я еще встряхнусь» [307]).

И дальше открыто называется по имени Маркевичъ, безъ всякаго сомнѣнія, «прирожденный клевретъ» Ladislas, «notre bon et cher Ladislas», по отзыву его друга Калломѣйцева.

Здѣсь не одно личное раздраженіе,—Тургеневъ считалъ возможнымъ, съ эстетической точки зрѣнія, слить сатиру на извѣстную личность съ художественнымъ образомъ, находилъ даже, что «художественное воспроизведеніе, *если оно удалось*, злѣе самой злой сатиры» [308]).

Это положеніе въ общемъ справедливо и грибоѣдовская комедія—одно изъ блестящихъ доказательствъ, требуется только обладать великимъ сатирическимъ талантомъ. У Тургенева такого таланта не было и потому его отрицательные типы выходили несравненно болѣе «портретными», чѣмъ у Грибоѣдова. И Тургеневъ, какъ вѣчно-вдумчивый, критикующій себя художникъ, зналъ это раньше своихъ судей и предпочиталъ особенно рѣзкія сатиры влагать просто въ уста дѣйствующихъ лицъ. Можетъ быть, его еще удерживала боязнь впасть въ памфлетъ, заслужить упрекъ, что онъ «вывелъ» такого-то своего недруга, и Тургеневъ предпочиталъ «указать и — пройти мимо». Во всякомъ случаѣ, въ его литературной дѣятельности нѣтъ ни одного факта, похожаго на роль Кармазинова въ повѣсти Достоевскаго.

Новь можетъ считаться послѣднимъ тургеневскимъ художественнымъ произведеніемъ великаго общественнаго и политическаго значенія. Авторъ, по обыкновенію, обѣщалъ больше не писать, и годы, и особенно недуги, дѣйствительно, по временамъ брали свое и отравляли ему былое наслажденіе писательства [309]). Но вѣдь старая истина—художникъ мыслитъ образами, и для Тургенева внутренняя творческая работа была столь же естественной необходимостью, какъ и мышленіе.

Со времени *Отцовъ и Дѣтей* произведенія безъ «соціальнаго, политическаго и современнаго намека» [310]) обыкновенно знаменовали періоды отдыха послѣ геніальныхъ лѣтописей жгучей дѣйствительности. Начиная съ *Дыма*, эти плоды «досуга»—обыкновенно воспоминанія въ исторической или художественной формѣ. Съ

---

[307]) *Письма*, 250.

[308]) *Ib.* 251.

[309]) Такъ признавался Тургеневъ Г. Полонскому. *Op. cit.* 531.

[310]) Выраженіе Тургенева по поводу *Вешнихъ водъ*. Письма, 200.

конца шестидесятыхъ годовъ Тургеневъ безпрестанно сообщаетъ о вновь открывающихся недугахъ: о подагрѣ, о болѣзни сердца, о ревматизмахъ, иногда онъ по цѣлымъ недѣлямъ лежитъ въ постели неподвижно, ходитъ съ помощью костылей или палки. Все это заставляетъ его признать себя «старѣющимъ литераторомъ», окрашиваетъ его жизнь въ «желтенькій цвѣтъ», онъ чувствуетъ «холодъ старости», и готовъ за «нѣсколько недѣль молодости—самой глупой, изломанной, исковерканной, но молодости» отдать «не только репутацію, но славу дѣйствительнаго генія»... [311]).

При такихъ настроеніяхъ естественно отдаться воспоминаніямъ, и они предъ нами почти въ каждомъ второстепенномъ произведеніи Тургенева. *Несчастная* и *Литературныя и житейскія воспоминанія* открываютъ намъ путь въ прошлое автора, *Отчаянный* и *Клара Миличъ* заключаютъ его [312]).

Но этой струей, по обыкновенію, не исчерпывались авторскіе замыслы Тургенева. Успокоительный интересъ къ прошлому уживался рядомъ все съ той же непреодолимой отзывчивостью на современность. Тургеневъ, несомнѣнно, понималъ недостатки послѣдняго своего романа, неполноту и неясность его содержанія. Прежде всего, Соломинъ и Маріанна, по своему значенію для личнаго міросозерцанія автора и по своей роли въ новомъ общественномъ движеніи Россіи, не могли безслѣдно пропасть въ туманной дали, гдѣ показываетъ ихъ заключительная бесѣда Паклина съ Машуриной. И въ личностяхъ героя, и въ судьбѣ ихъ идей оставалось слишкомъ много недосказаннаго. Авторъ снова долженъ былъ вернуться къ той же темѣ. И онъ имѣлъ это въ виду. У него уже составился планъ и, по примѣру прежнихъ лѣтъ, онъ намѣренъ былъ посвятить новому труду лѣто въ Спасскомъ. Но разсчетъ падалъ на лѣто 1882 года, когда писателю суждено было изнывать въ смертельной болѣзни вдали отъ родины...

Нѣкоторыя свѣдѣнія о романѣ передаетъ одинъ изъ иностранныхъ друзей Тургенева.

«Въ прошедшемъ году», разсказывалъ Рольстонъ, «Турге-

---

311) *Письма*, 162, 199, 205, 213.

312) Разсказъ *Отчаянный* Тургеневъ называетъ очеркомъ изъ *Воспоминаній своихъ и чужихъ*. Повѣсть *Клара Миличъ* сначала носила заглавіе *Послѣ смерти*. М. А. Полонской Тургеневъ писалъ: «Мысль этой повѣсти явилась мнѣ послѣ того, какъ вы мнѣ разсказали о Кадминой». Въ письмѣ къ Л. Бертенсону находится болѣе подробное сообщеніе: «Исторія Кадминой (лично съ которой, т.-е. съ Кадминой, я знакомъ не былъ) послужила мнѣ только толчкомъ къ написанію моей повѣсти. Біографія Клары (Миличъ) мною вымышлена, а также и отношенія ея къ Ахотову, типу, сохранившемуся въ моей памяти еще со временъ молодости».—*Письма*, 391, 502, 541.

невъ предполагалъ вернуться въ Россію весной и провести все лѣто въ Спасскомъ. Я надѣялся посѣтить его въ это время и перевести подъ его руководствомъ романъ, который онъ намѣревался писать. Планъ романа, какъ онъ объяснялъ мнѣ, былъ, приблизительно, слѣдующій: русская дѣвушка покидаетъ родину и поселяется въ Парижѣ. Тамъ она встрѣчаетъ молодого француза и выходитъ за него замужъ. Нѣкоторое время все идетъ какъ слѣдуетъ въ семьѣ. Но, наконецъ, молодая женщина знакомится и разговариваетъ съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ, который разсказываетъ ей, что русскіе думаютъ, говорятъ и дѣлаютъ у себя на ея родинѣ. Она узнаетъ съ ужасомъ, что цѣли и стремленія русскихъ существенно расходятся съ цѣлями французскаго и нѣмецкаго общества, и что глубокая пропасть раздѣляетъ ее отъ мужа, съ которымъ она всегда считала себя вполнѣ согласной. Какъ должна была кончиться исторія — не знаю, но легко себѣ представить, съ какой силой и чувствомъ развилъ бы эту идею великій писатель, котораго мы утратили» [313]).

Около этого же времени у Тургенева былъ готовъ и другой сюжетъ, безъ всякой политической окраски, но въ высшей степени любопытный. Вопросъ, поставленный Тургеневымъ, пытался разрѣшить Достоевскій въ повѣсти *Бѣдные люди*, нѣсколько лѣтъ тому назадъ та же тема вдохновила французскаго беллетриста, Маргерита.

Тургеневская повѣсть должна была носить названіе *Старые голубки*. По словамъ автора, она глубоко его занимала, содержаніе ея онъ передавалъ въ слѣдующихъ словахъ:

«У нѣкоего старика, управляющаго имѣніемъ, живетъ пріѣзжій сынъ, молодой человѣкъ; къ нему пріѣхалъ товарищъ его, то же молодой. Народъ веселый и безшабашный: обо всемъ зря сложились у нихъ понятія, обо всемъ они судятъ и рядятъ, такъ сказать, безапелляціонно; на женщинъ глядятъ легкомысленно и даже нѣсколько цинично. Въ это же время въ усадьбѣ появляется старый помѣщикъ съ женой, оба уже не молодые, хотя жена и моложе. Старикъ только-что женился на той, которую любилъ въ молодости. Молодые люди потѣшаются надъ амурами стариковъ, начинаютъ за ними подсматривать, бьются объ закладъ... Наконецъ, сынъ управляющаго шутя начинаетъ волочиться за пожилой помѣщицей, и что же замѣчаетъ къ своему немалому удивленію?—что любовь этихъ пожилыхъ людей безконечно сильнѣе и глубже, чѣмъ та любовь, которую онъ когда-то

[313]) *Иностр. крит.* 190—1.

зналъ и наблюдалъ въ знакомыхъ ему женщинахъ. Это его озадачиваетъ. Мало-по-малу онъ влюбляется въ пожилую жену стараго помѣщика,—и увы!—безнадежно: съ разбитымъ сердцемъ уѣзжаетъ неосторожный, любопытный юноша. И пари онъ проигралъ, и проигралъ прежній миръ души своей. Любовь уже перестала казаться ему прежней шалостью, или чѣмъ-то въ родѣ веселаго препровожденія времени.

«Вотъ главное содержаніе, и это была бы одна изъ самыхъ трудныхъ по исполненію повѣстей моихъ, такъ какъ ничего нѣтъ легче, какъ въ такомъ сюжетѣ переступить черту, отдѣляющую серьезное отъ смѣшного и пошлого, и ничего нѣтъ труднѣе, какъ изобразить любовь 50-ти-лѣтняго старика, достойнаго уваженія, и изобразить такъ, чтобы это не было ни тривіально, ни сентиментально, а дѣйствовало бы на васъ всей глубиной своей простоты и правды. Да, господа, это очень трудный сюжетъ...» [314]).

Изложенными опытами не ограничивались творческія думы Тургенева. Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые, по мнѣнію Гёте, своей дѣятельностью и высокими достоинствами своей природы заставляютъ неизбѣжно признать безсмертіе души. У этихъ людей физическая организація разрушается раньше, чѣмъ они успѣли довести до конца свой жизненный трудъ, раньше, чѣмъ исчерпали вполнѣ свои духовныя силы; имъ еще остается многое сказать, передать людямъ множество высокихъ идей и вдохновенныхъ о́бразовъ, и смерть настигаетъ ихъ въ самый разгаръ новыхъ стремленій. Гёте, переживая преждевременныя кончины своихъ друзей, говорилъ: «Для меня убѣжденіе въ вѣчной жизни вытекаетъ изъ понятія дѣятельности. Если я безъ отдыха работаю до конца, то природа обязана даровать мнѣ иную форму существованія, когда нынѣшняя моя форма уже не въ силахъ удерживать мой духъ».

Можно сколько угодно спорить противъ подобнаго разсужденія, но оно для насъ драгоцѣнно: оно превосходно характеризуетъ нашего писателя. Именно онъ, не колеблясь, не отступая, не измѣняя идеаламъ просвѣщенія и общественнаго совершенствованія своего народа, выполнялъ свое назначеніе, извлекалъ изъ своего природнаго таланта искры божественнаго огня вплоть до послѣдняго часа.

Поэтическая впечатлительность Тургенева поразительна, съ годами она становится будто нервнѣе, глубже и сердечнѣе. Настроенія его дышатъ неизсякаемымъ лиризмомъ, это по истинѣ «вдохновенный старецъ».

[314]) Полонскій, 531—2.

Стиховъ Иванъ Сергѣевичъ не писалъ со временъ своей ранней молодости. Но, много лѣтъ спустя, прежній хмѣль по временамъ охватывалъ сѣдѣющую голову романиста, и тогда изъ подъ его пера лились звучныя риѳмы, часто шуточныя, забавныя привѣтствія друзьямъ, эпиграммы на смѣхотворныхъ философовъ и патріотовъ, въ родѣ Фета, но подчасъ тургеневскія строфы, небрежно, случайно брошенныя на бумагу, заставляютъ забыть все «количество ведеръ воды» изъ фетовскаго «потока» [315]).

Напримѣръ, какъ изящно и тепло по тону слѣдующее обращеніе къ Фету:

Въ отвѣтъ на возгласъ соловьиный
(Онъ устарѣлъ, но голосистъ!)
Шлетъ щуръ сѣдой съ полей чужбины
Хоть хриплый, но привѣтный свистъ.
Эхъ! плохи стали птицы обѣ
И ужъ не поюнѣть имъ вновь!
Но движется у каждой въ зобѣ
Все то же сердце, та же кровь...
И знай: едва весна проснется
И заиграетъ жизнь въ лѣсахъ,—
Щуръ отряхнется, встрепенется
И въ гости къ соловью махъ-махъ!

Стихотвореніе, очевидно, плодъ минутнаго вдохновенія, почти экспромтъ. Такъ же былъ написанъ и знаменитый *Крокетъ въ Виндзорѣ*. Въ іюлѣ въ 1876 году, во время пребыванія въ Петербургѣ, Тургеневу не спалось ночью, и онъ набросалъ строфы, быстро разошедшіяся потомъ въ многочисленныхъ спискахъ. По обыкновенію, онъ судилъ о своихъ стихахъ пренебрежительно, но читатели были другого мнѣнія [316]).

Но всѣ эти элегіи въ риѳмахъ—случайности въ литературной дѣятельности Тургенева. Онъ не признавалъ въ себѣ таланта пи-

---

[315]) Такъ гр. Толстому, безъ всякаго злого умысла, напротивъ, съ самыми благими намѣреніями, пришлось однажды весьма двусмысленно охарактеризовать поэтическій талантъ своего друга. Эта характеристика находится въ письмѣ, гдѣ гр. Толстой изрекалъ смертный приговоръ Тургеневу, какъ писателю, по поводу *Дыма*. Фетъ, конечно, оказывался неизмѣримо выше погибшаго романиста. «Я свѣжѣе и сильнѣе всего не знаю человѣка», писалъ гр. Толстой. «Потокъ вашъ все течетъ, давая то же извѣстное количество ведеръ воды—силы. Колесо, на которое онъ падалъ, сломалось, разстроилось, принято прочь, но потокъ всетечетъ, и ежели онъ ушелъ въ землю, онъ гдѣ-нибудь опять выйдетъ и довершитъ другія колеса. Ради Бога не думайте, чтобы я это вамъ говорилъ потому, что долгъ платежомъ красенъ, что вы мнѣ всегда говорите подбадривающія вещи, нѣтъ, я всегда и объ одномъ васъ такъ думаю».—Фетъ, II, 121. Письмо отъ 27 іюня 1867 года.

[316]) *Р. Ст.* XL, 217—8; *Письма*, 299.

сать стихи и создалъ для своихъ лирическихъ настроеній особый жанръ—*стихотворенія въ прозѣ.* Имъ авторъ не придавалъ большого значенія, писалъ «для самого себя и для небольшого кружка людей, сочувствующихъ такого рода вещамъ», пришелъ даже въ ужасъ, когда услыхалъ, будто нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній хотятъ читать публично. Отдавая ихъ въ *Вѣстникъ Европы,* Тургеневъ поставилъ-было условіемъ—печатать ихъ безъ гонорара... [318]).

И между тѣмъ, можно только пожалѣть, что этихъ *senilia* слишкомъ мало: тогда бы у насъ была самая поэтическая автобіографія. Отъ нихъ вѣетъ мелонхалическимъ чувствомъ; будто предъ нами закатъ солнца и постепенно набѣгающія тѣни вечера. Стихотворенія, дѣйствительно, «вечернія тѣни»: всѣ они написаны Тургеневымъ незадолго до смерти въ теченіи четырехъ съ половиною лѣтъ.

Жизнь, столь богатая «шумомъ житейскимъ», «жертвами Аполлону» и идейной борьбой, должна была превратить писателя въ спокойнаго, мудраго, безгранично-гуманнаго, иногда глубоко-грустнаго судью человѣческихъ дѣлъ и суетъ. Ледяное дыханіе смерти часто вѣетъ надъ поэтомъ: смерти, безжалостной къ генію, къ силѣ и къ красотѣ. Но еще страшнѣе для него другое столь же таинственное существо—*природа*, вѣчно равнодушная, вѣчно преслѣдующая свои цѣли независимо отъ людскихъ самонадѣянныхъ мечтаній и идеальныхъ надеждъ...

Эти два мотива—не только лирическія дѣтища тургеневской музы: они всю жизнь преслѣдовали писателя, будто страшная *старуха*, во снѣ и на яву: стихотвореніе о *старухѣ*, по разсказамъ друга Тургенева, возникло послѣ сновидѣнія... Тургеневъ отличался крайней мнительностью, боялся всякой заразы и самъ шутилъ надъ своимъ истинно-паническимъ ужасомъ предъ холерой. Но съ годами это чувство утратило рѣзкій субъективный характеръ, превратилось въ философски-элегическое созерцаніе неизбѣжнаго разрушенія, царящаго всюду среди жизни.

Зато другой мотивъ—невольный трепетъ предъ равнодушной неотразимой природой—съ теченіемъ времени—звучитъ все постояннѣе и безнадежнѣе. Это—въ полномъ смыслѣ трагедія, потому что таже природа для Тургенева, какъ художника, неистощимый источникъ наслажденій и поэтическаго восторга. Въ молодости онъ могъ по цѣлымъ часамъ теряться взоромъ въ бездонномъ синемъ небѣ, ловить чуткимъ ухомъ безсчисленные таин-

---

318) *Письма*, 518, 522.

*

ственные звуки лѣсной жизни,—и въ старости его рѣчь начинала блистать неподражаемыми красками, когда онъ принимался описывать свое любимое божество.

«Въ немногіе хорошіе дни», разсказываетъ его другъ, «когда вѣтеръ подувалъ съ востока, теплый и мягкій, а пестрыя, тупыя, крылья низко пролетавшихъ сорокъ мелькали на солнцѣ, Тургеневъ просыпался рано и уходилъ къ пруду—посидѣть на своей любимой скамеечкѣ. Разъ проснулся онъ до зари и, какъ поэтъ, передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія того, что онъ видѣлъ и слышалъ: какія птицы проснулись раньше, до восхода солнца, какіе голоса подавали, какъ перекликались и какъ постепенно всѣ эти птичьи напѣвы сливались въ одинъ хоръ, ни съ чѣмъ несравнимый, непередаваемый никакою человѣческою музыкой... Если бы было возможно повторить слово въ слово то, что говорилъ Тургеневъ, вы бы прочли одно изъ самыхъ поэтическихъ описаній—такъ глубоко онъ чувствовалъ природу и такъ былъ радъ, что въ кои-то вѣки, на ранней зарѣ, въ чудесную погоду былъ свидѣтелемъ ея пробужденія» [319]).

Но чуткое сердце поэта сосалъ будто червь.

Въ элегіи *Довольно* онъ изобразилъ угнетенное состояніе своего творческаго генія передъ могучей, всеистребляющій властью естественныхъ законовъ. Она не различаетъ величайшихъ созданій человѣческаго духа отъ простыхъ камней, и одинаково топитъ ихъ въ рѣкѣ забвенія. Семь лѣтъ раньше въ поэтическомъ очеркѣ *Поѣздка въ Полѣсье* предъ читателями явилось то же настроеніе, облеченное въ чудную картину лѣса.

Видъ огромнаго, весь небосклонъ обнимающаго бора напоминаетъ поэту видъ моря,—только въ лѣсу человѣкъ чувствуетъ себя еще ничтожнѣе, придавленнѣе.

«Изъ нѣдръ вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертнаго лона водъ поднимается тотъ же голосъ: «Мнѣ нѣтъ до тебя дѣло,—говоритъ природа человѣку,—я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть». Но лѣсъ однообразнѣе и печальнѣе моря, особенно сосновый лѣсъ, постоянно одинаковый и почти безшумный. Море грозитъ и ласкаетъ, оно играетъ всѣми красками, говоритъ всѣми голосами; оно отражаетъ небо, отъ котораго тоже вѣетъ вѣчностью, но вѣчностью какъ будто намъ нечуждой... Неизмѣнный мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо—и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единаго

[319]) Полонскій, 578—9.

дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному къ смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихій; нѣтъ—вся душа его нѣмѣетъ и замираетъ; онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли—и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность—и съ торопливымъ тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ, здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значеніе и въ свою силу».

Незадолго до смерти то же горькое чувство вызываетъ стихотвореніе *Природа.* Поэтъ ведетъ бесѣду съ величавой богиней, размышляющей о судьбѣ блохи; онъ дерзаетъ напомнить ей, что люди ея «любимыя дѣти», что существуютъ «добро, разумъ, справедливость»...

И въ отвѣтъ раздается желѣзный голосъ:

«— Это человѣческія слова. Я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ, и что такое справедливость? Я тебѣ дала жизнь—я ее отниму и дамъ другому, червямъ или людямъ... мнѣ все равно... А ты, пока защищайся и не мѣшай мнѣ!»

Тургеневъ и въ откровенныхъ бесѣдахъ неоднократно возвращался къ той же идеѣ. Трудно повѣрить, чтобы художникъ съ такими силами мысли и чувства могъ поддаваться мрачнымъ пессимистическимъ думамъ. Эти думы не мѣшали ему лучшія минуты своей жизни отдавать именно тѣмъ стремленіямъ и созданіямъ, какія, по его мнѣнію, природа безучастно осуждаетъ на безслѣдное исчезновеніе наравнѣ съ послѣднимъ насѣкомымъ. Пессимизмъ свидѣтельствовалъ о безсмертномъ чувствѣ любви ко всему живому и мучительномъ безпокойствѣ за благороднѣйшія усилія лучшихъ сыновъ человѣчества. Это не шопенгауэровскій пессимизмъ, награждающій удачливаго мудреца чувствомъ самодовольства, сознаніемъ, что постигнута истина, непостижимая для суетно-мятежнаго людского стада и только придающая особый пряный вкусъ жизненному напитку обладателя истины... Тургеневскій пессимизмъ—идеально-человѣческая грусть, та *Sehnsucht,* «желаніе и тоска», въ которой сливается вмѣстѣ и горе о разрушенныхъ идеалахъ, и стремленіе безпрестанно вновь созидать красоту и благо.

Тургеневу совершенно недоступенъ пессимизмъ современной французской литературной школы. Для нея особенное наслажденіе въ подавляющемъ обиліи тѣней всюду, и—среди человѣческаго

общества, и въ царствѣ природы. Она, съ отчаяніемъ нравственнаго убожества или жестокостью дѣтскаго легкомыслія, выказываетъ изнанку каждаго явленія и скорѣе согласится измыслить небывалое зло, чѣмъ признать дѣйствительно существующее благо. Общій выводъ заранѣе установленъ: хлопотать объ идеяхъ, значитъ уподобляться лошади въ циркѣ или мухѣ въ закупоренной бутылкѣ. И то, и другое положеніе недостойно здравомыслящаго человѣка.

Неудивительно, если Тургеневъ производилъ на своихъ парижскихъ пріятелей странное впечатлѣніе, когда, по русской привычкѣ, пускался въ сердечныя изліянія и ни одно изъ нихъ не заключало «натуралистическаго» анекдота на счетъ «славянскаго женскаго типа». Тогда французамъ оставалось только прислушиваться къ пѣвучимъ звукамъ голоса разсказчика, обмѣниваться другъ съ другомъ улыбками, и самые благосклонные дѣлали знаки русскому идеалисту—«не то ребенку, не то негру», чтобы онъ не морилъ со смѣху цивилизованное общество.

Нѣкоторые застольные маленькіе разсказы Тургеневъ превращалъ въ стихотворенія. Таковъ разсказъ *Маша*, изображающій шекспировскій трагизмъ крестьянскаго горя... Для «натуралиста» несчастный извозчикъ, потерявшій жену, забавный оригиналъ, годный въ мелодраму, для Тургенева—незабвенный примѣръ глубочайшихъ движеній сердца. Въ безъисходномъ отчаяніи, среди безпощадной власти внѣшней силы, поэтъ съумѣлъ показать искру человѣческой души и въ бездну стихійнаго мрака бросилъ лучъ безсмертной сознательной мысли. А гдѣ этотъ лучъ, тамъ уже нѣтъ ни смерти, ни отчаянія.

И посмотрите, какъ поэтъ умѣетъ подмѣтить тайны природы-матери, только-что изобразивъ предъ вами природу-силу. Эти тайны не желѣзное, все подавляющее могущество, а нѣчто другое. Его нѣтъ силъ объяснить, но оно именно источникъ и поэзіи, и красоты, и блага.

Прочтите стихотвореніе *Воробей*—одинъ моментъ изъ исторіи птички, съ опасностью жизни защитившей своего птенца, разсказъ о *Голубяхъ*, напомнившихъ поэту одиночество его цѣлой жизни, послушайте, что̀ распозналъ поэтъ въ глазахъ своей собаки-друга—это одна и та же жизнь, бьющаяся въ двухъ разныхъ существахъ, сближающая ихъ, какъ дѣтей одной и той же творческой силы... Но трогательнѣе всего исторія маленькой обезьяны. Она—единственная, «словно родная» спутница поэта, плывущаго одиноко на кораблѣ съ суровымъ, молчаливымъ капитаномъ. Наконецъ, эта рѣшимость: «Мы еще повоюемъ!..»

Какъ она нужна была поэту въ годы одинокой тоски, на

склонѣ жизни, отказавшей въ счастьѣ и безпрестанно обманывавшей даже въ законной славѣ!.. И опять та же птичья семья. Мы проходимъ ежедневно мимо подобныхъ сценъ совершенно равнодушно, немедленно забывая о нихъ, но поэтамъ дана иная способность видѣть и талантъ одухотворять творческой мыслью мельчайшія явленія будничной дѣйствительности.

«Какая ничтожная малость можетъ иногда перестроить всего человѣка!» восклицаетъ Тургеневъ въ началѣ своего стихотворенія, и дальше разсказываетъ совершенно ничтожный, отчасти даже комическій эпизодъ, но въ разсказѣ столько сердечной теплоты, прочувствованной правды, что въ немъ невольно слышится задушевное личное признаніе многолѣтняго подвижника мысли и слова.

«Полный раздумья, шелъ я однажды по большой дорогѣ.

«Тяжкія предчувствія стѣсняли мою грудь; унылость овладѣвала мною.

«Я поднялъ голову... Предо мною, между двухъ рядовъ высокихъ тополей, стрѣлою уходила въ даль дорога.

«И черезъ нее, черезъ эту самую дорогу, въ десяти шагахъ отъ меня, вся раззолоченная яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, прошла гуськомъ цѣлая семейка воробьевъ, прошла бойко, забавно, самонадѣянно!

«Особенно одинъ изъ нихъ такъ и подсаживалъ бочкомъ, бочкомъ, выпуча зобъ и дерзко чирикая, словно и чортъ ему не братъ! Завоеватель да и полно!

«А между тѣмъ, высоко на небѣ кружилъ ястребъ, которому, быть можетъ, суждено сожрать именно этого самого завоевателя.

«Я поглядѣлъ, разсмѣялся, встряхнулся—и грустныя думы тотчасъ отлетѣли прочь: отвагу, удаль, охоту къ жизни почувствовалъ я.

«И пускай надо мной кружитъ мой ястребъ...

«Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!»

Тургеневу подъ конецъ жизни приходилось переживать тѣ же самыя настроенія и при тѣхъ же условіяхъ, какъ это было въ его дѣтствѣ. Среди окружавшихъ его людей—семьи г-жи Віардо и застольныхъ пріятелей-французовъ не было ни одного настоящаго близкаго сердцемъ друга. Совѣтовъ и утѣшеній невозможно было ожидать отъ людей, смотрѣвшихъ на Ивана Сергѣевича или какъ на драгоцѣнный подарокъ благосклонной судьбы, или созерцавшихъ въ лицѣ его рѣдкостный продуктъ полудикой Скиѳіи. Если бы положеніе знаменитаго писателя въ личномъ отношеніи было иное, мы не слышали бы безпрестанно тоскливыхъ рѣчей

вѣчныхъ жалобъ на холодную, безпріютную старость и его не сопровождало бы до самой могилы желаніе спастись навсегда отъ своего «прекраснаго далека» и отъ «друзей», нравственно и душевно не имѣвшихъ съ нимъ ничего общаго.

Въ дѣтствѣ и ранней молодости Тургеневъ находилъ отраду въ родной природѣ, не знавшей тайнъ для его поэтически-чуткаго взора. То же повторяется и въ старости. «Вкусные часы» и теперь создаются для одинокаго писателя гораздо чаще среди той самой безсознательной могучей жизни, которая столь глубоко поражала его равнодушіемъ къ человѣческимъ стремленіямъ и человѣческому генію,—чѣмъ въ обществѣ до такой степени «сознательномъ» и просвѣщенномъ, что русскому «негру» приходилось стыдиться своей «наивности». Скорѣе забавная сцена бойкихъ воробьевъ, воспоминаніе о маленькой несчастной обезьянѣ, могли внушить «старому словеснику» энергическое нравственное чувство, чѣмъ отважное благѐрство парижскихъ blasés, не вѣрившихъ, по собственному признанію, ни въ жизнь, ни въ литературу...

А энергическое чувство было въ высшей степени необходимо Тургеневу, и восклицаніе: «Мы еще повоюемъ»—звучало настоятельнымъ призывомъ для самого писателя къ дѣйствительной войнѣ.

Нападки на Тургенева послѣ *Нови*, совершенно естественно направленныя съ двухъ сторонъ, не прекращались въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ. Со стороны молодого поколѣнія на этотъ разъ чувство недовольства и многочисленныя недоумѣнія были, конечно, основательнѣе, чѣмъ послѣ *Отцовъ и Дѣтей*. Неждановъ — неудачникъ и Соломинъ — «постепеновецъ», фигура блѣдная и таинственная, не могли удовлетворить впечатлительной и шумной публики. Именно этотъ шумъ и доказывалъ громадность тургеневскаго авторитета, свидѣтельствовалъ о небывалой силѣ его голоса, даже когда звуки выходили смутными и подчасъ слабыми. Самолюбію молодого писателя такой фактъ доставилъ бы великое удовлетвореніе, въ старости, при неотвязчивой боязни близкаго конца — нужны совершенно другія впечатлѣнія, успокоительныя и радостныя, какъ несомнѣнное предвѣстіе наступающей безсмертной славы... Эти впечатлѣнія, конечно, не могли отсутствовать совершенно, но слишкомъ часто слышались диссонансы, и они-то съ особенной болѣзненностью должны были отзываться на старѣющемъ романистѣ.

Тургеневу одновременно съ жалобами на недуги, на могилу, которая «словно торопится проглотить» его, приходится упрашивать своего друга не посвящать ему стихотворенія.

«Умоляю тебя, какъ друга», пишетъ онъ, «не печатать твоего посланія ко мнѣ; уже теперь мое имя не появляется въ печати иначе, какъ сопровожденное нареканіями и насмѣшками—зачѣмъ же давать поводъ всѣмъ моимъ недоброжелателямъ присоединить къ моему имени другое, которое мнѣ гораздо дороже моего собственнаго и дать пищу всякимъ сплетнямъ и грязнымъ намекамъ? Я увѣренъ, что ты меня поймешь и уважишь мою просьбу».

Спустя нѣсколько времени онъ повторяетъ ту же просьбу и даже заявляетъ: «Я былъ бы очень счастливъ, если бы обо мнѣ совсѣмъ перестали упоминать» [320]).

Это писалось вскорѣ послѣ овацій въ Англіи и въ Россіи. Въ началѣ 1879 года Иванъ Сергѣевичъ получилъ отъ Оксфордскаго университета почетную степень доктора обычнаго права, въ февралѣ пріѣхалъ въ Россію и встрѣтилъ восторженный пріемъ у публики обѣихъ столицъ.

Въ Москвѣ Тургеневъ появился въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности. Еще раньше распространился по городу слухъ о желаніи гостя посѣтить Общество. Публика переполнила обширную физическую авдиторію задолго до начала засѣданія. Тургеневъ былъ встрѣченъ громомъ криковъ и рукоплесканій, молодежь благодарила великаго писателя.

Тургеневъ не ожидалъ ни овацій, ни еще менѣе благодарности. Онъ здѣсь же заявилъ объ этомъ, выражая свою глубокую признательность и смущеніе. Оваціи и на публику произвели сильнѣйшее впечатлѣніе: очевидцы говорятъ о нихъ, какъ о настоящемъ событіи московской общественной жизни.

Событію суждено было продлиться. Четвертаго марта состоялся литературный вечеръ въ Благородномъ собраніи. Тургенева публика встрѣтила *стоя*, когда онъ вступилъ на эстраду, молодежь снова привѣтствовала его рѣчью и поднесла ему вѣнокъ. Тургеневъ отвѣчалъ скромными выраженіями благодарности, приписывая права на вѣнокъ своимъ учителямъ—Пушкину и Гоголю. Для вечера имъ былъ прочтенъ разсказъ *Бурмистръ*.

Два дня спустя въ честь Тургенева устроили обѣдъ. Юрьевъ въ застольной рѣчи указалъ на манифестаціи, всюду встрѣчавшія въ Москвѣ знаменитаго писателя, и въ этихъ манифестаціяхъ принимали одинаково горячее участіе люди различныхъ поколѣній. Личность Тургенева объединила представителей самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и возрастовъ. Ректоръ университета, Тихо-

---

[320]) Письмо къ Полонскому. *Письма*, 317, 345.

нравовъ, указалъ на сознательное отношеніе молодежи къ идеаламъ своихъ наставниковъ, Грановскаго, Бѣлинскаго и Тургенева. Опредѣляя истинный либерализмъ, какъ уваженіе къ наукѣ и образованію, любовь къ поэзіи и художеству и, наконецъ, пуще всего любовь къ народу, Иванъ Сергѣевичъ, провозглашая тостъ за процвѣтаніе московскаго университета и «всестороннее и мощное развитіе нашего молодого поколѣнія—нашей надежды и нашей будущности»—назвалъ свои «московскіе дни»—«лучшей наградой писателя предъ концомъ его поприща».

Тургеневъ уѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь возобновились тѣ же оваціи, сначала на вечерѣ литературнаго фонда 9-го марта, гдѣ Тургеневъ снова читалъ *Бурмистра*. Въ вечерѣ принимали участіе, кромѣ Тургенева, Салтыковъ, Достоевскій, Потѣхинъ, Плещеевъ, Полонскій, но героемъ вечера оказался Тургеневъ, читавшій послѣднимъ. Его выходъ изъ залы былъ тріумфальнымъ шествіемъ. Тринадцатаго марта состоялся въ честь гостя обѣдъ, соединившій представителей литературы, науки, искусства, театра. Тургеневъ, отвѣчая на многочисленныя привѣтствія, указалъ на совершающееся объединеніе поколѣній, на общія стремленія и надежды, на опредѣленный идеалъ, одинаково дорогой и близкій «отцамъ» и «дѣтямъ». Называя себя человѣкомъ сороковыхъ годовъ, «человѣкомъ старымъ»,—Тургеневъ провозгласилъ тостъ «за молодость, за будущее, за счастливое и здравое развитіе его судебъ...»

Всюду, гдѣ ни являлся Тургеневъ, его встрѣчали горячія привѣтствія. На вечерѣ педагогическихъ и высшихъ курсовъ, 15-го марта, Тургеневу поднесли адресъ и вѣнокъ. Представительницы учащихся женщинъ благодарили писателя за «правду» о нихъ. Тургеневъ прочелъ свой разсказъ *Льговъ*; клики и рукоплесканія провожали его до кареты.

На слѣдующій день въ Александринскомъ театрѣ шла пьеса *Мѣсяцъ въ деревнѣ*,—появленіе автора пьесы и здѣсь сопровождалось восторженными привѣтствіями.

Ни одинъ писатель въ Россіи не доживалъ до такого шумнаго, эффектнаго признанія своихъ заслугъ. Русская общественная мысль первые плоды своего самосознанія приносила дѣятелю, которому болѣе всего была обязана своей силой и зрѣлостью. Это былъ логически-послѣдовательный и исторически-справедливый ходъ общественныхъ явленій.

Оваціи ясно доказывали популярность автора *Нови* у читателей, умѣвшихъ среди необыкновенно бурныхъ, крайнихъ суж-

деній о дѣятельности писателя сохранить ясное представленіе о просвѣтительномъ значеніи его произведеній. Можетъ быть, среди привѣтствовавшихъ не всѣ были согласны съ его «постепеновскими» воззрѣніями, но только безнадежная ограниченность или незрѣлость ума могли не оцѣнить громаднаго воздѣйствія тургеневскихъ романовъ на развитіе русскихъ образованныхъ классовъ, могли привлекать къ своему школьническому суду писателя, искренне и мужественно отзывавшагося на гражданскіе запросы своей родины. Но, съ другой стороны, эти судьи-недоумки могли принести существенную пользу своимъ союзникамъ въ войнѣ противъ Тургенева — Калломѣйцевымъ и Ladislas'амъ, могли убѣдить ихъ въ одной несомнѣнной истинѣ: Тургеневъ не имѣлъ въ виду угождать пылкимъ представителямъ «молодой Россіи»; при его талантѣ и авторитетѣ достигнуть этого было бы чрезвычайно легко...

По истинѣ странный путь избралъ геніальный художникъ для угожденія современникамъ молодежь!..

Враги его съ накипѣвшей злобой слѣдили за его торжествомъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Они не проронили ни слова объ этомъ торжествѣ.

Нельзя представлять, чтобы самъ Иванъ Сергѣевичъ являлся лишь безотвѣтной жертвой нападокъ. Мы знаемъ, съ какимъ страстнымъ чувствомъ онъ стремился заклеймить нѣкоторыя позорныя личности и сдѣлалъ это въ *Нови*, не прикрываясь никакими намеками и недомолвками. Легко понять чувства Ladislas'овъ. Замѣчанія на страницахъ популярнѣйшаго романа равнялись цѣлой сатирѣ и не могли не раздражить причастныхъ лицъ.

Тургеневъ, какъ извѣстно, безпрестанно оказывалъ покровительство своимъ соотечественникамъ, попадавшимъ за границу. Въ готовности снабдить рекомендаціей, устроить судьбу, дать денегъ, даже ежегодную пенсію и въ особенности провести литературное произведеніе начинающаго, никому невѣдомаго автора, — всѣ эти виды благотворительности занимали Тургенева всю жизнь. Нерѣдко его любезностью пользовались люди, совершенно недостойные, а часто результаты бывали весьма печальные: поступокъ, имѣвшій единственной побудительной причиной, — состраданіе и привычку не отказывать въ помощи, объяснялся совершенно другими мотивами. И объясненія шли съ двухъ противоположныхъ сторонъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, заинтересованныхъ въ извѣстномъ толкованіи поведенія Ивана Сергѣевича.

Авторъ *Отцовъ и Дѣтей* обладалъ громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ, стоялъ на виду у всего культурнаго міра, ни одинъ его шагъ не ускользалъ отъ общественнаго вниманія. Этотъ фактъ

становился очевиднымъ для всѣхъ, особенно послѣ московскихъ и петербургскихъ овацій. Естественно для всѣхъ, кому требовалась крѣпкая внушительная опора для своихъ идей или дѣйствій Иванъ Сергѣевичъ являлся самымъ вожделѣннымъ покровителемъ.

Навязать ему эту роль не требовалось большого труда, стоило только подѣйствовать на его доброе отзывчивое сердце. Всякій, кто бы ни нуждался въ помощи, находилъ ее у знаменитѣйшаго русскаго писателя. Обыкновеннаго человѣка подобная благотворительность въ худшихъ случаяхъ можетъ вовлечь развѣ только въ непріятныя или забавныя затрудненія и ошибки. Человѣку, дѣйствующему на міровой сценѣ, она можетъ создать множество самыхъ тягостныхъ положеній: нравственная отвѣтственность его въ глазахъ общества увеличивается сообразно съ уваженіемъ, ему оказываемымъ. Онъ становится невольной жертвой своего высокаго положенія и деспотической власти толпы, мелочными обслѣдованіями будто мстящей генію за его превосходство надъ ней.

Тургеневу, при его доступности, идеально-культурномъ характерѣ, въ высшей степени было просто попасть въ «друзья», «доброжелатели», «единомышленники» перваго встрѣчнаго и еще проще вызвать подозрѣніе въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ къ людямъ, которымъ онъ могъ только сочувствовать ради ихъ лишеній, нужды, вообще—по основаніямъ *чисто личнымъ*. Но ни эти люди, ни наблюдатели со стороны не хотѣли, а часто и имѣли всѣ разсчеты не дѣлать столь тонкихъ различій.

Такъ поступали и мнимые единомышленники Тургенева, и его дѣйствительные враги.

Писатель, всю жизнь посвятившій увлекательному воспроизведенію общественной жизни, единственный — среди всѣхъ своихъ современниковъ—рѣшившійся выводить на сценѣ своихъ романовъ вновь нарождающіеся типы и идеалы молодыхъ поколѣній, подвергался исключительной опасности—быть завербованнымъ, даже безъ своего вѣдома, въ какую угодно партію. Неизмѣнный интересъ Тургенева къ молодежи, его постоянная готовность привѣтствовать новый литературный талантъ, поощрить стремленіе всякаго юноши къ знанію и развитію, съ самаго начала пребыванія Тургенева заграницей создали почву — съ одной стороны для отважныхъ заявленій о радикализмѣ тургеневскихъ взглядовъ, съ другой—для жестокихъ обвиненій въ отступничествѣ и трусости.

Мы уже видѣли, какъ легко создавались мнѣнія на счетъ ра-

дикализма Тургенева. Фантазія поэта Фета въ одно мгновеніе совершила головокружительное превращеніе Ивана Сергѣевича въ подстрекателя невинныхъ юношей къ бунту. А между тѣмъ, у Фета дѣйствовало, главнымъ образомъ, личное чувство.

Онъ открыто укоряетъ Тургенева въ «постыдномъ подлизываніи къ мальчишкамъ» [321]). Обвиненіе весьма нехитрое, если принять во вниманіе вообще популярность автора *Отцовъ и Дѣтей*, и совершенно безсмысленное, если познакомиться съ критическими упражненіями «мальчишекъ» по поводу романовъ Тургенева. Но отъ клеветы всегда что-нибудь остается, и потомъ самая безсмыслица навѣтовъ говоритъ за ихъ достовѣрность.

Другой лагерь, повидимому, долженъ бы преслѣдовать одну цѣль, завѣрять Фетовъ, до какой степени они, «мальчишки», мало похожи на тургеневскихъ,—Базарова и Нежданова. На страницахъ журналовъ такъ это и дѣлалось, но—мы уже объяснили, геніальный писатель являлся слишкомъ соблазнительнымъ искушеніемъ, чтобы съ нимъ можно было покончить разъ навсегда. Пусть Тургеневъ не понялъ настоящей русской молодежи, унизилъ Базарова, наклеветалъ на Нежданова, но онъ—всемірная знаменитость и предъ нимъ преклоняются всѣ, не зараженные тенденціознымъ кривотолкомъ. Въ результатѣ, онъ долженъ быть «нашъ». А если онъ не захочетъ этой чести, онъ трусъ и отступникъ: быть «не нашимъ» онъ не можетъ...

Такимъ путемъ для Тургенева съ теченіемъ времени создалась страшная дилемма. Въ глазахъ «отцовъ»—не изъ *Дворянскаго гнѣзда*, а отцовъ изъ *Нови*, онъ, можетъ быть, отчасти и невольный данникъ молодежи, такъ какъ она преимущественно создаетъ славу и дѣлаетъ оваціи. По мнѣнію «дѣтей», Тургеневу непремѣнно слѣдовало исповѣдовать программу «молодой Россіи», иначе ему грозило клеймо позора.

Факты съ удручающей послѣдовательностью поддерживали эту дилемму въ теченіи многихъ лѣтъ.

Тургеневъ не пропускалъ случая заявить о своихъ дѣйствительныхъ убѣжденіяхъ. Его переписка съ русскими и заграничными друзьями переполнена признаніями на этотъ счетъ, если только у кого-либо послѣ его романовъ могло оставаться сомнѣніе, особенно послѣ Соломина. И замѣчательно: *словесная форма* признаній почти тождественна въ личныхъ письмахъ Тургенева и его публичныхъ заявленіяхъ. Очевидно, извѣстные взгляды сложились прочно и не допускали никакихъ отступленій даже въ частностяхъ...

---

[321]) Это выраженіе Фетомъ приписывается Кетчеру. *Мои восп.* II, 306.

Открытіе памятника Пушкину являлось для Тургенева *личнымъ* праздникомъ въ полномъ смыслѣ слова. Мы знаемъ, какія сердечныя связи соединяли великаго художника съ памятью обожаемаго учителя, и среди всѣхъ современныхъ писателей, среди всѣхъ искреннѣйшихъ цѣнителей пушкинскаго таланта, Тургеневу принадлежало первое мѣсто у памятника, какъ преданнѣйшему и достойнѣйшему ученику поэта.

Тургенева особенно глубоко занималъ одинъ вопросъ. Онъ хотѣлъ, «чтобы вся литература единодушно сгруппировалась на этомъ пушкинскомъ праздникѣ». Въ эту группу, конечно, не могли войти люди, поставившіе своей задачей—поносить и преслѣдовать даровитѣйшихъ представителей русскаго слова, и Тургеневъ выражалъ надежду, что «никакая дисгармонія не нарушитъ торжества во имя общественной мысли и просвѣщенія» [322]).

Надежды Тургенева осуществились не вполнѣ.

Пушкинскіе дни лично для Ивана Сергѣевича должны были оставить воспоминаніе о непрерывныхъ оваціяхъ. Всюду, гдѣ показывался любимый писатель, публика встрѣчала его восторженными привѣтствіями. Всѣ другіе участники празднествъ, за исключеніемъ Достоевскаго, и то лишь на одинъ моментъ, заняли второй планъ. Не только рѣчь самого Тургенева сопровождалась единодушными рукоплесканіями, даже въ рѣчахъ другихъ публика искала предлога выразить Тургеневу свое благодарное чувство. Стоило Достоевскому, въ своей рѣчи, только намекнуть на героиню *Дворянскаго гнѣзда*, — и зала огласилась привѣтствіями. Ораторамъ необходимо было прерывать рѣчи, когда въ залу входилъ Тургеневъ: публика ждала его прихода, встрѣчала и провожала аплодисментами, не смотря ни на чье краснорѣчіе. Клики и киданье шапокъ происходили даже на улицахъ, неизмѣнно скромному писателю приходилось спасаться отъ овацій, уходить изъ залъ собраній другими выходами...

Никогда ничего подобнаго не видѣла русская публика. Тургеневъ вызывалъ шумные восторги даже у такихъ соотечественниковъ, которые чувствовали вообще крайне незначительный интересъ къ литературнымъ событіямъ, никогда въ жизни не посѣщали собраній въ родѣ засѣданій Общества любителей словесности. Такіе слушатели, затаивъ дыханіе, слушали рѣчь Тургенева о Пушкинѣ... Очевидцы единодушно приходятъ къ убѣжденію, что только искренне чтимый и дѣйствительно вліятельный общественный дѣятель могъ удостоиться такого пріема.

---

[322]) *Письма*, 357, 358.

Замѣчательно, Тургеневъ невольно явился на праздникѣ представителемъ русской дѣйствующей литературы. Первостепенные иностранные писатели на его имя присылали свои поздравленія русскому обществу съ литературнымъ праздникомъ. Такъ были получены письма Ауэрбаха, Теннисона, Виктора Гюго...

Высшими моментами тургеневскаго тріумфа была, конечно, его рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Общества любителей словесности седьмаго іюня.

Въ свое время много писали и говорили о рѣчи Достоевскаго въ слѣдующемъ засѣданія того же Общества. Авторъ *Записокъ изъ мертваго дома* вызвалъ сильнѣйшій энтузіазмъ, настоящее нервное потрясеніе у публики, уже въ теченіи нѣсколькихъ дней переживавшей небывалыя волненія. Та же самая рѣчь въ печати не оставляетъ и тѣни подобнаго впечатлѣнія; напротивъ, каждой мыслью, каждымъ эффектнымъ словомъ возбуждаетъ сомнѣнія, противорѣчія и поражаетъ необыкновенной пестротой внутренняго содержанія. Въ общемъ это наборъ прорицаній, ясновидѣній, выспренне льстивыхъ обращеній къ «чистой русской душѣ», къ русской женщинѣ, къ русскому «всечеловѣку», апоѳеозъ русской народности, стремящейся къ «всемірности и всечеловѣчности»... Основа славянофильская со всевозможными лирическими украшеніями въ патріотическомъ стилѣ.

Въ извѣстныя минуты такая поэзія должна была встрѣтить сильнѣйшій отголосокъ и она имѣла свою цѣну, какъ личное «стихотвореніе въ прозѣ» одного изъ даровитыхъ русскихъ писателей. Но по существу подобная рѣчь на культурномъ общественномъ праздникѣ представляла отрицательное и для русскаго самосознанія опасное явленіе, какъ всякія самовосхваленія какой бы то ни было націи, а тѣмъ болѣе націи, едва начавшей путь общественнаго развитія и всесторонней цивилизаціи. Раньше, чѣмъ русскому «всечеловѣку» думать о «новомъ словѣ» для цѣлаго міра, простымъ русскимъ людямъ предстояло у себя дома завоевать первые начатки гражданственности, просвѣщенія и терпимости, давно уже осуществленные другими народами.

Совершенно другого характера рѣчь Тургенева. Она не изрекала никакихъ пророчествъ, не развертывала упоеннымъ слушателямъ сказочныхъ горизонтовъ въ отдаленномъ будущемъ, а просто и скромно опредѣляла общественную и нравственную силу истиннаго искусства и національное значеніе Пушкина. Говорилъ горячій и глубокій цѣнитель поэзіи, самъ отдавшій всѣ свои силы родной литературѣ, говорилъ въ полномъ сознаніи отвѣтственности за каждое слово похвалы своему учителю и народу, его создав-

шему. Весьма кстати были указаны дѣйствительно національныя черты пушкинской поэзіи, не имѣющія ничего общаго съ надменными мечтами о всемірности.

Тургеневъ говорилъ:

«Самая сущность, всѣ свойства его поэзіи совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силѣ и ясности его языка — эта прямодушная правда, отсутствіе лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущеній — всѣ эти хорошія черты хорошихъ русскихъ людей поражаютъ въ твореніяхъ Пушкина не однихъ насъ, его соотечественниковъ, но и тѣхъ изъ иностранцевъ, которымъ онъ сталъ доступенъ».

Въ заключеніе авторъ рѣчи высказывалъ, сравнительно съ пророчествами Достоевскаго, скромныя, но на самомъ дѣлѣ великія надежды, не на завоеваніе цѣлаго міра русскимъ «всечеловѣкомъ», а на распространеніе «освободительныхъ» и «возвышающихъ» идеаловъ пушкинской поэзіи среди русскаго народа, на то будущее, когда сыновья крестьянъ сознательно станутъ повторять: «это—памятникъ учителю».

Надежды Тургенева и теперь свидѣтельствовали о спокойныхъ и ясныхъ общественныхъ идеяхъ. У памятника Пушкина былъ все тотъ же человѣкъ *сороковыхъ годовъ*, мыслью и сердцемъ преданный цивилизаціи, народному благу и народному умственному развитію. Когда-то московскій университетъ не могъ удовлетворить стремленій даровитаго юноши къ знанію и потомъ къ ученой дѣятельности: теперь тотъ же университетъ торжественно объявилъ Тургенева своимъ почетнымъ членомъ. Это избраніе было одновременно и возмездіемъ за прошлыя разочарованія студента, и наградой за истинно-просвѣтительную дѣятельность писателя.

Пушкинскіе праздники, увѣнчавъ Тургенева такой же славой, какъ и его учителя, не прошли при совершенно безоблачномъ небѣ. Въ настоящее время трудно разобраться въ подробностяхъ, хотя разсказовъ и сообщеній огромное количество. Но, въ сущности, намъ и не требуется подробныхъ изслѣдованій, потому что не въ частностяхъ дѣло, а въ общемъ смыслѣ.

Изъ Москвы Тургеневъ уѣхалъ заграницу, лѣто и осень провелъ въ Буживалѣ, зиму въ Парижѣ, а въ декабрѣ и январѣ пережилъ извѣстную намъ исторію по поводу подписки на памятникъ Флобера и въ іюнѣ былъ въ Спасскомъ [323]). Послѣднее

---

[323]) Этому лѣту посвящены воспоминанія Я. П. Полонскаго: *И. С. Тургеневъ у себя*.

лѣто Иванъ Сергѣевичъ проводилъ въ своей любимой деревнѣ: больше ему не суждено было вернуться въ Россію.

Сначала время шло ровно и весело. Тургеневъ писалъ *Пѣснь торжествующей любви*, обдумывалъ планы новыхъ произведеній, гулялъ съ дѣтьми, разсказывалъ имъ сказки, по временамъ въ разговорахъ и общихъ разсужденіяхъ всплывали давнишнія безотрадныя мысли, но родина по прежнему вѣяла свѣжестью и энергіей на истомленную многодумную душу писателя. Только извѣстіе о приключеніи съ г-жей Віардо, укушенной какой-то злокачественной мухой, и о холерѣ въ Брянскѣ, разстроили-было Тургенева. Но безпокойства прошли и до конца лѣта жизнь текла спокойно. Съ августа погода стала мѣняться къ худшему, приходилось думать о путешествіи въ Парижъ, и Тургеневъ, будто предчувствуя недалекую смерть, на этотъ разъ особенно тяжело разставался съ родиной, все чаще принимался мечтать объ окончательномъ переселеніи въ Россію, не сообщалъ при этомъ никакихъ подробностей о своей жизни въ семьѣ Віардо, но не щадилъ французовъ вообще въ своихъ отзывахъ. Въ концѣ августа Тургеневъ уѣхалъ заграницу, обѣщая вернуться въ Россію даже раньше лѣта.

Осенью, въ октябрѣ, Тургеневъ посѣтилъ Англію и участвовалъ въ обѣдѣ, устроенномъ въ честь его англійскими писателями и художниками, въ ноябрѣ окончилъ разсказъ *Отчаянный*, собирался приняться за *Клару Миличъ*, а нѣмецкія и англійскія газеты извѣщали даже о большомъ романѣ. И романъ былъ задуманъ и, можетъ быть, уже готовъ въ умѣ автора, по крайней мѣрѣ въ одномъ письмѣ Тургенева встрѣчается крайне рѣдкое у него радостное чувство на счетъ будущаго:

«Неужели изъ стараго, засохшаго дерева пойдутъ новые листья и даже вѣтки? Посмотримъ» [324]).

Съ января слѣдующаго 1882 года начались испытанія. Почти три мѣсяца наполнила исторія дочери Тургенева съ мужемъ, а въ первыхъ числахъ апрѣля Тургеневъ извѣщаетъ о болѣзни—грудной жабѣ, и съ этого времени подобныя извѣстія уже не прекращаются: жизнь писателя превращается въ безпрерывную страшную агонію, его письма — настоящая исторія мученичества и отнюдь не по его жалобамъ, а по простымъ медицинскимъ фактамъ. Тургеневъ менѣе всего былъ склоненъ занимать другихъ своей особой. Въ самые тяжелые періоды болѣзни онъ проситъ друзей не говорить съ нимъ объ его здоровьѣ и въ его письмахъ «обхо-

---

[324]) Письмо отъ 9 ноября 1881 г. *Письма*, 390.

дить сей предметъ молчаніемъ» [325]). Его общіе интересы нисколько не падаютъ. Онъ, по обыкновенію, слѣдитъ за литературой, привѣтствуетъ новые таланты, глубоко волнуется по поводу общественныхъ вопросовъ своей родины, принимаетъ самое горячее участіе въ судьбѣ даже невѣдомыхъ ему людей. Въ этомъ отношеніи любопытенъ фактъ, взволновавшій Тургенева лѣтомъ, въ іюлѣ.

Здоровье его было настолько безнадежно, что онъ заявлялъ друзьямъ о прекращеніи своей *личной* жизни, его существованіе приняло «желтенькій цвѣтъ», писать онъ не въ силахъ, послѣ пятой строчки начинаетъ чувствовать боль и колики въ плечѣ, безъ морфія глазъ закрыть не можетъ... И вотъ въ это время его извѣщаютъ о желѣзнодорожной катастрофѣ недалеко отъ Спасскаго. Тургеневъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на несчастіи. «Ужасныя слова», пишетъ онъ, «стоны слышались подъ землей до 10 часовъ утра—такъ и засѣли гвоздемъ въ голову. Неужели же не было сейчасъ приступлено къ раскопкѣ?» Въ слѣдующемъ письмѣ: «Какъ меня измучила Бастыевская катастрофа—вы представить не можете. Мнѣ постоянно мерещатся эти несчастные, задохнувшіеся въ тинѣ, и хотя отрытіе ихъ теперь уже, конечно, ничему не поможетъ, но я весь горю негодованіемъ при мысли, что въ теченіи нѣсколькихъ дней ничего не было сдѣлано». Онъ упрашиваетъ друзей, живущихъ въ его деревнѣ, сдѣлать для родственниковъ погибшихъ путешественниковъ «все, что бы онъ сдѣлалъ, еслибъ находился на мѣстѣ» [326]).

Съ особой силой Тургеневъ говорилъ о Спасскомъ. Оно стало для него теперь еще дороже. Онъ посылаетъ поклоны старымъ слугамъ, любимымъ мѣстамъ, памятнымъ съ дѣтства, дому, саду, молодому дубу. Слезы звучатъ въ его словахъ, когда онъ отчаивается увидѣть родину, и былое доброе чувство къ крестьянамъ вновь вспыхиваетъ въ его письмѣ къ нимъ [327]).

У высшихъ натуръ физическія страданія постоянно усиливаются нравственными муками и волненіями. Тургеневъ—одна изъ такихъ натуръ, до конца не могъ успокоиться и отдаться исключительно заботамъ о своемъ положеніи. Даже совершенно естественный эгоизмъ безнадежно больного, умирающаго человѣка не находилъ

---

[325]) *Письма*, 481.

[326]) *Письма*, 432, 435, 449, 459, 456, 453, 454.

[327]) *Письма*, 437, 487, 474, 475. Въ письмѣ къ старому товарищу по берлинскому университету въ сентябрѣ 1862 г. Тургеневъ вспоминалъ далекое студенческое прошлое, сообщалъ о своей болѣзни и называлъ «величайшей непріятностью» невозможность побывать въ Спасскомъ. *Р. Ст.* XLII, 392.

мѣста въ нравственномъ мірѣ художника. Онъ привѣтствуетъ чужую живучесть и силу, напутствуетъ г. Григоровича «съ Богомъ! въ дальнюю дорогу», когда тотъ задумываетъ новый романъ, жалѣетъ Гончарова именно потому, что самъ страдаетъ и, слѣдовательно, «ближе принимаетъ къ сердцу» чужія страданія, съ смертнаго одра посылаетъ безпримѣрное въ литературной исторіи письмо къ гр. Толстому... [328]).

Такъ могъ страдать и умирать только истинный подвижникъ мысли, обладавшій великой благородной душой и евангельски-совершеннымъ сердцемъ...

Для *личной жизни* въ это время Тургеневъ находитъ только одно вполнѣ подходящее выраженіе. Ровно за годъ до смерти онъ сравниваетъ себя съ устрицей, приросшей къ скалѣ, потомъ онъ постоянно возвращается къ этому сравненію. Въ срединѣ октября 1882 года онъ пишетъ:

«Оказывается, что можно отлично существовать, не будучи въ состояніи ни стоять, ни ходить, ни ѣздить. Живутъ же такъ устрицы! А у меня есть много развлеченій, недоступныхъ устрицамъ».

Въ концѣ того же мѣсяца:

«Всѣмъ молодецъ—только ни стоять, ни ходить! И представь, я съ этимъ примирился. Сижу или лежу цѣлыхъ 24 часа сряду и—баста! Моллюскъ, такъ моллюскъ. Живутъ же они и даже многіе годы и никакого желанія и перемѣщенія не ощущаютъ» [329]).

Въ такомъ положеніи неоцѣненно общество близкихъ людей. Было ли оно у Тургенева? Нѣкоторымъ друзьямъ казалось, что нѣтъ и они даже предлагали пріѣхать къ нему. До нихъ доходили слухи о заброшенномъ, одинокомъ положеніи Ивана Сергѣевича, о неудобствахъ комнаты, гдѣ ему приходилось лежать, о постоянномъ грохотѣ музыки, о равнодушіи окружающихъ къ его страданіямъ. Эти разсказы шли отъ очевидцевъ, и Тургеневу стоило не малыхъ усилій опровергать ихъ. На счетъ этого онъ неутомимъ. Онъ не въ силахъ допустить, чтобы люди, имъ облагодѣтельствованные, казались другимъ, недостойными благодѣяній.

Это—обычная психологія всѣхъ добрыхъ и сердечныхъ людей. Безупречность ихъ избранниковъ является для нихъ вопросомъ личнаго самолюбія. И Тургеневъ настойчиво отклоняетъ всякое вмѣшательство въ его парижскую жизнь, описываетъ свое помѣщеніе, перечисляетъ комнаты; по поводу своей низкой и тѣсной спальни сообщаетъ, что парижскія спальни вообще таковы, а на

[328]) *Ib.* 514, 543, 550.
[329]) *Ib.* 475, 502.

*

счетъ музыки совершенно успокаиваетъ друзей. Вообще, по его словамъ, онъ «какъ сыръ въ маслѣ», а что касается главнаго вопроса объ одиночествѣ, то онъ остается одинъ только тогда, когда самъ этого желаетъ [330]).

Намъ трудно разобраться въ утвержденіяхъ и отрицаніяхъ, какъ бы глубоко ни интересовалъ насъ предметъ. Будущее, несомнѣнно, броситъ истинный свѣтъ и на эту полосу тургеневской жизни. Мы можемъ только съ извѣстной достовѣрностью рѣшить послѣдній только-что указанный вопросъ.

Альфонсъ Додэ, искренне вѣровавшій въ счастье Тургенева въ нѣдрахъ французской семьи, посѣщалъ его во время болѣзни и рисуетъ неизмѣнно одну и ту же картину.

Когда бы онъ ни приходилъ къ своему русскому другу, внизу въ роскошныхъ залахъ неумолкаемо звучала музыка и пѣніе, а въ третьемъ этажѣ, въ крохотномъ полутемномъ кабинетѣ лежала на софѣ молчаливая, согбенная фигура больного старика. И подъ аккомпаниментъ этой музыки Тургеневъ разсказывалъ Додэ, какія ощущенія онъ испыталъ во время операціи—извлеченія кисты... Французу казалось, что умирающій чувствовалъ себя счастливымъ среди любимыхъ искусствъ [331]). Никто здѣсь не догадывался, что въ извѣстныя минуты человѣку нужны люди, а не искусства...

Но не всегда бывали съ Тургеневымъ и любимыя искусства.

По его письмамъ можно подробно прослѣдить его жизнь осенью и зимой 1882 года. Лѣто семья Віардо жила съ нимъ въ Буживалѣ. Въ сентябрѣ предсталъ вопросъ о переселеніи, и Тургеневъ соглашался остаться на дачѣ одинъ, забывая ради этого свой страхъ одиночества. Теперь, когда всѣ Віардо должны уѣхать въ Парижъ, ему «одиночество по вкусу», «и что бы я сталъ дѣлать въ Парижѣ, при невозможности движенія? Здѣсь, по крайней мѣрѣ, не тянетъ никуда». Сначала Віардо испугались-было тифа, свирѣпствовавшаго въ Парижѣ, но скоро все-таки уѣхали, и на жалобы другихъ Тургеневъ пишетъ:

«На счетъ одиночества я съ вами не согласенъ. Вотъ я теперь совершенно одинокъ «аки перстъ»—и ничего!» [332]).

---

[330]) *Ib.* 428, 436, 437. Фетъ такъ же, какъ и друзья Тургенева, гг. Полонскіе, очевидно, вѣрилъ слухамъ. Сообщеніе объ этихъ слухахъ онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Скажу только, что высказываемая имъ когда-то мечта о женскомъ каблукѣ, нагнетающемъ его затылокъ лицомъ въ грязь, сбылась въ переносномъ значеніи въ самомъ блистательномъ видѣ». *O. cit.* II. 396—7.

[331]) *Иностр. крит.* 209, 210.

[332]) *Письма*, 499.

Это заявленіе, очевидно, исходило изъ такого же чувства, какъ и довольство жизнью устрицъ и моллюсковъ.

Но, мы видѣли, больной говорилъ о радостяхъ, недоступныхъ устрицамъ. Онъ разумѣлъ печальныя радости, ихъ только съ горечью въ сердцѣ можно было называть развлеченіями. О нихъ поэтъ оставилъ два прелестнѣйшихъ стихотворенія. Темы стихотвореній тождественны, но предметы ихъ совершенно различны. И въ томъ, и въ другомъ рѣчь идетъ о грёзахъ. Одно написано зимой, въ февралѣ 1878 года, другое—весной, въ маѣ того же года. Одно—*Старуха*, исторія о томъ, какъ поэтъ встрѣтилъ въ полѣ маленькую сгорбленную старушку, и какъ она пошла по слѣдамъ его и какъ онъ не могъ уйти отъ нея, какъ отъ своей судьбы... Другое стихотвореніе называется *Посѣщеніе*. Оно разсказываетъ о томъ, что̀ случилось «раннимъ утромъ перваго мая». А случилось то, что̀ происходило съ поэтомъ всю жизнь въ минуты вдохновеннаго творчества.

Въ раскрытое окно влетѣла крылатая маленькая женщина, одѣтая въ тѣсное, длинное, книзу волнистое платье, съ вѣнкомъ изъ ландышей на разбросанныхъ кудряхъ, съ павлиньими перьями надъ красивымъ выпуклымъ лобикомъ, съ цвѣтнымъ «царскимъ жезломъ» въ рукахъ, со смѣхомъ въ огромныхъ черныхъ, свѣтлыхъ глазахъ. Поэтъ узналъ гостью: это была богиня фантазіи!..

Міръ видѣній, живой невольной игры воображенія, былъ другимъ царствомъ поэтическаго духа Тургенева, когда дѣйствительность налегала на него невыносимымъ бременемъ физическихъ и нравственныхъ испытаній. И Тургеневъ покорно отдавался во власть богини фантазіи, до самаго конца прилетавшей къ нему и приносившей вереницу о̀бразовъ и впечатлѣній, никому еще невѣдомыхъ. Очевидецъ, посѣщавшій Тургенева незадолго до смерти, слышалъ отъ него множество чудныхъ фантастическихъ сказокъ, навѣянныхъ грёзами во время болѣзни, и эти сказки напоминали слушателю лучшія «стихотворенія въ прозѣ» [333]). Муза, слѣдовательно, оставалась неизмѣнно вѣрной подругой своего любимца до самаго конца. Это была муза страданій, безотчетныхъ видѣній, умирающему могли чаще грезиться о̀бразы, похожіе скорѣе на *старуху*, чѣмъ на *богиню фантазіи*, но и надъ самыми мрачными видѣніями носилась эта богиня въ томъ же вѣнкѣ изъ ландышей и съ тѣмъ же жезломъ изъ степного цвѣтка и обвѣвала все той же поэтической красотой и оригинальной прелестью созданія смертельно страждующей, но высшей природы...

---

[333]) *Изъ воспоминаній о послѣднихъ дняхъ И. С. Тургенева.* М. С. *Вѣстн. Евр.* 1883, октябрь, стр. 848.

Мы не станемъ подробно пересказывать заключительный актъ драмы: онъ для всѣхъ смертныхъ по существу одинаковъ. Мы только напомнимъ одну изъ сценъ этого акта, разсказанную очевидцемъ [334]): такихъ сценъ бываетъ немного не только наканунѣ конца, но и въ самый расцвѣтъ счастливѣйшихъ человѣческихъ существованій.

За нѣсколько дней до смерти Ивана Сергѣевича навѣстили въ Буживалѣ нѣкоторые изъ его соотечественниковъ, проживавшихъ въ то время въ Парижѣ.

Умирающій принялъ гостей съ обычной привѣтливостью, сердечно бесѣдовалъ съ ними и, наконецъ, обратился къ нимъ съ такими словами:

«Въ послѣдній разъ прощайте!..»

Это были страшныя слова. А между тѣмъ блѣдное, изможденное многолѣтними недугами лицо писателя слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствовало, что прощаніе происходитъ дѣйствительно въ послѣдній разъ...

Одинъ изъ присутствовавшихъ наклонился — поцѣловать руку любимаго наставника... Иванъ Сергѣевичъ быстро отдернулъ руку и произнесъ:

«Живите и любите людей, какъ я ихъ всегда любилъ».

Благороднѣйшій завѣтъ, какой только писатель можетъ оставить своимъ соотечественникамъ.

Двадцать втораго августа, въ понедѣльникъ, въ два часа пополудни, Тургенева не стало.

Г-жа Віардо такъ извѣщала о событіи Пича:

«За два дня до своей смерти онъ совершенно утратилъ всякое сознаніе. Онъ уже не страдалъ болѣе: жизнь его медленно угасала, и послѣ двухъ всхлипываній, онъ скончался... Мы всѣ были при немъ. Онъ опять сталъ такъ же красивъ, какъ былъ нѣкогда, въ царственномъ покоѣ смерти... Въ первый день послѣ его смерти замѣчена была еще глубокая морщина между бровями, образовавшаяся подъ вліяніемъ судорожной боли. Это придавало ему строгій и энергичный видъ. На второй день на его лицѣ появилось прежнее доброе, пріятное выраженіе: были моменты, когда можно было ожидать, что онъ улыбнется. О, Боже! какое ужасное горе!..» [335]).

Мы не знаемъ, насколько глубоко и искренне было чувство г-жи Віардо, но то же самое восклицаніе въ самыхъ разнообразныхъ рѣчахъ, статьяхъ, стихотвореніяхъ пронеслось по всему просвѣщенному міру и съ особенной болью отозвалось въ осиротѣвшемъ отечествѣ геніальнаго художника.

---

[334]) Разсказъ доктора Бѣлоголоваго. *Нива*, 1883.

[335]) *Иностр. крит.* 182—3.

Парижане были изумлены громадной толпой русскихъ, собравшихся проводить гробъ Тургенева въ Россію [336]). Знаменитѣйшіе представители французской литературы и науки напутствовали русскаго писателя восторженными рѣчами. Ренанъ говорилъ надъ его гробомъ:

«Онъ поистинѣ обладалъ словомъ вѣчной жизни, словомъ мира, справедливости, любви и свободы».

Абу выразилъ идею памятника Тургеневу:

«Кусокъ разбитой цѣпи на бѣлой мраморной плитѣ всего лучше шелъ бы къ вашей славѣ и удовлетворилъ бы, я увѣренъ въ томъ, ваше скромное самолюбіе».

На родинѣ покойнаго ждалъ неслыханный тріумфъ, если только это выраженіе умѣстно въ виду гроба. Но иначе нельзя назвать—единодушный, страстный и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественный откликъ общества, науки, литературы, искусства, молодежи и стариковъ—различныхъ націй и сословій—на печальное событіе. Гробъ сопровождали до двухъ сотъ восьмидесяти депутацій, погребальная колесница утопала въ вѣнкахъ, начальныя школы, гимназіи, лицеи, академія наукъ и университеты отдавали послѣднія почести великому борцу за просвѣщеніе, крестьяне, женскіе курсы, представители далекихъ провинціальныхъ захолустій несли дань благоговѣнія мужественному защитнику народной свободы, общественной равноправности и культурной гражданственности; періодическія изданія, консерваторіи, театры сошлись на поклонъ къ геніальному подвижнику благороднаго русскаго слова и художественнаго творчества; французы, нѣмцы, евреи, поляки, болгары привѣтствовали прахъ безсмертнаго вождя своего народа по пути національной терпимости и всемірной цивилизаціи...

И самое отдаленное будущее не отниметъ у Тургенева правъ на эти привѣтствія, почести и вѣнки. Чѣмъ шире будетъ развиваться самосознаніе русскаго народа, чѣмъ глубже будутъ проникать въ среду русскаго общества идеи умственнаго свѣта и нравственнаго совершенствованія, чѣмъ прочнѣе русскій человѣкъ усвоитъ идеалы гражданина и человѣка,—тѣмъ выше поднимется слава Тургенева, тѣмъ тщательнѣе и благоговѣйнѣе станутъ изучать его жизнь, личность и творчество. Это будетъ только законная дань духовныхъ дѣтей своему отцу, и она, конечно, окажется неизмѣримо достойнѣе его генія и подвига, чѣмъ нашъ скромный и неполный трудъ.

Ив. Ивановъ.

---

[336]) *Journal des Goncourt*. VI, 273.

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

А. Валенберга.

Перев. съ шведскаго В. Фирсова.

*(Продолженіе *).*

III.

Проходили недѣли, а все оставалось по-прежнему. Изъ Берлина писемъ все не получалось и розыски жены не приводили ни къ чему.

Въ книжномъ шкафу Гильдуръ по-прежнему лежали непереведенные еще иностранныя книги, и по-прежнему одна изъ такихъ книгъ валялась на столѣ Бурмана непрочитанной.

Больше, чѣмъ когда-либо, было у Гильдуръ времени предаваться невеселымъ размышленіямъ, тѣмъ болѣе, что и порученные ей Бурманомъ переводы отнимали у нея немного времени. Скоро она убѣдилась, что такой трудъ не могъ удовлетворить ея жажды интеллигентной работы и только раздражалъ ее. А такъ какъ все сводилось лишь къ матеріальной поддержкѣ новой газеты, то она и передала эту работу въ другія руки. И вотъ, переводы отмѣченныхъ статей, чисто переписанные, стали поступать въ редакцію газеты „Стража". Это былъ необременительный матеріалъ, собранный со всего бѣлаго свѣта.

Когда она въ первый разъ принесла Бурману, эти исполненные наемной рукой переводы, она-таки немного трусила. Она ожидала непріятнаго объясненія, пришлось бы признаться, что порученная ей работа совсѣмъ не соотвѣтство-

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь, 1895 г.

вала ея желаніямъ. Но никакого объясненія не вышло. Несмотря на то, что рукописи были написаны чужой рукой, Бурманъ не замѣтилъ этого. Каждую недѣлю принималъ онъ приносимую Гильдуръ работу и, кромѣ короткаго: „спасибо, милая“, ни словомъ не заикался о ней. Онъ ни разу даже не поинтересовался, какъ сдѣланы переводы...

Между тѣмъ Гильдуръ, безъ дѣла предоставленная угнетавшимъ ее думамъ, дошла до полной апатіи, и на все махнула рукой. О будущемъ она уже не мечтала. Отъ всякихъ надеждъ на духовное сближеніе съ Сетомъ—отказалась. На ужасавшую ее прежде пустоту предстоявшей жизни она смотрѣла равнодушно, какъ на неизбѣжное зло, и наружно спокойная жила изо дня въ день, безъ ропота, безъ радостей, безъ желаній...

Съ Бурманомъ ея отношенія оставались, какъ будто бы и прежнія; перемѣна была только та, что Гильдуръ уже безъ всякаго увлеченія слушала его разсужденія, а то и совсѣмъ не слушала. Въ концѣ концовъ, ей надоѣло быть только слушательницей, замѣчанія которой отбрасывались двумя, тремя назиданіями, какъ соръ. Такія назиданія нисколько ея ни въ чемъ не убѣждали, и достигали только одной цѣли—заставляли ее молчать.

„Зачѣмъ онъ говоритъ мнѣ все это?“ спрашивала она себя иногда, пока онъ, разсказывалъ ей о задуманномъ романѣ или о какой-нибудь политической комбинаціи. „Неужели это только мысли вслухъ? Иначе бы онъ не требовалъ только поддакиваній. Но, въ такомъ случаѣ, онъ говоритъ только для себя, и мнѣ незачѣмъ слушать“.

И она равнодушно поддакивала. Это было невесело и довольно однообразно, тѣмъ болѣе, что Сетъ Бурманъ часто повторялся. Но поступать иначе было нельзя.

Больше всего ей надоѣдала политика, до которой она никогда не была охотницей, и которой старалась одно время заинтересоваться только ради Сета. Но теперь эта политика наводила на нее гнетущую тоску.

Она даже чувствовала въ глубинѣ души, что начинаетъ просто ненавидѣть все, что касалось газетъ и политики.

Счастливѣе всего бывала Гильдуръ, когда Сетъ говорилъ съ нею о простыхъ, домашнихъ, дѣлахъ. Тогда она точно оживала, и сама удивлялась этому. Въ ней не осталось и слѣдовъ прежней склонности къ философскимъ размышленіямъ и глубокомыслію,—такъ опротивѣли ей мудрствованія

Сета. Она начала много выѣзжать, начинала любить свѣтскія удовольствія и безъ всякаго огорченія пропускала по нѣскольку дней, не видаясь съ Сетомъ. Это казалось ей даже полезнымъ на тотъ случай, если... если бы случилось такъ, что ничего не вышло бы изъ ихъ помолвки.

Она вообще сильно измѣнилась за послѣднія недѣли. Возможность разрыва съ Сетомъ ее больше не ужасала— она такъ много приготовляла себя къ той мысли, что она потеряла для нея все свое устрашающее значеніе. Она не знала, какъ все это произойдетъ и какъ она приметъ ударъ, но привыкла думать, что этотъ ударъ почти неизбѣженъ.

Въ ожиданіи его, она не упускала ни одного случая, дававшаго ей возможность забыться, развлечься. Общество, въ которомъ она прежде скучала, начинало ей нравиться, потому именно, что тамъ не надо было напрягать мысли; она стала привѣтлива ко всѣмъ знакомымъ ея брата. Но самымъ пріятнымъ развлеченіемъ было для нея провести часъ, другой въ обществѣ Валеріуса.

Съ нимъ она совсѣмъ не дружилась ради Сета, который увидѣлъ бы въ этомъ предательство; она не принимала отъ Валеріуса никакихъ услугъ, но отказывать себѣ въ удовольствіи проводить съ нимъ время—она не считала нужнымъ. И онъ сдѣлался ея повѣреннымъ, ея постояннымъ собесѣдникомъ и совѣтникомъ, словомъ, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ не могъ быть, занятый исключительно собой и своими дѣлами, Сетъ.

Они вмѣстѣ катались на конькахъ. Потомъ, весной, вмѣстѣ ѣздили верхомъ. Гертрудъ, явно покровительствовавшая этому сближенію, всегда сопровождала свою золовку, но умѣла устраивать такъ, что большею частью къ ея услугамъ являлся какой-нибудь посторонній кавалеръ, и Гильдуръ съ Валеріусомъ могли ѣхать рядомъ.

Случилось какъ-то, что четвертаго спутника не нашлось, и Гильдуръ, Гертрудъ и Валеріусъ катались верхомъ втроемъ. Погода была прекрасная; на обратномъ пути изъ Дьюргорда, когда они ѣхали по бульвару, вдругъ Валеріусъ натянулъ поводья и молча указалъ Гильдуръ хлыстомъ на шедшую впереди нихъ парочку.

Это были кавалеръ съ дамой. Кавалеръ—совсѣмъ молодой человѣкъ, повидимому, студентъ, былъ отлично одѣтъ, но безъ фуражки, дама же несла свою шляпу въ рукахъ, а на головѣ ея была новенькая студенческая фуражка.

Къ великому своему удивленію, съ перваго же взгляда на граціозную фигурку дѣвушки, Гильдуръ узнала въ ней Лену.

Лена тоже замѣтила приближающихся верховыхъ и узнала Валеріуса и его дамъ; быстро отдала она студенту его фуражку и поспѣшно надѣла шляпу. Но было уже поздно, и она поняла, что опять попалась.

Бѣдная Лена такъ сконфузилась, что едва могла отвѣтить на поклонъ знакомыхъ.

— Вѣдь вотъ какая это маленькая святоша!—улыбаясь, замѣтила Гильдуръ.—Я всегда думала, что она совсѣмъ не такова, какой прикидывается.

Гертрудъ тоже была озадачена. Она не знала, что и подумать о Ленѣ. Выходка съ фуражкой была, конечно, простое ребячество. Но бродить по загороднымъ бульварамъ съ кавалеромъ, во всякомъ случаѣ, не слѣдовало.

Валеріусъ смѣялся.

— Ничего!—сказалъ онъ.—Дайте же дѣвочкѣ немножко пошалить на свободѣ. Уже натура возьметъ свое, и лучше не слишкомъ ее стѣснять...

Онъ опять расхохотался, вспомнивъ, что во второй разъ накрываетъ Лену на мѣстѣ ея маленькихъ преступленій. Не везетъ ей!

На слѣдующій день, выходя послѣ обѣда изъ квартиры Скогъ, Валеріусъ былъ увѣренъ, что сейчасъ „случайно" встрѣтится съ Леной, у которой навѣрное найдется о чемъ съ нимъ поговорить послѣ вчерашняго приключенія.

И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послышались за нимъ быстрые шаги, и, оглянувшись, онъ увидѣлъ догонявшую его Лену. Очевидно, она дожидалась его подъ воротами сосѣдняго дома.

Не теряя времени на предисловія и пытливо заглянувъ ему въ лицо, она спросила:

— Что онѣ подумали обо мнѣ?

Онъ разсмѣялся.

— Онѣ нашли, что студенческая фуражка на вашей головкѣ была довольно эксцентричнымъ украшеніемъ.

Лена сдѣлала нетерпѣливое движеніе зонтикомъ, досадливо сжала губки и сказала, не глядя на Валеріуса:

— Да вѣдь это еще мальчикъ! Онъ только на-дняхъ поступилъ въ университетъ. Притомъ, я нисколько не интересуюсь имъ...

— Не интересуетесь? Однако прогуливаетесь же съ нимъ „въ тиши уединенія", на загородныхъ бульварахъ.

— О, это была случайная встрѣча!

Валеріусъ былъ настолько деликатенъ, что не сталъ возражать, да и не успѣлъ бы, такъ какъ Лена сейчасъ же прибавила:

— Объ этомъ она, конечно, скажетъ папѣ?

— Кто „она“?

— Гильдуръ.

— Не думаю.

— А я увѣрена, что скажетъ, какъ только папа вернется домой. Къ счастью, онъ уѣхалъ сегодня въ Мальмэ и вернется только послѣ завтра. До тѣхъ поръ есть еще время...

— Да что васъ такъ тревожитъ? Большая бѣда, если вашъ отецъ и узнаетъ объ этомъ!

— Конечно, бѣда не особенная, — сказала она, постукивая зонтикомъ о тротуарныя плиты,—но все-таки... Папа не любитъ этого... А главное, онъ и не знаетъ, что я знакома съ этимъ мальчикомъ.

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло!

— Но увѣряю васъ, я нисколько, т.-е. нисколечко не интересуюсь имъ!

Она говорила это съ такимъ жаромъ, точно больше всего опасалась обвиненія въ томъ, что „интересуется“ какимъ-то мальчикомъ.

— Не можете ли сказать Гильдуръ, чтобы она не говорила объ этомъ папѣ?—прибавила она умоляющимъ голосомъ.

— А почему вы не хотите сдѣлать этого сами?

Она промолчала.

— Это было бы гораздо лучше,—продолжалъ онъ, вспомнивъ жалобы Гильдуръ на невозможность приручить къ себѣ Лену.—Не покажется ли ей страннымъ, если явлюсь вашимъ ходатаемъ я?

— Да, но я ни о чемъ не хочу просить ее!—проговорила Лена негромко, но твердо.

Оба съ минуту помолчали.

— Однако, не легко же вамъ будетъ ужиться вдвоемъ подъ одной кровлей!—замѣтилъ Валеріусъ, какъ бы заключая невысказанныя размышленія.

— Авось и не придется уживаться съ нею! — отвѣтила Лена по-прежнему тихо, но съ удареніемъ.

— Вотъ какъ? Вы не останетесь въ домѣ?

— Напротивъ, останусь... Но врядъ ли имъ удастся пожениться!

Она сказала это съ злорадствомъ, очевидно, надѣясь, что угроза, высказанная ея матерью въ письмѣ изъ Берлина, будетъ приведена въ исполненіе. Притомъ, въ ея голосѣ было что-то странное, точно затаенная угроза. Валеріусъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. И вдругъ ему пришло въ голову, что, можетъ быть, она знаетъ больше, чѣмъ говоритъ. Вѣдь она дочь той, въ чьихъ рукахъ теперь всецѣло участь помолвленныхъ. Что, если она съ матерью въ перепискѣ и дѣлаетъ это тайкомъ, какъ и многое другое? Что, если именно она сообщила матери о помолвкѣ? Никому и въ голову не приходило еще подозрѣвать ее, но ничего неправдоподобнаго однако въ этомъ не было.

— Ну, что вы можете знать объ этомъ! — съ притворнымъ сомнѣніемъ замѣтилъ Валеріусъ, которому вдругъ захотѣлось провѣрить свои подозрѣнія и подзадорить ее на дальнѣйшую откровенность.

— А вотъ и знаю!—вскричала она.

На этотъ разъ, въ ея голосѣ слышно было такое злобное торжество, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Валеріусъ угадалъ истину. Притомъ, замѣтно было, что ей самой страстно хотѣлось похвастаться своими дипломатическими способностями и подѣлиться своими тайнами. Стоило задать ей еще одинъ вопросъ, и истина была бы обнаружена полностью.

Но Валеріусъ успѣлъ одуматься. Зачѣмъ ему было вмѣшиваться въ эту интригу? Обнаруженіе истины принесло бы пользу только двоимъ, и тогда поневолѣ пришлось бы открыть имъ глаза... Но слѣдовало ли сдѣлать это? Догадокъ своихъ онъ не обязанъ высказывать... Зачѣмъ же ему добиваться формальнаго подтвержденія своихъ догадокъ?

Выраженіе его лица вдругъ измѣнилось, и онъ сказалъ шутливо:

— И такъ, барышня, у васъ не хватаетъ храбрости поговорить съ дамами Скогъ объ этомъ маленькомъ приключеніи съ студенческой фуражкой? Извольте же, я сдѣлаю это за васъ.

Лена посмотрѣла на него съ удивленіемъ и съ неудовольствіемъ. Отчего онъ уклонялся отъ ея признаній? Это обидѣло ее.

Валеріусъ заговорилъ о постороннихъ предметахъ и сталъ шутить. Она отмалчивалась и дулась. Но въ концѣ концовъ ему все-таки удалось разсмѣшить ее. Послѣ этого ледъ былъ

проломленъ, и они непринужденно болтали до самаго крыльца ея учительницы музыки. Она простила ему его равнодушіе къ ея тайнамъ, а можетъ быть, даже и повѣрила, что онъ дѣйствительно ничего не понялъ...

IV.

Приближалось лѣто и стали поговаривать о переѣздѣ на дачу. Господа Скогъ имѣли обыкновеніе поселяться на лѣто въ Тунадалѣ, хорошенькомъ мѣстечкѣ на берегу озера, съ удобнымъ сообщеніемъ съ городомъ и хорошими дачами. Туда же собирались они и въ этомъ году.

Сетъ Бурманъ тоже искалъ дачу въ Тунадалѣ, но ничего подходящаго не нашелъ, и рѣшился остаться въ городѣ. Его и не тянуло изъ города. У него было много работы, съ которой легче было справляться, не выѣзжая изъ города; къ тому же, онъ намѣревался за лѣто приготовиться къ осеннимъ выборамъ, а для этого нужно было ни на минуту не покидать политическихъ кружковъ столицы.

Судя по нѣкоторымъ признакамъ, онъ находилъ, что сталъ достаточно популяренъ среди избирателей. Въ самомъ дѣлѣ, его книги и брошюры расходились въ большомъ числѣ экземпляровъ, а на публичныя лекціи „о правахъ народа и законодательствѣ", читанныя имъ въ началѣ весны, являлось много слушателей, неизмѣнно награждавшихъ его громкими рукоплесканіями. Что же касается газеты, то съ этой стороны, дѣйствительно, являлось нѣкоторое разочарованіе. Не смотря на всѣ заботы Бурмана, не смотря на всю пикантность стиля, на задорныя статьи, которыми предполагалось заинтересовать публику, подписчиковъ было мало, и „Стражъ" не прививался среди читателей газетъ. Одни видѣли причину такой неудачи въ соціалистическомъ оттѣнкѣ программы, другіе были недовольны сложностью и вообще неясностью программы. Третьи, наконецъ, подозрѣвали, что больше всего вредило „Стражу" то, что онъ появлялся только разъ въ недѣлю. Въ самомъ дѣлѣ, умѣстны ли задорныя и черезчуръ страстныя разсужденія газеты о событіяхъ, которыми остальная печать уже переставала иногда и заниматься. Съ этимъ соглашались даже руководители изданія и уже подумывали о томъ, не увеличить-ли число нумеровъ „Стража", выпуская газету раза два, три въ недѣлю. Такимъ образомъ, представилась бы возможность высказываться своевременно, что было особенно важно передъ выборами.

Но увеличеніе числа нумеровъ требовало увеличенія и работы сотрудниковъ. При такихъ условіяхъ Бурману становилось окончательно невозможнымъ переселиться на лѣто на дачу, но предстоявшая разлука съ Гильдуръ ему тоже была не по душѣ, и онъ былъ не въ духѣ.

Однако, какъ-то вечеромъ онъ пришелъ къ Гильдуръ съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ. Оказывалось, что онъ нашелъ выходъ изъ затрудненія! Гильдуръ съ Леной могли поселиться у господъ Ветерлингъ, на ихъ подгородней дачѣ. Туда онъ могъ бы пріѣзжать по нѣскольку разъ въ недѣлю. Что же касается согласія Ветерлинговъ, то онъ уже закинулъ словечко, и старики, повидимому, очень рады принять ихъ.

Гильдуръ потупилась надъ своей работой и не отвѣтила ничего на его вопросъ, довольна ли она такой комбинаціей.

Что же, наконецъ, это такое?—думала она.—„Неужели онъ опять забылъ, что эта семья мнѣ антипатична? Сколько же разъ твердить ему одно и то же, чтобы онъ удостоилъ помнить желанія и нежеланія своихъ близкихъ?“

Даже бывшая при этомъ Гертрудъ удивилась. Она подняла голову, усмѣхнулась и проговорила, поглядывая на Гильдуръ:

— Это настоящая находка для тебя, Гильдуръ. Ты вѣдь съ такимъ удовольствіемъ бываешь въ обществѣ этихъ прекрасныхъ людей.

Сказавъ это, она посмотрѣла на Бурмана, прищурилась и разсмѣялась, какъ умѣла смѣяться, когда насмѣхалась надъ кѣмъ-нибудь въ глаза.

Бурманъ насупился.

— Это въ самомъ дѣлѣ прекрасные люди!—сказалъ онъ наставительно.—Только надо дать себѣ трудъ узнать ихъ поближе.

Однако, онъ, все-таки съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ посмотрѣлъ на Гильдуръ, которая по-прежнему молчала и, склонившись надъ работой, шила какъ-то особенно прилежно.

— Я думалъ,—сказалъ онъ протяжно, — что Гильдуръ согласится на мое предложеніе не ради удовольствія жить съ моими друзьями, а ради возможности чаще видаться со мной.

— Ты знаешь, Сетъ,—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія,—что я столько же дорожу возможностью чаще встрѣчаться съ тобой, какъ и ты со мной. Но...

— Да почему же вамъ не встрѣчаться у насъ?—вскричала Гертрудъ.—Къ намъ вѣдь не многимъ дальше, чѣмъ къ Ветерлингамъ.

Глаза Бурмана блеснули. Въ головѣ его уже успѣла родиться новая идея. Вѣдь можно попросить Гертрудъ взять къ себѣ на лѣто и Лену. Тогда все бы устроилось почти такъ же хорошо, какъ если бы Гильдуръ согласилась жить у Ветерлинговъ.

Не долго думая, онъ изложилъ свою просьбу госпожѣ Скогъ и сдѣлалъ это такъ наивно, съ такой радостью по поводу найденнаго рѣшенія задачи, что Гертрудъ даже растерялась.

Въ сущности, молодой женщинѣ вовсе не хотѣлось брать къ себѣ на все лѣто Лену. Это была, вообще, порядочная обуза, да и послужила бы поводомъ къ сближенію съ Бурманами, что вовсе не входило въ разсчеты Гертрудъ. Но трудно было отказать Бурману, не оскорбляя его, и Гертрудъ отъ души пожалѣла о сдѣланномъ ею гостепріимномъ замѣчаніи. Она еще пріискивала способъ такъ или иначе отказать Бурману, какъ тотъ уже сдѣлалъ еще два, три вопроса, и дѣло оказалось рѣшеннымъ: Лена должна на все лѣто поселиться въ семействѣ Скогъ, но отнюдь не гостьей, а квартиранткой.

Въ первыхъ числахъ іюня господа Скогъ вмѣстѣ съ Леной переѣхали въ Тунадаль.

Дни стояли чудные. Весело было смотрѣть на свѣжую зелень, окутывавшую поля и луга.

По цѣлымъ часамъ Гильдуръ съ наслажденіемъ оставалась въ густой травѣ подъ тѣнью дубовъ, и ей казалось, что ее перенесли въ какой-то другой міръ. Она чувствовала себя совсѣмъ иначе, чѣмъ въ городѣ, даже думала и разсуждала иначе, сама удивляясь происшедшей въ ней перемѣнѣ. А вѣдь въ сущности ровно ничего не измѣнилось. Она только оторвалась отъ своихъ городскихъ привычекъ, отъ развлеченій, которыя больше утомляли, чѣмъ развлекали, и отъ регулярныхъ свиданій съ Сетомъ Бурманомъ. Но чувствовалось, точно со всѣмъ старымъ покончено навсегда, и наступала новая жизнь.

Появлялись даже какія-то неопредѣленныя мечты, не имѣвшія еще ясной формы, какія-то смутныя желанія чего-то новаго... Старыя заботы не возвращались.

Она отдавалась судьбѣ съ безпечной довѣрчивостью, въ которой уже не было ничего общаго съ недавней апатіей. Въ концѣ концовъ, ничего другого ей и не оставалось. Можно же было хоть немножко положиться на случайность, которая вѣдь то и дѣло вмѣшивается въ нашу судьбу.

Часто бродила она по лѣсамъ и по берегу моря съ книгой въ рукахъ, но не всегда раскрывала ее. Большую часть времени она проводила въ полной праздности, наслаждаясь лѣснымъ запахомъ и прислушиваясь къ шопоту колеблемыхъ вѣтромъ вѣтвей. Иногда она забиралась въ лѣсную глушь.

Какъ-то на этихъ скалахъ послѣ обѣда она слишкомъ замечталась, и вдругъ вспомнила, что обѣщала невѣсткѣ сходить на пристань къ приходу парохода, чтобы встрѣтить и провести домой ожидаемую изъ города портниху. Взглянувъ на часы, она увидѣла, что до прихода парохода оставалось всего нѣсколько минутъ, а такъ какъ до пристани было довольно далеко, то нечего было и надѣяться поспѣть туда вовремя. Тѣмъ не менѣе встрѣтить портниху нужно было хоть на дорогѣ. Иначе—этой несчастной предстояло скитаться по всему полуострову, разспрашивая дорогу у всѣхъ встрѣчныхъ.

Она побѣжала прямо черезъ лѣсъ, довольно глухими тропинками, и черезъ нѣсколько минутъ, запыхавшись, выбѣжала на дорогу къ пристани. Вдали раздавался уже свистокъ снова отходившаго парохода. По дорогѣ виднѣлись группы пріѣхавшихъ изъ города пассажировъ.

Сообразивъ, что ея туалетъ былъ далеко не въ блестящемъ видѣ—легкое батистовое платье измялось и загрязнилось, волосы растрепались и развились, булавка отъ шляпы затерялась, и шляпа никакъ не хотѣла держаться на головѣ,—Гильдуръ не рѣшилась идти большой дорогой и пошла дальше лѣскомъ, высматривая портниху изъ за кустовъ.

Но портнихи нигдѣ не оказывалось. На пристани не было уже ни одной женщины, и только какой-то господинъ въ свѣтломъ, лѣтнемъ костюмѣ, стоявшій къ Гильдуръ спиной, махалъ кому-то шляпой, кто уѣзжалъ дальше на уже отвалившемъ отъ пристани пароходѣ.

Пароходъ ушелъ, и господинъ обернулся. Это былъ Валеріусъ.

Гильдуръ хотѣла спрятаться въ кусты, не желая показываться Валеріусу въ такомъ, какъ ей казалось, не изящномъ видѣ. Но было поздно. Онъ узналъ ее и подошелъ, сіяя отъ радости, что встрѣтилъ ее, нисколько не скрывая этой радости.

Гильдуръ тоже стало весело.

— Вы къ намъ?—спросила она, улыбаясь.

— Разумѣется! Я поймалъ Гуго на словѣ и воспользовался его приглашеніемъ пріѣхать, когда мнѣ будетъ удобно.

Положимъ, гостить придется недолго... всего нѣсколько часовъ. Но вѣдь чего-нибудь да стоитъ хоть часокъ подышать чистымъ деревенскимъ воздухомъ, да еще среди друзей!

— Не пойти ли намъ тутъ?—предложила Гильдуръ, сворачивая съ большой дороги на маленькую лѣсную тропинку.

— А развѣ такъ прямѣе?

— Нѣтъ, наоборотъ...

— Еще бы! Конечно, конечно!—согласился онъ.

Гильдуръ разсмѣялась. Но, чтобы не быть заподозрѣнной въ такомъ странномъ пристрастіи къ окольнымъ дорогамъ, она откровенно объяснила, что не хочетъ идти большой дорогой, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ.

Они шли не торопясь и весело болтали.

Валеріусъ разсказывалъ о своемъ недавнемъ путешествіи въ провинцію, передавалъ послѣднія городскія новости, острилъ по поводу литературныхъ и театральныхъ новинокъ. Она описывала прелести дачной жизни и не умолчала о происшедшей въ ней перемѣнѣ. Разсказывая о наслажденіи проводить цѣлые часы на какой-нибудь горкѣ, въ лѣсной тиши, она призналась, что иной разъ фантазируетъ такъ, точно разсказываетъ себѣ сказки.

— Видите, какой я ребенокъ!—прибавила она, смѣясь.— До сихъ поръ люблю сказки. Когда же притупится наконецъ у меня такое дѣтское воображеніе?

— Боюсь, что никогда!—отвѣтилъ онъ, опуская глаза.

— Никогда? Неужели и вы предаетесь иногда сказочнымъ фантазіямъ?

— Нѣтъ, для меня ужъ съ этимъ покончено!

Онъ посмотрѣлъ на нее и горько улыбнулся.

— Не хочется вѣдь мечтать некрасиво,—прибавилъ онъ,— а тотъ, у кого совѣсть не чиста, не можетъ мечтать красиво. Только добрыя дѣти любятъ красивыя сказки.

— А развѣ у васъ нечистая совѣсть?

— Да, у меня на душѣ большой грѣхъ.

Она взглянула на него съ недоумѣніемъ.

— Не пугайтесь!—успокоилъ онъ ее, усмѣхаясь.—Мое преступленіе не изъ тѣхъ, за которыя сажаютъ въ тюрьму.

Гильдуръ посмотрѣла на него съ прежнимъ недоумѣніемъ. По его невеселой улыбкѣ она видѣла, что онъ не шутитъ, и прежде иногда приходило ей въ голову, что онъ слишкомъ мало говоритъ о себѣ, а когда и заговоритъ, то

становится мраченъ, точно у него есть какая-то тайна. И ей захотѣлось, чтобы онъ довѣрилъ ей эту тайну, но въ то же время она этого боялась. Да и вправѣ ли она принимать участіе въ тайнахъ Валеріуса? Такая близость съ нимъ врядъ ли понравилась бы Сету... а скрыть отъ него было бы тоже не хорошо.

— Вы, положительно, боитесь меня! — замѣтилъ между тѣмъ Валеріусъ.—Но будьте спокойны, я не стану обременять вашу совѣсть моими тайнами.

Едва онъ это сказалъ, какъ всякія колебанія въ ея душѣ изчезли.

— Напротивъ,—сказала она.—Довѣрьтесь. Всегда становится легче, когда подѣлишься своими сомнѣніями съ другимъ.

Но, вопреки ея ожиданіямъ и не смотря на всю дружбу къ ней, онъ оказался недостаточно довѣрчивъ. Въ выраженіи его лица появился даже какой-то оттѣнокъ раздражительности, когда она предложила ему исповѣдаться. Но онъ быстро овладѣлъ собой и отвѣтилъ обычнымъ своимъ шутливымъ тономъ:

— Только не теперь! Когда-нибудь, когда мы состаримся, непремѣнно воспользуюсь вашимъ разрѣшеніемъ. Легче всего признаваться въ стародавнихъ грѣхахъ...

— А если вы ихъ къ тому времени забудете?

— Ну, врядъ ли...—вырвалось у него со вздохомъ.

— Покаяться вамъ обѣщаюсь во всякомъ случаѣ!—сказалъ онъ.—Но я сдѣлаю это либо старикомъ, либо передъ разлукой съ вами навсегда.

— Да не смѣйтесь же!—вскричала Гильдуръ.—Никогда васъ не разберешь!! Можете повторить то, что сказали, не смѣясь?

— Да, могу!

Въ его лицѣ произошла странная перемѣна. Точно маска спала съ этого лица. Онъ былъ блѣденъ, губы вздрагивали, въ серьезномъ взглядѣ была точно мольба о пощадѣ.

— Когда мы будемъ сѣдыми стариками! — прибавилъ онъ глухо.

Гильдуръ вздрогнула. Не любитъ ли онъ ея? мелькнуло въ ея умѣ.

Какъ мелькнула въ ней эта мысль, она и сама не могла бы сказать. Его признанія вѣдь не шли дальше намековъ на какія-то угрызенія совѣсти, что не могло относиться къ ней.

*

Тѣмъ не менѣе, она чувствовала, что напала на вѣрный слѣдъ, какъ ни казалась эта мысль нелѣпой и ни на чемъ не основанной.

Нѣкоторое время оба шли молча. Валеріусъ первый возобновилъ легкій, шутливый разговоръ, какъ будто ничего особеннаго и не было сказано. Понемногу и Гильдуръ успокоилась. Ей удалось убѣдить себя, что ее напугало ея собственное воображеніе, что ничего особеннаго и не было... Она опять повеселѣла, и настроеніе обоихъ стало, повидимому, прежнее.

Вскорѣ они вышли на дорогу, и изъ-за группы деревьевъ забѣлѣла дача господъ Скогъ. На встрѣчу имъ шла Гертрудъ.

Она разсѣянно поздоровалась съ Валеріусомъ и стала бранить Гильдуръ за причиненное безпокойство.

— Мы не могли понять, гдѣ ты, и разослали людей тебя разыскивать!—говорила она.—Что ты не была на пароходной пристани, это мы узнали отъ портнихи, и еще отъ одной особы, пріѣхавшей съ тѣмъ же пароходомъ.

— Отъ какой особы?—удивилась Гильдуръ.

Гертрудъ, любившая подразнить, ничего не отвѣтила, предоставляя Гильдуръ самой узнать, кто пріѣхалъ. Но въ это время Гильдуръ уже узнала эту „особу". На выступившей изъ за кустовъ верандѣ она увидѣла Сета Бурмана, сидѣвшаго въ креслѣ рядомъ съ Леной.

Съ непритворной радостью бросилась Гильдуръ къ нему. Ей было такъ отрадно увидѣть его именно теперь.

Однако, Сетъ принялъ ее далеко не съ той сердечностью, какой она вправѣ была отъ него ожидать.

Увидѣвъ ее въ обществѣ Валеріуса, онъ сдвинулъ брови, и прежде всего потребовалъ отъ Гильдуръ точнаго отчета, какимъ образомъ она встрѣтилась съ Валеріусомъ, и гдѣ они провели столько времени. Въ довершеніе всего оказалось, что оба гостя пріѣхали съ однимъ и тѣмъ же пароходомъ, но ухитрились не встрѣтиться.

Въ концѣ концовъ все объяснилось. Гильдуръ разсказала, какъ она забылась на скалахъ, а потомъ опрометью побѣжала къ пристани, а Валеріусъ, смѣясь, признался, что все время на пароходѣ просидѣлъ съ знакомыми въ буфетѣ, за стаканомъ пунша, и сошелъ съ парохода позже другихъ, когда уже убирали трапъ. Бурманъ, повидимому, удовлетворился этими объясненіями и просвѣтлѣлъ. Когда затѣмъ Гильдуръ ласково взяла его подъ руку и увела съ собой въ садъ,

онъ даже забылся на минуту, весь отдавшись радости встрѣчѣ послѣ недѣльной разлуки.

Но скоро мысль о Валеріусѣ опять стала его мучить. Онъ не могъ выкинуть изъ головы, что, не смотря ни на какія объясненія, прогулка Гильдуръ и Валеріуса отъ пристани до дачи длилась непомѣрно долго. Съ чего это Гильдтръ опоздала къ пароходу именно сегодня, когда Валеріусъ совсѣмъ неожиданно пріѣхалъ изъ города, и точно прячась въ буфетѣ? И что это за глупое объясненіе: боязнь показаться на большой дорогѣ въ измятомъ платьѣ?

Ему лѣзли въ голову самыя ребяческія сомнѣнія, и онъ снова сталъ хмуриться. Войдя, наконецъ, вмѣстѣ съ Гильдуръ въ бесѣдку, онъ бросился на скамейку, взялъ ее за руки и жалобно сказалъ:

— Я несчастный человѣкъ, Гильдуръ! Сердисъ, не сердись, а это сильнѣе меня... Я ревную!

— Къ Валеріусу?

— Да.

— И тебѣ не стыдно?

Она разсмѣялась, но болѣе нервно, чѣмъ сердечно. Ее поразило, что именно сегодня, когда и у нея самой мелькнули странныя мысли о Валеріусѣ, онъ заподозрилъ его... Но, очевидно, это было самое простое совпаденіе, плодъ двухъ взвинченныхъ фантазій. Не стоило отравлять радость свиданія такими глупыми бреднями!

Она стала ласкать и цѣловатъ его, смѣялась надъ нимъ и, въ заключеніе, обѣщалась приглашать Валеріуса каждое воскресенье, нарочно, чтобы дать Сету случай устыдиться своей подозрительности.

Послѣдняя угроза мигомъ вылѣчила Бурмана. Онъ тотчасъ же поклялся разогнать всѣхъ демоновъ ревности, и сдѣлаться самымъ довѣрчивымъ человѣкомъ въ мірѣ.

Затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ было дано и принято множество различныхъ обѣщаній, и Сетъ совсѣмъ развеселился. Особенно сіяло его лицо вечеромъ, когда, стоя на пароходной присгани, онъ въ послѣдній разъ раскланивался съ уѣзжавшимъ обратно, въ городъ, Валеріусомъ. Самъ онъ оставался въ Тунадалѣ, гдѣ его просили переночевать и провести весь слѣдующій день.

Сетъ Бурманъ долженъ былъ сдѣлать надъ собой порядочное усиліе воли, чтобы оторваться отъ дѣлъ въ городѣ и посвятить цѣлыя сутки свиданію съ Гильдуръ, но и на дачѣ

заботы о газетѣ не покидали его. Эти заботы преслѣдовали его, какъ тѣнь, отравляя короткія минуты отдыха.

Дѣло въ томъ, что неминуемо предстояло обратить „Стража“ въ ежедневную газету, чтобы пріобрѣсти хоть какое-нибудь вліяніе на избирателей. Недѣльный листокъ не имѣлъ значенія, а такая полумѣра, какъ двукратный въ недѣлю выпускъ газеты, казалась Бурману недѣйствительною. По его мнѣнію, всѣ уже сдѣланныя на газету затраты оказались бы брошенными деньгами, если не превратить „Стража“ въ большую ежедневную газету. Но не такъ смотрѣли на дѣло его осторожные компаньоны. Они колебались и не знали, на что рѣшиться. Самъ редакторъ Ветерлингъ не сочувствовалъ этому проекту и угрожалъ устраниться при первыхъ требованіяхъ новыхъ жертвъ съ его стороны.

Разсказы объ этомъ произвели на Гильдуръ довольно сильное впечатлѣніе. Особенно ее обезпокоило извѣстіе объ опозиціи Ветерлинга. Этотъ господинъ не особенно ей нравился, но она всегда считала его дѣльнымъ и практичнымъ человѣкомъ. Притомъ онъ былъ уменъ и хорошо зналъ условія печатнаго дѣла. Поэтому ей сейчасъ же пришло въ голову, что если ужъ онъ находитъ расширеніе дѣла рискованнымъ, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, оно таково и есть на самомъ дѣлѣ. Осторожно стала она разспрашивать Сета о возраженіяхъ, какія ему дѣлалъ Ветерлингъ, и, наконецъ, сама высказалась за необходимость осторожности.

Но это оказалось только наилучшимъ способомъ сразу взбѣсить Бурмана. Ничто не раздражало его такъ, какъ напоминаніе о преобладающемъ значеніи, какое во всякомъ предпріятіи имѣютъ денежные разсчеты. Неужели же нельзя хоть немножко любить дѣло, которому служишь? Неужели нельзя рискнуть какой-нибудь малостью, ради крупнаго и вѣрнаго матеріальнаго выигрыша впослѣдствіи?

Бурманъ нисколько не сомнѣвался, что въ свое время и Ветерлингъ, и другіе компаньоны поймутъ свою мелочную трусость и опомнятся. Но противно было уговаривать ихъ, торговаться изъ-за грошей, и видѣть, какъ тѣмъ временемъ безвозвратно упускаются самыя благопріятныя минуты. Если бы онъ только зналъ, гдѣ взять деньги помимо этихъ господъ, онъ взялъ бы все на свою отвѣтственность и сказалъ своимъ товарищамъ по редакціи: „Вотъ вамъ, господа! Садитесь и пишите, не стѣсняясь рамками. Пишите и посылайте въ типографію. Я плачу за все!“

Этотъ разговоръ происходилъ на берегу моря, гдѣ Сетъ съ Гильдуръ отдыхали послѣ продолжительной прогулки по лѣсамъ. Гильдуръ молча слушала его разсужденія. При послѣднихъ словахъ она подняла голову и улыбнулась.

— Какой ты энтузіастъ, Сетъ!—проговорила она.

— Гильдуръ!—вскричалъ онъ вдругъ радостно.—Мнѣ приходитъ въ голову, что ты могла бы помочь мнѣ и пристыдить всѣхъ этихъ трусовъ!

— Я?—переспросила она съ удивленіемъ.

— Да, ты. Ты принадлежишь къ счастливцамъ, имѣющимъ состояніе. Предоставь въ мое распоряженіе пятнадцать, двадцать тысячъ, и я вырученъ изъ бѣды!

Эта просьба была такъ неожиданна, что Гильдуръ не нашла, что и отвѣтить. Ни разу еще не разговаривали они о своихъ денежныхъ дѣлахъ, и Гильдуръ никогда не допускала мысли, чтобы Сетъ пожелалъ воспользоваться ея средствами!..

— Развѣ ты не знаешь, что у меня только пожизненная рента?—проговорила она наконецъ.

— Ренту можно вѣдь продать.

Она низко склонилась, чтобы скрыть выступившую на ея щекахъ краску негодованія. Продать ея ренту! Да вѣдь это значитъ отнять у нея независимость, свободу, все... Быстро овладѣвъ собой, она подняла голову и сказала спокойно.

— Въ такомъ случаѣ, переговори съ Гуго. Онъ завѣдуетъ всѣмъ этимъ.

Бурманъ обнялъ ее и горячо поцѣловалъ. Онъ назвалъ ее при этомъ своей храброй, великодушной дѣвочкой. Никогда онъ не сомнѣвался, что именно въ ней онъ всегда найдетъ друга и товарища въ минуту испытанія! И какъ онъ счастливъ, что не ошибся въ ней! Весело заглядывать въ будущее, которое сулитъ столько счастія, потому что всегда будетъ подлѣ него настоящій, испытанный другъ.

Чѣмъ больше онъ ее ласкалъ, чѣмъ горячѣе благодарилъ за довѣріе, тѣмъ гуще румянились ея щеки. Ей было стыдно, что она совсѣмъ не такая, какой онъ воображалъ ее. Она не въ силахъ была раздѣлять его радости, и безъ всякаго великодушія, а наоборотъ, съ тоской въ душѣ приносила свою жертву. Неужели же она такъ жадна и мелочна, что не способна на великодушный порывъ?

Послѣ обѣда Сетъ Бурманъ отправился переговорить съ Скогомъ, а Гильдуръ осталась въ саду, съ волненіемъ ожи-

дая окончанія переговоровъ. Сетъ долго не возвращался, и добрыхъ полчаса Гильдуръ ходила взадъ и впередъ по садовой дорожкѣ. Но вотъ, наконецъ, появился Сетъ. Выраженіе его лица было пасмурно.

— Ну, что?—спросила она съ недоумѣніемъ.

— Изъ этого ничего не вышло!—сказалъ онъ, вздыхая.—Все разбивается объ это проклятое письмо, о которомъ я и не подумалъ. Да, да, онъ правъ... Можно побиться объ закладъ, что теперь цѣлый годъ не будетъ оттуда никакихъ извѣстій. А тѣмъ временемъ проходитъ дорогое, невознаградимое время, и я остаюсь въ сторонѣ только потому, что не могу назвать себя свободнымъ человѣкомъ.

Чувство душевнаго облегченія заставило Гильдуръ глубоко перевести духъ. Но она тотчасъ же устыдилась своей радости.

— Однако, я вѣдь совершеннолѣтняя и вправѣ дѣлать съ моими деньгами, что хочу,—сказала она.

— Да что въ этомъ толку!—возразилъ онъ уныло.—Если бы я воспользовался твоимъ великодушіемъ, это стоило бы мнѣ честнаго имени. Не могу же я опозориться!

Еще нѣкоторое время поговорилъ онъ о „проклятомъ" письмѣ и всѣхъ происходившихъ отъ него бѣдахъ. Но уже раньше вечера вопросъ былъ покинутъ и точно забытъ. Сетъ Бурманъ никогда не горевалъ по-долгу изъ за какой-нибудь неудачи. Когда разбивалась у него одна надежда, онъ сейчасъ же замѣнялъ ее другими и отдавался имъ съ такой же страстью, какъ и предыдущей.

Но Гильдуръ не такъ скоро забыла его выдумку. Вся безпечность, благодаря которой она такъ пріятно проводила время на дачѣ, исчезла безслѣдно. Снова поднялись тяжелыя опасенія за будущее. Но теперь пугали ее уже не угрозы изъ Берлина. Наоборотъ, страшнѣе всего ей становилось, когда она задумывалась о судьбѣ, ожидавшей ее въ случаѣ выхода замужъ за Сета Бурмана...

Она вѣдь любила его и давно желала этого брака. И тѣмъ не менѣе, она не могла больше безъ ужаса представить себя женой Сета. Неужели она боялась его? Это было непонятно, а между тѣмъ, именно подлѣ этого борца за свободу она не могла себя представить иначе, какъ несвободной, зависимой вполнѣ, почти невольницей. Со всѣхъ сторонъ предвидѣлись ограниченія этой свободы. Развѣ онъ обращалъ хоть какое-нибудь вниманіе на ея мнѣнія? Онъ даже не

далъ ей возможности посвятить себя самостоятельному труду. Во всемъ она должна была сообразоваться съ его личными особенностями. *Его* трудъ, *его* интересы, *его* намѣренія, *его* взгляды, *его* друзья, *его* вкусы — все это она должна была раздѣлять съ нимъ, но самъ онъ не желалъ раздѣлять ничего подобнаго по отношенію къ ней. Прикованной къ его тріумфальной колесницѣ—это разрѣшалось ей быть, но сѣсть рядомъ съ нимъ —ни въ какомъ случаѣ! Единственное ея право это радовать *его* и восхищаться *имъ*!

Онъ намѣревался даже отнять у нея послѣднее, что могло остаться на ея долю отъ ея личной свободы—ея независимость въ матеріальномъ отношеніи... Теперь ему не удалось сдѣлать этого, но было ясно, какъ день, что онъ не преминетъ сдѣлать это, какъ только она станетъ его женой. Затѣмъ она будетъ связана окончательно и станетъ въ полную отъ него зависимость, какъ дитя или невольница.

Эта мысль возмутила ее. Примириться со всѣмъ этимъ было даже унизительно; да она и не съумѣла бы. Она чувствовала, что ожесточилась бы и возненавидѣла бы его. И очень возможно, что при такихъ условіяхъ она сдѣлалась бы не лучше его первой жены. А вѣдь при первомъ же возмущеніи съ ея стороны и онъ перемѣнился бы къ ней и сталъ бы преслѣдовать ее со всей ненавистью, съ какой онъ преслѣдуетъ всякаго, кто идетъ противъ него. Предвидѣлись одни бѣдствія, ужаснѣйшія бѣдствія... И это, несмотря на всю ихъ теперешнюю взаимную любовь.

Ей казалось, что кто-то громко кричитъ ей всѣ эти горькія истины. Спать она не могла... Она зажигала свѣчу и начинала перечитывать письма Сета, надѣясь найти въ этихъ письмахъ опроверженіе тому, что ее ужасало.

Да, письма были написаны горячо. Мыслимо ли, чтобы она могла быть несчастна съ человѣкомъ, который такъ любитъ ее?

Исписанные листы почтовой бумаги шелестѣли въ ея горячихъ, какъ въ лихорадкѣ, рукахъ. Она поворачивала страницы и читала, съ жадностью читала все одно и то же.

„Возлюбленная моя!“ —начиналось одно изъ писемъ.— „Пока намъ не пришлось разстаться, я и не подозрѣвалъ, до какой степени ты мнѣ дорога, какъ счастіе мое всецѣло зависитъ отъ милаго лица и улыбки уѣхавшей теперь отъ меня дѣвочки!“

„Ужъ не заколдовала ли ты меня? Или это гипнотизмъ?

Но почему же я постоянно забываюсь и думаю, что ты подлѣ меня? Какъ только мнѣ приходитъ въ голову какая-нибудь хорошая мысль, я всякій разъ оборачиваюсь, желая подѣлиться съ тобой этой мыслью. Я вѣдь привыкъ повѣрять тебѣ все и судить о моихъ мысляхъ по выраженію твоего лица...

„И вдругъ, оказывается, тебя нѣтъ.

„Но это не убѣждаетъ меня въ томъ, что тебя нѣтъ. Я готовъ искать тебя по всѣмъ комнатамъ и при каждомъ шорохѣ оборачиваться, воображая, что это ты... Но вокругъ меня по-прежнему все тихо, и приходится убѣдиться, что я только чудакъ съ разстроеннымъ воображеніемъ.

„Тебѣ не слѣдовало бы покидать меня ни на одинъ часъ!

„У меня только твой портретъ, чтобы любоваться тобой. Впрочемъ, есть у меня еще какъ-то забытая тобой перчатка, которую я могу цѣловать. Когда и гдѣ я нашелъ эту перчатку—не знаю. Знаю, одно, что теперь она всегда со мной. Я даже готовъ думать, что эта милая перчатка вовсе и не забыта, а сама выпрыгнула изъ твоего кармана, именно для того, чтобы утѣшать меня, чтобы я могъ воображать, что прикасаюсь къ твоимъ нѣжнымъ пальчикамъ.

„А знаешь ли, я становлюсь суевѣренъ? Есть повѣрье, что тотъ, кто что-нибудь забылъ, скоро вернется. Такъ помни же, — у меня лежитъ твой залогъ, который нашептываетъ мнѣ, что ты скоро вернешься ко мнѣ. И тогда я буду держать въ рукахъ уже не перчатку, а маленькую, теплую ручку, которую постараюсь держать такъ крѣпко, что она уже больше у меня не вырвется. Я не могу жить безъ этой маленькой, обожаемой, ручки! Она слишкомъ мила и дорога мнѣ. Притомъ она виновата предо мной. Она похитила всѣ мои богатства: пылъ горячаго сердца моего и всѣ мои лучшія мысли.

„Цѣлую пока перчатку съ этой ручки и маню тебя ею назадъ.

„Милая, мнѣ скучно безъ тебя! Одиночество пугаетъ меня! Ты мнѣ слишкомъ дорога...“

Она не могла продолжать чтенія: — слезы застилали ей глаза. Она плакала о томъ, что онъ такъ горячо ее любилъ.

V.

Къ серединѣ лѣта дачный сезонъ въ Тунадалѣ былъ въ полномъ разгарѣ. Развлеченій было вволю, и молодежь веселилась напропалую.

Любившая всякія удовольствія, Гертрудъ участвовала во всемъ, а Лена слѣдовала за ней, какъ тѣнь. Въ концѣ концовъ общность вкусовъ сдѣлала ихъ друзьями, и Лена откровенно признавалась, что еще никогда ей не жилось такъ хорошо. Тѣ самыя удовольствія, которыми она прежде пользовалась тайкомъ и лишь изрѣдка, давались ей теперь открыто, и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Надо прибавить и то, что Гертрудъ оказывала на нее замѣтное вліяніе, благодаря которому Лена стала гораздо милѣе и сообщительнѣе, чѣмъ прежде, и въ то же время стала особенно заниматься собой и своими туалетами.

Гертрудъ страстно любила лаунъ-теннисъ, и Лена заразилась отъ нея этой страстью. Гильдуръ уже не привлекали лѣсныя прогулки, и она опять, какъ и въ городѣ, стала замѣтно избѣгать одиночества. Ей не подъ силу было оставаться наединѣ со своими тревогами и сомнѣніями.

Какъ-то появившись, по обыкновенію, на площадкѣ, отведенной для лаунъ-тенниса, онѣ очень изумились, увидѣвъ тамъ и Валеріуса, разговаривавшаго съ какими-то мужчинами.

Гертрудъ поспѣшила къ нему, вполнѣ увѣренная, что онъ идетъ къ нимъ, и только случайно остановился здѣсь, встрѣтивъ знакомыхъ.

Каково было ихъ удивленіе, когда оказалось, что онъ поселился въ Тунадалѣ. Двое изъ его пріятелей занимали здѣсь небольшую дачу, и недавно одному изъ нихъ нужно было неожиданно уѣхать заграницу. Валеріусъ и занялъ его мѣсто. По утрамъ онъ ежедневно ѣздитъ въ городъ, а къ вечеру возвращается къ себѣ и думаетъ часто навѣщать своихъ друзей.

Гильдуръ выслушала все это съ нѣкоторой холодностью; она очень сдержанно отвѣтила на его рукопожатіе, и, при первой же возможности, отвернулась отъ него.

Она сама не знала, почему робѣла передъ нимъ. Недавнее подозрѣніе по поводу его „*тайны*“ она вѣдь отбросила, какъ полнѣйшую нелѣпость. Нельзя же допустить, чтобы, питая къ ней затаенныя чувства, онъ сталъ бы ежедневно бывать въ ихъ домѣ. Для этого онъ слишкомъ честенъ, слишкомъ расположенъ къ Бурману, не смотря на всѣ выходки этого друга!

Однако, все-таки она чувствовала въ его присутствіи какое-то, совсѣмъ непонятное и сильно раздражавшее ее смущеніе. Ей просто не подъ силу было оставаться въ его обще-

ствѣ, и, въ послѣдній его пріѣздъ въ Тунадаль, она положительно избѣгала оставаться съ нимъ наединѣ. То же самое чувствовалось и теперь...

Съ этого дня ей пришлось часто встрѣчаться съ Валеріусомъ. Она уклонялась отъ такихъ встрѣчъ, насколько могла, да и Валеріусъ съ своей стороны тоже сталъ сдержаннѣе, видимо, не желая навязываться. Онъ даже рѣдко появлялся на дачѣ господъ Скогъ. Но въ такой маленькой и тѣсной колоніи, какъ Тунадаль, встрѣчи были неизбѣжны. Приходилось сталкиваться въ паркѣ, въ общественныхъ собраніяхъ, у знакомыхъ... Впрочемъ, такія, совершенно случайныя, встрѣчи не тревожили Гильдуръ. Ея совѣсть оставалась спокойна, такъ какъ съ ея стороны дѣлалось все для избѣжанія этихъ встрѣчь. Случалось даже такъ, что, совершенно неожиданно встрѣчаясь съ нимъ въ паркѣ, она относилась къ нему сердечно и довѣрчиво, какъ и прежде. Но если встрѣчу можно было хоть сколько-нибудь предвидѣть, Гильдуръ становилась холодна и сдержанна.

За то Гертрудъ и Лена были очень рады, нашедши въ Валеріусѣ новаго искуснаго партнера для лаунъ-тенниса, и стали бывать на площадкѣ чаще прежняго. Особенно увлекалась игрой Лена. Она развила въ себѣ большую ловкость, изворачивалась во время игры, какъ настоящій котенокъ, и была при этомъ такъ граціозна, что приковывала къ себѣ вниманіе всѣхъ мужчинъ. Но дорожила она вниманіемъ одного Валеріуса и только ради его похвалъ старалась во время игры изо всѣхъ силъ.

Наблюдательная Гертрудъ все это замѣчала и чувствовала иногда нѣкоторую досаду. Кокетство Лены раздражало ее. Зато Гильдуръ стала спокойнѣе. Теперь она могла съ чистой совѣстью отвѣчать Сету Бурману, что встрѣчается съ Валеріусомъ, сравнительно, рѣдко,—во всякомъ случаѣ гораздо рѣже Гертрудъ и Лены, особенно Лены.

Въ началѣ августа назначенъ былъ большой общественный балъ въ Тунальскомъ стеклянномъ павильонѣ. На этотъ балъ ожидалось множество гостей изъ города и окрестностей, и приготовленія къ празднеству дѣлались большія.

Лена много хлопотала о своемъ туалетѣ, а Гертрудъ помогала ей: дружба между ними снова была возстановлена, и маленькія недоразумѣнія лаунъ-тенниса были забыты. Она ѣздила съ ней въ городъ для покупки матеріи на бальное платье. Выбрали бѣлый, затканный розовыми мушками газъ.

Платье рѣшили сдѣлать на розовомъ чехлѣ, съ отдѣлкой изъ бѣлыхъ лентъ и широкихъ кружевъ; вырѣзъ лифа—умѣренный; рукава—полукороткіе.

Платье вышло прелестное. Когда Лена вошла въ спальню Гертрудъ уже совсѣмъ одѣтая къ балу, та даже всплеснула руками отъ восторга. Въ самомъ дѣлѣ Лена была чрезвычайно мила.

Гертрудъ съ гордостью осмотрѣла нарядъ со всѣхъ сторонъ, приколола Ленѣ на грудь двѣ розовыя гвоздики, поправила ей прическу и объявила, что теперь все какъ слѣдуетъ. Затѣмъ, оглядѣвъ свой собственный нарядъ, она стала торопить ѣхать. Было уже очень поздно...

— Но гдѣ же Гильдуръ?—спохватилась она.

Послали служанку наверхъ, и та застала барышню, уже совершенно одѣтую, за чтеніемъ книги. Она дожидалась только, чтобъ ей сказали, что и остальныя готовы.

Сойдя внизъ, она поразилась красотой Лены. Ей доставило истинное удовольствіе полюбоваться ею.

— Ты просто красавица! Весело смотрѣть на тебя,—вскричала она съ непритворнымъ восторгомъ.

— Ну, вотъ еще!..

Лена отвернулась и сдѣлала нѣсколько шаговъ въ комнатѣ, стараясь казаться равнодушной. Но лицо ея такъ и сіяло отъ удовольствія.

Между тѣмъ Гертрудъ съ удивленіемъ оглядывала золовку.

— Это очень, очень недурно!—проговорила она, серьезно разсматривая ея бѣлое, шелковое платье, съ золотистой плюшевой отдѣлкой на лифѣ. — Эта плюшевая отдѣлка просто прелесть... Право, я, кажется, никогда еще не видала тебя такой хорошенькой!

Гильдуръ разсмѣялась и случайно взглянула на Лену. Та смотрѣла на нее пристальнымъ, внезапно потемнѣвшимъ отъ зависти взглядомъ. Встрѣтившись съ взглядомъ Гильдуръ, она потупилась и отвернулась.

Отъ природы Лена вовсе не была завистлива, а теперь, когда она сама была такъ восхитительно мила, завидовать Гильдуръ было, кажется, нечего. И все-таки изящный нарядъ Гильдуръ былъ ей непріятенъ.

Однако, еще дорогой на балъ, она опять пришла въ хорошее расположеніе духа, а на балу ея успѣхъ превзошелъ ея ожиданія. Приглашеній на танцы было въ десять разъ

больше, чѣмъ она могла принять. И она всей душой отдалась удовольствію быть царицей бала. Она держала себя находчиво и смѣло, точно опытная свѣтская львица. Никто и не повѣрилъ бы, что не далѣе, какъ полгода назадъ, она еще была застѣнчивой, неуклюжей дѣвочкой.

Валеріусъ, тоже бывшій на балѣ, смотрѣлъ на нее съ удовольствіемъ. До нѣкоторой степени онъ считалъ себя ея покровителемъ, такъ какъ раза два поневолѣ былъ повѣреннымъ ея маленькихъ проступковъ, и оба раза довольно легко далъ ей отпущеніе грѣховъ.

Она смотрѣла на него сіяющими отъ радости глазами, когда онъ подошелъ къ ней, и съ такимъ увлеченіемъ отвѣчала на его вопросы, что не замѣтила даже подходившихъ къ ней кавалеровъ.

— Скажите-ка мнѣ теперь,—спросилъ онъ съ улыбкой,—есть здѣсь кавалеры, съ которыми не скучнѣе, чѣмъ съ тѣмъ „весеннимъ“ студентомъ?

Тутъ она забыла свою роль свѣтской львицы и отвѣтила въ томъ же школьническомъ тонѣ, въ какомъ отвѣчала, бывало, на его шутки, когда шла рядомъ съ нимъ по тротуару, постукивая зонтикомъ о тумбы и размахивая нотной папкой.

— Будьте покойны,—сказала она съ удареніемъ.—Здѣсь есть такіе, которые получше всякихъ студентовъ!

Ему даже показалось, что она при этомъ такъ выразительно посмотрѣла на него, точно хотѣла, чтобы онъ принялъ ея слова за лично къ нему относящуюся любезность.

Это разсмѣшило его, и онъ далъ ей отеческій совѣтъ отнюдь не пренебрегать студентами, и предупредительно уступилъ свое мѣсто подходившему къ ней въ это время совсѣмъ юному студентику.

Оставшись одинъ, онъ сталъ неотступно слѣдить за дѣвушкой въ бѣломъ платьѣ съ золотистой плюшевой отдѣлкой, танцовавшей въ это время съ незнакомымъ ему офицеромъ...

Въ началѣ вечера онъ успѣлъ сказать нѣсколько словъ съ Гильдуръ, но нашелъ ее опять какой-то натянутой. На его просьбу удѣлить ему какую-нибудь кадриль, она отвѣтила отказомъ.

Онъ не сталъ настаивать, но, явно оскорбленный ея отказомъ, началъ держаться вдали отъ нея. Ему было скучно, и раздававшіеся вокругъ него смѣхъ, шутки и бальная музыка раздражали его. Уйти же онъ не могъ. Онъ чувствовалъ непреодолимую потребность хоть издали слѣдить за ней.

Онъ не принялъ даже приглашенія Гуго, настойчиво звавшаго его занять мѣсто у ихъ стола. Ему чувствовалось свободнѣе въ кругу веселыхъ товарищей, которые не замѣчали его дурного расположенія духа и не мѣшали ему молчать, когда онъ не хотѣлъ говорить.

Послѣ ужина снова начались танцы. Валеріусъ вышелъ изъ столовой вмѣстѣ со всѣми, но не вошелъ въ бальную залу, а выбрался въ садъ, подъ липы, и закурилъ сигару. Черезъ нѣсколько минутъ онъ увидѣлъ бѣлую фигуру, тоже спускавшуюся съ веранды въ садъ. Онъ сейчасъ же узналъ въ этой фигурѣ Гильдуръ. Она остановилась на ступенькахъ веранды, какъ бы съ наслажденіемъ вдыхая въ себя свѣжій ночной воздухъ, потомъ прошла площадку и опустилась на скамейку, почти со всѣхъ сторонъ укутанную нависшими вѣтвями деревьевъ.

Не долго думая, бросился Валеріусъ въ переднюю павильона, схватилъ первую попавшуюся ему подъ руку дамскую шаль и съ этой шалью въ рукахъ черезъ минуту появился передъ Гильдуръ, воображавшей себя спрятанной отъ всѣхъ.

Не давая ей времени высказать свое удивленіе, онъ окуталъ ее шалью.

— Неужели, вы воображаете, что я позволю вамъ простужаться здѣсь, на росѣ?—сказалъ онъ.

— Да вѣдь вовсе не холодно, и я хотѣла остаться только нѣсколько минутъ. Я просто задыхалась тамъ, въ залѣ.

— Въ шали вы можете оставаться здѣсь, сколько хотите. Но никакъ не иначе!

— Это, наконецъ, насиліе!—сказала она улыбаясь, однако укуталась въ шаль и опустилась опять на скамейку.

Онъ сѣлъ рядомъ, и они заговорили о фантастичномъ освѣщеніи павильона, о цвѣтѣ липовой листвы при искусственномъ освѣщеніи, точно только что познакомившіеся люди.

Но оба чувствовали нелѣпость продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ, и понемногу умолкли.

Съ минуту длилось молчаніе.

— Почему вы избѣгаете меня?—неожиданно вырвался у него вопросъ, который онъ давно уже собирался сдѣлать.

— Развѣ я васъ избѣгаю?—переспросила она, вовсе не удивленная вопросомъ, но пытаясь уклониться отъ объясненія.

— Да, вы избѣгаете меня. Въ чемъ я провинился передъ вами?

— Ни въ чемъ, конечно... Я даже не понимаю, о чемъ вы говорите.

— Нѣтъ, вы отлично понимаете!

Оба сознавали, что попали на скользкую почву, и замолчали, пугаясь дальнѣйшаго объясненія. Онъ продолжалъ вопросительно смотрѣть на нее, хотя и зналъ, что настойчивые вопросы только болѣе отдалятъ ее отъ него.

Онъ такъ сильно волновался, что утратилъ свое обычное самообладаніе.

— Скоро же вамъ надоѣдаютъ друзья!—вскричалъ онъ, не добившись отвѣта.

— Не знаю, почему вы говорите это,—возразила она тихо.

— Почему? Развѣ вы не уходите, какъ только я приближаюсь къ вамъ? Развѣ вы не избѣгаете малѣйшаго случая встрѣчаться со мной? За послѣднія двѣ недѣли вы не сказали мнѣ и двадцати словъ. Скажите откровенно, вы за что-нибудь сердитесь на меня?

— Это, наконецъ, невыносимо! — вспылила она.—Не понимаю, по какому праву...

— Позвольте,—перебилъ онъ. — Вправѣ же человѣкъ хоть узнать, въ чемъ онъ провинился. Вамъ не понравилось, что я переѣхалъ сюда?

Она быстро обернулась къ нему и хотѣла что-то сказать, но одумалась и промолчала.

— Вамъ это не понравилось?—повторилъ онъ.

— Мнѣ не нравится, что вы говорите глупости!—отвѣтила она.

Это упорное уклоненіе отъ прямого отвѣта стало его раздражать. Его лицо, слабо освѣщенное разноцвѣтными фонариками, окружавшими павильонъ, поблѣднѣло и приняло суровое выраженіе; но глаза сверкали, какъ угольки. Онъ требовалъ отвѣта съ настойчивостью несправедливо оскорбленнаго человѣка.

— Я поселился здѣсь, главнымъ образомъ, изъ-за васъ!—прибавилъ онъ медленно.

Она вздрогнула, но сейчасъ же овладѣла собой, инстинктивно сознавая, что не должна обнаружить ни одного движенія своей души. Она нашла въ себѣ силы даже разсмѣяться.

— Я замѣчаю, что вы вооружаетесь комплиментами!—сказала она свѣтскимъ тономъ.—Но это очень слабое оружіе. Не на площадкѣ ли, гдѣ играютъ въ лаунъ-теннисъ, вы научились владѣть имъ?

Онъ не удостоилъ ея шутку даже отвѣтомъ.

— Если вы не хотите сказать, почему вы перемѣнились ко мнѣ,—сказалъ онъ, понижая голосъ и ближе придвигаясь къ ней,—то я вправѣ принять это за попытку къ разрыву. Если хотите, пусть это и будетъ разрывомъ, даже разрывомъ навсегда... Но вѣдь мы условились, что прежде, чѣмъ разстаться съ вами навсегда, я долженъ покаяться передъ вами. Я надѣялся, что сдѣлаю это еще не скоро, когда мы оба посѣдѣемъ и состаримся. Но пусть будетъ по вашему: я сдѣлаю свое признаніе сейчасъ же.

Она поняла, что не должна долѣе слушать его и въ испугѣ поднялась со скамьи. При этомъ шаль соскользнула съ ея плечъ.

— Нѣтъ, — вскричала она, забывая всякую осторожность.—Я не хочу слушать васъ.

— Даже въ томъ случаѣ, если намъ не предстоитъ больше встрѣчаться?

— Даже въ этомъ!

Онъ снова поднялъ шаль и властно укуталъ ее. Почувствовавъ, что она вся дрожитъ, онъ смягчился.

— Вы вѣдь не знаете, о чемъ я хочу говорить,—сказалъ онъ печально.

— Нѣтъ, не знаю, и не хочу знать! Слышите,—не хочу!

Она сдѣлала движеніе, чтобы сбросить шаль и уйти въ залу, какъ въ глаза ей бросилась какая-то свѣтлая фигура, стоявшая прямо передъ ней.

Она остановилась, какъ вкопанная. Въ двухъ шагахъ отъ нея стояла Лена, пристально на нее смотрѣвшая.

„Давно ли она тутъ? И что она успѣла подслушать?“ пронеслось въ головѣ Гильдуръ.

Но ея ужасъ тотчасъ же нѣсколько разсѣялся. Она успокоила себя, сообразивъ, что говорили они негромко, и только намеками.

Между тѣмъ Лена продолжала молчать. По лицу ея было видно, что даже если она и ничего не слыхала, то достаточно видѣла. Она смотрѣла на Гильдуръ непріязненно и съ холоднымъ негодованіемъ.

— Гертрудъ и Гуго уѣзжаютъ,—сказала она наконецъ.—Мы нигдѣ не могли найти тебя.

Съ этими словами она обернулась, и быстро пошла къ павильону.

Гильдуръ продолжала стоять на мѣстѣ, провожая ее тре-

вожнымъ взглядомъ. Снова сердце ея сжалось отъ страха. Что подумала о ней Лена? Что теперь выйдетъ изъ всего этого?

— Простите меня!—тихо проговорилъ Валеріусъ, о которомъ она совсѣмъ забыла.—Простите, если можете! Я въ самомъ дѣлѣ очень виноватъ передъ вами.

Онъ сказалъ это такъ печально, съ такой безнадежной тоской во взглядѣ, что вдругъ ей стало невыносимо грустно. Ей было жаль себя, ей было жаль его; она чувствовала, что надвигаются бѣды и скорби. Она еле сдерживала душившія ее рыданія.

— Прощайте!—прошептала она и подала ему руку, но, едва почувствовавъ прикосновеніе его руки, тотчасъ же вырвала ее и быстро ушла въ павильонъ.

Ея бѣлое платье мелькнуло на верандѣ среди разноцвѣтныхъ фонарей и скрылось. Валеріусъ остался подъ липами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ.

Джона Леббока.

(Переводъ съ англійскаго).

*(Окончаніе *).*

Глава XV.

Надежда.

Мнѣ часто приходилось слышать, какъ люди удивлялись тому, что надежда считается добродѣтелью, точно также какъ вѣра и любовь. Вѣра, любовь несомнѣнно добродѣтели, но почему надежда должна считаться добродѣтелью?

Между тѣмъ, отчаяніе—несомнѣнное зло; если же отчаяніе—зло, то надежда—благо. Терпѣніе и неуклонная твердость подразумѣваютъ надежду, а по терпѣнію можно гораздо лучше судить о характерѣ, чѣмъ по одному какому-нибудь геройскому поступку, какъ бы онъ ни былъ благороденъ. Многія преданныя, несчастныя женщины—настоящія мученицы.

Не принимайте всего слишкомъ близко къ сердцу. Пока человѣкъ не отчаявается, онъ, въ сущности, еще не побѣжденъ. Сидней Смитъ (Sydney Smith) далъ прекрасный совѣтъ съ свойственнымъ ему юморомъ и здравымъ смысломъ: «Если мы хотимъ дѣйствительно совершить что-нибудь хорошее въ мірѣ, мы не должны стоять на берегу, дрожа и размышляя о холодѣ и опасности, а смѣло бросаться въ воду и бороться, стараясь, по мѣрѣ силъ, справиться съ стихіей». Любопытно, что люди рѣдко боятся настоящей опасности: ихъ гораздо больше волнуетъ воображаемая. Между прочимъ, они боятся до смѣшного стать предметомъ насмѣшки. Не поддавайтесь никогда ложному стыду. Петръ муже-

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

ственно встрѣтилъ фарисеевъ и солдатъ, но не вынесъ насмѣшекъ прислуги въ домѣ первосвященника.

Шекспиръ говоритъ: «Трусы умираютъ много разъ до наступленія смерти; безстрашный же человѣкъ только разъ умираетъ». Когда Донъ-Кихотъ зацѣпился рукавомъ за окно конюшни, онъ вообразилъ, что виситъ надъ страшной пропастью; когда же Мариторна его освободила, онъ увидѣлъ, что висѣлъ лишь въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ земли. Сколько армій, одержавъ побѣду на полѣ битвы, обращались ночью въ бѣгство, вслѣдствіе охватившей ихъ паники. Самое слово «паника» означаетъ безпричинный страхъ. Да развѣ не бываетъ, часто даже при яркомъ свѣтѣ дня, самыхъ неосновательныхъ опасеній?

Человѣкъ, недовольный судьбой, долженъ бы спросить себя, съ кѣмъ онъ желалъ бы помѣняться? Онъ не могъ-бы пожелать здоровье одного, богатство другого, семью третьяго. Если онъ недоволенъ, пусть мѣняется всѣмъ или ничѣмъ.

И такъ, никогда не отчаявайтесь. Все исправимо, кромѣ отчаянія. «Горе тому, кто слабъ душой!» говоритъ Іисусъ сынъ Сираховъ. «Когда мужество пропало, все пропало! — говоритъ Гете.— Лучше бы тебѣ не родиться!» Вынести все значитъ завоевать свою судьбу. «Остерегайтесь отчаянныхъ поступковъ,—говоритъ Куперъ,—проживите до завтра, и самый мрачный день пройдетъ».

Каждый человѣкъ ошибается. Хорошо сказано, что человѣкъ, который никогда не ошибается, никогда ничего не сдѣлаетъ. Но нечего впадать дважды въ ту же ошибку. Пусть ошибки служатъ урокомъ для насъ, и онѣ сдѣлаются ступенями къ лучшей жизни.

Дж. Юмъ говорилъ часто, что предпочелъ бы веселое расположеніе духа имѣнію съ 10.000 ф. ст. ежегоднаго дохода.

Настоящее — самое важное время для дѣятельности, но, въ одномъ смыслѣ, разумнѣе—жить прошедшимъ и будущимъ. Много несчастій въ жизни происходитъ оттого, что мы жертвуемъ будущимъ для настоящаго, будущимъ счастьемъ для минутнаго удовлетворенія. Конечно, вѣрно, что синица въ руку лучше журавля въ небѣ; но дѣло въ томъ, что, по всей вѣроятности, журавля нельзя было бы поймать и посадить въ клѣтку, тогда какъ, напротивъ, будущее, навѣрное, придетъ, и самые счастливые люди тѣ, счастіе которыхъ заключается, по выраженію Рескина, «въ воспоминаніи, а желанія—въ небѣ». Если бы мы обращали больше вниманія на будущее, мы избѣгли бы большихъ промаховъ, потому что стоитъ человѣку махнуть рукой на преходящее и временное, не имѣющее ничего общаго съ истинной жизнью, и съ нимъ будетъ пребывать вѣчное, со всѣмъ своимъ благословеніемъ.

Человѣкъ долженъ быть, прежде всего, мужественнымъ и, по выраженію Скотта, долженъ «создать въ себѣ волю и смѣлый духъ». Мужество — не только добродѣтель, но и часть существа человѣка. Мужчина, желающій быть мужчиной, долженъ быть мужественнымъ, все равно какъ женщина, желающая быть женщиной, должна быть кроткой, хотя, конечно, желательно, чтобы мужчины были такъ же кротки, какъ и мужественны, а женщины— такъ же мужественны, какъ и кротки. Безпечность — не мужество. Мужество не заключается въ презрѣніи опасности, а въ смѣлой встрѣчѣ съ нею. Безсмысленное исканіе опасности—не мужество, но, когда опасность приходитъ, трусость ее удвоиваетъ: спасеніе заключается въ томъ, чтобы встрѣтить ее смѣло и хладнокровно. Бѣжать во время сраженія — лучшее средство быть убитымъ, особенно для тѣхъ, у кого, какъ у Ахиллеса, слабое мѣсто — въ пяткахъ.

«Вообще,—говоритъ Борнъ,—мракъ необходимъ, чтобы что-нибудь казалось ужаснымъ. Когда мы знаемъ весь размѣръ опасности, когда мы можемъ пріучиться къ ней, то большая часть страха исчезаетъ». Въ старой баснѣ, олень, перепуганный перьями, попалъ въ руки охотниковъ, а солдаты, принявшіе облако пыли, поднятое стадомъ овецъ, за непріятеля, попали въ ловушку. Сохраняйте хладнокровіе и мужество. «Изъ крапивы опасности вырывайте цвѣтокъ спасенія!». Не ожидайте слишкомъ многаго. «Тайна успѣха,—говоритъ Гете,—заключается въ томъ, чтобы умѣть ожидать малаго и наслаждаться многимъ». Не ожидайте слишкомъ многаго и не ожидайте его слишкомъ скоро. Все приходитъ тому, кто умѣетъ ждать. Самую темную тѣнь въ жизни человѣкъ образуетъ самъ, застилая собой свѣтъ. Тѣмъ не менѣе, что бы мы ни дѣлали, горе должно придти, и мы должны умѣть перенести его мужественно.

«Въ самыя мрачныя минуты,—говоритъ Рихтеръ,—вызывайте воспоминаніе о самыхъ свѣтлыхъ». «Познайте, какая великая вещь— страдать и быть сильнымъ», сказалъ Лонгфелло.

Что бы ни случилось, но время проходитъ и въ самый тяжелый день, и въ этомъ великое утѣшеніе.

Послѣ зимы приходитъ лѣто, послѣ ночи—день, а послѣ бури— великая тишина. Какъ бы тяжелъ ни былъ нашъ путь, помните, время успокаиваетъ величайшее горе. «Горе можетъ продолжиться всю ночь, но утромъ приходитъ радость».

Въ случаѣ перемѣны, кажущейся на первый взглядъ большимъ несчастьемъ, прежде всего убѣдитесь, дѣйствительно ли это такъ. Видимость часто обманчива; въ мірѣ, въ которомъ мы живемъ, не-

позволительно приходить въ отчаяніе отъ всякаго пустяка. Мы никогда не знаемъ, на что мы способны, пока не попробуемъ. Часто забота и горе—лишь переодѣтые друзья. Нельсонъ часто прибѣгалъ къ своему слѣпому глазу, когда не желалъ видѣть сигнала къ отступленію. Сэръ М. Грэнтъ-Дуффъ говоритъ въ своей прелестной «Жизни Ренана»: «Есть много людей, жизни которыхъ мы не позавидовали бы, но смерти которыхъ завидуемъ». Въ исторіи столько же людей обязаны своимъ безсмертіемъ эшафоту, сколько и престолу. Мы страдаемъ или по своей винѣ, или для общаго блага.

«Мудрые люди, — говоритъ Шекспиръ, — никогда не сидятъ оплакивая свои потери, а бодро ищутъ средствъ поправить свои неудачи».

Слѣдовательно, мы должны быть благодарными и вполнѣ наслаждаться безчисленными радостями жизни, и не должно смотрѣть на горе и страданіе, какъ на одно лишь зло. Постоянный и неизмѣнный успѣхъ никому не доставилъ бы счастья; если бы онъ и оказался подъ силу человѣку, то непремѣнно подѣйствовалъ бы на него раздражающимъ и разслабляющимъ образомъ. Побѣждать препятствія, сопротивляться соблазну, мужественно переносить горе, — все это возвышаетъ, укрѣпляетъ и облагораживаетъ характеръ.

«Стоя лицомъ къ лицу съ вѣчностью, — говоритъ Гейки, — главное заключается въ томъ, чтобы величественно идти къ ней».

Много наслажденія доставляетъ намъ мягкій лѣтній воздухъ и солнечное сіяніе, но природа обязана большей частью своего величія и красоты — зимнему снѣгу и зимнимъ бурямъ.

Заботы и огорченія, какъ сѣверо-восточный вѣтеръ, укрѣпляютъ и закаляютъ насъ.

Эпиктетъ говоритъ: «Какъ вы думаете, чѣмъ былъ бы Геркулесъ, если бы не было льва, гидры, кабана и нѣкоторыхъ несправедливыхъ, звѣрскихъ людей, съ которыми онъ боролся и которыхъ уничтожалъ? Что бы онъ дѣлалъ, если бы ничего подобнаго не существовало? Не очевидно ли, что онъ бы легъ и заснулъ? Слѣдовательно, онъ не былъ бы Геркулесомъ, если бы проводилъ свою жизнь въ роскоши и покоѣ; да если бы онъ и былъ имъ, то какая польза была бы отъ него? На что послужили бы ему руки, сила его тѣла, выносливость и благородный духъ, если бы не явился случай примѣнить ихъ и испытать?».

Когда осудили Сократа, Апполодоръ сокрушался о несправедливости его страданій. «Развѣ ты желалъ бы, — сказалъ философъ, — чтобы я былъ виновенъ?».

Св. Петръ говоритъ: «Похвально, если человѣкъ, изъ вѣрности своей Богу, претерпѣваетъ незаслуженно горе и страданія. Ибо въ чемъ же заслуга терпѣливо выносить наказаніе за свою вину? Но если вы пострадаете за то, что поступали хорошо, и несете терпѣливо страданіе, то Богу это будетъ угодно».

Глава XVI.

Любовь.

Мы не только должны поступать съ другими такъ, какъ желали бы, чтобы поступали съ нами, но и думать о нихъ такъ же хорошо, какъ желали бы, чтобы и о насъ думали. Если мы не будемъ снисходительны къ другимъ, какъ же мы можемъ расчитывать на снисходительность къ себѣ? Кромѣ того, въ концѣ концовъ, мы убѣдимся сами, что хорошее мнѣніе о другихъ чаще всего оправдывается.

Иные готовы на жертвы, но пренебрегаютъ тѣми маленькими доказательствами доброжелательности и привязанности, которыя вносятъ столько свѣта и счастья въ жизнь.

Если у насъ даже есть поводъ жаловаться, обида рѣдко бываетъ такъ велика, какъ она намъ представляется, а раздраженіе только удваиваетъ ее. Месть приноситъ больше зла, чѣмъ сама обида; человѣкъ, желающій сдѣлать зло другому, всегда больше всего вредитъ себѣ, подобно пчелѣ, погибающей, когда она жалитъ въ гнѣвѣ.

Иные люди ищутъ вездѣ недостатки. Между тѣмъ, гораздо разумнѣе восхищаться, чѣмъ критиковать; придирчивость не критика. Если въ шкафу и будетъ скелетъ,*) то, навѣрное, тамъ найдется еще что-нибудь, кромѣ него. Кости не составляютъ человѣка. Критика можетъ быть справедлива, и всетаки въ ней не вся истина. Очень интересно побывать за сценой, но чтобы смотрѣть на представленіе, лучше выбрать другое мѣсто. Старайтесь найдти въ людяхъ и въ жизни не зло, а добро, и вы найдете то, чего ищете.

Будьте всегда терпѣливы. Мы знаемъ, что въ девяти случаяхъ изъ десяти дѣти капризничаютъ, потому что нездоровы; а въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, мы всѣ — взрослыя дѣти. Въ большинствѣ случаевъ мы бы жалѣли, а не сердились на раздражительныхъ людей, если бы знали всѣ обстоятельства ихъ жизни и всѣ ихъ чувства.

*) Англійская пословица,—въ каждомъ домѣ есть свой скелетъ, т. е. тягостная тайна, которую тщательно скрываютъ отъ другихъ.

Съ больнымъ человѣкомъ мы обращаемся очень осторожно. Мы все ему прощаемъ. Мы дѣлаемъ все, что только приходитъ на умъ, для облегченія больнаго. Мы стараемся его избавить отъ всякой непріятности, отъ всякаго повода къ раздраженію. Но почему же только въ этомъ случаѣ? Было бы гораздо лучше, если бы всегда мы были также добры и осторожны.

Мы не знаемъ чужихъ заботъ, волненій, огорченій и тайныхъ страданій. Будьте же снисходительны, хотя вамъ и кажется, что вы имѣете право быть недовольными. Не бойтесь быть излишне снисходительными. Старайтесь видѣть лучшее во всемъ и во всѣхъ.

«De mortuis nil nisi bonum» (о мертвыхъ слѣдуетъ говорить только хорошее)—очень хорошее правило, но почему примѣнять его только къ мертвымъ? Отчего на одно доброе слово или поступокъ другихъ мы слышимъ столько злыхъ исторій, столько недоброжелательныхъ толковъ? Какъ было бы хорошо, если бы люди говорили о живыхъ, какъ о мертвыхъ.

Не спѣшите осуждать, если ужъ необходимо осуждать.

Конечно, бываютъ случаи, когда необходимо высказать свое неодобреніе, но, вообще, лучше смолчать, чѣмъ сказать что-нибудь нехорошее. Сидней Смитъ, говорятъ, написалъ одному знакомому, который злословилъ въ его отсутствіи, что онъ позволяетъ ему и бить его, когда его не будетъ тутъ. Почти всѣ мы предпочитаемъ, чтобы насъ обвиняли въ лицо, давая намъ возможность защищаться; мы всѣ страшно чувствительны къ тому, что говорится за нашей спиной. Можетъ быть, люди посмѣются и будутъ забавляться злыми вещами, сказанными о другихъ, но, повѣрьте, они сдѣлаютъ естественный выводъ, что скоро придетъ и ихъ очередь, и они охладѣютъ къ вамъ, какъ бы ни смѣялись въ эту минуту съ вами.

Я долженъ то же сказать слово въ защиту животныхъ. Сенека справедливо замѣчаетъ, что мы во враждѣ со всѣми живыми существами, благодаря крючкамъ, сѣтямъ, ловушкамъ и собакамъ (мы можемъ прибавить, и ружьямъ). Можетъ быть намъ необходимо, до извѣстной степени, жить на счетъ другихъ животныхъ. Если же мы имъ такъ много обязаны, то мы тѣмъ болѣе должны стараться не подвергать ихъ ненужнымъ страданіямъ.

Ѳома Кемпійскій говоритъ: «если твое сердце справедливо, то каждая тварь будетъ для тебя зеркаломъ жизни и книгой святаго ученія».

Птицы имѣютъ, дѣйствительно, что-то особенно воздушное. «Св. Францискъ,—говоритъ Кингслей,—увѣренный въ томъ, что

онъ духовное существо, допускалъ, что птицы могутъ также быть духовными существами, воплощенными, какъ и онъ, въ смертное тѣло, и не видѣлъ никакого униженія для достоинства человѣческой природы въ родствѣ своемъ съ такими прекрасными, прелестными созданіями, которыя, какъ ему казалось при его міросозерцаніи, восхваляли Бога въ лѣсу, какъ ангелы — на небѣ».

Какъ бы то ни было, съ животными слѣдуетъ всегда обращаться хорошо и заботливо; подвергать ихъ ненужнымъ страданіямъ — преступленіе. Уордсуортъ говоритъ, что «лучшую часть жизни хорошаго человѣка составляютъ маленькіе, неизвѣстные или забытые поступки любви».

Слишкомъ часто понимаютъ миросердіе, какъ милостыню; конечно, правъ греческій поэтъ, говоря: «всѣхъ чужестранцевъ и бѣдныхъ посылаетъ Зевсъ, и какъ бы ни было мало подаяніе, оно пріятно ему».

Но, тѣмъ не менѣе, подаяніе лишь одна форма милосердія, и притомъ никакъ не главная, а такая, которая можетъ принести больше вреда, чѣмъ добра, если она не вполнѣ разумна.

Чувство симпатіи и привязанности гораздо важнѣе. «Научите меня,—говоритъ Попъ,—чувствовать чужое горе, скрывать ошибки, которыя я замѣчаю въ другихъ, и выказывайте ко мнѣ такое же милосердіе, какое я выказываю къ другимъ».

Забывайте обиды, но никогда не забывайте добра.

«Неблагодарность ребенка, — говоритъ Шекспиръ,—больнѣе укушенія змѣи».

«Сколько людей, — по мнѣнію Сенеки, — недостойныхъ видѣть дневной свѣтъ, а, между тѣмъ, солнце восходитъ».

Кто не прощаетъ другимъ, не можетъ разсчитывать на прощеніе себѣ.

«Представьте себѣ,—говоритъ др. Бутлеръ,—что васъ страшитъ приближающаяся смерть, что вы сейчасъ предстанете безъ покрова, открыто передъ Судьей всей земли, чтобы дать отчетъ въ своихъ отношеніяхъ къ вашимъ братьямъ: что можетъ быть въ такой моментъ ужаснѣе мысли, что вы были немилосердны и неумолимы къ тѣмъ, кто васъ обидѣлъ? Вы не были одушевлены духомъ всепрощенія къ другимъ, а теперь, вся ваша надежда — на милосердіе. Весь ужасъ этого положенія прекрасно выраженъ въ словахъ Господа: «Такъ и Отецъ Мой Небесный поступитъ съ вами, если не проститъ каждый изъ васъ отъ сердца своего брату своему согрѣшеній его».

Божественное ученіе — прощать обиды и любить враговъ — принадлежитъ преимущественно христіанству, хотя оно и не от-

сутствуетъ въ другихъ системахъ нравственности. Евангеліе часто повторяетъ его: «Ибо, если вы простите людямъ ихъ прегрѣшенія, то и Отецъ вашъ Небесный проститъ вамъ; если же вы не простите людямъ ихъ прегрѣшеній, то и Отецъ вашъ Небесный не проститъ вамъ».

Но недостаточно прощать. Мы должны идти дальше.

«А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ;

«Да будете сынами Отца вашего небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ».

Святой Павелъ говоритъ: «Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ, любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упраздняется... А теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше».

Глава XVII.

Характеръ.

Для успѣха въ жизни характеръ и настойчивость важнѣе всѣхъ способностей. Я, конечно, не желаю основывать важность характера исключительно на этомъ соображеніи, но, тѣмъ не менѣе, оно вполнѣ вѣрно. Гораздо важнѣе поступать правильно, чѣмъ знать, какъ поступить; путь одинъ и тотъ же, желаемъ ли мы быть добрыми, или счастливыми. Золотые поступки создаютъ золотые дни.

Достоинство жизни измѣряется ея нравственной цѣной. Кебль говоритъ: «Разъ навсегда возьмите себѣ за правило — никогда не ждать и не колебаться, когда совѣсть вамъ подсказываетъ, что дѣлать, и у васъ будетъ ключъ ко всѣмъ радостямъ, которыхъ можетъ надѣяться грѣшникъ».

Въ концѣ концовъ, вы никогда не увеличите своего счастья тѣмъ, что пренебрегли какой-нибудь обязанностью или обошли ее. Характерная черта мудраго и добраго человѣка, по словамъ Вордсворта, заключается въ томъ, что онъ никогда не предается малодушному страху, а спокойно берется за исполненіе долга. При

первомъ знакѣ онъ идетъ на встрѣчу тысячѣ опасностей, и, надѣясь на Бога, ихъ всѣ побѣждаетъ.

Что необходимо для истиннаго успѣха въ жизни? «Только одно,—говоритъ Блэки. Деньги не нужны, власть не нужна; способность тоже, ни слава, ни свобода, даже здоровье не важнѣе всего,—но характеръ, въ совершенствѣ выработанная воля, вотъ что насъ, дѣйствительно, можетъ спасти; и если мы не можемъ спастись даже при этомъ условіи, то мы, дѣйствительно, погибли».

Вашъ характеръ будетъ такимъ, какимъ вы захотите его сдѣлать. «Мы не можемъ всѣ сдѣлаться поэтами, музыкантами, великими артистами или учеными, но есть много другихъ вещей,—говоритъ Маркъ-Аврелій, — о которыхъ ты не можешь сказать, что природа тебя не создала для нихъ. Выказывай же тѣ качества, которыя въ твоей власти: искренность, серьезность, выносливость въ трудѣ, отвращеніе къ роскоши, доброжелательство, откровенность, умѣренность и великодушіе. Развѣ ты не видишь, сколько можешь сейчасъ же проявить качествъ, отсутствіе которыхъ нельзя извинить природной неспособностью, а между тѣмъ, ты добровольно унижаешь себя. Неужели природа такъ плохо одарила тебя, что ты можешь только жаловаться, быть мелочнымъ, льстить, искать въ себѣ недостатки, подлаживаться къ людямъ и безпокоиться? Нѣтъ, во имя боговъ! ты могъ бы давно освободиться отъ всего этого. Если же ты дѣйствительно нѣсколько медлителенъ и непонятливъ, ты долженъ работать надъ собой, а не отчаяваться и искать оправданія въ своей неспособности».

Не дѣлайте никогда того, чего можете впослѣдствіи стыдиться. Важнѣе всего—доброе мнѣніе о себѣ. «Спокойная совѣсть,—говоритъ Сенека,—постоянный праздникъ».

Я не могу рекомендовать примѣръ Франклина, хотя у него можно найти много поучительнаго. Кратко пересчитавъ добродѣтели, онъ говоритъ: «Такъ какъ я рѣшился пріобрѣсти привычку ко всѣмъ этимъ добродѣтелямъ, мнѣ показалось, что было бы хорошо не отвлекать своего вниманія, гоняясь за всѣми сразу, а лучше сперва заняться только одной изъ нихъ; когда же я овладѣю ею, то перейти къ другой, и такъ далѣе, пока не пріобрѣту всѣ тринадцать» (умѣренность въ питьѣ, молчаніе, порядокъ, рѣшительность, умѣренность въ пищѣ, трудолюбіе, искренность, справедливость, умѣренность въ жизни, чистоплотность, спокойствіе, цѣломудріе и смиреніе). Трудно представить, чтобы онъ дѣйствительно слѣдовалъ этой теоріи, потому что, извѣстно, «если вы пустите въ домъ одного изъ родственниковъ сатаны, за нимъ послѣдуетъ вся семья его».

Епископъ Уйльсонъ говоритъ: «Какъ бы мы удивились, услышавъ, что кто-нибудь, подавая милостыню, совѣтуетъ бѣдняку идти въ кабакъ или въ игорный домъ, или купить себѣ игрушку! Зачѣмъ же намъ дѣлать самимъ то, что было бы, какъ мы сознаемъ, смѣшно совѣтовать другимъ?»

Смотрите вверхъ, а не внизъ. Лордъ Биконсфильдъ говоритъ: «кто не смотритъ вверхъ, непремѣнно будетъ смотрѣть внизъ, и духу, не рѣшающемуся стремиться кверху, придется, можетъ быть, пресмыкаться».

Безъ сомнѣнія, что касается реальной стороны жизни, обыденныя формы честолюбія не стоютъ нашего вниманія, и дѣйствительно, наши великіе люди, Шекспиръ, Мильтонъ, Ньютонъ, Дарвинъ, были далеки отъ почестей и титуловъ, которые могутъ даровать правительства. Мучительная сторона честолюбія—его ненасытность. При восхожденіи на гору, взобравшись на вершину, мы опять видимъ передъ собой вершину. Величайшіе завоеватели, какъ Александръ и Наполеонъ, никогда не были удовлетворены. Жертвы плохо направленнаго честолюбія, они не могли «отдохнуть и быть благодарными». Бэконъ говоритъ: «кто привыкъ идти впередъ и вынужденъ внезапно остановиться, падаетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и уже перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ».

Впрочемъ, поэтъ зашелъ черезчуръ далеко, говоря, что «одинъ часъ жизни, полной славы, стоитъ цѣлаго вѣка въ неизвѣстности».

Эгоистическое честолюбіе непрочно, какъ соломинка; оно непремѣнно приведетъ къ разочарованію, хотя сперва покажется и заманчивымъ.

Что можетъ сдѣлать одно положеніе? Марія Медичи, королева Франціи, регентша Франціи, мать французскаго короля, королева Испаніи, королева Англіи и герцогиня Савойская, была брошена своими царственными дѣтьми, которые не хотѣли ее даже впустить въ свои владѣнія, и послѣ 10 лѣтъ гоненій умерла въ Кельнѣ (Cologne), въ нищетѣ, чуть не съ голода. Всѣ короны, болѣе или менѣе,—терновые вѣнцы. Чѣмъ лучше и добросовѣстнѣе вѣнценосецъ, тѣмъ тяжелѣе на него ложится отвѣтственность его власти. Нельзя быть спокойнымъ, когда одна ошибка можетъ составить несчастіе тысячи людей.

Несомнѣнно, жизнь интересна при самомъ медленномъ прогрессѣ; безъ того же она невыносима. Человѣку предназначено—рости, а не стоять на мѣстѣ. Но въ своихъ стремленіяхъ будьте столь же разборчивы въ средствахъ, какъ и въ цѣляхъ. Достигнутое дурными средствами торжество, въ сущности,—паденіе. Во

всякомъ случаѣ многіе изъ насъ не могутъ стоять на мѣстѣ: мы должны идти впередъ или умереть.

Какъ же примирить эти двѣ потребности нашей природы? Наше честолюбіе должно заключаться въ умѣньи управлять собой, а это и есть истинное царство каждаго изъ насъ: истинный прогрессъ заключается въ стремленіи все больше и больше знать, быть большимъ и быть способнымъ на большее. Въ такомъ прогрессѣ никогда не будетъ остановки, съ каждымъ шагомъ онъ дѣлается болѣе увѣреннымъ, а не болѣе случайнымъ. Первое и высшее честолюбіе человѣка должно заключаться въ исполненіи долга.

Слово «слава», говорятъ, отсутствуетъ въ депешахъ герцога Веллингтона. Его пароль былъ: «долгъ».

И такъ, не исключайте честолюбія, но пусть оно будетъ честолюбіемъ праведника и мудреца.

«Само тщеславіе лучше нашло бы вѣрный путь къ славѣ, — говоритъ Байронъ, — если бы оно указало на безполезной страницѣ исторіи — десять тысячъ завоевателей на одного мудреца».

Не все ли равно будетъ черезъ сто лѣтъ, были ли вы богатымъ, или бѣднымъ, пэромъ или крестьяниномъ? Но большая разница — поступали ли вы хорошо, или нѣтъ. «Въ концѣ-концовъ, — говоритъ Рёскинъ, — не важно: что мы думаемъ, что знаемъ, или во что вѣримъ. Единственно важное, это — что мы дѣлаемъ».

Будьте честны и правдивы. Жанъ-Поль Рихтеръ говоритъ: «первымъ грѣхомъ на землѣ (къ счастью, его совершилъ дьяволъ) была ложь». Честность — лучшая и единственно разумная политика.

«Правда, — говоритъ Чаусеръ, — величайшая вещь, которую человѣкъ можетъ сохранить».

«Человѣкъ, — говоритъ Плутархъ, — отдаляющійся отъ правды, свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, что онъ не уважаетъ Бога, а затѣмъ, что боится человѣка».

Хорошо стыдиться своей неправоты, но никогда не слѣдуетъ стыдиться признаться въ ней.

«Есть безчисленныя качества, — говоритъ Максъ Мюллеръ, — составляющія человѣка и дѣлающія его способнымъ исполнять работу, назначенную ему въ жизни. Но есть лишь одно существенное качество, безъ котораго человѣкъ — не человѣкъ, безъ котораго не была прожита ни одна великая жизнь, безъ котораго не было окончено ни одного великаго дѣла, это — правда, правда во внутреннемъ мірѣ. Посмотрите на всѣхъ истинно-великихъ и хорошихъ людей. Почему мы ихъ называемъ великими и хорошими? Потому, что они имѣли мужество быть правдивыми по отношенію къ себѣ, они имѣли мужество быть тѣмъ, чѣмъ они были».

Уордсуортъ говоритъ: «Не смотря на свою кажущуюся противуположность, мужественная зависимость и мужественная независимость должны идти вмѣстѣ; мужественное довѣріе связано съ мужественной самоувѣренностью». Научитесь повиноваться, и вы научитесь повелѣвать. Ученіе—хорошая дисциплина для души и для тѣла; плохой солдатъ никогда не будетъ хорошимъ генераломъ.

Не гордитесь въ случаѣ успѣха. Часто за торжествомъ идетъ гибель, и за гордостью—паденіе.

Мы часто отождествляемъ страстность съ дѣятельностью, а терпѣніе съ бездѣятельностью. Но это—заблужденіе. Терпѣніе требуетъ силы, а гнѣвъ — признакъ слабости и недостатка самообладанія.

Обладая властью, будьте до мелочей справедливы и вѣжливы.

Власть ведетъ за собой отвѣтственность. Но, во всякомъ случаѣ, думайте не о томъ, что вамъ хочется дѣлать, а о томъ, что должны дѣлать. Это—единственно вѣрный путь къ счастью.

Если предъ вами два дѣла и вы не знаете, за которое взяться, начните съ ближайшаго. Есть хорошіе люди, которые бросаютъ семью ради язычниковъ, но симпатія, какъ и любовь, должна начинаться съ домашняго очага.

Въ этомъ мірѣ все говоритъ въ пользу справедливости, въ чемъ легко убѣдиться. Мы говоримъ о наказаніи за грѣхи. Кто насъ наказываетъ? Мы сами себя наказываемъ. Міръ такъ устроенъ, что добро приноситъ радость, а зло—горе. Грѣшить и не страдать было бы нарушеніемъ законовъ природы.

Прощеніе грѣховъ не значитъ, что мы не будемъ наказаны. Это не только невозможно, но было бы и несчастьемъ. Въ сущности, нѣтъ большаго несчастія, какъ успѣхъ при нехорошей жизни. Если вы поступаете нехорошо, то въ будущемъ васъ будетъ преслѣдовать воспоминаніе прошлаго. Тѣ, кого вы обидѣли, могутъ васъ простить, но, прощая, они соберутъ груду горящихъ угольевъ на вашу голову, потому что ихъ великодушіе еще увеличитъ вашу вину.

Внѣшнія обстоятельства — сравнительно маловажны; то, что насъ окружаетъ, не такъ важно, какъ то, что мы изъ себя представляемъ. Слѣдите же за собой день за днемъ.

Привычка—вторая натура. «Посѣйте поступокъ, и вы пожнете привычку; посѣйте привычку, и вы пожнете характеръ; посѣйте характеръ, и вы пожнете судьбу». Мы всѣ ежедневно дѣлаемся немного лучше или немного хуже. Хорошо отдавать себѣ въ этомъ отчетъ каждый вечеръ.

Эмерсонъ говоритъ: «Человѣчество дѣлится на классъ благодѣ-

телей и классъ злодѣевъ». Если вы принадлежите ко второму, то вы превращаете своихъ друзей во враговъ, воспоминаніе—въ мученіе, жизнь—въ горе, міръ—въ темницу, и смерть—въ ужасъ. Съ другой стороны, если вы можете дать одну свѣтлую хорошую мысль, или одинъ счастливый часъ другому,—вы совершили дѣло добраго ангела.

Было бы очень важно для каждаго — запираться ежедневно на часъ и проводить его въ мирномъ размышленіи.

Нельзя ссылаться на недостатокъ времени. Р. Пиль, по возвращеніи изъ палаты общинъ, читалъ, каждый вечеръ, главу изъ Библіи; впрочемъ, я долженъ замѣтить, что въ то время палата общинъ не засѣдала такъ долго, какъ въ настоящее время.

Думайте о хорошемъ, и вы не будете дѣлать дурного. А награда—велика. Не откладывайте хорошаго. Не оправдывайтесь юностью. Маргарита де-Валуа говорила: «Мы всѣ будемъ достаточно добродѣтельны, когда въ насъ останутся только кожа и кости».

«Помни своего Творца въ дни юности». Чтобы умереть, какъ мы хотимъ, мы должны жить, какъ слѣдуетъ. Смерть нисколько не страшна хорошему человѣку. Во время своей недавней болѣзни, епископъ Тэрлуоль занимался тѣмъ, что переводилъ на семь языковъ слѣдующій отрывокъ: «Такъ какъ сонъ—братъ смерти, то мы должны осторожно ввѣрять себя Тому, кто насъ разбудитъ отъ смерти сна, какъ и отъ сна смерти».

Цицеронъ говоритъ, что Сократъ держалъ себя передъ своими обвинителями не какъ человѣкъ, осужденный на смерть, а какъ человѣкъ, восходящій на небо.

«Что вы выиграете,—говоритъ Сенека,—мужественно и великодушно исполняя свой долгъ? Вы выиграете то, что сдѣлали—само дѣло уже выигрышъ». Мы должны были бы поступать хорошо, не изъ надежды на обѣщаніе или изъ страха наказанія, а изъ любви къ добру, потому что «твое свидѣтельство составляетъ радость моего сердца».

О сэрѣ Фрэнсисѣ Дрэкѣ Фуллеръ говоритъ: «Онъ былъ цѣломудренъ въ жизни, справедливъ въ поступкахъ, вѣренъ слову, милостивъ къ своимъ подчиненнымъ, и ничего такъ не ненавидѣлъ, какъ лѣнь; въ дѣлахъ, особенно неотлагательныхъ, онъ никогда не полагался на другихъ; не боясь ни опасности, ни труда, онъ всегда былъ первымъ вездѣ, гдѣ требовались храбрость, умѣніе или трудолюбіе».

Мы знаемъ, что не можемъ быть совершенными, но, тѣмъ не менѣе, мы должны стремиться къ совершенству въ характерѣ,

какъ и во всемъ другомъ. Кромѣ того, въ насъ во всѣхъ есть вѣрный указатель; если мы будемъ всегда слушаться совѣсти, мы не можемъ много заблуждаться. Всякій, кто захочетъ, можетъ жить благородно.

Послѣднія слова сэра В. Скотта къ Локэрту на смертномъ одрѣ были: «Будь добродѣтеленъ, будь религіозенъ, будь хорошимъ человѣкомъ. Это будетъ единственное твое утѣшеніе, когда тебѣ придется тутъ лежать, какъ мнѣ теперь».

Даже Валаамъ сказалъ: «Дайте мнѣ умереть смертью праведника, пусть мой конецъ будетъ такимъ же, какъ и его».

Глава XVIII.

О покоѣ и счастьи.

Изобиліе всякихъ благъ далеко не всегда идетъ рука объ руку съ счастьемъ, и многіе бываютъ несчастны, хотя у нихъ, повидимому, все есть для счастья. Природа можетъ все дать, какъ проф. Гескли выражается, своему любимцу—сильнѣйшему, но она не можетъ дать ему счастья. Этого онъ долженъ самъ достигнуть. Жизнь, полная успѣха, полна тревогъ и опасностей. Если человѣкъ не имѣетъ въ себѣ самомъ элементовъ счастья, ихъ не дадутъ ему никакія красота, разнообразіе, удовольствія и интересы въ мірѣ.

«Одному человѣку,—говоритъ Шопенгауеръ, — міръ представляется безплоднымъ, скучнымъ и поверхностнымъ; другому же—богатымъ, интереснымъ и полнымъ значенія». Счастье требуетъ практики, какъ и скрипка. Если избранъ настоящій путь, мы его получимъ, но его не слѣдуетъ искать слишкомъ тщательно. Наша величайшая радость возвратится въ Аидъ, если мы, какъ Орфей, обернемся, чтобы на нее взглянуть. Франклинъ говоритъ: «Бѣгите отъ удовольствій, и они за вами послѣдуютъ».

Не думайте слишкомъ много о себѣ; вы не единственный человѣкъ на свѣтѣ.

«Не ищите развлеченій,—говоритъ Рёскинъ,—но будьте всегда готовы развлечься». Великая вещь — превратить жизнь въ рядъ удовольствій, хотя бы и маленькихъ.

Чувство юмора, напримѣръ, особенный даръ человѣка. Есть нѣкоторыя сомнѣнія относительно разума животныхъ, но дара смѣшливости они, повидимому, совсѣмъ лишены, а Шамфоръ говоритъ, что «самый потерянный день тотъ, въ которомъ мы не посмѣялись». Какое удовольствіе услышать веселый смѣхъ! Какъ онъ все скрашиваетъ!

Бёрнсъ говоритъ: «Веселое сердце пройдетъ весь путь, а грустное—утомится, пройдя версту».

«Доброе расположеніе духа,—говоритъ одинъ изъ нашихъ епископовъ,—составляетъ 9/10 христіанства», и если вы раздражены, не давайте солнцу заходить въ вашемъ гнѣвѣ. Ссора требуетъ двухъ человѣкъ,—не будьте однимъ изъ нихъ.

Иные люди постоянно ворчатъ; если бы они родились въ саду Эдема, они и тамъ бы нашли предлогъ быть недовольными. Другіе же бываютъ вездѣ счастливы; они всегда видятъ вокругъ себя красоту и радость.

Веселость—великое, нравственно-укрѣпляющее средство. Точно также, какъ при солнечномъ свѣтѣ цвѣты распускаются и плоды зрѣютъ, такъ и веселость, т.-е. чувство свободы и жизни, развиваетъ въ насъ всѣ сѣмена добра и все, что есть лучшаго въ насъ.

Нашъ долгъ по отношенію къ другимъ—быть веселыми. Есть старое вѣрованіе, что тамъ, гдѣ радуга соприкасается съ землей, можно найти золотую чашу; есть люди, улыбка, голосъ, само присутствіе которыхъ дѣйствуетъ, какъ лучъ солнца, и превращаетъ въ золото все, къ чему бы они ни прикоснулись. Люди никогда не отчаяваются, пока остаются веселыми. Бэкстонъ говоритъ: «Радостное сердце—постоянный праздникъ не только для себя, но и для другихъ». Тѣнь Флоренсы Найтингаль (Florence Nightingale) дѣйствовала сильнѣе ея лекарствъ; если мы помогаемъ другимъ нести заботы, мы облегчаемъ собственныя.

Есть мнѣніе, что веселость происходитъ отъ легкомыслія; но между ними нѣтъ ничего общаго. Арнольдъ говоритъ: «Самыя легкія настроенія, составляющія одну изъ величайшихъ земныхъ радостей, часто витаютъ вокругъ самой серьезной мысли и самой нѣжной привязанности».

Много людей обречены съ самаго рожденія на тяжелую, трудовую жизнь. Но это не относится исключительно къ бѣднымъ. Богатые, въ настоящее время, работаютъ не меньше. а иногда и больше бѣдныхъ. А сколькихъ дѣлаетъ несчастными самое обладаніе деньгами! Въ ихъ жизни нѣтъ ни отдыха, ни покоя, ни мира. Мы не можемъ, въ этомъ мірѣ, избѣжать страданій, но мы можемъ, если захотимъ, стать выше ихъ. Для этого мы должны разукрасить стѣны комнаты нашей памяти прекрасными картинами и счастливыми воспоминаніями.

Всѣ желаютъ, но мало кто умѣетъ — наслаждаться. Люди не понимаютъ достоинства и прелести жизни. Не раздувайте маленькихъ испытаній въ великія несчастья. Цицеронъ говоритъ: «Какое горе въ жизни можетъ показаться великимъ тому, кто по-

зналъ вѣчность и размѣры вселенной? Ибо, что въ области знанія или въ краткомъ періодѣ земной жизни могло бы показаться великимъ мудрому человѣку, умъ котораго всегда на готовѣ, и ничего неожиданнаго не можетъ съ нимъ случиться?»

Мы часто воображаемъ себѣ, что мы смертельно ранены, когда мы только оцарапаны. Фуллеръ разсказываетъ, что врачъ, котораго призвали осмотрѣть легкую рану, послалъ, какъ можно скорѣе, за пластыремъ. «Развѣ рана такъ опасна?» спросили его.—«Нѣтъ,—отвѣтилъ врачъ,—но если посланный не будетъ страшно спѣшить, то рана заживетъ сама собой до его возвращенія». Время излечиваетъ горе, какъ и раны.

Джонъ Стюартъ Милль говоритъ: «Всякій культивированный умъ, я не говорю о философскомъ умѣ, а просто объ умѣ, которому раскрылись источники знанія и который научился сносно упражнять свои способности, найдетъ во всемъ окружающемъ—источники неизсякаемаго интереса; онъ ихъ найдетъ во всей природѣ, въ твореніяхъ искусства и поэзіи, въ историческихъ происшествіяхъ, во всѣхъ прошлыхъ и настоящихъ дѣяніяхъ человѣчества и въ его надеждахъ на будущее. Можно, не вкусивъ и тысячной части всего этого, сдѣлаться ко всему равнодушнымъ; но это бываетъ только съ людьми, которые никогда не чувствовали нравственнаго или человѣческаго интереса къ этимъ вещамъ, или которые искали въ нихъ только удовлетворенія любопытства».

Мы живемъ въ мірѣ цвѣтовъ, деревьевъ, травъ, рѣкъ, озеръ, морей, горъ и солнечнаго свѣта. Природа полна свѣта для свѣтлыхъ, и даетъ утѣшеніе тому, кто захочетъ принять его.

Но мы должны чувствовать прекрасное, чтобы умѣть его цѣнить. Мы много слышимъ объ умѣ собаки и слона, но нѣтъ повода думать, чтобы самый прекрасный видъ на свѣтѣ могъ доставить имъ какое-нибудь удовольствіе.

Иногда люди жалуются на скуку, на то, что имъ нечего дѣлать; но въ этомъ случаѣ скука—въ нихъ самихъ. «Если воспитанный человѣкъ,—говоритъ Соути,—имѣющій здоровье, глаза, руки и досугъ, чего-нибудь желаетъ, то это только потому, что Всемогущій Богъ ниспослалъ всѣ эти радости человѣку, не достойному ихъ.»

Ни богатство, ни положеніе не могутъ гарантировать счастья. При отсутствіи любви, милосердія и душевнаго спокойствія можно быть богатымъ, великимъ и могущественнымъ, но нельзя быть счастливымъ.

Есть одинъ персидскій разсказъ, въ которомъ скучающій царь призвалъ своихъ астрологовъ на совѣтъ; они сказали ему, что онъ

будетъ счастливымъ, если надѣнетъ рубашку совершенно счастливаго человѣка. Напрасно искали среди двора и богатыхъ классовъ. Нельзя было найти такого человѣка. Наконецъ, возвращающійся съ работы пахарь оказался подходящимъ человѣкомъ: онъ былъ совершенно счастливъ. Но, увы! лекарства опять не нашлось: этотъ человѣкъ не имѣлъ рубашки.

Я уже показалъ, что счастье, по мнѣнію всѣхъ мудрѣйшихъ людей, не покупается деньгами и не достигается властью. Царскія короны перевиты шипами. Гіеронъ Сиракузскій сказалъ Симониду: «Царское великолѣпіе вводитъ въ обманъ большую часть человѣчества; я этому нисколько не удивляюсь, потому что, мнѣ кажется, толпа всегда судитъ по внѣшности о счастіи или несчастіи человѣка. А царская власть выставляетъ міру на показъ все, что считается самымъ цѣннымъ; царскія же заботы таятся въ самой глубинѣ души, гдѣ живутъ счастье и горе человѣка. Что касается меня, то я прекрасно знаю по опыту, увѣряю тебя, Симонидъ, что царямъ достается меньше другихъ величайшихъ наслажденій и больше всѣхъ—величайшихъ золъ».

Несчастный можетъ найти утѣшеніе въ словахъ Массильона: «Отчего это происходитъ, о человѣкъ? не оттого ли, что здѣсь, на землѣ, ты не на своемъ мѣстѣ, что ты созданъ для неба, что земля не родина твоя, и что все, что не для Бога, не имѣетъ значенія для тебя?»

Бэконъ говоритъ: «Мы совсѣмъ не умѣемъ выразить словами все свѣтлое разнообразіе удовольствій, всю обаятельную силу доброты самое большее, что мы можемъ сказать о величайшей добротѣ, это—что въ ней кроется невѣдомое, неизъяснимое очарованіе; самое большее, что мы можемъ сказать о высочайшемъ счастьи, это—что оно невыразимо.»

Если мы смотримъ правильно на вещи, мы всѣ можемъ сказать съ Данте: «Все, что я видѣлъ, было одно очарованіе; казалось, это была одна улыбка вселенной; несравненная радость, невыразимое ликованіе; безконечная жизнь мира и любви; неистощимое богатство и безконечное счастье».

Все въ природѣ управляется мудрымъ и благодѣтельнымъ закономъ, все связано между собой, все идетъ къ лучшему. Мы страдаемъ или по своей винѣ, или для блага общаго. Сенека говоритъ: «Нѣтъ такой обязанности, исполненіе которой не сдѣлало бы человѣка счастливѣе, и нѣтъ искушенія, противъ котораго не нашлось бы лекарства».

По словамъ Цицерона, Эпикуръ признавалъ «три рода желаній: во-первыхъ, естественныя и необходимыя; во-вторыхъ, естествен-

ныя, но не необходимыя; въ-третьихъ, ни естественныя, ни необходимыя. И всѣ они таковы, что необходимыя—удовлетворяются безъ особеннаго затрудненія или затратъ; даже естественныя, но не необходимыя не требуютъ многаго, потому что сама природа доставляетъ для ихъ удовлетворенія въ достаточномъ количествѣ легко пріобрѣтаемыхъ благъ; но что касается искусственныхъ желаній, то имъ нѣтъ ни границъ, ни мѣры».

Чтобы наслаждаться жизнью, мы должны быть всегда наготовѣ пожертвовать собой, отказать себѣ во многихъ соблазнительныхъ удовольствіяхъ.

Самопожертвованіе приноситъ много радости. Какъ бы ни были очаровательны наши чувства, если мы имъ поддадимся, они погубятъ насъ, какъ древнія Сирены, на скалахъ и водоворотахъ жизни.

Уоттонъ говоритъ: «Счастливъ тотъ, кто не служитъ чужой волѣ, чье вооруженіе заключается въ честной мысли, а всѣ таланты—въ простой истинѣ».

Недостатокъ досуга составляетъ одно изъ несчастій нашего вѣка. Мы живемъ въ постоянномъ водоворотѣ. Сколько женщинъ и мужчинъ могли бы сказать вмѣстѣ съ Порціей: «Мое маленькое тѣло устало отъ этого великаго міра».

Хорошую работу нельзя сдѣлать впопыхахъ; размышленіе требуетъ времени и покоя.

Кингслей говоритъ: «Я знаю, мы всѣ нуждаемся во внутреннемъ покоѣ, въ покоѣ сердца и мозга, въ спокойномъ, сильномъ, сдержанномъ и самоотверженномъ характерѣ, не нуждающемся ни въ какихъ возбудителяхъ, потому что онъ не знаетъ угнетеннаго состоянія, ни въ какихъ наркотикахъ, потому что онъ не знаетъ возбужденія, ни въ аскетическихъ ограниченіяхъ, потому что достаточно силенъ, чтобы не злоупотреблять Божьими дарами,—словомъ, въ характерѣ, умѣренномъ не только въ питьѣ и пищѣ, но и во всѣхъ желаніяхъ, мысляхъ и поступкахъ: ему чужды грубыя страсти и стремленія, которыя, овладѣвъ Адамомъ, заставили его искать запретными путями свѣтъ и жизнь и привели его къ болѣзни и смерти. Да, я это знаю и знаю, что этотъ покой можно найти только тамъ, гдѣ вы уже нашли его».

Эпиктетъ говоритъ: «Поступайте согласно велѣніямъ Зевса; иначе заплатите за ослушаніе страданіями, будете наказаны. Въ чемъ же наказаніе? Въ томъ, что вы не исполнили долга и утратили скромность, вѣрность и порядочность. Можетъ ли быть наказаніе еще ужаснѣе?»

Рёскинъ говоритъ: «Мы жалуемся, что намъ многого недо-

стаетъ: намъ не достаетъ всеобщей подачи голосовъ, свободы, развлеченій, денегъ. Кто изъ насъ, однако, сознаетъ, что ему недостаетъ покоя? Если вамъ недостаетъ его, то пріобрѣсти его можно двоякимъ способомъ, и первое средство всецѣло въ вашихъ рукахъ: свейте себѣ гнѣздо пріятныхъ мыслей... Никто изъ насъ не знаетъ,—потому что никого съ ранней юности этому не учатъ,—какіе волшебные дворцы, убѣжище отъ великихъ ударовъ судьбы, можетъ создать прекрасная мысль. Свѣтлыя мечты, счастливыя воспоминанія, благородныя происшествія, драгоцѣнныя и успокоительныя мысли, изъ всего можно выстроить хранилище сокровищъ, дома, которые не можетъ разрушить забота, не можетъ омрачить горе, не можетъ отнять у насъ бѣдность,—дома, выстроенныя безъ участія нашихъ рукъ, жилище нашей души».

Послѣднее слово, сказанное передъ смертью великимъ императоромъ Антоніемъ дежурному офицеру, было: «Aequanimitas» (единодушіе). Ничто не нарушало свѣтлаго спокойствія жизни Христа.

Святой Ѳома Кемпійскій говоритъ: «Подавляй желанія, и обрѣтешь покой». Почти столько же разстраиваютъ насъ мелочи жизни, какъ огорчаютъ важныя причины.

Кумберландъ (Cumberland) говоритъ: «Изъ всѣхъ золъ, которыя ложатся, какъ проклятіе, на человѣка, самое худшее—дурной характеръ».

Мы не должны искать счастья внѣ насъ, а въ себѣ, въ своей душѣ. «Царствіе Божіе внутри васъ». Если не можемъ быть счастливы здѣсь, то какъ же мы можемъ разсчитывать на счастье въ загробной жизни? Развѣ Провидѣніе будетъ болѣе о насъ заботиться, чѣмъ теперь? Если мы не создадимъ себѣ сами покой на землѣ, то какъ же мы можемъ думать, что найдемъ его въ небѣ? Что насъ лишаетъ его? Гордость, скупость, эгоизмъ и честолюбіе. Безъ нихъ мы могли бы быть здѣсь счастливы, а съ ними мы нигдѣ не обрѣтемъ счастья. Если мы боимся утратить здѣсь то, чѣмъ дорожимъ, то въ небѣ мы еще болѣе будемъ бояться этого. Если мы не можемъ жить здѣсь въ мирѣ съ другими, то какая у насъ надежда жить въ мирѣ гдѣ-нибудь въ иномъ мірѣ? Если мы основываемъ свой покой и счастье на внѣшнихъ вещахъ и живемъ исключительно въ ожиданіи иного міра, то можетъ случиться, что во второй жизни мы будемъ ждать третьей, и такъ до безконечности. Такъ какъ, безъ сомнѣнія, надежда трижды благословенна, въ ожиданіи, исполненіи и воспоминаніи, то будущее можетъ быть великимъ и чистымъ источникомъ счастья, какъ упованіе на встрѣчу съ тѣми, кого мы любили и потеряли, и какъ надежда на болѣе ясное пониманіе того, что теперь скрыто отъ насъ.

Я ничего не имѣю противъ этого источника утѣшенія и радости, но мы должны цѣнить и настоящія радости и быть благодарны за нихъ.

Уордсуортъ говоритъ: «Умѣйте наслаждаться покоемъ природы, безмолвіемъ звѣзднаго неба, сномъ, витающимъ надъ пустынными холмами».

Тогда въ вашъ домъ спустятся ангелы, какъ они, много лѣтъ тому назадъ, спускались къ Аврааму въ равнинѣ Мамре.

Вполнѣ возможно также, какъ говоритъ Монтегацца, что человѣкъ еще не знаетъ многихъ радостей, ожидающихъ его на славномъ пути цивилизаціи.

Только душа, полная мудрыхъ и благородныхъ мыслей, можетъ обрѣсти покой и счастье. Платонъ говоритъ въ «Федрѣ»: «Божественное, это—красота, мудрость, доброта и тому подобное; питаясь ими, душа быстро окрыляется, но при дурномъ питаніи, душа сохнетъ и увядаетъ».

«Лучшій человѣкъ—тотъ, кто старается больше всего усовершенствоваться, а самый счастливый человѣкъ тотъ, кто больше всего сознаетъ, что онъ совершенствуется»,—говоритъ Сократъ.

А. К.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

К. М. Станюковича.

*(Продолженіе *).*

XXIV.

Молодая дѣвушка возвращалась домой растроганная и взволнованная, одушевленная горячимъ желаніемъ во что бы то ни стало устроить несчастнаго дядю. Онъ положительно ее очаровалъ, этотъ нищій и пропойца, какъ брезгливо называлъ отецъ ея родного брата. Необходимо—и какъ можно скорѣе—перевести его изъ этой крошечной, полутемной комнаты въ лучшую; надо дать возможность ему одѣться сколько-нибудь прилично, завести бѣлье, теплую одежду... вообще успокоить его хоть на склонѣ жизни...

Она замѣтила и этотъ дырявый халатъ неопредѣленнаго цвѣта, бывшій на немъ, и эти туфли, которыя не надѣла бы ея горничная, и это отвратительное, порыжѣлое пальто, тоненькое, заштопанное, висѣвшее на гвоздикѣ.

И въ такомъ одѣяніи родной братъ ея отца выходилъ на улицу просить милостыню!

О, папа, папа!

Бѣдный дядя! какъ долженъ страдать онъ, всѣми брошенный, всѣми презираемый. Какъ зябъ онъ, едва прикрытый, въ то время, когда его близкіе родные ѣздили въ роскошныхъ шубахъ или сидѣли въ уютныхъ, теплыхъ комнатахъ. И никто не вспомнилъ о немъ, никто не пожалѣлъ его!

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

— Отчего такая жестокость?—спрашивала себя потрясенная дѣвушка.

А между тѣмъ, какъ онъ былъ тронутъ малѣйшимъ вниманіемъ и сколько въ немъ доброты, сколько нѣжности къ спасенному имъ мальчику. Самъ нищій заботится о такомъ же нищемъ. А отецъ говорилъ, что онъ изолгавшійся, пропавшій человѣкъ!

— Господи! Отчего отецъ такъ озлобленъ противъ него?

Нина—эта тепличная барышня, оберегаемая отъ всякаго прикосновенія съ дѣйствительной жизнью—первый разъ въ теченіе своей двадцатилѣтней жизни увидала, какъ живутъ бѣдные люди. Ей, не имѣвшей понятія о томъ, въ какихъ, дѣйствительно, ужасныхъ подвалахъ и трущобахъ гнѣздится бѣдный людъ, и это, сравнительно еще сносное помѣщеніе „графа“, о которомъ не смѣли бы мечтать болѣе несчастные люди,—казалось чѣмъ-то ужаснымъ, чѣмъ-то невозможнымъ.

И передъ ней, словно бы внезапно, приподнялась завѣса новаго міра—міра нищеты и страданія, о которомъ прежде она ничего не знала и никогда не думала сколько-нибудь сознательно.

Она, положимъ, и раньше слыхала, что существуютъ на свѣтѣ нищіе люди, но они представлялись ей какими-то порочными отверженцами, какими-то страшными людьми, сдѣлавшимися такими по собственной винѣ.

По крайней мѣрѣ такъ говорилъ о нихъ отецъ, и она ему вѣрила.

Слышала она отъ отца и другія своеобразныя сужденія вообще о народѣ.

Его превосходительство неизмѣнно и съ присущимъ ему апломбомъ говорилъ — и въ послѣднее время все чаще и настойчивѣе,—что русскій народъ въ конецъ развращенъ и испорченъ: онъ лѣнивъ и безпеченъ, живетъ, какъ свинья, пьянствуетъ и совсѣмъ распущенъ, благодаря тому, что послѣ освобожденія съ нимъ сентиментальничали вмѣсто того, чтобъ поставить надъ нимъ строгую непосредственную власть. Необходимо народъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ и не стѣсняться учить его по старинному — розгой. Такая строгость, разумѣется, разумная, необходима въ собственныхъ его же интересахъ—иначе прежнія патріархаль-

ныя качества русскаго мужика исчезнутъ окончательно. Подобная опека вполнѣ отвѣчаетъ и государственнымъ задачамъ, и самобытнымъ русскимъ устоямъ.

— Разнуздайте этого звѣря или дайте ему попробовать европейской цивилизаціи, и вы увидите, что будетъ...

Его превосходительство не досказывалъ, что будетъ, но его, гладко выбритое лицо чиновнаго авгура становилось таинственнымъ, и онъ какъ-то угрожающе разводилъ выхоленными руками съ крѣпкими ногтями, предоставляя слушателю догадываться, что можетъ произойти...

Такія положенія сдѣлались любимымъ конькомъ Опольева послѣ того, какъ онъ, умудренный, вѣроятно, житейскимъ опытомъ, круто перемѣнилъ прежніе свои взгляды, когда составлялъ краснорѣчивые записки по порученію прежняго начальства совсѣмъ въ другомъ духѣ о томъ же самомъ народѣ.

Теперь же онъ любилъ выставлять на видъ новыя свои воззрѣнія, къ которымъ пришелъ, какъ говорилъ онъ, путемъ горькаго разочарованія въ приложимости къ русской жизни многихъ, казалось бы, и полезныхъ реформъ. Насколько было возможно, онъ старался провести свои новыя мнѣнія путемъ бойкихъ записокъ, снабженныхъ многочисленными историческими, экономическими и даже богословскими данными.

Онъ называлъ себя здравомыслящимъ консерваторомъ и находилъ, что рѣшительный консерватизмъ будто бы вполнѣ соотвѣтствуетъ духу времени и въ то же время не безполезенъ для увѣнчанія блестящей карьеры.

Однако, онъ заблуждался на счетъ своихъ честолюбивыхъ надеждъ. Его рѣшительные проекты погребены были въ министерскомъ архивѣ, и его не призывали осуществлять ихъ.

Другихъ мнѣній не приходилось слышать молодой дѣвушкѣ въ отчемъ домѣ, и когда отецъ высказывалъ ихъ, бывало, за обѣдомъ, какому-нибудь приглашенному гостю, то гость не противорѣчилъ, а соглашался съ его превосходительствомъ.

Но и такіе разговоры изъ области государственной политики происходили рѣдко въ присутствіи молодой дѣвушки. Они обыкновенно велись въ кабинетѣ. Ей же приходилось только слушать во время визитовъ разныя свѣтскія и административныя сплетни и не особенно остроумныя beaux-mots,

сообщавшіяся матери, шаблонно-свѣтскую, непосредственно къ ней обращенную безсодержательную болтовню порядочныхъ молодыхъ людей, или пошловатыя любезности ухаживателей, которые не прочь были предложить ей руку и сердце и взять ея хорошее приданое. Въ дамскомъ обществѣ, среди кузинъ и пріятельницъ, ей приходилось слушать одни и тѣ же разговоры о нарядахъ, о Михайловскомъ театрѣ, о флиртѣ того-то съ той-то и самыя злыя сплетни на счетъ замужнихъ женщинъ, увлеченія которыхъ обсуждались даже молодыми дѣвицами.

И молодая дѣвушка жила въ этомъ обособленномъ кружкѣ, полномъ своихъ интересовъ, интригъ и искательствъ, точно въ какомъ-то заколдованномъ замкѣ, до котораго не доносилась широкая волна жизни. Все, что происходило тамъ, за предѣлами волшебнаго замка, ей было такъ же невѣдомо, какъ невѣдома внутренность Африки.

Не помогло ей нисколько въ этомъ отношеніи и шестилѣтнее пребываніе въ учебномъ заведеніи. И тамъ всѣ вопросы, болѣе или менѣе интересующіе обыкновенныхъ смертныхъ, предусмотрительно обходились, какъ совершенно безполезныя для будущихъ свѣтскихъ дамъ, которымъ рѣшительно не нужно знать: дѣйствительно ли земля кругла, и отчего крестьяне не имѣютъ ни бріошей къ чаю, ни жареной курицы за обѣдомъ. Наука тамъ имѣла какой-то элегантно-веселый характеръ анекдотовъ и болѣе или менѣе достовѣрныхъ фактовъ безъ какихъ бы то ни было обобщеній. Въ воображеніи юницъ весь божій міръ представлялся ареной для пріятнаго препровожденія генеральскихъ дочерей, особенно если у родителей или у мужа есть хорошія средства, а для остальныхъ скучнымъ прозябаніемъ съ плохими костюмами и плохимъ выговоромъ французскаго языка. Въ теоретическомъ представленіи нарядъ являлся какимъ-то таинственнымъ сборищемъ бородатыхъ и грязныхъ пахарей, обязанность которыхъ трудиться въ потѣ лица своего, собирать въ житницы. Въ конкретномъ видѣ народъ представлялся горничными, лакеями, кучерами и швейцарами, назначеніе которыхъ не оставило мѣста для какихъ-либо сомнѣній. Нѣсколько странной породой людей казались воспитанницамъ учителя. Ихъ можно было обожать и въ то же время нельзя было пригласить въ

домъ и выдти за нихъ замужъ. Ихъ надобно было уважать и слушаться и слегка презирать за дурной костюмъ и немодную прическу.

Выйдя изъ учебнаго заведенія, Нина говорила хорошо по-французски и по-англійски, довольно плохо играла на фортепіано, знала языкъ цвѣтовъ, и нѣсколько не совсѣмъ приличныхъ французскихъ романовъ, прочитанныхъ тайкомъ, и имѣла болѣе чѣмъ смутныя понятія о русской литературѣ послѣ Гоголя.

Въ домѣ она тоже не особенно культивировалась, тѣмъ болѣе, что самъ Опольевъ далеко не былъ поклонникомъ русской литературы, особенно новѣйшей. Толстого онъ порицалъ, а Салтыкова такъ просто ненавидѣлъ. Другихъ новѣйшихъ писателей онъ не читалъ и къ прессѣ относился съ недоброжелательствомъ за то, что она суетъ носъ туда, куда ей не слѣдуетъ, и позволяетъ себѣ судить о томъ, чего не понимаетъ.

Его превосходительство, впрочемъ, выписывалъ одинъ русскій журналъ и одну газету, направленіе которыхъ соотвѣтствовали его взглядамъ. Газету онъ аккуратно прочитывалъ и изрѣдка самъ посылалъ редактору статейки подъ псевдонимомъ конечно, въ которыхъ излагалъ свои государственныя соображенія.

Опольева, добродушная и не особенно далекая женщина, до сихъ поръ влюбленная въ мужа и слушавшая каждое его слово съ благоговѣніемъ вѣрующей, тоже относилась къ отечественной литературѣ съ боязливой брезгливостью и, конечно, оберегала и дочь отъ знакомства съ произведеніями, въ которыхъ, какъ она думала, описываются все мужики да мужики, или занимаются какими-то курсистками да учителями. Мать и дочь исключительно читали французскіе и англійскіе романы, и многіе извѣстные русскіе писатели неизвѣстны были имъ даже по именамъ.

И, не смотря на такое полное отчужденіе отъ дѣйствительной жизни, не смотря на самое основательное воспитаніе въ духѣ полнаго индиферентизма ко всему, что не имѣетъ отношенія къ интересамъ маленькаго замкнутаго кружка, такъ называемыхъ, сливокъ общества,—молодая дѣвушка смутно чувствовала ложь этой жизни и какую-то неудовлетворенность.

Не глупая, наблюдательная и чуткая, она не могла не замѣтить лицемѣрія и фальши, угодничества и лести, поддѣльной наивности и двуличія, наглости и безстыдства въ погонѣ за положеніемъ, за богатствомъ, и полнѣйшаго отсутствія какихъ-нибудь другихъ интересовъ среди представителей и представительницъ того общества, въ которомъ Нина вращалась. Она видѣла, съ какою неразборчивостью молодыя барышни при помощи матерей и отцовъ ловили богатыхъ жениховъ, а молодые люди—богатыхъ невѣстъ, нисколько не думая о взаимной привязанности; она слышала циничные разговоры знакомыхъ барышень о флиртѣ, и понимала, чего стоятъ эти условныя фразы о нравственности, религіи и супружескомъ долгѣ въ устахъ тѣхъ молодыхъ свѣтскихъ женщинъ, которыя яростнѣе всѣхъ нападали на неприличное поведеніе своихъ, менѣе осторожныхъ подругъ, а сами...

Нѣтъ, рѣшительно этотъ „свѣтъ“ съ его блескомъ и роскошью, съ удовольствіями и выставкой тщеславія, обманулъ прежнія ея ожиданія и совсѣмъ не прельщалъ эту худенькую брюнетку съ ясными, довѣрчиными глазами. Она была словно бы чужая среди своихъ и слишкомъ серьезна для веселящихся и довольныхъ жизнью пріятельницъ и знакомыхъ. Надъ ней посмѣивались, называли ее оригинальной и находили, что она „trop rude“.

Нина не любила выѣздовъ и баловъ и появлялась на нихъ больше по настоянію матери. Порой она скучала и, чтобъ убить время, занялась живописью.

Мать, любившая единственную свою дочь до безумія, нѣсколько удивлялась и ея нелюдимству, и ея хандрѣ.

„Пора Нинѣ замужъ!“ думала она и зорко присматривалась, кто изъ молодыхъ людей, бывавшихъ у нихъ въ домѣ, нравится дочери, но какъ она ни приглядывалась, а ничего не замѣчала.

— Тебѣ никто Нина не нравится?—спрашивала мать.

— Никто, мама...

— А Бѣжецкій, а Лорней, а Скуратовъ... развѣ не хорошіе и милые молодые люди...

— Такъ чтожъ изъ этого, мама?

— Надо тебѣ выходить замужъ, Ниночка...

— Будто ужъ такъ надо... Надоѣла я тебѣ, что ли?— смѣясь, говорила дочь.

Такъ и кончались подобныя объясненія, и мать не знала, чѣмъ объяснить, что Нина въ послѣдніе годы стала совсѣмъ не той веселой беззаботной и любящей балы дѣвушкой, какою была раньше.

Посѣщеніе больного „графа“, ужасная исторія Антошки, трогательное отношеніе къ нему того, кого всѣ называли отверженцемъ,—все это словно бы пробудило Нину отъ сна, словно бы съ глазъ ея сняли вдругъ повязку, и она увидала, что за очарованнымъ замкомъ есть и другая жизнь, не та беззаботная и роскошная, но жизнь, полная лишеній и страданій. Она почувствовала, что люди, которыхъ отецъ безпощадно клеймилъ пропащими и не заслуживающими участія, далеко не такіе ужасные. Напротивъ... И если она видѣла только двухъ такихъ нищихъ—„графа“ и Антошку, то вѣрно и другіе заслуживаютъ любви и милосердія...

Такія мысли бродили въ головѣ молодой дѣвушки, и въ этотъ день она впервые задумалась о такихъ вещахъ, о которыхъ прежде не думала.

О, въ какой ужасъ пришелъ бы отецъ, еслибъ заглянулъ въ эти минуты въ душу своей горячо любимой дочери.

XXV.

Вопросъ о томъ, гдѣ она достанетъ деньги, обѣщанныя дядѣ, былъ рѣшенъ ею безъ колебаній. Это такъ просто. Зачѣмъ ей, напримѣръ, брилліантовыя серьги, которыя подарилъ отецъ на именины. Можно возвратить ихъ ювелиру, и онъ не откажется купить ихъ.

Вернувшись домой, молодая дѣвушка тотчасъ же прошла къ матери.

— Ну, мама, все устроено,—возбужденно заговорила она,—тетя Мери не отниметъ мальчика. Онъ останется при дядѣ...

— Ты у тети завтракала?

— Да... Тетя тебѣ кланяется... И ея мужъ... Ахъ, мама, еслибъ ты знала, въ какомъ ужасномъ положеніи дядя...

— Что съ княземъ?—участливо воскликнула княгиня, думая, что рѣчь идетъ о мужѣ ея двоюродной сестры.

— Я не о князѣ... Я о дядѣ Опольевѣ... Какой онъ худой, худой и блѣдный... А какая у него комната! Маленькая, безъ мебели, грязная, темная...

— Да ты откуда знаешь всѣ эти подробности?

— Я сама видѣла. Я только-что отъ дяди.

— Что!? Ты была у него!?—воскликнула Опольева.

Въ ея красивомъ моложавомъ, нѣсколько полноватомъ лицѣ, въ ея большихъ темныхъ глазахъ отразился ужасъ и изумленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, дочь тайнаго совѣтника Опольева и вдругъ въ гостяхъ у какого-то пропойцы-нищаго. О, Господи!

— Чему ты такъ изумляешься, мама?

— И ты еще спрашиваешь, Нина?

— Да развѣ я сдѣлала что-нибудь нехорошее, навѣстивъ несчастнаго, больного дядю?

Этотъ вопросъ нѣсколько смутилъ добродушную женщину.

— Ты поступила нехорошо относительно отца.

— Но, мама...

— Дай мнѣ сказать... Ты вѣдь знала, что отецъ не велѣлъ пускать этого господина и не признаетъ его своимъ братомъ... И вдругъ дочь къ нему ѣдетъ! Ты, значитъ, ни во что не ставишь мнѣніе отца? И, не посовѣтовавшись со мной, одна отправляешься въ какую-то трущобу... Ахъ, Нина, Нина... Какая это нелѣпая выходка!

— Во-первыхъ, папа заблуждается, относительно дяди, считая его какимъ-то негодяемъ... Онъ, напротивъ, добрый, хорошій человѣкъ!—горячо проговорила Нина.

— Что ты говоришь, Нина. Развѣ можно осуждать отца?

— Я не осуждаю... Я говорю только, что папа не правъ... Я въ этомъ убѣждена и меня никто не разубѣдитъ... Во-вторыхъ, я не скрою отъ папы, что была у его брата... Я разскажу, что видѣла, и папа убѣдится, что онъ заблуждается...

— Боже тебя сохрани, Нина... Не говори ничего отцу, не огорчай его... Но дай мнѣ слово, что ты не повторишь своего безразсудства... Помогай этому несчастному, если хочешь—хотя и это ужъ протестъ противъ отца!—но бывать у него...

— Мама! Да что ты говоришь! — воскликнула молодая

дѣвушка, и въ голосѣ ея звучала грустная нотка, а глаза ея, свѣтлые и ясные, съ нѣмымъ укоромъ глядѣли на мать.— Ты, добрая, хорошая, ты, сама заступившаяся за дядю— помнишь, когда папа принесъ его письмо? — и осуждаешь меня... И за что же? За то, что я была у больного, несчастнаго, всѣми брошеннаго человѣка? Ахъ, еслибъ ты видѣла его? Еслибъ ты видѣла, какъ онъ былъ тронутъ моимъ посѣщеніемъ... Какъ онъ чуть не заплакалъ отъ волненія...

— Но, отецъ твой...

— Ахъ, мама... Твое сердце само говоритъ, что папа въ данномъ случаѣ не правъ... Если бы и папа увидалъ этого сгорбленнаго, исхудавшаго старика съ лицомъ мертвеца...

— Развѣ онъ такъ боленъ?

— Было воспаленіе легкихъ... Простудился, выйдя на улицу въ холодномъ пальто... Еще слава Богу, что нашлись добрые люди... Одна женщина-врачъ лечила его, а хозяйка квартиры, какая-то прачка, содержала дядю во время болѣзни... И это сдѣлали посторонніе люди, а мы... родные... Ахъ, какъ это все нехорошо, мама!

И Нина взволнованно стала разсказывать матери подробности своего визита.

И по мѣрѣ того, какъ Нина передавала о своей встрѣчѣ съ дядей, о томъ, какъ онъ говорилъ съ ней, какъ благодарили ее и дядя, и этотъ мальчикъ, котораго дядя спасъ отъ ужасной жизни у какого-то солдата, — на глазахъ у Опольевой заблестѣли слезы, и она нѣсколько разъ во время разсказа повторяла:

— Ахъ несчастный, несчастный!

— Вотъ видишь ли, мама, какъ всѣ были безжалостны и несправедливы къ дядѣ, считая его совсѣмъ дурнымъ человѣкомъ! — возбужденно проговорила Нина, окончивъ свой разсказъ.

— Да, Нина... Онъ много перенесъ... этотъ бѣдный Александръ Ивановичъ!

— А вѣдь онъ, мама, куда лучше многихъ изъ тѣхъ людей нашего общества, которыхъ всѣ принимаютъ и уважаютъ. Право, лучше, хоть и считается падшимъ. И это я поняла только сегодня, когда поговорила съ ними. Такъ неужели

такъ и оставить его, не выказать ему участія, не навѣстить его!? Вѣдь это было бы возмутительно, жестоко... Не правда ли?

Опольева чувствовала справедливость словъ дочери.

Дѣйствительно, всѣ родные слишкомъ сурово отнеслись тогда къ Опольеву. И мужъ былъ слишкомъ не снисходителенъ къ брату. Но мужъ—человѣкъ правилъ, принципа. Кто знаетъ, не жалѣлъ ли онъ брата въ душѣ, но и не могъ отступить отъ принятаго рѣшенія. У него есть эта черта. Но за то, какой онъ примѣрный мужъ, какой отецъ!..

И Опольева безъ особеннаго труда оправдала мужа.

— Ты слишкомъ принимаешь все близко къ сердцу, Ниночка,—проговорила мать.—Я не спорю, что дядя несчастенъ, что онъ ужъ не такой дурной и заслуживаетъ помощи... И я ничего не имѣю противъ того, чтобъ ты помогала ему но за чѣмъ же ѣздить къ дядѣ, если отецъ твой не хочетъ знать его ... Вѣдь онъ пришелъ бы въ ужасъ, еслибъ узналъ о твоемъ посѣщеніи... А развѣ ты захочешь огорчать отца, который тебя боготворитъ... Подумала ли ты объ этомъ?

— Но что-же мнѣ дѣлать? Не могу же я согласиться съ папой, что дядя негодяй, и никогда съ этимъ не соглашусь. Ну, хорошо, я не скажу папѣ о своемъ визитѣ, если ты этого не хочешь, но я все-таки навѣщу дядю...

— Но если отецъ какъ-нибудь узнаетъ?

— Ну что жъ? Тогда я все объясню ему, все...

Этого-то и боялась пуще всего мать. О, она хорошо знала, какъ самолюбивъ ея мужъ и какъ ему непріятно всякое противорѣчіе. А тутъ дочь вдругъ явится какъ бы въ роли обвинительницы отца!..

И, вдругъ принимая строгій видъ, Опольева сказала:

— Нина! Ты больше не поѣдешь къ дядѣ. Слышишь, я тебя прошу объ этомъ... Не заставляй приказывать.

— Мама, мнѣ непріятно тебя огорчать, но я должна быть у дяди... Я ему обѣщала и исполню свое обѣщаніе!—прибавила молодая дѣвушка, внезапно блѣднѣя.

Этотъ рѣшительный отвѣтъ всегда ласковой, кроткой Нины ошеломилъ Опольеву. Она рѣшительно не знала, какъ ей быть, что сказать дочери и, чувствуя, что ея авторитетъ поколебленъ, растерянно смотрѣла на дочь и вдругъ заплакала.

— Мама... не сердись. Ты пойми, что я не могу поступить иначе. Это не капризъ!—умоляла Нина.

Кончилось тѣмъ, что Опольева, какъ всѣ слабыя натуры, сдалась и пошла на компромиссъ. Она позволила Нинѣ, когда дядя устроится нѣсколько приличнѣе, разъ въ мѣсяцъ навѣщать его.

— Дастъ Богъ, отецъ не узнаетъ объ этомъ! — прибавила она.

Нина съ горячностью цѣловала мать.

— Какая ты у меня горячая, моя дѣвочка! — говорила мать, утирая слезы...—А вотъ до сихъ поръ ни въ кого не влюбилась!—неожиданно прибавила она и вздохнула.

— Нѣтъ, влюбилась, мама.

— Кто онъ, этотъ счастливецъ?

— Дядя, мама...

— Ты вотъ все шутишь, а пора бы тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, полюбить кого-нибудь...

— Еще успѣю, мама... Не старая же я дѣва. А пока я хочу поступить въ Общество „Помогай ближнему!“, въ которомъ тетя Мери предсѣдательница.

— Это она тебя зоветъ?

— Она...

— Что жъ, поступай...

— А папа позволитъ?.. Онъ вѣдь не особенно любитъ благотворительныхъ дамъ?..

— Ну, тетю Мери онъ хоть и недолюбливаетъ, а уважаетъ... Подъ ея крыломъ можно... Я поговорю объ этомъ съ отцомъ... А вечеромъ сегодня ты въ какомъ платьѣ?—вдругъ перемѣнила разговоръ Опольева.

— А что сегодня вечеромъ, мама?

— Ты и забыла? Мы у Иртеньевыхъ.

— Развѣ необходимо ѣхать?

— Ты не хочешь?

— У нихъ такая скука, мама...

— А надо ѣхать...

— Почему?

— Иртеньева обидится... И то мы рѣдко у нея бываемъ...

— Что жъ, ѣхать такъ ѣхать, сказалъ попугай, когда

его тащили за хвостъ изъ клѣтки!—смѣясь проговорила Нина и прибавила:—А въ какомъ платьѣ, мама, быть попугаю?..

— Надѣнь новое, что надняхъ принесли. Оно къ тебѣ идетъ...

— Такъ я его и надѣну... — отвѣтила Нина и вышла изъ спальной.

На другой день Нина, отдавая горничной футляръ съ серьгами, проговорила:

— Отвезите серьги, Дуняша, къ ювелиру съ этой записочкой... Только, прошу васъ, никому объ этомъ ни слова!— прибавила, краснѣя, Нина.

— Что вы барышня... Ни душа не узнаетъ...

— Онъ вамъ за нихъ дастъ деньги...

— Продать ихъ, значитъ?

— Ну да... Ювелиръ навѣрное купитъ.

— А за сколько прикажете отдать ихъ?

— Право, не знаю... Кажется, за нихъ заплачено триста рублей.

— Этихъ денегъ, барышня, онъ не дастъ.

— Берите, что дастъ. Мнѣ очень нужны деньги.

Дуняша догадывалась, на что нужны барышнѣ деньги. Кучеръ вчера разсказалъ ей, гдѣ была Нина, и какъ Антошка благодарилъ ее.

Ей было жаль, что барышня лишается этихъ серегъ ради какого-то пьяницы дяденьки, котораго не даромъ же генералъ не приказываетъ принимать въ домъ и который навѣрное пропьетъ деньги, и она замѣтила:

— Жаль, барышня, продавать такія чудесныя сережки... Не найдете ли вы что-нибудь другое?..

— За другое меньше дадутъ, Дуняша... Да и мнѣ нисколько не жаль... Поѣзжайте, пожалуйста, и поскорѣе вернитесь.

Черезъ часъ Дуняша привезла двѣсти рублей.

— Больше не хотѣлъ давать, барышня... Да сперва и покупать не хотѣлъ.

— Почему?

— А справился въ какой-то своей книжкѣ, да и спрашиваетъ: зачѣмъ, молъ, дочь такого важнаго генерала продаетъ свои вещи?.. Какъ бы, говоритъ, не вышло какихъ-

нибудь непріятностей. Насилу я уговорила его, что никакихъ непріятностей ему не будетъ... Папенька, молъ, знаютъ объ этомъ...

— Благодарю васъ, Дуняша, что уговорили... А теперь я васъ попрошу отвезти эти деньги къ моему бѣдному родственнику... Я сейчасъ напишу только письмо.

И, присѣвъ къ столику, Нина написала дядѣ небольшое, необыкновенно ласковое и деликатное письмо, въ которомъ просила принять отъ любящей племянницы деньги и переѣхать въ лучшее помѣщеніе, сдѣлать себѣ все необходимое и непремѣнно теплое пальто. „А то вы опять простудитесь и заболѣете, дорогой дядя“, прибавила она и кончила просьбой непремѣнно сообщить новый адресъ, какъ только здоровье дяди позволитъ ему переѣхать на другую квартиру.

— Передайте Дуняша этотъ конвертъ въ руки моему дядѣ и кланяйтесь отъ меня...

— Слушаю, барышня...

— И объ этомъ никому не говорите, Дуняша.

— Будьте покойны, добрая барышня... То-то вашъ дяденька обрадуется такимъ большимъ деньгамъ...

— Да, для него это большія деньги теперь... А мое бальное платье триста рублей стоило. На чтò оно мнѣ, Дуняша? А на эти деньги можно было бы избавить человѣка отъ нищеты! — неожиданно прибавила Нина въ какомъ-то раздумьи.

— Какъ на что, барышня? Вовсе даже необходимо по вашему положенію!—запротестовала Дуняша, совсѣмъ не раздѣляя, повидимому, такого страннаго мнѣнія барышни.—Вамъ ежели и въ тысячу рублей платье, такъ очень даже хорошо...

— Вы думаете, что хорошо?—улыбнулась Нина.

— А то какъ же... Вы такого важнаго генерала дочь...

— И въ этомъ все мое право!—какъ будто отвѣчала на какія-то свои мысли молодая дѣвушка и прибавила:—Поѣзжайте, Дуняша, и скорѣе возвращайтесь!

XXVI.

Эти двѣсти рублей, присланные Ниной, теперь казались „графу“, когда-то швырявшему тысячами, цѣлымъ состояніемъ.

И онъ глядѣлъ на двѣ толстыя пачки бумажекъ, лежавшихъ на его кривоногомъ столикѣ, и словно бы не вѣрилъ своимъ глазамъ, что такое богатство въ полномъ его распоряженіи. Онъ словно бы сомнѣвался, что послѣ долгихъ лѣтъ нищенства, благодаря обѣщаннымъ тридцати пяти рублямъ въ мѣсяцъ, онъ можетъ не шататься по вечерамъ на улицахъ, останавливая прохожихъ на разныхъ діалектахъ и придумывая болѣе или менѣе остроумныя словечки, чтобъ получить какую-нибудь монетку, и можетъ не писать больше писемъ къ разнымъ родственникамъ и бывшимъ знакомымъ. Какъ ни привыкъ онъ къ этой жизни, съ какимъ цинизмомъ нищеты ни эксплоатировалъ онъ близкихъ, а все же эта жизнь была отвратительна.

А теперь вотъ еще эти деньги!

Вѣдь онъ можетъ разстаться со своимъ нищенскимъ тряпьемъ, внушавшемъ ему самому отвращеніе, и одѣться прилично, не вызывая на улицѣ подозрительныхъ взглядовъ, можетъ завести бѣлье, переѣхать въ болѣе чистую и свѣтлую комнату и зажить съ Антошкой хорошо и уютно. У нихъ будутъ кровати съ хорошими тюфяками, крѣпкіе сапоги... Они будутъ каждый день обѣдать... Антошка станетъ ходить въ школу...

Это сознаніе неожиданнаго благополучія приводило „графа" въ радостно-счастливое настроеніе, наполняя его сердце чувствомъ горячей благодарности къ виновницѣ такой рѣзкой перемѣны въ его жизни.

Ожидалъ ли онъ, что, на склонѣ его жизни, судьба смилуется надъ нимъ такъ великодушно и такъ таровато? Онъ проведетъ послѣдніе годы не нищимъ оборванцемъ и не одинъ, какъ перстъ, а съ этимъ славнымъ и добрымъ мальчикомъ, который заставилъ его вновь полюбить жизнь.

И „графъ" проговорилъ, обращаясь къ Антошкѣ, который тоже очарованными глазами глядѣлъ на такое количество денегъ.

— А вѣдь все это точно въ сказкѣ, Антошка!

— Въ какой сказкѣ, графъ?—переспросилъ Антошка, не понимая, что хочетъ сказать „графъ".

— Не называй ты меня графомъ, братецъ. Теперь ужъ я, слава Богу, не графъ, а опять Александръ Ивановичъ Опольевъ!

— Слушаю, Александръ Иванычъ!—проговорилъ сконфуженно Антошка и словно бы и самъ понялъ, что теперь не слѣдуетъ называть Опольева нищенскимъ прозвищемъ „графа“.

— Ты знаешь, что такое сказка?

— Небылица, значитъ.

— Ну такъ вотъ, въ сказкахъ обыкновенно случается такъ, что нищій вдругъ оказывается принцемъ, а дуракъ—умнымъ...

— Зачѣмъ же это?

— А затѣмъ, мой мальчикъ, чтобы утѣшать нищихъ и дураковъ... Въ дѣйствительности же такія превращенія бываютъ очень рѣдки... А вотъ съ нами это случилось... И, если по правдѣ говорить, то такъ же нелѣпо, какъ и въ сказкѣ... Слѣдовало бы, по настоящему, мнѣ остаться такимъ же нищимъ, какимъ я былъ, и выходить на работу вотъ въ этомъ самомъ пальтишкѣ и... вдругъ...

„Графъ“, вмѣсто окончанія фразы, взялъ своей исхудавшей рукой одну изъ пачекъ и потрясъ ее въ воздухѣ...

— Не правда ли, Антошка, удивительно, что мы съ тобою вдругъ сдѣлались принцами?—прибавилъ „графъ“.

Но Антошка, въ качествѣ большого почитателя „графа“, горячо протестовалъ и находилъ, что такъ и слѣдовало быть. Нельзя же, чтобы такой человѣкъ безвинно терпѣлъ... Еще если бы какой-нибудь простой, а то настоящій господинъ, у котораго такіе важные и богатые сродственники.

— Положимъ, не безвинно, Антошка, помни это разъ навсегда... Не въ этомъ, впрочемъ, дѣло, а въ томъ, что богатые и важные „сродственники“, какъ ты выражаешься, совершенно спокойно оставили бы меня умереть нищимъ, считая—и не безъ нѣкотораго основанія,—что я пропавшій человѣкъ, а такому человѣку помочь не слѣдуетъ, а надо его скорѣй забыть... и шабашъ И такъ бы я и околѣлъ гдѣ-нибудь на улицѣ отъ неизвѣстной причины—такъ, Антошка, въ газетахъ пишутъ, когда умираютъ нищіе—еслибъ не эта добрая дѣвушка... Она одна пожалѣла... Одна среди всѣхъ... Пожалѣла и повѣрила, что я тогда обратился къ ея отцу за помощью не для того, чтобы пропить деньги, а для того, чтобы тебя одѣть... Не будь такой дѣвушки, и не были бы мы принцами, и ходилъ бы я опять по вечерамъ на работу... просить милостыню. Понялъ?..

— Понялъ, Александръ Иванычъ...

— А что изъ этого слѣдуетъ, сообразилъ?

— Не въ домекъ что-то, Александръ Иванычъ!—добросовѣстно признался Антошка.

— А то, что надо разсчитывать только на себя самого. Мнѣ-то ужъ поздно, а ты, Антошка, не забывай этого.

— Извѣстно, самъ трудись, ежели ты бѣдный!—подтвердилъ и Антошка.

— Да, удивительно, какъ эта дѣвушка такая жалостливая у такого безжалостнаго отца и въ такой средѣ!—продолжалъ философствовать „графъ", словно бы отвѣчая на занимавшія его мысли...—Непостижимо!—прибавилъ онъ.

— Сердце, значитъ, доброе у барышни... Я такъ полагаю, Александръ Иванычъ.

— Это ты вѣрно полагаешь, но добраго сердца еще мало... Надо понимать... Вотъ, напримѣръ, Аксинья Ивановна понимаетъ, каково бѣдному человѣку, и при своемъ добромъ сердцѣ насъ съ тобою и кормила, и поила, когда я былъ боленъ... Изъ послѣднихъ крохъ отдавала... Вотъ и докторша... Она тоже знаетъ, какъ трудомъ достается кусокъ хлѣба, и... пожалѣла, братецъ, нищаго... лечила и ухаживала за мной, зная, что не получитъ ни гроша... И вино носила... Она и жалѣла, и понимала, а племянница...

— Да развѣ она не понимаетъ, что ежели нѣтъ ни одежи, ни пищи, то хоть пропадай! Всякій, кажется, понять это можетъ. Не трудная штука!

— То-то самая трудная это штука и есть!—категорически отрѣзалъ „графъ".

— Что-то чудно̀ вы говорите, Александръ Иванычъ...

— И я былъ не злой, когда богатъ былъ, а не понималъ этой штуки и никогда прежде о ней не думалъ... Дашь подъ пьяную руку пять рублей и забылъ... А гдѣ же объ этой штукѣ думать барышнѣ, для которой жизнь—точно сплошной праздникъ?.. Сегодня въ гости, завтра въ гости, по баламъ да по театрамъ... Да и не знаетъ она, что значитъ не обѣдать и какъ это есть люди, которые не обѣдаютъ.

— Ну?.. Обученая и не знаетъ?..—усомнился Антошка.

— Этому, Антошка, не вездѣ учатъ... И меня этому не учили, и, навѣрное, племянницу не учили... Если бы учили,

можетъ и я не истратилъ глупо огромнаго состоянія... Учили другому, что совсѣмъ не нужно... А вотъ она, племянница, и не училась этому, а какъ горячо приняла къ сердцу нашу бѣду, Антошка... Не то, что пожалѣла да кинула подачку— нѣтъ! И сама пріѣхала, и пенсію назначила, и деньги на обзаведеніе прислала... И не оставитъ она насъ съ тобой... Не такая... То-то и удивительно!

— И простая какая, Александръ Иванычъ... Совсѣмъ не похоже, что дочь важнаго генерала...

— Ддда... И, можетъ, еще потерпитъ она за свою доброту...

— Отъ кого?

— Отъ отца, отъ матери...

— За то, что помогла родному дядѣ?—изумился Антошка.

— Именно за это самое! — усмѣхнулся „графъ". — Ты слышалъ, какъ ея горничная призналась, что барышня серьги свои продала, чтобъ прислать мнѣ эти деньги...

— У нея, должно быть, много этихъ серегъ...

— Много, не много, а она, значитъ, сдѣлала это по секрету... Если узнаютъ родители—ей будутъ непріятности... О, милая, свѣтлая душа!—воскликнулъ графъ въ какомъ-то восторженномъ умиленіи.

— Ругать будутъ, что ли?—поинтересовался Антошка.

— Будутъ говорить, что она поступаетъ безразсудно, что помогаетъ пропойцѣ... Извѣстно, что говорятъ люди о нищихъ... А ты, Антошка,—съ неожиданною торжественностью прибавилъ „графъ", обращаясь къ мальчику, — никогда не забывай этой диковинной барышни и помни, что если мы съ тобою заживемъ хорошо, то обязаны этимъ ей... Такія барышни очень рѣдки среди тѣхъ, которыхъ ты зовешь „важными графинями и княгинями". Не забудешь?

— Никогда не забуду, Александръ Иванычъ! — съ чувствомъ проговорилъ Антошка.

— То-то... Ты у меня признательный мальчикъ... Это, братецъ, хорошая черта... Ну, а теперь зови Анисью Ивановну... Надо съ ней разсчитаться...

Добрая женщина обрадовалась отъ всей души, узнавши, какую значительную сумму прислала племянница ея жильцу, и поздравила его.

— На экипировку прислала и вообще на обзаведенье...

Комната, говоритъ, темная и маленькая... Требуетъ, чтобъ я перебрался отъ васъ, Аксинья Ивановна!—объяснялъ „графъ".

— Ужъ какая же это комната... Въ такой ли вамъ жить!..

— И въ трущобахъ жилъ, Аксинья Ивановна, всего бывало... Но только я долженъ вамъ сказать, что мнѣ очень грустно разстаться съ вами, Анисья Ивановна... Я испыталъ на себѣ, какая вы добрая женщина... Знаю, кто содержалъ меня во время болѣзни и, повѣрьте, никогда этогоне забуду...

— Ну, что вы, что вы, батюшка, Александръ Иванычъ!—говорила смущенная хозяйка... Отчего и не подѣлиться, чѣмъ можешь... У всякаго человѣка бываетъ нужда...

— Да только не всякій дѣлится... Ну, не будемъ объ этомъ говорить... Сколько я вамъ долженъ?

— Восемь рублей, Александръ Иванычъ, да за комнату пять, всего тринадцать рублей.

— Только-то?.. Ужъ что-то слишкомъ мало?

— Да за что же я съ васъ буду брать лишнее?.. Вотъ и счетъ на восемь рублей, что во время болѣзни трачено... Чужого я не хочу... Я, слава Богу, крещеная...

— Видно, очень добрый попъ васъ крестилъ, Анисья Ивановна,—усмѣхнулся Опольевъ.—Вотъ извольте получить ваши тринадцать рублей...

— Да вы счетецъ-то просмотрите.

— Вашъ счетецъ и просматривать не надо, — сказалъ „графъ", разрывая счетъ съ небрежностью джентльмена, и прибавилъ: — А какъ я поправлюсь и стану выходить, то позволю доставить себѣ удовольствіе, Аксинья Ивановна, поднести вамъ маленькій подарочекъ въ знакъ глубокой моей благодарности...

Анисья Ивановна, совсѣмъ тронутая и обѣщаніемъ подарка, и такою деликатною формою выраженія, начала, было, протестовать, но Опольевъ остановилъ ее словами:

— Надѣюсь, вы не захотите обидѣть меня отказомъ, Аксинья Ивановна?

— Помилуйте, Александръ Иванычъ... Я простая женщина, а вы...

— А я... нищій баринъ, котораго вы пожалѣли!—перебилъ „графъ".—Ну и объ этомъ не станемъ больше разго-

варивать, а перейдемъ къ слѣдующему вопросу: Надѣюсь, вы не откажетесь стирать мнѣ бѣлье, когда я его заведу?

— Съ большимъ удовольствіемъ, Александръ Иванычъ!

— Но дѣло въ томъ, что я думаю поселиться на Васильевскомъ островѣ... тамъ, знаете ли, и уединеннѣе, и воздухъ лучше... Особенно лѣтомъ... И сады... и Петровскій паркъ близко,—говорилъ „графъ", намѣтившій эту мѣстность вовсе не потому, что тамъ „воздухъ лучше", а, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что эта часть города никогда не бывала цѣлью его вечернихъ экскурсій и тамъ не могли узнать въ немъ прежняго нищаго.—Такъ не далеко ли вамъ будетъ ходить за бѣльемъ?..

— Совсѣмъ не далеко... И у меня есть на острову одинъ давалецъ...

— Ну, значитъ, и отлично... И я всегда буду радъ видѣть васъ и попотчивать васъ, чѣмъ могу.

— А вы когда думаете перебираться, Александръ Иванычъ?

— А вотъ какъ силъ прибавится...

— То-то, вамъ надо поберечься. Долго-ли опять простудиться.

— И докторша запретила рано выходить... Ну да теперь у меня будетъ теплое пальто!—проговорилъ „графъ" съ радостной, почти ребячьей, улыбкой. — Черезъ недѣльку я и выйду.

XXVII.

„Графъ" быстро оправлялся отъ болѣзни къ радости Антошки, замѣчавшаго, что Александръ Ивановичъ не такой ужъ худой, какимъ былъ послѣ болѣзни. И ѣлъ онъ хорошо, и спалъ крѣпко, былъ въ веселомъ настроеніи духа и ждалъ съ нетерпѣніемъ яснаго дня, чтобъ отправиться за покупками.

Докторша, совсѣмъ неожиданно навѣстившая Опольева подъ деликатно сочиненнымъ предлогомъ, что была у больного въ этомъ же домѣ, осмотрѣла его и нашла, что онъ совсѣмъ молодцомъ.

— Только вамъ беречься нужно... Не простудиться опять...

— Не простужусь... Теперь я буду тепло одѣтъ и мнѣ не придется проводить время на улицахъ, рискуя новымъ воспаленіемъ легкихъ...

— Дѣла ваши, значитъ, поправились?—осторожно спросила докторша.

— Добрая фея явилась ко мнѣ, какъ это ни странно въ нынѣшнія времена, когда никто не вѣритъ въ фей, такъ онѣ рѣдки, эти добрыя феи. И однако нашлась одна въ лицѣ моей племянницы... дочери извѣстнаго Опольева... Вы вѣрно слышали эту фамилію?.. Ну, разумѣется.

И Опольевъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи подробно разсказать докторшѣ о своей племянницѣ и превознести до небесъ ея доброту и участіе.

— А отецъ меня давно приказалъ не пускать на порогъ. Замѣтьте это!—прибавилъ онъ, усмѣхаясь.—Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, принять нищаго... въ такомъ великолѣпномъ домѣ, какъ у него!..

— Какая чудная дѣвушка! И какъ я рада за васъ!—горячо воскликнула докторша.

— Спасибо... Оттого-то я и позволилъ отнять у васъ пять минутъ времени, что на себѣ испыталъ ваше участіе и доброту. Я зналъ, что вы порадуетесь о томъ, что и въ той средѣ, гдѣ только думаютъ о себѣ, являются такія чистыя души, какъ эта дѣвушка... Только выдержитъ ли она?.. Не заклюютъ ли ее?

— Однако вы скептикъ...

— Жизнь не пріучила къ восторгамъ.

— Но теперь, вы, конечно, не такъ уже мрачно смотрите на тотъ кругъ, къ которому принадлежали?—спрашивала докторша, заинтересованная этимъ страннымъ человѣкомъ.

— Отчего же теперь?.. Оттого, что *я* не буду нищенствовать—вы вѣдь знаете, конечно, мою бывшую профессію? Но вѣдь тысячи отверженцевъ, заслуживающихъ еще большаго участія, чѣмъ вашъ покорный слуга, по прежнему не возбудятъ ни малѣйшаго участія въ тѣхъ людяхъ, которые могли бы помочь имъ... Исключеніе — не правило. Одна ласточка весны не дѣлаетъ...

„Графъ“ вспомнилъ все то, что онъ видѣлъ и чему научился во время своей скитальческой жизни, и довольный, что можетъ высказаться и излить свою душу передъ человѣкомъ, который его пойметъ, продолжалъ, указывая на Антошку:

— Если вотъ этотъ мальчикъ, благодаря случаю, быть можетъ, спасенъ отъ нищеты, тюрьмы и преступленія, то развѣ мало гибнетъ такихъ же несчастныхъ, обреченныхъ на все это... О, добрая госпожа-докторша, я насмотрѣлся на этихъ жертвъ... Да и вы должны ихъ знать... А они, эти господа, отдѣлываются грошовой филантропіей да пріютами и больше для удовлетворенія тщеславія... Да... какъ вамъ ни покажется страннымъ, а я, отставной штабсъ-ротмистръ Опольевъ терпѣть не могу то самое общество, которое само меня погубило и первое же отшатнулось отъ меня... И если бы мнѣ сказали: живи между ними опять, я не пойду... Чортъ съ ними!.. Однако, извините, госпожа докторша, я рѣшительно дѣлаюсь болтуномъ, пользуясь вашей снисходительностью,— оборвалъ Опольевъ.

И хотя докторша и говорила, что у нея есть время и что ей очень пріятно поговорить, но Опольевъ замолкъ.

Прощаясь, докторша снова повторила, что надо беречься.

— И не одной простуды!—значительно прибавила она.

— А чего же еще?

— Всякихъ излишествъ. Напримѣръ, пить вамъ безусловно нельзя...

— Я съ этимъ покончилъ!—промолвилъ графъ.

— И отлично...

— А мнѣ можно выходить?

— Только не сегодня, а когда будетъ лучше день... Прощайте... Отъ души желаю вамъ всего хорошаго...

— Прощайте... Спасибо вамъ за все, за все...

— Прощайте, Антоша.

Когда докторша ушла, Антошка проговорилъ:

— Вотъ и жидовка, а какая хорошая!..

— А ты думаешь, что жиды должны быть не хорошіе?..

— А то какъ же? Извѣстно, жиды... Всѣ ихъ ругаютъ.

— Между всѣми людьми есть, братъ, и хорошіе, и дурные люди... А если жидовъ всѣ ругаютъ, то изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Люди часто бываютъ несправедливы и злы... Вотъ и меня всѣ ругаютъ, а развѣ я ужъ такой дурной?

— Что вы, Александръ Иванычъ...

— Ну, вотъ, видишь ли. И знаешь еще что, Антошка?

Ты всегда своимъ умомъ смекай, а не повторяй того, что говорятъ другіе!

На слѣдующій день погода выдалась хорошая. Стояло ясное морозное утро и послѣ чая „графъ“ съ Антошкой отправились за покупками.

— Вы насъ не ждите къ обѣду, Аксинья Ивановна. Мы сегодня съ Антошкой кутить будемъ! — весело проговорилъ „графъ“.

Они сѣли въ сани и скоро доѣхали до Маріинской линіи, гдѣ Опольевъ разсчитывалъ купить теплое пальто. Оно было тотчасъ же куплено, это давно желанное пальто на какомъ-то мѣху, съ барашковымъ воротникомъ. Оно имѣло вполнѣ приличный видъ и грѣло отлично. Выйдя изъ лавки въ пальто и барашковой шапкѣ, „графъ“ не смотря на морозъ, чувствовалъ пріятную теплоту и испытывалъ счастливое состояніе удовлетворенности. Послѣ пятнадцати лѣтъ у него, наконецъ, теплая одежда! Онъ радовался, какъ ребенокъ, и весело говорилъ Антошкѣ:

— Да, братъ... Славная это штука мѣховое пальто...

— Прекрасное у васъ пальто, Александръ Иванычъ.

— Ты находишь?

— Очень даже нахожу.

— И я нахожу, что недурное и грѣетъ отлично.

Вслѣдъ затѣмъ были куплены и надѣты новая пара платья, сапоги и теплыя калоши и перчатки. Теперь „графъ“ былъ рѣшительно неузнаваемъ и глядѣлъ совсѣмъ бариномъ. И походка у него стала будто тверже и увѣреннѣе, и станъ выпрямился... Антошка только глядѣлъ и восхищался.

— И какой же вы важный теперь стали, Александръ Иванычъ!—говорилъ Антошка.

Они зашли въ парикмахерскую. „Графъ“ велѣлъ подстричь себѣ волосы и бороду и вышелъ оттуда значительно помолодѣвшимъ.

— Ну теперь пойдемъ завтракать, Антошка...

Они зашли въ ресторанъ. Лакеи предупредительно спрашивали „графа“, что онъ прикажетъ.

— Видишь, Антошка, что значитъ платье,—усмѣхнулся „графъ“, заказавъ завтракъ,—зайди я въ прежнемъ платьѣ, такъ, пожалуй, и не пустили бы, а теперь... юлятъ, подлецы...

„Графъ“ выпилъ рюмку водки, потомъ другую и хотѣлъ, было, выпить третью, какъ Антошка робко замѣтилъ:

— Не вредно ли вамъ будетъ, Александръ Иванычъ?

„Графъ“ нѣсколько смутился и сказалъ:

— Ты правъ, Антошка... Спасибо... И впредь останавливай меня... Лучше спросимъ полъ-бутылки краснаго вина... Это будетъ полезно... И ты можешь выпить немного... Человѣкъ! Полъ-бутылки бордо... Да подогрѣйте, пожалуйста!— обратился „графъ“ къ лакею.

Заигралъ органъ, и Антошка пришелъ окончательно въ восхищеніе и отъ вкуснаго завтрака, и отъ полустакана вина, и отъ музыки, и оттого, что его покровитель такой представительный въ своемъ новомъ платьѣ, такой веселый и довольный...

Послѣ завтрака они отправились снова въ лавки и вернулись домой только въ четвертомъ часу съ огромной корзиной, полной всякаго добра. А дома уже принесены были двѣ желѣзныя кровати съ мягкими матрацами.

— Ну вотъ и мы!—весело говорилъ „графъ“ встрѣтившей ихъ Аксиньѣ Ивановнѣ.

— Съ покупками, Александръ Иванычъ! И какой же вы, можно сказать, нарядный, Александръ Иванычъ!—воскликнула хозяйка, когда разглядѣла при свѣтѣ лампы костюмъ Опольева.

Теперь эта комнатка показалась Опольеву еще мрачнѣе и тѣснѣе.

— А вотъ и вамъ позвольте поднести, Аксинья Ивановна!—проговорилъ „графъ“, подавая квартирной хозяйкѣ штучку шерстяной матеріи.

— Ахъ, что вы! Зачѣмъ такое дорогое!—говорила тронутая подаркомъ Аксинья Ивановна, разсыпаясь въ благодарностяхъ.

— Полноте, Аксинья Ивановна... И шелковое купилъ бы, еслибъ могъ... Да вотъ бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ... Ну-съ, обмундировались мы вполнѣ съ Антошкой... И платья, и бѣлья всего накупили... Не угодно ли взглянуть, хорошо ли бѣлье... Вы толкъ въ бѣльѣ понимаете?

Открыли корзину, и Аксинья Ивановна одобрила бѣлье... Все было очень хорошо, и всего было довольно для обоихъ.

— Что, много вы истратили денегъ-то?—полюбопытствовала Аксинья Ивановна...

— Сто съ чѣмъ-то... Еще на запасъ осталось... Кое-что еще надо купить... Тамъ видно будетъ на новой квартирѣ... Ну, а теперь самоварчикъ, да пожалуйте къ намъ чай пить, Аксинья Ивановна...

На слѣдующее утро, въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова была пріискана свѣтлая, довольно приличная комната отъ жильцовъ, вдовы старухи чиновницы съ дочерью и съ сыномъ технологомъ-студентомъ, и въ тотъ же день, послѣ горячаго прощанія съ Аксиньей Ивановной, прежніе ея жильцы отправились на новую квартиру...

Когда они ѣхали по Васильевскому острову, Антошка вдругъ дернулъ „графа“ за рукавъ, указывая на вереницу дѣвочекъ, которыя выходили попарно изъ подъѣзда.

— Александръ Иванычъ! Анютка!—радостно воскликнулъ Антошка.—Какъ она попала сюда?.. Что это за дѣвочки?

— Онѣ въ пріютѣ, куда и тебя хотѣла помѣстить княгиня.

— А Анютку можно увидать... Можно къ ней придти?

— Я думаю, можно... Мы навѣстимъ ее...

— То-то... Каково-то живется Анюткѣ?..

— А вотъ разспросимъ... И снесемъ ей чего-нибудь...

— Это хорошо... А то кормятъ поди не очень!—замѣтилъ Антошка, питавшій къ пріютамъ, благодаря княгинѣ, сильную ненависть.

Къ вечеру жильцы устроились на новой квартирѣ и рано легли спать. Эти мягкіе матрацы, чистое бѣлье, теплыя новыя одѣяла, этотъ уютъ и теплота комнаты —все это казалось прежнимъ горемыкамъ чѣмъ-то необыкновенно хорошимъ и пріятнымъ, какимъ-то земнымъ раемъ.

Оба они заснули съ радостными мыслями о предстоящей имъ новой жизни.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Воспоминанія г. Мертваго «Не по торному пути». — Чего искали лѣтъ пятнадцать назадъ и чего ищутъ теперь.—Французскій «пролетарій» и русскій общинникъ.—«Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи» Л. Келльнера.—Какъ понимаютъ значеніе учителя въ Германіи и у насъ. — «Историческое Обозрѣніе» т. восьмой.—Благородное соревнованіе.—Новыя программы для самообразованія.—Нѣкоторыя ихъ особенности и общая односторонность.

Когда люди старѣются, они пишутъ воспоминанія, въ которыхъ съ перваго слова заявляютъ, что прежде было все лучше. И солнце свѣтило тогда ярче, и люди были добрѣе, умнѣе, великодушнѣе, а, главное, жилось веселѣе, бодрѣе и легче. Отдалъ дань этой общечеловѣческой слабости и г. Мертваго въ своихъ, вообще, очень интересныхъ воспоминаніяхъ — «Не по торному пути», посвященныхъ его блужденіямъ по свѣту, въ поискахъ за лучшимъ разрѣшеніемъ хозяйственныхъ вопросовъ. «Пятнадцать лѣтъ тому назадъ,—говоритъ онъ,—въ Россіи были еще всякіе вопросы, которые мучили, волновали; эти вопросы заставляли искать отвѣта и не нашли еще тогда себѣ разрѣшенія въ игрѣ въ винтъ и кутежахъ. «Было время, а теперь другое», говоритъ поговорка. У всякаго былъ свой вопросъ, всякій искалъ своего raison d'être и всякій разрѣшалъ его по своему». Въ его словахъ есть доля правды. Положимъ, и теперь всякихъ вопросовъ хоть отбавляй, но правъ авторъ, что теперь мы равнодушнѣе къ нимъ и не очень утруждаемъ себя исканіемъ отвѣтовъ, предпочитая плыть по теченію, которое куда-нибудь да вынесетъ...

Г-на Мертваго волновали и интересовали вопросы сельскохозяйственные. Тогда всѣхъ привлекали статьи покойнаго Энгельгардта, для многихъ явившіяся своего рода откровеніемъ. Перечитывая ихъ теперь, намъ уже трудно понять, что такъ увлекало читателей 70-хъ годовъ, которымъ эти статьи словно открывали новый міръ, куда, по обычаю русскихъ людей, немедленно началось паломничество. Въ Батищево, имѣніе Энгельгарда, одни шли съ вѣрою обрѣсти «спасеніе души», какъ, спустя нѣсколько

лѣтъ, другіе шли съ тою же цѣлью въ Ясную Поляну. Иные имѣли въ виду болѣе простыя и практическія задачи: они хотѣли поучиться, какъ вести хозяйство въ деревнѣ, откуда до сихъ поръ всѣ бѣжали, кромѣ кулака. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и г. Мертваго, рисующій нѣсколько любопытныхъ очерковъ изъ своего пребыванія въ Батищевѣ. Но насъ интересуютъ не они, а тѣ «тонконогіе»,—какъ ихъ прозвали крестьяне,—которые въ земледѣльческой химіи видѣли средство для «спасенія души», а въ фосфоритѣ—рычагъ, съ помощью котораго они намѣревались вознести русскую деревню на небывалую высоту.

Подумаешь, съ какой простотой разрѣшались тогда вопросы. Но эта простота характерна не только для тогдашняго времени. Черезъ всю краткую исторію русской интеллигенціи проходитъ красною нитью общая черта «тонконогихъ»—необыкновенное легкомысліе, съ которымъ мы хватаемся за всякія средства для спасенія души. Начиная съ діалектики Гегеля, въ которой еще Бѣлинскій видѣлъ одну изъ панацей (положимъ, быстро отъ нея отказавшійся), и до самоновѣйшаго видоизмѣненія ея — «марксизма»,—мы твердо уповаемъ, что можемъ изыскать средство, которое насъ «спасетъ». То и дѣло проявляются пророки, благодѣтельствующіе грѣшнаго обывателя новымъ средствомъ, и немедленно являются послѣдователи, съ восторгомъ хватающіе «новое слово», какъ принято у насъ называть открытія, до которыхъ русскій человѣкъ «своимъ умомъ дошелъ». Иногда это бываетъ трогательно, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ — смѣшно, обнаруживая въ насъ отсутствіе того, что европейцы называютъ «убѣжденіями». Это тоже отличительная наша черта, — полная свобода отъ всякихъ убѣжденій, хотя и нѣтъ въ мірѣ другого общества, въ которомъ такъ горячо и много говорили бы насчетъ убѣжденій, какъ въ нашемъ.

Отчего это зависитъ? Причины такого печальнаго явленія, этой неустойчивости русской «души», скрыты глубоко въ условіяхъ нашего общественнаго быта и, прежде всего, въ слабости нашей культуры. Европеецъ, появляясь на свѣтъ божій, уже несетъ въ себѣ зародышъ тѣхъ прочно-сложившихся взглядовъ и убѣжденій, которыя его дѣды и отцы завоевали въ свое время, выносили въ себѣ и кровью заплатили за нихъ. Въ путешествіяхъ нашихъ туристовъ часто встрѣчаются насмѣшки надъ нѣкоторыми особенностями европейцевъ. Больше всего достается англичанамъ, которые нигдѣ не измѣняютъ своимъ привычкамъ. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ, откуда и проистекаетъ наша чрезвычайная воспріимчивость и неустойчивость. «Общій характеръ націй,—замѣчаетъ г. Мерт-

ваго, — опредѣляется не возможностью извѣстнаго направленія, но уже сложившимся направленіемъ въ данный историческій моментъ. Теперь пока мы еще можемъ называть себя націей *чиновничьей— служебной»*. А взгляды, тѣмъ болѣе убѣжденія, вовсе не нужны чиновничьей средѣ, которая обязана выполнять и слѣдовать предписаніямъ начальства. То же самое происходитъ и въ интеллигенціи, гдѣ роль начальства сегодня изображаетъ Энгельгардтъ, завтра Толстой, послѣ завтра Марксъ. Каждому изъ нихъ русскій интеллигентъ воздаетъ слѣдуемое, и такъ какъ, въ сущности, къ ихъ «предписаніямъ» онъ относится также легко, какъ легко увлекается ими, то въ концѣ концовъ онъ оказывается въ той или иной канцеляріи, гдѣ вчерашній «марксистъ» или «народникъ» съ усердіемъ выводитъ отношенія и подшиваетъ «входящія» и «исходящія»...

Г. Мертваго, послѣ своихъ батищевскихъ опытовъ — изображать работника изъ «тонконогихъ», направился въ Европу и, между прочимъ, въ Парижъ, гдѣ поступилъ въ работники къ огороднику. Чему и какъ онъ тамъ учился,—интересующихся отсылаемъ къ его книгѣ, вполнѣ заслуживающей такого вниманія. Для насъ здѣсь любопытнѣе всего его сравненія тѣхъ условій, въ которыхъ живетъ европейскій «пролетарій» и нашъ русскій общинникъ. Каждому изъ нашихъ читателей хорошо извѣстно, сколько безкорыстныхъ слёзъ пролила русская литература надъ этимъ несчастнымъ «пролетаріемъ», и какъ въ примѣръ ему и поученіе воспѣвала она нашего «общинника». Побывавъ въ роли того и другого, г. Мертваго является довольно компетентнымъ судьей и въ вопросѣ, кому изъ нихъ живется лучше. Когда онъ заявилъ Энгельгардту о своемъ желаніи учиться у него, тотъ прислалъ свои условія, изъ которыхъ выписываемъ слѣдующія: «2) Помѣщаются и харчуются (желающіе работать) вмѣстѣ со всѣми рабочими. Помѣщеніе — *сарай* и изба. Харчи — *черный* хлѣбъ, *щи* со свинымъ саломъ, крупникъ или каша. Въ постные дни сало замѣняется конопляным маслом. По праздникамъ *сотка водки*. 3) Жалованье получаютъ полное или половинное, или ничего, смотря по работѣ. *Полное жалованіе іюль, августъ—6 р., сентябрь—5 р., остальные мѣсяцы по 3 р.*».

Въ письмѣ къ Мертваго Энгельгардтъ пишетъ, что будетъ говорить «ты», ибо «назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ». Это «ты» чрезвычайно характерно для насъ.

Г. Мертваго говоритъ дальше, что эти условія были лучшими для рабочихъ всей мѣстности, гдѣ находится Батищево, и крестьяне шли къ Энгельгардту особенно охотно, такъ какъ «харчъ

былъ вполнѣ удовлетворительный». Самъ онъ, впрочемъ, какъ и другіе «тонконогіе», не могъ его ѣсть, и пропитывался молокомъ. Если любознательные читатели заглянутъ въ земскіе сборники по текущей статистикѣ, они увидятъ, что условія Энгельгардта, приблизительно, среднія для всей Россіи: вездѣ почти жалованье на хозяйскихъ харчахъ колеблется около 60 р. въ годъ, лѣтомъ около 6—8 р., зимой около 3—4. Рабочими являются вездѣ крестьяне-общинники, и если охотно идутъ на такія условія, значитъ находятъ ихъ для себя выгодными, ибо ничего лучшаго не имѣютъ. Если бы «общинныя условія» жизни были лучше, это повлекло бы за собой, какъ необходимое послѣдствіе, и повышеніе заработной платы, и улучшеніе содержанія. Связь между тѣми и другими условіями столь ясна, что нѣтъ надобности на ней дольше останавливаться.

Затѣмъ, спустя два годя, г. Мертваго работалъ у хозяина-огородника въ Парижѣ. Жалованье «полнаго работника» на хозяйскомъ содержаніи составляло въ его время 60—65 франковъ въ мѣсяцъ, что по курсу 1882 г. равнялось 25—30 р. А условія содержанія были слѣдующія. Онъ и другой работникъ Поль помѣщались въ особой комнатѣ; «въ ней стояло 2 кровати съ мягкими шерстяными тюфяками; подушка и постельное бѣлье были также отъ хозяевъ». Какъ это напоминаетъ «сарай», гдѣ помѣщались работники Энгельгардта! Работа начиналась въ четыре часа утра, но «прежде чѣмъ идти на работу полагалось выпить полъ-чайнаго стакана коньяку («по праздникамъ сотка водки!») и закусить его хлѣбомъ—это называлось «prendre la goutte» (капельку пропустить)». Въ 7 часовъ возвращался другой работникъ съ поля, гдѣ онъ бралъ навозъ для огорода, «и мы, прежде чѣмъ разгружать возъ, принимались втроемъ (съ хозяиномъ) «casser la croute», т.-е. закусывать хлѣбомъ, сыромъ бри съ холодными остатками ужина, запивая ѣду стаканомъ краснаго вина» («по праздникамъ сотка водки!»). Работа, затѣмъ, продолжалась до 11 часовъ, когда наступало время *завтрака*. «Подавалось одно кушанье—какое-нибудь жареное съ соусомъ изъ овощей и, по обыкновенію, сыръ и вино («по праздникамъ сотка водки!»). Послѣ завтрака всѣ ложились спать, причемъ на ѣду и отдыхъ полагалось 2 часа, послѣ которыхъ мы принимались за прерванныя работы и продолжали ихъ до 4 часовъ, когда приходило время обѣда, состоявшаго изъ *мясного супа*, *овощей* (артишоки, цвѣтная капуста и т. п.), *мяса* (обыкновенно изъ супа, а иногда, если супъ былъ съ саломъ, то жаренаго мяса), *салата*, если во время ягодъ—земляника, или малина *съ краснымъ виномъ* («по праздникамъ сотка

водки!») и кофе. Такимъ образомъ, обѣдъ состоялъ всегда изъ 4 блюдъ и кофе». Послѣ обѣда отдыха не было, въ виду особаго характера работы, которая и продолжалась до 10 часовъ вечера, когда «всѣ садятся *ужинать* и расходятся спать». Итого, пять разъ въ день ѣда, и притомъ, такая, о которой не можетъ мечтать даже «властитель русскихъ думъ»—чиновникъ, хотя на его долю и приходится 13% изъ нашего милліарднаго бюджета.

Положимъ, такія условія работы не могутъ быть разсматриваемы, какъ общія для всей Франціи. Близость Парижа не можетъ не оказывать вліянія, о чемъ говоритъ и г. Мертваго. Но несомнѣнно, что «пролетарій», узнавъ объ условіяхъ «общинника», врядъ ли пожелалъ бы помѣняться съ нимъ, какъ бы ему ни захваливали эту пресловутую общину. Тѣмъ болѣе, что и у себя на родинѣ онъ имѣетъ общину. «Вѣдь и здѣсь,—говоритъ г. Мертваго,—деревня называется «la commune», т. е. община, и, благодаря этому, здѣсь мостовыя, шоссе, общественныя школы,—и люди не тратятъ времени безполезно на печеніе хлѣба *каждый для себя*, на заготовленіе запасовъ *каждый для себя*, а дѣлаютъ все это люди, которые спеціально этимъ занимаются. У насъ община стѣсняетъ способности человѣка (не стѣсняя, впрочемъ, кулака, который въ общинѣ чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ): она приравниваетъ его къ одной сенькиной шапкѣ; здѣсь община помогаетъ ему легче жить, но ни въ чемъ не останавливаетъ хозяина въ его задачѣ».

Когда у насъ говорятъ объ «общинѣ», выставляя ее какъ бы въ укоръ Западу, у котораго одинъ «пролетаріатъ»,—обыкновенно упускаютъ изъ виду, что на Западѣ *общественныя* стороны «общины» несравненно сильнѣе и лучше развиты, чѣмъ у насъ. Европеецъ, отбросивъ всѣ стороны общины, стѣснявшія его личность, сохранилъ и развилъ до недосягаемаго совершенства всѣ остальныя. Въ противоположность европейской общинѣ, которую личность подчинила себѣ, можно указать на китайскую общину, которая цѣликомъ подавила личность. Есть чрезвычайно поучительная книга Пирсона, англійскаго консула въ Шанхаѣ, въ которой онъ описываетъ могучее развитіе общины въ Китаѣ. Здѣсь община является всѣмъ: для китайца она служитъ альфой и омегой его существованія. Каждый китаецъ, обращаясь къ общинѣ, могъ бы повторить слова Андромахи къ Гектору: «ты мнѣ теперь—и отецъ, и любезная матерь, ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный». Внѣ общины китаецъ немыслимъ. Она подавила въ немъ волю, желанія, умъ и безпощадно наказуетъ малѣйшее отступленіе отъ освященныхъ тысячелѣтіями традицій. Пир-

сонъ приводитъ поразительные факты власти общины надъ китайцемъ, который, куда бы ни бросила его судьба, несетъ съ собою и общину, что даетъ ему въ борьбѣ за существованіе среди другихъ народностей необычайную стойкость. По словамъ Пирсона, китайцы медленно, но неуклонно завоевываютъ Малайскій архипелагъ, вытѣсняя малайскую расу, и завоевали бы Америку, если бы не во время принятыя энергичныя мѣры, воспретившія китайскую иммиграцію. Но въ общинѣ лежитъ и китайская слабость. За предѣлами ея для китайца кончается міръ, и понятія о государствѣ, въ нашемъ смыслѣ, онъ не имѣетъ. Этимъ объясняется легкость, съ которой манчжуры завоевали и управляютъ Китаемъ, хотя ихъ неизмѣримо меньше. Этимъ же объясняются и результаты японско-китайскаго столкновенія. Китайской націи нѣтъ, а есть китайская раса, которая охотно подчиняется кому угодно, только бы не мѣшали ей размножаться; китаецъ—не гражданинъ своего отечества, а членъ своей общины, подобно микробу, который является членомъ расплодившейся въ благопріятныхъ условіяхъ микробной общины.

Русская община занимаетъ какъ бы середину между указанными двумя полюсами, повидимому, все больше и больше склоняясь къ европейскому образцу. Съ паденіемъ крѣпостнаго права, бывшаго главнымъ оплотомъ нашей общины, она быстро пошла по той дорогѣ, по которой шла нѣкогда и европейская община, превратившаяся въ современную «la commune». Г. Мертваго, возвратившись изъ-заграничнаго странствованія, разсказываетъо впечатлѣніи, какое произвела на него русская деревня.

«Когда я смотрѣлъ на заграничныя поля, они меня не радовали—я видѣлъ за ними безземельнаго кнехта, и мнѣ поэтому привлекательнѣе рисовались наши поля, созданныя положеніемъ 19 февраля. Теперь я былъ въ центрѣ Россіи, въ хозяйствѣ «свободнаго», работающаго на себя крестьянина, и былъ пораженъ этой необходимостью бѣжать ему отъ своей земли въ городъ на заработки. Это бѣгство необходимо, такъ какъ населеніе не можетъ прокормиться, такъ какъ въ его надѣлѣ нѣтъ выгона, нѣтъ покоса, нѣтъ лѣса и вдобавокъ оно прикрѣплено къ этому надѣлу, какъ къ позорному столбу; оно не можетъ оставить его, убѣжать куда-нибудь на сѣверъ или въ Сибирь, или въ степь, на свободныя земли, какъ дѣлали въ старину, гдѣ бы оно могло приложить свой трудъ, создать вдвое, втрое цѣнностей на пользу своего отечества...»

Въ послѣднемъ г. Мертваго ошибается. Если бы даже всѣ наши общинники разбрелись врозь, на разныя «теплыя воды», количество «цѣнностей на пользу отечества» оттого не возрасло бы. Цѣнности растутъ только съ возрастаніемъ потребностей, ростъ которыхъ зависитъ отъ условій общественной жизни и уровня развитія.

«Сто лѣтъ назадъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—жилось во Франціи точно у насъ въ Россіи теперь. Сто лѣтъ назадъ, французы ѣли ржаной хлѣбъ, который приходилось часто замѣнять овсянымъ, а иногда подбавлять въ него коры, пили не вино, а какой-то хлѣбный напитокъ, похожій на нашъ квасъ; голодовки и недоимки были ужасныя. Такъ жилось въ деревнѣ. Огородники, которые всюду стоятъ нѣсколько выше деревенскаго населенія, были безграмотны, школы въ плохихъ положеніяхъ, плохо одѣвались и плохо ѣли... Овощей требовалось тогда немного, такъ какъ, конечно, отъ спроса зависѣлъ прогрессъ огородничества. Какой же прогрессъ былъ возможенъ въ этомъ дѣлѣ, когда только высшіе классы покупали парниковыя овощи, да и ихъ вкусъ, подобно современному русскому, стоялъ еще только на огурцахъ?..»

Въ концѣ своихъ скитаній г. Мертваго убѣдился, что для «чиновничьей націи» пока еще не наступило время французскихъ огородовъ, а для русскаго хозяйства нѣтъ пока торнаго пути. «Не торный путь будетъ только когда-нибудь менѣе тяжелъ,—заканчиваетъ авторъ свои воспоминанія,—когда создастся у насъ крѣпкая связь между наукой и жизнью, и когда сознаніе необходимости общей работы проникнетъ въ каждую усадьбу, въ каждую избу», что можетъ быть достигнуто только путемъ, по которому шло развитіе этого сознанія въ западной Европѣ.

Первымъ этапомъ на этомъ пути должно быть созданіе народной школы. Много мы говоримъ о ней и очень мало дѣлаемъ. Быть можетъ, это покажется порадоксомъ, но, по нашему мнѣнію, въ дѣлѣ народнаго образованія мы пошли назадъ за послѣднія 10—15 лѣтъ, сравнительно съ тѣмъ, какъ стояло и шло это дѣло въ первое время земскихъ учрежденій. Но прежде нѣсколько словъ о томъ, что такое народная школа?

У сѣверо-американцевъ есть извѣстная національная пѣснь, народный гимнъ «Yanke Doodle»; ее поютъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о народной чести и силѣ. Въ десятой строфѣ этой пѣсни говорится:

«У насъ, какъ васильки на полѣ,
Повсюду школы расцвѣли
И къ просвѣщенью изъ неволи
И умъ и сердце привели».

«Мнѣ хорошо извѣстно,—замѣчаетъ нѣмецкій педагогъ и инспекторъ народныхъ школъ Л. Келльнеръ,—какъ велика пропасть между пѣснею и дѣломъ, но я нахожу трогательнымъ, что этотъ народъ въ своей *любимой* пѣснѣ вспоминаетъ о школѣ! Само собой напрашивается заключеніе, что у него народная школа—учрежденіе *народное!*» Иными словами: народная школа—такое учрежденіе, которое въ жизни народа занимаетъ одно изъ глав-

ныхъ мѣстъ, когда она является не случайнымъ придаткомъ, который сегодня есть, а завтра можетъ и не быть, какъ это у насъ сплошь и рядомъ бываетъ, когда школа живетъ своей особой жизнью внѣ всякихъ теченій и направленій, политическихъ, общественныхъ, религіозныхъ, такъ какъ всѣ, какихъ бы они ни были взглядовъ и убѣжденій, согласны въ одномъ,—что школа такъ же необходима, какъ солнце. До такой школы мы еще не доросли, и потому говорить у насъ о школѣ приходится всегда въ желательномъ тонѣ, а во многихъ случаяхъ и доказывать ея необходимость. Въ сущности, это значитъ, что народная школа еще не вошла въ кругъ потребностей народа, и ее надо ему прививать.

Какое значеніе имѣетъ школа тамъ, гдѣ она народное учрежденіе, показываетъ очень интересное сочиненіе упомянутаго Л. Келльнера—«Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи», изданное недавно и на русскомъ языкѣ К. И. Тихоміровымъ въ его «Педагогической библіотекѣ». На нѣмецкомъ языкѣ книга Келльнера выдержала двѣнадцать изданій, и врядъ ли найдется въ Германіи учитель, у котораго не оказалось бы этой книги въ числѣ его настольныхъ руководствъ. И эта популярность вполнѣ понятна. Келльнеръ предназначилъ свою книгу для учителей, главнымъ образомъ, которымъ онъ путемъ бесѣдъ внушаетъ одну основную мысль—возвышенность ихъ призванія и огромную отвѣтственность, отсюда вытекающую. Школа для Келльнера — это храмъ, а учитель въ немъ—главный жрецъ (для незнакомыхъ съ нѣмецкими школами считаемъ нужнымъ пояснить, что Законъ Божій въ нихъ преподается учителями, и духовенство, какъ католическое, такъ и протестантское, не имѣетъ права вмѣшиваться въ школьную жизнь,—вообще, касаться школы какимъ бы то ни было образомъ).

«Хорошо,—говоритъ онъ,—если бы школа всегда стояла на самомъ веселомъ, солнечномъ мѣстѣ во всемъ селеніи; если бы она всегда строилась въ уютномъ, тихомъ, уголкѣ, вдали отъ базарной площади, вообще отъ суеты и движенія, вблизи церкви; и хотѣлось бы мнѣ, чтобы въ довершеніе прелести она была окружена тѣнистыми, красивыми деревьями, подъ которыми въ знойные лѣтніе дни дѣти могли бы собираться для веселья, игръ и пѣсенъ. Но *классная комната*, сверхъ того, должна бы представлять собой истинный дѣтскій храмъ, который подходилъ бы къ блеску молодой жизни, и въ тоже время могъ бы приводить его въ соотвѣтствіе съ высокой и важной задачей ученія... Маленькаго нищаго не пускаютъ въ покои знатныхъ и богатыхъ, но двери школы для него открыты (въ Германіи), какъ и двери храма, и развѣ не необходимо, чтобы хоть на короткое время онъ могъ наслаждаться привѣтливой опрятностью, свѣжимъ воздухомъ, веселой чистотой? Знаешь ли ты, какія сѣмена благороднаго стремленія можетъ заронить въ душу бѣдняка такое наслажденіе?»

Положимъ, это описаніе школы и въ Германіи еще идеалъ, но по высотѣ его можно судить о дѣйствительности. Каковъ идеалъ школы у нашихъ педогоговъ,—никому неизвѣстно, такъ какъ отличительное качество ихъ—полное пренебреженіе къ печатному обмѣну мыслей. Впрочемъ, можетъ быть, это зависитъ отъ скромности, а еще болѣе отъ условій ихъ дѣятельности, при которыхъ не полагается имѣть мыслей, тѣмъ болѣе—идеаловъ. Но если намъ неизвѣстны послѣдніе, за то мы хорошо знаемъ школьную обстановку современной русской «народной» школы. За рѣдкими исключеніями, обусловленными всегда посторонними счастливыми обстоятельствами, помѣщенія школъ ниже всякихъ, самыхъ умѣренныхъ, требованій школьной порядочности. И это не въ какихъ-либо глухихъ углахъ, а даже въ такихъ яко бы культурныхъ центрахъ, какъ, напр., Петербургскій уѣздъ. Три года тому назадъ были собраны земской управой свѣдѣнія о школахъ посредствомъ опроса учителей. Изъ полученныхъ 60 отвѣтовъ мы не помнимъ ни одного, въ которомъ школьное помѣщеніе было-бы признано вполнѣ удовлетворительнымъ въ самыхъ примитивныхъ требованіяхъ гигіены. Школьныя помѣщенія тѣсны, темны, грязны и всѣ съ дурной вентиляціей, лучше сказать—безъ всякой вентиляціи. Въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ сообщаются данныя, невозможныя для оглашенія въ общей печати. Нѣсколько школъ помѣщаются въ одномъ зданіи съ волостными правленіями, и учителя жалуются, что «часто экзекуціи надъ отцами нарушаютъ тишину и порядокъ среди дѣтей».

Отъ школы Келльнеръ переходитъ къ учителю, къ которому онъ обращается съ словами: «Знаешь ли ты, учитель малыхъ и бѣдныхъ, что хочетъ Богъ сдѣлать посредствомъ твоихъ учениковъ, и приходило ли тебѣ въ голову, что, можетъ быть, изъ твоей деревенской школы возсіяетъ умъ, который покроетъ міръ славой своего имени? Слова и мысли, которыя сходятъ съ твоихъ устъ, подобно брошеннымъ камнямъ, уже болѣе не въ твоей власти, и ты не знаешь, какой отзвукъ они встрѣтятъ, какіе дадутъ толчки». Чтобы такъ говорить, надо имѣть подготовленную аудиторію, и Келльнеръ зналъ, конечно, къ кому обращается. Дѣло въ томъ, что Германія имѣетъ дѣйствительно настоящаго *народнаго* учителя. Типъ его вырабатывался вѣками, а начало ему было положено реформаціей. Путемъ эволюціи, очень долгой и сложной, учитель постепенно преображался изъ бродячаго студента среднихъ вѣковъ, учившаго урывками и переходившаго съ мѣста на мѣсто, перемѣнявшаго самыя разнообразныя занятія,—въ осѣдлаго учителя, получающаго строгое, систематическое, педагогическое

образованіе въ могочисленныхъ учительскихъ семинаріяхъ, послужившихъ потомъ образцами для всѣхъ народовъ. Теперь въ Германіи нельзя встрѣтить «случайнаго» учителя, попавшаго въ учителя только потому, что ничего лучшаго для него не нашлось. Народные учителя составляютъ тамъ особое сословіе, очень разборчивое въ своихъ членахъ, управляющееся вѣками выработанными традиціями, и имѣющее для завѣдыванія своими интересами особый панъ-германскій учительскій союзъ, предъ упорнымъ сопротивленіемъ котораго отступалъ даже Бисмаркъ. И въ словахъ Мольтке, что Францію побѣдилъ нѣмецкій школьный учитель, далеко не столько преувеличеній, какъ кажется русскому обывателю, привыкшему подъ словомъ «народный учитель» понимать нѣчто жалкое, загнанное, забитое и убогое, едва терпимое и едва влачащее существованіе.

Кому изъ русскихъ читателей незнакома нѣсколько каррикатурная, хотя и съ любовью изображаемая въ нѣмецкой литературѣ, фигура германскаго народнаго учителя, съ его ермолкой на головѣ, очками на длинномъ носу и линейкой въ рукахъ, тощая и высокая, восторженная и добродушная? Въ литературѣ Германіи эта фигура разработана въ совершенствѣ, и нѣтъ ни одного классическаго писателя тамъ, который не посвятилъ бы ей нѣсколько теплыхъ словъ. И, напр., Гауптманъ, въ своей «Ганеле», желая представить все, что было хорошаго, что согрѣвало и освѣщало жизнь бѣдной Ганеле,—олицетворилъ это въ учителѣ. Въ безчисленныхъ иллюстрированныхъ журналахъ, издаваемыхъ въ Германіи для средняго домашняго круга и для народа, преимущественно крестьянъ, учитель фигурируетъ въ любомъ нумерѣ, какъ онъ фигурируетъ и въ жизни, во всѣхъ торжественныхъ и обыденныхъ случаяхъ деревни.

Интересно отмѣтить, что въ русской литературѣ народный учитель всецѣло отсутствуетъ. О немъ писали и пишутъ въ передовыхъ статьяхъ и въ земскихъ изслѣдованіяхъ, но учителя, какъ художественный типъ, изящная литература не знаетъ. Объясняется это, на первый взглядъ, странное явленіе тѣмъ, что художникъ беретъ типы изъ жизни, онъ ничего не создаетъ, а только обобщаетъ разсѣянныя въ жизни черты одного и того же характера, объединяетъ ихъ и возводитъ въ «перлъ созданія». Когда Гоголь создавалъ свои безсмертные типы чиновничьей, помѣщичьей и народной среды, онъ имѣлъ богатѣйшій выборъ среди безчисленныхъ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ и Сквозниковъ-Дмухановскихъ. Тоже имѣлъ и Щедринъ, выводя Балалайкиныхъ, Іудушекъ и Разуваевыхъ. Но когда тотъ же же Щедринъ захотѣлъ

отдохнуть на минуту отъ вѣчнаго лицезрѣнія русскаго обывателя, онъ долженъ былъ закрыть глаза на русскую жизнь, и только во «снѣ» изобразилъ учителя. Въ современной русской жизни нѣтъ народнаго учителя,—это типъ будущаго. Нѣтъ даже отдѣльныхъ разсѣянныхъ черточекъ типа, по которымъ можно бы судить, каковъ онъ будетъ. Въ составѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ учителей низшихъ школъ можно встрѣтить представителей всевозможныхъ профессій и сословій, въ большинствѣ занесенныхъ въ деревню случаемъ и готовыхъ убраться оттуда при первой возможности. Правда, можно найти и среди учителей—людей, работающихъ по призванію, по «велѣнію сердца», но не они даютъ окраску всему составу учителей. Эту окраску даетъ среда, а не единичныя личности, какъ бы высоки ни были ихъ нравственныя достоинства.

Только съ измѣненіемъ общественныхъ условій, при которомъ живетъ и дѣйствуетъ учитель, выработается постепенно типъ высокой нравственной личности, типъ народнаго учителя какъ его понималъ, напр., Гизо, такъ характеризующій истиннаго народнаго учителя:

«Это человѣкъ, который обязанъ знать больше того, чему учитъ, чтобы вести обученіе обдуманно и съ интересомъ; который долженъ жить и дѣйствовать въ низкой средѣ и тѣмъ не менѣе обладать возвышенной душой, чтобы сохранить въ своихъ взглядахъ и даже въ поведеніи достоинство, безъ котораго онъ никогда не завоюетъ уваженія и довѣрія семей; который долженъ обладать рѣдкимъ соединеніемъ кротости и твердости, такъ какъ въ обществѣ поставленъ ниже многихъ другихъ людей, но ни къ кому не долженъ униженно прислуживаться; который не можетъ не знать своихъ правъ, но гораздо болѣе долженъ быть озабоченъ своими обязанностями; который долженъ служить для всѣхъ примѣромъ, всѣмъ помогать совѣтами; который, прежде всего, не долженъ стремиться выйти изъ своей среды, долженъ быть доволенъ своимъ положеніемъ, такъ какъ дѣлаетъ въ немъ добро, рѣшившись на службѣ скромной школѣ, которую считаетъ служеніемъ Богу и людямъ,—жить и умереть».

Приведя это мнѣніе Гизо, Келльнеръ съ грустью замѣчаетъ; «Всѣ двѣнадцать пунктовъ, подставленныхъ намъ, нѣмцамъ, какъ зеркало, хороши и прекрасны, но я желалъ бы, чтобы не только всѣ учителя, но и большинство людей вообще исполняло ихъ», потому что,—замѣтимъ отъ себя,—только при этомъ условіи и мыслимъ подобный высокій типъ учителя. Пока этого нѣтъ, никто не въ правѣ требовать отъ современныхъ нашихъ учителей, чтобы они непремѣнно были такими, какъ ихъ изображаетъ Гизо. И еще менѣе въ правѣ мы укорять ихъ за то, что они не таковы. Скорѣе, напротивъ, должно удивляться, что въ общемъ контингентъ русскихъ сельскихъ учителей сравнительно такъ удов-

летворителенъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ земскіе ежегодные отчеты. Скажемъ даже больше,—и навѣрное, люди свѣдущіе согласятся съ нами,—что уровень учительской среды не понизился за послѣднее время, хотя взгляды на народное образованіе, въ общемъ, довольно замѣтно измѣнились къ худшему.

Лѣтъ пятнадцать назадъ, немыслимо было въ литературѣ отстаивать самый низкій типъ школъ, школы грамотности, видя въ нихъ какъ бы удобную замѣну дорогихъ (!) земскихъ школъ. Тогда въ дѣлѣ народнаго образованія отстаивался не тотъ принципъ, что «по одежкѣ—протягивай ножки», а совершенно обратный,—доставать «одежку» по мѣрѣ протягиванія «ножекъ». Всѣми, или, по крайней мѣрѣ, лучшей частью литературы, признавалось, что потребность въ знаніяхъ растетъ и надо ее удовлетворять—не самымъ дешевымъ, а самымъ лучшимъ способомъ, и школы заводились. Огромное большинство земскихъ школъ было устроено именно тогда, и если съ тѣхъ поръ число ихъ возрасло, то далеко не въ той пропорціи, какъ того требуетъ дѣйствительность.

Второй принципъ, казалось, установленный тогда незыблимо, былъ—даровое образованіе. Признавалось, что народное образованіе не есть частная потребность Ивана или Петра, а—всего государства. Этотъ принципъ распространялся на все образованіе, разъ оно должно было стать народнымъ. Теперь же во многихъ городахъ взимается плата, правда, незначительная, съ учениковъ городскихъ школъ, а въ земствахъ раздавались голоса за взиманіе такой платы и съ учениковъ сельскихъ школъ. Даже нашли благовидный софизмъ для такой мѣры, основанный на особомъ качествѣ русскаго народа, который «дорожитъ только тѣмъ, за что онъ платитъ». По существу, это принципъ *ретроградный* въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, которое всегда и вездѣ есть *даровое*, разъ оно дѣйствительно *народное*. Народная школа, какъ справедливо говоритъ Келльнеръ, должна быть храмомъ, двери котораго широко открыты для всѣхъ—богатыхъ и нищихъ, умныхъ и убогихъ, сильныхъ и слабыхъ.

Третій принципъ, проводимый тогда и въ литературѣ и въ жизни, заключался въ томъ, что «пока будутъ существовать школы, выпускающія дѣтей въ жизнь, не давъ имъ ничего, кромѣ механическаго навыка въ чтеніи, пока будутъ существовать учителя, у которыхъ обученіе письму сводится на списываніе и диктантъ, а не поднимается до самостоятельнаго выраженія мыслей, пока счетъ не сдѣлается умственнымъ, примѣнительно къ требованіямъ практической жизни,—до тѣхъ поръ народъ будетъ имѣть право смотрѣть на такія школы равнодушно». Чтобы поднять уро-

вень школьнаго образованія, устраивались семинаріи для учителей. Съ того времени не было сдѣлано для народной школы ничего. Пусть укажутъ хотя бы одну учительскую семинарію, открытую за послѣднія 10—15 лѣтъ. Были ли закрыты нѣкоторыя изъ нихъ, не помнимъ, но, какъ примѣръ, можно указать на петербургское губернское земское собраніе, въ которомъ ежегодно горячо дебатируютъ о закрытіи учительской семинаріи — за ненадобностью!..

Только въ самое послѣднее время началось какъ бы возрожденіе школьнаго дѣла, но, наученные горькимъ опытомъ, мы далеки отъ всякихъ иллюзій и думаемъ, что народное образованіе у насъ еще только въ зародышѣ. Хорошо лишь одно,—всѣ, повидимому, согласны теперь, что, по словамъ Келльнера, «въ наше время человѣкъ невѣжественный похожъ не на ребенка, которому нѣтъ нужды въ знаніи, такъ какъ отецъ и мать заботятся о его потребностяхъ, но на человѣка, который ничему не научился и внезапно попалъ въ міръ, не умѣя стоять на собственныхъ ногахъ и не обладая силой и способностью къ самопомощи».

Когда появились «Программы домашняго чтенія», составленныя московскою коммиссіей, ихъ встрѣтили всѣ съ громаднымъ сочувствіемъ, и, спустя мѣсяцъ по выходѣ въ свѣтъ, понадобилось второе изданіе. Въ литературѣ, насколько помнится, было сдѣлано одно лишь возраженіе, правда, довольно серьезное, что программы излишне обширны и имѣютъ цѣлью не столько самообразованіе, сколько эрудицію, ученость. Справедливъ или нѣтъ этотъ упрекъ, разбирать не станемъ. Каждый и самъ можетъ видѣть, насколько онѣ ему полезны, что̀ онъ можетъ позаимствовать оттуда и въ какихъ предѣлахъ. Огромнымъ достоинствомъ ихъ является обширность программы и величайшая ея объективность, научность, отсутствіе подтасовки, хотя бы невольной, согласно тѣмъ или инымъ воззрѣніямъ составителей, личность которыхъ всецѣло отсутствуетъ. Въ свое время мы назвали ихъ «новымъ шагомъ» въ дѣлѣ просвѣщенія. Теперь мы имѣемъ новую попытку въ томъ же родѣ, познакомить съ которой нашихъ читателей считаемъ далеко не лишнимъ.

Предъ нами восьмой томъ «Историческаго обозрѣнія», издаваемаго подъ редакціей профессора Н. И. Карѣева, Историческимъ Обществомъ при Петербургскомъ университетѣ. Во второмъ отдѣлѣ этого тома помѣщена статья Н. И. Карѣева «Объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго образованія», служащая какъ бы введеніемъ къ «Энциклопедиче-

ской программѣ для самообразованія», тутъ же приложенной вмѣстѣ съ двумя спеціальными программами—по русской исторіи и политической экономіи.

«За послѣднее время,—говоритъ въ своей статьѣ г. Карѣевъ,—сильно оживились толки о самообразованіи, о его цѣли, о его способахъ, о программахъ самообразовательнаго чтенія. Настоящая моя статья стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что самому мнѣ уже пришлось высказать по этому вопросу въ «Письмахъ къ учащейся молодежи о самообразованіи» и въ «Бесѣдахъ о выработкѣ міросозерцанія», причемъ въ обѣихъ этихъ книжкахъ [я старался выставить на видъ особую важность историческаго образованія. Я вовсе не думаю повторять теперь то, что было тамъ сказано... Скажу и о поводѣ, вызвавшемъ мою настоящую статью. Осенью прошлаго года образовалась изъ *спеціалистовъ разныхъ наукъ* коммиссія для выработки программы образовательнаго чтенія. Въ такой программѣ существуетъ настоятельная необходимость, которая до сихъ поръ удовлетворялась разными, большею частью, *неумѣло и односторонне составленными списками* книгъ. Быстрый успѣхъ программъ, изданныхъ московской коммиссіей для организаціи домашняго чтенія, указываетъ на то, какъ сильна потребность читающей публики въ подобнаго рода программахъ и спискахъ. Петербургская коммиссія поставила своею задачею выработать общую, такъ сказать, энциклопедическую программу, исходя изъ того принципа, что главною задачею систематическаго общеобразовательнаго чтенія должно быть усвоеніе *современныхъ научныхъ данныхъ* и выводовъ для выработки теоретическаго и нравственно-общественнаго міросозерцанія, и что литературныя указанія должны быть согласованы не только съ указанною цѣлью, но и съ предполагаемою у громаднаго большинства читателей степенью знанія и пониманія».

Далѣе почтенный авторъ приводитъ многократно высказанную мысль о необходимости, какъ онъ выражается, «историзма» при изученіи всѣхъ наукъ, особенно же гуманитарныхъ.

Затѣмъ идетъ самая «энциклопедическая программа», составленная коммиссіей «изъ спеціалистовъ разныхъ наукъ», въ числѣ которыхъ изъ 17 человѣкъ только 4 спеціалиста по естествознанію: профессора физики гг. Боргманъ и фанъ-деръ-Флитъ, химіи г. Меньшуткинъ и физіологіи г. Павловъ. Остальные—историки, экономисты и юристы. Это уже указываетъ на общій характеръ «энциклопедической» программы. Впрочемъ, мы забыли упомянуть, что всѣ отдѣлы естествознанія, кромѣ физики, химіи и физіологіи человѣка, именно программы по астрономіи, геологіи, физической географіи, ботаникѣ, зоологіи, общей физіологіи и физической антропологіи, составлены гг. М. А. Антоновичемъ и Н. А. Рубакинымъ, которые, судя по заявленію коммиссіи, тоже должны быть отнесены къ числу спеціалистовъ по естествознанію. Мы, конечно, не сомнѣваемся въ ихъ знаніяхъ въ этой области, хотя насъ нѣсколько поражаетъ необычайная широта ихъ спеціальности. Если мы говоримъ «судя по заявленію коммиссіи», то

лишь потому, что Н. А. Рубакинъ, превосходную книгу котораго мы отмѣтили въ прошлый разъ, былъ намъ извѣстенъ до сихъ поръ, какъ опытный публицистъ по нѣкоторымъ вопросамъ въ области просвѣщенія народа. Что же касается М. А. Антоновича, то еще въ шестидесятыхъ годахъ онъ снискалъ себѣ почетную извѣстность, какъ критикъ и публицистъ, а впослѣдствіи какъ переводчикъ многихъ цѣнныхъ сочиненій. Имъ, между прочимъ, была переведена «Исторія индуктивныхъ наукъ» Уэвеля. Съ тѣхъ поръ, положимъ, прошло 20 лѣтъ,—время, болѣе чѣмъ достаточное, чтобы при нѣкоторомъ усердіи стать спеціалистомъ по астрономіи, геологіи, географіи, ботаникѣ, зоологіи, физіологіи, антропологіи и проч.

Какъ извѣстно, спеціалисты страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ, подмѣченнымъ еще Кузьмою Прутковымъ въ его афоризмѣ: «спеціалистъ подобенъ флюсу, ибо полнота его одностороння». Къ счастью, отъ такого упрека вполнѣ свободны наши спеціалисты, гг. Антоновичъ и Рубакинъ, какъ показываетъ ихъ «энциклопедическая» программа по естествознанію. Такъ, по геологіи, какъ книгу, безъ сомнѣнія, вполнѣ доступную для всѣхъ, они рекомендуютъ «А. Карпинскій, Очеркъ физико-географическихъ условій Европейской Россіи въ минувшіе геологическіе періоды. Приложеніе къ LV тому Записокъ Академіи Наукъ, 1887 г., № 8». За это указаніе имъ въ особенности будутъ благодарны провинціальные читатели. Или, они рекомендуютъ знаменитый трудъ такого извѣстнаго русскаго геолога, какъ почтенный П. А. Ососковъ,—«Жигули и известнякъ, которымъ мостятъ улицы въ Самарѣ». Если же они и рекомендуютъ болѣе спеціальныя и мало распространенныя книги, въ родѣ Гельмгольца—«Популярныя и научныя статьи» и Тиндаля—«Популярныя лекціи», то спѣшатъ пояснить, что «вмѣсто обѣихъ этихъ книгъ, можно ограничиться одною: «М. А. Антоновичъ. Ледниковая гипотеза и ледниковыя явленія въ Финляндіи и Повѣнецкомъ уѣздѣ. Двѣ статьи въ «Горномъ Журналѣ» 1878 г. февраль и мартъ». Для всякаго, надѣемся, ясно, что «Горный журналъ» 1878 г. легче достать, чѣмъ Тиндаля и Гельмгольца. Да, наконецъ, если даже и нѣтъ, то стоитъ поискать, чтобы прочесть статью, въ которой г. Антоновичъ совмѣстилъ Гельмгольца и Тиндаля. И никого не должно удивлять такое сопоставленіе: вѣдь, ни Тиндаль, ни Гельмгольцъ не обладали такой всеобъемлющей спеціальностью—по астрономіи, геологіи, географіи, ботаникѣ, зоологіи, физіологіи, антропологіи,—какъ г. Антоновичъ.

Составители любятъ всякія «упрощенія», подчасъ, весьма ори-

гинальныя. Указавъ по исторіи земли авторовъ: Гейки («Геологія»), Пэджъ («Философія геологіи»), упомянутаго выше П. А. Ососкова, Уильямсона, Котта, Соколова, составители программы заявляютъ: «Послѣднія шесть книгъ могутъ быть замѣнены одною — «Агафоновъ. Прошедшее и настоящее земли». Не слишкомъ ли ужъ опасаются впасть въ спеціализацію г.г. Антоновичъ и Рубакинъ, рекомендуя одной этой книгой замѣнить такихъ извѣстныхъ ученыхъ? Мы думаемъ, что ни г. Агафоновъ, ни редакція журнала, въ которомъ былъ помѣщенъ его трудъ, и не мечтали о такой высокой чести.

Въ другихъ отдѣлахъ своей программы составители оказываются столь же на высотѣ положенія, какъ и въ геологіи. Такъ, по физіологіи они рекомендуютъ: «Физіологическія письма Карла Фохта, 1863 г.», «Физіологію растительныхъ процессовъ проф. Сѣченова 1870 г.», «Уроки элементарной физіологіи Гексли, 1868 г.», и въ довершеніе эффекта — «Физіологію обыденной жизни Льюиса, 1867 г.» Въ этомъ нельзя не видѣть трогательной черты, дань воспоминаніямъ молодости, когда еще г. Антоновичъ былъ не всеобъемлющимъ естественникомъ, а просто публицистомъ. И намъ вполнѣ понятно появленіе этихъ почтенныхъ ветерановъ въ «энциклопедической» программѣ, назначенной для молодого поколѣнія, хотя бы и по наукѣ, претерпѣвшей за послѣднія тридцать лѣтъ огромныя измѣненія. Положимъ, тотъ же Кузьма Прутковъ и говоритъ: «всякому овощу свое время», и кто теперь сталъ бы изучать физіологію по Льюису, получилъ-бы объ этой наукѣ превратное во многомъ представленіе. Но слѣдуетъ помнить основной принципъ «энциклопедической» программы—«историческое изученіе»...

Не касаясь другихъ особенностей программы по естествознанію, въ надеждѣ, что люди болѣе свѣдущіе окажутъ имъ должное и весьма, по нашему мнѣнію, необходимое въ этомъ случаѣ вниманіе, перейдемъ къ другимъ отдѣламъ.

По соціологіи составлялъ программу самъ г. Карѣевъ. Будучи, какъ мы видѣли, врагомъ односторонности, онъ рекомендуетъ... свои собственныя сочиненія, какъ основу, и къ нимъ, въ качествѣ легкаго гарнира, Бокля, Льюиса, Милля, Спенсера, Эспинаса, Н. К. Михайловскаго, С. Н. Южакова и П. Николаева. Свои сочиненія г. Карѣевъ рекомендуетъ въ этой программѣ 12 разъ, сочиненія же другихъ авторовъ по разу, по два, и только Н. К. Михайловскому сдѣлано уваженіе: онъ упомянутъ три раза. Столь же видное мѣсто отводитъ себѣ г. Карѣевъ въ программѣ по всеобщей исторіи, въ основу изученія которой онъ кладетъ свои

курсъ—«Исторія Западной Европы», доведенный до 1830 г., но—предупредительно успокаиваетъ почтенный авторъ програмы—«онъ *будетъ* продолженъ до 1871 г.». Мы ничего не имѣемъ возразить противъ прекраснаго курса г. Карѣева, но видѣть его во главѣ изученія исторіи и лишь какъ дополненія къ нему такія имена, какъ Гизо, Брайсъ, Корелинъ, Фюстель-де-Куланжъ, Морлей и другія,—намъ кажется, по меньшей мѣрѣ, страннымъ.

Въ другихъ отдѣлахъ «энциклопедической» программы мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Въ спеціальной программѣ по русской исторіи, составленной гг. Семевскимъ, Мякотинымъ и Сиповскимъ, г. Семевскій весь отдѣлъ «крестьяне и крестьянскій вопросъ въ XVIII вѣкѣ» составилъ изъ своихъ сочиненій, прибавивъ къ нимъ даже свои статьи, печатавшіяся въ журналахъ. «Для не имѣющихъ возможности,—любезно добавляетъ въ примѣчаніи г. Семевскій,—читать всѣ отмѣченныя звѣздочкой (напечатанныя въ журналахъ) монографіи авторъ составилъ небольшую статью, въ которой изложилъ главные выводы изъ своихъ трудовъ о бытѣ крестьянъ этого времени. Статья эта *будетъ* скоро напечатана». Г. Мякотинъ, не желая отстать отъ г. Семевскаго, рекомендуетъ собственные статьи, даже по два раза: «Прикрѣпленіе крестьянъ лѣвобережной Малороссіи къ Россіи. «Русское Богатство» 1894 г. № 2» фигурируетъ въ главѣ «Малороссія въ XVII вѣкѣ» и въ главѣ «Малороссія въ XVIII вѣкѣ», съ добавленіемъ «Р. Бог. №№ 2—4».

Но верхъ совершенства по широтѣ и объективности представляетъ программа по политической экономіи, составленная гг. Яроцкимъ и Карышевымъ, въ которой г. Яроцкій рекомендуетъ г. Карышева, а г. Карышевъ не менѣе предупредительно — г. Яроцкаго. Такъ, г. Яроцкій перечислилъ не только отдѣльныя сочиненія г. Карышева, но и всѣ его статьи въ журналахъ и даже въ энциклопедическихъ словаряхъ, а г. Карышевъ—магистерскую диссертацію г. Яроцкаго. Главу третью спеціальной программы по политической экономіи оба составителя распредѣлили такъ: «изслѣдованіе хозяйственнаго быта Россіи»—25 сочиненій и отдѣльныхъ статей въ журналахъ (конечно, не забытъ и г. Карышевъ) посвящено общинѣ и земледѣлію, 3—кустарнымъ промысламъ, 5—фабричной промышленности, одна Сибири и одна переселенію. Это ли не объективное отношеніе къ программѣ для самообразованія, чуждое всякой односторонности? Изученіе политической экономіи гг. Карышевъ и Яроцкій предлагаютъ начать слѣдующимъ образомъ: «Занятія по политической экономіи рекомендуется начать съ чтенія краткаго учебника, схематически изла-

гающаго систематику предмета и содержаніе каждаго его отдѣла. Для такого подготовительнаго чтенія пригодны курсъ г. Карелина и книжка г. *Карышева*. Въ первомъ изъ нихъ обращаютъ на себя преимущественное вниманіе прикладныя части, знакомящія попутно съ многими интересными фактами хозяйственной жизни Россіи; во второй имѣется вопросникъ, могущій служить важнымъ подспорьемъ начинающему для усвоенія предмета. Лучше всего—соединить оба учебника, пополняя теоретическія главы г. *Карышева* прикладными частями работы г. Карелина». При всемъ уваженіи къ гг. Карышеву и Яроцкому, позволительно спросить, неужели «лучше всего» начать съ г. Карышева, хотя бы и дополняемаго г. Карелинымъ?

Сказаннаго, намъ кажется, достаточно для характеристики «энциклопедической» программы. Благородное соревнованіе, побудившее коммиссію при Историческомъ Обществѣ создать свои программы для самообразованія, въ высшей степени почтенно, но программы петербургской коммиссіи много выиграли бы, если бы составители ихъ послѣдовали примѣру членовъ московской коммиссіи, которые съумѣли затушевать свою личность, нигдѣ не выступая на первый планъ. Труды такихъ ученыхъ, какъ г. Карѣевъ или г. Семевскій, безспорно, должны занять видное мѣсто въ любой программѣ, но когда ими эти программы начинаются и кончаются, то такая односторонность едва ли служитъ на пользу дѣлу. Что же касается программъ по отдѣламъ астрономіи, геологіи, физической географіи, батаники, зоологіи, физіологіи и антропологіи, составленныхъ двумя такими специалистами, какъ гг. М. А. Антоновичъ и Н. А. Рубакинъ, то, при всемъ довѣріи къ ихъ научнымъ силамъ, было бы небезполезно пригласить имъ на помощь кого-либо изъ настоящихъ спеціалистовъ по каждой изъ этихъ семи наукъ. Ибо все тотъ же Кузьма Прутковъ не безъ основанія замѣчаетъ: «можешь ли объять необъятное?» А въ наше время область естествознанія, дѣйствительно, необъятна, и попытка упомянутыхъ спеціалистовъ вдвоемъ охватить ее —по меньшей мѣрѣ, рискованна...

Въ заключеніе, нельзя не указать на общую односторонность всей «энциклопедической» программы. Въ послѣдней нѣтъ соразмѣрности частей, и насколько подробно разработаны такія науки, какъ исторія, всеобщая и русская, и политическая экономія, настолько же слабо развиты всѣ естественныя науки. Въ сущности, естествознаніе едва затронуто и, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ весьма страннымъ образомъ. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто коммиссія только терпитъ естественныя

науки. Такая односторонность вполнѣ понятна въ коммиссіи, изъ семнадцати членовъ которой только четыре естественника. Но для того, кто пожелалъ бы пользоваться программами коммиссіи, отъ того нисколько не легче. Наша средняя школа не даетъ никакихъ свѣдѣній по естествознанію, и единственный путь для ихъ пріобрѣтенія—самостоятельное чтеніе. Поэтому, если важны *общія* программы для домашняго чтенія, то несравненно важнѣе—программы *по естественнымъ наукамъ*. Принято, почему-то, до сихъ поръ отводить имъ какое-то подчиненное мѣсто, чуть не на запяткахъ, въ дѣлѣ воспитанія и образованія. На чемъ основанъ этотъ предразсудокъ, трудно понять въ настоящее время. Его можно объяснить только переживаніемъ, какъ остатокъ воззрѣній, преобладавшихъ прежде въ системѣ образованія, которое цѣликомъ сводилось къ классицизму и исторіи. Съ великимъ трудомъ на ряду съ ними водворилась математика и изученіе родного языка, а естественныя науки до сихъ поръ не могутъ отвоевать себѣ мѣстечка. Между тѣмъ, нельзя быть въ настоящее время образованнымъ человѣкомъ, оставаясь невѣждой во всемъ, что касается окружающей насъ природы. Немыслимо выработать себѣ какое-нибудь «міросозерцаніе», не ознакомившись съ этимъ міромъ, хотя бы въ главнѣйшихъ его явленіяхъ, и никакое знакомство съ исторіей не можетъ замѣнить этого недостатка. Въ этомъ и заключается самый существенный недостатокъ петербургскихъ программъ въ сравненіи ихъ съ московскими, въ которыхъ естествознанію отведено надлежащее мѣсто,—оно не подавляетъ другія науки, но и само не отодвинуто на задній планъ. Московская коммиссія, въ этомъ случаѣ, оказалась вполнѣ объективной, открывая каждому доступъ къ тому, къ чему онъ имѣетъ больше склонности.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Всесословная волость. Какъ извѣстно изъ газетъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, предполагая произвести реформу въ крестьянскомъ самоуправленіи, передало на обсужденіе мѣстныхъ совѣщаній (изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ) рядъ вопросовъ о томъ, въ какомъ направленіи желательно было бы реформировать наше сельское управленіе и самоуправленіе. Подобное совѣщаніе состоялось и въ Черниговѣ и пришло къ заключенію, что никакихъ существенныхъ измѣненій въ сельскомъ самоуправленіи не требуется. Среди высказанныхъ тамъ мнѣній наибольшій интересъ представляетъ особое мнѣніе, поданное предсѣдателемъ Черниговской губернской земской управы В. М. Хижняковымъ. Приведемъ, въ общихъ чертахъ, взгляды, высказанные В. М. Хижняковымъ, какъ они изложены въ кіевской газетѣ «Жизнь и искусство».

«Цѣлый рядъ вопросовъ,—говоритъ г. Хижняковъ,—обсуждаемой совѣщаніемъ программы о правильной организаціи сходовъ, объ упорядоченіи сельскихъ сборовъ и пр., указываетъ на то, что министерство широко ставитъ возбужденный имъ общій вопросъ, что самыя основы мѣстнаго управленія признаются имъ несостоятельными, что сельское населеніе, остающееся и до сихъ поръ на весьма низкой ступени развитія, не можетъ при настоящихъ условіяхъ правильно справляться со своимъ самоуправленіемъ, и что для обновленія нездоровой атмосферы этого самоуправленія нужна свѣжая, здоровая струя, нужны новыя силы. Откуда же могутъ явиться такія силы?

«Со времени реформы 1861 г. картина сельской жизни, землевладѣнія и состава населенія значительно измѣнилась. Многія крупныя имѣнія раздробились, и явилось много мелкихъ собственниковъ. Развилась во многихъ селахъ промышленная дѣятельность, и представители такой дѣятельности и мелкаго землевладѣнія составляютъ нерѣдко довольно значительный процентъ среди обывателей сельскаго состоянія. Этотъ новый контингентъ сельскихъ жителей, къ сожалѣнію, представляетъ въ значительной части самый нежелательный элементъ сельскихъ эксплоататоровъ. Но есть не мало и такихъ, которые представляютъ лучшій культурный элементъ въ селахъ и могли бы съ большой пользой принять участіе въ сельскомъ управленіи. Устраненіе же ихъ отъ этого участія часто гонитъ ихъ изъ села. Не имѣя возможности вліять на упорядоченіе дѣла въ селахъ и волостяхъ и испытывая на себѣ послѣдствія мѣстной неурядицы, они

бываютъ не въ силахъ вести свои хозяйства и ищутъ дѣятельности внѣ селъ. Насколько желательно удержаніе въ селахъ такого элемента и предоставленіе ему возможности дѣятельно участвовать въ отправленіяхъ мѣстной жизни, могутъ служить поучительнымъ примѣромъ польскія губерніи, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Послѣ послѣдняго возстанія доступъ польской молодежи въ учебныя заведенія и на службу былъ весьма ограниченъ, и многіе ограничивались невысокимъ курсомъ обученія и, не имѣя служебныхъ правъ, поселились въ селахъ и всецѣло посвятили себя хозяйству, стоя по развитію все-таки гораздо выше массы сельскаго населенія, принимая участіе въ мѣстномъ гминномъ управленіи и служа во многихъ случаяхъ для массы примѣромъ лучшей жизни и культуры. Эти люди сдѣлали весьма много для поднятія селъ въ экономическомъ и другихъ отношеніяхъ, и благодаря, главнымъ образомъ, имъ, сельская промышленность и хозяйство въ польскихъ губерніяхъ въ сравнительно короткое время быстро подвинулись впередъ. Вопросъ о допущеніи живущихъ въ селахъ лицъ не сельскаго состоянія къ участію въ мѣстномъ управленіи далеко не новъ. Но образованіе безсословнаго управленія въ селахъ, о которомъ у насъ есть цѣлая литература, признавалось многими несвоевременнымъ болѣе всего потому, что крупные землевладѣльцы, при своей экономической силѣ, могли бы имѣть слишкомъ подавляющее вліяніе на весь ходъ управленія. Но такія опасенія въ настоящее время не могутъ имѣть мѣста какъ потому, что распредѣленіе землевладѣнія и персоналъ землевладѣльцевъ совершенно измѣнились, такъ и потому, что масса сельскаго населенія, живя среди многихъ экономическихъ невзгодъ и столкновеній, научилась разбираться съ своими нуждами и обстановкой, и не представляется такою инертной, какъ въ первое время послѣ реформы. Нынѣшнее совѣщаніе, согласившись съ тѣмъ, что рѣшеніе дѣлъ всѣмъ сельскимъ сходомъ, безпорядочною толпой, не представляетъ ничего хорошаго, высказалось уже за образованіе схода выборныхъ—по одному отъ каждыхъ 10 дворовъ. Такія выборныя совѣщанія, образованныя изъ лучшихъ людей, несомнѣнно, поведутъ дѣло правильнѣе нынѣшнихъ шумныхъ сходовъ, и вліяніе на рѣшеніе водки и другихъ косвенныхъ воздѣйствій будетъ имѣть гораздо меньше мѣста, такъ какъ за всякое противообщественное рѣшеніе выборные отвѣтственны предъ остальными 9/10 населенія, тогда какъ на сходѣ всякое подобное рѣшеніе принимается поневолѣ: виноваты всѣ, но взыскивать не съ кого».

Допущеніе къ участію въ волостномъ сходѣ лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, по мнѣнію В. М. Хижнякова, чрезвычайно оживило бы деревенскую жизнь и подвинуло ее впередъ въ культурномъ отношеніи. На выборныя крестьянскія должности, при нѣкоторой обезпеченности содержаніемъ, «охотно пойдутъ интеллигентныя лица, и тогда возможно надѣяться, что многія нужды села въ санитарномъ, противопожарномъ и экономическомъ отношеніяхъ,—нужды, къ которымъ безсознательно и съ полной апатіей относятся нынѣшнія сельскія власти, получатъ посильное удовлетвореніе, а расходъ на содержаніе этихъ лучшихъ людей само населеніе скоро признаетъ производительнымъ».

Было время, когда надъ идеей всесословной волости много потѣшались, въ особенности въ народнической литературѣ. По мнѣнію послѣдней, народъ прежде всего нуждается въ опекѣ, обереганіи отъ «тлетворнаго духа интеллигенціи», а всесословная волость откроетъ ей доступъ къ нему.

*

Но опытъ показалъ, что народъ лучшаго мнѣнія объ интеллигенціи, признавъ ее въ качествѣ врача и учителя,—и кто знаетъ?—можетъ быть, если бы тридцать лѣтъ тому назадъ идея всесословной волости была осуществлена, мы не видѣли бы теперь многихъ темныхъ сторонъ въ народной жизни, которыя доставляли и доставляютъ столько хлопотъ правительству и земству.

Дѣти-работники. Недавно въ Петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло мѣщанки Алексѣевой, интересное потому, что оно рисуетъ бытъ дѣтей, отданныхъ «въ работу» и принужденныхъ съ малыхъ лѣтъ самимъ добывать себѣ пропитаніе. По словамъ «Новаго Времени», во второй половинѣ января текущаго года «Обществомъ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ» получены были свѣдѣнія, что въ бѣлошвейной мастерской А. Вагнеръ, помѣщающейся по Казанской ул., д. № 39, четырнадцатилѣтняя ученица Надежда Крафтъ подвергается жестокому обращенію и постояннымъ истязаніямъ со стороны мастерицы Алексѣевой, у которой дѣвочка состояла подъ началомъ, о чемъ Общество и сообщило прокурору суда, прося о производствѣ слѣдствія.

Допросомъ семи свидѣтельницъ, мастерицъ и ученицъ Вагнеръ, выяснено слѣдующее: съ мая 1894 г., когда Крафтъ поступила въ мастерскую Вагнеръ подъ начало Алексѣевой, вплоть до второй половины января 1895 г., когда дѣвочка была взята изъ мастерской,—Алексѣева почти ежедневно била эту ученицу по лицу и тѣлу, такъ-что дѣвочка была постоянно въ синякахъ; Алексѣева била ее руками, рвала ей волосы, выдергивая ихъ цѣлыми прядями, щипала и душила за горло, трепала за уши до того, что у Крафтъ уши часто были надорваны и изъ нихъ текла кровь; царапала уши ногтемъ, сзади срывая кожу до крови, била ножницами подъ носъ дѣвочки, изъ котораго отъ этого сочилась кровь. Алексѣева наказывала Крафтъ и за то, что та, отъ боли носа, не сморкалась, засовывала ей въ ротъ катушку изъ-подъ нитокъ, вымазавъ ее предварительно деревяннымъ масломъ; кромѣ того, въ видѣ наказанія, принуждала ученицу выпивать изъ чашки смѣсь, которую Алексѣева составляла изъ горячей воды, уксуса, соли, прибавляя туда иногда накрошенный черный хлѣбъ, сахаръ и холодную воду. Около Рождества прошлаго года Алексѣева, услыхавъ однажды, что старшая ученица Галкина за что-то бранитъ младшую ученицу Сидоровичъ, заставила Галкину приготовить составъ, подобный тому, который она сама дѣлала для Крафтъ, т.-е. смѣсь изъ горячей воды, уксуса и соли, и принудила Сидоровичъ выпить эту смѣсь. Въ другой разъ, около того же времени, замѣтивъ у Сидоровичъ на щекѣ головнаго паразита, Алексѣева приказала Галкиной изготовить ту же самую смѣсь и, положивъ въ нее паразита со щеки Сидоровичъ, заставила послѣднюю проглотить все это.

Между тѣмъ, по общему отзыву, Крафтъ была послушная и работящая дѣвочка, къ которой Алексѣева проявляла настоящую жестокость. Дѣвочку свидѣтельствовалъ врачъ Бенуа. На волосистой части головы онъ нашелъ нѣсколько плѣшинъ отъ недавно выдернутыхъ волосъ, царапины на обѣихъ ушныхъ раковинахъ, синяки на лѣвомъ вискѣ и щекѣ впереди уха и едва замѣтныя пятна на лѣвомъ плечѣ и рукѣ. Все это Бенуа относитъ къ истязаніямъ, причинявшимъ дѣвочкѣ продолжительную степень страданія, которое, кромѣ физической боли, могло отразиться и на нравственномъ развитіи ученицы.

Вотъ въ общихъ чертахъ похожденія «мастерицы» Алексѣевой, терпимой хозяйкой бѣлошвейнаго магазина А. Вагнеръ. Подсудимая говоритъ,

что лишь изрѣдка наказывала Крафтъ за ея лѣность, при чемъ била рукою, но только по спинѣ, трепала за волосы и оставляла безъ обѣда, но не истязала дѣвочку никогда. Алексѣева—изъ ученицъ Вагнеръ и на себѣ испытала тѣ же пинки, колотушки и потасовки, которые потомъ примѣняла къ Крафтъ, не видя въ этомъ ничего особеннаго. Ей только-что исполнилось 19 лѣтъ и она сама выглядитъ еще дѣвочкой. Прежде чѣмъ явиться на скамью подсудимыхъ, она четыре мѣсяца высидѣла въ одиночной камерѣ дома предварительнаго заключенія, не видя никого изъ близкихъ.

По разсказу Крафтъ, Алексѣева била ее или за то, что «худо сдѣлаешь, или что-нибудь забудешь»; помимо подсудимой, ей доставалось и отъ самой хозяйки Вагнеръ, женщины «очень злой», которая даже сѣкла ее розгами; злая хозяйка била иногда и мастерицъ своихъ.

На вопросъ суда, что это за веревка, которою Алексѣева ударяла Крафтъ, подсудимая наивно отвѣтила, что это «педагогическая веревка, свитая самою хозяйкою и лежавшая въ ея комнатѣ». Веревка, по словамъ свидѣтельницъ-ученицъ, хаживала по всѣмъ. Относительно состава напитка показанія разошлись, несомнѣнно только, что дѣвочку поили какой-то бурдой.

Послѣ пятиминутнаго совѣщанія, присяжные засѣдатели вынесли Алексѣевой оправдательный вердиктъ, и она тутъ же была освобождена изъ подъ стражи.

Оправдательный приговоръ присяжныхъ вполнѣ понятенъ: Алексѣева уже получила должное наказаніе, высидѣвши 4 мѣсяца въ тюрьмѣ предварительнаго заключенія. Кромѣ того, изъ дѣла выяснилось, что несравненно болѣе виновной, чѣмъ она, была сама хозяйка магазина, г-жа Вагнеръ, хотя послѣдняя и не попала на скамью подсудимыхъ. Мастерица никогда не посмѣла бы такъ обращаться съ дѣвочками, если бы не разсчитывала на поддержку хозяйки, да и «педагогическая веревка», о которой упоминалось на судѣ, достаточно характеризуетъ педагогическіе пріемы самой г-жи Вагнеръ. Судебное разбирательство, во всякомъ случаѣ, послужитъ ей урокомъ и, можно думать, что теперь она нѣсколько смягчитъ свое отношеніе къ подвластнымъ ей дѣтямъ.

Но до суда доходятъ только немногія, исключительныя дѣла; а между тѣмъ, сколько такихъ же дѣлъ совершаются ежедневно въ нашихъ мастерскихъ и на фабрикахъ, сколько есть дѣтей, участь которыхъ ничѣмъ не уступаетъ участи 14-ти-лѣтней Крафтъ, и которымъ не удается привлечь къ себѣ вниманія и заступничества какого-нибудь благотворительнаго Общества.

Вотъ какой случай разсказываетъ, напр., г. Далинъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» объ истязаніи ребенка на кіевской шоколадной фабрикѣ Ефимова: «Одинъ изъ мальчиковъ, работавшихъ на фабрикѣ — Өедоровъ — взялъ пустую коробку изъ подъ шоколада. Узналъ объ этомъ хозяинъ.

— Подать мнѣ сюда этого мальчишку Өедорова!—раздалось его приказаніе.

И «мальчишка Өедоровъ», одинъ изъ тѣхъ полуодѣтыхъ и полуголодныхъ ребятишекъ, которые работаютъ на сладкой фабрикѣ, немедленно предсталъ передъ хозяйскія ясныя очи.

— Воровать, каналья, вздумалъ?

Мальчишка затрясся—ни живъ, ни мертвъ.

— Я... я... пустую коробочку..,

— Еще бы ты не пустую, а съ конфектами взялъ!.. Принести жгуты сюда.

Но тутъ почтеннаго кіевскаго прогресиста по части сѣченія осѣнила вдругъ новая мысль:

— А что, если этого мальчишку раздѣть и завернуть въ мокрую про-

стыню?.. Вѣдь куда вольготнѣе будетъ работать жгутомъ! Хватилъ изо всѣхъ силъ—а слѣда не будетъ...

— Простыню, мокрую простыню сюда!

И началось истязаніе маленькаго, полуголоднаго и беззащитнаго работника хозяиномъ, началось по новому. Вмѣсто розогъ—мокрые жгуты, голаго тѣла—тѣло, обернутое въ мокрую простыню.

И вопитъ, кричитъ истязуемое маленькое человѣческое существо, кричитъ отъ страшной боли, отъ остраго физическаго страданія.

Попробовала, было, вступиться за истязуемаго полиція, но получила отъ г. Ефимова отвѣтъ, что она не имѣетъ права вмѣшиваться, что дѣла объ истязаніи дѣтей могутъ возбуждать только родители. А родителей у Ѳедорова нѣтъ. Онъ—сирота.

Эта жестокость, заключаетъ г. Далинъ, является не только не преступленіемъ, но даже и не проступкомъ. Это всего только нарушеніе извѣстныхъ правилъ, въ силу которыхъ хозяевамъ разрѣшается фабричныхъ штрафовать только, но отнюдь ни съ какими жгутами не знакомить и ни въ какія простыни не завертывать. Ну, а нарушеніе этихъ правилъ подлежитъ разсмотрѣнію г. фабричнаго инспектора.

И находится теперь это «дѣло» не у судебнаго слѣдователя, а именно у фабричнаго инспектора».

Грустный фактъ,—одинъ изъ тысячи,—лишній разъ свидѣтельствующій о нашей дикости и некультурности. Нѣтъ закона, разрѣшающаго подобное обращеніе съ дѣтьми, и тѣмъ не менѣе эти факты совершаются на каждомъ шагу. Только общій подъемъ развитія можетъ спасти насъ отъ дѣтскихъ воплей, которымъ до тѣхъ поръ суждено раздаваться невозбранно.

Фабричныя школы. Въ газетахъ сообщалось, что при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ настоящее время учреждена коммиссія для разсмотрѣнія вопроса «о школьномъ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ». По свѣдѣніямъ, собраннымъ фабричными инспекторами, въ Россіи теперь имѣется всего 213 фабричныхъ школъ, въ нихъ обучается 19.000 дѣтей, изъ которыхъ только 6.232 человѣка работаютъ на фабрикѣ. Незначительность этой цифры по сравненію съ общимъ количествомъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что обученіе малолѣтнихъ рабочихъ нельзя предоставлять волѣ предпринимателей.

Какъ извѣстно, работа дѣтей на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ ограничена у насъ восемью часами въ сутки и притомъ должна быть распредѣлена такъ, чтобы малолѣтніе рабочіе, въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, если они не имѣютъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса одноклассныхъ народныхъ училищъ, могли посѣщать школу. Въ этихъ видахъ на владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій налагается обязанность предоставлять малолѣтнимъ рабочимъ для ихъ школьныхъ занятій не менѣе 3 часовъ ежедневно или 15 часовъ въ недѣлю; фабричная же инспекція должна заботиться о томъ, чтобы фабриканты и заводчики открывали при своихъ заведеніяхъ школы для малолѣтнихъ, а въ случаѣ отказа фабрикантовъ, инспекторамъ разрѣшено входить въ сношенія по тому же предмету съ училищнымъ начальствомъ, земствами, городами и даже частными лицами, отъ которыхъ можно ожидать сочувствія дѣлу народнаго образованія.

Въ дѣйствительности задача, возложенная на фабричную инспекцію, оказалась неосуществимой. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ переполнены жалобами на то, что фабричныхъ школъ нигдѣ нѣтъ и фабри-

канты отказываются устраивать ихъ. «Владѣльцы промышленныхъ заведеній, писалъ, напр., варшавскій инспекторъ, по настоящее время вообще мало заботились о школьномъ образованіи малолѣтнихъ, работавшихъ на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ. Если же при нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ промышленныхъ заведеніяхъ существуютъ фабричныя школы, то таковыя учреждены вовсе не для малолѣтнихъ, занимающихся на фабрикѣ, но для дѣтей мѣстныхъ постоянныхъ фабричныхъ работниковъ, составляя, такъ сказать, дополненіе обезпеченія семейныхъ нуждъ сихъ послѣднихъ. Хотя къ занятіямъ на фабрикахъ поступаютъ и дѣти мѣстныхъ рабочихъ, но въ заведеніяхъ, нуждающихся въ значительномъ числѣ малолѣтнихъ рабочихъ, большинство этихъ послѣднихъ нанимается со стороны, и никто не интересовался тѣмъ: грамотны ли они, или нѣтъ, и нуждаются ли въ школьномъ образованіи?» По словамъ виленскаго инспектора, «школъ фабричныхъ, въ коихъ учебныя занятія были бы согласованы съ распредѣленіемъ рабочихъ часовъ малолѣтнихъ и съ ихъ свободнымъ отъ работъ временемъ, въ осмотрѣнныхъ заведеніяхъ виленскаго фабричнаго округа не было ни одной». Даже въ такомъ районѣ, какъ петербургскій, «изъ промышленныхъ заведеній, осмотрѣнныхъ въ округѣ, только немногія, находящіяся въ городахъ, имѣютъ свои школы». Въ провинціи, напр., въ харьковскомъ округѣ, въ этомъ отношеніи не выдѣлялись и города: «городскія фабрики,—читаемъ мы въ отчетѣ,—повидимому, не богаче грамотными дѣтьми — фабрикъ, расположенныхъ гдѣ-нибудь въ глуши, вдали отъ городовъ». Естественно, что при такомъ безучастіи фабрикантовъ къ школьному обученію малолѣтнихъ рабочихъ, «въ числѣ грамотныхъ и полуграмотныхъ, какъ подмѣчено въ харьковскомъ же округѣ,—никогда не встрѣчаются дѣти, которыя научились бы грамотѣ послѣ поступленія на фабрику».

Убѣжденія фабричныхъ инспекторовъ, доказывавшихъ фабрикантамъ необходимость дать образованіе дѣтямъ, работающимъ на ихъ фабрикахъ, обыкновенно не приводили ни къ какому результату. Вотъ, напр., что говорится по этому поводу въ отчетѣ владимірскаго фабричнаго инспектора: «Что касается переговоровъ съ фабрикантами относительно устройства и приспособленія существующихъ школъ, то въ этомъ отношеніи только на трехъ фабрикахъ удалось мнѣ,—говоритъ авторъ отчета,—достигнуть болѣе или менѣе положительныхъ результатовъ... На всѣхъ же остальныхъ фабрикахъ къ вопросу этому владѣльцы хотя и отнеслись сочувственно, но устройство школъ и содержаніе ихъ на свой счетъ признаютъ для себя обременительнымъ. А нѣкоторые фабриканты, при малѣйшей съ моей стороны настойчивости, сейчасъ же изъявляли желаніе распустить малолѣтнихъ». По мнѣнію казанскаго инспектора, съ мѣстными владѣльцами фабрикъ нельзя было даже и начинать переговоры объ устройствѣ школъ, «такъ какъ, при несочувственномъ отношеніи большинства промышленниковъ къ закону 1-го іюня 1882 года и при убѣжденіи ихъ въ отяготительности для нихъ исполненія даже однихъ обязательныхъ требованій этого закона, склонять ихъ къ необязательнымъ для нихъ матеріальнымъ пожертвованіямъ, для предоставленія работающимъ въ ихъ заведеніяхъ дѣтямъ возможности школьнаго обученія, представлялось вполнѣ несвоевременнымъ и безполезнымъ». Кіевскій инспекторъ иллюстрируетъ эту мысль фактами. Такъ, въ Кіевѣ предприниматель «заявилъ дѣтямъ, работавшимъ на фабрикѣ, что отпускаетъ ихъ въ виду

предложенія фабричной инспекціи о школьномъ образованіи для малолѣтнихъ рабочихъ. Пораженные такимъ неожиданнымъ заявленіемъ, дѣти, работавшія на фабрикѣ, и ихъ родители пришли ко мнѣ,—пишетъ кіевскій фабричный инспекторъ, — съ просьбой выяснить настоящее положеніе дѣла». И вотъ инспекторъ вынужденъ былъ вступить въ переговоры съ фабрикантомъ и убѣждать его не въ томъ, что необходимо устроить школу для малолѣтнихъ рабочихъ, а въ томъ, что законъ вовсе не обязываетъ предпринимателя къ какимъ-либо тратамъ для образованія работающихъ у него дѣтей, что его дѣло предоставить столько-то часовъ въ день для посѣщенія школъ, а есть такая школа или нѣтъ—за это предприниматель не несетъ отвѣтственности. Дѣйствовать такимъ образомъ пришлось не одному кіевскому инспектору. Почти всюду фабриканты и заводчики стали угрожать отказомъ отъ пользованія услугами дѣтей. Не принимать во вниманіе этихъ заявленій фабричная инспекція не могла, опасаясь поставить тѣхъ же дѣтей и ихъ родителей въ безвыходное положеніе вслѣдствіе внезапнаго лишенія заработка. Волей-неволей фабричнымъ инспекторамъ приходилось ограничиваться предъявленіемъ лишь обязательныхъ требованій закона и поступаться школьнымъ обученіемъ малолѣтнихъ. Недовольные регламентаціей труда въ обрабатывающей промышленности не упустили случая воспользоваться этимъ преимуществомъ своего положенія: по выраженію московскаго фабричнаго инспектора, «владѣлецъ завода, фабрики или мануфактуры не имѣетъ надобности строго и обдуманно относиться и къ факту допущенія или недопущенія малолѣтнихъ на свои фабрики. Вѣдь, все равно тратиться на школу онъ ничѣмъ не вынужденъ и каждую минуту потому можетъ вновь нанять малолѣтнихъ, если, по его соображеніямъ, это понадобится, не принося за то никакой жертвы». Но какъ ни часто фабриканты заявляли о нежеланіи держать на фабрикахъ дѣтей, въ серьезности этого намѣренія позволительно сомнѣваться, хотя бы потому, что большинство до настоящаго времени пользуется трудомъ тысячъ малолѣтнихъ.

Лучшимъ выходомъ изъ этого ненормальнаго положенія было бы признаніе обязательности обученія для дѣтей, работающихъ на фабрикахъ. Къ такому выводу пришелъ и состоявшійся года два тому назадъ первый съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. Съѣздъ этотъ призналъ, что посѣщеніе школы должно быть непреложнымъ условіемъ самаго участія малолѣтнихъ въ работѣ фабрикъ и заводовъ, а повсемѣстное устройство фабричныхъ школъ достижимо при установленіи особаго сбора на этотъ предметъ съ фабрикантовъ.

Можно надѣяться, что къ тому же выводу придетъ и коммиссія, работающая въ настоящее время при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Помощь вятскаго земства кустарямъ. Вятская губернія занимаетъ совсѣмъ особенное положеніе въ ряду русскихъ областей: она дѣйствительно можетъ быть названа «крестьянскимъ царствомъ»; дворянскій элементъ въ ней отсутствуетъ, и земля почти цѣликомъ находится въ рукахъ крестьянъ. Эта особенность Вятской губерніи отразилась и на характерѣ ея земства, которое извѣстно по всей Россіи своей широкою дѣятельностью на пользу мѣстнаго населенія. Быть можетъ, ни одно изъ русскихъ земствъ не сдѣлало такъ много для поднятія крестьянскаго хозяйства, распространенія въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній, поддержки кустарныхъ промысловъ и пр., какъ вятское зем-

ство. Дѣятельность его въ этомъ направленіи служитъ образцомъ для другихъ земствъ, которыя хотятъ идти по тому же пути. Такъ, казанское земство, имѣя намѣреніе устроить въ Казанской губерніи земскій складъ кустарныхъ издѣлій, командировало недавно члена губернской управы Н. Бѣльковича въ Вятскую губернію, для ознакомленія на мѣстѣ съ земской организаціей помощи кустарямъ. Докладъ г-на Бѣльковича, являющійся результатомъ его командировки, сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Приведемъ въ общихъ чертахъ содержаніе этого доклада, напечатаннаго въ «Волжск. Вѣст.».

«По даннымъ г. Бѣльковича, почерпнутымъ изъ матеріаловъ вятскаго земства, оказывается, что въ Вятской губерніи занято кустарными промыслами до 160.000 человѣкъ, при валовомъ годовомъ оборотѣ до 16.000.000 рублей, — цифры эти, нельзя не согласиться, дѣйствительно, весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о важности кустарной промышленности въ бюджетѣ крестьянскаго населенія Вятской губерніи. Вятское земство, въ своихъ стремленіяхъ помочь кустарю и развитію его промысла, руководилось тѣмъ взглядомъ, что въ этомъ дѣлѣ прежде всего необходимъ кредитъ, затѣмъ организація сбыта издѣлій и усовершенствованіе техники производства. Вятскій кустарный музей и складъ кустарныхъ издѣлій, мысль объ устройствѣ которыхъ возникла въ земствѣ еще въ 1888 году, организованъ по образцу лучшаго въ Россіи московскаго торгово-промышленнаго музея. Эти учрежденія служатъ не только выставками кустарныхъ работъ, но и являются дѣйствительными посредниками для кустарей въ дѣлѣ продажи ихъ издѣлій и снабженія необходимыми для работъ матеріалами. Такимъ путемъ устранено вредное вліяніе скупщиковъ кустарныхъ издѣлій и удешевленъ на 50 проц. стоимости для кустарей сырой матеріалъ. Несмотря на весьма широкую по своимъ результатамъ дѣятельность музея, это учрежденіе въ настоящее время не приноситъ вятскому земству ни одной копѣйки убытка, даже болѣе—ассигнованные для оборотовъ прошлаго года 30.000 рублей не только возмѣщены цѣликомъ, но, за покрытіемъ расходовъ по содержанію музея съ его дорого стоющей администраціей, очистилось въ пользу земства чистой прибыли 1.000 рублей, а «вятскій кустарь,—какъ говоритъ въ своемъ докладѣ г. Бѣльковичъ, — дѣйствительно вздохнулъ, избавившись отъ гнета зависимости, въ которой онъ прежде обрѣтался у скупщиковъ его издѣлій». Въ настоящее время, по словамъ докладчика, вятскій кустарь уже самъ диктуетъ условія сбыта своихъ издѣлій гг. скупщикамъ. На 1895 годъ вятское губернское земство открыло кредитъ своему музею въ 50.000 рублей и разрѣшило кредитоваться изъ государственнаго банка на 25.000 рублей».

Кромѣ устройства кустарнаго музея, Вятское земство заботится также объ усовершенствованіи техники кустарнаго производства, и съ этой цѣлью устраиваетъ рядъ учебныхъ мастерскихъ. Г. Бѣльковичъ описываетъ нѣсколько такихъ мастерскихъ, видѣнныхъ имъ во время своей командировки—ткацкія учебныя мастерскія, имѣющіяся почти при всѣхъ уѣздныхъ управахъ съ учительницами, обученными въ центральной мастерской при Вятскомъ музеѣ, Кукарскую кружевную мастерскую въ Яранскомъ уѣздѣ, Нолинскую мастерскую производства роговыхъ предметовъ, и др. Г. Бѣльковичъ отмѣчаетъ слѣдующія особенности въ постановкѣ вятскихъ учебныхъ мастерскихъ, чрезвычайно способствующія успѣшному веденію дѣла: «во-1-хъ, всѣ онѣ поставлены независимо отъ общеобразо-

вательныхъ школъ, чѣмъ достигается доступность ихъ для всякаго, а во 2-хъ, каждый учащійся въ этихъ мастерскихъ, разъ онъ пріобыкъ къ мастерству (что достигается не болѣе, какъ въ продолженіе 2-хъ мѣсяцевъ) и въ состояніи производить предметы, могущіе быть допущенными въ продажу, получаетъ за свои издѣлія плату отъ 3 до 5 рублей въ мѣсяцъ, такъ что самое содержаніе обучающагося оплачивается; послѣднее обстоятельство сильно содѣйствуетъ увеличенію контингента желающихъ обучаться».

Главный контингентъ учащихся въ этихъ мастерскихъ составляютъ крестьяне и крестьянки, а затѣмъ идутъ сельскіе учителя. Учебныя мастерскія имѣютъ большое вліяніе на укрѣпленіе и развитіе кустарныхъ промысловъ, такъ какъ, благодаря имъ, кустари научаются дѣлать издѣлія высшаго качества, находящія себѣ лучшій сбытъ. Такъ, напр., въ «г. Вяткѣ при учебной мастерской губернскаго земства имѣется отдѣленіе для обученія плетенью изъ ивы, корней, бересты, смолы и мочала. Учитель въ этой мастерской выписанъ земствомъ изъ Вологодской губерніи. Учениками въ мастерской по преимуществу дѣти и желающихъ учиться много, такъ что приходится отказывать желающимъ за тѣснотой помѣщенія. Вліяніе мастерской на развитіе въ губерніи этого промысла значительно, и съ каждымъ годомъ число кустарей увеличивается. До открытія школы, какъ видно, было занято этимъ промысломъ только 105 лицъ, преимущественно изъ деревень, прилегающихъ къ селу Бобино, которое составляетъ центральное мѣсто производства. Кустари эти плели прежде простыя корзинки-укладки, а изъ бересты грубые пещеры исключительно для мѣстнаго потребленія. Въ настоящее же время плетутъ болѣе изящные предметы, находящіе себѣ сбытъ и за предѣлами губерніи; въ особенности ходко идетъ даже за границу плетенье изъ бересты».

То же самое, по словамъ г. Бѣльковича, можно сказать и относительно роговаго промысла:

«Роговое производство хотя не особенно развито въ Нолинскомъ уѣздѣ и вообще по губерніи, но, въ виду незначительнаго заработка этихъ кустарей и въ высшей степени антигигіеничныхъ условій самой работы, вятское земство обратило вниманіе на этотъ промыселъ, который, при лучшей техникѣ производства и самой обстановки работы, можетъ устранить указанные недостатки. До 1892 года кустари выдѣлывали по преимуществу гребешки самой простой и дешевой формы. Ради усовершенствованія производства, земство открыло въ Нолинскѣ учебную мастерскую, учителемъ въ которую пригласило мастера изъ Вологодской губерніи, и въ настоящее время, благодаря этой мастерской, роговое производство усовершенствовалось и кустари производятъ дорогія и изящныя издѣлія, спросъ на которыя на рынкѣ очень значителенъ, такъ что этотъ товаръ въ вятскомъ музеѣ не залеживается. Вятскій кустарный музей ежегодно пріобрѣтаетъ новые образцы издѣлій, и кустари по образцамъ работаютъ вполнѣ удовлетворительно. Промыселъ этотъ въ настоящее время очень прибыльный и число лицъ, занимающихся имъ, съ каждымъ годомъ увеличивается, такъ какъ матеріалъ, сравнительно съ высокой цѣнностью производимыхъ предметовъ, дешевъ. Сто паръ крупныхъ черкасскихъ роговъ музеемъ покупается въ Москвѣ по 22 рубля. Въ непродолжительномъ времени вятское земство предполагаетъ перевести учебную мастерскую въ Вятскій уѣздъ, гдѣ по преимуществу живутъ гребеньщики».

Въ заключеніе своего доклада г. Бѣльковичъ замѣчаетъ, что «дѣя-

тельность вятскаго земства по отношенію къ кустарнымъ промысламъ только еще начинается, и для расширенія этой дѣятельности впереди громадное поле. По статистическимъ даннымъ, въ губерніи насчитывается 36 родовъ промысловъ, и пока въ отношеніи большей части этихъ промысловъ помощь земства ограничивается тѣмъ, что можетъ дать кустарный музей, который дѣлаетъ въ предѣлахъ возможнаго все, что можетъ облегчить условія промысла, но въ большей части производствъ видно еще подражаніе избитымъ формамъ, собственно же самобытное творчество мало еще проявляется въ издѣліяхъ вятскихъ кустарей, каковой недостатокъ только и можетъ восполнить правильно организованное художественное образованіе».

Бурашевская психіатрическая колонія. Въ газетахъ появились недавно краткія сообщенія о печальномъ инцидентѣ въ Бурашевской психіатрической колоніи тверскаго земства, окончившимся тѣмъ, что всѣ врачи колоніи коллективно подали въ отставку. Основатель этой колоніи, д-ръ Литвиновъ, пользующійся во врачебныхъ и земскихъ кругахъ большой популярностью, какъ талантливый психіатръ, положившій 10 лѣтъ жизни на организацію лучшей въ Россіи психіатрической больницы и всегда находившій полную поддержку въ земствѣ, не поладилъ съ новымъ составомъ земской управы, и принужденъ былъ подать въ отставку, которая и была принята. По словамъ «Врача», помѣстившаго горячую сочувственную статью по поводу д-ра Литвинова, «въ настоящемъ году новая губернская управа, даже не ознакомившись въ достаточной мѣрѣ съ Бурашевской колоніею, тотчасъ по вступленіи въ должность явно обнаружила по отношенію къ Бурашевской больницѣ и ея руководителю, представителю и главѣ, недовѣрчивое отношеніе. Послѣднею каплею, переполнившею чашу, послужило то обстоятельство, что управа, даже не переговоривъ съ главнымъ врачемъ, уволила смотрителя Бурашевской колоніи и на его мѣсто назначила другое лицо, которое уже ранѣе занимало эту должность и было устранено по требованію д-ра Литвинова. Естественно, что послѣдній былъ принужденъ понять это, какъ вызовъ и выраженіе такого недовѣрія, при которомъ дальнѣйшая работа стала уже невозможною. Неудивительно также, что и управа, которая только и ждала этого, поспѣшила принять его отставку».

Ординаторы Бурашевской колоніи, глубоко возмущенные поведеніемъ управы, тотчасъ же подали коллективное прошеніе объ отставкѣ, и мѣста ихъ до сихъ поръ еще не замѣщены. Земская управа въ теченіе цѣлаго мѣсяца путемъ газетныхъ объявленій и личныхъ обращеній къ профессорамъ искала лицъ, которыя бы заняли освобождающіяся должности, но ни одинъ изъ русскихъ психіатровъ не согласился принять ея предложенія. «Врачъ» справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Весь русскій психіатрическій міръ возмущенъ этою исторіею: клиники, ученыя общества, больницы единодушно шлютъ врачамъ Бурашевской колоніи сочувственные адресы и телеграммы, а управа на свои предложенія получаетъ отовсюду отказы, то простые, то обоснованные. Да и въ самомъ дѣлѣ, кто же рѣшится теперь занять мѣста, оставленныя д-ромъ Литвиновымъ и его достойными сотрудниками? Всѣ психіатры знаютъ, что это человѣкъ убѣжденный, покойный, корректный, горячо преданный дѣлу и любящій страстно созданіе своихъ рукъ—Бурашево. Нужно обладать большимъ самомнѣніемъ, чтобы разсчитывать правильно и хорошо вести дѣло при

такихъ условіяхъ, при которыхъ даже Михаилъ Павловичъ счелъ всѣ свои усилія безполезными и напрасными, передъ которыми даже его опытъ, его энергія, его преданность дѣлу оказались безсильными! А если бы и нашелся столь смѣлый и увѣренный въ себѣ человѣкъ, то гдѣ бы онъ собралъ себѣ ординаторовъ? Вѣдь, шутка сказать, рѣчь идетъ о колоніи, призрѣвающей не менѣе 500 душевнобольныхъ! Хотя и говорятъ, что въ семьѣ не безъ урода, но мы рѣшительно сомнѣваемся, чтобы тверской управѣ удалось пригласить на службу врачей съ достаточнымъ психіатрическимъ прошлымъ, ибо кто же рѣшится связать свое имя съ дѣломъ разрушенія въ Бурашевѣ того, что было сдѣлано его предшественниками».

«Врачъ» приводитъ также прошеніе объ отставкѣ, поданное ординаторами Бурашевской колоніи, послѣ того какъ они узнали объ отставкѣ Литвинова: «Господину предсѣдателю тверской губернской земской управы. Милостивый государь, Александръ Степановичъ! Третьяго мая нашъ глубокоуважаемый товарищъ Михаилъ Павловичъ Литвиновъ сообщилъ намъ, что послѣ объясненія съ тверской губернской земской управой онъ вынужденъ былъ подать прошеніе объ отставкѣ, и прошеніе это управою принято. По словамъ Михаила Павловича, основаніемъ къ подачѣ такого прошенія было убѣжденіе его, Михаила Павловича, въ томъ, что дальнѣйшее веденіе дѣла Бурашевской колоніи въ прежнемъ направленіи, вызывавшемъ неоднократное одобреніе со стороны собраній тверскаго земства, становится отнынѣ невозможнымъ. Убѣжденіе это сложилось у Михаила Павловича въ виду, главнымъ образомъ, нѣкоторыхъ распоряженій управы. Эти распоряженія были приняты управой въ самомъ началѣ ея дѣятельности, безъ ознакомленія съ положеніемъ колоніи и ходомъ въ ней дѣлъ. Между тѣмъ, распоряженія эти обнимаютъ собою одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ учрежденія. Этимъ распоряженіямъ точно также не предшествовало совѣщаніе съ старшимъ врачемъ, какъ то было въ практикѣ тверскаго губернскаго земства до сихъ поръ. Изложенныя обстоятельства привели Михаила Павловича къ несомнѣнному заключенію, съ одной стороны, что условія дальнѣйшаго существованія Бурашевской колоніи подвергаются кореннымъ измѣненіямъ въ направленіи, не отвѣчающемъ требованіямъ дѣла, а, съ другой, что онъ, Михаилъ Павловичъ, уже не встрѣтитъ довѣрія со стороны управы въ настоящемъ ея составѣ въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для правильнаго и успѣшнаго веденія дѣла. Раздѣляя вполнѣ это мнѣніе Михаила Павловича и будучи убѣждены, что онъ, такъ много потрудившійся для колоніи, безъ достаточныхъ основаній не оставилъ бы дѣятельность въ колоніи, мы изъ того обстоятельства, что отставка Михаила Павловича принята управою, заключаемъ, что отношенія управы къ дѣятельности колоніи въ настоящее время существенно измѣняются. Не желая не только участвовать, но и присутствовать при разрушеніи того, что создавалось въ теченіе болѣе, чѣмъ десяти лѣтъ, на что потрачено такъ много труда, что̀, наконецъ, служитъ во многихъ отношеніяхъ образцомъ, мы просимъ тверскую губернскую земскую управу сложить съ насъ обязанности ординаторовъ колоніи. Къ изложенному мы считаемъ нелишнимъ добавить, что въ правильности нашихъ соображеній насъ убѣждаютъ еще и другія распоряженія управы, непосредственно некасающіяся колоніи. Мая 4-го 1895 г.».

Затѣмъ слѣдуютъ подписи всѣхъ ординаторовъ колоніи.

«Въ семьѣ не безъ урода», замѣчаетъ «Врачъ» по адресу тѣхъ, кто

рѣшился бы принять на себя обязанности подавшихъ въ отставку врачей. То же замѣчаніе можно сдѣлать и по адресу иныхъ земскихъ дѣятелей, унижающихъ учрежденіе, которое, какъ мы только-что видѣли на примѣрѣ вятскаго земства, столько сдѣлало и дѣлаетъ для народа. Пожелаемъ, чтобы непріятный и тяжелый инцидентъ съ Бурашевской колоніей былъ улаженъ возможно скорѣе. Путь для этого одинъ: управѣ слѣдуетъ признать свой промахъ и извиниться предъ д-ромъ Литвиновымъ и просить его и его товарищей вновь взять на себя руководство и завѣдываніе колоніей.

Вымираніе инородцевъ. Въ прошлой книгѣ, въ отдѣлѣ библіографіи, мы сообщали со словъ г. Діонео о постепенномъ вымираніи населенія Якутской области, именно, Колымскаго края, который, по даннымъ г. Діонео, черезъ 50 лѣтъ превратится въ пустыню. Теперь, въ «Журналѣ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія» напечатано интересное сообщеніе д-ра Почтарева о вымираніи инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Авторъ былъ въ 1893 г. недолгое время на сѣверной окраинѣ Тобольской губ., и ему пришлось наблюдать тамъ такія явленія въ жизни инородцевъ, которыя побудили его привлечь вниманіе общества къ этому вопросу. По его словамъ, «преступно (ради какихъ-либо соображеній) долѣе откладывать освѣщеніе того мрака, который покрываетъ этотъ край: давно уже наступила пора вмѣшаться въ ихъ бытъ, какъ людямъ науки, такъ и правительству, потому что вопросы эти не филантропическіе, а чисто экономическіе, имѣющіе общегосударственное значеніе».

«Обращаясь къ быту инородцевъ и ихъ странѣ, — говоритъ далѣе г. Почтаревъ,—поражаешься богатствомъ ея, а равно и бѣдностью обладателей этой территоріи,—скудость и жалкое, хуже скотскаго существованіе ихъ по истинѣ ужасно! Рядомъ съ этимъ лица, пользующіяся трудомъ инородца и эксплоатирующія его невѣжество, довѣрчивость, пользуются прекраснымъ здоровьемъ и быстро наживаютъ капиталы, не прикладывая для этого ни труда, ни ума».

Авторъ лично ознакомился съ жизнью инородцевъ на рыбныхъ промыслахъ. Одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза изъ сѣверной части Тобольской губерніи,—разсказываетъ онъ,—рыба, ловомъ которой занято болѣе 5 тыс. человѣкъ. Рабочіе на рыбныхъ промыслахъ, по преимуществу—остяки, находятся въ самой высокой степени зависимости отъ своихъ хозяевъ: это, можно сказать, «настоящіе рабы прасола, круглый годъ работающіе на него за ничтожный свой долгъ и возможность постояннаго кредита, безъ котораго они существовать не могутъ». Есть нѣсколько формъ найма инородцевъ, но въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ отработка долга: трудъ иныхъ изъ инородцевъ («рабочіе») оцѣнивается прямо на деньги, причемъ вся заработная плата идетъ на погашеніе стараго долга; въ другихъ случаяхъ хозяинъ за извѣстную плату даетъ своимъ инородцамъ-должникамъ («половинщики») неводъ, подъ условіемъ, что половина улова идетъ въ его пользу, а остальное должно быть сдано ему же по назначенной имъ цѣнѣ. Самый интересный для характеристики взаимныхъ отношеній инородцевъ и торговцевъ разрядъ составляютъ «вотчинники», т. е. владѣльцы рыболовнаго угодья, эксплоатируемаго прасоломъ. Даже будучи такимъ владѣльцемъ, инородецъ не выходитъ изъ положенія «закабаленнаго подневольнаго рабочаго», не могущаго выбиться изъ сѣтей кредитора. «Для того, чтобы ни одной

минуты,—пишетъ г. Почтаревъ,—не прерывать этого «perpetuum mobile» отработки стараго долга и производства новой задолженности, рыбопромышленникъ въ Тобольскѣ нагружаетъ паузки различными предметами потребленія инородцевъ»... Въ маѣ мѣсяцѣ начинается ловъ, начинается и торговля заботливо доставляемыми къ тому же времени «инородческими» товарами: «сдатчики», «половинщики» и прочіе разряды рыболововъ каждый день несутъ свою добычу приказчику своего кредитора и получаютъ кредитъ въ наскоро устроенномъ магазинѣ. Къ концу сезона производится разсчетъ: «прасолъ беретъ книгу, по ней подсчитываетъ, сколько ему былъ долженъ рабочій, сколько онъ вновь задолжалъ во время рыболовнаго сезона,—обыкновенно получается солидная цифра, такъ какъ все забранное цѣнится по произволу; затѣмъ считается, сколько сдано рабочимъ рыбы, оцѣненной тоже прасоломъ; и при сравненіи долга съ выработанной суммой обыкновенно въ результатѣ рабочій не только не получаетъ ничего, но еще остается должникомъ. Между тѣмъ ему завтра же нужно на что-нибудь питаться, для себя же лично работать уже поздно, да и не чѣмъ, ибо снасти всѣ рыбопромышленника и имъ увозятся съ собой. Но прасолъ великодушенъ; онъ, прочитавъ должное наставленіе о дикости и лѣности, ссужаетъ его малой толикой негодныхъ припасовъ и беретъ съ него обязательство на будущій сезонъ вновь явиться на работу, что свято и исполняется». Впрочемъ, бываетъ и такъ, что, «какъ ни ведетъ свою «бухгалтерію» прасолъ, а все-же инородцу приходится что-нибудь съ него получить». Тогда припоминается старый долгъ умершаго отца инородца тому же прасолу—и разсчетъ заканчивается по-прежнему закабаленіемъ «дикаря» и на слѣдующій годъ.

Понятно, что, при такихъ условіяхъ труда, инородцы постоянно находятся въ самой ужасной нищетѣ, которая и является главной причиной вымиранія инородческихъ племенъ. Самый фактъ этого вымиранія или «угасанія» констатируется всѣми изслѣдователями Сибири, и оно идетъ впередъ съ ужасающей быстротой, угрожая, по словамъ г. Почтарева, въ недалекомъ будущемъ превратить нашъ богатый Сѣверный край въ непроходимую тундру.

Н. Х. Бунге (некрологъ). 3-го іюня текущаго года скончался извѣстный ученый, государственный дѣятель и писатель Н. Х. Бунге. Покойный въ теченіе 6-ти лѣтъ занималъ постъ министра финансовъ, и время его управленія ознаменовалось цѣлымъ рядомъ крупныхъ экономическихъ реформъ, каковы, напр., отмѣна подушной подати, учрежданіе Крестьянскаго банка, введеніе фабричной инспекціи и др. До назначенія на министерскій постъ Н. Х. Бунге долгое время былъ профессоромъ политической экономіи въ кіевскомъ университетѣ и вступилъ въ управленіе министерствомъ съ твердо выработанной экономической программой. Приведемъ изъ газетъ краткія біографическія свѣдѣнія объ этомъ почтенномъ дѣятелѣ:

Н. Х. родился въ Кіевѣ 11-го ноября 1823 года, образованіе получилъ тамъ же въ 1-й гимназіи и университетѣ св. Владиміра, гдѣ окончилъ курсъ въ 1845 году со степенью кандидата. Черезъ два года молодой ученый защитилъ магистерскую диссертацію («Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра Великаго»); въ 1852 году кіевскій университетъ удостоилъ Бунге степени доктора политическихъ наукъ за диссертацію «Теорія кредита». Его профессорская дѣятельность началась еще ранѣе. Прямо по окончаніи университетскаго курса покойный былъ на-

значенъ преподавателемъ въ нѣжинскій лицей князя Безбородко, а по защитѣ магистерской диссертаціи онъ былъ утвержденъ профессоромъ лицея. Въ 1850 году Н. Х. Бунге получилъ каѳедру политической экономіи и статистики въ университетѣ св. Владиміра. Съ 1859 по 1862 г. Н. Х. состоялъ ректоромъ кіевскаго университета по назначенію, позднѣе онъ дважды занималъ тотъ же постъ по выборамъ. Работая въ университетѣ, Н. Х. не прекращалъ и публицистической дѣятельности, которая началась въ 1852 году. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ («Отечественныя Записки», «Русскій Вѣстникъ», «Журналъ для акціонеровъ») появились статьи Н. Х. о крестьянской реформѣ (покойный самъ участвовалъ въ разработкѣ финансовыхъ вопросовъ въ редакціонной коммиссіи), объ акціонерныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, объ устройствѣ учебной части въ университетахъ. Позднѣе, въ семидесятыхъ годахъ, онъ выступилъ съ рядомъ изслѣдованій о способахъ упорядоченія нашего денежнаго обращенія. Государственная дѣятельность, которой были посвящены послѣдніе годы Бунге, не отвлекла его и отъ литературныхъ занятій. Въ 1890 г. Н. Х. издана книга «Государственное счетоводство и финансовая отчетность въ Англіи», и еще только на-дняхъ появилось другое произведеніе покойнаго—«Очерки по исторіи литературы политической экономіи». Заслуженный профессоръ съ 1876 года и ординарный академикъ съ 1890 года, Бунге состоялъ почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ Обществъ, а также университетовъ петербургскаго, новороссійскаго и св. Владиміра и академіи наукъ. Въ нынѣшнемъ году предполагалось празднованіе пятидесятилѣтія его учено-литературной дѣятельности.

Государственная дѣятельность покойнаго, какъ уже помянуто, началась съ 1880 года. Въ министерствѣ, которое вскорѣ ему было ввѣрено, Бунге служилъ еще съ шестидесятыхъ годовъ, въ должности управляющаго кіевскою конторою Государственнаго банка. Въ 1881 году, послѣ кратковременнаго исполненія обязанностей товарища министра финансовъ, покойный былъ поставленъ во главѣ финансоваго вѣдомства и оставался на этомъ посту въ теченіе шести лѣтъ (1881—1886 гг.). Этотъ періодъ ознаменовался рядомъ важныхъ финансовыхъ и экономическихъ мѣропріятій. При Н. Х. совершились весьма существенныя преобразованія въ системѣ нашихъ налоговъ. Въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ по росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ Н. Х. указалъ на подоходный налогъ, какъ на самый цѣлесообразный и справедливый способъ обложенія. Не рѣшаясь сразу осуществить такую коренную реформу, какъ общій подоходный налогъ, Н. Х. Бунге провелъ рядъ частныхъ налоговъ, въ которыхъ видѣлъ подготовительныя мѣры къ раціональному преобразованію нашей податной системы. Таковы были: налогъ на доходъ съ процентныхъ бумагъ, процентный и раскладочный сборы съ промышленныхъ предпріятій. налогъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами. Та же цѣль болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ и привлеченія достаточныхъ классовъ къ участію вь податномъ бремени преслѣдовалась также другими законодательными мѣрами того времени, когда во главѣ министерства финансовъ стоялъ Н. Х Бунге, напр., пониженіемъ выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и отмѣной подушной подати. Если въ таможенной политикѣ Н. Х., какъ извѣстно, дѣлалъ не мало уступокъ протекціонизму, если питейная реформа 1885 г., обращеніе оброчной подати бывшихъ

государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи и нѣкоторыя другія частныя мѣропріятія и не были вполнѣ согласованы съ раціональными основами финансовой политики Н. Х., то вполнѣ плодотворны были начинанія покойнаго въ цѣляхъ возстановленія у насъ правильнаго денежнаго обращенія. Несомнѣнную заслугу министерской дѣятельности Н. Х. Бунге составляютъ также первые шаги нашего законодательства въ дѣлѣ регламентаціи фабричнаго труда и учрежденіе фабричной инспекціи.

Въ 1887 г. закончилась дѣятельность Н. Х. Бунге какъ министра финансовъ. Онъ былъ назначенъ на высокій постъ предсѣдателя комитета министровъ и въ этой должности пробылъ восемь лѣтъ, до самой смерти.

Переписка Бѣлинскаго съ его невѣстой. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» напечатаны интересныя письма Бѣлинскаго къ его невѣстѣ, М. В. Орловой. Марія Васильевна Орлова кончила курсъ въ одномъ изъ московскихъ институтовъ, нѣкоторое время была гувернанткой въ частномъ домѣ, и затѣмъ поступила въ институтъ классной дамой. Съ Бѣлинскимъ она познакомилась въ 1835 г., хотя уже раньше зачитывалась его статьями и была горячей поклонницей его таланта. Въ 1843 г., когда ей было уже 31 годъ, она вышла за него замужъ. Бѣлинскій сдѣлалъ ей предложеніе уже послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, протекшихъ между ихъ помолвкой и свадьбой, они постоянно обмѣнивались письмами, часть которыхъ напечатана теперь въ «Русск. Вѣд.». Письма эти, полныя глубокой нѣжности и любви, представляютъ большой интересъ для характеристики Бѣлинскаго. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя выдержки.

Въ письмѣ отъ 7-го сентября 1843 г. онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Мысль о васъ дѣлаетъ меня счастливымъ, и я несчастенъ моимъ счастіемъ, ибо могу только думать о васъ. Самая роскошная мечта стоитъ меньше самой небогатой существенности; а меня ожидаетъ богатая существенность: что же и къ чему мнѣ всѣ мечты и могутъ ли онѣ дать мнѣ счастіе? Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока вы не со мной,— я самъ не свой, не могу ничего дѣлать, ничего думать. Послѣ этого очень естественно, что всѣ мои думы, желанія, стремленія сосредоточились въ одной мысли, въ одномъ вопросѣ, когда же это будетъ? И пока я еще не знаю, когда именно, но что-то внутри меня говоритъ мнѣ, что скоро. О, если бы это могло быть въ будущемъ мѣсяцѣ!

Погода въ Пб. чудесная, весенняя. Она прибыла сюда вмѣстѣ со мною, потому что до моего пріѣзда здѣсь были дождь и холодъ. А теперь на небѣ ни облачка, все облито блескомъ солнца, тепло, какъ въ ясный апрѣльскій день. Вчера было туманно, и я думалъ, что погода перемѣнится; но сегодня снова блещетъ солнце, и мои окна отворены. А ночи? Если бы вы знали, какія теперь ночи! Цвѣтъ неба густо-теменъ и въ то же время ярко блестящъ усыпавшими его звѣздами. Не думайте, что я не берегусь, обрадовавшись такой погодѣ. Напротивъ: я и днемъ, какъ и вечеромъ, хожу въ моемъ тепломъ пальто, чему, между прочимъ, причиною и то, что еще не пришелъ въ П. посланный по транспорту ящикъ съ моими вещами, гдѣ обрѣтается и мое лѣтнее пальто. Не повѣрите, какъ жарко: окна отворены, а я задыхаюсь отъ жару. На небѣ такъ (ярко) и свѣтло, а на душѣ такъ легко и весело!

Безъ меня мои растенія ужасно

разрослись, а что больше всего обрадовало меня, такъ это то, что безъ меня разцвѣла одна изъ моихъ олеандръ. Я очень люблю это растеніе, и у меня ихъ цѣлыхъ три горшка. Одна олеандра выше меня ростомъ. Послѣ тысячи мелкихъ и ядовитыхъ досадъ и хлопотъ, Боткинъ наконецъ уѣхалъ за границу. Это было въ субботу (4-го сент.). Я провожалъ его до Кронштадта. День былъ чудесный,— и мнѣ такъ отрадно было думать и мечтать о васъ на морѣ. Разстались мы съ Б. довольно грустно, чему была важная причина, о которой узнаете послѣ. Странное дѣло! Я едва могъ дождаться, когда переѣду на мою квартиру, а тутъ мнѣ тяжела была мысль, что я вотъ сегодня же ночую въ ней. И теперь еще мнѣ какъ-то дико въ ней. Впрочемъ это будетъ такъ до тѣхъ поръ, пока я вновь не найду самого себя, т.-е. пока вы не возвратите меня самому мнѣ. До тѣхъ же поръ мнѣ одно утѣшеніе и одно наслажденіе: смотрѣть на стѣны и мысленно опредѣлять перемѣщеніе картинъ и мебели. Это меня ужасно занимаетъ.

Скажите: скоро ли получу я отъ васъ письмо? Жду—и не вѣрю, что дождусь; увѣренъ, что получу скоро—и боюсь даже надѣяться. О, не мучьте меня; но вѣдь, вы уже послали ваше письмо, и я получу его сегодня, завтра!—не правда ли?

Прощайте. Храни васъ Господь. Пусть добрые духи окружаютъ васъ днемъ, нашептываютъ вамъ слова любви и счастія, а ночью посылаютъ вамъ хорошіе сны. А я, — я хотѣлъ бы теперь хоть на минуту увидать васъ, долго, долго посмотрѣть вамъ въ глаза, обнять ваши колѣна и поцѣловать край вашего платья. Но нѣтъ, лучше дольше, какъ можно дольше не видѣться, совсѣмъ, нежели увидѣться на одну только минуту, и вновь разстаться, какъ мы уже разстались разъ. Простите меня за эту болтовню; грудь моя горитъ, на глазахъ накипаетъ слеза: въ такомъ глупомъ состояніи обыкновенно хочется сказать много и ничего не говорится, или говорится очень глупо. Странное дѣло! Въ мечтахъ я лучше говорю съ вами, чѣмъ на письмѣ, какъ нѣкогда заочно я лучше говорилъ съ вами, чѣмъ при свиданіяхъ. Что-то теперь Сокольники? Что завѣтная дорожка, зеленая скамеечка, великолѣпная аллея? Какъ грустно вспоминать обо всемъ этомъ, и сколько отрады и счастія въ грусти этого воспоминанія!»

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Бѣлинскій, жалуясь на то, что долго не получаетъ письма, говоритъ: «Наконецъ-то вы и Богъ сжалились надо мною. О, если бы вы знали, чего мнѣ стоило ваше долгое молчаніе. Первое письмо мое пошло къ вамъ 3-го сент. (въ пятн.), слѣд. 6-го (въ понед.) вы получили его. Я разсчелъ, что во вторникъ Агр. В. дежурная, и потому думалъ, что вашъ отвѣтъ пойдетъ въ середу (8-го), а ко мнѣ придетъ въ субботу. Но въ субботу ничего не пришло, и мнѣ съ чего-то вообразилось, что я жду вашего отвѣта на мое письмо уже недѣли двѣ. Въ воскр. нѣтъ; я пріунылъ,—и въ голову полѣзли разные вздоры: то мое письмо пропало на почтѣ и не дошло до васъ, то вы больны, и больны тяжко, то (смѣйтесь надо мною — я зналъ, что я глупъ—вѣдь вы же сдѣлали меня дуракомъ) вы вдругъ охладѣли ко мнѣ. Я не могъ работать (а съ работою и такъ опоздалъ, все думаю объ васъ); мнѣ было тяжело, жизнь опять приняла въ глазахъ моихъ мрачный колоритъ. Къ тому же, съ воскресенья началась холодная и дождливая погода, а погода всегда имѣетъ сильное вліяніе на расположеніе моего духа. Въ понедѣльникъ опять нѣтъ, сегодня ждалъ почти до 3-хъ часовъ, и съ горя, не смотря на дождь, пошелъ обѣдать на другой ко-

нецъ Невскаго проспекта. Возвращаясь домой, возымѣлъ благое желаніе утѣшить себя въ горѣ двумя десятками групъ, твердо рѣшившись истребить ихъ менѣе чѣмъ въ двадцать минутъ. Прихожу домой, и изъ залы вижу въ кабинетѣ, на бюро, что-то въ родѣ письма. У меня зарябило въ глазахъ и захватило духъ. Рука женская, но, можетъ быть, это отъ Бак—хъ? Нѣтъ, на конвертѣ штемпель московскій. Что жъ бы вы думали!—я сейчасъ схватилъ, распечаталъ, прочелъ? — Ничуть не бывало. Я переодѣлся, дождался, пока мой валетъ уйдетъ въ свою комнату,—а сердце между тѣмъ билось...

Боже мой! сколько мученій прекратило ваше письмо! Сколько разъ думалъ я: если это отъ болѣзни, то сохрани и помилуй меня Богъ (это чуть ли не первая была моя молитва въ жизни), если же это такъ — нынче да завтра, то прости ее, Господи! Я сталъ робокъ и всего боюсь, но больше всего въ мірѣ — вашей болѣзни. Мнѣ кажется, что я такъ крѣпокъ, что смѣшно и думать и заботиться обо мнѣ; но вы—о Боже мой, Боже мой, сколько тяжелыхъ грёзъ, сколько мрачныхъ опасеній!

Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ за ваше милое письмо. Оно такъ просто, такъ чуждо всякой изысканности, и между тѣмъ такъ много говоритъ. Особенно восхитило оно меня тѣмъ, что въ немъ вашъ характеръ какъ живой мечется у меня передъ глазами,—вашъ характеръ, весь составленный изъ благородной простоты, твердости и достоинства. Ваши выговоры мнѣ за то и другое—я перечитывалъ ихъ слово по слову, буква по буквѣ, медленно, какъ гастрономъ, наслаждающійся лакомымъ кушаньемъ. Я далъ себѣ слово какъ можно больше провиняться передъ вами, чтобы вы какъ можно больше бранили меня. Впрочемъ, вы въ одномъ вашемъ упрекѣ мнѣ рѣшительно неправы. Какъ вы мало меня знаете, говорите вы мнѣ и говорите неправду. Я васъ знаю хорошо, и самая ваша безтребовательность могла уже меня заставить немножко зафантазироваться. Притомъ же, какъ русскій человѣкъ, я какъ-то привыкъ думать, что, женясь, надо жить *шире*. Это, конечно, глупо. Я васъ знаю, — знаю, что васъ нельзя ни удивить, ни обрадовать мелочами и вздорами; но не отнимайте же совсѣмъ у меня права думать больше о васъ, чѣмъ о себѣ. Я знаю, что для васъ все равно, тотъ или этотъ стулъ, лишь бы можно было сидѣть на немъ; но что жъ мнѣ дѣлать, если я счастливъ мыслію, что лучшій стулъ будетъ у васъ, а не у меня. Глупо, глупо и глупо — вижу самъ; да развѣ я претендую теперь хоть на капельку ума? Развѣ я не знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ началъ посѣщать Сок.,—сдѣлался такимъ дуракомъ, какимъ еще не бывалъ. Теперь я понялъ ту великую истину, что на свѣтѣ только дураки счастливы. Я, было, отчаялся въ возможности быть сколько-нибудь счастливымъ, не понимая того, что не велика бѣда, если родился не дуракомъ — стоитъ сойти съ ума. Зарапортовался!»

Марья Васильевна писала своему жениху про какой-то балъ, данный начальницей института, и Бѣлинскій, упоминая объ этомъ балѣ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, пишетъ ей, что она, навѣрное, была тамъ красивѣе всѣхъ:

«Другія могли быть свѣжѣе, граціознѣе, миловиднѣе васъ,—это такъ; но только у одной у васъ черты лица такъ строго правильны, и дышутъ такимъ благородствомъ, такимъ достоинствомъ. Въ вашей красотѣ есть то величіе и та грандіозность, которыя даются умомъ и глубокимъ чувствомъ. Вы были красавицей въ полномъ значеніи этого слова, и вы много утратили отъ своей красоты; но при васъ осталось еще то, чему по-

завидують и красота и молодость, и что не можетъ быть отнято отъ васъ никогда. Я это давно ужъ начиналъ понимать; но опытъ — лучшій учитель, и я недавно, чужимъ опытомъ, еще болѣе убѣдился въ томъ, что ничего нѣтъ опаснѣе, какъ связывать свою участь съ участью женщины за то только, что она прекрасна и молода».

«Хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ,— продолжаетъ онъ далѣе,—какъ глубоко, какъ сильно люблю я васъ, сказать вамъ, что вы дали смыслъ моей жизни, и много, много хотѣлось бы сказать мнѣ вамъ такого, что вы и безъ сказыванья должны знать. Но не буду говорить, потому что и на словахъ, и на письмѣ все это выходитъ у меня какъ то пошло и нисколько не выражаетъ того, что̀ бы должно было выразить. Теперь я понимаю, что поэту совсѣмъ не нужно влюбляться, чтобы хорошо писать о любви, и скорѣе не нужно влюбляться, чтобы мочь хорошо писать о любви. Теперь я понялъ, что мы лучше всего умѣемъ говорить о томъ, чего бы намъ хотѣлось, но чего у насъ нѣтъ, и что мы совсѣмъ не умѣемъ говорить о томъ, чѣмъ мы полны».

Въ одномъ изъ слѣдущихъ писемъ, Бѣлинскій, повидимому въ отвѣтъ на опасенія и безпокойства своей невѣсты, возвращается къ вопросу объ ея наружности и годахъ...

«Что же касается до старой, больной, бѣдной дурной жены, sauvage въ обществѣ и не смыслящей ничего въ хозяйствѣ, которою наказываетъ меня Богъ,—то позвольте имѣть честь донести вамъ, Marie, что вы изволите говорить глупости. Я особенно благодаренъ вамъ за эпитетъ *бѣдной*; въ самомъ дѣлѣ, вы погубили меня своею бѣдностію: вѣдь я было располагался жениться на толстой купчихѣ съ черными зубами и 100.000 приданаго. Что касается до вашей старости, я былъ бы отъ нея въ совершенномъ отчаяніи, если бы, во-1-хъ, мнѣ хотѣлось имѣть молоденькую жену, à la madame Maniloff, и во-2-хъ, если бы я не видѣлъ и не зналъ людей, которые отъ молодости женъ своихъ страдаютъ такъ, какъ другіе отъ старости. Изъ этого я заключаю, что дѣло ни въ старости, ни въ молодости, и вообще, нѣтъ ничего безполезнѣе, какъ заглядывать впередъ и говорить утвердительно о томъ, что̀ еще только будетъ, но чего еще нѣтъ. Я надѣюсь, что мы будемъ счастливы; но рѣшеніе на этотъ вопросъ можетъ дать не надежда, не предчувствіе, не разсчетъ, а только сама дѣйствительность. И потому пойдемъ впередъ безъ оглядокъ и будемъ готовы на все — быть человѣчески достойными счастія, если судьба дастъ намъ его, и съ достоинствомъ, по-человѣчески, нести несчастіе, въ которомъ никто изъ насъ не будетъ виноватъ. Кто не стремится, тотъ и не достигаетъ; кто не дерзаетъ, тотъ и не получаетъ. Всякое важное обстоятельство въ жизни есть лотерея, особенно бракъ; нельзя, чтобы рука не дрожала, опускаясь въ таинственную урну за страшнымъ билетомъ, но неужели же слѣдуетъ отторгивать руку потому, что она дрожитъ? Вы больны, это правда; но вѣдь и я боленъ; я былъ бы въ тягость здоровой женѣ, которая не знала бы по себѣ, что такое страданіе. Намъ же не въ чемъ будетъ завидовать другъ другу, и мы будемъ понимать одинъ другого во всемъ—даже и въ болѣзняхъ. Какъ добрые друзья, будемъ подавать другъ другу лекарства,—и они не такъ горьки будутъ намъ казаться.

Дайте мнѣ вашу руку, мой добрый, милый другъ — то опираясь на нее, то поддерживая ее, я готовъ итти по дорогѣ моей жизни, съ надеждою и бодро. Я вѣрю, что чувствовать подлѣ своего сердца такое сердце, какъ ваше, быть любимымъ такою душою, какъ ваша, есть не наказаніе, а награда выше мѣры и заслуги. Вы называете

себя дурною и даже букою: что жъ? Я люблю ваше дурное лицо и нахожу его прекраснымъ: стало быть, наказанія и тутъ нѣтъ. Вы дики въ обществѣ—я тоже, и тѣмъ веселѣе будетъ намъ въ обществѣ одинъ съ другимъ. Если бы вы были общительны и любили общество—тогда бы я дѣйствительно былъ наказанъ крѣпко за грѣхи мои».

Интересно также и слѣдующее письмо Бѣлинскаго:

«*Суббота, сент. 25.* Наконецъ, я получилъ ваше письмо, ожиданіе котораго дѣлало меня безумнымъ за три дня до четверга (23) и два дня послѣ четверга, ибо въ четвергъ ожидалъ я его. Мое третье письмо вы получили въ прошлую субботу (18); а какъ въ понедѣльникъ m-lle Agrippine *) свободна отъ дежурства, то, благодаря ея добротѣ и снисходительности, вашъ отвѣтъ и могъ быть посланъ. Я даже думалъ, что онъ не могъ быть посланъ; но ваше письмо вывело меня изъ заблужденія и показало мнѣ, что я былъ невыносимо глупъ. Признаюсь въ глупости и прошу васъ извинить меня за нее, а за то, что вы навели меня на сознаніе моей глупости, чувствительнѣйше благодарю васъ. Точно, я теперь вспомнилъ, что вы говорили, что будете писать ко мнѣ разъ въ двѣ недѣли. Но вѣдь помнится, и я тоже хотѣлъ писать къ вамъ только разъ въ недѣлю; но, получивъ ваше письмо, не могу не отвѣтить на него въ ту же минуту, а пославъ его на почту, считаю дни, часы и минуты, въ продолженіе которыхъ оно должно дойти до васъ. Меня занимаетъ (и какъ еще—если бы вы знали!) не одна только мысль, когда ваше письмо обрадуетъ меня, но и когда мое письмо обрадуетъ васъ. Я думалъ, что и вы также точно, и моимъ душевнымъ состояніемъ мѣрилъ состояніе вашей души. Это было глупо, какъ я вижу теперь. Вы обѣщали писать въ двѣ недѣли разъ, теперь пишете каждую недѣлю, *и чаще писать не намѣрены*. Хвалю такую геройскую рѣшительность и такую непоколебимую твердость характера. Я въ восторгѣ отъ нихъ. И такъ, теперь мнѣ уже не отъ чего безпокоиться, мучиться, не получая отъ васъ долго письма: вы здоровы, и мои опасенія — грезы больнаго воображенія, вы здоровы, и наслаждаетесь своимъ рѣшеніемъ не писать больше одного раза въ недѣлю. Но скажите же, отчего мнѣ жаль моего безпокойства, моей тревоги, тоски и мученія? Отчего не радуетъ меня мысль, что теперь ваше молчаніе не означаетъ вашего нездоровья? Не знаю—или я слишкомъ слабохарактеренъ и въ моемъ чувствѣ много дѣтскаго, или вы написали ко мнѣ ваше третье письмо въ состояніи той враждебности, которую чувствовали вы ко мнѣ въ одну изъ субботъ, когда мы втроемъ гуляли въ Сок. Такъ или этакъ; но только мнѣ грустно, очень грустно. Я ждалъ себѣ сегодня свѣтлаго праздника...

Что я писалъ къ вамъ письмо до 12 часовъ ночи, вы можете бранить меня за это сколько вамъ угодно. Что мнѣ дѣлать? У меня нѣтъ вашего благоразумія въ дѣлѣ переписки съ вами, и я не могу сказать себѣ «буду писать тогда-то», а пишу, когда захочется писать. Вотъ сегодня хотя бы я и рано легъ, а не усну скоро, и потому хочу работать. Работу я запустилъ, ибо, не зная причины вашего долгаго молчанія, все безпокоился и тосковалъ, а работа не шла на умъ. Я точно безтолковъ, а вы, надо въ этомъ отдать вамъ полную справедливость, вы очень благоразумны...

Да! скажите: можетъ быть, ваше твердое намѣреніе не писать ко мнѣ

---

*) Сестра Марьи Васильевны, служившая классной дамой въ томъ же институтѣ.

больше одного раза въ недѣлю, означаетъ также и нежеланіе получать отъ меня больше одного письма въ недѣлю? Увѣдомьте меня о вашей волѣ въ этомъ отношеніи. И если такова дѣйствительно ваша воля, то какъ ни больно мнѣ это, а я постараюсь ее выполнить. Какія ночи, Боже мой! какія ночи! моя зала облита фантастическимъ серебрянымъ свѣтомъ луны. Не могу смотрѣть на луну безъ увлеченія: она такъ часто сопровождала меня, въ то прекрасное время, когда, бывало, возвращался я изъ Сок. Но теперь, въ эту минуту, мнѣ не весело смотрѣть и на чудную ночь. Прощайте, Marie, жму и цѣлую вашу руку, и прошу ее написать ко мнѣ хотя одно ласковое слово —оно утѣшило бы меня. Почему-то мнѣ захотѣлось перечесть ваше второе письмо — оно доставило мнѣ столько счастія».

«*Среда 29-го*. Долго не имѣлъ я духу ни перечесть своего письма, ни отослать его къ вамъ. А все потому, что боялся или огорчить и обезпокоить васъ долгимъ молчаніемъ, или показаться вамъ смѣшнымъ, придавая важное значеніе тому, что въ глазахъ вашихъ, можетъ быть, очень обыкновенно и мелко. О, тысячу разъ простите меня, если я былъ глупъ и понялъ ваше письмо не такъ, какъ должно было понять его! Во всякомъ случаѣ, я былъ бы радъ и счастливъ, если бы это мое письмо не огорчило васъ.

Все это время я былъ не въ духѣ и не совсѣмъ здоровъ. Я слишкомъ impressionnable, и душевное состояніе мое такъ же сильно дѣйствуетъ на здоровье, какъ и здоровье на душу. Теперь мнѣ какъ будто лучше, и для того, чтобы мнѣ было совершенно хорошо, недостаетъ только нѣсколькихъ дружественныхъ строкъ, написанныхъ вашею рукою. О, тогда я снова буду счастливъ и снова буду жить и дышать ожиданіемъ вашихъ писемъ!

Отвѣтъ на мое послѣднее письмо надѣюсь получить послѣзавтра (въ пятницу, 1-го окт.), думаю, что онъ отосланъ во вторникъ; не знаю, обманетъ ли меня моя надежда.

Вчера только отдѣлался я отъ 10-й книжки «Отеч. Зап.». Мочи нѣтъ, какъ усталъ и душою, и тѣломъ; правая рука одеревенѣла и ломитъ».

Эти письма войдутъ въ особое изданіе—«Письма В. Г. Бѣлинскаго», которое появится въ концѣ текущаго года.

Изъ русскихъ журналовъ.

Условія распространенія образованія въ народѣ. Какими причинами обусловливается распространеніе образованія въ народѣ? Зависитъ ли оно исключительно отъ степени экономическаго благосостоянія народа, или же экономическій факторъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе въ ряду другихъ факторовъ? Вотъ вопросы, которые ставятся В. Вахтеровымъ въ его интересной статьѣ «Условія распространенія образованія въ народѣ», помѣщенной въ майскомъ нумерѣ «Русской Мысли». Отвѣта на эти вопросы онъ ищетъ въ изслѣдованіяхъ земской статистики, цифровыя данныя которой наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что прямой зависимости между благосостояніемъ населенія и грамотностью не существуетъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ «наибольшій процентъ грамотности оказывается у крестьянъ, которые имѣютъ всего меньше скота и совсѣмъ не имѣютъ земли».

Приведя примѣры, касающіеся различныхъ мѣстностей Россіи, г. Вахтеровъ замѣчаетъ далѣе, что «у го-

сударственныхъ крестьянъ надѣлъ больше, а процентъ грамотныхъ меньше, нежели у бывшихъ удѣльныхъ, равно какъ и у собственниковъ изъ помѣщичьихъ надѣлъ значительно больше, а процентъ грамотности нѣсколько меньше, нежели у дарственниковъ». Итакъ, величина надѣла, которая является главнымъ источникомъ благосостоянія для крестьянъ, еще не обусловливаетъ собою распространенія грамотности, точно также, какъ бѣдность не служитъ непреоборимымъ препятствіемъ для образованія. На основаніи обширнаго статистическаго матеріала, г. Вахтеровъ приходитъ къ заключенію, что ближайшей и очевидной причиной нашей безграмотности является недостаточное число училищъ. «При наличности сознанія среди мѣстнаго населенія въ необходимости грамотности и при достаточномъ числѣ училищъ, огромное большинство дѣтей будетъ посѣщать школу, несмотря ни на экономическія препятствія, ни на семейныя обстоятельства, ни на что другое. Очень небольшая часть людей, уменьшающаяся въ зависимости отъ сокращенія школьныхъ разстояній, не будетъ посѣщать школы по экономическимъ причинамъ».

Не отрицая важности экономическаго фактора въ дѣлѣ распространенія грамотности, г. Вахтеровъ настаиваетъ на томъ, что ему нельзя придавать первенствующаго, рѣшающаго значенія: «Первые поселенцы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ начали съ того, что сдѣлали начальное образованіе обязательнымъ,—говоритъ онъ.—Здѣсь, стало быть, не экономическое благосостояніе страны предшествовало развитію народнаго просвѣщенія, а наоборотъ, широкое распространеніе просвѣщенія—подъему народнаго благосостоянія. Точкой отправленія широкихъ реформъ въ области народнаго образованія во Франціи былъ 1870 г.—моментъ погрома, огромной контрибуціи, раззоренія страны. Значитъ, и здѣсь причина быстраго распространенія народнаго образованія была другая, а не высокое экономическое благосостояніе народа. У насъ такимъ исходнымъ пунктомъ былъ 1850 г., отнюдь не совпадающій съ особымъ подъемомъ народнаго благосостоянія... не избытокъ національнаго благосостоянія, а финансовое разстройство въ странѣ заставило Петра Великаго предпринять самыя энергическія усилія къ насажденію образованія въ Россіи...»

Очень важнымъ факторомъ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія является, по словамъ г. Вахтерова, сословный составъ земствъ. По даннымъ земской статистики оказывается, что «въ губерніяхъ съ наибольшимъ числомъ гласныхъ отъ крестьянъ, процентъ расходовъ на народное образованіе тоже наибольшій и выше средняго по всей Россіи». Въ земствахъ съ преобладаніемъ дворянскаго элемента замѣчается обратное явленіе. Но этотъ факторъ тоже не составляетъ «фатальной причины нашей безграмотности», и дѣйствіе его во многихъ случаяхъ парализируется другими условіями. Разсмотрѣвъ затѣмъ другіе важные факторы въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія—вліяніе религіи, правовыхъ условій, сосѣдства съ культурными центрами и др., г. Вахтеровъ приходитъ къ заключенію, что наиболѣе важнымъ факторомъ въ этомъ дѣлѣ является *сознаніе* самого народа и господствующихъ классовъ въ необходимости образованія. «Если бы сознаніе въ пользѣ грамотности проникло во всѣ слои крестьянскаго населенія, безъ различія вѣры, расы, занятій и близости къ культурнымъ центрамъ, мы не встрѣчали бы наибольшаго невѣжества въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, тамъ, гдѣ грамотность болѣе всего необходима... Тогда наши великоруссы не отставали бы въ дѣлѣ

просвѣщенія отъ эстовъ, латышей, евреевъ, а православное населеніе отъ сектантовъ. Если бы наши господствующіе классы сознавали необходимость первоначальнаго образованія для народа, хотя бы наравнѣ съ Японіей, гдѣ еще въ 80-хъ годахъ числилось учащихся въ $2^1/_2$ раза болѣе нашего, то мы расходовали бы на школу не $1^1/_2$% нашего бюджета, а хотя бы вдвое больше, и этого на первый разъ было бы достаточно, чтобы количество нашихъ школъ соотвѣтствовало бы сознаннымъ потребностямъ населенія».

За границей.

Ирландскіе ландлорды и ихъ фермеры. Ирландскій вопросъ безспорно принадлежитъ къ числу роковыхъ наслѣдій, оставляемыхъ девятнадцатымъ вѣкомъ своему преемнику, двадцатому столѣтію. Ирландскій призракъ постоянно тревожитъ англичанъ, и лучшіе люди въ Англіи давно уже сознали необходимость облегчить участь Ирландіи, но до сихъ поръ еще очень мало сдѣлано въ этомъ направленіи. Всего болѣе давитъ Ирландію существующая система землевладѣнія, являющаяся главнымъ источникомъ всѣхъ бѣдствій несчастныхъ ирландцевъ. Въ настоящее время въ Ирландіи свирѣпствуетъ опять «картофельный голодъ», но ирландскіе ландлорды, живущіе постоянно въ Англіи, не хотятъ ничего знать о бѣдствіяхъ ирландскаго населенія и требуютъ уплаты аренды со своихъ фермеровъ, не взирая на то, что этимъ послѣднимъ не изъ чего платить. Слѣдующіе факты въ достаточной степени освѣщаютъ положеніе ирландскихъ фермеровъ. Въ одной изъ бѣднѣйшихъ ирландскихъ провинцій, въ графствѣ Мано, земля принадлежитъ шести ландлордамъ. Всѣ эти ландлорды живутъ въ Англіи и никогда не пріѣзжаютъ въ свои ирландскія помѣстья, а только интересуются ими тогда, когда надо получить ренту. Разумѣется, всѣ эти благородные лорды принадлежатъ къ партіи «торіевъ», трое изъ нихъ засѣдаютъ въ палатѣ пэровъ и вотировали вмѣстѣ съ лордомъ Салисбюри противъ билля объ ирландской автономіи (Home rule Bill) и билля о выгнанныхъ арендаторахъ (Evichstenants Bill); оба билля, внесенные въ палату Гладстономъ, имѣли цѣлью облегченіе положенія Ирландіи. Но ни англійскіе, ни ирландскіе ландлорды не желаютъ автономіи Ирландіи, опасаясь, что та глубокая пропасть, которая образовалась историческимъ путемъ между Англіей и Ирландіей вслѣдствіе національныхъ и религіозныхъ различій, увеличится еще болѣе; до бѣдствій же ирландскихъ фермеровъ имъ было мало дѣла! Между тѣмъ, англійскіе лорды въ трудную годину всегда сбавляютъ арендную плату своимъ фермерамъ. Такъ поступилъ въ прошломъ году лордъ Салисбюри, сбавившій 25% арендной платы на своей землѣ, но ирландскіе ландлорды, идущіе за нимъ въ ирландскомъ вопросѣ, на этотъ разъ не послѣдовали его примѣру. Когда арендаторы въ ирландскомъ помѣстьи лорда Слиго, въ графствѣ Мано, уплачивающіе ему ежегодно 20.000 ф., въ этомъ году робко обратились къ лорду Слиго съ просьбой принять въ соображеніе то, что три четверти его арендаторовъ съѣли уже весь свой запасъ картофеля и какъ они протянутъ до слѣдующаго года — одному Богу извѣстно, то лордъ Слиго отвѣчалъ имъ черезъ своего секретаря, что не считаетъ возможнымъ сдѣлать имъ никакой сбавки. Разумѣется, если правительство и придетъ на помощь къ бѣднымъ фермерамъ, то, во всякомъ случаѣ, большая часть этой помощи попадетъ въ карманъ

лорда Слиго, въ видѣ уплаты недоимки.

Одною изъ самыхъ убійственныхъ системъ, отражающихся наиболѣе вреднымъ образомъ на положеніи фермеровъ, является, безъ сомнѣнія, система «аренды въ компаніи». Такъ, напримѣръ, помѣстье Булабріанъ, все состоящее изъ скалистыхъ полей, пріютившихся по склону горъ, арендуется девятью семействами сообща и всѣ они въ настоящее время, со дня на день, ожидаютъ появленія шерифа, такъ какъ за ними числятся большія недоимки. Въ ноябрѣ истекъ послѣдній срокъ отсрочки и теперь въ любой день агентъ лорда Слиго можетъ отправить къ нимъ шерифа, который выдворитъ ихъ безъ дальнихъ церемоній и уже на усмотрѣніе лорда Слиго будетъ представлено, отправить-ли ихъ всѣхъ въ рабочій домъ или же водворить ихъ снова, но уже на гораздо болѣе тяжкихъ условіяхъ, которыя сдѣлаютъ изъ нихъ настоящихъ рабовъ почтеннаго лорда. Ежедневно со страхомъ глядятъ бѣдные фермеры вдаль, ожидая, что вотъ-вотъ они увидятъ изъ за горъ кончикъ ружья и заостренный шишакъ—признаки приближенія шерифа. Это единственный посѣтитель, котораго ожидаютъ къ себѣ несчастные фермеры и ихъ семьи на праздникъ Рождества. Рента, которую приходится платить фермерамъ, не превышаетъ въ общемъ 25 ф. 10 шиллинговъ въ годъ, и она распредѣляется между девятью семействами, смотря по количеству эксплуатируемой ими земли, и на долю самаго зажиточнаго изъ нихъ приходится 4 ф. 4 шиллинга, а на долю бѣднѣйшихъ членовъ этой общины приходится 1 ф. 15, 18 шиллинговъ. И даже эту ничтожную плату они заплатить не въ состояніи. На основаніи общинной системы аренды, устанавливающей круговую поруку, каждый изъ девяти членовъ общины отвѣчаетъ за другихъ. Если не внесена полная сумма арендной платы, то онъ также подлежитъ выселенію, хотя бы внесъ свою долю сполна. Въ результатѣ получается только выгода для ландлорда и полное разореніе общины, такъ какъ болѣе имущіе и трудолюбивые ея члены должны жертвовать зачастую всѣми своими сбереженіями, для того, чтобы не быть выгнанными изъ за неисправности своихъ сосѣдей, чѣмъ бы ни была обусловлена эта неисправность. Но, установивъ у себя въ помѣстьи такую систему, ландлордъ гораздо менѣе рискуетъ не получать доходовъ со своего имѣнія, нежели при системѣ одиночной аренды. Для его же фермеровъ жизнь представляетъ вѣчную Сизифову работу, такъ какъ они должны постоянно заботиться о томъ, чтобы рента была собрана сполна, но роковымъ образомъ имъ этого никогда не удается достигнуть, за ними всегда числятся недоимки, а когда съ нихъ взыскиваютъ эти недоимки, то къ суммѣ ихъ присоединяются еще и судебныя издержки по взысканію. Разумѣется, все это ведетъ къ окончательному обнищанію фермеровъ.

Каждаго, кто посѣтитъ эти Богомъ забытыя мѣста, должна поразить прежде всего какая-то безропотная покорность жителей своей судьбѣ. Они никогда не видали своего ландлорда и онъ имъ представляется какимъ-то могущественнымъ и недосягаемымъ существомъ и они привыкли трепетать передъ его властью. Даже агентъ ландлорда никогда не показывается и фермеры его никогда не видѣли. Когда они являлись вносить свою ренту, то ихъ встрѣчалъ или повѣренный агента, или же его секретарь. Разумѣется, они не знаютъ ничего о томъ, что сдѣлано Гладстономъ въ смыслѣ нѣкотораго улучшенія ихъ положенія; у нихъ нѣтъ адвоката, который разъяснилъ бы имъ ихъ права или взялся поддерживать ихъ. Поэтому, какъ разъ въ то время, когда Гладстонъ про-

возгласилъ въ англійскомъ парламентѣ необходимость разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Ирландіи въ пользу ирландскихъ фермеровъ и внесъ свой законопроектъ, составленный въ этомъ смыслѣ, булабріенскіе фермеры были приглашены въ управленіе и имъ было объявлено, что они могутъ получить сбавку теперешней арендной платы настолько, что она всего лишь на десять шиллинговъ будетъ превышать ту, которую они платили 25 лѣтъ назадъ. Фермеры, не имѣя никого, кто бы посовѣтовалъ имъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ и не имѣя возможности тягаться со своимъ ландлордомъ, приняли предложеніе и подписали договоръ, закабаливъ себя еще на пятнадцать лѣтъ. Такой договоръ называется по странной ироніи «добровольнымъ соглашеніемъ». Подобныя «добровольныя соглашенія» представляютъ довольно обычное явленіе въ Ирландіи и сдѣлали то, что Гладстоновскій законъ, имѣвшій цѣлью доставить фермерамъ владѣніе землей, которую они арендуютъ, прошелъ для большинства совершенно безслѣдно. Всѣ эти условія вызываютъ ежегодное увеличеніе эмиграціи въ Ирландіи. Вышеупомянутые булабріенскіе фермеры отправили своихъ сыновей и дочерей въ Соединенные Штаты. Каждый изъ этихъ девяти арендаторовъ лорда Слиго имѣетъ своего представителя въ Америкѣ, на какой-нибудь изъ фабрикъ или заводовъ, и деньги, высылаемые эмигрантами своимъ роднымъ, идутъ на уплату ренты, т.-е. въ карманъ ландлорда. Но въ этомъ году и въ Америкѣ дѣла были плохи и вѣсти оттуда получились самыя печальныя. Очень часто, отправившіеся на чужбину молодые люди въ поиски за счастьемъ, возвращаются на родину съ разбитымъ здоровьемъ и дѣлаются обузою для своихъ несчастныхъ родныхъ. Такъ, одна булабріенская вдова, фермерша, отправила сына въ Америку въ надеждѣ, что ему удастся тамъ лучше устроиться и быть ей поддержкою. Дѣйствительно, первое время судьба какъ будто смилостивилась надъ ней, сынъ ея нашелъ хорошую работу на постройкѣ и она надѣялась, что онъ пришлетъ ей деньги, которыя дадутъ ей возможность уплатить недоимку. Но, увы! надеждамъ ея не суждено было сбыться; сынъ ея упалъ съ высоты лѣсовъ, и хотя остался живъ, но долгое время пролежалъ въ больницѣ и затѣмъ вернулся домой совершеннымъ калѣкой, за которымъ нуженъ былъ постоянный уходъ. Можно себѣ представить, какая участь ожидаетъ ихъ обоихъ, и мать, и сына, когда, вслѣдствіе накопившейся за ними недоимки, они будутъ выгнаны изъ своего убогаго убѣжища на булабріенскихъ скалахъ! И такія исторіи повторяются часто, даже и слишкомъ часто въ Ирландіи. Вообще положеніе этой страны ложится темнымъ пятномъ на современную Англію безцеремонно попирающую, изъ личныхъ соображеній и выгодъ, права цѣлаго народа.

Научное путешествіе на воздушномъ шарѣ. Послѣднее и очень важное въ научномъ отношеніи путешествіе на воздушномъ шарѣ совершено было докторомъ Берсономъ 4-го декабря прошлаго года, и описано имъ въ «Journal of Aeronautics and Atmospheric Physics». Наканунѣ съ вечера задулъ очень сильный восточный вѣтеръ, такъ что докторъ Берсонъ началъ уже сомнѣваться, возможно ли будетъ совершить полетъ. Къ утру, однако, вѣтеръ стихъ, и въ пять часовъ утра, при свѣтѣ электрической лампы, приступили къ наполненію шара водороднымъ газомъ, для чего потребовалось 2.000 куб. метровъ газа. Устройство шара было таково, что имъ легко было управлять. Онъ былъ снабженъ самопишущими приборами самаго совершеннаго устройства, такъ что наблюденія могли производиться-

даже безъ участія человѣка, въ случаѣ, если бы на большой высотѣ у него обнаружился бы упадокъ силъ. Въ 10 часовъ 28 минутъ послѣдовала команда «Пускай!», и шаръ полетѣлъ вверхъ. Въ четверть часа онъ уже достигъ высоты 2.000 метровъ. Шаръ былъ спущенъ въ Штассъ-фуртѣ и полетѣлъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Прелестныя горы Гарца виднѣлись далеко внизу на горизонтѣ; въ воздухѣ носился туманъ, и густыя, хотя и небольшія облака, мѣстами заволакивали землю. Вначалѣ температура повысилась; на высотѣ 1.500 метровъ она была болѣе чѣмъ на 5 градусовъ выше нуля. Тогда докторъ Берсонъ, записавъ показанія самопишущихъ приборовъ, поглядѣлъ внизъ на землю, въ туманѣ разстилавшуюся подъ его ногами, и бросилъ внизъ два мѣшка съ балластомъ. Черезъ часъ онъ уже поднялся на 5.000 метровъ и температура упала на 18° ниже нуля; воздухъ былъ очень сухъ, и солнечные лучи потеряли свою напряженность. На высотѣ 4.200 метровъ воздухоплаватель впервые почувствовалъ легкое сердцебіеніе, когда приподнималъ тяжелые мѣшки съ пескомъ. Въ 11 часовъ 49 минутъ онъ достигъ высоты 6.000 метровъ и температура упала на 25,5 ниже нуля. Воздухоплаватель началъ чувствовать какое-то стѣсненіе, и сердцебіеніе у него еще болѣе усилилось, тѣмъ не менѣе упадка силъ не было. Однако въ 12 часовъ, когда онъ достигъ высоты 5.650 метровъ и температура понизилась до 29 градусовъ ниже нуля, онъ уже долженъ былъ прибѣгнуть къ вдыханію кислорода, запасъ котораго имѣлъ съ собою въ газометрахъ. Это произвело превосходное дѣйствіе. Но смѣлый воздухоплаватель не остановился и поднялся еще до 8.000 метровъ, гдѣ температура была уже 39 градусовъ ниже нуля. Тутъ онъ уже почти не переставая дышалъ кислородомъ, такъ какъ, лишь только онъ прекращалъ вдыханіе, немедленно съ нимъ дѣлалось головокруженіе, и онъ ощущалъ страшную и опасную слабость. Продолжая же искусственныя вдыханія, онъ чувствовалъ себя относительно сносно и могъ исполнять всю нужную работу. Только одинъ разъ, помимо воли, онъ закрылъ глаза, однако тотчасъ же вскочилъ, громко ругая себя за свою неосторожность и небрежность; голосъ его въ разрѣженномъ воздухѣ звучалъ какъ-то странно глухо. Докторъ Берсонъ поднялся выше воздухоплавателя Глешера, записавшаго послѣдній разъ температуру на высотѣ 7.700 метровъ и достигшаго высоты 8.500 метровъ, гдѣ онъ лишился чувствъ и пришелъ въ себя лишь послѣ того, какъ шаръ спустился. Надо прибавить, что на этой же высотѣ погибли передъ тѣмъ двое французскихъ ученыхъ. Но докторъ Берсонъ, попробовавъ свои силы и найдя, что онѣ еще достаточно сохранились, попробовалъ подняться еще выше. Температура упала на 42 градуса ниже нуля. На высотѣ 9.000 метровъ шаръ прошелъ черезъ тонкій слой перистыхъ облаковъ, которыя Берсонъ замѣтилъ на очень большой высотѣ въ тотъ моментъ, когда поднимался на своемъ шарѣ. Этотъ слой облаковъ состоялъ не изъ ледяныхъ кристалловъ, а изъ хорошо организованныхъ, очень мелкихъ снѣжныхъ хлопьевъ. Черезъ два съ половиною часа послѣ своего восхожденія, воздухоплаватель находился уже на высотѣ 9.150 метровъ; термометръ показывалъ 47,9° ниже нуля. На этой высотѣ шаръ остановился, такъ какъ запасъ балласта уже весь истощился, и у воздухоплавателя оставалось лишь нужное количество для высадки на землю; шаръ находился надъ снѣжными облаками, и кругомъ его было ярко голубое небо, казавшееся неизмѣримо глубокимъ и разстилавшееся на неизмѣримое пространство. Эта глубина и прозрачность

голубого свода производили очень сильное впечатлѣніе. Замѣчательно, что на высотѣ 9.150 метровъ воздухоплаватель чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ передъ этимъ. Онъ былъ восхищенъ красотою и величіемъ окружающаго его небеснагв свода; ему бы хотѣлось подняться еще, по крайней мѣрѣ, на тысячу метровъ, но онъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ тогда подвергалъ риску весь успѣхъ своего путешествія. Записавъ наблюденія на этой высотѣ, докторъ Берсонъ открылъ клапанъ воздушнаго шара и сталъ выпускать газъ. Шаръ спустился до 7.500 метровъ и остановился на этой высотѣ. Далеко внизу докторъ Берсонъ увидѣлъ очень извилистую рѣчку. Это была Эльба. Но тутъ сказались послѣдствія ужаснаго холода, который пришлось вынести Берсону. Онъ былъ одѣтъ въ теплые мѣха, но, тѣмъ не менѣе, онъ сильно страдалъ отъ холода; его пробирала такая дрожь, что временами онъ долженъ былъ держаться за край корзины, чтобы не упасть. Шаръ опускался очень быстро, и, чтобы замедлить опусканіе, былъ выброшенъ одинъ мѣшокъ съ балластомъ. Между тѣмъ, густой слой облаковъ скрылъ отъ глазъ воздухоплавателя землю, и онъ совершенно не могъ оріентироваться, надъ какимъ мѣстомъ онъ спускается. Пальцы воздухоплавателя совершенно окоченѣли, и только энергическимъ треніемъ онъ возстановилъ въ нихъ жизнь. Спустя нѣкоторое время, онъ могъ уже различить шумъ, указывающій на близость какого-то большого города, но туманъ все еще былъ такъ густъ, что нельзя было ничего разглядѣть. Только, когда шаръ опустился на разстояніе 250 метровъ отъ поверхности земли, Берсонъ могъ разглядѣть, что онъ находится надъ Килемъ. Въ три часа 45 минутъ онъ спустился въ окрестностяхъ Киля и, съ помощью сбѣжавшихся жителей, прикрѣпилъ шаръ якоремъ и вышелъ на землю. Такимъ образомъ, весь полетъ продолжался пять часовъ 17 минутъ, и въ этотъ промежутокъ времени шаръ успѣлъ пролетѣть болѣе 310 километровъ. Воздухоплаватель замѣтилъ, что въ то время, какъ на поверхности земли почти не было замѣтно движенія воздуха, въ высокихъ слояхъ атмосферы господствовалъ сильный вѣтеръ, чѣмъ и объясняется такой быстрый полетъ шара.

Борьба женщинъ противъ пьянства въ Америкѣ. Нѣтъ такого общественнаго движенія въ Америкѣ, во главѣ котораго не шествовали бы женщины. Мы уже говорили о той роли, которую играли женщины въ аболиціонистскомъ движеніи; университетское движеніе также много обязано женщинамъ своимъ распространеніемъ. Не мало способствовали женщины развитію и организаціи разнаго рода соціальныхъ учрежденій. Но огромное значеніе имѣетъ дѣятельность женщинъ въ борьбѣ съ распространеніемъ пьянства въ Америкѣ. Женщины храбро вступили въ борьбу съ этимъ ужаснымъ зломъ и, не опасаясь ни насмѣшекъ, ни неудачъ, повели свою пропаганду самымъ энергичнымъ образомъ. Во главѣ этого движенія находится журналистка миссъ Френсисъ Вилларъ, объявившая крестовый походъ противъ пьянства. Цѣлая армія дамъ и дѣвицъ присоединилась къ ней, и въ результатѣ ихъ пропаганды было вотированіе законовъ противъ пьянства, закрытіе многихъ питейныхъ заведеній и т. п. Вначалѣ женщинамъ, конечно, пришлось испытать не мало непріятностей и затрудненій. Американки до этого никогда не говорили публично, и когда онѣ выступили въ качествѣ распространительницъ идеи трезвости, то подверглись, разумѣется, всевозможнымъ насмѣшкамъ. Первыя пропагандистки отличались особеннымъ фанатизмомъ. Онѣ, безъ всякаго страха, проникали

въ самые мрачные притоны пьянства, въ разнаго рода кабачки и питейныя заведенія и, не задумываясь, съ жаромъ начинали свою проповѣдь, иногда въ минуту увлеченія падая на колѣни и умоляя пьяницъ вернуться на путь истины, или же осыпая ихъ проклятіями за то, что они предаются пороку. Проповѣдницъ осыпали насмѣшками, имъ давали прозвище «крикуній» (shriekers), но тѣмъ не менѣе горячее слово убѣжденія, мало-помалу, прокладывало себѣ дорогу. Постепенно фанатическая проповѣдь замѣнилась болѣе спокойною пропагандою посредствомъ печати и публичныхъ конференцій. Одна изъ главныхъ дѣятельницъ на этомъ поприщѣ была миссиссъ Мэри Гюнтъ, профессоръ химіи въ восточной коллегіи. Мэри Гюнтъ, заботясь о воспитаніи своего единственнаго сына и опасаясь за его будущность, занялась спеціальнымъ изслѣдованіемъ дѣйствія алкоголя на организмъ человѣка. Эти научныя изслѣдованія возбудили въ ней, въ концѣ концовъ, искреннюю тревогу за будущность той націи, которая потребляетъ такое громадное количество алкоголя. Она пришла къ заключенію, что одни только нравственные доводы не могутъ подѣйствовать въ данномъ случаѣ и остановить развитіе пьянства; необходимо, чтобы народъ сознаваль, какой ущербъ онъ наноситъ своему здоровью, и какое дѣйствіе имѣетъ тотъ ядъ, который онъ вводитъ въ свой организмъ. По иниціативѣ Мэри Гюнтъ, въ различныхъ публичныхъ школахъ были введены чтенія по этому предмету, и составлено руководство, знакомящее воспитанниковъ съ разрушительнымъ дѣйствіемъ спирта на организмъ. На генеральномъ митингѣ женскаго христіанскаго общества трезвости, устроенномъ въ 1878 году, были приняты очень важныя резолюціи, и комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Мэри Гюнтъ, объявилъ безпощадную войну противъ пьянства, въ которой приняли участіе: духовенство, профессора, общественные дѣятели, филантропы и врачи. Пропаганда велась при помощи брошюръ, разсчитанныхъ на всѣ возрасты, начиная со спеціальной азбуки «Child's health primer» до «Гигіенической физіологіи» Стиля, заключающей въ себѣ компендіумъ серьезныхъ свѣдѣній по физіологіи, имѣющихъ спеціальное отношеніе къ потребленію алкоголя. Въ 1882 году штатъ Вермонтъ издалъ законъ, который вводилъ во всѣхъ публичныхъ школахъ обязательный курсъ по гигіенѣ и элементарной физіологіи, со спеціальнымъ изложеніемъ дѣйствія спиртныхъ и наркотическихъ напитковъ на человѣческій организмъ. Другіе штаты вскорѣ послѣдовали примѣру Вермонта, и въ настоящее время трудно найти маленькаго американца, посѣщающаго школу, который бы не могъ разсказать, какъ дѣйствуетъ спиртъ на организмъ человѣка.

Англійское общество покровительства дѣтямъ. Ни въ одной странѣ Общество покровительства дѣтямъ не имѣетъ такого большого распространенія и не пользуется такимъ вліяніемъ, какъ въ Англіи. Между тѣмъ, оно возникло не болѣе, какъ лѣтъ десять тому назадъ и вначалѣ имѣло весьма скромные размѣры и даже на первыхъ порахъ не пользовалось особенными симпатіями населенія. Но это не могло остановить людей, глубоко убѣжденныхъ въ пользѣ своего дѣла и проникнутыхъ жалостью къ судьбѣ беззащитныхъ дѣтей, особенно въ низшихъ слояхъ лондонскаго населенія. Не мало труда и энергіи потратили они на то, чтобы убѣдить общество въ необходимости вмѣшательства государства въ отношенія родителей къ дѣтямъ и огражденія закономъ правъ дѣтей. Только послѣ пятилѣтней упорной пропаганды, удалось, наконецъ, добиться воз-

бужденія вопроса въ парламентѣ объ этомъ предметѣ, и въ 1889 году былъ внесенъ въ парламентъ и принятъ билль, по которому всѣ лица, на попеченіи которыхъ находятся дѣти моложе 16-ти лѣтъ, могутъ привлекаться къ отвѣтственности за дурное обращеніе съ дѣтьми, а также за то, если они бросятъ ребенка на произволъ судьбы. Такіе проступки подлежатъ вѣдѣнію мировыхъ судей и суда присяжныхъ, и виновные могутъ быть приговариваемы къ штрафамъ или къ тюремному заключенію до двухъ лѣтъ.

Принятіе этого закона въ значительной мѣрѣ способствовало расширенію практической дѣятельности Общества. Въ настоящее время дѣятельность его распространилась по всей Англіи, Валлисѣ и Ирландіи, и ежегодный доходъ его простирается до 40.000 ф. ст. Центральный комитетъ Общества находится въ Лондонѣ, но, кромѣ того существуетъ еще 123 провинціальныхъ комитета, по числу секцій. Комитетъ обязанъ тотчасъ же оказывать помощь покинутымъ и несчастнымъ дѣтямъ, изслѣдовать всѣ случаѣ жестокаго обращенія и позаботиться объ устройствѣ дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ, пріютахъ и, если это нужно, въ больницахъ. Кромѣ того, комитетъ возбуждаетъ судебныя преслѣдованія и привлекаетъ къ отвѣтственности жестокихъ родителей, принимая на себя въ такихъ случаяхъ роль истца. За десять лѣтъ существованія Общество пришло на помощь 109.364 дѣтямъ. Изслѣдуя случаи жестокаго обращенія, Общество увидѣло, что въ громадномъ числѣ случаевъ дѣти страдаютъ не отъ злонамѣренной жестокости родителей, а отъ ихъ крайней нищеты. Поэтому, Общество, кромѣ непосредственной помощи дѣтямъ, заботится о пріисканіи работы взрослымъ членамъ семьи, а также помогаетъ семьѣ, чѣмъ можно. Въ каждомъ случаѣ жестокаго обращенія съ ребенкомъ, Общество, прежде всего, старается употребить нравственное воздѣйствіе на родителей или опекуновъ ребенка, угрожая имъ обратиться къ суду, если они не перемѣнятъ своего обращенія; обыкновенно одной такой угрозы уже бываетъ достаточно. Изъ отчетовъ общества видно, что за десятилѣтній періодъ своего существованія, оно изслѣдовало 40.000 случаевъ жестокаго обращенія съ дѣтьми, но лишь въ 5.792 случаяхъ оно прибѣгло къ суду, такъ какъ во всѣхъ остальныхъ оказалось достаточно одного внушенія и угрозъ. Въ настоящее время Общество, носящее названіе «Англійскаго національнаго Общества огражденія дѣтей отъ жестокаго обращенія», пользуется большими симпатіями во всей Англіи, и съ каждымъ годомъ число его членовъ возрастаетъ.

Благотворительность во Франціи. Городъ Седанъ, имѣвшій такое печальное значеніе въ исторіи Франціи, ввелъ особенный способъ общественной благотворительности, уже принесшей благіе результаты. Седанское благотворительное Общество, исходя изъ того принципа, что раздача пособій служитъ лишь палліативнымъ средствомъ въ борьбѣ съ нищетой, рѣшило испробовать другой способъ. Оно стало покупать участки невоздѣланной земли въ окрестностяхъ города и раздавать ихъ для устройства небольшихъ огородовъ бѣднѣйшимъ семьямъ городскихъ обывателей, снабжая ихъ въ то же время земледѣльческими орудіями, удобреніемъ и сѣменами. Въ свободное отъ фабричной или другой какой работы время, члены этихъ семействъ занимаются воздѣлываніемъ своего участка, и овощи, которыя они выращиваютъ, конечно, служатъ имъ огромнымъ подспорьемъ въ ихъ скудномъ хозяйствѣ. Многіе были этимъ спасены отъ тяжелой необходимости просить подаяніе, что дало

имъ возможность пережить трудное время безработицы. Уже этотъ одинъ результатъ говоритъ въ пользу Общества и заставляетъ сочувствовать его дѣятельности. Общество начало дѣйствовать помаленьку. Въ первый годъ своего существованія оно купило 14.000 кв. метровъ довольно плохой земли и, раздѣливъ ее на участки, роздало 21-му семейству—въ общемъ 45 чел. Не мало пришлось потратить труда, чтобы привести землю въ годное состояніе, удобрить ее и сдѣлать плодородной. Но результаты превзошли ожиданія. Въ отчетахъ земледѣльческаго Общества Седана значится, что эти земельные участки даютъ хорошій урожай, очень часто даже выше средняго. Нѣкоторые изъ семействъ, получившихъ участки, не имѣли понятія о земледѣліи; имъ пришлось учиться этому дѣлу, что̀ они исполнили весьма охотно, желая добиться хорошаго урожая.

Въ слѣдующемъ же году Общество расширило свою дѣятельность и закупило 30.880 кв. метровъ земли, которые и отдало въ распоряженіе 56 семействъ (въ общемъ 240 чел.). Всѣ эти лица съ жаромъ принялись за работу, и всѣ констатируютъ, что трудъ ихъ былъ оплаченъ съ лихвою; нѣкоторые изъ семействъ просуществовали всю зиму продуктами сбора, другіе же даже извлекли небольшую прибыль, такъ какъ могли продать часть собранныхъ ими овощей.

Поощряя такимъ образомъ земледѣліе и трудъ, Седанское Общество въ сравнительно короткое время достигло такихъ прекрасныхъ результатовъ, какихъ врядъ ли могъ бы достигнуть какой-нибудь иной способъ благотворительности. Нищета, дѣйствительно, замѣтно стала уменьшаться, а вмѣстѣ съ этимъ стали исчезать и всегдашніе ея печальные спутники: пьянство, бродяжничество и др. пороки. Заботясь о развитіи въ молодомъ поколѣніи любви къ труду, Общество выбрало пятнадцать юношей шестнадцати-семнадцати лѣтъ, изъ тѣхъ семействъ, которымъ оно оказало поддержку, и организовало «ассоціацію молодежи». Каждый членъ этой ассоціаціи вноситъ одинъ франкъ въ мѣсяцъ, и на полученные такимъ образомъ 180 франковъ арендуется участокъ земли; Общество даетъ сѣмена и удобреніе, члены же ассоціаціи воздѣлываютъ землю и засѣваютъ ее. Полученный сборъ продается и вырученныя деньги вносятся въ сберегательную кассу. Для поощренія молодыхъ членовъ ассоціаціи, Общество сдѣлало вкладъ на ихъ имя въ сберегательную кассу, и этотъ вкладъ служитъ имъ вознагражденіемъ за ихъ труды.

Седанское благотворительное Общество основано женщиной, г-жею Гервіе, назвавшей его «Обществомъ возстановленія семьи» (La société de la Reconstitution de la famille). Основательница общества окрестила его такимъ именемъ потому, что главная цѣль ея была—задержать переселеніе въ большіе города рабочихъ, вынужденныхъ искать заработка на сторонѣ. Дать имъ занятіе, возможность своимъ трудомъ достать себѣ дома кусокъ хлѣба — вотъ къ чему стремится Общество, и частью уже достигло своей цѣли. Во всякомъ случаѣ, Общество это подало примѣръ новаго способа общественной благотворительности, оказавшагося гораздо болѣе успѣшнымъ, чѣмъ многіе другіе.

Крестьянскіе ферейны въ Германіи. Заплативъ марку (50 коп.) въ годъ, германскій крестьянинъ становится дѣйствительнымъ членомъ крестьянскаго союза «Bauernverein» и, благодаря этому, становится величиною, силой, съ которою уже надо считаться, тогда какъ раньше былъ незначительнымъ атомомъ, песчинкой, затерявшейся въ массѣ другихъ подобныхъ же песчинокъ. Прежде всего

нѣмецкій крестьянинъ, становясь членомъ союза, пріобрѣтаетъ точку опоры, сознаніе своихъ правъ. Объ этихъ правахъ говоритъ ему листокъ, издаваемый союзомъ или ферейномъ. Какъ членъ этого ферейна, крестьянинъ получаетъ этотъ листокъ и, читая его, пріобрѣтаетъ много полезныхъ и новыхъ для себя свѣдѣній, такъ какъ листокъ говоритъ ему не только о его правахъ, но и о томъ, что ему нужно и полезно знать, какъ сельскому хозяину. Вообще, ферейнъ приходитъ на помощь къ крестьянину во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нуждается въ этой помощи. Съ этими именно цѣлями крестьянскіе ферейны устраиваютъ въ разныхъ мѣстахъ химическія станціи, куда крестьяне и обращаются за всевозможными свѣдѣніями и разъясненіями, и гдѣ даромъ даются имъ сельскохозяйственные совѣты и производятся для нихъ всевозможные анализы. Кромѣ того, крестьянинъ прибѣгаетъ къ ферейну и въ такомъ случаѣ, когда его обманетъ какой-нибудь промышленникъ, недоплатитъ ему денегъ или же продастъ ему недоброкачественный товаръ. Ферейнъ вступается за интересы крестьянина; для этого онъ устраиваетъ третейскіе суды для рѣшенія всякихъ спорныхъ вопросовъ и тяжебныхъ дѣлъ между членами союза. Если же тотъ, на кого жалуется крестьянинъ, не состоитъ членомъ союза, или же просто ростовщикъ, то ферейнъ имѣетъ своихъ адвокатовъ, которые будутъ защищать дѣло крестьянина въ судѣ. Вообще, благодаря ферейнамъ, многіе недобросовѣстные эксплуататоры, не постѣснившіеся бы въ другое время потащить въ судъ неопытнаго крестьянина, воздерживаются отъ этого, не желая имѣть дѣло съ опытнымъ адвокатомъ ферейна. Во всѣхъ дѣлахъ, заключеніи контрактовъ, страхованій и т. п., ферейнъ всегда служитъ крестьянину посредникомъ, на практикѣ доказывая крестьянину, какъ много могутъ сдѣлать соединенныя усилія и какое важное значеніе имѣетъ кооперація для ихъ собственныхъ интересовъ.

Голландскій писатель І. Кремеръ и его произведенія. Русское общество мало знакомо съ голландскою литературой, но и не только въ Россіи, а и въ Европѣ сравнительно недавно начали интересоваться ею, хотя среди голландскихъ писателей встрѣчаются выдающіеся, не только по своему таланту, но и по тому соціальному вліянію, какое имѣли ихъ произведенія. Таковъ, напримѣръ, І. Кремеръ, прозванный голландскимъ Диккенсомъ, бичующій во всѣхъ своихъ произведеніяхъ недостатки и предразсудки общества и несомнѣнно имѣвшій огромное вліяніе на общество. Кремеръ родился въ 1827 году; вначалѣ онъ хотѣлъ посвятить себя живописи, и въ 1851 году на выставкѣ въ Роттердамѣ, его картины обратили на себя вниманіе. Но, тѣмъ не менѣе, литература вскорѣ такъ увлекла его, что онъ совершенно бросилъ живопись и предался литературнымъ занятіямъ тѣмъ съ бо̀льшимъ жаромъ, что видѣлъ въ нихъ лучшее средство для распространенія своихъ идей въ обществѣ и для борьбы съ общественными предразсудками. Первая же повѣсть, написанная имъ, обратила на себя вниманіе, и онъ сразу былъ зачисленъ въ разрядъ первоклассныхъ писателей. Но самый огромный успѣхъ имѣла его повѣсть «Fabrickskinderen» (Фабричныя дѣти), описывающая яркими красками положеніе несчастныхъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ. Такъ много значила сила литературнаго таланта, яркость литературныхъ образовъ, представленныхъ Кремеромъ, что общество было потрясено ими до глубины души и впервые обратило вниманіе на безсовѣстную эксплуатацію слабыхъ и беззащитныхъ, которая совершались передъ его глазами.

Результатомъ этого было движеніе, которое привело въ концѣ концовъ къ тому, что закономъ была воспрещена работа дѣтей на фабрикахъ. Разумѣется, такой необычайный успѣхъ произведенія Кремера сразу опредѣлилъ его соціальную роль и значеніе и онъ сталъ не только писателемъ, но и апостоломъ, и его горячая проповѣдь, предлагаемая обществу въ легко усваиваемой формѣ беллетристическихъ произведеній, получила огромное распространеніе, тѣмъ болѣе, что Кремеръ, затрогивая въ своихъ повѣстяхъ всѣ стороны народной жизни и выступая защитникомъ униженныхъ и слабыхъ, въ то же время давалъ въ своихъ произведеніяхъ рядъ художественныхъ изображеній сельской жизни, отличающихся свѣжестью и безъискусственностью. Описывая жизнь и нравы сельскаго населенія, Кремеръ всегда имѣлъ въ виду главную цѣль — облегчить судьбу этого населенія, обративъ вниманіе общества на тяжелыя условія крестьянской жизни.

Крестьянскія повѣсти Кремера имѣли гораздо большій успѣхъ, нежели его романы, написанные, впрочемъ, также съ чисто соціальными цѣлями. Онъ писалъ также и драматическія произведенія на ту же тэму. Кромѣ того, Кремеръ проповѣдовалъ свои идеи въ различныхъ публичныхъ конференціяхъ, которыя въ свое время вызвали много шума въ странѣ. Выступая публично, въ качествѣ оратора, Кремеръ проповѣдовалъ тѣ же самыя идеи, что и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ и съ разныхъ концовъ Нидерландовъ стекались его послушать. Народъ буквально поклонялся ему и гордился имъ, и всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся, его встрѣчали самымъ восторженнымъ образомъ, чествуя въ немъ не только замѣчательнаго писателя, но и соціальнаго проповѣдника, ратующаго за правду и справедливость. Когда онъ умеръ, въ 1880 году, толпы народа провожали его въ его послѣднее жилище, и безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что цѣлая страна оплакивала его, не только какъ замѣчательнаго писателя, но и какъ великаго друга народа, такъ какъ онъ подтвердилъ своимъ примѣромъ еще разъ, какъ много можетъ сдѣлать литературный талантъ, если писатель имъ пользуется не для самоуслажденія или наживы, а имѣетъ въ виду «глаголомъ жечь сердца людей».

«Revue des Deux Mondes». Въ числѣ разнообразныхъ школъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, существующихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, заслуживаютъ вниманія превосходныя школы, обучающія уходу за больными. Такихъ школъ устроено 35, и женскій персоналъ преобладаетъ въ нихъ надъ мужскимъ. Впрочемъ, далеко не всѣ молодыя дѣвушки, обучающіяся въ этихъ школахъ, посвящаютъ себя службѣ въ больницахъ; многія посѣщаютъ школу только для того, чтобы пріобрѣсти въ ней полезныя познанія, которыя могутъ пригодиться имъ въ частной жизни, въ домашней и семейной обстановкѣ, и въ этомъ отношеніи приносимая школами польза очень велика, такъ какъ содѣйствуетъ распространенію въ обществѣ здравыхъ понятій по гигіенѣ и медицинѣ.

Г-жа Бентцонъ въ своихъ очеркахъ американской жизни въ «Revue des Deux Mondes» описываетъ свое посѣщеніе одной изъ такихъ школъ въ Бальтиморѣ. Школа устроена при госпиталѣ Джона Гопкинса, одномъ изъ лучшихъ въ свѣтѣ по своей величинѣ и устройству. Джонъ Гопкинсъ, скромный квакеръ, нажившій громадное состояніе торговлей, послѣ своей смерти завѣщалъ по три съ половиною милліона двумъ учрежденіямъ, которыми такъ гордится Бальтимора, госпиталю и университету. Оба эти учрежденія теперь носятъ его имя,

и, благодаря его великодушному пожертвованію, достигли въ настоящее время высокой степени развитія и процвѣтанія. Школа сидѣлокъ, находящаяся при этомъ госпиталѣ, устроена по образцу коллегій. Многія молодыя дѣвушки, исполняющія должность сидѣлокъ въ госпиталѣ, происходятъ изъ семействъ такъ называемой аристократіи юга, раззорившейся послѣ войны. Онѣ получаютъ хорошую плату и помѣщаются въ общежитіи, обставленномъ очень комфортабельно, совершенно такъ, какъ въ женскихъ коллегіяхъ. Въ одной изъ комнатъ этого общежитія г-жа Бентцонъ увидѣла слѣдующее изреченіе, сдѣланное на стѣнѣ: «Будемъ всегда помнить, что время назадъ не возвращается, и что мы должны употреблять его съ пользою для своихъ ближнихъ, такъ какъ если мы упустимъ теперь благопріятный случай, который намъ представляется, то не найдемъ его больше; два раза нельзя идти по одной и той же дорогѣ!». Курсъ школы продолжается, два года и затѣмъ выдается дипломъ. Лекціи читаютъ профессора университета. При школѣ, кромѣ того, устроена образцовая спеціальная кухня, гдѣ слушательницы пріобрѣтаютъ нужныя имъ познанія въ этой области.

Такое же благопріятное впечатлѣніе г-жа Бентцонъ вынесла изъ своего посѣщенія другой подобной школы, устроенной при госпиталѣ Шаритѣ, въ Новомъ Орлеанѣ. Этотъ госпиталь былъ основанъ въ 1784 году, однимъ бѣднымъ французскимъ морякомъ, пожертвовавшимъ свои небольшія сбереженія городу на устройство больницы, въ благодарность за оказанное ему жителями попеченіе. Впослѣдствіи маленькій госпиталь, благодаря пожертвованіямъ богатыхъ гражданъ, превратился въ громадное и роскошное учрежденіе, устроенное по всѣмъ правиламъ медицинской науки. Молодыя дѣвушки, поступающія въ школу сидѣлокъ, всѣ обладаютъ среднимъ образованіемъ и поэтому далеко не похожи на тѣхъ сидѣлокъ, которыхъ мы привыкли встрѣчать въ нашихъ больницахъ. Но это образованіе ничуть не мѣшаетъ имъ выполнять самымъ добросовѣстнымъ образомъ трудныя и, подчасъ даже непріятныя, обязанности сидѣлки. Сознательно выбирая себѣ карьеру, американка уже не останавливается на полпути и всегда твердо идетъ къ разъ намѣченной цѣли.

«Journal des Savants». Многочисленные папирусы, найденные въ послѣднее время, все болѣе и болѣе раскрываютъ передъ нами тайны древней египетской жизни. Берлинскій музей, обладающій цѣлою коллекціей такихъ папирусовъ, публиковалъ недавно содержаніе 360 экземпляровъ, заключающихъ въ себѣ официальные акты, всякаго рода контракты, приговоры, частныя письма и т. д. Всѣ папирусы происходятъ изъ древняго города Арсиное, близъ знаменитаго озера Мерое, написаны по гречески и относятся къ римской эпохѣ. Расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, членъ французскаго института Дарестъ попробовалъ извлечь изъ папирусовъ главныя характеристичныя черты древне-египетской жизни и результаты своихъ изслѣдованій изложилъ въ статьѣ, въ вышеназванномъ журналѣ. Вотъ что, напримѣръ, Дарестъ говоритъ о положеніе женщины въ Египтѣ: египетская женщина, замужняя или нѣтъ, не имѣла права заключать никакихъ оффиціальныхъ актовъ отъ своего имени и должна была являться въ оффиціальныя мѣста не иначе, какъ въ сопровожденіе когонибудь изъ мужскихъ членовъ своей семьи. Бывали случаи, впрочемъ, когда женщины заключали договоры сами отъ своего имени или же подавали оффиціальныя заявленія; такъ въ 114 году какъ гласитъ папирусъ, одна женщина подала жалобу префекту

отъ своего имени, на томъ основаніи, что ея мужъ находится въ отсутствіи. Папирусы указываютъ также, что въ древнемъ Египтѣ заключались браки между сестрами и братьями. Приданое, приносимое женой, оставалось ея собственностью и она имѣла право потребовать его назадъ, въ случаѣ развода съ мужемъ. При заключеніи брака мужъ признавалъ это право жены въ особой формулѣ, одинаковой для всѣхъ случаевъ, въ которой заявлялось, что приданое жены находится въ рукахъ мужа до тѣхъ поръ, пока они живутъ въ добромъ согласіи; въ случаѣ же, если это согласіе исчезнетъ и они разстанутся, то мужъ обязанъ немедленно вернуть женѣ приданое, если изгоняетъ ее, или въ продолженіи мѣсяца, если разводъ происходитъ по добровольному соглашенію.

Египетскіе солдаты не имѣли права жениться, пока находились на службѣ. Заключенные ими браки не признавались закономъ; поэтому жена солдата не имѣла права требовать обратно свое приданое. Но уже и тогда существовали искусные адвокаты, которые умѣли отыскивать лазейки для того, чтобы обойти законъ. Вышеуказанная формула измѣнялась для солдата и, вмѣсто того, чтобы признавать фактъ полученія за женою приданаго, солдатъ заявлялъ, что онъ получилъ отъ нея ссуду или же взялъ извѣстную сумму на храненіе. При наслѣдованіи имущества дочери пользовались такими же правами, какъ и сыновья. Коллекція папирусовъ, заключающая въ себѣ разнаго рода завѣщанія и документы, относящіеся къ раздѣленію наслѣдства, въ высшей степени интересна, такъ какъ указываетъ, что и въ тѣ времена тяжбы изъ-за наслѣдства составляли обычное явленіе и представляли для адвокатовъ удобный случай, чтобы проявить свое краснорѣчіе и свою изворотливость. Нѣкоторые изъ папирусовъ заключаютъ въ себѣ рѣчи адвокатовъ. По словамъ Дареста, читая ихъ, можно совершенно забыть, что онѣ относятся къ столь древнимъ временамъ—до такой степени онѣ напоминаютъ современныя адвокатскія упражненія въ краснорѣчіи и уловки.

Въ коллекціи также находится много папирусовъ, касающихся взиманія налоговъ. Оказывается, что въ древнемъ Египтѣ, какъ и въ современныхъ государствахъ, все было обложено пошлиной, даже жертвенныя животныя. Огромное количество папирусовъ заключаетъ въ себѣ разнаго рода доносы, обнаруживающія многіе любопытныя черты египетской жизни и уже порядочную испорченность тогдашняго общества, могущаго поспорить и въ этомъ отношеніи съ современнымъ обществомъ. Вообще, чтеніе этихъ папирусовъ указываетъ, что египетская жизнь уже достигла большаго развитія 1800 лѣтъ тому назадъ.

«Cosmopolitan». Знаменитый германскій писатель Фридрихъ Шпильгагенъ сообщаетъ въ вышеназванномъ журналѣ интересныя свѣдѣнія о современномъ германскомъ театрѣ и германскихъ драматургахъ. Первымъ изъ современныхъ драматическихъ писателей въ Германіи Шпильгагенъ считаетъ Эрнста фонъ-Вильденбруха, послѣдняго защитника и представителя классической драмы. Эрнстъ фонъ-Вильденбрухъ въ самомъ началѣ стяжалъ блестящіе лавры, слѣдуя во всемъ традиціямъ германскихъ классиковъ, но въ настоящее время, когда сцена подпадаетъ все болѣе и болѣе вліянію демократическихъ тенденцій, публика съ каждымъ днемъ перестаетъ интересоваться своими прежними героями, и слава Вильденбруха начала блекнуть. Однако, блестящій успѣхъ волшебной пьесы Людвига Фульда «Талисманъ» отчасти говоритъ противъ пристрастія публики къ натуралистическому жанру. Пьеса эта давалась безчисленное множество разъ и всегда

при полномъ театрѣ. Сюжетъ пьесы заимствованъ авторомъ изъ извѣстной сказки Андерсона «Новое королевское платье» и разработанъ такъ искусно, что успѣхъ ея становится вполнѣ объяснимымъ. Но дѣло въ томъ, что драматическіе авторы въ Германіи, съ какимъ бы презрѣніемъ они ни относились къ устарѣвшимъ театральнымъ традиціямъ, все-таки не могутъ или не рѣшаются отрѣшиться отъ нихъ. Исключеніемъ изъ этого правила является лишь Германъ Зудерманнъ.

Зудерманнъ родился въ 1857 году, въ восточной Пруссіи, отъ очень бѣдныхъ родителей, что̀, по всей вѣроятности, не осталось безъ вліянія на развитіе его интеллектуальныхъ силъ. Въ настоящее время Зудерманнъ пользуется репутаціей не только драматурга, но и перворазряднаго романиста. Зудерманнъ написалъ три пьесы, которыя произвели громадное впечатлѣніе: «Sodom's Ende» (Конецъ Содома), «Die Ehre» (Честь) и «Heimat» (Родина). «Sodom's Ende» вызвала особенно много шума, такъ какъ авторъ, самымъ безпощаднымъ образомъ разоблачаетъ въ ней дѣятельность биржи и жизнь финансовой аристократіи, рисуя картину нравственнаго и физическаго паденія одного молодого и геніальнаго художника. Въ «Heimat» Зудерманнъ бичуетъ высокомѣріе и тщеславіе высшихъ гражданскихъ и военныхъ классовъ. Третья пьеса «Die Ehre» сближаетъ понятія о чести бѣдняковъ съ тѣми, которыя существуютъ у привиллегированнаго меньшинства. Зудерманнъ находитъ эти понятія совершенно аналогичными по существу и одинаково непрочными; такъ, въ первомъ случаѣ нужда, а во второмъ страсть къ роскоши совершенно ихъ уничтожаетъ и заставляетъ людей забывать о ихъ существованіи.

Изъ самыхъ молодыхъ драматическихъ авторовъ, Шпильгагенъ упоминаетъ какъ объ одномъ изъ выдающихся писателей объ Отто Эрихѣ Гартлебенѣ, уроженцѣ Гарца. Въ 1890 году, Гартлебенъ только-что кончилъ отбываніе воинской повинности, и чтобы отпраздновать свое избавленіе, поставилъ на сценѣ свободнаго театра (Freie Bühne) свое первое произведеніе «Анжель». Газеты расхвалили его, и дѣйствительно Гартлебенъ, какъ въ этой, такъ и во-второй своей пьесѣ обнаруживаетъ большой талантъ, но, къ сожалѣнію, у него не хватаетъ ясности, которая особенно необходима въ театральныхъ произведеніяхъ.

Другой драматическій писатель изъ молодыхъ, Максъ Гальбэ, сынъ помѣщика изъ восточной Пруссіи, написалъ четыре пьесы, изъ которыхъ только двѣ послѣднія были поставлены на сценѣ народнаго театра. Недостаткомъ автора является слишкомъ большая догматичность, нѣсколько заслоняющая его талантъ. Но безспорно главою всѣхъ молодыхъ современныхъ драматурговъ слѣдуетъ считать Гергардта Гауптмана, автора превосходной пьесы «Ткачи». Гауптманъ — уроженецъ Силезіи, сынъ простого ремесленника, но отецъ его постарался дать ему самое тщательное воспитаніе. Молодой Гергардтъ долгое время никакъ не могъ найти свое призваніе и бросался отъ одного занятія къ другому. Онъ бросилъ школу, занялся сельскимъ хозяйствомъ подъ руководствомъ своего дяди, но вскорѣ бросилъ и это и началъ посѣщать академію художествъ въ Бреславлѣ. Но и это продолжалось недолго, и Гергардтъ вышелъ изъ академіи, хотя профессора находили у него талантъ къ ваянію. Какъ Фаустъ, онъ переходилъ отъ одной науки къ другой, пока, наконецъ, не нашелъ своего истиннаго призванія. Удивительнымъ образомъ это совпало съ его женитьбой; онъ женился 22-хъ лѣтъ и тогда же написалъ свою первую поэму «Promethidenloos». Первая драма его, «До зари», поставленная на сценѣ «Freie

Bühne», вызвала настоящій скандалъ, такъ какъ она самымъ смѣлымъ образомъ нарушала всѣ, признанныя священными, правила драматическаго искусства. Въ то время, какъ послѣдователи молодой драматической школы разражались восторженными апплодисментами, остальные зрители, возмущенные нарушеніемъ всѣхъ старинныхъ традицій сцены, свистали, кричали и встрѣчали ироническимъ хохотомъ каждое дѣйствіе. Гергардтъ Гауптманнъ представилъ въ своей пьесѣ жизнь въ такомъ видѣ, въ какомъ она есть, безъ всякихъ прикрасъ, и имѣлъ мужество опуститься въ самые ея нѣдра, туда, гдѣ обитаютъ дикіе звѣри и пожираютъ другъ друга въ борьбѣ за существованіе...Пьеса Гауптманна провалилась, но, тѣмъ не менѣе, онъ все-таки одержалъ верхъ. Та самая публика, которая освистала его первую пьесу, неистово апплодировала его «Ткачамъ», хотя и въ этой пьесѣ Гергардтъ такъ же безпощадно срывалъ покрывало съ соціальныхъ ранъ, какъ и въ первой. Энергія и сила воли Гауптманна побѣдили предубѣжденіе толпы и заставили ее взглянуть истинѣ прямо въ глаза, а не отворачиваться отъ нея, когда она является имъ въ неприкрашенномъ видѣ. Такимъ образомъ, Гергардтъ Гауптманнъ одержалъ побѣду и сталъ во главѣ молодой нѣмецкой драматической школы. Однако, Шпильгагенъ не считаетъ эту школу окончательнымъ выраженіемъ эволюціи; онъ полагаетъ, что она лишь подготовляетъ пути къ достиженію конечной формулы драматическаго искусства, и поэтому имѣетъ лишь переходный характеръ. Каково же будетъ драматическое искусство будущаго—Шпильгагенъ рѣшительно не берется сказать; онъ только желаетъ, чтобы школа будущаго «приняла изъ рукъ правды покрывало поэзіи», или, выражаясь яснѣе: «не дѣлала бы изъ театра орудіе научныхъ изслѣдованій, не разрывала бы покрывала поэзіи и сохранила бы въ неприкосновенности культъ высокихъ и благородныхъ идей и вдохновеній».

Литературная жизнь въ Англіи, школа Диккенса и литературная богема. Англійскіе писатели обладаютъ особеннымъ пристрастіемъ къ автобіографіямъ. Въ послѣднее время такихъ автобіографій расплодилось множество, и, безъ сомнѣнія, нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ огромный литературный и историческій интересъ. Укажемъ на двѣ такія автобіографіи: «Memoirs of the author» (воспоминанія автора) Перси Фитцджеральда и «The life and adventures of George Augustus Sala, written by himself» (Жизнь и приключенія Георга Августа Сала, написанныя имъ самимъ), обрисовывающія очень ярко извѣстную литературную эпоху и нѣкоторыхъ выдающихся литературныхъ дѣятелей. Къ числу послѣднихъ, разумѣется, принадлежитъ Диккенсъ, которому Перси Фитцджеральдъ посвящаетъ нѣсколько очень интересныхъ главъ своей книги.

Популярность Диккенса началась съ 1837 года и распространилась съ необыкновенною силой, когда появились первые номера Пиквикскаго клуба. Врядъ ли можно встрѣтить въ исторіи литературы другой такой примѣръ необыкновенно быстро распространившейся популярности автора среди цѣлой націи. Не было ни одного разносчика въ Англіи, лавочника, трубочиста и т. д., которымъ не было бы извѣстно имя Диккенса, какъ автора Пиквикскаго клуба. Всѣ собаки, во всемъ соединенномъ королевствѣ получали кличку «Sam» по имени слуги Пиквика. Дѣти всегда въ своихъ играхъ изображали героевъ произведеній Диккенса. Разсказываютъ, что въ церквахъ иногда вдругъ раздавался хохотъ, и люди, совершившіе этотъ неприличный проступокъ, сознавались, что они

нечаянно вспомнили какую-нибудь фразу изъ Пиквика. Одинъ умирающій больной спросилъ своего доктора сколько ему осталось жить, и тотъ отвѣчалъ, что около мѣсяца. Больной вздохнулъ и затѣмъ прибавилъ: «Хорошо, что я успѣю все-таки прочесть слѣдующій номеръ Пиквика, который выйдетъ черезъ двѣ недѣли!»

Подобные анекдоты, разумѣется, указываютъ, что слава Диккенса находилась тогда въ апогеѣ. Не то уже было въ пятидесятыхъ годахъ, когда ему пришлось-раздѣлить эту славу съ другимъ свѣтиломъ на литературномъ горизонтѣ, Теккереемъ. Но, тѣмъ не менѣе, въ 1851—59 годахъ еще вся Англія устремляла свои взоры на окно съ выступомъ,—изъ тѣхъ, которыя называются въ Англіи «bow windows», въ домѣ, гдѣ помѣщалась редакція «HouseholdWords»,еженедѣльнаго журнала, издаваемаго Диккенсомъ въ то время. Впослѣдствіи этотъ журналъ былъ преобразованъ въ «All the year Jound».

Не разъ, съ бьющимся сердцемъ, вступали молодые люди, начинающіе свое литературное поприще, въ это святилище, именуемое редакціей. Двѣ стеклянныя двери вели туда; на одной была надпись: «Мистеръ Уилльсъ», на другой: «Мистеръ Диккенсъ». Уилльсъ былъ помощникомъ издателя; онъ занимался лишь текущими дѣлами и не касался литературной части журнала, поэтому передъ его дверью не останавливались съ замирающимъ сердцемъ литературные дебютанты, какъ передъ дверью Диккенса. На легкій стукъ въ эту дверь слышался голосъ: «Войдите!» и посѣтитель, безъ всякаго доклада и другого церемоніала, столь обыкновеннаго во всѣхъ почти современныхъ редакціяхъ, оказывался лицомъ къ лицу съ знаменитымъ писателемъ, имя котораго гремѣло во всей Англіи.

Диккенсъ отличался простотою обращенія, которая сразу подкупала въ его пользу. Онъ всегда былъ одѣтъ въ блузу и широкія панталоны и безъ церемоніи предлагалъ посѣтителю половину своего завтрака, если тотъ попадалъ какъ разъ въ такое время. «Но, несмотря на всю эту простоту и сердечность, говоритъ Фитцджеральдъ, онъ былъ болѣе дружелюбнымъ, нежели другомъ». Фитцджеральдъ, также какъ и Сала, въ своихъ воспоминаніяхъ о Диккенсѣ, ясно даютъ понять, что доброта Диккенса была поверхностной и не исходила отъ сердца. Со своими молодыми сотрудниками Диккенсъ, по словамъ Сала, обращался хорошо и подкупалъ ихъ тѣмъ, что часто прощалъ имъ авансы, но, тѣмъ не менѣе, онъ умѣлъ извлечь изъ нихъ все, что только можно было извлечь изъ ихъ литературныхъ способностей, и такимъ образомъ всегда оставался въ барышахъ. Диккенсъ самъ писалъ только изрѣдка для своего журнала и наполнялъ его столбцы тѣмъ, что называлось тогда въ редакціонныхъ кружкахъ «Dickens and water» (Диккенсъ и вода)—литературными произведеніями, написанными на его глазахъ, подъ его руководствомъ и флагомъ, его молодыми сотрудниками, которыхъ онъ дрессировалъ для этой цѣли, заставляя подражать своей манерѣ писанія до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Это была школа, изъ которой потомъ вышли многія изъ выдающихся англійскихъ писателей, свергнувшихъ съ себя впослѣдствіи тяготѣвшее надъ ними иго Диккенса.

Одновременно съ этою школою, образовывавшею и дрессировавшею литературные таланты, существовало въ Англіи другое учрежденіе, оказывавшее также не малое вліяніе на литературные нравы. Это, такъ называемый «клубъ дикихъ»—Savage club, сборный пунктъ англійской литературной богемы, которую Теккерей, въ одномъ изъ своихъ романовъ, описалъ какъ «веселую страну, гдѣ всѣ оди-

наково бѣдны, но всѣ молоды и безпечны. Если же случайно въ это собраніе молодежи попадалъ старикъ, то это означало, что, несмотря на свои лѣта, онъ сохранилъ въ себѣ еще достаточно юношескаго жара...» Теккерею такъ нравилась эта юность, безпечность и жизнерадостное веселье, что въ заключеніе онъ восклицаетъ: «Увы! зачѣмъ я позабылъ дорогу въ эту прекрасную страну?»

Другой англійскій писатель, Эдмундъ Ятсъ, часто посѣщавшій клубъ литературной молодежи, говоритъ: «Общее у всѣхъ было—молодость, талантъ, непредусмотрительность и безпечность, перемежающаяся и спазмодическая работа, приливы восторженности, чередующейся съ днями унынія и, наконецъ, полный и абсолютный индиферентизмъ и презрѣніе къ буржуазіи, къ ея воззрѣніямъ, образу жизни и разговору». Эта развеселая молодежь составляла ядро англійской журналистики въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. У многихъ слава была впереди, но пока еще стремленіе къ этой славѣ не составляло главной цѣли ихъ жизни. Будущіе знаменитые журналисты и писатели довольствовались скромнымъ заработкомъ безъимянныхъ авторовъ и почитали себя крезами, если имъ удавалось заработать 5 фунтовъ (около 50 р).

Основателемъ «Клуба дикихъ» былъ нѣкто докторъ Страуссъ, уроженецъ Канады, но въ жилахъ котораго текла кровь славянская, итальянская и французская. Это былъ очень оригинальный человѣкъ, не придававшій никакой цѣны деньгамъ и всегда ставившій ребромъ послѣднюю копѣйку. Основанный имъ клубъ замѣнялъ ему домашній очагъ, котораго у него никогда не было, и потому неудивительно, что онъ такъ заботился о процвѣтаніи этого клуба. Несмотря на свою склонность къ безшабашному образу жизни, характерному для богемы, докторъ Страуссъ все-таки какъ-то ухитрялся находить время для занятій и успѣлъ издать болѣе ста книгъ на разныхъ языкахъ. Кромѣ того, докторъ Страуссъ занимался медицинскою практикою и былъ затѣмъ редакторомъ газеты «Natonal». Его жизнь, вообще, была полна самыхъ необыкновенныхъ приключеній, такъ какъ онъ часто мѣнялъ свой родъ занятій и мѣстожительство. Тѣмъ не менѣе, онъ долгое время оставался душою «Клуба дикихъ»; его юморъ и добродушіе влекли къ нему сердца молодежи, и онъ долго оставался центромъ, вокругъ котораго она группировалась, тѣмъ болѣе, что у него въ запасѣ было всегда много любопытныхъ разсказовъ, между прочимъ, о знакомствѣ съ Альфредомъ Мюссе, Кавеньякомъ и встрѣчѣ съ Людовикомъ Наполеономъ.

Прошли годы, и «Клубъ дикихъ» подчинился неизбѣжному закону эволюціи; онъ сдѣлался такимъ же, какъ и всѣ прочіе англійскіе клубы. Богема исчезла. Нѣкоторые изъ ея членовъ, наиболѣе неосторожные и пылкіе, рано сошли со сцены; другіе, сдѣлавшись знаменитостями, отчасти позабыли, отчасти же добровольно отвернулись отъ своего прошлаго, когда пять фунтовъ казались имъ цѣлымъ богатствомъ, которое они, съ легкимъ сердцемъ, раздѣляли со своими товарищами. Большинство потонуло въ омутѣ буржуазной жизни и мелкихъ интересовъ дня, и англійская литературная богема перешла въ область воспоминаній и теперъ уже сдѣлалась достояніемъ исторіи.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

СЕНЪ-МАРСЪ

или

ЗАГОВОРЪ ПРИ ЛЮДОВИКѢ XIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

АЛЬФРЕДА ДЕ-ВИНЬИ.

Переводъ съ французскаго А. М.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

АЛЬФРЕДЪ ДЕ-ВИНЬИ.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ представителей романтизма является Альфредъ де-Виньи, знаменитый автора романа «Cinq-Mars» и поэмы о падшемъ ангелѣ «Eloa». Вмѣстѣ съ именами Виктора Гюго, Ламартина, А. де-Мюссэ, Готье и друг., онъ составляетъ гордость французской романтической школы и доказываетъ, что, создавши такихъ поэтовъ, романтизмъ, несмотря на всѣ свои недостатки, имѣлъ великое значенiе для искусства. Какъ каждый изъ названныхъ нами его великихъ современниковъ и соотечественниковъ, де-Виньи внесъ во французскую поэзiю особый оттѣнокъ, составляющiй одинъ изъ элементовъ романтизма. По натурѣ и характеру творчества онъ былъ полной противоположностью В. Гюго, боялся толпы и шума, писалъ въ тиши и искалъ не одобренiя большинства, а небольшого кружка близкихъ его душѣ людей, которые поняли бы его задумчивыя настроенiя и тихую грусть. Про него говорили, что онъ запирается въ своей «башнѣ изъ слоновой кости» (tour d'ivoire) и пишетъ для людей своей души. Эта отчужденность отъ людей и тяготѣнiе къ исключительнымъ поэтическимъ настроенiямъ объясняется въ значительной степени жизнью поэта, пережившаго много разочарованiй, испытавшаго много скорби и излившаго въ своей поэзiи всѣ страданiя одинокой въ жизни души.

Альфредъ де-Виньи происходилъ изъ стариннаго знатнаго рода и родился въ маленькомъ городкѣ Лошъ въ 1797 г., т.-е. за пять лѣтъ до В. Гюго и восемь лѣтъ послѣ Ламартина. Отецъ его, графъ де-Виньи, былъ въ молодости блестящимъ свѣтскимъ человѣкомъ. При Людовикѣ XV онъ служилъ въ военной службѣ и отличался во время семилѣтней войны. Воспоминанiя объ эпизодахъ отдѣльныхъ походовъ и объ обществѣ второй половины XVIII вѣка были постоянной тэмой разговоровъ въ домѣ стараго военнаго, который презиралъ имперiю и ея нравы и былъ ревностнымъ защитникомъ традицiй дворянства и рыцарскаго пониманiя чести. Въ своемъ дневникѣ поэтъ говоритъ съ большой теплотой объ этомъ представителѣ «ancien régime», а который своими бесѣдами о рыцарствѣ и чести, своими разсказами о Фридрихѣ Великомъ, съ которымъ онъ встрѣчался нѣсколько разъ лично, объ энциклопедистахъ и объ идейной жизни временъ Людовика XV, имѣлъ большое влiянiе на подростающаго сына; онъ воспиталъ въ немъ критическое отношенiе къ окружающей его дѣйствительности и

наполнилъ его воображеніе картинами героическихъ подвиговъ и рыцарскихъ поступковъ. Смерть графа де-Виньи, спокойная и сознательная, навсегда осталась въ памяти поэта; ему было 17 лѣтъ, когда умирающій старикъ поручилъ ему заботы о матери, мужественно попрощался съ нимъ и умеръ съ спокойствіемъ матеріалиста XVIII в., самъ обративъ вниманіе присутствовавшаго врача на начало предсмертнаго хрипѣнія.

Мать де-Виньи пережила своего мужа на 20 лѣтъ. Аристократка по происхожденію, она была въ молодости выдающейся красавицей и обладала въ то же время рѣдкимъ умомъ и твердостью характера; мать и сынъ, очень похожіе другъ на друга наружностью и складомъ души, жили въ большой дружбѣ, тѣмъ болѣе нѣжной, что де-Виньи сдѣлался нелюдимымъ съ того времени, какъ оставилъ военную службу и сталъ жить исключительно въ области своихъ поэтическихъ мечтаній. Онъ отдалъ матери всю нѣжность любящаго сердца, не находящаго исхода въ жизни, самоотверженно ухаживалъ за ней во время тяжелой болѣзни, омрачившей послѣдніе годы ея жизни, и былъ такъ глубоко потрясенъ ея смертью, что только религіозное чувство, сильно развившееся въ немъ съ годами, помогло ему свыкнуться съ великой скорбью и возстановить гармонію души. Страницы дневника, написанныя непосредственно послѣ ея смерти, глубоко трогательны и прекрасны, до того сильно взволнована была его душа свершившейся катастрофой. Эта глубина родственныхъ чувствъ объясняетъ до нѣкоторой степени его замкнутость по отношенію къ внѣшнему міру и является одной изъ характерныхъ чертъ его натуры, знающей лишь глубокія интимныя привязанности и чуждой легкости, съ которой у многихъ романтиковъ чередовались бурныя чувства безграничной любви и столь же необузданной ненависти.

Воспитаніе де-Виньи относится ко времени имперіи, а его самостоятельная активная жизнь къ періоду реставраціи. Ребенкомъ его отправили въ частный лицей въ предмѣстьи St.-Honoré, гдѣ мальчикъ очутился въ неблагопріятной обстановкѣ; сверстники преслѣдовали его за его аристократическое происхожденіе и не выносили духовнаго превосходства товарища, который былъ моложе всѣхъ другихъ и очень слабъ физически. Привязчивая натура де-Виньи сильно страдала отъ отсутствія любви въ окружающихъ, и онъ старался уйти всецѣло въ ученіе; несмотря на неудовлетворительность практиковавшейся тогда системы обученія и невозможность пріобрѣсти истинныя знанія отъ учителей лицея. Къ тому же, уже въ школьные годы въ немъ проснулся будущій поэтъ и его досуги были поглощены набросками поэмъ. Но мечты его не были еще направлены къ тому, что сдѣлалось впослѣдствіи дѣломъ его жизни. Вмѣстѣ со всей подростающей молодежью своего времени, онъ былъ подъ обаяніемъ наполеоновской эпопеи; когда его спросила мать, чѣмъ онъ хочетъ сдѣлаться, когда выростетъ, онъ отвѣтилъ: «краснымъ уланомъ», называя одинъ изъ отличавшихся своею храбростью полковъ Наполеона. Желаніе его исполнилось, однако, уже когда имперія пала; шестнадцати лѣтъ

Альфредъ де-Виньи поступилъ въ гвардейскій полкъ, состоящій изъ молодыхъ людей знатнаго происхожденія; полковая жизнь была полна обычныхъ развлеченій, смотры и парадированіе на своей великолѣпной бѣлой лошади доставляли нѣкоторое время удовольствіе молодому офицеру, но для военныхъ подвиговъ, которыхъ онъ жаждалъ, не оказывалось подходящаго поприща. Онъ состоялъ въ свитѣ Людовика XVIII, бездѣйствовалъ и изъ всѣхъ кампаній вынесъ только тяжелыя впечатлѣнія о военной жизни, столь далекой въ дѣйствительности отъ того, что рисовалось молодому воображенію поэта до вступленія въ полкъ. Во время «ста дней» де-Виньи былъ заключенъ въ Амьенѣ, а по наступленіи второй реставраціи поступилъ въ королевскую гвардію, получивъ чинъ капитана. Къ этому времени разсѣялись всѣ гордыя мечты, которыя воодушевляли его во времена имперіи; съ послѣдними пушечными выстрѣлами исчезли и послѣднія иллюзіи относительно военной славы. Въ душѣ его окрѣпло существовавшее всегда скептическое отношеніе къ дѣйствительности, онъ понялъ пустоту военнаго энтузіазма, пошлость всего, привлекавшаго его прежде въ военной жизни, и душевный кризисъ, сопровождавшій отчужденіе де-Виньи отъ идеаловъ общества его времени, пробудилъ въ немъ поэта. Среди вульгарной обстановки лагерной жизни онъ началъ углубляться въ себя, и къ этому времени относятся его первыя поэтическія попытки. Подобно Шенье, онъ началъ съ подражанія древнимъ поэтамъ. Въ 1822 г. онъ издалъ первый сборникъ стиховъ «Hélène», не представляющій еще ничего самостоятельнаго. Но на ряду съ этими перепѣвами античныхъ мотивовъ, де-Виньи писалъ уже поэмы съ совершенно новыми настроеніями. Во время различныхъ остановокъ своей кочующей военной жизни, переходовъ черезъ Вогезы и черезъ Пиринеи, онъ все больше уходилъ отъ окружавшей его дѣйствительности и забывалъ суету лагерной жизни въ поэзіи; при немъ всегда было нѣсколько томовъ древнихъ поэтовъ и Библія, въ которой онъ черпалъ сюжеты многихъ поэмъ, какъ, напр.: «Moise», «Le Déluge», «La Femme adultère». Въ 1823 г. появилась лучшая изъ его поэмъ «Eloa», составляющая одну изъ жемчужинъ не только романтической поэзіи, но всей французской поэзіи вообще. Появленіе этой поэмы совпало съ «Méditations» Ламартина, съ «Odes et Ballades» Гюго и открыло современникамъ поэта, который съумѣлъ проложить себѣ особую дорожку въ поэзіи, воплощая философскую мысль въ драматическомъ разсказѣ, полномъ глубокихъ и нѣжныхъ настроеній. «Eloa» сдѣлало де-Виньи сразу знаменитымъ среди членовъ романтическаго cénacle и внимавшей имъ публики; въ послѣдующіе годы расцвѣта романтизма, среди постояннаго чередованія лучшихъ произведеній такихъ поэтовъ, какъ В. Гюго, Ламартинъ и другіе, творчество де-Виньи, продолжало держаться на одинаковой высотѣ съ его великими современниками. Почти непосредственно за «Notre Dame de Paris» В. Гюго появился историческій романъ де-Виньи, его знаменитый «Cinq-Mars», имѣвшій у современниковъ столь же всеобщій успѣхъ, какъ средневѣковой романъ В. Гюго. Когда шумный успѣхъ «Эрнани» дѣлилъ публику каждый

вечеръ на два враждебныхъ лагеря, «Отелло» въ переводѣ де-Виньи содѣйствовалъ торжеству романтизма надъ риторическими пьесами ложно-классическаго репертуара. Вскорѣ затѣмъ въ «Stello» де-Виньи задѣлъ новую струну, получившую впослѣдствіи широкое развитіе въ поэзіи А. де-Мюссэ,—онъ сталъ воспѣвать страданія поэта среди непонимающаго его буржуазнаго общества. Въ своей патетической повѣсти о поэтахъ, павшихъ жертвой равнодушнаго къ ихъ страданіямъ общества, де-Виньи требовалъ для поэтовъ отъ общества права жить и предаваться своимъ мечтамъ, не умирая отъ нищеты и одиночества среди положительныхъ людей, составляющихъ общество. Горячая защита обездоленныхъ мечтателей еще сильнѣе прозвучала у де-Виньи, когда одинъ изъ эпизодовъ «Stello»,—«Chatterton», перенесенъ былъ на сцену. Впечатлѣніе драмы на зрителей было столь сильное, что имѣло чисто практическіе результаты—послѣ одного изъ представленій пьесы, графъ Малье де-Латуръ-Ландри провелъ въ академіи выдачу пособій черезъ каждые два года нуждающимся поэтамъ.

Въ 1835 году появилась книга разсказовъ де-Виньи «Servitude et Grandeur militaires», успѣхъ которой былъ апогеемъ славы поэта. Эти разсказы, написанные восемь лѣтъ послѣ того, какъ де-Виньи выступилъ изъ военной службы, были воспоминаніями военныхъ впечатлѣній, прошедшихъ сквозь философскую мысль бытописателя, излечившагося отъ всякихъ иллюзій; онъ описывалъ уже не величіе военныхъ подвиговъ и честолюбивыхъ замысловъ, а скрытыя страданія солдата и оборотную сторону военной жизни, казавшейся столь поэтичной во времена Наполеона.

Послѣ «Servitude et Grandeur militaires» де-Виньи ничего больше не писалъ, или, по крайней мѣрѣ, не выпускалъ въ свѣтъ. Онъ ушелъ съ литературнаго поприща въ зенитѣ славы, окруженный всеобщимъ почетомъ, возбуждая еще во всѣхъ ожиданія дальнѣйшаго расцвѣта творчества. Но эти надежды не сбылись—пѣвецъ «Stello» чувствовалъ разладъ между собой и обществомъ и заперся въ своей «башнѣ изъ слоновой кости»; помимо страданій духовнаго одиночества, онъ переживалъ много душевныхъ мукъ, вслѣдствіе тяжелыхъ домашнихъ обстоятельствъ. «Я былъ сидѣлкой моей несчастной матери въ послѣдніе годы ея жизни,—говорилъ онъ одному изъ своихъ друзей,—потомъ, въ теченіи тридцати лѣтъ ухаживалъ за больной женой и теперь наконецъ долженъ заботиться о своемъ собственномъ здоровьи». Безсонныя ночи у изголовья больныхъ и физическая усталость надорвали его силы. Несмотря на слабое здоровье, де-Виньи продолжалъ усиленно работать, но, безконечно требовательный къ самому себѣ, уничтожалъ почти все написанное послѣ разсказовъ изъ военнаго быта. Очень чуткій къ истинной литературной славѣ и равнодушный къ одобренію современниковъ, зная, что потомство сохраняетъ лишь небольшое количество избранныхъ книгъ изъ того, что приносятъ ему смѣняющіяся поколѣнія писателей, де-Виньи самъ сдѣлалъ выборъ изъ своихъ произведеній, оставляя послѣ себя только то, что считалъ достойнымъ перехода къ потомству. Такъ, онъ сжегъ написанное имъ продолженіе «Stello» и оставилъ множество неиздан-

ныхъ стиховъ и поэмъ; изъ послѣднихъ только одна «Les Destinées» напечатана была послѣ его смерти.

Одинъ только разъ де-Виньи вышелъ изъ своего добровольнаго уединенія—это было въ 1845 г., когда онъ выступилъ кандидатомъ во французскую академію, сдѣлалъ освященные обычаемъ визиты 39 академикамъ и былъ избранъ въ члены академіи; однимъ изъ комичныхъ инцидентовъ этихъ визитовъ было переданное въ дневникѣ де-Виньи съ большимъ юморомъ посѣщеніе Руайе-Кольяра; ожесточенный тѣмъ, что онъ всѣми забытъ, старый академикъ принялъ поэта въ передней и заявилъ ему, что незнакомъ съ его произведеніями, на что взбѣшенный поэтъ предложилъ ему прислать ихъ въ русскомъ переводѣ, давая этимъ понять, какъ далеко простирается извѣстность его имени. Самый пріемъ де-Виньи въ академію сопровождался непріятными инцидентами—не закончивъ своей рѣчи обычнымъ диѳирамбомъ королю, де-Виньи далъ предлогъ своему литературному врагу, Молэ, сдѣлать автора «Cinq-Mars» мишенью мелкихъ булавочныхъ уколовъ, еще болѣе увеличившихъ у нелюдима-поэта стремленіе жить вдали отъ людей.

Де-Виньи пережилъ на 18 лѣтъ свое избраніе въ академію и всѣ эти годы жилъ въ одиночествѣ, не писалъ ничего для печати, хотя задумывалъ и работалъ надъ многими другими работами, сохранившимися отрывками въ его бумагахъ. Онъ умеръ въ 1863 году, чуждый своему времени и далекій отъ смѣнившихъ романтизмъ новыхъ литературныхъ теченій.

Подобно большинству поэтовъ своего поколѣнія, Альфредъ де-Виньи одинаково проявлялъ силу своего таланта въ трехъ различныхъ областяхъ—лирической поэзіи, романа и драмы. Какъ лирическій поэтъ, онъ стоитъ ближе къ Ламартину, чѣмъ къ В. Гюго; мотивами его поэзіи служатъ большею частью не рѣзкія, необузданныя страсти, изображаемыя В. Гюго въ его испанскихъ и восточныхъ герояхъ, а нѣжныя настроенія грусти, состраданія, тоски одиночества, всего того, что мучитъ душу поэта, живущаго изгнанникомъ на землѣ и носящаго въ душѣ образы небесной родины. Состраданіе и самоотреченіе слились для де-Виньи съ понятіемъ красоты, и самый прекрасный образъ въ его поэзіи, падшій ангелъ Eloa, сдѣлался воплощеніемъ этого сліянія красоты и любви. Элоа въ его поэмѣ родилась отъ слезы милосердія, которую Христосъ пролилъ надъ трупомъ Лазаря. Ангелы вознесли эту слезу къ Богу, и созданный изъ нея образъ свѣтлой и чистой дѣвы сдѣлался сестрой ликующихъ ангеловъ. Но пѣснопѣнія и славословія небесныхъ обитателей не удовлетворяютъ душу Элоа; душа ея тяготѣетъ къ міру скорби, изъ котораго она вышла, ея призваніе утолять страданія, и она неспособна жить для радости и счастья, какъ живутъ ангелы. Въ этомъ образѣ раздвоенной души, способной безконечно страдать и недоступной для счастья, одинаково близкой небу и землѣ, де-Виньи создалъ образъ поэта, связаннаго съ небомъ своими мечтами и близкаго землѣ и людямъ своей любовью, своимъ состраданіемъ къ земной печали. Въ этой манерѣ выражать свои чувства эмблематически сказывается основ-

ная черта поэзіи А. де-Виньи. Проникнутый жалостью къ людямъ и стремленіемъ къ подвигамъ самоотреченія, де-Виньи не выражаетъ своей мысли просто, а драматизируетъ ее въ образѣ погибшей Элоа. То же самое онъ дѣлаетъ, воплощая мучившія его слезы о душевномъ одиночествѣ поэта и о мукахъ геніальныхъ людей среди чуждой имъ толпы; онъ не изливаетъ своихъ чувствъ лирически, какъ Ламартинъ, а рисуетъ Моисея, печальнаго и одинокаго среди внимающаго ему, но чуждаго его душѣ народа. «Неужели я навсегда осужденъ жить могучимъ и одинокимъ?» восклицаетъ онъ съ великой тоской, и вспоминая про всѣ благодѣянія, которыя помогъ ему свершить ниспосланный свыше даръ премудрости, онъ почти жаждетъ быть такимъ же слѣпымъ, какъ толпа. «Увы, о Господи, я могучъ и одинокъ. Дай заснуть мнѣ сномъ земли!» «Dolorida» — воплощеніе любви въ томъ, что она имѣетъ самаго мучительнаго—ревности, приводящей къ смерти, и нѣсколько поэмъ на библейскія и миѳологическія поэмы, проникнуты тѣмъ же свойствомъ поэта изображать свои чувства и настроенія въ эпическо-драматической формѣ, безконечно трогательной именно потому, что каждое изъ поэтическихъ созданій не образъ, возникшій въ его воображеніи, а часть его души. Мы видѣли, что самое сильное изъ волнующихъ его чувствъ — жалость къ страданіямъ, и особенно звучитъ въ немъ эта нота, когда онъ заглядываетъ въ душу избранниковъ Бога, поэтовъ, пророковъ, героевъ мысли, когда они въ то же время оказываются истинными пасынками судьбы и живутъ среди вѣчныхъ страданій и одиночества. Грусть и нѣжность—обычное настроеніе, порождаемое чувствами поэта, и это составляетъ его вкладъ въ поэзію романтической школы. Онъ противопоставилъ страстному колориту романтиковъ полутона нѣжныхъ настроеній и лиризму Ламартина, наполнявшаго весь міръ жалобами раненой души, новый родъ драматической лирики, эмблематически отражающей душу поэта. Его поэзія чужда всякаго рѣзкаго крика, онъ не обнажаетъ души, взывая о состраданіи къ зіяющимъ раны; преисполненный своей уединенной тоски, онъ хранитъ тайну своей души, и лишь въ высокихъ и нѣжныхъ образахъ его фантазіи просвѣчиваютъ отголоски его высокихъ и чуждыхъ земнаго настроеній.

«Думая о де-Виньи», говоритъ Готье, заканчивая свой очеркъ о творцѣ Элоа, «невольно представляешь его себѣ лебедемъ, медленно плывущимъ съ легко изогнутой шеей, съ крыльями, нѣсколько вздувшимися отъ вѣтерка, по прозрачному серебристому пруду англійскаго парка; его поэзія свѣтится, какъ бѣлый тонъ луча, какъ серебристая борозда по гладкому зеркалу воды, какъ вздохъ среди водяныхъ цвѣтовъ и блѣдной листвы. Его еще можно сравнить съ одной изъ туманныхъ молочныхъ капель на синевѣ неба, менѣе яркихъ чѣмъ другія звѣзды, только потому, что онѣ расположены болѣе высоко и болѣе далеко».

Изъ прозаическихъ произведеній де-Виньи наибольшій успѣхъ у современниковъ имѣлъ «Cinq-Mars», историческій романъ эпохи Ришелье. Авторъ сталъ его писать подъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта и съ большимъ мастерствомъ соединилъ точное и очень детальное

знаніе эпохи съ драматизмомъ дѣйствія, умѣньемъ возсоздавать мощные характеры изображаемой имъ эпохи; но вся эта историческая сторона романа не составляетъ его сущности. Исторія фронды привлекала де-Виньи своимъ философскимъ значеніемъ—въ лицѣ Ришелье онъ воплотилъ холодное и упрямое честолюбіе, которое борется во всеоружіи своей геніальной натуры съ королевской властью, изъ которой оно же черпаетъ свой авторитетъ. Наряду съ Ришелье, де-Ту воплощалъ для него идеалъ дружбы въ своей готовности на всякую жертву, на всякій подвигъ самоотреченія. Этотъ романъ, какъ де-Виньи самъ говоритъ въ своемъ дневникѣ, составляетъ вмѣстѣ съ «Stello» отдѣльныя пѣсни эпической поэмы о разочарованіи, на руинахъ котораго онъ хотѣлъ возсоздать святую красоту состраданія, доброты, любви и мужественнаго чувства чести. Нѣкоторые критики, какъ, напр., Сентъ-Бёвъ, видятъ недостатокъ «Cinq-Mars» въ томъ характерѣ нереальности, который носитъ этотъ романъ. Романъ кажется поэтической химерой, и причина этого впечатлѣнія заключается не въ способѣ изложеніи, а въ какомъ-то мистическомъ свѣтѣ, проникающемъ разсказъ. Всѣ фактическія обстоятельства изложены съ величайшей точностью, но фантастическое освѣщеніе, въ которомъ представлены событія, предупреждаютъ насъ всегда, что мы имѣемъ дѣло съ идеалистомъ, витающимъ постоянно въ какомъ-то высшемъ мірѣ.

Мы не согласны съ Сентъ-Бёвомъ, что въ этомъ недостатокъ романа де-Виньи, но несомнѣнно, что это одна изъ его характерныхъ чертъ. Подобно тому, какъ каждая изъ его поэмъ воплощаетъ въ поэтическихъ образахъ индивидуальныя чувства, такъ и его прозаическія произведенія, на половину повѣсти, на половину философскія разсужденія, воплощаютъ какую нибудь философскую мысль или отношеніе поэта къ какому-нибудь явленію въ жизни. Этотъ лирическій оттѣнокъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ замѣтнѣе всего въ «Stello», гдѣ онъ полнѣе всего излилъ свою жалость къ страданіямъ непризнанныхъ талантовъ. Эта книга состоитъ изъ отдѣльныхъ трехъ разсказовъ о трехъ поэтахъ, погибшихъ отъ людскаго равнодушія, одиночества и нищеты. Первый изъ нихъ Жильберъ, жертва монархическаго режима, брошенный всѣми среди пышныхъ пировъ при дворѣ Людовика XV; другой, Шенье, погибаетъ жертвой террора и жестокости Робеспьера; наконецъ Чаттертонъ, нѣжный молодой поэтъ Англіи, не можетъ добиться, при благоустроенномъ конституціонномъ правительствѣ, возможности предаваться своему искусству—нужда приковываетъ его къ землѣ, тиранія сытаго буржуа, не признающаго его права «быть празднымъ», т. е. не работать для хлѣба, доводитъ его до самоубійства, и только въ концѣ его короткой, но полной безконечныхъ страданій жизни онъ узнаетъ на минуту счастье въ любви кроткой, молчаливой женщины, жены своего тирана домовладѣльца и его жертвы въ то же время.

Эпизодъ Чаттертона, перенесенный съ громаднымъ успѣхомъ на сцену, обезпечиваетъ славу де-Виньи навсегда, если бы даже онъ не написалъ ничего другого. Его защита поэзіи и поэтовъ

возвышается до истиннаго паѳоса, благодаря искренности его чувства и особому обаянію его поэтическаго языка.

Послѣдній изъ произаическихъ сборниковъ «Servitude et Grandeur militaires» состоитъ изъ отдѣльныхъ разсказовъ, «Laurette», «La Veillée de Vincennes», «Capitaine Renaud» и пр. Въ нихъ авторъ съ большимъ чувствомъ состраданія говоритъ объ отсталомъ положеніи арміи, о необходимости реформъ и высказываетъ глубокое пониманіе военнаго дѣла. То, что онъ говоритъ объ отвѣтственности, о долгѣ самопожертвованія, преисполнено мрачнаго паѳоса; онъ подошелъ съ скептицизмомъ, оттѣненнымъ религіозными порывами, къ многимъ нравственнымъ вопросамъ, волновавшимъ не одного бытописателя военной жизни. Онъ приходитъ къ заключенію, что чувство долга и чести—единственная еще уцѣлѣвшая добродѣтель, единственная религія, какъ онъ говоритъ, бесъ символа и образа среди столькихъ павшихъ религій; на эту единственную поддержку человѣческой души де-Виньи возлагаетъ всѣ свои надежды среди океана скептицизма, въ которомъ мы всѣ плаваемъ.

Въ этомъ пониманіи чувства чести, представляющей единственный оплотъ вѣры среди полнаго отчаянія, де-Виньи отразилъ всего себя съ своей разочарованной душой, сохранившей неизвѣстно почему и какимъ образомъ культъ идеала, освѣщающій внутреннюю жизнь и творчество поэта.

Зин. Венгерова.

Глава первая.

Прощаніе.

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.

Lord Bayron.

(Прощай, если даже на вѣкъ, то и на вѣкъ прощай).

Знаете ли вы страну, которую зовутъ садомъ Франціи, — страну, гдѣ дышешь такимъ чистымъ воздухомъ въ зеленѣющихъ равнинахъ, орошаемыхъ великой рѣкой? Если въ лѣтнее время вамъ случалось проѣзжать по прекрасной Турени, вы, навѣрно, не могли оторвать восхищенныхъ взоровъ отъ мирной Луары и не знали, на которомъ изъ двухъ береговъ остановиться, гдѣ избрать себѣ жилище, чтобы тамъ, вблизи любимаго существа, забыть людей. Слѣдя за желтыми, лѣниво текущими водами прекрасной рѣки, взоръ безпрестанно теряется въ веселыхъ картинахъ праваго берега. Долины, усѣянныя хорошенькими бѣлыми домиками, окруженными рощицами, склоны холмовъ, покрытые желтыми виноградниками или усыпанные бѣлыми цвѣтами вишневыхъ деревьевъ, старыя стѣны, поросшія молодой жимолостью, сады, гдѣ среди розъ неожиданно поднимается высокая башня—все говоритъ здѣсь о плодородіи земли или о ея древнихъ памятникахъ. Кажется,—ея обитатели, движимые любовью къ своей прекрасной странѣ, единственной изъ всѣхъ французскихъ провинцій, которая никогда не была занята иноземцами,—не хотѣли терять даромъ ни одного клочка земли, ни одной песчинки. Вы думаете, — эта старая, полуразрушенная башня служитъ жилищемъ только ночнымъ птицамъ? Ошибаетесь: при топотѣ вашихъ лошадей, среди плюща, побѣлѣвшаго отъ пыли большой дороги, показывается улыбающееся личико молодой дѣвушки. Если вы вздумаете взобраться по склону холма, поросшему виноградниками,—легкій дымокъ внезапно обнаружитъ присутствіе очага подъ вашими ногами: скала обитаема, въ ея нѣдрахъ находятъ себѣ пріютъ семьи виноградарей, и кормилица-земля, которую они обрабатываютъ днемъ, даетъ имъ убѣжище ночью. Добрые туренцы просты, какъ ихъ жизнь, мягки, какъ воздухъ, которымъ они дышутъ, и сильны, какъ почва, которую они воздѣлываютъ. Вы не видите въ ихъ смуглыхъ чертахъ ни холодной неподвижности сѣверянъ, ни вертлявой живости южанъ; въ ихъ лицахъ, какъ и въ характерахъ, видно простодушіе истиннаго народа св. Людовика. Они говорятъ на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, безъ акцента, безъ растягиванія словъ, безъ торопливости—здѣсь колыбель французскаго языка и колыбель монархіи.

Лѣвый берегъ Луары представляетъ менѣе привѣтливый видъ. Вдали виденъ Шамборъ, съ его голубыми соборами и маленькими куполами, производящій впечатлѣніе большаго восточнаго города, далѣе Шантелу.

На самомъ высокомъ холмѣ этого берега Луары виднѣется замокъ Шомонъ. Его высокія стѣны и огромныя башни окаймляютъ широкую вершину холма; колокольни придаютъ всему зданію видъ монастыря, общій всѣмъ нашимъ стариннымъ замкамъ. Темныя, вѣтвистыя деревья окружаютъ со всѣхъ сторонъ это старинное жилище и издали напоминаютъ перья, украшавшія шляпу короля Генриха. Хорошенькая деревушка тянется по берегу рѣки, и ея бѣленькіе домики точно выростаютъ изъ золотистаго песка. Узкая тропинка, извивающаяся по скалѣ, соединяетъ ее съ замкомъ; посреди холма стоитъ часовня; господа спускались, а поселяне поднимались къ ея алтарю—территоріи равенства, лежавшей, какъ нейтральный городъ, между нищетой и богатствомъ, такъ часто враждовавшими между собою.

Въ этомъ-то старинномъ жилищѣ, въ одно іюньское утро 1639 года, когда колоколъ, по обыкновенію, въ полдень возвѣстилъ часъ обѣда, происходили довольно необычайныя вещи. Многочисленные слуги замѣтили, что во время утренней молитвы передъ собравшимся населеніемъ всего дома, голосъ маркизы д'Эффіа звучалъ неувѣренно, что въ глазахъ ея стояли слезы, и что она была одѣта въ еще болѣе глубокій трауръ, чѣмъ обыкновенно. Слуги дома и итальянская прислуга герцогини Мантуанской, которая временно жила въ замкѣ Шомонъ, съ изумленіемъ видѣли какія-то неожиданныя приготовленія къ отъѣзду. Старый слуга маршала д'Эффіа, умершаго за полгода до описываемыхъ событій, снова надѣлъ свои сапоги, которыхъ онъ поклялся, было, никогда болѣе не надѣвать. Этотъ вѣрный слуга, по имени Граншанъ, сопровождалъ своего господина во всѣхъ войнахъ и всего нѣсколько времени тому назадъ вернулся изъ Германіи, чтобы сообщить матери и дѣтямъ подробности о кончинѣ маршала, послѣдній вздохъ котораго онъ принялъ подъ Люццельштейномъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ вѣрныхъ слугъ, — какихъ теперь уже рѣдко можно встрѣтить во Франціи — которые скорбятъ о горестяхъ своихъ господъ и радуются ихъ радостями, жаждутъ браковъ въ семьѣ, въ надеждѣ выняньчить впослѣдствіи молодыхъ господъ, ворчатъ на дѣтей, а подчасъ и на отцовъ, рискуютъ для нихъ своей жизнью, служатъ имъ безвозмездно во время революцій, трудятся, чтобы заработать имъ пропитаніе, и въ хорошія времена возвращаются вмѣстѣ съ ними въ замокъ. У него было выразительное, строгое лицо, сильно загорѣвшая кожа, сѣдые волосы. Только нѣсколько прядей еще сохранили свой черный цвѣтъ и вмѣстѣ съ черными же густыми бровями придавали ему суровый видъ; но кроткое выраженіе глазъ смягчало это первое впечатлѣніе. Голосъ у него былъ грубоватый. Въ это утро онъ очень торопилъ приготовленіями къ обѣду слугъ, одѣтыхъ, какъ и онъ, въ трауръ.

— Скорѣе, скорѣе, — говорилъ онъ,—торопитесь съ обѣдомъ, пока Жерменъ, Луи и Этіеннъ будутъ сѣдлать лошадей. Сегодня вечеромъ, въ восемь часовъ, мы съ господиномъ Анри должны быть далеко отсюда. А вы, господа итальянцы, предупредили-ли вы вашу молодую принцессу? Готовъ пари держать, — она занята чтеніемъ съ своими дамами гдѣ-нибудь на краю парка или на берегу воды. Она всегда является послѣ перваго блюда, и всѣ должны вставать изъ-за нея.

— Ахъ, дорогой Граншанъ,—тихо произнесла молодая камеристка, проходившая въ это время по комнатѣ,— не говорите о герцогинѣ; она очень грустна, и я думаю,—она останется сегодня въ своихъ покояхъ. Святая Марія! жаль мнѣ васъ, что вы отправ-

ляетесь въ путь сегодня, въ пятницу, 13 числа и въ день мучениковъ св. Гервасія и Протасія. Я все утро читала молитвы за господина Сенъ-Марса; но все время у меня не выходитъ изъ головы то, что я вамъ теперь говорю. Моя госпожа, хотя и знатная дама, думаетъ то же самое,— и нечего вамъ смѣяться надъ моими словами!

Въ эту минуту распахнулись двери залы, и молодая итальянка, испугавшись, какъ птица, упорхнула въ корридоръ.

Граншанъ почти и не слушалъ того, что говорила ему итальянка, и, повидимому, всецѣло былъ поглощенъ приготовленіями къ обѣду. На него были возложены важныя обязанности метръ-д'отеля. Окинувъ строгимъ взглядомъ слугъ, чтобы удостовѣриться, всѣ-ли они на своихъ мѣстахъ,— онъ самъ сталъ за стуломъ старшаго сына дома, въ ту минуту, когда обитатели замка одинъ за другимъ начали входить въ обѣденную залу: ихъ было одиннадцать человѣкъ. Послѣдней вошла маркиза д'Эффіа подъ руку съ красивымъ, богато одѣтымъ старикомъ, который занялъ мѣсто по лѣвую руку отъ нея. Сама она сѣла въ большое золоченое кресло посреди четырехугольнаго, продолговатаго стола. Такое же кресло съ правой стороны, только еще болѣе разукрашенное, оставалось незанятымъ. Молодой маркизъ д'Эффіа сидѣлъ напротивъ своей матери и помогалъ ей занимать гостей. Ему было лѣтъ двадцать, и выраженіе лица его было довольно незначительное. Его четырнадцатилѣтняя сестра, два провинціальныхъ дворянина, три молодыхъ итальянца изъ свиты Маріи Гонзаго (герцогини Мантуанской), гувернантка дочери маршала и сосѣдъ аббатъ, старый и глухой—вотъ изъ кого состояло все общество. По лѣвую руку отъ кресла старшаго сына оставалось еще пустое мѣсто.

Маркиза была женщина съ представительной фигурой и большими голубыми глазами замѣчательной красоты. На видъ ей нельзя было дать и сорока пяти лѣтъ; но она была такъ убита горемъ, что едва двигалась и съ трудомъ говорила. Поэтому, она была очень довольна, когда ея сосѣдъ съ лѣвой стороны овладѣлъ разговоромъ и съ удивительнымъ хладнокровіемъ поддерживалъ его въ теченіе всего обѣда. Это былъ старый маршалъ Бассомпіеръ; несмотря на бѣлоснѣжные волосы, онъ сохранилъ удивительную живость и моложавость. Въ его благородныхъ и утонченно вѣжливыхъ манерахъ сквозила какая-то старомодная галантность, устарѣвшая впрочемъ, какъ и его костюмъ à la Henry IV, дѣлавшій его непростительно смѣшнымъ въ глазахъ придворныхъ щеголей.

Одинъ изъ итальянцевъ обратился къ маршалу съ вопросомъ, что онъ думаетъ объ обращеніи кардинала съ дочерью герцога Мантуанскаго. Не успѣлъ онъ кончить вопроса, какъ маршалъ со свойственной ему безцеремонной манерой вскричалъ:

— Господи, Боже мой, нашли кого спрашивать! Развѣ я могу понять что-нибудь въ этомъ новомъ режимѣ, подъ которымъ живетъ теперь Франція? Мы, старые сподвижники покойнаго короля, мы плохо понимаемъ языкъ, на которомъ говорятъ при новомъ дворѣ, а онъ—насъ не понимаетъ. Впрочемъ, что я говорю? Въ этой печальной странѣ не говорятъ ни на какомъ языкѣ, потому что все безмолвствуетъ передъ кардиналомъ. Этотъ гордый маленькій вассалъ смотритъ на насъ, какъ на фамильные портреты, и отъ времени до времени снимаетъ кому-нибудь голову. Но девизъ-то, къ счастью, остается. Не правда-ли, дорогой Пюлауранъ?

Собесѣдникъ, къ которому обратился маршалъ, былъ почти однихъ лѣтъ съ нимъ; но, какъ человѣкъ болѣе

осмотрительный, онъ произнесъ въ отвѣтъ нѣсколько неопредѣленныхъ словъ и указалъ глазами на хозяйку дома, чтобы обратить его вниманіе на непріятное волненіе, которое должно было ей причинить воспоминаніе о недавней смерти мужа и упоминаніе въ такомъ тонѣ объ ея другѣ, министрѣ. Но это ни къ чему не повело: Бассомпіеръ, довольный этими полуободрительными словами, выпилъ залпомъ большой стаканъ вина и, обернувшись назадъ, чтобы взять второй стаканъ изъ рукъ своего слуги, снова сѣлъ на своего конька.

— Да, мы всѣ здѣсь лишніе. Я говорилъ объ этомъ еще надняхъ герцогу Гизу. Когда кардиналъ видитъ насъ, не покидавшихъ ни на минуту покойнаго короля, — онъ очень хорошо знаетъ, что ничего съ нами не можетъ подѣлать; мы его не боимся. Онъ постоянно думаетъ, что мы затѣваемъ заговоры; говорятъ, меня собираются посадить въ Бастилію.

— Что же, господинъ маршалъ, чего же вы ждете, отчего не уѣзжаете?—сказалъ итальянецъ. — Мнѣ кажется, только Фландрія могла бы доставить вамъ убѣжище.

— О, вы меня не знаете! Вмѣсто того, чтобы бѣжать, я отправился къ королю передъ его отъѣздомъ и сказалъ ему, что хочу избавить его отъ труда искать меня, и что если бы я зналъ, куда меня хотятъ сослать,— самъ отправился бы туда. Онъ былъ такъ добръ, какъ я и ожидалъ, и сказалъ мнѣ: «Какъ могло тебѣ придти въ голову, старый другъ, что я хочу сдѣлать съ тобой что-нибудь подобное? Ты хорошо знаешь, какъ я тебя люблю».

— Въ этихъ словахъ я узнаю доброту короля,—сказала m-me д'Эффіа;— онъ помнитъ нѣжныя чувства, которыя питалъ къ вамъ его отецъ. Мнѣ кажется, впрочемъ, онъ исполнилъ все, о чемъ вы просили для своихъ,—прибавила она, желая этимъ намекомъ направить его на путь похвалъ и заставить забыть то недовольство, которое онъ только-что такъ громко высказывалъ.

— Конечно,—отвѣтилъ онъ,—никто такъ не цѣнитъ его достоинствъ, какъ Франсуа Бассомпіеръ. Я буду ему вѣренъ до конца, потому что душой и тѣломъ отдался его отцу. И клянусь, по крайней мѣрѣ, съ моего вѣдома—ни одинъ членъ моей фамиліи не измѣнитъ своимъ обязанностямъ къ королю Франціи. Хотя мы, Бештейны, иностранцы и лотарингцы, но клянусь Богомъ! пожатіе руки Генриха IV навѣки покорило насъ. Самымъ большимъ горемъ для меня было то, что братъ мой умеръ на испанской службѣ, и я написалъ своему племяннику, что лишу его наслѣдства, если онъ перейдетъ къ императору.

Одинъ изъ дворянъ, молчавшій до сихъ поръ и бросавшійся въ глаза, благодаря обилію бантовъ и шнуровъ, украшавшихъ его платье, и ордену св. Михаила, черная лента котораго виднѣлась на его шеѣ, поклонился, говоря, что такимъ языкомъ долженъ говорить каждый вѣрноподданный.

— Простите, господинъ де-Лоней, вы ошибаетесь, — возразилъ маршалъ.—Люди нашей крови—подданные только сердцемъ, потому что мы родились такими же владѣтелями нашихъ земель, какъ король—своихъ.

Въ эту минуту дверь отворилась, и вошелъ молодой человѣкъ, довольно высокаго роста. У него было блѣдное лицо, темные волосы, черные глаза и грустный, разсѣянный видъ. Это былъ Анри д'Эффіа, маркизъ Сенъ-Марсъ. На немъ былъ черный костюмъ и короткій черный плащъ, кружевной воротникъ доходилъ до половины груди; его маленькія широкія ботфорты и шпоры такъ стучали по каменному полу, что еще издали можно было различить его шаги. Онъ направился прямо къ маркизѣ д'Эффіа и, отвѣсивъ ей глубокій поклонъ, поцѣловалъ у нея руку.

— Ну, что, Анри,—обратилась она къ нему, — готовы ли ваши лошади? Въ которомъ часу вы ѣдете?

— Сейчасъ же послѣ обѣда, *madame*, если позволите, — отвѣтилъ онъ, обращаясь къ матери съ церемонной почтительностью того времени. Пройдя позади ея кресла, онъ поклонился маршалу Бассомпіеру и занялъ мѣсто рядомъ со своимъ старшимъ братомъ.

— И такъ, дитя мое, — сказалъ маршалъ, обѣдая съ большимъ аппетитомъ, — вы собираетесь въ путь; вы отправляетесь ко двору; въ теперешнія времена это скользкая почва. Мнѣ жаль ради васъ, что онъ не остался такимъ, какимъ былъ прежде. Прежній дворъ представлялъ ничто иное, какъ салонъ короля, гдѣ онъ принималъ своихъ друзей, знатныхъ лицъ изъ большихъ домовъ, своихъ пэровъ, которые являлись туда, чтобъ доказать ему свою преданность и дружбу, проигрывали ему деньги и сопровождали его въ увеселительныхъ поѣздкахъ, но взамѣнъ не получали отъ него ничего, кромѣ позволенія вести своихъ вассаловъ въ битву за него. Почести, которыя выпадали на долю знатнаго человѣка, не обогащали его, потому что ему приходилось платить за нихъ изъ своего кошелька. При каждомъ новомъ повышеніи мнѣ приходилось продавать одну изъ своихъ земель. Къ крестинамъ теперешняго короля мнѣ пришлось купить себѣ платье въ сто тысячъ франковъ.

— О, сознайтесь же, — сказала, улыбаясь, хозяйка дома, — вы ничѣмъ не были къ этому вынуждены: мы слышали о великолѣпіи вашего платья, покрытаго жемчугомъ. Но я была бы очень недовольна, еслибъ теперь еще было принято носить подобныя платья.

— Будьте спокойны, маркиза,— времена такого великолѣпія никогда болѣе не повторятся. Конечно, мы совершали безумства, но они доказывали нашу независимость. Ясно,— въ то время нельзя было бы похитить у короля слугъ, которыхъ привязывала къ нему только любовь, и въ коронахъ которыхъ было столько же брильянтовъ, какъ и въ его коронѣ. Очевидно также, честолюбіе не могло овладѣть всѣми классами, потому что подобные расходы были по карману только богатымъ людямъ. Знатные роды, которыхъ уничтожаютъ теперь съ такой яростью, совсѣмъ не были честолюбивы, и часто, не желая вовсе занять какой-нибудь постъ, удерживали свое мѣсто при дворѣ значеніемъ своей собственной личности, и говорили, какъ сказалъ одинъ изъ нихъ: *Prince ne daigne, Rohan je suis.*

— Однако, господинъ маршалъ,— съ холодною учтивостью возразилъ де-Лоней,—эта независимость повлекла за собою не мало гражданскихъ войнъ и возмущеній.

— Видитъ Богъ, сударь, я не могу слушать, когда такъ говорятъ!—вскричалъ вспыльчивый маршалъ. — Эти возмущенія и войны, милостивый государь, ничѣмъ не нарушали основныхъ законовъ государства и такъ же мало могли поколебать престолъ, какъ какой-нибудь поединокъ. Изъ всѣхъ, стоявшихъ во главѣ подобныхъ войнъ и возмущеній, не было ни одного, кто не повергъ бы своей побѣды къ ногамъ короля, потому что каждый зналъ, — его союзники покинутъ его, если онъ окажется врагомъ законнаго государя. Никто не вооружался противъ верховной власти, а лишь противъ партіи, а разъ только она была уничтожена, все снова приходило въ прежнюю колею. А что вы сдѣлали, уничтоживъ насъ? вы сокрушили опору престола и ничѣмъ не замѣнили ея. Да, я не сомнѣваюсь, теперь кардиналъ вполнѣ осуществитъ свои намѣренія, наша знать лишится своихъ земель, и, переставъ быть

крупными земельными собственниками, они перестанутъ быть могущественными. Дворъ превратился въ дворецъ, гдѣ только выпрашиваютъ всякія милости; онъ превратится со временемъ въ переднюю, когда будетъ состоять только изъ людей, принадлежащихъ къ свитѣ короля. Значеніе знати будетъ зависѣть только отъ должностей, которыя она будетъ занимать, и когда народы, на которые она не будетъ больше имѣть никакого вліянія, захотятъ возмутиться...

— Какъ вы сегодня мрачны, маршалъ, — прервала его маркиза. — Я надѣюсь, — ни я, ни мои дѣти не увидимъ этихъ временъ. Я больше не узнаю вашего характера въ этихъ разсужденіяхъ о политикѣ. Я ждала, — вы дадите совѣтъ моему сыну.— Анри! да что съ тобой сегодня? ты такъ разсѣянъ...

Сенъ-Марсъ, устремивъ глаза въ большое окно обѣденной залы, съ грустью смотрѣлъ на великолѣпный пейзажъ, разстилавшійся передъ глазами. Солнце во всемъ блескѣ золотило пески Луары, деревья и лужайки. Онъ смотрѣлъ на лазурное небо, на желтовато-прозрачныя волны, на зеленые острова, на большіе паруса судовъ.

— О, природа, природа!—думалъ онъ,—прекрасная природа, прощай! Мое сердце скоро утратитъ свою простоту и не въ состояніи будетъ болѣе чувствовать тебя. Это сердце уже пламенѣетъ глубокой страстью, и разсказы о людскихъ дѣлахъ наполняютъ его невѣдомымъ смятеніемъ. И я долженъ вступить въ этотъ лабиринтъ; можетъ быть, я погибну въ немъ, но погибну для Маріи...

Онъ опомнился при словахъ матери и, боясь выдать дѣтскую грусть по своей странѣ и семьѣ, сказалъ:

— Я думалъ о пути, по которому мнѣ слѣдуетъ направиться, чтобы попасть въ Перпиньянъ, а также и о пути, по которому я вернусь къ вамъ.

— Не забудь заѣхать въ Луденъ къ твоему старому учителю, нашему доброму аббату Килье. Онъ дастъ тебѣ полезные совѣты относительно двора, онъ очень хорошъ съ герцогомъ Буллъонскимъ. И, наконецъ, если онъ и не можетъ быть особенно полезнымъ тебѣ, то, во всякомъ случаѣ, это знакъ уваженія съ твоей стороны.

— Вы, значитъ, отправляетесь въ Перпиньянскій лагерь, мой другъ?— сказалъ старый маршалъ, полагая, что онъ слишкомъ долго молчалъ.— Это очень хорошо для васъ. Чортъ побери! осада!—хорошее начало: чего бы я не далъ въ свое время, чтобы продѣлать съ покойнымъ королемъ осаду при моемъ прибытіи ко двору. Впрочемъ, желаю вамъ, чтобы его величество король принялъ васъ такъ же любезно, какъ его отецъ принялъ меня. Конечно, король очень добръ; но, къ несчастью, его пріучили къ этому холодному испанскому этикету, отъ котораго замираютъ всѣ движенія сердца; онъ замораживаетъ и себя, и другихъ этимъ неподвижнымъ ледянымъ видомъ. Что касается меня, то я долженъ признаться,— я все жду, когда онъ растаетъ, но тщетно. Король Генрихъ пріучилъ насъ къ совершенно другому обращенію, и намъ была, по крайней мѣрѣ, предоставлена свобода говорить ему, что мы его любимъ.

Сенъ-Марсъ, устремивъ глаза на лицо Бассомпіера, какъ бы для того, чтобы принудить себя прислушиваться къ его рѣчи, спросилъ его, каковъ былъ въ разговорѣ покойный король.

— Живой и откровенный,—отвѣтилъ онъ.—Нѣсколько времени послѣ моего прибытія во Францію я игралъ съ нимъ и съ герцогиней Бофоръ въ Фонтенебло; онъ говорилъ, что хочетъ выиграть у меня мои золотыя монеты. Онъ спросилъ меня, что заставило меня пріѣхать въ его страну? «Право, ваше величество,—откровенно сказалъ я ему,—я не пріѣхалъ сюда съ

намѣреніемъ поступить къ вамъ на службу, а для того только, чтобы провести нѣкоторое время при вашемъ дворѣ; отсюда я намѣренъ былъ отправиться къ испанскому двору. Но вы такъ очаровали меня, что, если вы не прочь принять меня на службу, то я готовъ посвятить вамъ всю свою жизнь». Въ отвѣтъ на эти слова, онъ обнялъ меня, увѣряя, что я не могъ бы найти лучшаго господина, который больше любилъ бы меня. Увы!.. я это испыталъ... и я принесъ ему въ жертву все, даже свою любовь, и сдѣлалъ бы еще больше, если бы понадобилось еще что-нибудь бо̀льшее, чѣмъ отреченіе отъ m-lle де-Монморанси.

Глаза маршала увлажнились при этихъ словахъ, но молодой маркизъ д'Эффіа и итальянцы переглянулись между собою и не могли удержаться отъ улыбки при мысли о томъ, что принцесса Конде въ то время менѣе всего могла считаться молодой и красивой. Сенъ-Марсъ замѣтилъ эти переглядыванія и, въ свою очередь, улыбнулся, но улыбка его была горькая. «Неужели, — говорилъ онъ себѣ, — и страсти также подвержены модѣ, и нѣсколькихъ лѣтъ достаточно, чтобы сдѣлать одинаково смѣшнымъ и платье, и любовь! Счастливъ тотъ, кто не переживаетъ своей юности, своихъ иллюзій, кто уноситъ съ собою въ могилу всѣ свои сокровища!»

Но, съ трудомъ отрываясь отъ меланхолическаго теченія своихъ мыслей, онъ снова обратился къ маршалу, боясь, какъ бы тотъ не подмѣтилъ чего-либо для себя непріятнаго на лицахъ присутствующихъ.

— Значитъ, съ королемъ Генрихомъ говорили очень свободно? Можетъ быть, онъ считалъ нужнымъ установить этотъ тонъ только въ началѣ своего царствованія, и потомъ, утвердившись на престолѣ, измѣнилъ обращеніе?

— Нѣтъ, никогда, никогда! до послѣдняго дня нашъ великій король не переставалъ быть самимъ собою; онъ не стыдился быть человѣкомъ. Я помню, какъ, въ отвѣтъ на одну изъ его шутокъ, герцогъ Гизъ сказалъ ему: «На мой взглядъ, вы одинъ изъ самыхъ пріятныхъ людей въ мірѣ, и, кажется, самой судьбой намъ предназначено принадлежать другъ другу; потому что, будь вы простымъ смертнымъ, я взялъ бы васъ на службу, чего бы мнѣ это ни стоило. Но такъ какъ Богу угодно было создать васъ великимъ королемъ, то и мнѣ суждено принадлежать вамъ». О, великій человѣкъ! — вскричалъ маршалъ со слезами на глазахъ,—ты вѣрно сказалъ: *«когда вы меня лишитесь, вы узнаете мнѣ цѣну»*.

Во время этой выходки различныя лица, сидѣвшія за столомъ, приняли различное положеніе, смотря по ихъ политическимъ ролямъ. Одинъ изъ итальянцевъ дѣлалъ видъ, что потихоньку болтаетъ и перешучивается съ молоденькой дочерью маркизы; другой оказывалъ всевозможныя услуги старому глухому аббату, который, приложивъ руку къ уху, чтобы лучше слышать, единственный изъ всего общества имѣлъ видъ внимательнаго слушателя. Сенъ-Марсъ, вызвавъ на разговоръ маршала, снова впалъ въ меланхолическую разсѣянность. Его старшій братъ исполнялъ роль хозяина дома съ тѣмъ же спокойствіемъ. Пю-Лауранъ заботливо слѣдилъ глазами за хозяйкой дома: онъ былъ преданъ герцогу Орлеанскому и боялся кардинала. Что же касается маркизы, то у нея былъ озабоченный и встревоженный видъ, объяснявшійся отчасти тѣмъ, что слова маршала напоминали ей о смерти мужа и о близкомъ отъѣздѣ сына, отчасти же потому, что она боялась, чтобы Бассомпіеръ не скомпрометировалъ себя передъ де-Лоней, котораго она мало знала и подозрѣвала въ приверженности къ первому ми-

нистру. Въ теченіе разговора она не разъ толкала маршала, указывая ему глазами на де-Лоней. Но всѣ эти предупрежденія оказывались тщетными: онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ, и даже точно нарочно обращался со своей рѣчью исключительно къ нему, уничтожая его своими взглядами и звуками голоса. Что касается самого де-Лоней, то онъ принялъ равнодушный и одобрительно учтивый видъ и не оставлялъ его до той минуты, пока не распахнулись обѣ половинки дверей, и лакей не возвѣстилъ о герцогинѣ Мантуанской.

Разговоръ, который мы описываемъ такъ пространно, въ сущности продолжался лишь короткое время, и обѣдъ не дошелъ еще и до половины, когда прибытіе Маріи Гонзаго заставило всѣхъ подняться со своихъ мѣстъ. Она была небольшаго роста, но очень хорошо сложена, и, несмотря на совершенно черный цвѣтъ волосъ и глазъ, отличалась ослѣпительной свѣжестью и чуднымъ цвѣтомъ лица.

— Мы васъ долго ждали сегодня, дорогая Марія,—сказала маркиза, усаживая ее рядомъ съ собою; — къ счастью, вы остаетесь со мной, чтобы замѣнить мнѣ одного изъ уѣзжающихъ дѣтей.

Молодая герцогиня покраснѣла и, низко опустивъ голову, чтобы скрыть свой румянецъ, застѣнчиво произнесла:

— Такъ и должно быть, потому что вы замѣняете мнѣ мать...

И она бросила взглядъ, заставившій поблѣднѣть Сенъ-Марса на другомъ концѣ стола.

Приходъ герцогини прервалъ общій разговоръ; каждый сталъ потихоньку разговаривать съ своимъ сосѣдомъ. Одинъ только маршалъ продолжалъ еще говорить о великолѣпіи прежняго двора, о своихъ войнахъ въ Турціи, о скупости новаго двора; но, къ его большому огорченію, никто не поддерживалъ этого разговора. Часы пробили два, когда кончился обѣдъ, и въ ту же минуту на дворѣ появились пять лошадей. На четырехъ изъ нихъ сидѣли вооруженные слуги; пятую, вороную рѣзвую лошадь держалъ подъ уздцы старый Граншанъ; это была лошадь его молодого господина.

— Ого!—закричалъ Бассомпіеръ,— вотъ нашъ боевой конь, осѣдланный и взнузданный; ну, молодой человѣкъ, вамъ приходится сказать, вмѣстѣ съ нашимъ старымъ Маро:

Adieu la cour, adieu les dames!
Adieu les filles et les femmes!
Adieu vous dy pour quelque temps,
Adieu vos plaisan passe-temps,
Adieu le bal, adieu la dance,
Adieu mesure, adieu cadence,
Tambourins, hautbois, violons
Puisqu'à la guerre nous allons.

Эти старые стихи въ устахъ маршала заставили расхохотаться всѣхъ, за исключеніемъ трехъ лицъ.

— Господи Іисусе! мнѣ кажется,— продолжалъ онъ,—точно мнѣ семнадцать лѣтъ, какъ и ему...

Въ эту минуту маркиза поблѣднѣла и встала изъ-за стола, заливаясь слезами; всѣ встали вслѣдъ за нею. Она не въ состояніи была сдѣлать даже двухъ шаговъ, и упала въ ближайшее кресло. Ея сыновья, дочь и молодая маркиза съ безпокойствомъ окружили ее. Съ трудомъ сдерживая рыданія, она произнесла:

— Простите... друзья мои... это безуміе...ребячество... но я такъ слаба и не могу совладать съ собою. Насъ было тринадцать за столомъ, и вы были этому причиной, моя дорогая герцогиня. Это очень дурно съ моей стороны обнаруживать такую слабость передъ нимъ. Прощай, мое дитя, дай мнѣ поцѣловать твой лобъ, и да хранитъ тебя Богъ!.. Будь достоинъ своего имени и своего отца!

Молчаливый путешественникъ поцѣловалъ руки матери и глубоко поклонился ей; не поднимая глазъ, онъ поклонился герцогинѣ; затѣмъ обнялъ старшаго брата, пожалъ руку марша-

лу, поцѣловалъ въ лобъ сестру и черезъ минуту уже былъ на конѣ. Всѣ бросились къ окнамъ, выходившимъ на дворъ, за исключенiемъ маркизы, все еще остававшейся въ креслѣ.

— Онъ пускается галопомъ, это хорошiй знакъ,—смѣясь, сказалъ маршалъ.

— О, Боже!—вскричала молодая герцогиня, отшатнувшись отъ окна.

— Что такое?—спросила маркиза.

— Ничего, ничего, — заговорилъ де-Лоней. — Лошадь вашего сына упала въ воротахъ, но онъ поднялъ ее. Смотрите, вотъ онъ кланяется съ дороги.

— Еще одно зловѣщее предзнаменованiе!—сказала маркиза, удаляясь въ свои аппартаменты.

Всѣ молча разошлись по своимъ комнатамъ.

День прошелъ печально въ замкѣ Шомонъ, и за ужиномъ всѣ молчали. Когда пробило десять часовъ вечера, старый маршалъ, поддерживаемый слугой, удалился въ сѣверную башню, помѣщавшуюся рядомъ съ воротами. Было душно; онъ открылъ окно, поставилъ на столъ свѣчу и остался одинъ. Его окно выходило на равнину, тускло освѣщенную луной въ первой четверти, на небо надвигались густыя тучи, все располагало къ меланхолiи. Хотя въ характерѣ маршала Бассомпiера не было ровно ничего мечтательнаго, но ему вспомнился разговоръ за обѣдомъ, и онъ мысленно сталъ перебирать всю свою жизнь, печальныя перемѣны, которыя внесло въ нее новое царствованiе: смерть любимой сестры, распутство наслѣдника его имени, потерю земель, недавнюю кончину своего друга, маршала д'Эффiа—всѣ эти мысли невольно заставили его вздохнуть.

Въ эту минуту ему послышался со стороны лѣса точно топотъ лошадей; но усиливающiйся вѣтеръ разсѣялъ это предположенiе, и такъ какъ шумъ вдругъ прекратился, то онъ и забылъ о немъ. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ еще, какъ одинъ за другимъ гасли огни въ замкѣ, затѣмъ онъ опустился въ свое глубокое кресло, оперся локтемъ о столъ и погрузился въ глубокiя размышленiя. Доставъ медальонъ, спрятанный на груди, онъ произнесъ:—«Приди, мой добрый и старый господинъ, приди поболтать со мной, какъ это бывало прежде! приди, великiй король и забудь свой дворъ для истиннаго друга; приди, великiй человѣкъ, посовѣтоваться со мной о честолюбивой Австрiи; приди, вѣтренный кавалеръ, разсказать мнѣ о твоей любви и невѣрности; приди герой и прикажи мнѣ заслонить тебя въ бою. О! отчего не сдѣлалъ я этого въ Парижѣ, отчего не мнѣ досталась твоя рана! Съ твоей смертью мiръ лишился благодѣянiй твоего прерваннаго царствованiя...»

Слезы маршала затуманили стекло широкаго медальона, и онъ стиралъ ихъ почтительными поцѣлуями. Вдругъ дверь съ силой распахнулась, и маршалъ схватился за свою шпагу.

— Кто тамъ?—вскричалъ онъ, изумленный. Его изумленiе еще возрасло, когда онъ увидѣлъ де-Лоней, который, со шляпой въ рукахъ, приблизился къ нему и смущенно заговорилъ.

— Господинъ маршалъ, съ глубокимъ сокрушенiемъ я долженъ вамъ сообщить, что король приказалъ мнѣ арестовать васъ. Карета и тридцать мушкетеровъ господина кардинала ждутъ васъ у рѣшетки.

Маршалъ все еще сидѣлъ въ креслѣ съ медальономъ въ лѣвой рукѣ и со шпагой въ правой; онъ презрительно протянулъ ее де-Лоней, говоря:

— Милостивый государь, я знаю, что живу на свѣтѣ слишкомъ долго, и вотъ о чемъ я только-что думалъ. Именемъ великаго Генриха я передаю свой мечъ его сыну. Слѣдуйте за мной.

Эти слова сопровождались такимъ

твердымъ взглядомъ, что уничтоженный де-Лоней послѣдовалъ за нимъ, низко опустивъ голову, точно не онъ, а его арестовалъ благородный старецъ. Взявъ со стола свѣчу, маршалъ спустился во дворъ и нашелъ всѣ двери отпертыми конной стражей, которая, именемъ короля принудила къ молчанію всѣхъ обитателей замка. Карета стояла наготовѣ и сейчасъ же помчалась, окруженная многочисленными всадниками. Маршалъ, сидя рядомъ съ господиномъ де-Лоней, началъ дремать, какъ вдругъ его привелъ въ себя громкій окрикъ: стой! Карета помчалась дальше, но въ ту же минуту раздался пистолетный выстрѣлъ... Лошади остановились.

— Я объявляю вамъ, милостивый государь, — сказалъ маршалъ Бассомпіеръ,—что это совершается безъ моего участія.—Высунувъ голову въ окно, онъ увидѣлъ, что карета остановилась въ маленькомъ лѣску, на узкой дорогѣ. Это обстоятельство оказывалось очень выгоднымъ для нападающихъ, такъ какъ, благодаря ему, мушкетеры не могли продвинуться по обѣимъ сторонамъ кареты. Онъ хотѣлъ посмотрѣть, что собственно происходитъ, и увидѣлъ всадника, отражавшаго длиннымъ мечомъ ударъ одного изъ мушкетеровъ. Приблизившись къ дверцамъ кареты, отъ закричалъ: *выходите, выходите, господинъ маршалъ!*

— Какъ! это вы, легкомысленный Анри, совершаете такія похожденія? Господа, оставьте его,—это ребенокъ.

Де-Лоней приказалъ мушкетерамъ отступить.

— Какимъ образомъ вы здѣсь очутились?—спросилъ маршалъ Бассомпіеръ; — я думалъ, вы уже въ Турѣ, или еще дальше, а вы вернулись, чтобы совершать безумства?

— Я вернулся сюда одинъ не ради васъ, а изъ-за личнаго дѣла, понизивъ голосъ, отвѣтилъ Сенъ-Марсъ. Но такъ какъ васъ, вѣроятно, везутъ въ Бастилію, то я увѣренъ, вы никому про это не разскажите: это храмъ молчанія. Но если-бы вы пожелали,—продолжалъ онъ громко,— я освободилъ-бы васъ отъ этихъ господъ здѣсь въ лѣсу, гдѣ всадникъ не можетъ двинуться съ мѣста. Я узналъ отъ крестьянъ объ оскорбленіи, нанесенномъ скорѣе намъ, чѣмъ вамъ, вашимъ похищеніемъ изъ дома моего отца.

— Это сдѣлано по повелѣнію короля, дитя мое, и мы должны уважать его волю; приберегите вашъ пылъ для его службы. Впрочемъ, благодарю васъ отъ всего сердца; а теперь дайте мнѣ продолжать это веселенькое путешествіе.

Де-Лоней прибавилъ:

— Я могу вамъ сообщить, впрочемъ, господинъ Сенъ-Марсъ, что король повелѣлъ мнѣ увѣрить господина маршала, что онъ крайне огорченъ этимъ, но что онъ проситъ его провести нѣсколько дней въ Бастиліи *), изъ боязни, чтобы его не заставили сдѣлать что-нибудь дурное.

Бассомпіеръ громко расхохотался и сказалъ:

— Вы видите, другъ мой, какъ опекаютъ молодыхъ людей; берегитесь же и вы.

— Ну, хорошо, поѣзжайте,— сказалъ Анри,—я не буду больше разыгрывать странствующаго рыцаря, спасающаго людей противъ ихъ воли.— И отступивши въ лѣсъ, онъ пропустилъ карету, которая помчалась впередъ, а самъ окольными тропинками направился къ замку.

Онъ остановился у подножія западной башни. Не сходя съ лошади, онъ приблизился вплотную къ стѣнѣ и приподнялъ жалузи одного изъ окошекъ въ нижнемъ этажѣ.

Было уже за полночь, и луна скрылась. Никто другой, кромѣ хозяина

---

*) Онъ пробылъ тамъ двѣнадцать лѣтъ.

дома, не могъ бы найти дорогу въ такую темноту. Башни и крыши сливались въ одну сплошную черную массу, едва-едва обрисовывавшуюся на небѣ. Ни одного огня не видно было въ уснувшемъ домѣ. Сенъ-Марсъ, закутанный въ широкій плащъ, съ тревогой ждалъ.

Чего онъ ждалъ? изъ-за чего онъ вернулся?—изъ-за слова, тихо прозвучавшаго за окномъ:

— Вы ли это, господинъ Сенъ-Марсъ?

— Увы! кто же другой? кто кромѣ меня могъ бы вернуться, какъ преступникъ, къ родительскому дому, не входя въ него, чтобы проститься еще разъ съ матерью? Кто кромѣ меня могъ бы вернуться, чтобы излить свои жалобы на настоящее, ничего не ожидая отъ будущаго?..

Кроткій голосъ зазвучалъ тревогой, и къ радости Сенъ-Марса въ немъ послышались слезы.

— Увы! Анри, на что вы жалуетесь? Развѣ я не сдѣлала больше, гораздо больше того, что должна была? Виновата ли я, что къ моему несчастію я родилась дочерью владѣтельнаго принца? Развѣ можно выбирать себѣ колыбель и сказать: я хочу родиться пастушкой? Вы знаете, какое это несчастье—быть принцессой: при рожденіи ее лишаютъ сердца, весь міръ знаетъ, сколько ей лѣтъ, ее уступаютъ по договору, точно городъ, и она никогда не имѣетъ права плакать. Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ узнала, чего только я ни дѣлала, чтобы приблизиться къ счастью и удалиться отъ престоловъ! Въ продолженіе двухъ лѣтъ я тщетно боролась противъ роковой судьбы, раздѣляющей насъ, и противъ васъ, отвращающаго меня отъ моихъ обязанностей. Вы хорошо знаете—я желала, чтобы меня сочли умершей; что я говорю? я почти желала революціи! Я, можетъ быть, благословила бы ударъ, который лишилъ бы меня моего положенія, подобно тому, какъ я благодарила Бога, когда мой отецъ былъ свергнутъ; но дворъ удивляется, королева требуетъ меня къ себѣ; наши сны разсѣялись,—Анри, мы слишкомъ долго грезили, пора проснуться!.. Не вспоминайте больше объ этихъ двухъ чудныхъ годахъ; забудьте все и помните только объ одномъ—великомъ рѣшеніи, имѣйте только одну мысль,—будьте честолюбивы... честолюбивы ради меня...

— Неужели я долженъ забыть все, Марія?—нѣжно спросилъ Сенъ-Марсъ.

Она колебалась...

— Да, все, что и я забыла,—отвѣтила она. Черезъ минуту она прибавила:

— Да, забудьте наши счастливые дни, наши длинные вечера, наши прогулки по пруду и въ лѣсу; но помните о будущемъ. Уѣзжайте! Вашъ отецъ былъ маршаломъ, сдѣлайтесь чѣмъ-нибудь больше — коннетаблемъ, принцемъ. Поѣзжайте, вы молоды, знатны, богаты, храбры, любимы...

— Навсегда?—спросилъ Анри.

— На всю жизнь и на вѣчность.

Сенъ-Марсъ затрепеталъ и, протягивая руку, вскричалъ:

— Клянусь Дѣвой, имя которой вы носите, вы будете моей, Марія,— или же моя голова упадетъ на эшафотѣ!

— О Боже! что вы говорите!— вскричала она и, протянувши въ окно свою бѣлую ручку, схватила его за руку.—Нѣтъ, вы никогда не сдѣлаете ничего преступнаго! поклянитесь мнѣ,— вы никогда не забудете, что король Франціи вашъ государь! любите его больше всего послѣ той, которая пожертвуетъ для васъ всѣмъ и будетъ ждать васъ съ тоской. Возьмите этотъ золотой крестикъ; держите его у сердца,—я пролила надъ нимъ много слезъ. Помните, — если когда-либо вы окажетесь виновнымъ передъ королемъ, я пролью еще болѣе горькія

слезы. Дайте мнѣ это кольцо, которое блеститъ на вашемъ пальцѣ. Боже мой! наши руки—и ваша и моя въ крови!

— Не бѣда! она текла не изъ-за васъ. Неужели вы ничего не слышали часъ тому назадъ?

— Нѣтъ; но въ эту минуту вы сами ничего не слышите?

— Нѣтъ, Марія, я слышу только ночную птицу на башнѣ.

— Я увѣрена, что подлѣ насъ говорили. Но откуда эта кровь? Скорѣе говорите, и уѣзжайте.

— Хорошо, я ѣду. Прости, небесный ангелъ, я буду призывать тебя въ молитвахъ. Любовь наполнила мое сердце честолюбіемъ словно жгучимъ ядомъ. Да, впервые я чувствую въ себѣ честолюбіе, можетъ быть, облагороженное своей цѣлью. Прощайте, я иду на встрѣчу своей судьбѣ.

— Прощайте! думайте и о моей судьбѣ.

— Развѣ что-нибудь можетъ ихъ разъединить?!

— Никогда!—вскричала Марія,—ничто, кромѣ смерти!

— Я боюсь еще больше разлуки,—сказалъ Сенъ-Марсъ.

— Прощайте, я трепещу; прощайте!—сказалъ милый голосъ. И жалузи медленно опустилось надъ ихъ соединенными еще руками.

Между тѣмъ, лошадь все время билась и ржала; встревоженный Сенъ-Марсъ пустилъ ее галопомъ и короткое время спустя очутился въ городѣ Турѣ.

Старый Граншанъ, ворча, поджидалъ тамъ своего господина. Оттуда всѣ вмѣстѣ двинулись въ дальнѣйшій путь, и черезъ пять дней безъ какихъ бы то ни было приключеній въѣхали въ старинный городъ Луденъ.

Глава вторая.

Улица.

Je m'avançais d'un pas pénible et mal assuré vers le but de ce convoi tragique.

Ch. Nodier, Smarra.

(Тяжелыми и невѣрными шагами приближался я къ цѣли этого печальнаго шествія).

Ш. Нодье, Смарра).

Это царствованіе, нѣсколько лѣтъ котораго мы хотимъ здѣсь описать, царствованіе безсилія, являющееся какъ бы знаменіемъ вѣнца среди блистательныхъ царствованій Генриха IV и Людовика Великаго, оскорбляетъ взоры зрителя нѣсколькими кровавыми пятнами. Не всѣ онѣ были дѣломъ рукъ одного человѣка,—въ нихъ принимали участіе цѣлыя сословія. Печально видѣть, что въ этомъ, еще не упорядоченномъ вѣкѣ духовенство, подобно великой націи, имѣло свою знать и свою чернь, своихъ невѣждъ и преступниковъ, какъ и своихъ ученыхъ и добродѣтельныхъ прелатовъ. Съ тѣхъ поръ, все, что осталось въ немъ варварскаго, было отполировано долгимъ царствованіемъ Людовика XIV, а то, что было въ немъ испорченнаго, омылось кровью мучениковъ во время революціи 1793 года. Такимъ образомъ, благодаря совсѣмъ особенной судьбѣ, духовенство, исправленное монархіей и республикой, смягченное первой и караемое послѣдней, сдѣлалось такимъ, какимъ мы знаемъ его въ настоящее время—суровымъ и рѣдко порочнымъ.

Мы сочли нужнымъ остановиться на минуту на этой мысли, прежде чѣмъ продолжать нашъ разсказъ о событіяхъ того времени, и все-таки, несмотря на эту утѣшительную мысль,

мы принуждены были опустить самыя гнусныя подробности.

Когда кавалькада вступила въ узкія улицы городка, до слуха ея донесся странный шумъ: улицы оказались наполненными несмѣтными массами народа; церковные и монастырскіе колокола звонили точно на пожаръ. Никто не обращалъ вниманія на путешественниковъ и всѣ стремились къ большому зданію по сосѣдству съ церковью. Легко было видѣть на лицахъ отраженіе ощущеній самыхъ разнообразныхъ, а подчасъ и прямо противоположныхъ. То тутъ, то тамъ происходили многочисленныя скопленія народа, шумъ разговоровъ сразу смолкалъ, и слышался голосъ, что-то читавшій, и вслѣдъ за тѣмъ раздавались со всѣхъ сторонъ дикіе крики, перемѣшанные съ благочестивыми возгласами; толпа расходилась и изъ нея появилась фигура капуцина или французскаго монаха съ деревяннымъ распятіемъ въ рукахъ, указывавшаго толпѣ на большое строеніе, къ которому всѣ стремились.

— Iésus Maria!—вскричала какая-то старуха,—кто могъ подумать, что злой духъ изберетъ своимъ жилищемъ нашъ городъ?

— И что добрыя урсулинки одержимы дьяволомъ?—прибавила другая.

— Говорятъ, демонъ, который вселился въ настоятельницу, называется *Légion*,—сказала третья.

— Что ты говоришь, голубушка?—прервала монахиня;—семь бѣсовъ вселились въ ея бѣдное тѣло. Вчера настоятель кармелитовъ производилъ заклинанія и изгналъ демона *Eazas*, а сегодня преподобный отецъ Лактанцій изгналъ демона Beherit. Но пять остальныхъ бѣсовъ не хотѣли оставить ея тѣла, и когда святые заклинатели—укрѣпи ихъ Господь!—приказали имъ по латыни удалиться, они не послушались.

— Ахъ! Святая Дѣва!—снова заговорила старуха,—и какъ я только подумаю, что я нѣсколько разъ заказывала обѣдню у этого колдуна Урбэна!

— А я,—сказала молодая дѣвушка, крестясь,—я исповѣдывалась у него, и въ меня навѣрно вселилась бы нечистая сила, если бы у меня подъ платьемъ не было реликвіи святой Женевьевы...

— Ну, Мартина,—прервала ее толстая торговка,—ты что-то долго оставалась наединѣ съ красивымъ колдуномъ...

Тѣмъ временемъ онѣ успѣли добраться до входныхъ дверей, еще запертыхъ, и удостовѣрившись, что онѣ изъ первыхъ попадутъ внутрь, съ удвоеннымъ жаромъ продолжали свой прерванный разговоръ.

— Правда ли, тетя,—сказала молодая Мартина старухѣ,—что вы слышали, какъ говорятъ дьяволы?

— Такъ же, какъ я тебя вижу; я тебя взяла сегодня съ собой въ назиданіе, чтобы ты узнала могущество злого духа.

— Какой же у него голосъ?..—продолжала разспрашивать молодая дѣвушка.

— У него точь-въ-точь такой же голосъ, какъ у настоятельницы,—да смилуется надъ ней Матерь Божія! Я вчера долго слушала эту несчастную; тяжко было смотрѣть, какъ она разрывала себѣ грудь, выворачивая руки и ноги. Когда пришелъ святой отецъ Лактанцій и назвалъ имя Урбэна Грандье, пѣна показалась у ея губъ, и она заговорила по латыни, точно библію читаетъ. Я не поняла хорошенько, что она такое говоритъ, и только помню: *Urbanus magicus rosas diabolica*. Это значитъ, что колдунъ Урбэнъ околдовалъ ее розами, которыя ему далъ дьяволъ. И изъ ея ушей и горла начали выходить розы огненнаго цвѣта, и такъ запахло сѣрой, что уголовный судья велѣлъ всѣмъ закрыть глаза и за-

ткнуть себѣ уши, потому что это выходили дьяволы изъ нея.

— Ну, вотъ видите!—закричала торжествующимъ голосомъ женщина, обращаясь къ толпѣ и въ особенности къ группѣ людей, одѣтыхъ въ черное.

— Эти старыя вѣдьмы думаютъ, что попали на чертовскій шабашъ,—сказалъ молодой солдатъ,—и такъ шумятъ, точно онѣ пріѣхали верхомъ на помелѣ.

— Молодой человѣкъ, молодой человѣкъ,—сказалъ ему горожанинъ съ грустнымъ лицомъ,—не шутите такъ подъ открытымъ небомъ: въ такое время вѣтеръ легко можетъ превратиться для васъ въ пламя.

— Да наплевать мнѣ на всѣхъ этихъ заклинателей!—отвѣтилъ солдатъ,—меня зовутъ Гранъ-Ферре, и не у многихъ найдется такое кропило, какъ у меня.

И взявшись рукой за рукоятку шпаги, онъ поглядѣлъ вокругъ себя, сдвинувъ брови и крутя свѣтлый усъ. Но не встрѣтивъ въ толпѣ ни одного враждебнаго взгляда, онъ повернулся и медленно зашагалъ по узкимъ и темнымъ улицамъ, съ безпечностью, свойственной молодымъ военнымъ, относящимся съ глубокимъ презрѣніемъ ко всему, что не носитъ мундира.

Среди шумной толпы молча прохаживалась группа, состоявшая изъ восьми—десяти благоразумныхъ обитателей этого маленькаго городка; казались удрученными этимъ внезапнымъ и страннымъ волненіемъ и молча обращали другъ къ другу вопросительные взгляды при каждомъ новомъ зрѣлищѣ безумія, на которое они натыкались. Это молчаливое недовольство было непріятно крестьянамъ, въ большомъ числѣ собравшимся изъ деревень и старавшимся по лицамъ владѣльцевъ, большей частью своихъ патроновъ, угадать ихъ мнѣніе. Они видѣли, что готовится что-то непріятное, и прибѣгли къ единственному средству, къ которому обращается несвѣдущій и обманутый—къ покорности и неподвижности.

Въ характерѣ французскаго крестьянина есть извѣстная насмѣшливая наивность, которую онъ рѣдко пускаетъ въ ходъ при сношеніяхъ съ равными себѣ и всегда—въ сношеніяхъ съ высшими. Онъ предлагаетъ вопросы, которые могутъ привести въ замѣшательство; онъ старается умалиться до безконечности, чтобы смутить того, кто стоитъ выше его; онъ удваиваетъ неуклюжесть своего обращенія и грубость своихъ выраженій, чтобы лучше скрыть свою тайную мысль.

Однако, невольно онъ самъ себѣ измѣняетъ, и сардоническая улыбка, и показная тяжеловѣсность, съ которой онъ опирается на свою палку, слишкомъ явно выдаютъ его надежды и намѣренія.

Старый крестьянинъ, въ сопровожденіи десяти или двѣнадцати молодыхъ крестьянъ, сыновей и племянниковъ, направился къ группѣ, о которой мы только-что говорили. Приблизившись къ ней, онъ снялъ шляпу, и вслѣдъ за нимъ и вся его семья. Одинъ изъ самыхъ почтенныхъ людей въ этой группѣ дружелюбно отвѣтилъ на его поклонъ, и, не снимая шляпы, подалъ ему руку.

— Однако, Гильомъ Леру,—сказалъ онъ,—и ты оставляешь ферму Шене и приходишь въ городъ въ небазарный день. Это то же самое, какъ если бы ваши быки покинули свою упряжь, чтобы охотиться на скворцовъ, и бросили пахать землю, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ гнаться за бѣднымъ зайцемъ.

— Ей-Богу, господинъ графъ де-Людъ, — отвѣтилъ фермеръ, — случается, заяцъ самъ бросается къ нимъ на встрѣчу; я узналъ, что насъ хотятъ провести, и пришелъ посмотрѣть, какъ это будетъ.

всѣхъ. Политическая свобода возбуждаетъ его, а въ извѣстныхъ случаяхъ доводитъ до страстнаго порыва. Онъ чувствуетъ, что живетъ, потому что живетъ для себя и для всѣхъ.

Законодательство Спарты развивало лишь одинъ изъ стимуловъ человѣчества — мужество. Аѳинское законодательство развивало всѣ его способности. Спартанецъ замыкался въ своей гордости. Аѳинянинъ дѣлился со всѣми своей любезностью; онъ приходилъ въ гавань, разспрашивалъ вновь прибывшихъ, покупалъ, продавалъ, сближался съ подобными себѣ и дѣлался человѣчнѣе отъ соприкосновенія съ людьми. Спартанецъ, однимъ словомъ, былъ человѣкомъ только на войнѣ; аѳинянинъ былъ имъ во всякое время. Первый заботился лишь о томъ, чтобы умереть съ достоинствомъ, второй—чтобы жить съ пользой. Спарта была только школой воиновъ, Аѳины—школой гражданъ, ученыхъ и художниковъ. Спарта была только лагеремъ; Аѳины были городомъ, обществомъ, которое, своими тонкими чувствами, своимъ вкусомъ, своимъ изяществомъ, почти воплощало идеалъ человѣческихъ обществъ.

Древняя свобода. — Обаяніе аѳинской демократіи не должно, однако, вводить насъ въ заблужденіе относительно истинннаго характера свободы древнихъ временъ. Эта свобода ни въ чемъ не походила на ту, какую почитаютъ современные намъ народы. Гражданинъ въ древности слишкомъ зависѣлъ отъ государства. Онъ жертвовалъ ему всѣми своими наклонностями и на каждомъ шагу чувствовалъ себя связаннымъ или религіозными, или гражданскими установленіями. Хотя аѳиняне и давали болѣе широкій просторъ естественнымъ чувствамъ, но на гражданахъ ихъ тяготѣло множество обязательствъ, препятствовавшихъ имъ принадлежать самимъ себѣ. Аѳинскій гражданинъ, въ сущности, не зналъ ни свободы совѣсти, ни свободы дѣйствій: онъ былъ скованъ религіозными обрядами, которымъ вынужденъ былъ слѣдовать, если даже разсудокъ его возставалъ противъ нихъ; онъ долженъ былъ выполнять общественныя обязанности, если жребій или выборъ налагали ихъ на него, долженъ былъ пренебрегать своей семьей, своимъ благосостояніемъ, чтобы заниматься дѣлами другихъ и заботиться о чужихъ семьяхъ, долженъ былъ покидать свой промыселъ или торговлю, чтобы засѣдать въ судилищахъ или народномъ собраніи, свой домъ, чтобы жить въ Пританеѣ, въ качествѣ сенатора. Онъ не могъ избавить своихъ дѣтей отъ общественнаго воспитанія, такъ же, какъ не могъ избавиться самъ отъ тягостныхъ обязанностей. Чтобы исполнять свой гражданскій долгъ, надо было не имѣть необходимости работать для своего существованія, и чтобы пользоваться выгодами политической свободы, надо было пользоваться нѣкоторымъ достаткомъ. Однимъ словомъ, если свобода была общею, то столь же общимъ было и подчиненіе долгу. Свободнымъ было государство, но не гражданинъ. Мы имѣемъ другое понятіе о свободѣ, которая, будучи общей, не перестаетъ быть частной и, въ своемъ истинномъ значеніи, не должна вполнѣ подчинять человѣка государству, лишая его домашняго покоя, мирнаго труда, пользованія своими мыслями и привязанно-

стями. Будучи гражданиномъ, человѣкъ въ Спартѣ и въ Аѳинахъ почти переставалъ быть человѣкомъ.

Всемогущество государства.—«У человѣка въ древности не было ничего, чѣмъ бы онъ могъ располагать по своей волѣ. Тѣло его принадлежало государству и посвящалось защитѣ его; въ Римѣ гражданинъ обязанъ былъ военной службой до пятидесяти лѣтъ, въ Аѳинахъ — до шестидесяти, а въ Спартѣ — до самой смерти. Имущество гражданина не было настолько его собственностью, чтобы государство не могло имъ располагать. Если городу нужны были деньги, онъ могъ приказать женщинамъ отдать ему свои драгоцѣнности, кредиторамъ—представить ихъ полученія, собственникамъ оливковыхъ деревьевъ — уступить ему безвозмездно выдѣланное масло.

«Когда Аѳины нуждались въ деньгахъ, онѣ отбирали имущество у нѣсколькихъ богатыхъ людей. Въ Греціи право собственности безпрестанно ограничивалось или нарушалось закономъ; Аѳины наказывали смертью владѣльца, срубавшаго оливковое дерево въ своемъ полѣ.

«Это всемогущество государства простиралось и на частную жизнь. Въ Аѳинахъ мужчина не имѣлъ права оставаться холостякомъ. Законъ въ Спартѣ наказывалъ не только того, кто вовсе не женился, но и того, кто женился поздно. Въ 396 г. въ Римѣ постановленіе цензоровъ назначило штрафъ съ холостяковъ.

«Государство имѣло право не допускать, чтобы граждане его были уродливы или неправильно сложены. Поэтому оно обязывало отца убивать ребенка, родившагося съ подобными недостатками. Этотъ законъ встрѣчается въ древнихъ уложеніяхъ Спарты и Рима. Мы не знаемъ—существовалъ ли онъ въ Аѳинахъ, но намъ извѣстно, что Аристотель и Платонъ включили его въ свои идеальныя законодательства.

«...Государство могло предписывать въ Аѳинахъ трудъ, въ Спартѣ праздность. Оно выказывало свою тиранію даже въ мелочахъ. Въ Локрахъ законъ запрещалъ мужчинамъ пить чистое вино; въ Римѣ, въ Милетѣ, въ Марсели и проч. это запрещено было женщинамъ. Обычай требовалъ, чтобы костюмъ устанавливался неизмѣнно законами каждаго города. Въ Родосѣ законъ запрещалъ брить бороду; въ Византіи онъ наказывалъ штрафомъ каждаго, кто держалъ у себя бритву.

«Государство не допускало, чтобы кто-либо безучастно относился къ его интересамъ. Философъ, ученый, не могъ вести замкнутую жизнь. Онъ былъ обязанъ подавать голосъ въ собраніи и нести общественныя должности. Въ извѣстное время, когда общественныя несогласія были частымъ явленіемъ, аѳинскій законъ не позволялъ гражданину оставаться нейтральнымъ: онъ долженъ былъ бороться вмѣстѣ съ той или другой партіей; тотъ, кто хотѣлъ остаться въ сторонѣ отъ общественныхъ обязанностей и сохранять спокойствіе, наказывался изгнаніемъ и лишеніемъ имущества.

«Никто не могъ путешествовать по собственной волѣ; желая выйти изъ предѣловъ своего тѣснаго отечества, каждый долженъ

былъ испрашивать разрѣшенія начальствующихъ лицъ. Спартанскій законъ устанавливалъ прическу женщинъ, а въ Аѳинахъ законъ не дозволялъ женщинамъ брать съ собою въ путешествіе болѣе трехъ платьевъ.

«Нельзя сказать, что воспитаніе у грековъ было свободнымъ. Напротивъ, ни въ чемъ государство въ такой степени не проявляло свою власть. Въ Спартѣ отецъ не имѣлъ никакихъ правъ на воспитаніе своего ребенка. Законъ, повидимому, не былъ столь строгимъ въ Аѳинахъ, но государство могло требовать, чтобы воспитаніе было общимъ, подъ руководствомъ избранныхъ имъ учителей.

«Государство неохотно допускало, на ряду съ его образованіемъ, существованіе свободнаго обученія; въ Аѳинахъ особый законъ запрещалъ преподавать молодымъ людямъ безъ разрѣшенія властей; другимъ закономъ запрещалось въ особенности преподаваніе философіи.

«...Человѣкъ не имѣлъ выбора въ своихъ вѣрованіяхъ. Свобода мысли, по отношенію къ государственной религіи, была безусловно неизвѣстна древнимъ. Надо было сообразоваться со всѣми правилами обрядовъ, участвовать во всѣхъ процессіяхъ, присутствовать на всѣхъ священныхъ трапезахъ. Аѳинское законодательство налагало наказаніе на тѣхъ, кто воздерживались отъ религіознаго празднованія національныхъ торжествъ.

«Итакъ, древніе не знали ни свободы частной жизни, ни свободы воспитанія. Человѣческая личность цѣнилась весьма мало въ сравненіи съ священной и почти божественной властью, которую называли отечествомъ или государствомъ» [1]).

Греческія колоніи.—Было бы не вѣрно считать поприщемъ греческой исторіи одинъ лишь эллинскій полуостровъ. Она захватываетъ всѣ берега, по которымъ распространялся греческій народъ. Недостатокъ мѣста въ своихъ узкихъ долинахъ эллины восполняли не подалеку отъ себя, сперва на востокѣ, на плодородныхъ островахъ, украшающихъ архипелагъ. Вокругъ скалистаго Делоса, посвященнаго Аполлону, острова образуютъ кругъ (циклады) и слѣдуютъ за нимъ, какъ будто въ хороводѣ [2]). Между другими островами, Паросъ былъ замѣчателенъ своими виноградниками и мраморами, Наксосъ—своими горами. Затѣмъ, Спорады (разсѣянные острова) соединяли первую группу съ берегами Малой Азіи, вдоль которыхъ блистали обширный Лесбосъ, Хіосъ, «самый богатый и ослѣпительный изъ морскихъ островов» [3]), Самосъ, Косъ, Родосъ, имя котораго заимствовано отъ розъ, покрывающихъ его, и въ которомъ не проходитъ ни одного дня безъ сіянія солнца, большой островъ Кипръ, похожій на корабль, киль котораго обращенъ къ Азіи, называвшійся у древнихъ «божественнымъ». Къ югу отъ Греціи, всплывалъ изъ моря Критъ, «большая земля среди гро-

---

[1]) Fustel de Coulanges, *La cité antique*, livre III, ch. XVII.

[2]) Гомеръ, *Гимнъ Аполлону*.

[3]) Гомеръ.

маднаго моря, прекрасная, плодородная, заключающая въ себѣ девяносто городовъ и безчисленное количество людей» [1]).

Къ западу, сближая Грецію съ Италіей, слѣдовали другъ за другомъ, вытянувшись съ сѣвера на югъ, острова Корциръ, Паксосъ, Левкады, затѣмъ, Кефалонія и «суровая Итака» (Ѳеаки), наслѣдіе Улиса, Закинтъ, носившій и заслуживавшій названіе цвѣтка, и, еще далѣе къ югу, Киѳера, нынѣ Чириго, нѣкогда посвященная Венерѣ. Съ этихъ острововъ греки переходили на берега Азіи, Сициліи и Италіи, которые они усѣяли своими колоніями.

Колоніи Малой Азіи. Народныя движенія, внутренніе перевороты въ государствахъ и, прибавимъ также, предписанія оракуловъ, т.-е. религія, вели къ обширнымъ потокамъ эмиграціи или предпріятій отдѣльныхъ лицъ. Въ XII и XI столѣтіяхъ множество эолійцевъ утвердилось на сѣверѣ Малой Азіи, на о. Лесбосѣ и на побережьи до Гермуса: это была Эолида (Кимъ, Ларисса, Питана). Къ югу отъ эолійцевъ іонійцы распространились между Гермосомъ и Меандромъ и на островахъ Хіосѣ и Самосѣ. «Они построили свои города, —говоритъ Геродотъ,—подъ прекраснѣйшимъ небомъ и въ прекраснѣйшемъ климатѣ, какіе только мы знаемъ у человѣка». Іонія насчитывала двѣнадцать главныхъ городовъ [2]). Наконецъ, къ югу отъ іонійцевъ, дорійцы основали города: Линдосъ, Іализъ, Камиръ, Косъ, Книдъ и Галикарнасъ. Даже въ Азіи повторялись раздѣленія греческихъ народовъ и, въ особенности соперничество іонійцевъ и дорійцевъ.

Эти азіатскія, колоніи, въ свою очередь, образовали колоніи вдоль Херсонеса Ѳракійскаго (полуостровъ Галлиполи), Пропонтиды (Мраморное море) и Понта Эвксинскаго (Черное море). Отъ Милета произошли Абидосъ, Кизикъ, Синопъ, Трапезонтъ; Синопъ породилъ внуковъ Милета, Котіорv, Церазъ и Амизъ. Фокея основала Лампсакъ и т. д. Эти города сами высылали переселенцевъ на сѣверные берега Чернаго моря и къ устьямъ Борисѳена (Днѣпра) и Танаиса (Дона).

Колоніи Ѳракіи и Македоніи. Берега Ѳракіи и Македоніи въ VIII вѣкѣ покрылись колоніями, исходившими съ о. Эвбеи (Эретрія, Халкида) или съ Коринѳскаго перешейка (Мегара, Коринѳъ). Маленькій полуостровъ Халкидика, имѣющій форму руки съ тремя раздвинутыми пальцами, протягивающейся отъ берега Македоніи, былъ покрытъ городами, изъ которыхъ главными были Потидея и Олинѳъ (колоніи Коринѳа). Близъ Босфора мегарцы основали Халкедонію и Византію.

Колоніи Италіи и Сициліи. Коринѳъ основалъ главныя колоніи запада, Корциру и Левкаду, которыя, въ свою очередь, усѣяли избраннымъ населеніемъ берегъ Акарнаніи. Коринѳъ, вмѣстѣ съ Мегарою, изслѣдовалъ и колонизовалъ Сицилію. Могущественныя Сиракузы были коринѳскаго, а Селинантъ—мегарскаго

---

[1]) Гомеръ, *Одиссея*, XIX.

[2]) Напомнимъ ихъ имена: Милетъ, Міосъ, Пріенъ, Эфесъ, Колофонъ, Лебедосъ, Клазомены, Фокея, Эритрея, Хіосъ, Самосъ и Смирна, эолійскій городъ, принятый въ іонійскій союзъ.

происхожденія. Коринѳцы и мегарцы, однако, не мало еще оставили мѣста для халкидцевъ (Наксосъ, Леонтіонъ, Катана) и родосцамъ (Гела).

Ни одному народу не принадлежало господство въ южной Италіи, гдѣ смѣшивались колоніи ахейскія (Сибарисъ, Кротонъ, Метапонтъ), локрійскія (Локры), дорійскія (Тарентъ), халкидійскія (Регіумъ), родосскія (Парѳенопея, нынѣ Неаполь).

Наконецъ, фокейцы выслали колонію на берегъ Галліи, въ Марсель, драгоцѣнный очагъ, откуда исходилъ свѣтъ, просвѣтившій Францію.

Колоніи Африки. И Африка не ускользнула отъ предпріимчивыхъ грековъ. Они основали тамъ пять большихъ городовъ Киренаики: Киренъ, Аполлонію, Барке, Таухиру и Гесперисъ. Во времена Псаметиха, греки открыли себѣ доступъ въ Египетъ, и Амазисъ позволилъ имъ утвердиться въ городѣ Навкратисѣ.

Колоніи и метрополія. Независимость, какою пользовались эти колоніи, не препятствовала имъ признавать городъ-мать или метрополію, отъ очага которой былъ заимствованъ огонь, предназначенный возжечь новый очагъ. Колоніи признавали это священное родство ежегоднымъ отправленіемъ посольства, которому поручалось принести жертвы въ храмахъ метрополіи.

Колоніи поддерживали взаимную связь религіей, освящавшей ихъ появленіе на свѣтъ. Іонійцы построили на общее иждивеніе, на мысѣ Микале, напротивъ Самоса, храмъ Паніоніума (вся Іонія): тамъ они собирались, чтобы справлять вмѣстѣ праздникъ, которому дано было названіе Паніоніи. Дорійскіе города справляли свой общій праздникъ въ честь Аполлона въ Тріопиконѣ, мысѣ, лежащемъ близъ Книда. Въ Египтѣ греки совокупными силами построили храмъ, подъ названіемъ Элленіонъ. Однако, религіозная связь не всегда поддерживала миръ въ этихъ городахъ, потрясавшихся взрывами недовольнаго населенія. Въ однихъ изъ этихъ городовъ правленіе было демократическое, а въ другихъ— аристократическое. Часто внутренніе раздоры приводили къ установленію *тираніи* [1]), или даже чужеземнаго владычества, когда сосѣдніе народы были достаточно сильны, чтобы наложить свое господство.

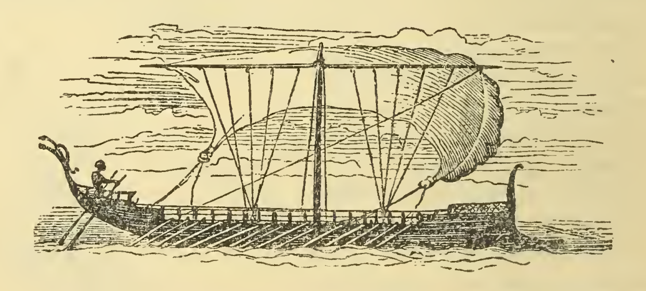
Греческій воинъ.

Торговля и процвѣтаніе греческихъ колоній. Почти всѣ эти ко-

---

[1]) Слово «тиранъ» означало по гречески неограниченный и беззаконный властитель. Только позднѣе, идея жестокости стала связываться съ этимъ словомъ послѣ того, какъ мелкіе греческіе тираны не рѣдко прибѣгали къ насиліямъ для поддержанія своей власти.

лоніи были морскими портами. Поэтому греческіе колонисты, исключительно занимавшіеся мореплаваніемъ, заняли мѣсто финикіянъ. Іонійскіе города сдѣлались крупными рынками Малой Азіи. Милетъ получалъ изъ своихъ черноморскихъ колоній мѣха и хлѣба Скиѳіи и рабовъ съ Кавказа. Эти варварскія страны онъ снабжалъ произведеніями восточной промышленности. Фокея особенно часто направляла путь своихъ галеръ, имѣвшихъ иногда до пятидесяти веселъ, къ западу: онѣ доходили до карѳагенскихъ и финикійскихъ факторій Испаніи и даже до Галліи. Коринѳъ, связывавшій, благодаря своему положенію, обѣ половины Греціи, также облегчалъ сношенія востока съ западомъ. Благодаря своимъ сицилійскимъ колоніямъ, онъ имѣлъ возможность поддерживать торговлю своихъ многочисленныхъ кораблей винами, хлѣбомъ и плодами Сициліи. Будучи замѣчательными моряками, коринѳцы еще въ VIII в. придумали трирему (судно съ тремя рядами веселъ), которая до XVI в. нашей эпохи оставалась типомъ военнаго корабля. Сицилійскія колоніи достигли высокой степени процвѣтанія; Сиракузы были ихъ царицею, и карѳагенянамъ никакъ не удавалось подчинить Сицилію своей власти.

Греческій корабль.

Города южной Италіи были столь многочисленны, что эту страну называли *Великой Греціей*. Кротонцы могли высылать на войну до 120.000 человѣкъ. Обитатели Сибариса рано развратились своими богатствами, и слово *сибариты* осталось въ новѣйшихъ языкахъ, какъ синонимъ людей, преданныхъ изнѣженности. Африканскія колоніи, лежавшія отчасти внѣ сферы политическаго соперничества, дольше сохраняли свое благосостояніе, и торговцы ихъ углублялись во внутренность материка.

Греческія колоніи достигли процвѣтанія даже раньше городовъ метрополіи. Изъ всѣхъ этихъ мелкихъ, разсѣянныхъ очаговъ исходилъ яркій свѣтъ; литература и искусства, о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ, тамъ быстро достигли совершенства. Основывавшіеся разомъ, не имѣвшіе необходимости въ опытахъ и тяжелыхъ испытаніяхъ метрополій, немедленно достигавшіе довольства, всегда дѣятельные и трудолюбивые, эти города быстрѣе успѣвали въ своемъ умственномъ [illegible]. У нихъ рано явились поэты, ученые, философы, законодате[illegible] художники. Греческая литература образовалась на подобіе букета, цвѣты котораго были сорваны на берегахъ архипелага, на всѣхъ берегахъ

Азіи и Италіи, такъ же, какъ на склонахъ Парнаса, Геликона и Гимета.

Столкновеніе съ Азіей; противуположность греческаго и восточнаго міра. Хотя греческій міръ и перерѣзывался водными пространствами, но онъ былъ довольно значителенъ; онъ составлялъ одну націю, которая, несмотря на множество нарѣчій, говорила однимъ языкомъ, почитала общихъ боговъ, стоявшихъ выше мѣстныхъ божествъ и, несмотря на различія въ общественномъ строѣ, обладала тою же любовью къ свободѣ и тѣмъ же глубокимъ чувствомъ человѣческаго достоинства.

Этотъ греческій міръ, своими азіатскими колоніями, соприкасался съ міромъ восточнымъ. Греки, заселявшіе сѣверъ и западъ побережья Малой Азіи, отрѣзывали отъ моря народы врутренней части ея. Цари лидійскіе не переставали бороться съ ними. Персидскіе цари, болѣе могущественные, покорили ихъ вмѣстѣ съ Лидіей и включили въ свое царство. Фокейцы, не желая повиноваться персамъ, сложили всѣ свои сокровища на корабли и, войдя на нихъ со своими семьями, покинули Фокею, бросивъ въ море большое количество желѣза и поклявшись вернуться только тогда, когда желѣзо всплыветъ наверхъ.

Азіатскіе монархи не удовольствовались, однако, этими успѣхами. Побуждаемый гордостью и тщеславіемъ, Дарій пожелалъ еще болѣе расширить свои владѣнія; для осуществленія всемірной монархіи, ему нужна была Европа. Дарій не только хотѣлъ доставить себѣ удовольствіе дать царицѣ Атоссѣ служанокъ изъ Аргоса, Аѳинъ и Лакедемона: его деспотическій духъ особенно возмущался противъ грековъ, которые показывали міру опасный, по его мнѣнію, примѣръ свободнаго правленія. Уже Киръ, если вѣрить Геродоту, насмѣшливо относился къ этому правленію. Онъ говорилъ по поводу спартанцевъ, что «никогда не побоится людей, у которыхъ по срединѣ города находится *агора* или общественная площадь, гдѣ они разсуждаютъ о своихъ дѣлахъ». Одно изъ двухъ началъ, рабство или свобода, должно было восторжествовать. Властители Персіи не могли вполнѣ пользоваться своимъ безусловнымъ могуществомъ, если другіе народы не подчинялись ему. Греки не могли пользоваться спокойствіемъ, пока царство, уже покорившее ихъ колоніи, не будетъ ослаблено. Участь азіатскихъ городовъ предвѣщала ихъ собственную. Для Греціи вопросъ шелъ о жизни или смерти.

Характеръ мидійскихъ войнъ. Никогда столкновеніе между народами не было болѣе торжественнымъ. Хотя исторія наполнена достопамятными битвами, *мидійскимъ войнамъ*, столь отдаленнымъ, до сихъ поръ принадлежитъ преимущество возбуждать наше удивленіе и сочувствіе. При видѣ громаднаго человѣческаго потока, которымъ Ксерксъ залилъ Грецію, никто бы ни усомнился въ гибели ея немногочисленнаго народа. Но онъ держится крѣпко. Сила его заключается въ умственномъ развитіи и въ сознаніи своего превосходства надъ азіатцами. Онъ восполняетъ недостатокъ численности мужествомъ, ловкостью, тактикой. Онъ радостно идетъ въ битву, какъ будто совершая священный долгъ, и громко поетъ

«пеанъ», который своей значительностью смущаетъ персовъ. Онъ хочетъ побѣдить или умереть. Онъ побѣдитъ. Безъ сомнѣнія, мы всегда сочувствуемъ народу, защищающему свою страну, но здѣсь греки, кромѣ самихъ себя, защищаютъ будущее человѣчество. Если бы Греція была покорена, одинаковый уровень рабства распространился бы во всей Европѣ такъ же, какъ въ Азіи и Африкѣ. Тысячи очаговъ, зажженныхъ наукой на всѣхъ островахъ Архипелага и на берегахъ Греціи, должны были бы угаснуть; человѣчество было бы обречено на разслабляющую испорченность, которою поддерживается восточный деспотизмъ. Въ этомъ заключается тайная причина глубокаго волненія, съ какимъ мы читаемъ разсказы о знаменитыхъ битвахъ Мильтіада, Леонида и Ѳемистокла. Намъ кажется, что, не смотря на истекшіе вѣка, насъ лично затрогиваетъ исходъ мараѳонскаго и саламинскаго сраженій, вѣчно памятныхъ, потому что они были побѣдами цивилизаціи надъ варварствомъ.

Слава Аѳинъ; *Периклъ*. Ими особенно были прославлены Аѳины. Хотя греки забывали въ этотъ мигъ свои раздоры и соединяли свои войска и корабли противъ общаго врага, Аѳины несли на себѣ всю тяжесть борьбы. Поэтому, справедливо гордясь своими заслугами и своимъ могуществомъ, Аѳины желали, чтобы ихъ считали первымъ городомъ Греціи. Колоніи, обязанныя этому городу своей свободой, составили вмѣстѣ съ нимъ обширный морской союзъ, обязанный своимъ началомъ Аристиду, Ѳемистоклу и Кимону, а своимъ развитіемъ и силой—Периклу.

Аѳины властвовали надъ Греціей, а Периклъ властвовалъ надъ Аѳинами. Господство безъ титула и безъ насилія, господство таланта и краснорѣчія,—таковъ характеръ власти Перикла, умѣвшаго избѣгнуть всѣ подводные камни бурной демократіи и закрѣпить на цѣлыя двадцать лѣтъ непостоянную подвижность аѳинскаго народа. Оставляя народъ подавать голоса, рѣшать вопросы и произносить судъ, не касаясь свободы судилищъ и независимости должностныхъ лицъ, не стараясь даже искусственно склонить въ свою пользу судьбу, не благопріятствовавшую ему (Периклъ ни разу даже не былъ архонтомъ), этотъ вождь аѳинской демократіи исполнялъ лишь тѣ обязанности, для которыхъ его избирали, какъ, напр., обязанности стратега, начальствовалъ лишь въ тѣхъ походахъ, которые ему поручали, и располагалъ тѣмъ бо̀льшею властью, чѣмъ менѣе искалъ ее. Искусный полководецъ, безкорыстный администраторъ, живя открытымъ домомъ, чтобы не давать никакой пищи клеветѣ, неподкупный и самолюбивый, онъ соединялъ мудрость съ твердостью, смѣлость съ опытностью. Зная тысячи пружинъ, управляющихъ демократіей, онъ приводилъ ихъ въ дѣйствіе, ничѣмъ не оскорбляя ее, умѣлъ скрыться и показаться кстати, молчать и говорить въ благопріятную минуту, чаще всего высказывалъ мнѣніе, когда его требовали, и заставлялъ всѣхъ слѣдовать этому мнѣнію, потому что оно было всегда наиболѣе обдуманнымъ, наилучше выраженнымъ и наиболѣе сообразнымъ съ истинными интересами Аѳинъ. Въ этомъ заключалась тайна его силы. Возбуждая и удовлетворяя гордость аѳи-

нянъ и не имѣя своей собственной, Периклъ велъ ихъ, такъ сказать, къ нечувствительному завоеванію обширнаго царства и надѣлилъ Аѳины памятниками, поднявшими ихъ на недосягаемую высоту. Поэтому имя его навсегда связано съ именами великихъ художниковъ, бывшихъ его друзьями, и ему приписываютъ честь величаваго художественнаго и литературнаго развитія Греціи, которое, впрочемъ, было лишь естественнымъ плодомъ учрежденій и дѣятельности счастливо-одаренной націи. Литература и искусство грековъ, какъ мы увидимъ, были на самомъ дѣлѣ полнымъ разцвѣтомъ генія, воспитаннаго политикой, благопріятной для умственнаго развитія, безпрепятственно распространявшаго свои побѣги, согрѣвавшагося и оплодотворявшагося свободой.

Глава IX.

Литература и искусство грековъ.

Начало поэзіи.—Эпическая поэзія.—Гомеръ.—Гезіодъ.—Элегическая и нравственная поэзія; сатира.—Лирическая поэзія. —Пиндаръ.—Драматическая поэзія; происхожденіе и характеръ греческаго театра. — Драматическія состязанія.—Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ; блескъ греческой литературы во времена Перикла. — Комедія; Аристофанъ. — Проза; письменность. — Исторія; Геродотъ.—Ѳукидидъ.—Ксенофонтъ.—Первые философы; Пиѳагоръ.—Поученія Сократа.—Платонъ.—Аристотель.—Циникъ Діогенъ; скептикъ Пирронъ.—Стоицизмъ и эпикуреизмъ.—Краснорѣчіе; Демосѳенъ.—Науки.—Медицина. — Искусство.—Архитектура; три ордена архитектуры. — Памятники; Парѳенонъ; Пропилеи. — Скульптура; Фидій. — Живопись; Зевксисъ; Полигнотъ.—Апеллесъ.—Художественная промышленность; керамика.—Музыка.—Упадокъ искусства и литературы.— Общій характеръ литературы и искусствъ грековъ.

Начало поэзіи.—Если политическія учрежденія грековъ дали имъ возможность развить свои природныя дарованія, религія служила для нихъ источникомъ поэзіи и всѣхъ прочихъ искусствъ. Первыми пѣснями ихъ были гимны и первыми поэтами—жрецы. За недостаткомъ письменности, риѳмованный языкъ облегчалъ запоминанія поэтическихъ произведеній, и музыка въ одно и то же время служила для нихъ поддержкою и стимуломъ. У нихъ были пѣсни, выражавшія грусть (линусъ), радость (пеанъ, сдѣлавшійся пѣснью побѣды), пѣвшіяся въ честь бракосочетанія (гименей), и при погребеніи (ѳрэнъ).

Орфей, музыкантъ и поэтъ, прославлялъ боговъ и своими пѣснями укрощалъ дикихъ звѣрей; онъ былъ однимъ изъ творцовъ религіозныхъ пѣсенъ и рано сдѣлался легендарной личностью. Согласно преданіямъ, онъ отправился въ адъ, за своей подругой Эвридикой, но ему не слѣдовало оборачиваться, выходя изъ царства тѣней; онъ обернулся и во второй разъ потерялъ Эвридику. Позднѣе, разорванный на куски вакханками, онъ былъ брошенъ въ Гебръ, и голова его продолжала повторять: «Эвридика, Эвридика!» Мы встрѣчаемся здѣсь съ смѣлымъ и трогательнымъ вымысломъ, дающимъ понять, до какой высоты поднимались вдохновеніе и поэтическое чувство у Орфея. Музей, любимецъ Музъ, былъ ученикомъ Орфея, и воспоминаніе о немъ связывалось съ элевзинскими таинствами.

Эпическая поэзія. Впослѣдствія поэты (или аэды) воспѣвали героевъ, сопровождая свои пѣсни игрою на киѳарѣ и форминксѣ [1]): это были *эпическіе* [2]) поэты. Другіе не сочиняли сами, а пѣли чужія поэмы: это были *рапсоды*, неизбѣжно повторявшіе одно и то же; въ нынѣшнемъ выродившемся значеніи, рапсодіей называется длинное и скучное повтореніе.

Гомеръ.—Въ XI вѣкѣ до Р. Х. появился Гомеръ, мѣсто рожденія котораго оспаривали впослѣдствіи семь городовъ, желая приписать себѣ эту честь, тогда какъ при жизни его относились равнодушно къ его слѣпотѣ и нищетѣ [3]). Гомеръ, существованіе котораго достаточно доказывается Илліадой и Одиссеей, несмотря на сомнѣнія новѣйшихъ критиковъ, уже слишкомъ утонченныхъ, оживилъ небо и землю, заставилъ боговъ состязаться между собою, какъ и героевъ, и поднялъ исторію Троянской войны на ступень міровой, человѣческой и божественной эпопеи.

Сюжетомъ Иліады служитъ ссора Ахиллеса и Агамемнона подъ стѣнами Трои. Но настоящій сюжетъ ея—война между Европой и Азіей, борьба боговъ, принимающихъ участіе въ ссорѣ, глубокое наблюденіе и живое выраженіе самыхъ затаенныхъ чувствъ человѣческой души. Высокомѣріе Агамемнона, упорная вражда Ахиллеса, благоразуміе мудраго Нестора, дружба Патрокла, супружеская нѣжность Гектора, не ослабляющая его мужества, отеческая любовь стараго Пріама, идущаго просить у Ахиллеса тѣло Гектора и цѣлующаго руки убійцы своего сына, — все это насъ привлекаетъ, захватываетъ и волнуетъ до глубины души. Разнообразныя сцены битвъ, эпизоды и движенія которыхъ умножаются искусствомъ поэта, смерть Патрокла, столкновеніе Ахиллеса и Гектора слѣдуютъ другъ за другомъ, позволяя вамъ отдохнуть только на нѣжныхъ эпизодахъ, вродѣ жалобы Ахиллеса своей матери Ѳетидѣ, восторга троянскихъ старцевъ передъ Еленой, роковой причиной ихъ бѣдствій, прощанія Гектора и Андромахи, описанія оружія, изготовленнаго Вулканомъ для Ахиллеса, погребенія Гектора и Патрокла, не говоря уже о множествѣ мелкихъ сценъ, искусно вставленныхъ въ большія, отступленій, касающихся боговъ и героевъ, и описаній странъ и городовъ. Битвы и страсти, пейзажи и душевныя волненія, кровавыя столкновенія и тишина природы, радости и горести, простыя выраженія и краснорѣчивыя молитвы,—все это соединяется въ Иліадѣ, которая особенно дѣйствуетъ на насъ своимъ величіемъ.

Очарованіе другого рода проникаетъ Одиссею. Несчастія Ули-

---

[1]) Эти первобытные инструменты состояли изъ двухъ перекладинъ, расположенныхъ на длинномъ ящикѣ, позволявшемъ ставить инструментъ стоймя. Струны натягивались на обѣихъ перекладинахъ съ помощью колковъ. Лира была лишь усовершенствованной киѳарой. Вначалѣ на ней было лишь четыре струны; Терпандръ увеличилъ это число до семи.

[2]) Это слово происходитъ отъ употребительнаго стихосложенія *эпоса* или гекзаметра (шесть стопъ или двѣнадцать слоговъ).

[3]) Наиболѣе основательны, повидимому, притязанія Смирны и Хіоса. Легенды довольно сомнительныя, но популярныя, представляютъ Гомера престарѣлымъ и слѣпымъ, ходящимъ изъ города въ городъ и распѣвающимъ свои стихи, чтобы заработать себѣ хлѣбъ.

са, странствующаго десять лѣтъ по волнамъ прежде чѣмъ увидѣть опять свое маленькое царство Итаку, послужили для Гомера сюжетомъ болѣе человѣчнымъ, чѣмъ сюжетъ Иліады. Подобно своему герою, поэтъ-путешественникъ, когда онъ еще обладалъ зрѣніемъ, видѣлъ много странъ и много городовъ. Онъ водитъ насъ за собой по всѣмъ берегамъ Греціи, сочетая вмѣстѣ всѣ легенды, всѣ миѳы. передавая множество разсказовъ и не забывая при этомъ своего героя, котораго въ одномъ мѣстѣ удерживаетъ нѣжность Калипсо, а въ другомъ угрозы циклопа-антропофага. Герой остается нечувствительнымъ къ коварнымъ пѣснямъ сиренъ и не довѣряетъ волшебницѣ Цирцеѣ. Послѣ ужаснаго кораблекрушенія, онъ находитъ пріютъ на островѣ феакійцевъ, гдѣ дочь Алкиноя, Навзикая, встрѣчаетъ его съ улыбкой, какъ богиня спасенія; наконецъ, послѣ столькихъ испытаній, онъ возвращается въ свой островъ Итаку, гдѣ ему еще предстоитъ побѣдить претендентовъ и быть узнаннымъ Пенелопой, безсмертнымъ типомъ супружеской вѣрности.

Гомеръ—въ одно и то же время описательный поэтъ, историкъ и моралистъ. Онъ любитъ природу, «звучащее море», тѣни, источники и рѣки. Среди своихъ вымысловъ, онъ рисуетъ живописную картину общества, нравовъ, религіи и идей своей эпохи. Онъ принадлежитъ и своему времени, и всѣмъ временамъ, благодаря прекраснымъ поученіямъ, заключающимся въ его твореніяхъ. Въ древности всѣ отдавали должное его благороднымъ мыслямъ, и отецъ церкви, св. Василій совѣтовалъ чтеніе его, какъ здоровую и укрѣпляющую пищу для ума. Наконецъ, громадное произведеніе его, какъ океанъ, служило для писателей и художниковъ источникомъ, откуда они черпали свободною рукой [1]).

Гезіодъ. Гезіодъ, жившій, вѣроятно, во времена Гомера, далеко не былъ равенъ ему [2]). Онъ пользовался поэзіей, преимущественно, для поученія и оставилъ двѣ дидактическихъ поэмы «*Труды и Дни*» и «*Теогонія*». Въ первой онъ прославляетъ и объясняетъ обработку земли, присоединяя къ своимъ техническимъ предписаніямъ совѣты и нравственныя истины. *Теогонія*, отчасти закрѣпляетъ вѣрованія грековъ въ области древней религіи; Гезіодъ перечисляетъ боговъ и богинь, присоединяя, впрочемъ, къ своему сухому перечню эпизоды, отмѣченные истиннымъ величіемъ, каковъ, напр., эпизодъ борьбы Юпитера съ Титанами.

Элегическая и нравственная поэзія; сатира. Къ длиннымъ стихамъ вскорѣ стали прибавлять болѣе короткіе и такимъ образомъ составлялись небольшія произведенія, называвшіяся *элегіями*. Мы называемъ этимъ именемъ пѣсни грустнаго содержанія, но у грековъ оно не имѣло такого значенія; ничто не доказываетъ,

---

[1]) Невозможно было бы перечислить всѣхъ подражателей Гомера. Для Франціи можно напомнить прекрасную книгу «Телемакъ» Фенелона, стихотворенія Андрэ Шенье и брата его, Мари-Жозефа Шенье, эпопею «Мученики» Шатобріана и проч. Великій живописецъ Энгръ въ нѣкоторомъ родѣ символизировалъ славу Гомера въ своемъ «Апоѳеозѣ», гдѣ онъ сгруппировалъ около греческаго поэта величайшихъ геніевъ всѣхъ странъ и временъ.

[2]) Гезіодъ родился, или, по крайней мѣрѣ, жилъ въ Аскрѣ, въ Беотіи, около X или по другимъ, IX в. до Р. X.

что короткіе стихи или элеги употреблялись для исключительнаго выраженія радости и горя. Каллинъ изъ Эфеса прославился первый въ этомъ новомъ литературномъ родѣ (въ VII в. до Р. X.). Тиртей (въ томъ же вѣкѣ) своими военными пѣснями воодушевлялъ спартанцевъ, которые пѣли ихъ, отправляясь въ битву или въ своихъ палаткахъ, чтобы возбудить себя къ новой борьбѣ.

Архилохъ, изъ Пароса, современникъ Тиртея, придумалъ *ямбъ*, чтобы поражать враговъ своими язвительными стрѣлами. «Его стихи,—говоритъ Вильменъ,—убивали и, такимъ образомъ, *сатира* выступила на первыхъ порахъ съ такой силой, какой рѣдко достигала впослѣдствіи» [1]).

Вмѣстѣ съ Солономъ (въ VI в.) элегическая поэзія становится, по преимуществу, нравственной. Знаменитый законодатель Аѳинъ былъ замѣчательнымъ поэтомъ: въ юности, своимъ поэтическимъ увлеченіемъ, онъ склонилъ аѳинянъ вновь занять островъ Саламинъ. Позднѣе, онъ ограничивался наставленіями и жизненными правилами, благодаря которымъ этому роду поэзіи дано было названіе *гномической поэзіи* (наука, мудрость); въ этомъ поэтическомъ родѣ отличались также Ѳеогнитъ и Симонидъ изъ Аморгоса.

Гиппонаксъ изъ Эфеса примѣнялъ торжественныя формы къ грубымъ шуткамъ и ввелъ въ поэзію комико-героическую форму, или *пародію*.

Лирическая поэзія. Другіе поэты, въ особенности эолійцы, въ Малой Азіи, давали больше простора своему вдохновенію и поэтическому энтузіазму. Такъ произошли различныя стихосложенія, съ быстрыми переходами отъ одной мысли къ другой, однимъ словомъ, произошла *ода*, со своими безчисленнными сочетаніями и стремительнымъ движеніемъ. Это была настоящая «лирическая» поэзія, потому что слова сопровождались музыкою на лирѣ, усовершенствованной Терпандромъ изъ Лесбоса, первымъ изъ эолійскихъ поэтовъ.

Алкей, родившійся на томъ же островѣ (въ VII в.), создалъ себѣ политическими одами и другими, гдѣ онъ воспѣвалъ наслажденіе, такую извѣстность, которая пережила вѣка; стихи его неоднократно вдохновляли Горація. Онъ обращался въ своихъ пѣсняхъ и къ *Сафо*, «увѣнчанной фіалками, цѣломудренной и кротко улыбающейся». Эта поэтесса, о существованіи которой мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ, смѣшивалась, быть можетъ, съ другой Сафо, которая, согласно легендѣ, бросилась, въ отчаяніи, съ высоты Левкадской скалы. Сафо прославлялась во всей Греціи за прелесть своихъ изящныхъ стиховъ. Она знакомитъ насъ и съ другой поэтессой, *Коринной*, изъ Беотіи; въ то время, въ VII и въ VI вв., женщины не были еще заключены во внутренней части

---

[1]) Сатиры Горація отличаются живостью, но лишены злобы. Сатиры Ювенала были рѣзче и краснорѣчивѣе. Буало подражалъ, скорѣе, Горацію. Андрэ Шенье и Огюстъ Барбье пытались приблизиться къ энергіи Архилоха, у котораго заимствовали названія большей части своихъ стихотвореній «*Ямбы*». Ихъ негодованіе возвышеннѣе, потому что оно направлено въ особенности противъ политическаго коварства и алчности ложныхъ патріотовъ.

дома (въ гинекеѣ) и принимали болѣе, чѣмъ впослѣдствіи, въ вѣкъ Перикла, участія въ движеніи и въ бурной жизни общества.

Дорійцы также отличались въ лирической поэзіи, благодаря *Алкману* изъ Спарты, *Стезихору* (въ VII в.) и *Ивику* изъ Регіума. Іонійцы не уступали имъ въ этой области, но особенно выдѣлялись легкими стихотвореніями, каковы стихотворенія *Анакреона* изъ Теоса (въ VI в.), посвященныя, преимущественно, наслажденію и давшія начало выраженію *анакреонтическій*, для обозначенія стиховъ болѣе или менѣе легкомысленнаго содержанія.

Пиндаръ. Знаменитѣйшимъ изъ лирическихъ поэтовъ былъ Пиндаръ, родившійся въ Беотіи, близъ Ѳивъ (въ 522 г.). Онъ заставлялъ звучать всѣ струны лиры и сочинилъ множество гимновъ религіозныхъ, побѣдныхъ и погребальныхъ. Пиндаръ жилъ и творилъ до глубокой старости, но изъ множества его произведеній до насъ дошли только *торжественныя оды*, носившія такое названіе потому, что онѣ прославляли торжество побѣдителей на играхъ олимпійскихъ, пиѳійскихъ, немейскихъ и истмійскихъ. При всей скудости сюжета, такъ какъ дѣло шло о сходныхъ между собою состязаніяхъ, о бѣгѣ колесницъ, борьбѣ атлетовъ, удачѣ въ искусствѣ метанія дисковъ, Пиндаръ умѣлъ оживить это содержаніе. Герой, по большей части, не имѣлъ исторіи; Пиндаръ создавалъ ее, разсказывая о его семьѣ, его родномъ городѣ и богахъ, покровительствовавшихъ послѣднимъ. Отъ одного отступленія къ другому, поэтъ подходилъ къ какому-либо благородному сюжету, и тогда вдохновеніе его поднималось до высшихъ предѣловъ прекраснаго. «Какъ потокъ, увеличенный грозами, — говоритъ Горацій, — низвергается съ горъ и выходитъ изъ знакомыхъ береговъ, широкій геній Пиндара также кипитъ, также выбрасывается глубокими волнами». Мы не можемъ быть судьями произведеній этого поэта, такъ какъ онѣ содержатъ въ себѣ множество неясностей, и мы остаемся равнодушными къ миѳологическимъ намекамъ автора. Однако, ученые открываютъ въ Пиндарѣ философскія идеи и нравственныя чувства, которыя указываютъ въ VI вѣкѣ несомнѣнный прогрессъ мыслящаго духа, примиряющагося съ живою вѣрою первыхъ вѣковъ [1]).

Драматическая поэзія; происхожденіе и характеръ греческаго театра. Драматическая поэзія, требующая болѣе подвинувшагося состоянія цивилизаціи, позже появилась въ Греціи; она исходитъ изъ лирической поэзіи, и началомъ театра послужили религіозныя празднества [2]).

Греки, въ особенности аѳиняне, справляли съ большой торже-

---

[1]) Пиндаръ, родившійся въ 522 г. въ окрестностяхъ Ѳивъ, умеръ 80 лѣтъ. Его приглашали и принимали съ почестями во всѣхъ городахъ, гдѣ, по постановленію амфиктіонійскаго совѣта, онъ получилъ право гостепріимства. Онъ былъ «проксеномъ», общественнымъ гостемъ аѳинской республики. Его слава, впослѣдствіи, спасла его домъ, когда Ѳивы были разрушены Александромъ. Чтобы уяснить себѣ геній Пиндара, необходимо прочесть сочиненіе Вильмена «Essai sur Pindar».

[2]) Даже въ болѣе развитомъ видѣ, трагедія сохранила свое первоначальное названіе «козлиныхъ пѣсенъ» (tragos, ode), какимъ обозначались пѣсни, сопровождавшія жертвоприношенія.

ственностью праздники Діониса или Вакха, этого необычайнаго божества, сложная легенда котораго, повидимому, вмѣщаетъ въ себѣ всѣ благородные порывы и всѣ грубыя желанія первобытныхъ людей. На этихъ празднествахъ *хоры*, распредѣленные по группамъ или полу-хоры, пѣли похвалу этому божеству. Затѣмъ, чтобы прервать однообразіе строфъ, къ нимъ примѣшивался *разсказъ*, въ которомъ излагались приключенія или какая-нибудь характерная черта изъ исторіи Вакха. Никакой сценической постановки не было: празднество сохраняло чисто религіозный характеръ.

Мысль о введеніи лица, разговаривающаго съ хоромъ, т.-е. введеніе діалога, приписывается Ѳеспису. Эсхилъ ввелъ второе лицо, но драматическаго дѣйствія все еще не было: это было одно лишь положеніе, показывавшееся зрителю и истолковывавшееся въ одно и то же время жалобой жертвы и пѣснями хора, однимъ словомъ, лирическая драма.

Греки не запирались для театральныхъ зрѣлищъ въ закопченной залѣ. Подъ яснымъ небомъ, на открытомъ воздухѣ, слушали они эти пѣсни и разсказы, нерѣдко втеченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ. Помѣщаясь на возвышенной сценѣ, актеры, чтобы ихъ лучше можно было видѣть, надѣвали на себя огромныя маски, представлявшія черты божества или героя драмы; на ногахъ у нихъ были котурны, башмаки съ очень толстыми подошвами, увеличивавшими ростъ играющаго на сценѣ. Хоръ находился на огражденномъ мѣстѣ, впереди сцены, въ *оркестрѣ*. Онъ двигался, переходя съ одной стороны на другую. *Корифей* управлялъ пѣніемъ и въ діалогахъ говорилъ отъ лица всего хора. Дирекція, всегда одна и та же, изображала или храмъ, или портикъ дворца; рамкою для нея служили городъ и его памятники, ближайшія горы и море, волны котораго, отсвѣчивавшія на солнцѣ, блестѣли вдалекѣ. Занавѣса, опускающагося черезъ извѣстные промежутки, не было: пьеса игралась вся сразу, причемъ сцены и дѣйствія ея отличались только пѣніемъ хора. Только между двумя пьесами *поднимали* занавѣсъ, спрятанный въ нижней части театра. Тѣмъ не менѣе, искусство машиниста было достаточно развито, если судить по группамъ божествъ, выводившихся на сцену; такъ, Океаниды являлись «по дорогѣ птицъ» бесѣдовать съ Прометеемъ, прикованнымъ на Кавказѣ. Повидимому, въ греческомъ театрѣ, въ особенности въ комедіяхъ Аристофана, производились нѣкоторыя превращенія, сходныя съ превращеніями въ нынѣшнихъ феерiяхъ.

Драматическія состязанія. Эти театральныя представленія, служившія главной приманкой празднествъ Вакха въ Аѳинахъ, давали поводъ къ литературнымъ состязаніямъ. Каждый поэтъ являлся съ четырьмя пьесами (тетралогіей)—тремя трагедіями, на сюжеты, заимствованные нерѣдко изъ одной и той же легенды, и сатирической драмой, замѣнявшей легкую пьесу спектакля. Съ половины пятаго вѣка тетралогіи уже болѣе не требовалось: состязанія велись между отдѣльными пьесами, въ особенности послѣ того, какъ введена была комедія. Въ первыя времена самъ народъ рѣшалъ голосованіемъ—какой поэтъ долженъ быть поставленъ выше. Позднѣе приговоръ постановлялся судилищемъ изъ пяти судей, избранныхъ по жребію.

Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ; блескъ греческой литературы во времена Перикла. Трагедія, по энергичному выраженію нѣмецкаго критика Шлегеля, вышла «въ полномъ вооруженіи изъ мозга Эсхила, подобно Минервѣ, выступившей изъ головы Юпитера». Поэтъ и воинъ, одинъ изъ побѣдителей при Мараѳонѣ, и на драматическихъ состязаніяхъ, Эсхилъ привелъ аѳинянъ въ восторгъ величіемъ своихъ замысловъ. Въ *Скованномъ Прометеѣ* онъ показываетъ непобѣдимое упорство бога, бывшаго жертвою другого бога. Эсхилъ извлекалъ также драматическія положенія (но не дѣйствія) изъ многочисленныхъ легендъ героическаго вѣка (*Семь*

Хоръ въ трагедіи.

вождей противъ Ѳивъ, бѣдствія семьи *Эдипа*, семьи *Агамемнона* и проч.). *Орестія* или трилогія, состоящая изъ *Агамемнона, Хоэфоровъ* [1]) и *Эвменидъ* [2]), по мнѣнію всѣхъ критиковъ—величайшее произведеніе, доставшееся намъ отъ древнихъ временъ, вмѣстѣ съ Иліадой и Одиссеей. Національная пьеса *Персы* льстила греческому патріотизму, изображая отчаяніе непріятельскаго двора при полученіи извѣстія о пораженіи Ксеркса. Впрочемъ, до насъ дошло только семь трагедій этого автора, который, при необычайной плодовитости, оставилъ ихъ семьдесятъ [3]).

Эсхилъ сражался также при Саламинѣ. Въ хорахъ, прославлявшихъ эту побѣду, находился молодой *Софоклъ*, который долженъ

[1]) Носители возліяній. Это имя исходитъ отъ троянскихъ плѣнницъ, которыя, подъ предводительствомъ Электры, приносятъ возліянія на гробницу Агамемнона, убитаго его женой Клитемнестрой и его соперникомъ Эгистомъ.

[2]) Эвмениды (благосклонныя), новое имя, данное *Фуріямъ*, наполняющимъ всю пьесу преслѣдованіемъ Ореста, убійцы своей матери Клитемнестры, и, согласно просьбы Минервы, превращающимся въ богинь покровительницъ.

[3]) Эсхилъ, родившійся въ 525 г. въ Аттикѣ, въ Элевзисѣ, былъ братомъ героя Кинегира, погибшаго въ Мараѳонской битвѣ. Онъ и самъ отличился въ этомъ сраженіи. Хотя на его долю достался самый блестящій успѣхъ на театрѣ въ Аѳинахъ, онъ въ старости покинулъ этотъ городъ и умеръ въ Сициліи въ 456 г. Позднѣе, о смерти его сложилась забавная легенда, будто онъ былъ убитъ орломъ, уронившимъ черепаху на его лысую голову, принявъ ее за утесъ. Эсхилъ самъ сочинилъ свою эпитафію, въ которой вовсе не говоритъ о себѣ, какъ о поэтѣ: «Этотъ памятникъ покрываетъ Эсхила, сына Эвфоріона. Родившись аѳиняниномъ, онъ умеръ въ плодородныхъ поляхъ Гэлы. Столь прославленный мараѳонскій лѣсъ, и мидянинъ съ длинными волосами скажутъ, былъ-ли онъ храбръ: они это хорошо знаютъ!»

былъ сдѣлаться соперникомъ Эсхила [1]). Въ тотъ же день родился *Эврипидъ*, которому предстояло продолжать дѣло двухъ первыхъ творцовъ греческаго театра.

Софоклъ придалъ болѣе жизни трагедіи. Онъ ввелъ третье лицо, дѣйствіе у него завязывалось и развязывалось на сценѣ, и онъ болѣе приближался къ дѣйствительности, которая, такъ сказать, являлась передъ глазами зрителя. Отказавшись отъ героевъ, превышавшихъ природу и столь любимыхъ Эсхиломъ, Софоклъ стремился болѣе изобразить человѣка. Онъ не вполнѣ освободился отъ сюжетовъ миѳическихъ и легендарныхъ и даже не отклонялъ вмѣшательства Рока, но онъ отводилъ болѣе мѣста отвѣтственности человѣка, онъ наблюдалъ и изображалъ характеры. Онъ придалъ трагедіи новую форму, которую она сохраняла втеченіе многихъ вѣковъ. Подобно Эсхилу, Софоклъ, двадцать разъ оказывавшійся побѣдителемъ на литературныхъ состязаніяхъ, сочинилъ множество пьесъ (болѣе ста). Изъ нихъ дошло до насъ также небольшое число, но это все образцовыя произведенія. Софоклъ одинаково съ Эсхиломъ обработывалъ зловѣщую легенду объ Орестѣ въ трагедіи Электра, гдѣ эта сестра Ореста понуждаетъ его къ убійству Клитемнестры, чтобы отомстить смерть Агамемнона. Онъ въ особенности обезсмертилъ печальную исторію Эдипа, который самъ, съ помощью разспросовъ, открываетъ преступленія, которыхъ былъ безсознательнымъ виновникомъ, и самъ наказываетъ себя, вырывая себѣ глаза, и влачитъ жалкую старость, поддерживаемую дочерней преданностью Антигоны. Антигона сама является сюжетомъ другой трагедіи, гдѣ она олицетворяетъ любовь сестры и обрекаетъ себя на смерть за то, что воздаетъ брату своему Полинику погребальныя почести. Ярость Аякса и долгія страданія раненаго и покинутаго Филоктета послужили Софоклу темою для великолѣпныхъ трагедій, гдѣ дѣйствіе гораздо проще, не утрачивая трогательнаго интереса.

Чувство составляетъ, впрочемъ, главное достоинство Эврипида [2]). Еще болѣе удаляясь отъ данныхъ миѳологіи, еще далѣе углубляясь въ человѣческое сердце, Эврипидъ, въ особенности, заставляетъ говорить страсть. Живя въ эпоху упадка религіозности, онъ былъ поэтомъ-философомъ и даже злоупотреблялъ нравственными поученіями.

---

[1]) Софоклъ, родившійся въ 495 г. до Р. Х., жилъ простою и благородною жизнью, отдаваясь исключительно своей прекрасной поэтической работѣ. Онъ пользовался долголѣтіемъ, доживъ до 406 г. Поэтому, онъ наполняетъ собою эпоху, называемую вѣкомъ Перикла; кромѣ того, онъ былъ стратегомъ и сотрудникомъ этого великаго вождя аѳинской республики. До насъ дошли отъ него слѣдующія трагедіи: *Антигона*, *Электра*, *Трахинянки*, *Эдипъ царь*, *Эдипъ въ Колонѣ*, *Аяксъ*, *Филоктетъ*.

[2]) Эврипидъ, родившійся въ Саламинѣ въ 480 г. и умершій въ 407 г., не смотря на свою геніальность, долженъ былъ преодолѣть много трудностей. Онъ одержалъ побѣду на состязаніяхъ только пять разъ, и многія изъ его пьесъ были отвергнуты народомъ. Подъ конецъ, онъ нашелъ, однако, себѣ должную оцѣнку, и аѳиняне сожалѣли о немъ болѣе, чѣмъ о какомъ-либо другомъ поэтѣ.

До насъ дошло восемнадцать трагедій Эврипида и большое число отрывковъ. Главнѣйшія изъ нихъ *Алькестъ*, *Медея*, *Ипполитъ*, *Гекуба*, *Андромаха*, *Просительницы*, *Троянки*, *Ифигенія въ Тавридѣ*, *Ифигенія въ Авлидѣ*.

Итакъ, въ одномъ и томъ же столѣтіи, въ счастливую эпоху, прозванную *вѣкомъ Перикла*, сіяли три величайшіе генія, умѣвшіе извлечь изъ театра самыя возвышенныя поученія. Эсхилъ заимствовалъ свои лица изъ идеальнаго міра, Софоклъ приблизилъ ихъ къ нашей природѣ, а Эврипидъ сдѣлалъ похожими на насъ. Первый возбуждалъ по преимуществу ужасъ, второй—восхищеніе, третій—жалость. Всѣ трое придавали поэтическому языку грековъ блескъ, который у Эсхила походилъ на блескъ лирической поэзіи; менѣе смѣлый стиль Софокла сохранялъ въ себѣ сдержанное благородство и полную гармонію, а Эврипидъ очаровывалъ изяществомъ и чувствомъ.

Комедія. Аристофанъ [1]). Одновременно съ трагедіей народилась комедія (пѣсня пиршества). Зародышъ ея заключался уже въ сатирическихъ драмахъ; но Аристофанъ придалъ ей настоящую форму и самостоятельность. Съ нашей современной точки зрѣнія, намъ почти невозможно представить себѣ, какой эффектъ могли производить эти комедіи, сопровождавшіяся хорами, переодѣваніями и волшебными превращеніями. Впрочемъ, эти внѣшнія средства имѣли второстепенное значеніе для Аристофана, ѣдкая сатира котораго касалась всего и, въ особенности, политическихъ нравовъ. Въ эпоху, когда печать не могла существовать, комедіи Аристофана являлись памфлетами необычайной смѣлости.

Эти комедіи всего лучше выказываютъ свободу Аѳинъ, гдѣ писатель, подобный Аристофану, поклонникъ прошлаго, врагъ новыхъ формъ правленія и сторонникъ аристократіи, могъ смѣяться надъ самыми государственными учрежденіями. Аѳиняне все прощали Аристофану за его остроуміе; они охотно смѣялись надъ собой, но не исправлялись. Надо прибавить, впрочемъ, что эта свобода, доходившая до распущенности, не удержалась долго: послѣ Аристофана комедія занималась только сюжетами изъ домашней жизни и быстро пришла въ упадокъ.

Аристофанъ, принадлежавшій къ числу самыхъ утонченныхъ писателей, примѣшивалъ къ своимъ комедіямъ шутки и грубыя выраженія, показывающія, какимъ тономъ можно было говорить съ аѳинскимъ народомъ. Правда, женщины не допускались на представленія комедій. За исключеніемъ нѣкоторыхъ вольныхъ сценъ и выраженій, у этого поэта заслуживаютъ удивленія изящный, тонкій умъ, нерѣдко отмѣченный возвышенностью и истиннымъ лиризмомъ, живое и смѣлое воображеніе, гибкость, глубина, энергичный языкъ и неизмѣнная веселость. Раскаты его смѣха пережили вѣка, и его юморъ, безъ сомнѣнія, возбуждалъ юморъ величайшихъ комическихъ поэтовъ, и въ особенности Мольера.

Послѣ Аристофана греческая комедія опять достигла нѣкото-

---

[1]) Жизнь Аристофана съ точностью неизвѣстна. Онъ началъ давать свои пьесы около 427 г., а послѣднее произведеніе его относится къ 390 г. Отъ него дошли до насъ литературныя комедіи «*Лягушки*» и «*Облака*», въ которыхъ онъ яростно и достаточно пристрастно нападалъ на Эврипида и Сократа, и затѣмъ политическія комедіи: «*Миръ*», «*Всадники*», «*Акарняне*», «*Осы*», «*Собраніе женщинъ*», «*Плутусъ*» и «*Птицы*.

рой высоты лишь въ третьемъ вѣкѣ, благодаря *Менандру*, отличавшемуся нравственностью своихъ произведеній.

Проза; письменность. Въ Греціи прозаическія произведенія появились гораздо позже поэтическихъ. Для прозы нужна письменность, а послѣдняя распространилась довольно поздно, за неимѣніемъ основнаго матеріала. Она могла сдѣлаться болѣе доступной лишь тогда, когда стали вывозить папирусъ изъ Египта; въ VI вѣкѣ, во времена Пизистрата, впервые упоминается о библіотекахъ, складахъ произведеній, написанныхъ на папирусѣ (библосѣ). Пизистратъ велѣлъ собрать, привести въ порядокъ и записать поэмы Гомера. Цѣна папируса оставалась весьма высокою и рядомъ съ нимъ находились въ употребленіи деревянныя дощечки [1]).

Исторія; Геродотъ. Такимъ образомъ, прозаическія сочиненія писались съ большимъ, трудомъ и исторія сохранялась сперва лишь въ поэтическихъ сказаніяхъ и въ лѣтописяхъ храмовъ и городовъ. Были люди, которые занимались обнародованіемъ интересныхъ событій, но ихъ произведенія, затерянныя въ настоящее время, не имѣли, повидимому, большого значенія; этихъ историковъ называли *логографами* и сочиненія ихъ были лишены всякаго таланта.

Начало исторіи было положено въ V вѣкѣ *Геродотомъ* [2]). Проникнутый глубокой религіозностью, убѣжденный въ божественномъ вмѣшательствѣ въ человѣческія дѣла, Геродотъ видѣлъ въ столкновеніяхъ и возмущеніяхъ греческихъ городовъ руку Немезиды. Поэтому онъ тщательно отыскивалъ религіозныя причины событій, собиралъ преданія, посѣщалъ храмы и самыхъ знаменитыхъ оракуловъ и разузнавалъ обо всѣхъ достопамятныхъ событіяхъ. Съ другой стороны, живя въ эпоху, когда духъ критики уже проснулся, Геродотъ во всѣхъ случаяхъ, когда его не останавливали религіозныя соображенія, обсуждалъ и взвѣшивалъ показанія очевидцевъ. Такимъ образомъ, онъ съумѣлъ, въ одно и то же время, возвыситься до общей идеи, отсутствіе которой лишаетъ связи историческіе факты и разобраться въ частныхъ свидѣтельствахъ, извлекая изъ нихъ историческую истину. Знаменитая борьба Греціи съ Азіей оказала живое дѣйствіе на его воображеніе: онъ избралъ ее предметомъ своего произведенія. Потомъ, расширяя этотъ сюжетъ, присоединяя къ нему свое знаніе восточнаго и греческаго міра, онъ задумалъ изслѣдовать начало этой борьбы и, такимъ образомъ, пришелъ къ созданію труда, который, въ своемъ родѣ, можетъ назваться всемірной исторіей.

---

[1]) Мы узнаемъ объ этомъ изъ счета суммъ, издержанныхъ аѳинянами на знаменитый храмъ Эрехтея; нѣсколько страницъ этого счета дошло до насъ въ копіи, начертанной на мраморѣ, находившемся въ Акрополисѣ. Тамъ упоминается объ этихъ дощечкахъ подъ именемъ *санидовъ* и о листахъ бумаги или *хартіяхъ*. Листъ бумаги, цѣна котораго обозначена на мраморѣ, стоилъ тогда столько же, сколько стоитъ теперь десть бумаги, употребляемой нашими школьниками (E. Egger, Mémoires d'histoire ancienne et de philologie).

[2]) Геродотъ, родившійся въ Галикарнасѣ, въ 484 г., провелъ почти всю жизнь въ путешествіяхъ. Онъ посѣтилъ Ассирію, Египетъ и Малую Азію. Внутреннія несогласія заставили его покинуть отечество, и онъ удалился въ греческую колонію Туріумъ, въ Италіи, гдѣ и умеръ въ 390 г.

Не знаешь, чему болѣе удивляться въ немъ—искусству ли, съ какимъ связаны всѣ части обширнаго цѣлаго, или разнообразію множества разсказовъ, соединяющихся другъ съ другомъ, то обыденныхъ, то возвышенныхъ, сочетающихъ изящество сказокъ съ строгостью исторіи, написанныхъ языкомъ, одинаково простымъ и сильнымъ, легкимъ и привлекательнымъ, въ которомъ отражаются, такъ сказать, душевная чистота историка-поэта и мудрость историка-философа.

Ѳукидидъ [1]). Геродотъ вдохновилъ Ѳукидида. Разсказываютъ, что Ѳукидидъ еще 15-лѣтнимъ юношей присутствовалъ въ торжественномъ собраніи, въ которомъ Геродотъ читалъ отрывокъ изъ своей исторіи. Ѳукидидъ былъ восхищенъ до слезъ и самъ захотѣлъ сдѣлаться историкомъ. Онъ подготовлялся къ своей задачѣ, принимая участіе въ общественныхъ дѣлахъ и въ качествѣ полководца въ Пелопонезской войнѣ, и изучая жизнь греческихъ городовъ, полную кипучей дѣятельности и соперничества другъ съ другомъ.

Исторія въ рукахъ Ѳукидида занимается исключительно политическими интересами, войсками, флотами, дарованіями различныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, она не перестаетъ быть художественной. Искусно разъясняя запутанныя событія Пелопонезской войны, излагая ихъ въ точномъ и сжатомъ разсказѣ, Ѳукидидъ располагаетъ ихъ послѣдовательно, какъ дѣйствія драмы, выводитъ на сцену дѣйствующихъ лицъ и для полноты впечатлѣнія заставляетъ ихъ говорить. Благодаря ему, мы знакомимся, если не съ самымъ текстомъ, то съ духомъ политическихъ рѣчей того времени, въ особенности, съ временемъ Перикла. Ѳукидидъ придалъ исторіи законченную форму тщательнымъ изслѣдованіемъ причинъ, изученіемъ страстей и точностью и трезвостью разсказа, въ которомъ чувствуется блескъ и слышится шумъ оружія.

Ксенофонтъ [2]). Великіе писатели слѣдовали другъ за другомъ и послѣ эпохи Перикла. Такъ, послѣ Ѳукидида явился Ксенофонтъ. Аѳинянинъ по рожденію и по духу, Ксенофонтъ, однако, сдѣлался спартанцемъ и провелъ бо́льшую часть жизни въ Лакедемонѣ,

---

[1]) Ѳукидидъ, родившійся въ Аттикѣ въ 471 г., принадлежалъ къ одному изъ самыхъ уважаемыхъ семействъ въ Аѳинахъ. Онъ стоялъ во главѣ различныхъ экспедицій въ Пелопонезской войнѣ, но когда въ 424 г. ему не удалось овладѣть Амфополисомъ, онъ былъ осужденъ на изгнаніе и удалился во Ѳракію, откуда былъ вызванъ лишь въ концѣ войны. Время смерти его съ точностью неизвѣстно; оно предполагается въ 395 г. до Р. Х.

[2]) Ксенофонтъ, родившійся въ Аттикѣ въ 445 г., былъ ученикомъ Сократа и затѣмъ принималъ участіе въ различныхъ походахъ Пелопонезской войны. Сократъ спасъ ему жизнь въ Деліумѣ. По окончаніи войны, Ксенофонтъ путешествовалъ и затѣмъ находился на службѣ у Кира-Младшаго. Онъ руководилъ знаменитымъ отступленіемъ Десяти тысячъ. Смерть Сократа и крайности аѳинской демократіи понудили его переселиться въ Спарту, гдѣ онъ былъ другомъ царя Агизелая. Въ видѣ историческихъ трудовъ онъ оставилъ *Анабазисъ*, свое образцовое произведеніе, гдѣ онъ разсказываетъ о походѣ Десяти тысячъ, и исторію Греціи, *Эллeники*, служащую продолженіемъ произведенія Ѳукидида и доведенную до Мантинейской битвы. Онъ написалъ также *Киропедію*, или молодость Кира, нѣчто въ родѣ трактата о воспитаніи, и занимаетъ извѣстное мѣсто среди философовъ, такъ какъ оставилъ намъ записки о Сократѣ.

аристократическія учрежденія котораго были ему по сердцу. Впрочемъ, онъ не переставалъ быть іонійцемъ и самымъ утонченнымъ изъ писателей. Этотъ преданный ученикъ Сократа руководилъ съ осторожностью опытнаго полководца отступленіемъ Десяти тысячъ и разсказалъ о немъ, какъ историкъ, съ талантомъ, кажущимся намъ еще выше, благодаря неподдѣльной скромности. Ксенофонтъ, восхищавшійся Геродотомъ и усиливавшійся подражать ему, пытался сравняться съ нимъ обширнымъ сочиненіемъ *Эллeники*, гдѣ онъ излагалъ событія своего времени, впрочемъ, недостаточно полно и съ очевиднымъ пристрастіемъ къ спартанцамъ. Произведенія Ксенофонта особенно отличаются достоинствомъ слога, простого и естественнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящнаго. Въ немъ вовсе не чувствуется усилія, и счастливая легкость языка сближаетъ Ксенофонта съ его образцомъ Геродотомъ [1]).

Первые философы; Пиѳагоръ. Мы не будемъ говорить здѣсь, какими путями греки, столь восторженные поклонники природы, съумѣли отрѣшитьси отъ нея настолько, чтобы дать міру лучшіе образцы отвлеченнаго сужденія и размышленія. Очевидно, это было результатомъ долгой работы, начало которой восходитъ къ первымъ временамъ и первымъ мудрецамъ Греціи.

Слово *софой*, мудрецы, служило на первыхъ порахъ для обозначенія ученыхъ (софія—мудрость, наука [2]). Въ VII в. *Ѳалесъ Милетскій* искалъ уже научнаго объясненія происхожденія міра, приписывая его лишь одной стихіи—водѣ. *Анаксимандръ*, соотечественникъ Ѳалеса, сводилъ міръ къ первичной субстанціи, къ безконечному (безпредѣльное вещество), содержащему въ себѣ начала всего существующаго. *Анаксименъ* считалъ воздухъ безконечной, первичной стихіей. *Гераклитъ* признавалъ огонь въ качествѣ міроваго дѣятеля. *Анаксагору* первому принадлежитъ идея о разумномъ устройствѣ міра. Эти люди, устами которыхъ робко лепетала наука о природѣ, присоединяли къ своимъ гипотезамъ нравственныя правила и положенія.

Съ другой стороны, помимо этой школы, называвшейся *Іонійской*, образовалась другая, *Дорійская* школа, самымъ знаменитымъ представителемъ которой былъ Пиѳагоръ (въ VI в.) [3]). Послѣ долгихъ путешествій и тяжелыхъ испытаній, Пиѳагору удалось основать въ одной изъ колоній въ южной Италіи свой

[1]) Въ числѣ греческихъ писателей этой эпохи слѣдуетъ упомянуть еще *Ктезія* Книдскаго, долго служившаго врачомъ при дворѣ персидскаго царя Артаксеркса II Мнемона. Онъ написалъ большое сочиненіе объ ассиріанахъ, мидянахъ и персахъ, отъ котораго до насъ дошли только отрывки. Ктезій имѣетъ склонность къ чудесному, и разсказы его, часто баснословные, по справедливости, не пользуются довѣріемъ.

[2]) Семь мудрецовъ Греціи были: Ѳалесъ изъ Милета, Питтакъ изъ Митилены, Біасъ изъ Пріены, Клеовулъ, изъ Линдоса, Солонъ изъ Аѳинъ, Хилонъ, изъ Лакедемона и Періандръ изъ Коринѳа.

[3]) Жизнь Пиѳагора мало извѣстна. Уроженецъ Самоса, онъ путешествовалъ по Египту, долгое время жилъ въ Персіи и затѣмъ окончательно поселился въ Италіи, въ Кротонѣ, гдѣ основалъ свою замѣчательную школу. Но и тамъ онъ не находилъ спокойствія. Значеніе, достигнутое пиѳагорейцами, навлекло на нихъ преслѣдованіе во время возмущеній греческихъ городовъ. Они были разсѣяны, а дома ихъ сожжены.

«Институтъ», общество религіозно-политическаго характера. Принадлежавшіе къ нему узнавали другъ друга посредствомъ тайныхъ знаковъ; они жили въ полной общности имущества, подчинялись строгимъ и мелочнымъ правиламъ, должны были носить только льняныя одежды, воздерживаться отъ кровавыхъ жертвъ, отъ мяса, бобовъ и нѣкоторыхъ другихъ видовъ пищи. По правилу пиѳагорейцевъ, члены общества, ради нравственнаго оздоровленія, должны были ежедневно изслѣдовать свою совѣсть. Точное опредѣленіе ученій Пиѳагора о религіи, имѣвшей важное значеніе въ учрежденномъ имъ обществѣ, и о переселеніи душъ (вѣроятно, заимствованное изъ Египта), служило предметомъ безконечныхъ споровъ. Пиѳагоръ и его школа, кромѣ того, находили особое удовлетвореніе въ изслѣдованіи свойствъ *чиселъ*, помимо ихъ практической полезности, и считали ихъ «началами вещей». Началомъ всякаго совершенства было для нихъ единство, и наоборотъ, началомъ всякаго несовершенства—двойственность. «Единый,—говоритъ одинъ изъ пиѳагорейцевъ,—есть начало всего; существуетъ одно божество, управляющее всѣмъ, всегда единое, всегда одинокое, всегда одинаковое, и отличающееся отъ всего остальнаго». Душа, по ученію пиѳагорейцевъ, есть число; добродѣтель—гармонія.

Это изслѣдованіе неизвѣстнаго настолько возбуждало любопытство грековъ, что образовалась третья школа въ *Элеѣ* (въ Италіи). Представителями ея были *Ксенофанъ* (въ VI в.), *Парменидъ* и *Зенонъ*; она не довѣряла опыту и старалась опровергнуть ученіе іонійской школы, стремясь къ *пантеизму*. Къ этой школѣ часто причисляютъ *Эмпедокла Агригентскаго* (въ V в.), написавшаго поэму о природѣ и признававшаго четыре стихіи: землю, воду, воздухъ и огонь, и два начала: согласіе и несогласіе.

Разумъ и духъ критики все болѣе и болѣе развивались. Любовь къ разсужденію сдѣлалась даже однимъ изъ препятствій для умственнаго прогресса. *Софисты* [1] (учителя мудрости), вмѣсто того, чтобы обучать правильности сужденія, учили лишь искусству говорить обо всѣхъ предметахъ. Преподавая лишь ораторское искусство, или искусство разсужденія, не заботясь объ основныхъ началахъ и заботясь лишь о связи аргументовъ, они пришли къ смѣшенію правды и лжи, къ запутанности всѣхъ понятій о справедливомъ и несправедливомъ. Послѣ эпохи Перикла они пользовались большой славой въ Аѳинахъ, но вскорѣ появился настоящій ихъ противникъ, отецъ истинной мудрости, Сократъ.

Поученія Сократа. Онъ былъ сыномъ ваятеля [2], но вскорѣ долженъ былъ оставить искусство для умственной работы, мраморъ для науки, физіономію и внѣшность человѣка для изслѣдованія человѣка внутренняго. Простодушный, бескорыстный Сократъ посвятилъ всю жизнь обученію юношества. Онъ не запирался въ стѣнахъ школы, принималъ всѣхъ, желавшихъ восполь-

---

[1]) Это слово, на первыхъ порахъ, не принималось въ насмѣшливомъ смыслѣ.

[2]) Онъ родился въ Аѳинахъ въ 469 г., и въ 399 г. осужденъ былъ выпить цикуту. Онъ исполнялъ, однако, всѣ обязанности гражданина, выказалъ храбрость на войнѣ и почтительное отношеніе къ государственной религіи.

зоваться его уроками, и за прогулкою, разсуждая съ ними, вводилъ ихъ въ познаніе *истины*, *добра* и *красоты*. Врагъ софистовъ, онъ обличалъ пустоту и лживость ихъ тонкостей и безсиліе ихъ показной науки, ослѣплявшей только невѣждъ.

Сократъ былъ настоящимъ освободителемъ человѣческой мысли. Устраняя всякое преданіе, онъ пытался выдѣлить, единственно лишь силою размышленія, идеи, какими человѣкъ обладаетъ самъ по себѣ о своей природѣ и своемъ назначеніи. «Познай самого себя», говорилъ онъ, подразумѣвая познаніе нашихъ способностей, идей, желаній и обязанностей. Онъ не отдѣлялъ нравственности отъ философіи; для него добродѣтель и наука сливались между собой: по его словамъ, «все справедливое должно быть прекраснымъ и добрымъ; всѣ, постигшіе, что такое справедливость, не могутъ ничего ставить выше ея». Его обученіе было столько же практическимъ, сколько и теоретическимъ. Онъ проповѣдывалъ благочестіе, умѣренность и правдивость. Оставляя въ сторонѣ религіозныя формы, еще весьма могущественныя въ его время, онъ старался найти въ самомъ себѣ пониманіе божества.

Сократъ ничего не писалъ. Онъ любилъ смущать своихъ противниковъ и наводить учениковъ на правильный путь способомъ послѣдовательныхъ вопросовъ, которые должны были вести къ предусмотрѣннымъ отвѣтамъ. Отправляясь отъ весьма отдаленной исходной точки, онъ заставлялъ своихъ собесѣдниковъ высказывать опредѣленіе, какое ему хотѣлось установить, и находить рѣшеніе предложенной задачи. Это и называлось *сократической ироніей*. Такимъ образомъ, цѣнность истины удваивалась: каждый находилъ ее самъ и, въ то же время, укрѣплялъ и просвѣщалъ свой умъ. Это—верхъ искусства преподаванія, и *педагогика* вмѣстѣ съ философіей видятъ своего учителя въ Сократѣ. Аѳинская демократія, впрочемъ, уже находившаяся въ упадкѣ, запятнала себя, погубивъ такого мудреца. Его судьи, толпа невѣжественныхъ гражданъ, положили начало преслѣдованію человѣческой мысли, тѣмъ болѣе возмутительному, что оно вполнѣ безполезно. Истина овладѣваетъ людьми помимо ихъ желанія, и философія Сократа сдѣлалась философіей всѣхъ вѣковъ.

Платонъ. Платонъ изложилъ ученіе Сократа, разъяснилъ его и дополнилъ [1]. Онъ освѣтилъ въ своихъ удивительныхъ *Діалогахъ* начало порядка и гармоніи, которая управляетъ міромъ и стоитъ выше его. Въ человѣкѣ онъ различаетъ слѣпые инстинкты, неукротимое желаніе и затѣмъ высшую и въ нѣкоторомъ родѣ божественную часть души—*разумъ*. Такимъ образомъ, Платонъ отводитъ разуму высшее мѣсто и заключаетъ отсюда о необходимости воспитанія, совершенствующаго идеи и чувства. Чувство

---

[1]) Платонъ, родившійся въ Аѳинахъ въ 430 г., ученикъ Сократа, подвергшійся, въ свою очередь, преслѣдованію фанатиковъ, покинулъ родной городъ и долго путешествовалъ по Египту, Италіи и Сициліи. Онъ вернулся, впрочемъ, въ Аѳины, гдѣ продолжалъ свое преподаваніе въ садахъ Академа до восьмидесяти лѣтъ (348 г.). Отъ этихъ садовъ у насъ удержалось слово академія, для обозначенія ученаго общества. Главные діалоги Платона *Критонъ*, *Протагоръ*, *Федръ*, *Федонъ*, *Пиръ*, трактатъ о республикѣ и законахъ.

играетъ важную роль въ философіи Платона. Онъ показываетъ, «какимъ образомъ душа возвышается отъ созерцанія красоты въ одномъ прекрасномъ тѣлѣ до общей сущности красоты во всѣхъ тѣлахъ, какъ отъ тѣлесной красоты она переходитъ къ красотѣ нравственной и, восхитившись индивидуальной красотой какой-нибудь одной души, открываетъ признакъ, общій для всѣхъ прекрасныхъ душъ, какимъ образомъ она достигаетъ, наконецъ, вѣчнаго начала красоты не созданной и не разрушимой» [1]).

Нельзя сказать, чтобы примѣненіе идей Платона къ политикѣ удалось ему; идеальная *Республика*, странное устройство которой было изложено имъ, не могла бы имѣть никакого практическаго значенія. Впрочемъ, въ трактатѣ о *Республикѣ и о Законахъ*, среди своихъ парадоксовъ онъ разъясняетъ множество вопросовъ, относящихся къ правленію и обществу. Своей славой онъ обязанъ преимущественно философскому ученію и блеску, а также и мягкости языка, нерѣдко достигавшаго поэтической силы, какимъ онъ излагалъ самыя отвлеченныя идеи.

Аристотель [2]). Уже за предѣлами эпохи свободы Греціи мы встрѣчаемъ другого мыслителя, учившаго философіи и политикѣ, Аристотеля, наставника Александра. Онъ былъ слушателемъ Платона и продолжателемъ ученія его, а отчасти и противникомъ послѣдняго. Его самостоятельной работой были изслѣдованія законовъ мысли, которыя соединяются подъ общимъ наименованіемъ *Логики*. Никто не пошелъ дальше его въ наблюденіи движеній человѣческой мысли; никто не сравнялся съ нимъ въ силѣ отвлеченія и строгости сужденія или *діалектики*. Въ особенности этой стороной своей дѣятельности онъ оказалъ весьма продолжительное вліяніе и пріобрѣлъ положеніе учителя множества философовъ въ древнія времена и особенно въ средніе вѣка.

Его трактатъ о *Политикѣ* обнаруживаетъ въ немъ неутомимую ученость, изслѣдовавшую строй, по меньшей мѣрѣ ста пятидесяти обществъ, и проницательный умъ, выясняющій законы общественные и правительственные. Аристотель въ особенности отличался силою критическаго сужденія; онъ неподражаемъ въ искусствѣ указывать недостатки; не въ такой степени удалось ему опредѣлить условія совершеннаго государственнаго строя, что нельзя, впрочемъ, ему ставить въ вину, такъ какъ безчисленные перевороты доказываютъ отсутствіе такой общепримѣнимой формы. Тѣмъ не менѣе, Аристотель, еще въ большей степени, чѣмъ Платонъ, служилъ руководителемъ и авторитетомъ для всѣхъ писавшихъ объ искусствѣ управлять людьми. Монтескье, въ своемъ обширномъ сочиненіи о «Духѣ Законовъ», почти цѣликомъ заимствовалъ его методъ.

---

[1]) Eugène Maillet. *Introduction à la République de Platon.*

[2]) Аристотель, сынъ врача македонскаго царя (384—322 г. до Р. Х.), учился въ Аѳинахъ у Платона и въ 343 г. былъ избранъ Филиппомъ въ наставники Александру. Во время походовъ Александра въ Азіи, Аристотель основалъ въ Аѳинахъ знаменитую школу, но послѣ смерти Александра долженъ былъ покинуть Аѳины, чтобы избѣжать обвиненій въ кощунствѣ, и умеръ въ Халкидѣ на Эвбеѣ въ 322 г.

Аристотель былъ не только философомъ и критикомъ общественныхъ учрежденій: онъ былъ критикомъ литературнымъ. Его *Реторика и Поэтика* заключаютъ въ себѣ изложеніе правилъ ораторскаго искусства и поэзіи. Будучи, по преимуществу, методическимъ умомъ, Аристотель съ необыкновеннымъ искусствомъ извлекаетъ начала творчества изъ образцовыхъ произведеній. Впрочемъ, одного соблюденія правилъ еще недостаточно, и предписанія Аристотеля слишкомъ часто принималось буквально, а это, конечно, не могло замѣнить вдохновенія. Замѣтимъ еще, что этотъ философъ значительную часть своего таланта посвящалъ еще наукамъ физическимъ и естественнымъ.

Діогенъ циникъ; *Пирронъ скептикъ*. Во времена Аристотеля и Александра жилъ также оригинальный философъ, не оставившій никакого ученія и, по правдѣ сказать, не имѣвшій его, потому что оно заключалось лишь въ возвращеніи къ грубой жизни первобытныхъ временъ. Воспоминанія о Діогенѣ-циникѣ сохранились для насъ въ видѣ забавныхъ разсказовъ, по которымъ этотъ философъ жилъ въ бочкѣ, ѣлъ изъ деревянной чашки, которую бросалъ потомъ, какъ ненужную вещь, и пилъ изъ горсти. О немъ разсказываютъ, что онъ ходилъ по аѳинскимъ улицамъ днемъ съ фонаремъ въ рукахъ, говоря, что «ищетъ человѣка». Въ Коринѳѣ Александръ пожелалъ его видѣть, какъ курьезъ того времени. Царь спросилъ его, чего онъ желаетъ, и получилъ въ отвѣтъ: «Не заслоняй мнѣ солнца».

Пирронъ (340—288) сомнѣвался во всемъ. Онъ предполагалъ, что каждому предложенію можно противупоставить предложеніе противуположнаго характера. Онъ былъ основателемъ древней скептической школы [1]).

Стоицизмъ и эпикуреизмъ. Греки почти исчерпали всѣ возможныя системы философіи и въ особенности дали начало двумъ наиболѣе практичнымъ системамъ, преобладавшимъ въ древнемъ мірѣ—*стоицизму* и *эпикуреизму.*

Зенонъ изъ Кипра (360—263) открылъ въ Аѳинахъ школу, называвшуюся *стоической*, или школой портика (стоа). Эпикуръ, родившійся близъ Аѳинъ (340—270) далъ свое имя другой философской школѣ, основывавшейся на совершенно противуположныхъ началахъ. Зенонъ, по ученію котораго вещество было проникнуто разумомъ, возвращался постоянно къ идеѣ стремленія для объясненія разсудка и воли. Жизнь, по мнѣнію его, была борьбою съ препятствіями, и мудрость состояла въ согласованіи различныхъ частей души. *Эпикуръ* пытался объяснить систему міра сочетаніемъ атомовъ. Онъ не допускалъ, чтобы боги оказывали какое либо вліяніе на міръ. Человѣкъ, согласно Эпикуру, долженъ былъ заботиться только о настоящей жизни и искать одного удовольствія.

Безъ сомнѣнія, удовольствіе, по ученію Эпикура, не есть только удовлетвореніе чувствъ, но и ума и сердца. Но если его усердные ученики слѣдовали буквально его ученію, то большинству людей

---

[1]) Обозначеніе «скептическій» происходитъ отъ греческаго слова «скепсисъ». Пирронъ предполагалъ, что ни о чемъ не надо судить и слѣдуетъ ограничиться только разсмотрѣніемъ—«скепсисъ».

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Іюль 1895 г.

Содержаніе. Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Записки, воспоминанія и біографіи.—Политическая экономія.—Юридическія науки.—Медицина.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Д. Маминъ-Сибирякъ «Золото», романъ. — *И. А. Саловъ* «Грезы», повѣсть. — *В. Быстренинъ* «Житейскія были, очерки и разсказы». — *Лонгфелло* «Стихотворенія».

Д. Маминъ-Сибирякъ. Золото. Романъ. Москва. 1895 г. Изд. И. Д. Сытина. Ц. 1 р. 50 к. Трудно передать въ небольшой рецензіи то глубокое впечатлѣніе, какое производитъ безотрадная картина, широко и мастерски написанная въ новомъ произведеніи г. Мамина-Сибиряка. Уралъ, съ его оригинальной, во многомъ отличающейся отъ общерусской жизнью, служитъ фономъ, на которомъ разыгрывается трагикомедія, именуемая «золотой горячкой». Промысловое населеніе, перебивавшееся кое-какъ на работахъ компаніи, захватившей въ свои руки золотоносную дачу въ 50 квадратныхъ верстъ, бросаетъ старыя работы и пускается на поиски свободнаго золота въ новой, открытой для всѣхъ казенной дачѣ. Первый подбиваетъ на поиски старая канцелярская крыса, бывшій служащій еще во время казенныхъ каторжныхъ работъ, Кишкинъ, измотавшійся и опустившійся, когда-то въ доброе старое время воровавшій вмѣстѣ со всѣми. Отъ прежняго ничего у него не осталось, кромѣ неутолимаго аппетита и ненависти къ тѣмъ, кто лучше съумѣлъ устроиться, обезпечить себя. «Въ тѣ поры,—плачетъ старый ворище,—отсѣчь бы мнѣ руки, да и то мало. Дуракъ я былъ». Другіе крали десятками тысячъ, а ему доставались сотни рублей, хотя и ихъ было довольно, какъ видно изъ его воспоминаній о собственномъ домѣ, мадерѣ, картахъ и прочихъ прелестяхъ казенныхъ работъ, когда не кралъ только лѣнивый. Изъ постоянныхъ воздыханій старыхъ служащихъ объ этомъ времени и изъ доноса, который сочиняетъ Кишкинъ на всѣхъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ, вырисовывается ужасающая картина казенныхъ работъ. Помимо воровства, составлявшаго самую невинную черту казеннаго завѣдыванія, все управленіе сводилось къ такой

эксплуатаціи подневольнаго каторжнаго люда, о которой теперь трудно составить понятіе. Это время выработывало особые типы; наиболѣе интереснымъ и выдержаннымъ является старый штейгеръ Родіонъ Потапычъ, «фанатикъ казеннаго пріисковаго дѣла. Старикъ весь былъ въ прошломъ, въ томъ жестокомъ прошломъ, когда казенное золото добывалось шпицрутенами». Самъ изъ бывшихъ каторжныхъ, онъ неумолимымъ исполненіемъ долга и добросовѣстностью завоевалъ себѣ почетную извѣстность, какъ чрезвычайно знающій и опытный, строгій, но справедливый человѣкъ. Эту преданность дѣлу, а не себѣ, онъ переноситъ затѣмъ съ казеннаго управленія на компанейское, замѣнившее казну, и съ недовѣріемъ и насмѣшкою относится къ старателямъ и вольнымъ пріискамъ. Но такіе типы, конечно, являлись лишь исключеніемъ. Въ общемъ, подъ вліяніемъ растлѣвавшаго всѣхъ каторжнаго труда, жизнь слагалась на чисто животныхъ, по выраженію мѣстнаго населенія, «звѣриныхъ» началахъ. Г. Маминъ съ обычнымъ талантомъ выводитъ типъ за типомъ различныхъ представителей этого промысловаго люда, не знавшаго иной правды, кромѣ «стихійной», о которой такъ плачутъ теперь иные «народные благодѣтели». Тутъ и рабочіе, какъ безшабашный пьяница Мыльниковъ и его дочь Окся, нарисованные съ неподражаемымъ юморомъ. Мыльниковъ вѣчно пьянъ, бахвалъ и лодырь, пользуется всѣхъ охватившей горячкой и обманываетъ своими рѣчами о золотѣ, которое, по его словамъ, вездѣ такъ и «претъ», только умѣй подбирать. Случайно наткнувшись на «жилку», онъ сматывается окончательно, быстро пропиваетъ все и ютится подъ успокоительной сѣнью кабака. Кабатчикъ Ермошка и его жена Дарья представляютъ не менѣе оригинальную пару. Положеніе Дарьи было самое забитое. Ермошка изводилъ ее всѣми способами, не зная, какъ избавиться отъ старой и больной жены. Дарья тоже жалѣла, что никакъ не можетъ умереть. «Связала я тебя, — говорила она мужу о себѣ, какъ говорятъ о покойникахъ.—Въ самый бы тебѣ разъ жениться... Охъ, нейдетъ моя смертынька»...—«Это ты правильно,— отвѣчаетъ мужъ, — только помирай скорѣе, а то время напрасно идетъ. Совсѣмъ изъ годовъ выйду, покедова подохнешь»... Дарья употребляла всѣ мѣры, чтобы умереть и освободить мужа, которому выбирала сама невѣстъ на случай смерти. Но смерть, какъ на грѣхъ, не приходила. «Когда же ты помрешь, Дарья?—серьезно спрашивалъ Ермолай свою супругу.—Эдакъ я съ тобой всѣхъ невѣстъ пропущу»...—«Помру, Ермолай Семенычъ... Потерпи до осени-то».—Съ горя Ермошка билъ безотвѣтную Дарью чѣмъ попадя, но та опять поднималась. «Не по тому мѣсту бьешь,—жаловалась она. — Ты бы въ самую кость норовилъ... Охъ, въ чужой вѣкъ живу! А то страви чѣмъ ни на есть... Вонъ Кожинъ какъ жену свою изводитъ: одна страсть».

Кожинъ, молодой раскольникъ, тоже жертва стихійной правды. Одинъ разъ онъ нарушилъ ее, поддавшись правдѣ человѣческой, полюбивъ глубоко и искренне. Но семья возстала съ той и другой стороны. Влюбленныхъ разлучили, Кожинъ женился по выбору матери и возненавидѣлъ свою жену той же стихійной ненавистью,

которая, какъ и прославленная стихійная правда, коренится въ животныхъ началахъ человѣческой природы. «Кожинъ совсѣмъ озвѣрѣлъ и на глазахъ у всѣхъ изводилъ жену. Въ морозъ выгонялъ ее во дворъ босую, гонялся за нею съ ножомъ, билъ до безпамятства и вообще продѣлывалъ тѣ звѣрства, на какія способенъ очертѣвшій русскій человѣкъ. Знали объ этомъ всѣ сосѣди, женина родня, вся деревня, и ни одна душа не заступилась еще за несчастную бабу, потому что между мужемъ и женой одинъ Богъ судья»...

Золотая горячка, въ концѣ концовъ, обманула всѣхъ, раззоривъ большинство населенія и расшатавъ старые устои жизни, сложившейся на началахъ крѣпостнаго труда. Послѣдній представитель и фанатикъ его, старый штейгеръ сходитъ съ ума и самъ разрушаетъ шахту, стоившую компаніи сотенъ тысячъ рублей. Компанія закрываетъ работы за ихъ невыгодностью,—«и это въ такой мѣстности, гдѣ при правильномъ хозяйствѣ могло благоденствовать стотысячное населеніе и десятокъ такихъ компаній».

Эпическій тонъ, въ которомъ ведется весь романъ, объективное отношеніе автора, не позволяющаго себѣ никакихъ подчеркиваній или лирическихъ отступленій, придаютъ роману художественную законченность, а яркій и колоритный языкъ, сжатый и сильный, дѣлаетъ его однимъ изъ лучшихъ произведеній г. Мамина, которое можно поставить на ряду съ его «Уральскими разсказами» и «Горнымъ гнѣздомъ». Между прочимъ, отличительная черта таланта г. Мамина — художественная объективность, съ особенной силой проявляющаяся въ этомъ романѣ,—послужила поводомъ къ упреку, будто авторъ совершенно равнодушенъ къ тому, что разсказываетъ. Странность такого упрека, намъ кажется, доказываетъ только, что рецензентъ упустилъ изъ виду различіе въ творчествѣ, которое бываетъ субъективнымъ, какъ, напр., у Гаршина или г. Короленко, или объективнымъ, какъ у Гончарова или Писемскаго. Оба вида творчества вполнѣ законны, потому что преслѣдуютъ одну и ту же цѣль—дать художественный образъ. У субъективнаго художника при этомъ на первомъ планѣ его личное настроеніе, то впечатлѣніе, какое на него произвелъ данный образъ. Объективный художникъ не заботится объ этомъ, исчезая самъ за нарисованной имъ картиной, и если она художественна, если впечатлѣніе вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительному, то задача художника выполнена, и выполнена нисколько не хуже, чѣмъ задача художника-субъективиста. Скорѣе напротивъ,—чѣмъ объективнѣе художникъ, тѣмъ лучше онъ выполняетъ свое назначеніе, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе отъ созданнаго имъ образа. Въ этомъ отношеніи, романъ г. Мамина «Золото» — безупреченъ. Писатель, обладающій меньшимъ талантомъ, пролилъ бы слезу сочувствія и надъ женой Ермошки, и надъ загубленной жизнью Кожина, но врядъ ли вызвалъ бы этимъ отвѣтную слезу у читателя. Художникъ никогда не долженъ забывать, что онъ—не публицистъ, для котораго обязательно высказаться возможно яснѣе, на чьей онъ сторонѣ, — Ермошки или его жены. Для художника обязательно одно—изобразить ихъ обоихъ правдиво, а это ужъ наше, чита-

тельское, дѣло, какъ мы къ нимъ отнесемся, кого осудимъ, кого оправдаемъ. Идеальнымъ художникомъ былъ бы тотъ, кто могъ бы быть такъ же безпристрастенъ, какъ природа. Но это—лишь идеалъ, потому что всякій художникъ прежде всего человѣкъ и его сочувствіе или отвращеніе даетъ себя чувствовать помимо его воли. Такъ, въ томъ же романѣ «Золото» читатель не можетъ не видѣть, что всѣ симпатіи автора на сторонѣ тѣхъ его персонажей, въ которыхъ человѣческая правда подавляетъ стихійную. Ему симпатиченъ старый штейгеръ, въ которомъ главную черту характера составляетъ преданность долгу, хотя бы и ложно понятому, и его дочь Ѳеня, несчастный предметъ любви Кожина, очерченная нѣжными штрихами, образъ, полный глубокой поэзіи и дѣвственной красоты. И если не замѣтно этой симпатіи въ обрисовкѣ отношеній Ермошки и его жены, то иначе и быть не можетъ. Палачъ и его жертва равно противны въ данномъ случаѣ, какъ подлинные, не прикрашенные представители стихійной правды, и г. Маминъ явился истиннымъ художникомъ, довѣрившись вполнѣ чувствамъ читателей и воздерживаясь отъ высказыванія собственныхъ.

И. А. Саловъ. Грезы. Повѣсть. Изд. И. А. Куманина. Москва. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. Существуетъ особый сортъ людей, о которыхъ принято выражаться, что они родились «въ сорочкѣ». Если посмотрѣть на нихъ со стороны повнимательнѣе,—ничего особеннаго въ нихъ не замѣчается. Люди, какъ люди, носъ, глаза, ротъ и все прочее—на своемъ мѣстѣ, а между тѣмъ, свой жизненный путь они проходятъ съ какою-то, имъ однимъ свойственною, легкостью. Гдѣ другимъ выпадаютъ на долю лишь тернія,—имъ достаются если и не лавры, то во всякомъ случаѣ многоразличные цвѣты удовольствія. Доискиваться причинъ сопровождающихъ ихъ удачъ, это—напрасный трудъ. Просто—родился человѣкъ «въ сорочкѣ», и только. Есть такіе счастливцы и среди писателей, и къ ихъ числу принадлежитъ г. Саловъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ выступилъ онъ съ первыми своими разсказами, въ числѣ которыхъ «Ольшанскій молодой баринъ» былъ единственно выдающимся, и какъ-то сразу попалъ въ разрядъ «нашихъ талантливыхъ беллетристовъ». Съ тѣхъ поръ погибло много, повидимому, прочно установившихся репутацій, но г. Саловъ, какъ стоялъ, такъ и стоитъ на занятой имъ, легко и безъ бою, позиціи. Журналы его охотно печатаютъ, критика благосклонно одобряетъ, читатели почитываютъ, а г. Куманинъ, регулярно изъ года въ годъ, выпускаетъ отдѣльнымъ изданіемъ. Мало того: г. Саловъ съ 1889 г. состоитъ земскимъ начальникомъ Балашевскаго уѣзда, Саратовской губерніи, что не только не препятствуетъ ему быть литераторомъ, но даже какъ бы окрыляетъ его перо. По крайней мѣрѣ, за послѣднія пять лѣтъ онъ проявилъ особую плодовитость, выпуская иногда по два тома своихъ произведеній въ годъ. И несомнѣнно, что на поприщѣ земскаго начальника онъ столь же преуспѣваетъ, какъ и въ литературѣ, — ибо г. Саловъ родился «въ сорочкѣ».

Только этимъ счастливымъ обстоятельствомъ и можно объяс-

нить его успѣхи, такъ какъ въ его произведеніяхъ невозможно найти для этого данныхъ. Все имъ написанное отмѣчено одной общей печатью: мелко по замыслу, блѣдно по выполненію и, главное, неумно. Прочитавъ всѣ его многочисленные разсказы и повѣсти, вы не найдете въ нихъ, — за исключеніемъ «Ольшанскаго барина»,—ни одной яркой черты, ни одного характера, типа или художественнаго образа. Прежде всего, у г. Салова вполнѣ отсутствуетъ вымыселъ. Его разсказы напоминаютъ пѣсни первобытныхъ народовъ или нашихъ черемисовъ и киргизовъ, которые обыкновенно воспѣваютъ то, что въ данную минуту у нихъ передъ глазами: лѣсъ—такъ лѣсъ, заборъ—такъ заборъ, и вся пѣсня тутъ. Такъ и г. Саловъ. Онъ — своего рода статистикъ въ беллетристикѣ. Дальше констатированія факта онъ не идетъ. Съ добросовѣстностью статистика, онъ перечислитъ всѣ предметы, попавшіеся ему подъ перо, но не ищите у него ни психологическаго анализа, ни обобщеній, ни художественнаго настроенія, безъ котораго нѣтъ художественнаго образа. Но и какъ наблюдатель, г. Саловъ крайне поверхностный бытописатель. Въ «Грезахъ» онъ описываетъ съ мучительною подробностью судьбу юной дѣвицы, увлекавшейся театромъ, но, не смотря на присущій ей, по словамъ автора, талантъ, бросившей сцену и вышедшей потомъ преблагополучно замужъ за друга дѣтства. Расписавъ дѣла и дни своей героини на двадцати листахъ, г. Саловъ ухитрился въ концѣ концовъ оставить своего читателя въ недоумѣніи, гдѣ же «грёзы»? Героиня ходитъ, пьетъ, ѣстъ, въ антрактахъ попадаетъ въ объятія одного пошляка, затѣмъ другого ему подобнаго, счастливо отъ обоихъ увертывается и, наконецъ, попадаетъ въ объятія третьяго, но уже на законномъ основаніи, гдѣ и остается, къ великому утѣшенію читателя, которому всѣ эти неудачныя паденія наскучиваютъ до зѣвоты. При нѣкоторой усидчивости, такихъ повѣстей можно настряпать сколько угодно— и г. Саловъ, на обложкѣ «Грёзъ», обѣщаетъ «Дѣла житейскія». Какъ показываетъ заглавіе, это будетъ противовѣсъ «Грёзамъ», и напередъ можно предсказать, что въ этихъ «дѣлахъ» найдется все, кромѣ жизни. Потому что г. Саловъ—не художникъ. За исключеніемъ этого недостатка, онъ во всемъ остальномъ—писатель «въ сорочкѣ родившійся».

В. Быстренинъ. Житейскія были. Очерки и разсказы. Москва. 1895 г. Ц. 1 р. Каждому, конечно, приходилось присутствовать на ученическихъ концертахъ или концертахъ начинающихъ посредственныхъ виртуозовъ. Общій характеръ такой музыки всегда одинъ и тотъ же: старательное, до мелочей гладкое, но безжизненное и скучное выполненіе. Играетъ ли концертантъ Листа, или Шопена, или Шумана,—для слушателей совершенно безразлично, такъ какъ въ исполненіи дебютанта каждый изъ этихъ великихъ мастеровъ теряетъ свою оригинальность и, взамѣнъ того, получаетъ совсѣмъ ему несвойственную сѣренькую, чистенькую и умильную физіономію. Сходное съ такимъ музыкантомъ впечатлѣніе производитъ г. Быстренинъ своими «Житейскими былями». Въ 14-ти разсказахъ, составляющихъ содержаніе его книги, затронуты различныя житейскія темы, написанныя старательно и умѣло, безъ лишняго

жара и пошлыхъ разсужденій, но не оригинально и не художественно. Описывая сѣренькую жизнь своихъ героевъ, авторъ не смогъ подняться надъ нею, и въ лучшихъ изъ этихъ разсказовъ—«Сухарь», «На мірскихъ хлѣбахъ» и «Вора поймали»—онъ далъ нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ фотографій. Остальные разсказы не даютъ даже и этого. Они обнаруживаютъ въ авторѣ извѣстную наблюдательность и умѣніе владѣть перомъ. Онъ ни разу не извращаетъ дѣйствительности, не идеализируетъ и не впадаетъ въ шаржъ, но не умѣетъ отдѣлить типичнаго отъ случайнаго, выдѣлить характерныя черты даннаго лица или положенія и на нихъ сосредоточить вниманіе читателя. Не будучи художникомъ, г. Быстренинъ не обладаетъ тайной—передавать свое настроеніе читателю, который все время остается равнодушнымъ, несмотря на печальныя стороны жизни, преимущественно избираемыя авторомъ. Въ разсказѣ «Сухарь», напр., очевидно навѣянномъ извѣстной картиной Прянишникова, выведенъ пропойца, шутовствомъ добывающій себѣ пропитаніе. Фигура «Сухаря» очерчена живо, но лишь съ внѣшней стороны, безъ психологической подкладки, вслѣдствіе чего его жалкая судьба не внушаетъ ни интереса, ни жалости. Чего не бываетъ на свѣтѣ, — вотъ общій выводъ, получающійся послѣ чтенія очерковъ г. Быстренина. Написанные хорошимъ языкомъ, они вполнѣ умѣстны, напр., въ фельетонѣ газеты, но изданные отдѣльной книгой, они безслѣдно тонутъ въ массѣ такихъ же очерковъ, ежедневно появляющихся на издательскомъ рынкѣ. Если это первый дебютъ г. Быстренина, то его нельзя назвать ни удачнымъ, ни неудачнымъ. Мало быть наблюдательнымъ и умѣть писать,—нужно еще быть оригинальнымъ и обладать той искрой божьей, которая самому обыденному явленію придаетъ интересъ новизны, освѣщая его съ новой стороны и вызывая въ душѣ читателя соотвѣтственныя настроенія.

Моя библіотека. Вып. № 114—115. Лонгфелло. Стихотворенія въ переводахъ Д. Л. Михаловскаго, М. Л. Михайлова, Д. Н. Садовникова, Н. И. Костомарова, Д. Д. Минаева и П. И. Вейнберга. Подъ редакціей Д. Л. Михаловскаго. Спб. Изд. М. М. Ледерле. 1894 г. Ц. 40 к. Разбираемая небольшая, изящно изданная съ портретомъ поэта и краткимъ біографическимъ вступленіемъ самого издателя, книжка эта должна служить необходимымъ, доступнымъ по цѣнѣ, украшеніемъ каждой библіотеки. Она представляетъ прекрасный выборъ, сдѣланный мастерской рукой почтеннаго высоко-художественнаго поэта-переводчика Д. Л. Михаловскаго, почти всего, наиболѣе интереснаго для насъ, изъ сочиненій знаменитѣйшаго и популярнѣйшаго американскаго поэта. Генрихъ Лонгфелло родился въ 1807 г. въ Портландѣ, въ штатѣ Мэнъ; былъ сначала адвокатомъ, три года путешествовалъ по Европѣ; съ 1834 по 1854 былъ профессоромъ новѣйшихъ языковъ и литературы въ Кембриджѣ при Гаруардской коллегіи, а потомъ совсѣмъ оставилъ ученую дѣятельность, поселившись близъ Бостона среди семьи и друзей, и отдавшись исключительно литературѣ. Умеръ онъ 75 лѣтъ, въ 1882 г., въ Кембриджѣ, въ штатѣ Массачузетсѣ.

Лонгфелло—поэтъ необыкновенно задушевный и, такъ сказать, реальный по преимуществу, въ смыслѣ опредѣленности и жизненности, въ противоположность заоблачнымъ романтикамъ, празднымъ мечтателямъ и всякимъ декадентамъ и символистамъ, эгоистически носящимся съ своими вымученными страданіями и больными грезами. Это поэтъ земли, любящій ее съ ея дивной природой и человѣчествомъ, котораго горе и страданіе, униженіе и рабство вызываютъ въ немъ глубоко прочувствованныя строѳы. Его знаменитыя, выдержавшія болѣе тридцати изданій, *Пѣсни о невольничествѣ*, вмѣстѣ съ *Хижиной дяди Тома* г-жи Бичеръ-Стоу, не мало повліявъ въ свое время на освобожденіе негровъ, остаются и до сихъ поръ художественнымъ памятникомъ могучаго протеста противъ рабства. Посвященныя одному изъ крупнѣйшихъ борцовъ за идею освобожденія, Вильяму Чаннингу, онѣ имѣли особенный успѣхъ и у насъ въ эпоху передъ освобожденіемъ крестьянъ. Изъ нихъ въ книжкѣ выбраны восемь лучшихъ, изъ которыхъ отмѣтимъ особенно: *Сонъ негра*, *Негръ въ проклятомъ болотѣ*, *Благая часть, яже не отымется* (чудный образъ христіанки-учительницы посвятившей себя всю просвѣщенію отверженнаго племени) и «*Предостереженіе*», изъ котораго почему-то опущена третья строѳа, гдѣ именно и заключается основной смыслъ пьесы, помѣщенной, однако, въ извѣстной книгѣ Гербеля «*Англійскіе поэты*» цѣликомъ. Указывая на опасность для страны отъ дальнѣйшаго существованія дикаго, все болѣе и болѣе озлобляющаго негровъ, рабства, поэтъ говоритъ:

«Самсонъ порабощенный, ослѣпленный
Есть и у насъ въ странѣ. Онъ силъ лишенъ,
И цѣпь на немъ. Но—горе! если онъ
Подниметъ руки въ скорби изступленной
И пошатнетъ, кляня свой тяжкій плѣнъ,
Столпы и основанья нашихъ стѣнъ—
И безобразной грудой рухнутъ своды
Надъ горделивой храминой свободы!!»

Не менѣе знаменита, напоминающая финскую *Калевалу*, народная индѣйская поэма *Гайавата* (пророкъ, учитель) о сѣверо-американскомъ героѣ чудеснаго происхожденія, посланномъ съ неба, чтобы воздѣлать пустыни и научить людей мирнымъ искусствамъ. Двѣнадцать пѣсенъ ея, прекрасно переведенныя самимъ редакторомъ книжки Д. Л. Михаловскимъ, отличаются оригинальнымъ интересомъ, свѣжей простотой и прелестью народной поэзіи и проникнуты горячей любовью къ человѣчеству.

Красивыя баллады «*Норманскій баронъ*» (освобожденіе умирающимъ подъ Рождество барономъ своихъ вассаловъ) и *Вальтеръ фонъ Фогельвейде* (монахи отнимаютъ въ свою пользу птичій кормъ, разсыпаемый на могилѣ пѣвца)—исчерпываютъ эпическое содержаніе книжки, въ которой, къ сожалѣнію, нѣтъ другой юмористической монашеской баллады *Кастель-Маджіорскій монахъ* (см. *Англ. поэты* Гербеля, пер. П. И. Вейнберга, стр. 390) и хотя бы отрывковъ изъ большой поэмы *Евангелина* (см. Гербель, стр. 394). Кромѣ *Пѣсенъ о невольничествѣ* и эпоса, въ книжкѣ очень удачно выбрано двадцать два стихотворенія разнаго содержанія, но

тѣсно связанныя общимъ духомъ реальной поэзіи глашатая правды и призыва къ твердости духа, борьбѣ за истину и человѣчество и къ любви ко всему, что слабо и бѣдно. Посвящая свою книжку стиховъ *(Посвященіе)* любящимъ друзьямъ, Лонгфелло очень опредѣленно высказываетъ въ своихъ *Пѣвцахъ* задачу своей поэзіи: «плѣнять, учить толпу могучими напѣвами будить въ ней духъ для жизни новой и душу умилять». Онъ твердо вѣритъ, что пѣсня его будетъ жить въ сердцѣ друга *(Стрѣла и пѣсня)*, вѣритъ въ силу поэзіи *(Водоросли)*, и въ ней же находитъ утѣшеніе и покой, прося подъ вечеръ почитать и спѣть ему пѣсню изъ негромкихъ поэтовъ,—«тѣхъ, чья пѣснь изъ сердца льется звукомъ теплыхъ, нѣжныхъ словъ, какъ на жаждущую землю дождь изъ лѣтнихъ облаковъ... Пѣсни ихъ имѣютъ силу пульсъ тревоги унимать, какъ усердная молитва въ душу сладкій миръ вливать» *(День прошелъ)*. Поэты же успокоиваютъ и поддерживаютъ въ авторѣ бодрость духа, когда въ ненастную осень присаживается онъ къ камину съ любимыми своими книгами, изъ которыхъ «узнаетъ про чуждые края и въ этихъ чудныхъ строѳахъ" обрѣтаетъ прозрѣніе міровой жизни *(У камина)*.

Еще болѣе, чѣмъ поэзія, живитъ человѣка любовь, которой «всю силу познаемъ мы въ дни надеждъ и ликованій». Любовь подсказываетъ поэту одно изъ лучшихъ стихотвореній — *Маленькія ножки*, гдѣ онъ съ ужасомъ помышляетъ о томъ, сколько горя придется испытать беззаботнымъ дѣтямъ въ ихъ долгій и тернистый путь жизни; она же порождаетъ энергическій протестъ противъ ужасовъ войны съ ея кровавыми жертвами и призывъ къ миру *(Въ арсеналѣ*, пер. Д. Л. Михаловскаго). Любовь же даетъ и утѣшеніе въ скорбяхъ и утратахъ: «*Нѣтъ стада, гдѣ бъ всѣ овцы были цѣлы*, гдѣ бъ хоть одинъ ягненокъ не пропалъ; нѣтъ очага, гдѣ бъ стулъ осиротѣлый среди другихъ уныло не стоялъ». И вотъ тутъ-то, среди этихъ неизбѣжныхъ испытаній, необходимо «терпѣніе! Велики скорби наши, онѣ намъ грудь терзаютъ и гнетутъ; но благодать, подъ видомъ горькой чаши, намъ небеса порою подаютъ». Нашъ взоръ слабъ:— онъ «видитъ тамъ лишь факелъ погребальный, гдѣ свѣтится безсмертья дальній лучъ... Утѣшимся: нѣтъ смерти во вселенной, и въ могилѣ нѣтъ печали: — жизнь природы вѣчна, и не умеръ тотъ, надъ кѣмъ мы такъ рыдали... Сердца муки облегчатся для насъ слезами...»

Но особенно отрадное впечатлѣніе въ наше пессимистическое, ноющее время, производитъ рядъ стихотвореній Лонгфелло, зовущихъ человѣка, ослабшаго и падающаго, къ бодрости, къ борьбѣ за истину до конца *(Excelsior)*, къ смѣлому шествованію по терніямъ жизни, въ надеждѣ на лучшее будущее, которое дается только сильнымъ. Таковы *Звѣздный свѣтъ*, *Призраки, На разсвѣтѣ*, обращеніе къ ребенку—*Строитель замковъ* («никогда не теряй дѣтской вѣры»), и особенно чудное стихотвореніе, — напоминающее извѣстный гимнъ покойнаго А. Н. Плещеева, *Впередъ, безъ страха и сомнѣнья*, — *Ободреніе*, которое позволяемъ себѣ привести цѣликомъ въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго.

Не тверди въ тоскѣ сердечной:
«Жизнь есть сонъ»,—да замолчитъ
Этотъ ропотъ безконечный!
Духъ тотъ мертвъ, который спитъ.
Наша жизнь—не сновидѣнье,
Хоть положенъ ей предѣлъ,—
Не печаль, не наслажденье,
Не могила нашъ удѣлъ.
Не о духѣ Божье слово
Раздалось въ былыхъ вѣкахъ:
«Ты отъ праха взятъ и снова
Возвратишься ты во прахъ».
Не тверди о градѣ тѣсномъ,
О покорности судьбѣ,
Будь не агнцемъ безсловеснымъ,
А героемъ будь въ борьбѣ!
И въ бездѣйствіи безплодномъ
О грядущемъ не мечтай,
Въ пеплѣ прошлаго холодномъ
Силъ своихъ не зарывай:
Нѣтъ въ томъ пеплѣ леденящемъ
Искры Божіей для нихъ;
Бодро дѣйствуй въ настоящемъ,
Будь живымъ среди живыхъ.
Пусть твой трудъ слѣды оставитъ:
Можетъ быть, имъ будетъ радъ
И свой путь по нимъ направитъ
Заблудившійся твой братъ;
Можетъ быть, въ житейскомъ морѣ,
Силу крѣпкую тая,
Много бѣдъ, крушеній, горя
Устранитъ рука твоя.
Наша жизнь—не сонъ, а дѣло,
Для себя, и для *другихъ*;
Совершай же путь свой смѣло
Въ честныхъ подвигахъ твоихъ!
Честный трудъ—святое знамя!—
Сохрани въ своей груди
Жизни духъ и вѣры пламя,
И впередъ, впередъ иди!

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Автобіографія Гервинуса».—«H. Taine. Par Amédée de Margerie».

Автобіографія Гервинуса. Съ четырьмя портретами, переводъ Эд. Циммермана. Изданіе К. Солдатенкова. Москва. 1895. Ц. 1 р. 50 к. Имени и сочиненіямъ Гервинуса у насъ очень посчастливилось. Въ Россіи мало распространены его историческія сочиненія и книги, посвященныя нѣмецкой литературѣ, но зато обширная работа о Шекспирѣ знакома всякому, сколько нибудь интересующемуся великимъ англійскимъ поэтомъ. Отнюдь нельзя сказать, чтобы эта работа была безупречна во всѣхъ отношеніяхъ, и прежде всего, въ самомъ главномъ—въ толкованіи произведеній Шекспира. Даже заурядному читателю послѣ двухъ-трехъ статей бросается въ глаза совершенно опредѣленная тенденція ученаго толкователя—пользоваться Шекспиромъ, какъ текстомъ для про-

повѣдей лично-нравственнаго и общественно-историческвго содержанія. Изъ книги Гервинуса можно узнать объ основномъ недостаткѣ германскаго племени—склонности къ теоретической созерцательной дѣятельности и неспособности считаться съ запросами дѣйствительности. Таковъ именно Гамлетъ. Въ той же книгѣ читатель, относительно личной и семейной нравственности, можетъ прочитать любопытное объясненіе, почему погибли Ромео и Джульетта. Оказывается, это жертва за безумное увлеченіе любовной страсти и притомъ вопреки родительской волѣ... Подобныя толкованія менѣе всего, конечно, въ интересахъ самого поэта, но они очень характерны для самого толкователя, характеризуя въ высшей степени энергическое чувство гражданина и человѣка.

Гервинусъ, дѣйствительно, принадлежитъ къ особому типу ученыхъ, совершенно далекихъ отъ жреческаго служенія наукѣ, какъ своего рода чистому искусству. Когда это направленіе переносится на критику литературныхъ произведеній и сосредоточивается на поискахъ непремѣнно какой-нибудь нравственной тенденціи въ томъ или другомъ произведеніи поэта, тогда критикъ и историкъ рискуетъ впасть въ пристрастіе и слишкомъ искусственный анализъ. Но когда тотъ же ученый стремится каждымъ своимъ изслѣдованіемъ положить камень въ зданіе общественнаго и культурнаго самосознанія своего народа, и ученыя изысканія цѣнить не ради только процесса работы, безъ всякаго отношенія къ ихъ общему смыслу и значенію,—тогда даже заблужденія такого историка цѣннѣе и поучительнѣе, чѣмъ мертвая бумажная правда цѣлаго сонмища Вагнеровъ. Гервинусъ держался именно такого взгляда, и искреннее горячее національное чувство вызвало у него элегію по поводу любимаго шекспировскаго героя. Мы можемъ не признавать этой элегіи выраженіемъ дѣйствительнаго смысла шекспировской трагедіи, но насколько же намъ ближе и понятнѣе этотъ авторъ меланхолическихъ изліяній, чѣмъ самый основательный комментаторъ поэтическаго произведенія, съ спокойствіемъ анатома разсѣкающій его съ различныхъ точекъ зрѣнія—стилистической, художественной, исторической, теоретической, автобіографической и даже археологической—на счетъ списковъ и изданій! Это не значитъ, будто всѣ эти точки зрѣнія вообще излишни, но онѣ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, совершенно блѣднѣютъ предъ живымъ духомъ, проникающимъ трудъ идейно-мыслящей и глубоко чувствующей личности.

Автобіографія Гервинуса интересна, конечно, прежде всего по отношенію къ самому автору, но лучшая глава въ ней посвящена все-таки не личной жизни автора, а характеристикѣ другого также популярнаго у насъ нѣмецкаго историка—Фридриха Шлоссера. Его *Восемнадцатый вѣкъ*—съ самаго начала пріобрѣлъ громадную популярность, былъ переведенъ даже во—Франціи еще въ то время, когда франко-прусская война еще не успѣла раскрыть французамъ глаза на нѣмецкую литературу и науку.

А между тѣмъ, это сочиненіе крайне неблагодарное для перевода и популярнаго чтенія. Врядъ ли кто изъ ученыхъ историковъ XIX-го вѣка писалъ до такой степени небрежно—относительно

внѣшней формы, быстро и часто прямо неуклюже. Понятіе изящнаго, просто правильнаго стиля для Шлоссера не существуетъ, и онъ даже вообще подозрительно смотрѣлъ на историковъ и мыслителей, владѣвшихъ слишкомъ красивымъ слогомъ. Ему казалось, что погоня за красотой формы убиваетъ серьезность, а главное, правдивость содержанія. И это дѣйствительно бываетъ нерѣдко, но Шлоссеръ готовъ былъ возвести отдѣльные факты въ правило и въ своихъ работахъ впадалъ въ рѣшительную крайность. Этотъ недостатокъ весьма важенъ, особенно при тѣхъ воззрѣніяхъ на историческую науку, какія исповѣдывалъ Шлоссеръ. Но именно въ этихъ воззрѣніяхъ и заключается тайна популярности историка, столь усердно загромождавшаго себѣ путь своимъ безпощаднымъ отношеніемъ къ внѣшней привлекательности историческихъ трудовъ. Гервинусъ—преданнѣйшій ученикъ Шлоссера, и страницы, посвященныя знаменитому историку,—настоящій памятникъ его мысли и оригинальной личности.

Шлоссеръ — сынъ народа и по происхожденію, и по своему нравственному міру, и по своимъ житейскимъ и общественнымъ симпатіямъ и вкусамъ. Судьба предназначила ему пройти весьма тяжелую школу. Онъ былъ младшій сынъ изъ двѣнадцати дѣтей, рано лишился отца, вынесъ въ высшей степени суровое дѣтство на рукахъ матери, пятнадцати лѣтъ, послѣ ея смерти,—оказался полнымъ господиномъ своего настоящаго и будущаго. При такихъ условіяхъ у крѣпкихъ натуръ неминуемо развивается самоувѣренность, стойкость и сильное чувство личнаго достоинства. Всѣмъ этимъ Шлоссеръ обладалъ во всей полнотѣ, и прошелъ жизненный путь среди самыхъ разнообразныхъ условій—отъ крестьянской среды и домашняго учительства въ семьяхъ аристократовъ и простыхъ мѣщанъ до университетской каѳедры—непреклонный и вѣрный себѣ въ личной жизни и ученой дѣятельности. Это была жизнь одинокаго труженика вплоть до пятидесяти лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ Шлоссеръ женился на свѣтской дѣвушкѣ, которую любилъ, и быстро овладѣлъ новыми условіями, въ которыя его поставилъ бракъ, явился такимъ же энергичнымъ, самоувѣреннымъ, членомъ общества, посѣтителемъ гостиныхъ, участникомъ разныхъ *parties de plaisir*, какимъ раньше былъ кабинетнымъ авторомъ книгъ. Могучая, закаленная натура Шлоссера сказывалась во всемъ—въ личныхъ отношеніяхъ и въ ученыхъ трудахъ, и трудно оцѣнить, гдѣ сильнѣе сказывалось его вліяніе—среди публики или среди близкихъ учениковъ.

Шлоссеръ засталъ нѣмецкую историческую науку въ далеко не блестящемъ положеніи, даже относительно родной исторіи. Ему приходилось самому работать по источникамъ для каждаго курса своихъ лекцій. Это была упорная работа истаго кабинетнаго ученаго,—работа, вызывавшая на свѣтъ новые факты, изслѣдовавшая нетронутые никѣмъ документы. И вотъ при такомъ положеніи вещей, вѣчно окруженный фоліантами и архивной пылью, Шлоссеръ умѣлъ спасти и развить въ высшей степени живую душу человѣка своего времени, страстно живущую горемъ и радостями своей родины.

Гервинусъ преимущественно и останавливается на этой чертѣ

личности Шлоссера и выше всего цѣнитъ ее: именно ей авторъ обязанъ благодѣтельнѣйшимъ вліяніемъ, какое на него произвелъ Шлоссеръ, какъ человѣкъ и какъ профессоръ.

Въ эпоху Шлоссера въ германской исторической наукѣ возникло два теченія, господствующія надъ многими—не только нѣмецкими учеными—до послѣднихъ дней. Оба теченія по существу однородны, оба далеки отъ самаго духа исторіи, какъ общественной науки, оба стремятся изъ исторіи сдѣлать своего рода лабораторію схоластики, чисто-художественныхъ архивныхъ изысканій. Шлоссеръ возмущался претензіями филологовъ, преклоняющихся предъ сомнительными отрывочными данными археологіи, надписей и приносящихъ въ жертву этому гробокопательскому труду—этой *критической микрологіи*, по выраженію Гервинуса,—ясную, чистую исторію. Такъ же презрительно Шлоссеръ относился и къ фанатическимъ поискамъ за новыми документами, за новыми фактами, хотя бы они «сами по себѣ и не имѣли важнаго значенія». Какъ бы обыкновеннымъ смертнымъ ни казалось это страннымъ, но на самомъ дѣлѣ существуетъ цѣлая раса ученыхъ историковъ, нагромождающихъ матеріалы безъ всякой опредѣленной цѣли, единственно потому, что эти матеріалы уцѣлѣли въ архивахъ,—историковъ, собирающихъ всевозможные документы только потому, что они связаны съ извѣстными историческими именами, особенно съ дѣятельностью дипломатовъ, оффиціальныхъ агентовъ. Шлоссеръ указывалъ, сколько опасностей предстоитъ именно этимъ изслѣдователямъ, воображающимъ себя непогрѣшимыми служителями чистой науки. Во-первыхъ, усердный изыскатель всегда можетъ придать особенное значеніе какому угодно документу именно потому, что онъ самъ отыскалъ его. Потомъ, эти документы—въ особенности оффиціальныя и дипломатическія бумаги, по мнѣнію Шлоссера, представляютъ источникъ безчисленныхъ недоразумѣній. Эти бумаги часто предназначаются прямо для искаженія истины, отражаютъ узкіе взгляды замкнутой среды,—людей, исполняющихъ лишь волю своихъ господъ или предающихся коварнымъ проискамъ. Исторія на основаніи подобныхъ документовъ рискуетъ превратиться въ сплетню. Такъ думалъ Шлоссеръ и пользовался въ своихъ трудахъ совершенно другимъ методомъ. Онъ не углублялся въ архивныя бумажныя дебри, а старался на основаніи подвиговъ и фактовъ, т. е. жизни самой по себѣ, уяснить натуру и духъ личностей, народовъ и эпохъ.

Для этого историкъ съ особеннымъ вниманіемъ освѣщалъ идеальныя побужденія въ исторіи, и эта цѣль естественнымъ путемъ приводила Шлоссера къ тщательной оцѣнкѣ литературныхъ явленій. «Неотъемлемая заслуга Шлоссера,—говоритъ его ученикъ,—состоитъ въ томъ, что онъ первый воспользовался литературой для озаренія духа политической исторіи. Благодаря этому, онъ не только плодотворно расширилъ методъ исторіографіи, но сдѣлался настоящимъ народнымъ историкомъ въ лучшемъ смыслѣ слова, не вслѣдствіе популярной формы изложенія, но вслѣдствіе своего отношенія къ идеальной сторонѣ исторіи, къ духовнымъ стремленіямъ народа».

На этомъ пути Шлоссеръ часто приводилъ въ отчаяніе современныхъ архивныхъ *black-doge* своимъ пренебреженіемъ къ вспомогательнымъ наукамъ исторіи—генеалогіи, хронологіи, географіи. По его мнѣнію, только «дѣти и новички считаютъ главнымъ дѣломъ въ исторіи»—вопросы и указанія этихъ наукъ. Въ результатѣ,—«дѣти и новички» озлобленно мстили Шлоссеру за всякій промахъ въ его книгахъ,—хронологическій или географическій. Но часто Шлоссеръ даже предупреждалъ своихъ критиковъ, откровенно указывая на собственныя ошибки по «дѣтскимъ» вопросамъ. Можно, конечно, знаменитаго историка упрекнуть въ извѣстной крайности, но основа его воззрѣній была внушена истинно культурнымъ и нравственнымъ смысломъ настоящей зрѣлой исторической науки и главное—заботой принести посильную пользу въ разрѣшеніи мучительныхъ вопросовъ народной и государственной жизни.

Идея, одушевлявшая Шлоссера въ многочисленныхъ научныхъ предпріятіяхъ, весьма проста: «сообщить исторіографіи практическое отношеніе къ современнымъ условіямъ, избирать предметы для изслѣдованія согласно съ требованіемъ минуты и обработывать ихъ съ той точки зрѣнія, какая обусловливается этимъ требованіемъ». Для Шлоссера эта идея отнюдь не была теоріей, а созданіемъ всей его мужественной демократической натуры,—честной, жившей стремленіями къ общему благу, дышавшей одною жизнью съ эпохой и человѣчествомъ. Шлоссеръ поэтому легко создалъ цѣлую школу историковъ, поставившихъ себѣ цѣлью дѣйствительно служить отечеству и народу своими историческими знаніями. И Гервинусъ одинъ изъ первыхъ представителей этой школы, и здѣсь заключается объясненіе всѣхъ его нравственно-поучительныхъ и публицистическихъ разсужденій въ необыкновенно ученомъ сочиненіи о Шекспирѣ.

У Шлоссера вся жизнь была подтвержденіемъ принципа, и популярнѣйшая его работа—*Восемнадцатый вѣкъ*—ознаменовала самый блестящій періодъ его научно-просвѣтительной дѣятельности. Книга появилась въ самый расцвѣтъ системы Меттерниха, въ эпоху крайне тяжелаго настроенія европейскаго общества подъ вліяніемъ только-что пережитыхъ идеальныхъ разочарованій и политическихъ переворотовъ. Книга Шлоссера имѣла въ виду напомнить недалекое прошлое, представить въ яркихъ, сильныхъ образахъ исторію французской мысли... Цѣль была достигнута съ такимъ успѣхомъ, какого Шлоссеръ и не ожидалъ. Въ короткій срокъ сочиненіе выдержало четыре изданія и было встрѣчено полнымъ сочувствіемъ даже во Франціи, гдѣ еще исторія не говорила въ такомъ тонѣ о минувшей эпохѣ. А между тѣмъ, французамъ было особенно трудно освоиться съ манерой нѣмецкаго историка, независимо отъ неуклюжести его стиля. Шлоссеръ поражаетъ своихъ читателей рѣзкостью приговоровъ, необыкновенно суровыми взглядами на историческія событія и личности. Его столь же часто обвиняли, продолжаютъ обвинять въ нравственной нетерпимости, какъ и въ недостаткѣ литературныхъ способностей. Но эта черта легко объясняется самой личностью историка и особенно его отношеніемъ къ прошлому человѣчества. Шлоссеръ, какъ натура цѣльная, всѣмъ обязанная

собственнымъ усиліямъ, побѣдоносно вышедшая изъ тяжелой житейской борьбы, неизмѣнно должна была вынести изъ этой борьбы извѣстный ригоризмъ, предъявлять и другимъ требованія такой же нравственной высоты, какимъ удовлетворяла она сама. Шлоссеръ глубоко возмущался учеными, которые отдѣляютъ свою личную жизнь отъ науки, удовлетворяются внѣшнимъ выполненіемъ казенныхъ обязанностей и на занятія наукой смотрятъ съ узко-практической точки зрѣнія. Для Шлоссера человѣкъ и ученый—одно цѣлое, историческій трудъ—моментъ личнаго бытія, принципы, управляющіе личной жизнью ученаго и его научнымъ изслѣдованіемъ—тождественны.

Въ этой цѣльности коренилась неотразимая нравственная власть, которую испытывали близкіе ученики Шлоссера. Гервинусъ подробно описываетъ душевный переворотъ, совершившійся съ нимъ въ гейдельбергскомъ университетѣ подъ вліяніемъ лекцій Шлоссера. Изъ родной семьи Гервинусъ вышелъ романтикомъ, мечтателемъ, поклонникомъ того «отвлеченнаго героизма», который такъ увлекателенъ въ произведеніяхъ Шиллера и которому поклонялась молодежь не въ одной Германіи. Извѣстно, что и Бѣлинскій и его сверстники должны были пройти эту полосу нравственнаго развитія. Для Гервинуса увлеченіе Шиллеромъ и выспренними героическими планами было, конечно, еще естественнѣе, какъ для современника наполеоновской эпопеи и національнаго движенія своей родины. Въ Гейдельбергѣ будущій историкъ созналъ всю безплодность романтическихъ мечтаній, отрывающихъ юныя силы отъ насущной работы надъ дѣйствительностью ради миражей и несбыточныхъ грёзъ. Это сознаніе стóило великихъ душевныхъ страданій начинающему ученому, и на помощь пришелъ здравый, сильный умъ Шлоссера, его ясная, вся пропитанная реальными общественными инстинктами наука, его суровая, но глубоко сердечная и искренняя личность. Гервинусъ никогда не могъ забыть всего, что сдѣлало для него преподаваніе и общество Шлоссера, и слова, которыми онъ заканчиваетъ свою характеристику профессора, приносятъ одинаково высокую честь и учителю, и ученику: «Если кто-нибудь повліялъ на человѣка такъ, какъ Шлоссеръ на меня, то, я увѣренъ, этого одного было бы уже достаточно, чтобы возвысить значеніе человѣческой жизни».

H. Taine. Par Amédée de Margerie. Paris. 1894. Тэнъ, несомнѣнно, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ именъ современной ученой и литературной Франціи,—и соотечественники отдаютъ должное этому имени. Недавняя кончина историка вызвала многочисленныя біографическіе и критическіе очерки, посвященные его многосторонней дѣятельности. Общій тонъ этихъ очерковъ, какъ вообще всѣхъ некрологовъ, въ высшей степени благодушный и даже хвалебный. Но кое-гдѣ слышались и диссонансы, не замолкаютъ они и до сихъ поръ. Едва ли не самый громкій и авторитетный изъ этихъ диссонансовъ принадлежитъ профессору литературы и философіи — Амедею Маржери. Его книга вышла уже вторымъ изданіемъ, хотя по содержанію и тону менѣе всего разсчитана на «большую публику». Содержаніе заключается въ критической

оцѣнкѣ философскихъ, историко-литературныхъ и историческихъ трудовъ Тэна, біографическихъ свѣдѣній почти нѣтъ, зато очень много цитатъ изъ сочиненій Тэна и цитаты сопровождаются весьма дѣльными, но нѣсколько тяжеловѣсно выраженными замѣчаніями. Эти недостатки, какъ видимъ, не помѣшали популярности книги, и популярность эта вполнѣ заслуженная.

Сочиненія Тэна весьма распространены среди русской публики, особенно три его работы —*Лекціи объ искусствѣ*, *Исторія англійской литературы* и *Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи.* Каждый, читавшій эти сочиненія, составилъ непремѣнно очень лестное представленіе объ учености, литературномъ талантѣ, остроуміи и даже художественныхъ способностяхъ автора. Въ русской печати, вообще, немного говорилось до сихъ поръ о французскомъ философѣ и историкѣ, и эти разговоры чаще всего состояли изъ простого изложенія мыслей Тэна и сопровождались кое-какими замѣчаніями хвалебнаго и чрезвычайно почтительнаго характера. Русская публика такъ и оставалась при убѣжденіи, что въ лицѣ Тэна предъ ней—новый «властитель думъ», по крайней мѣрѣ не меньшей силы, чѣмъ въ былое время Дарвинъ и Бокль. Такое настроеніе дѣйствительно и вполнѣ господствовало одно время. Оно постепенно стало ослабѣвать, и въ наши дни Тэнъ уже не вербуетъ у насъ новыхъ вассаловъ. Въ этомъ фактѣ менѣе всего повинна русская историческая и литературная критика. Сами французы дали тонъ другому отношенію къ своей знаменитости.

Три года тому назадъ, въ русскомъ переводѣ появилось небольшое сочиненіе Эмиля Геннекэна—*Эстопсихологія*, т.-е. опытъ новой критической школы. Въ нашемъ журналѣ говорилось объ этой книгѣ, и читатели помнятъ, что главное оружіе Геннекэна направлено противъ Тэна, какъ историка литературы и критика искусства. Молодой противникъ, къ сожалѣнію, рано умершій, оказался очень опаснымъ протестантомъ и, подрывая пресловутую теорію о трехъ моментахъ или силахъ, наносилъ косвенно весьма чувствительные удары также Тэну-психологу и, конечно, касался и Тэна-историка, потому что писатель, столь поверхностно оцѣнивавшій источники и основы художественнаго творчества, не могъ удовлетворительно понимать развитія и сущности таланта въ какой угодно другой области.

Геннекэну очень посчастливилось. Не смотря на очень кратковременную дѣятельность, онъ завоевалъ себѣ право считаться основателемъ новыхъ критическихъ воззрѣній. Положительная сторона этихъ воззрѣній — стремленіе сосредоточить анализъ исключительно на произведеніи и личности художника — не выдерживаетъ строгой критики, но отрицательная — опроверженіе тэновскихъ теорій—въ высшей степени важна и прямо драгоцѣнна въ виду многочисленныхъи мало сознательныхъ поклонниковъ прославленнаго автора.

Геннекэнъ не остается однимъ въ полѣ воиномъ. Недавно появилась книга малоизвѣстнаго у насъ писателя Моно (Monod) со статьей о Тэнѣ. Это—искренній поклонникъ Тэна, но въ то же

время онъ совершенно не похожъ на русскихъ вѣрноподданныхъ вассаловъ французскаго историка. Онъ позволяетъ себѣ замѣчанія, весьма опасныя для Тэна, обвиняетъ его ни болѣе, ни менѣе, какъ въ постоянной тенденціи—*калѣчить дѣйствительность*—*mutiler la réalité*—ради предвзятой теоріи, заранѣе поставленнаго положенія. Это въ сущности тоже самое, что говорилъ Геннекэнъ, но Моно распространилъ тяжкое обвиненіе на *всѣ* произведенія Тэна. Вотъ его собственныя слова.

«Все сводится для Тэна къ задачѣ по динамикѣ: внѣшній міръ, человѣческая личность, произведеніе искусства, историческое событіе, каждая изъ этихъ задачъ выражается въ наиболѣе простыхъ опредѣленіяхъ. Рискуя даже искалѣчить дѣйствительность, Тэнъ преслѣдуетъ разрѣшеніе своихъ задачъ съ непоколебимой строгостью математика, доказывающаго теорему,—логика, составляющаго силлогизмъ. Если онъ имѣетъ дѣло съ писателемъ или артистомъ, онъ *вводитъ* то, чѣмъ этотъ писатель или артистъ долженъ быть подъ вліяніемъ расы, среды, эпохи (момента); потомъ, когда онъ, т.-е. Тэнъ, уловилъ господствующую наклонность его натуры, — онъ *выводитъ* изъ этой наклонности всѣ поступки и всѣ художественныя произведенія даннаго лица».

Послѣ такого заявленія трудно представить, что именно у Тэна заслуживаетъ преклоненія, и невольно поднимается другой, несравненно болѣе серьезный вопросъ, какъ въ историческихъ и историко-литературныхъ сочиненіяхъ отличить фактическую дѣйствительность отъ дѣйствительности, искалѣченной историкомъ во имя теоремъ?

Маржери отнюдь не враждебно настроенъ противъ Тэна. Католическая точка зрѣнія профессора сказывается только въ вопросахъ высшаго теоретическаго содержанія и притомъ сказывается безъ всякаго фанатизма. Это скорѣе точка зрѣнія идеально-настроеннаго дуалиста, чѣмъ писателя, принадлежащаго къ опредѣленному религіозному вѣроисповѣданію. Маржери обыкновенно возстаетъ противъ матеріалистическихъ воззрѣній Тэна, противъ *исключительнаго значенія* внѣшней дѣйствительности и вообще «земли», которое признано Тэномъ за аксіому. А для подобныхъ возраженій не требуется быть непремѣнно католикомъ. Во всѣхъ другихъ вопросахъ Маржери только весьма свѣдущій, тонкій и проницательный критикъ. Мы и обратимъ вниманіе именно на тѣ замѣчанія автора, гдѣ сказались эти неоспоримо положительныя качества его работы.

Маржери подробно разбираетъ всѣ главныя произведенія Тэна. Первая часть книги посвящена разбору философіи Тэна. Для русскихъ читателей она не имѣетъ существеннаго значенія: Тэнъ-философъ менѣе всего популяренъ у насъ, онъ совершенно блѣднѣетъ предъ славой Тэна-литературнаго критика и политическаго историка. Маржери вторую часть озаглавливаетъ: *Littérature et art*, третью—*Histoire*. Совершенно естественно дѣло начинается характеристикой тэновскаго стиля. Этотъ стиль едва ли не самый роскошный цвѣтокъ въ вѣнкѣ историка; по крайней мѣрѣ, ни одинъ почитатель Тэна не обходится безъ многочисленныхъ указаній на художественность тэновскихъ описаній и разсказовъ. Мар-

жери не отрицаетъ художественоости, но онъ отмѣчаетъ нѣкоторыя черты, конечно, ускользнувшія отъ вниманія загипнотизированныхъ поклонниковъ Тэна. Во-первыхъ, въ описаніяхъ Тэна вы никогда не чувствуете *цѣлой картины,* васъ поражаетъ головокружительная вереница блестящихъ *подробностей*, мелкихъ отдѣльныхъ предметовъ, признаковъ, штриховъ, но всей живой картины нѣтъ, какъ она есть, напримѣръ—прибавляетъ авторъ—въ описаніяхъ Жоржъ Зонда. Это замѣчаніе, между прочимъ, свидѣтельствуетъ о широтѣ взгляда и полной терпимости автора, очевидно, имѣющаго въ виду только *предметъ* своей критики, а не попутныя обстоятельства и посторонніе выводы.

Дальше, у Тэна нѣтъ теплоты, нѣтъ пламени, которое бы сообщалось читателю. Онъ никогда не увлекается тѣмъ, о чемъ говоритъ. Для него увлеченіе—только предметъ для микроскопическаго изслѣдованія, умственнаго анализа, все равно, какъ сахаръ, напримѣръ—предметъ химическаго анализа. Въ произведеніяхъ Тэна вы не найдете отзывчивой души, трепетнаго сердца: одинъ лишь холодный умъ математика и логика, точнѣе силлогизатора, т. е. составителя теоремъ и формально доказываемыхъ положеній. Наконецъ, Тэнъ совершенно лишенъ идеальныхъ настроеній. Онъ не выходитъ за предѣлы дѣйствительности—все равно, настоящей или искалѣченной, ему чужды возвышенные идейные порывы, превращающіе писателя въ учителя съ неотразимымъ нравственнымъ вліяніемъ на читателей и учениковъ.

Маржери переходитъ къ разбору литературной теоріи Тэна, и съ первыхъ же страницъ приходитъ къ тому же выводу, какой мы видѣли у Моно: для Тэна самыя сложныя задачи духовнаго міра сводятся къ механическимъ построеніямъ, результатъ опредѣленъ заранѣе,—данныя подгоняются къ этому результату, жизнь насильно вдвигается въ деспотическія доктринерскія рамки. Маржери прежде всего доказываетъ, что Тэнъ отнюдь не первый изобрѣтатель пресловутой теоріи о вліяніи расы, среды. эпохи или, какъ онъ выражается, момента. Вся оригинальность Тэна заключается въ осуществленіи извѣстнаго принципа, часто характеризующаго вопіющія человѣческія нелѣпости: онъ—только *plus royaliste que le roi même,* т. е. онъ систематизировалъ и довелъ до послѣдней крайности чужія идеи, совершенно поработилъ личность внѣшнимъ физическимъ силамъ. Критику ничего не стóитъ отыскать множество натяжекъ, софистическихъ уловокъ въ характеристикахъ, которыя Тэнъ даетъ различнымъ писателямъ для оправданія своихъ положеній. Подобные примѣры были приведены еще Геннекэномъ. Маржери направляетъ свои удары преимущественно на другую idée fixe Тэна, на теорію *преобладающей способности—faculté maîtresse.* По мнѣнію Тэна художественная дѣятельность какого угодно писателя коренится въ какомъ нибудь одномъ свойствѣ его натуры, созданномъ извѣстными намъ тремя силами. Напримѣръ, цѣлая книга о Титѣ Ливіи построена на доказательствѣ, что римскій историкъ былъ по природѣ—*ораторъ,* и этой *faculté maîtresse* объясняются всѣ достоинства и недостатки его труда.

Маржери шагъ за шагомъ разбираетъ это положеніе, основываясь, большею частью, на собственныхъ же данныхъ Тэна. Прежде всего курьёзны основанія, почему Ливій долженъ былъ оказаться ораторомъ. Онъ родился въ Падуѣ—городѣ, имѣвшемъ самоуправленіе; ему было 14 лѣтъ, когда Цицеронъ произнесъ свои знаменитыя филиппики; вѣроятно, онъ обучался у ритора, а потомъ у него зять былъ риторъ...

Такъ пишется исторія... Дальше указывается, что Ливій весьма равнодушенъ къ ученымъ изысканіямъ: по соображеніямъ Тэна, это, будто бы, неотъемлемое свойство оратора. Такой цѣны и другіе доводы историка: Маржери въ заключеніе имѣетъ полное право положеніе Тэна признать менѣе всего научнымъ, а простою *idée fixe,* вызывающей автора на самыя откровенныя подтасовки и усиленныя діалектическія хитрости.

Еще подробнѣе Маржери разбираетъ книги Тэна о Лафонтэнѣ, объ античной литературѣ. Особенно интересны страницы, посвященныя Шекспиру. Тэнъ и этого поэта не преминулъ пріурочить къ своей схоластической машинѣ, открывъ у него *преобладающую способность*—воображеніе, и вообразилъ, что разоблачилъ всѣ тайны творчества величайшаго драматурга и психолога.

Стóитъ обратиться къ фактамъ, чтобы все хитросплетеніе историка разсѣялось прахомъ. Добролюбовъ, доказывая, что въ открытіи новыхъ истинъ художественная литература обыкновенно отстаетъ отъ науки, дѣлалъ исключеніе для Шекспира. Именно онъ, по мнѣнію нашего критика, предупредилъ глубочайшія истины психологіи, въ познаніи человѣческой природы ушелъ неизмѣримо дальше своей эпохи, хотя эта эпоха и считала своимъ сыномъ Бэкона.

Если вѣрить Тэну, оказывается, всѣхъ этихъ результатовъ Шекспиръ достигъ при помощи необыкновенно горячаго воображенія, граничившаго съ безуміемъ. Маржери однимъ ударомъ уничтожаетъ тэновскій вымыселъ. *Воображеніе,* говоритъ онъ, въ изобиліи дало въ распоряженіе поэту *образы* (L'imagination fourni *les images* en surabondance). И это не игра словъ, а психологическій законъ. Напротивъ, будетъ «психологическая безсмыслица», будто та же самая сила привела *óбразы* въ такой художественный порядокъ, исполненный красоты и разума, какой мы видимъ въ созданіяхъ Шекспира. Поэтъ, очевидно, долженъ былъ *выбирать* только извѣстные óбразы изъ великаго множества, вызваннаго воображеніемъ, а для этого требовалось нѣчто другое помимо воображенія, способность, прямо противоположная,—сознательный критическій анализъ. Маржери совершенно основательно не вѣритъ, чтобы путемъ одного воображенія можно было создать такія психологическія драмы, каковы *Гамлетъ* и *Макбетъ.* И еще невѣроятнѣе, прибавимъ мы, чтобы тотъ же Шекспиръ подъ вліяніемъ одного лишь воображенія рѣшался по нѣскольку разъ передѣлывать *Гамлета,* радикально измѣняя его характеръ въ позднѣйшихъ редакціяхъ, усиливая умственную дѣятельность на счетъ практической, анализъ на счетъ энергіи.

Можно представить, въ какомъ видѣ являются характеристики

англiйскихъ поэтовъ и ихъ произведенiй сквозь такiе очки! И Маржери все время еще остается только на почвѣ психологiи, не касаясь фактическихъ увѣчiй, наносимыхъ Тэномъ бiографiямъ, личностямъ и эпохамъ англiйской литературной исторiи. Только относительно рыцарства Маржери вступаетъ съ Тэномъ въ споръ: подобную полемику онъ могъ бы вести по поводу почти каждаго столѣтiя. Жизнь весьма рѣдко, вѣрнѣе, никогда не подчиняется одностороннимъ теорiямъ, построеннымъ въ тиши узкаго кабинета по математическому методу. Явленiя никогда не были и не будутъ знаками алгебраической формулы. А Тэнъ именно этого свойства ищетъ въ явленiяхъ самой богатой, жизненной и органически могучей литературы. Онъ и выбралъ именно англiйскую литературу за тѣмъ, что къ ней—такъ казалось ему—легче всего примѣнить свои теоретическiе принципы.

Слабѣе, сравнительно, критика Маржери, направленная противъ историческихъ работъ Тэна. Авторъ прежде всего не придаетъ должнаго значенiя идеѣ, побудившей Тэна написать исторiю старой революцiонной и новой Францiи. Именно эту идею слѣдуетъ выдвинуть на первый планъ: она—въ формальномъ мышленiи Тэна играетъ первенствующую роль. Историческую работу Тэнъ предпринялъ съ опредѣленной цѣлью открыть французамъ глаза на ихъ идеалистическiя заблужденiя относительно недавняго прошлаго, прежде всего относительно революцiи и ея героевъ. Задача Тэна—состояла въ томъ, чтобы въ возможно отталкивающемъ, грубо-матерiальномъ видѣ представить революцiонное движенiе, развѣнчать его героевъ и прiурочить его исключительно къ темпераменту, инстинктамъ, совершенно удаливъ со сцены такъ называемыя просвѣтительныя идеи и вообще элементъ разума и сознанiя. И при такой рѣшительной окраскѣ цѣлой эпохи въ одинъ цвѣтъ, отъ суда историка не спасаются не только люди, но и принципы, особенно, конечно, демократическiй принципъ.

Развѣнчавъ дѣятелей революцiи, Тэнъ всю силу своего литературно-ораторскаго таланта сосредоточиваетъ на Наполеонѣ. Въ свое время тэновской характеристикой Бонапарта возмутились бонапартисты,—преимущественно за то, что историкъ преобладающей чертой въ характерѣ цезаря признавалъ *эгоизмъ*. Но бонапартистскiя чувства оказались не въ мѣру деликатными и не по разуму ретивыми. Они помѣшали поклонникамъ Наполеона разсмотрѣть, что въ сущности Тэнъ своимъ трактатомъ возвелъ настоящiй пьедесталъ для единственнаго великаго человѣка революцiи. Не понимаетъ этого и Маржери. Въ дѣйствительности Тэнъ—одинъ изъ творцовъ наполеоновской легенды. Въ русской журналистикѣ это было указано въ самое недавнее время—въ статьѣ г. Слонимскаго въ апрѣльской книгѣ *Вѣстника Европы—Наполеонъ и Кромвель*. И указать было крайне нетрудно: стóило только вчитаться въ диѳирамбъ, который Тэнъ пишетъ умственнымъ способностямъ Наполеона, его волѣ и особенно его власти —не матерiальной, а нравственной—надъ людьми, надъ всѣми, кто приближался къ нему. Историку доставляетъ видимое наслажденiе возвышать героя имперiи надъ выскочками предъидущей эпохи, и онъ

имѣлъ полное право сѣтовать, какъ на незаслуженную обиду, когда именитые бонапартисты закрыли ему доступъ въ ихъ салоны. Именно въ этихъ салонахъ Тэну принадлежало почетное мѣсто.

Таковы общіе мотивы политической исторіи Тэна. Они особенно любопытны тѣмъ, что обличаютъ явную тенденціозность автора, и на этотъ разъ не теоретическую только. Тэнъ кладетъ въ основу исторіи революціи совершенно опредѣленный символъ, придающій его работѣ характеръ памфлета тамъ, гдѣ авторъ касается дѣятелей и смысла цѣлой эпохи.

У Маржери нѣсколько въ высшей степени любопытныхъ страницъ посвящено характеристикѣ общаго философскаго міросозерцанія Тэна. Это міросозерцаніе, какъ и слѣдовало ожидать, крайне безотрадное. Историкъ, привязывающій человѣка безусловно къ землѣ, къ внѣшнимъ матеріальнымъ силамъ, ищущій въ исторіи разгула грубыхъ инстинктовъ и эгоистическихъ страстей, долженъ представлять себѣ многовѣковую жизнь человѣчества въ очень мрачной картинѣ—одинаково и въ прошломъ, и въ будущемъ.

Ему человѣкъ представляется «бѣднымъ хрупкимъ существомъ», которое тѣснятъ со всѣхъ сторонъ стихійныя силы, и если ему выпадаетъ на долю хотя бы минута радости — это «счастливая случайность». Прогресса не существуетъ, въ смыслѣ могучаго развитія разума и поднятія человѣческой природы. Человѣкъ по прежнему остается хищнымъ животнымъ и готовъ при первомъ случаѣ растерзать своего ближняго за матеріальныя блага. Высшая мудрость—стать подальше отъ арены дикой людской борьбы и отдаться созерцанію...

Уже по этимъ выводамъ можно судить о достоинствѣ тэновской мысли и исторіи. И то, и другое—типичныя дѣтища нашего вѣка. Это легко понять, но не легко оцѣнить нравственный и теоретическій смыслъ основъ, на которыхъ выростаетъ подобная литературная дѣятельность и такая нравственная философія. Книга Маржери въ этомъ отношеніи весьма цѣнное явленіе, особенно для насъ, весьма часто почти безсознательно отдающихъ себя во власть перваго прославленнаго имени.

ЗАПИСКИ, ВОСПОМИНАНІЯ И БІОГРАФІИ.

«Un anglais à Paris. Notes et souvenirs». — *Софія Ковосъ-Дехтерева.* «А. Г. Рубинштейнъ», біографическій очеркъ.

Un anglais à Paris. Notes et souvenirs. Предъ нами второй, недавно вышедшій томъ «Замѣтокъ и воспоминаній», надѣлавшій много шума въ Англіи и во Франціи при первомъ появленіи. Сочиненіе принадлежитъ неизвѣстному автору. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ имя его не открыто съ полной достовѣрностью. Несомнѣнно одно—авторъ принадлежитъ къ высшему кругу англійской аристократіи, по профессіи дипломатъ, былъ въ Парижѣ очень долго и въ самую интересную эпоху—съ 1835 года по 1871 годъ. Въ первомъ томѣ преимущественный интересъ автора былъ сосредоточенъ на общественныхъ явленіяхъ французской столицы,

особенно много говорилось о студентахъ, артистахъ, площадяхъ, о театрахъ. Второй томъ носитъ нѣсколько иной характеръ. Авторъ попрежнему вращается въ самыхъ разнообразныхъ столичныхъ кружкахъ, но на этотъ разъ его литературныя свѣдѣнія на счетъ, напримѣръ, Ламартина, Гизо, Беранже не отличаются ни новизной, ни полнотой, ни даже фактической вѣрностью. Послѣднее обстоятельство отчасти объясняется личными пристрастіями *англичанина*. Онъ не любитъ народныхъ вождей и ораторовъ, вообще участниковъ политическихъ движеній, и, слѣдовательно, настроенъ противъ Ламартина.

Извѣстно, что этотъ писатель и революціонный трибунъ съ теченіемъ времени впалъ въ бѣдность и принужденъ былъ обратиться за помощью къ національной подпискѣ. Былъ организованъ комитетъ, и авторъ разсказываетъ, какъ Ламартинъ досаждалъ комитету требованіями денегъ до заключенія подписки. Это—вѣроятно, но совершенно ложно, будто во главѣ подписнаго листа стояло имя Бонапарта. Наполеонъ III два раза предлагалъ поэту заплатить его долги, и оба раза предложеніе было отвергнуто. Ламартинъ принималъ благодѣянія только отъ націи и города Парижа: правительство дало исключительно административное разрѣшеніе на подписку.

Гораздо точнѣе свѣдѣнія автора о второмъ цезарѣ Франціи и въ особенности о франко-прусской войнѣ. Здѣсь нѣкоторыя данныя должны войти въ политическую исторію эпохи: онѣ бросаютъ яркій свѣтъ на важнѣйшіе вопросы наполеоновской политики и причины паденія имперіи.

Прежде всего превосходна характеристика императрицы Евгеніи. Эта женщина играла гораздо болѣе вліятельную роль, чѣмъ обыкновенно принимается историками. Франція, столь богатая авантюристами, врядъ ли знаетъ на этомъ поприщѣ болѣе удачливую и смѣлую героиню. Наполеонъ, ставши императоромъ, мечталъ изобразить изъ себя второго «короля солнца», Людовика XIV, героя г-жи Ментенонъ, m-lle Лавалльеръ и проч., и проч. Красавица Евгенія де-Монтихо должна была открыть галлерею императорскихъ звѣздъ. Но подобная карьера совершенно не входила въ планы честолюбивой и суевѣрной испанки. Когда-то въ Гренадѣ цыганка предсказала ей королевскую корону, и теперь Бонапарту, по ея безусловному убѣжденію, предстояло оправдать эти предсказанія. Съ Евгеніей при парижскомъ дворѣ жила ея мать, идеальный типъ мамаши, устраивающей судьбу дочери всѣми правдами и неправдами. Политика оказалась весьма простой: Бонапартъ былъ побѣжденъ въ нѣсколько пріемовъ, хотя не безъ серьезнаго риска для чести будущей императрицы. Авторъ подробно разсказываетъ рѣшительный моментъ въ этой «борьбѣ за корону», и успѣхъ m-lle Монтихо былъ хорошимъ предзнаменованіемъ для ея честолюбивыхъ плановъ уже на тронѣ. Планы эти простирались весьма далеко: ей хотѣлось не только царствовать, но и управлять.

Парижане отнеслись къ браку своего императора крайне недружелюбно. Буржуа и лавочники прямо обижались, что императоръ не взялъ себѣ супругу изъ среды ихъ дочерей, если ужъ на

его долю не досталось принцессы крови. Припоминалась вся карьера Бонапартовъ, болѣе чѣмъ демократическая исторія первой имперіи, не забыли и императрицы Жозефины—легкомысленнѣйшаго существа эпохи перваго цезаря. По обыкновенію, не было недостатка въ злыхъ каламбурахъ. Въ день бракосочетанія появилось множество портретовъ и біографій Евгеніи съ надписью: *Портретъ и доблести императрицы, все за два су*... Несравненно дороже заплатила Франція за политику этой же императрицы. Въ исторической литературѣ не новость—участіе Евгеніи въ разрывѣ Германіи съ Франціей въ 1870 году, но авторъ на этотъ счетъ имѣетъ въ высшей степени подробныя и любопытныя свѣдѣнія.

Евгенія, едва надѣвъ корону, стала искать путей—единолично управлять Франціей. Цѣль преслѣдовалась съ чисто-женской стремительностью и совершенной откровенностью. Она непремѣнно рѣшила воплотить въ своей особѣ одновременно двухъ знаменитыхъ государынь—англійскую Елизавету и Екатерину II. При дворѣ, конечно, нашлось не мало услужливыхъ господъ, пришедшихъ въ восторгъ отъ этой идеи. Въ то время, когда въ Парижѣ открыто насмѣхались надъ умственной ограниченностью «испанки», при дворѣ составлялись планы, какъ бы удалить изъ страны императора и супругу его облечь саномъ регентши. Первый случай представился во время крымской войны. Но на этотъ разъ старанія императрицы встрѣтили сильнѣйшій отпоръ со стороны министровъ и королевы Викторіи, посѣтившей Парижъ. Наполеонъ не отправился съ войскомъ, несмотря на всѣ настоянія Евгеніи,—и регентство не состоялось.

Но въ 1859 году желаніе императрица получило, наконецъ, удовлетвореніе. Дамы очень энергично вмѣшивались въ итальянскую войну, отстаивали интересы Австріи, какъ страны католической и консервативной, и нападали на Италію, какъ вѣчный очагъ всякихъ революцій. Франція, слѣдовательно, вела двѣ политики: во главѣ одной стоялъ императоръ и его министры, во главѣ другой—императрица и ея фрейлины. Послѣдняя партія побѣдила. Послѣ битвы при Сольферино, Наполеонъ принужденъ былъ прекратить военныя дѣйствія, потому что «регентша» не разрѣшила новымъ войскамъ выступить изъ Франціи.

Въ 1865 году императоръ отправился въ Алжирію въ надеждѣ поправить свое здоровье. Въ регентствѣ не было нужды, такъ какъ Наполеонъ, въ сущности, не покидалъ французской страны, но Евгенія, разъ вкусивъ власти, не хотѣла отказаться отъ своего счастья. Съ этихъ поръ она начинаетъ присутствовать въ совѣтѣ министровъ, лично принимать ихъ доклады, давать аудіенціи посламъ. Даже по возвращеніи императора у его супруги продолжало существовать нѣчто въ родѣ отдѣльнаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ. Легко представить, какъ хранились дипломатическія и государственныя тайны среди фрейлинъ императрицы! Иностранныя державы поспѣшили, конечно, воспользоваться оригинальнымъ положеніемъ дѣлъ, и въ результатѣ «вся политика Бисмарка», говоритъ авторъ, «состояла въ томъ, что онъ оплачивалъ счета модистокъ и портнихъ—для дамъ, къ изяществу и чарамъ которыхъ онъ былъ глубоко равнодушенъ»...

Дальше читаемъ разсказъ объ объявленіи роковой войны.

Войны не хотѣли въ Берлинѣ, по крайней мѣрѣ, не объявили бы ея безъ серьезныхъ причинъ. Положеніе Наполеона было самое трагическое, почти безвыходное. Сохранить миръ было рискованно: республиканская партія, весьма сильная въ парламентѣ, не преминула бы поднять вопль, что правительство императора слишкомъ слабо, что оно не въ состояніи поддержать достоинство страны. Начать войну—представляло еще бо̀льшій рискъ для Наполеона и еще бо̀льшую выгоду для противниковъ имперіи.

Во время плебисцита большинство голосовъ, поданныхъ противъ Наполеона, принадлежало офицерамъ. Это указывало на прочное господство республиканскихъ идей въ арміи. Но еще важнѣе были другія обстоятельства.

Армія не только не питала добрыхъ чувствъ по отношенію къ императору, но и ея боевое состояніе было крайне плачевно. Авторъ сообщаетъ на этотъ счетъ поразительные факты, въ достаточной степени объясняющіе позднѣйшія катастрофы во время войны. Наполеонъ III ни единой чертой не походилъ на основателя своей династіи и преимущественно по части военныхъ талантовъ. Наполеонъ I хвалился тѣмъ, что превосходно зналъ личныя качества каждаго своего генерала и напередъ могъ предсказать его поведеніе на войнѣ. Наполеонъ III даже не интересовался этимъ вопросомъ. Мѣста въ арміи доставались не военнымъ талантамъ, а придворнымъ кавалерамъ. Штабъ Евгеніи игралъ здѣсь главную роль. Во главѣ кавалеріи, напримѣръ, стояли люди, едва умѣвшіе держаться на лошади; дивизіями и даже корпусами командовали генералы, лишенные всякаго спеціальнаго образованія и полагавшіеся исключительно на свое вдохновеніе и храбрость. Въ военномъ министерствѣ не было даже удовлетворительной карты Франціи, а если бы и оказалась таковая, ею командиры не въ состояніи были бы пользоваться. Всѣ предложенія — исправить положеніе дѣлъ—отвергались дворомъ, и авторы этихъ предложеній нерѣдко подвергались даже карѣ. Генералъ Трошю, единственный, внушавшій извѣстныя опасенія нѣмецкимъ генераламъ, впалъ въ немилость и лишился доступа въ Тюльери за свою книгу о французской арміи. Пышные стратеги, окружавшіе императрицу, подняли на смѣхъ сочиненіе Трошю, и совершенно дискредитировали его въ глазахъ вліятельныхъ придворныхъ политиковъ, хотя самъ Наполеонъ сознавалъ основательность его указаній. Съ другой стороны, военный атташе въ Берлинѣ, дерзавшій извѣщать императора о великолѣпномъ состояніи нѣмецкой арміи, получилъ строжайшій выговоръ отъ военнаго министра и его «танцующихъ» помощниковъ. Одинъ императоръ понималъ, насколько военное положеніе Франціи уступаетъ военнымъ успѣхамъ Германіи, но въ будуарѣ Евгеніи Наполеона III считали мечтателемъ, философомъ, своего рода нѣмецкимъ педагогомъ и смѣялись надъ его соображеніями на счетъ военныхъ реформъ. «Храбрость дѣлаетъ все», говорили въ Тюльери и спокойно шли на встрѣчу будущему. Самоувѣренность будуарныхъ полководцевъ была до такой степени велика, что во французскомъ министерствѣ считали излишнимъ даже

составить предварительный планъ кампаніи. Цѣль была и безъ того ясна: *въ Берлинъ!..*

Замѣчательно, народные представители имѣли свою и очень большую долю въ этомъ ослѣпленіи. Парламентъ систематически сокращалъ военный бюджетъ, и въ особенности въ теченіе двухъ лѣтъ, предшествовавшихъ войнѣ. Императоръ ничего не могъ сдѣлать съ оппозиціей и умолялъ Тьера какъ-нибудь помочь горю. Но усилія Тьера явились слишкомъ поздно. Императоръ даже самъ приготовилъ спеціальную брошюру, подъ заглавіемъ *Дурно понятая экономія.* Брошюра предназначалась для депутатовъ и излагала сравнительное состояніе нѣмецкой и французской армій. Брошюра осталась неопубликованной, и въ результатѣ французскія войска не только по качеству, но даже по количеству совершенно разочаровали патріотовъ. На бумагѣ значилось 650.000, готовыхъ выступить въ походъ, на самомъ дѣлѣ оказалось—250.000.

Наполеонъ до самаго конца противился войнѣ. Жестоко больной физически, утомленный нравственно, знающій настроеніе и матеріальное состояніе арміи, онъ въ войнѣ видѣлъ катастрофу для своей имперіи, если не для Франціи. За двѣ недѣли до объявленія войны здоровье императора разстроилось до такой степени, что консультація врачей рѣшила немедленно приступить къ операціи: Наполеонъ страдалъ уже той самой болѣзнью, которая свела его въ могилу. Но рѣшеніе врачей осталось на бумагѣ, и императрица употребляла всѣ усилія довести дѣло до разрыва съ Германіей.

Нашъ авторъ рѣшительный шагъ къ объявленію войны приписываетъ безусловно Евгеніи, и ему трудно не вѣрить на этотъ разъ. Онъ по днямъ и часамъ разсказываетъ событія, предшествовавшія роковому акту, приводитъ отзывы освѣдомленныхъ людей, и результатъ очевиденъ: Евгенія пылала страстью снова стать регентшей, побѣдить въ войнѣ протестантскую страну, разбить возрождающееся единство Италіи, и вмѣстѣ съ папой стать руководительницей европейскихъ судебъ. Суевѣрная и фанатическая испанка влекла Францію къ неминуемой пропасти. Таково было убѣжденіе всѣхъ, способныхъ безпристрастно отдавать отчетъ въ совершавшихся событіяхъ.

На окончательномъ министерскомъ совѣтѣ въ 10 часовъ вечера императоръ заявилъ свое твердое желаніе — сохранить миръ, но непосредственно за этимъ у него произошелъ разговоръ съ императрицей, продолжавшійся до часу ночи, и жребій былъ брошенъ...

Въ Парижѣ были убѣждены, что Франція останется побѣдительницей. Страницы *Воспоминаній*, по этому поводу, въ высшей степени любопытны. Столичное населеніе выказало во всемъ блескѣ исконную самонадѣянность французскихъ героевъ, ихъ органическое презрѣніе къ «варварамъ», національную надменность, доходящую до высоко-комическихъ сценъ. По улицамъ Парижа раздавались крики: «*Въ Берлинъ!*», продавался спеціальный *франиузско-нѣмецкій словарь для французовъ въ Берлинѣ*, одинъ извозчикъ, доставившш прусскаго офицера на вокзалъ, отказался взять плату, произнесши такую фразу: «Никто не платитъ за свои

похороны, и вы, м. г., можете быть покойны,—я выполнилъ для васъ обязанности факельщика. Прощайте». Эти слова характеризовали вообще настроеніе низшихъ классовъ парижскаго населенія. По улицамъ распѣвали *Марсельезу*, на каждомъ шагу встрѣчались такія сцены: женщина держала на рукахъ малютку, едва умѣющаго говорить, но поющаго воинственный гимнъ, публика плотной стѣной окружала пѣвца и при заключительномъ аккордѣ разражалась бурными апплодисментами. Въ театрахъ тоже самое одушевленіе: актрисы должны были исполнять *Марсельезу* чуть не ежедневно. Когда пришло извѣстіе о томъ, что французамъ попалось нѣсколько нѣмцевъ въ плѣнъ, въ Парижѣ стали требовать, чтобы плѣнниковъ доставили въ столицу и выставили ихъ публично. А пока на бульварныхъ сценахъ давали представленія, гдѣ французы являлись героями, а нѣмцы на колѣняхъ просили у нихъ пощады. Вообще, поведеніе парижанъ напоминало скорѣе становище дикарей, чѣмъ столицу культурнаго міра.

Но ослѣпленіе должно было исчезнуть съ безпощадной, убійственной быстротой. Не смотря на всѣ усилія цензуры, бѣдствія французской арміи стали извѣстны парижанамъ изъ иностранныхъ газетъ, а скоро эти бѣдствія не было никакой нужды и скрывать. Авторъ мимоходомъ касается событій, сопровождавшихъ паденіе имперіи, но очень подробно останавливается на описаніи осады. Онъ все время оставался въ Парижѣ, и его разсказъ—драгоцѣннѣйшій матеріалъ, чуждый всякаго пристрастнаго чувства. Вначалѣ парижанамъ трудно было увѣровать въ окончательную гибель своихъ силъ, и въ столицѣ, уже окруженной нѣмецкими войсками, долго еще продолжалась обычная жизнь, сыпались остроты на нѣмцевъ, въ громадномъ количествѣ истреблялось вино, слышались патріотическіе крики, страсбургская статуя сдѣлалась пунктомъ паломничествъ. Здѣсь происходили такія сцены. Являлся какой-нибудь гражданинъ въ сопровожденіи своего малолѣтняго сына и произносилъ по его адресу, но на самомъ дѣлѣ по адресу толпы,—напыщенную рѣчь. Публика горячо апплодировала, и ораторъ удалялся въ торжественномъ молчаніи. Подобные эпизоды заставляютъ разсказчика припомнить саркастическое выраженіе Гейне: «Всѣ французы—актеры и худшіе изъ нихъ—въ театрѣ». Но не всѣ удовлетворялись только патріотическими аріями или рѣчами. Многіе патріоты пустились въ изобрѣтательность и наперерывъ представляли властямъ проекты, какъ истребить нѣмцевъ во мгновеніе ока. Авторъ терпѣливо пересказываетъ нѣкоторые изъ этихъ проектовъ, явно характеризующіе больное воображеніе изобрѣтателей съ примѣсью чисто-французскаго легкомыслія и самоувѣренности. Эти черты даютъ «англичанину» множество мотивовъ для злыхъ замѣчаній, всегда, впрочемъ, иллюстрируемыхъ фактами. Рядомъ идутъ сообщенія и гораздо болѣе печальнаго характера. Помимо патріотическихъ изобрѣтеній, парижанами во время осады овладѣла манія погони за шпіонами. Лавочникамъ и рабочимъ всюду грезились шпіоны, и самъ авторъ *Воспоминаній* сталъ однажды жертвой этой подозрительности, отнюдь не шуточной: въ случаяхъ такого рода всегда шелъ вопросъ о жизни подозрѣваемаго, не сумѣвшаго оправдаться или просто найтись.

Не все только комическія и болѣзненно-патріотическія сцены совершались въ осажденномъ Парижѣ. Авторъ цѣлую главу посвящаетъ самому жестокому вопросу—голоду, разразившемуся зимой надъ населеніемъ. Авторъ увѣряетъ, что никто въ Парижѣ за все время осады не умеръ голодной смертью, но его подробнѣйшія сообщенія о томъ, чѣмъ питались парижане и провинціалы, переполнившіе столицу,—по истинѣ ужасны. И вотъ здѣсь-то выказалась доблестная сторона французскаго характера. Авторъ не говоритъ объ отчаяніи, даже о мольбахъ. Напротивъ, театры, сначала-было прекратившіе свою дѣятельность, снова открылись, толпа переполняла ихъ во время жестокихъ лишеній, неизмѣнное французское *esprits* и не думало умирать или уступать мѣсто горю, остроты сыпались на парижскихъ улицахъ при самыхъ тягостныхъ обстоятельствахъ, обычная *blague* даже пріобрѣтала особенную пикантность въ то время, когда улицы не освѣщались, крысы и мыши считались роскошнѣйшимъ блюдомъ, многіе смѣльчаки покушались даже на собакъ... Французскому поваренному искусству предстояли критическія испытанія и англичанинъ свидѣтельствуетъ, что оно вышло изъ этихъ испытаній съ честью. Его однажды угостили обѣдомъ изъ «полевыхъ мышей» и «толстыхъ крысъ», и онъ остался въ полномъ восторгѣ, въ теченіи всего обѣда даже не заподозривъ истины... Въ заключеніе онъ выслушалъ отъ хозяина цѣлую лекцію на счетъ того, что французская кухня можетъ замаскировать рѣшительно какое угодно мясо и французскій соусъ превратитъ въ очаровательное блюдо все, что угодно, за исключеніемъ собаки... Авторъ испыталъ справедливость этихъ словъ на самомъ себѣ... Авторъ приводитъ подробные списки цѣнъ на разные «продукты» во время осады: во главѣ списка стоитъ: «собака или кошка—20 франковъ», «крыса, ворона или воробей отъ 3 до 4...» И все это парижане выносили съ невозмутимымъ мужествомъ. Даже бомбардировка не лишила ихъ обычнаго настроенія...

Воспоминанія заканчиваются разсказомъ о коммунѣ. Здѣсь авторъ опять не даетъ ничего новаго все по тѣмъ же причинамъ—по своимъ аристократическимъ чувствамъ и по непониманію народныхъ движеній. Но этотъ пробѣлъ вполнѣ искупается свѣдѣніями о другихъ сторонахъ и событіяхъ парижской жизни. Эти свѣдѣнія даютъ право запискамъ «англичанина» считаться важнымъ историко-общественнымъ документомъ для многихъ важнѣйшихъ фактовъ французской жизни нашего вѣка.

Софія Кавосъ-Дехтерева. А. Г. Рубинштейнъ. Біографическій очеркъ 1829—1894 г. и музыкальныя лекціи 1888—89 г. Съ двумя портретами и 35 нотными примѣрами. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.—«Не стало Рубинштейна, не стало цѣлаго музыкальнаго міра... Только теперь, при всей жгучей боли утраты понятно, что это была за личность, что это была за сила»... Такъ начинаетъ свой «біографическій» очеркъ г-жа Софія Кавосъ-Дехтерева, и читатель, судя по такому началу, можетъ невольно подумать, что предъ нимъ—не біографія, а некрологъ, написанный въ обычномъ хвалебномъ стилѣ, съ необходимыми вздохами, восклицаніями и краснорѣчи-

выми многоточіями. И чѣмъ далѣе знакомится онъ съ очеркомъ, тѣмъ болѣе убѣждается, что первое впечатлѣніе его не обмануло,— тонъ некролога выдержанъ до конца въ совершенствѣ. На протяженіи всей книги г-жа Софія Кавосъ-Дехтерева ни на минуту не выходитъ изъ роли плачущей музы надъ урной съ прахомъ «единственнаго, великаго, незабвеннаго», лишь мѣстами позволяя себѣ легкія уклоненія въ сторону, въ видѣ намековъ «на то, чего не вѣдаетъ никто».

Въ результатѣ такой работы получился не тотъ Рубенштейнъ, какого всѣ знали, образъ котораго чуть не съ дѣтства сроднился съ каждымъ—величавый и страстный, своенравный и необузданный, большой человѣкъ, почти геній, съ громаднымъ талантомъ, но и крупными недостатками, а какой-то Рубенштейнъ въ миньятюрѣ, если можно такъ выразиться, дамскій Рубинштейнъ, приглаженный и франтоватый, неизмѣнно въ бѣлыхъ перчаткахъ, сентиментальный и претенціозный, скромный и благодушный, ласковый и добрый, примѣрный семьянинъ и общественный дѣятель,—словомъ, вмѣстилище всѣхъ добродѣтелей, какъ ихъ понимаетъ г-жа Софія Кавосъ-Дехтерева. Можно представить, какъ-бы вскипѣлъ отъ негодованія подлинный Рубинштейнъ, прочитавъ этотъ «біографическій» очеркъ, изображающій его такимъ «душкой», если позволительно къ такому колоссу примѣнять такія уменьшительныя названія. Онъ—добрый и благодушный, этотъ порывистый гигантъ съ львиной гривой, сумрачными и гнѣвными глазами, надменнымъ лицомъ, на которомъ всѣ страсти, кажется, оставили отпечатокъ, на которомъ, что угодно, можно прочесть, только не доброту и благодушіе. Онъ—тихій и скромный, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ надпись, сдѣланная имъ самому себѣ въ альбомѣ М. В. Семевскаго: «Dieu ne puis, roi ne daigne, artiste je suis»,—надпись, въ которой сказался весь Антонъ Григорьевичъ, артистъ прежде всего и исключительно артистъ, для котораго внѣ музыки ничего не существовало, который любилъ только музыку, жилъ ею и для нея. «Человѣкъ, выпуская въ свѣтъ свое сочиненіе,—говоритъ онъ въ статьѣ «О музыкѣ въ Россіи»,—долженъ стараться пріобрѣсть имъ имя въ музыкѣ, право на славу, европейскую извѣстность, безсмертіе, и только тогда онъ будетъ работать такъ, какъ работаютъ, когда хотятъ сдѣлаться достойными своего исскуства. Для этого надо быть *свято и всецѣло артистомъ* и, главное, ничего не дѣлать *безъ честолюбія*». Эти нѣсколько строчекъ лучше характеризуютъ Рубенштейна, чѣмъ двѣсти страницъ жеманныхъ величаній г-жи Софіи Кавосъ-Дехтеревой. Общественнымъ дѣятелемъ онъ никогда не былъ въ томъ смыслѣ, какъ его представляетъ авторъ, чуждался этой дѣятельности и уходилъ отъ нея при первой возможности, чувствуя себя счастливымъ только вдали отъ всѣхъ, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, гдѣ-бы никто не мѣшалъ ему жить въ мірѣ звуковъ. Совершенно невѣрно утвержденіе г-жи Софіи Кавосъ-Дехтеревой, будто «музыкальное дѣло, какъ школа, обязано у насъ *единственно ему* своимъ возникновеніемъ и *широкимъ* развитіемъ». Какъ человѣкъ необыкновенно правдивый, до грубости, покойный

первый протестовалъ бы противъ этого. Въ письмѣ въ «Нов. Время», приводимомъ и г-жею Софіей Кавосъ-Дехтеревой, онъ самъ называетъ себя «*однимъ* изъ главныхъ зачинщиковъ» учрежденія консерваторій—и только. «Широкое развитіе» ихъ шло помимо его и въ разрѣзъ съ его основнымъ взглядомъ на консерваторіи, какъ на школы только для избранныхъ, а не для всѣхъ, жаждущихъ музыкальнаго образованія. Изъ-за этого онъ и разошелся съ остальными «главными зачинщиками» петербургской консерваторіи, «которая,—по его словамъ въ «Автобіографіи»,—должна была вырости въ вышину, а раздалась въ *ширь* и стала музыкальной фабрикой».

Не касаясь другихъ невѣрностей, неточностей и извращеній, отмѣтимъ еще одну, въ высшей степени характерную черту—характерную не для Рубинштейна, который въ этомъ неповиненъ, а для «біографическаго» очерка г-жи Софія Кавосъ-Дехтеревой «Совершенно естественно, — говоритъ она вначалѣ, — начинать біографію лица съ характеристики его родителей и даже иногда искать объясненія его психологическихъ особенностей въ жизни и привычкахъ его предковъ». Мысль—вполнѣ вѣрная, и едва ли для подтвержденія ея необходимо привлекать къ отвѣтственности авторитеты, въ родѣ Гальтона, де-Кандоля и Рибо, какъ дѣлаетъ нашъ авторъ. Послѣ этого читателю «совершенно естественно» ожидать, что г-жа Софія Кавосъ-Дехтерева скажетъ ему, кто былъ по происхожденію Рубинштейнъ, какой національности, тѣмъ болѣе, что самъ Рубинштейнъ,—если вѣрить автору очерка,—придавалъ «огромное значеніе національности въ музыкѣ». Но, къ великому удивленію читателя, ни въ началѣ, ни въ концѣ, ни во всей книгѣ, г-жа Софія Кавосъ-Дехтерева ни однимъ словомъ не обмолвилась о національности Рубинштейна. Прочитавъ съ большимъ вниманіемъ ея очеркъ, мы такъ и остаемся въ недоумѣніи, да кто же такой былъ Рубинштейнъ,—нѣмецъ, французъ, итальянецъ, испанецъ? Мыслимо ли представить біографію Гейне или Бэрне, Мейербера или Мендельсона, въ которой бы не было ни слова о томъ, что эти великіе писатели и композиторы были евреи? Г-жа Софія Кавосъ-Дехтерева ухитрилась, однако, не смотря на велерѣчивую ссылку на Гальтона, де-Кандоля и Рибо,—написать «біографію», обойдя молчаніемъ важнѣйшій во всякой біографіи вопросъ о національности. Для читателя такъ и остается тайной такой, вѣроятно, по мнѣнію г-жи Софіи Кавосъ-Дехтеревой, ужасный фактъ, что Рубинштейнъ, онъ «единственный, незабвенный, великій и проч.»,—былъ... еврей, и еврей самый настоящій, «von echtem Schrot und Korn», какъ говорятъ нѣмцы. Отецъ его былъ купецъ изъ Бердичева, а мать изъ силезскихъ евреевъ, по фамиліи Левенштейнъ.

Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ, на стр. 136—137, г-жа Софія Кавосъ-Дехтерева, стыдливо опустивъ глаза и краснѣя отъ смущенія, шепчетъ на ушко читателю: «Къ Рубинштейну часто были несправедливы и старались умалить его заслуги. *Не находя для этого достаточнаго матеріала, главной темой для его отчужденія была современная тема о происхожденіи.* Чувствительный и

чуткій по натурѣ, Антонъ Григорьевичъ очень огорчался этимъ отношеніемъ: «Евреи считаютъ меня христіаниномъ, — говорилъ онъ,—христіане—евреемъ, классики—вагнеріанцемъ, вагнеріанцы—классикомъ, русскіе — нѣмцемъ, нѣмцы — русскимъ». «Удивительно!—восклицаетъ г-жа Софія Кавосъ-Дехтерева—до чего близоруки бываютъ люди! Точно для всякаго народа не огромная честь считать между своими Рубинштейна и будущія поколѣнія не будутъ оспаривать другъ у друга право причислить его славное имя къ своей національности». Да, люди бываютъ подчасъ удивительно близоруки! Вся Россія знаетъ, кто былъ Рубинштейнъ, а г-жа Софія Кавосъ-Дехтерева изо всѣхъ силъ старается скрыть это отъ будущихъ поколѣній.

Позволительно спросить, однако, зачѣмъ г-жа Софія Кавосъ-Дехтерева скрываетъ національность Рубинштейна? Если съ цѣлью его возвеличенія, то это—чисто медвѣжья услуга. Самъ покойный никогда не скрывалъ этого: онъ былъ слишкомъ великъ для подобныхъ мелочей. Но, если бы даже и скрывалъ,—что, конечно, не дѣлало бы ему чести,—то всякій добросовѣстный біографъ не долженъ подражать ему. Ибо, перефразируя стихъ, приведенный г-жею Софіей Кавосъ-Дехтеревой, «прекрасное останется величавымъ», хотя бы и происходило изъ народа... давшаго міру Христа.

Такъ, расписывая своего героя розовыми красками съ головы до пятъ, г-жа Софія Кавосъ-Дехтерева не замѣчаетъ, что въ своемъ усердіи низводитъ его съ пьедестала, который онъ занимаетъ по праву. Не считаясь ни съ исторической правдой, ни съ тѣмъ, что личность великаго артиста еще слишкомъ близка къ намъ, слишкомъ жива въ памяти всѣхъ, г-жа Софія Кавосъ-Дехтерева только затемняетъ его образъ, извращая его истинный характеръ и представляя въ ложномъ свѣтѣ то, что не боится никакого свѣта. Можно сказать, Рубинштейнъ, этотъ счастливецъ и баловень судьбы при жизни, терпитъ теперь, подъ перомъ г-жи Софіи Кавосъ-Дехтеревой, жестокую казнь послѣ смерти. Но, мы надѣемся, эту незаслуженную обиду съумѣетъ загладить другой, болѣе безпристрастный и опытный, біографъ, представивъ личность и жизнь знаменитаго «маэстро» въ настоящемъ свѣтѣ, безъ умолчаній, прикрасъ и преувеличеній, въ которыхъ меньше всего нуждается Рубинштейнъ: онъ достаточно великъ самъ по себѣ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

А. А. Исаевъ. «Начала политической экономіи».—«Библ. общественныхъ знаній»: *Бруно Шенланкъ.* «Промысловые синдикаты».—В. В. «Артель въ кустарномъ производствѣ».

А. А. Исаевъ. Начала политической экономіи. С.-Петербургъ. 1894. У насъ есть довольно много руководствъ по политической экономіи, разсчитанныхъ на болѣе подготовленнаго читателя и излагающихъ предметъ въ объемѣ университетскихъ курсовъ. Въ свое время былъ очень популяренъ курсъ г. Иванюкова, привлекавшій читателей легкостью и живостью изложенія.

Два года тому назадъ вышелъ курсъ г. Чупрова, очень сжатый, имѣющій даже нѣсколько конспективный характеръ, но въ тоже время весьма содержательный и научный. Курсъ г. Исаева, вышедшій въ прошломъ году, былъ встрѣченъ очень сочувственно всей нашей печатью, и за короткое время выдержалъ два изданія. Успѣхъ обязываетъ, и потому мы вправѣ предъявлять работѣ г. Исаева тѣмъ болѣе серьезныя требованія, чѣмъ несомнѣннѣе ея успѣхъ.

Г-нъ Исаевъ заявляетъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ дедуктивнаго метода въ политической экономіи. По его мнѣнію, экономическіе факты не могутъ быть открыты путемъ изученія конкретныхъ явленій, какъ бы ни были точны и многочисленны наши наблюденія. Единственное средство возвыситься надъ грубыми, эмпирическими обобщеніями заключается въ выводѣ общихъ законовъ, управляющихъ хозяйственной дѣятельностью человѣка, изъ немногихъ точно установленныхъ основныхъ посылокъ, играющихъ въ экономической наукѣ такую же роль, какъ въ геометріи аксіомы. Дѣйствительная жизнь слагается изъ взаимодѣйствія множества самыхъ разнообразныхъ факторовъ; если въ опредѣленный моментъ не наступаетъ того или иного слѣдствія, предвидимаго теоріей, то это еще не значитъ, что теорія не вѣрна. Дѣйствіе одного экономическаго фактора можетъ быть нейтрализовано другимъ—и этимъ объясняются кажущіяся противорѣчія теоріи и практики.

При такомъ взглядѣ на задачи и методы политической экономіи, естественно ожидать, что г. Исаевъ будетъ особенно точенъ и тщателенъ въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ. Между тѣмъ, его курсъ составленъ такъ, какъ будто авторъ совсѣмъ не считаетъ теорію важной вещью, а предпочитаетъ ей тѣ самые факты и указанія практики, которые онъ признаетъ непригодными для выработки научныхъ законовъ. Тѣ главы курса, въ которыхъ описываются явленія русской хозяйственной жизни, читаются съ большимъ интересомъ. Но когда авторъ переходитъ къ рѣшенію вопросовъ болѣе абстрактнаго характера, читатель почти всегда остается неудовлетвореннымъ. Чтобы дать понятіе, на какихъ шаткихъ основаніяхъ, авторъ строитъ свою теорію, приведемъ нѣсколько опредѣленій г-на Исаева.

Вотъ, напр., какъ опредѣляетъ авторъ цѣнность: «Цѣнность есть способность блага обмѣниваться на другія блага» (стр. 8). Г-нъ Исаевъ—горячій защитникъ такъназыв. трудовой теоріи цѣнности,—ученія, по которому предметы заимствуютъ свою цѣнность отъ затраченнаго на производство ихъ труда. Въ такомъ случаѣ, цѣнностью должны обладать продукты труда и при полномъ отсутствіи обмѣна, напр., въ натуральномъ хозяйствѣ, а слѣдовательно, и нельзя вводить элементъ обмѣна въ опредѣленіе цѣнности.

«Богатствомъ называемъ мы большое имущество сравнительно со многими другими имуществами» (стр. 9). Нельзя сказать, чтобы это опредѣленіе было особенно ясно. Можна было бы привести гораздо больше примѣровъ подобныхъ неудачныхъ опредѣленій

въ курсѣ г. Исаева. Въ концѣ концовъ, все это было бы не такъ важно, если бы неточность опредѣленій не отражалась на неточности и даже нѣкоторой спутанности выводовъ. Къ сожалѣнію, этимъ страдаютъ многіе отдѣлы разбираемаго курса. Такъ, напр., ученіе о капиталѣ изложено г. Исаевымъ очень неясно, отчасти вслѣдствіе неудачнаго опредѣленія капитала. Авторъ совершенно игнорируетъ различіе капитала съ національной и частно-хозяйственной точки зрѣнія и считаетъ возможнымъ умолчать о свойствѣ капитала давать доходъ, не основанный на трудѣ—прибавочную цѣнность. Все изложеніе ведется такъ, какъ будто обѣ функціи капитала въ современномъ хозяйствѣ—быть средствомъ производства и источникомъ прибыли—совершенно совпадаютъ и находятся въ полной гармоніи другъ съ другомъ. А что это не такъ, можно видѣть хотя бы изъ примѣра машинъ, которыя употребляются въ странахъ съ высокой заработной платой, и не выдерживаютъ конкурренціи съ ручнымъ трудомъ въ странахъ, гдѣ заработная плата низка, хотя въ обѣихъ случаяхъ производительность машины одинакова. Вообще, отдѣлъ о капиталѣ кажется намъ однимъ изъ самыхъ слабыхъ въ книгѣ г. Исаева.

Въ отдѣлѣ о производствѣ поражаетъ странная группировка предмета. Подъ общимъ заголовкомъ «Системы хозяйства», говорится о вещахъ совершенно различныхъ—системахъ полеводства—переложенной, трехпольѣ, плодосмѣнной и пр., и о формахъ промышленныхъ предпріятій—ремеслѣ, мануфактурѣ и фабрикѣ. Между тѣмъ, системы полеводства отличаются другъ отъ друга только по условіямъ земледѣльческой техники, а различіе ремесла, мануфактуры и фабрики имѣетъ соціальный характеръ. Подъ рубрику формы *производства* помѣщено общинное *землевладѣніе*. Авторъ, очевидно, чувствовалъ, что производство и владѣніе не одно и тоже, и потому во вступительной главѣ къ этому отдѣлу говоритъ объ *общинномъ производствѣ*. Но вѣдь это нѣчто совсѣмъ иное: при общинномъ землевладѣніи преобладающую роль играетъ единоличное или семейное производство. Въ какой же странѣ крестьянское хозяйство основывается на общинномъ *производствѣ*? Во всякомъ случаѣ не въ Россіи.

Гораздо лучше обработанъ отдѣлъ о распредѣленіи. Г-нъ Исаевъ считаетъ ошибочнымъ извѣстное ученіе Тюрго—Рикардо, что заработная плата тяготѣетъ къ минимуму средствъ существованія рабочаго. Противъ этого ученія нерѣдко возражаютъ, что заработная плата можетъ быть выше уровня, строго необходимаго для жизни. Г-нъ Исаевъ не согласенъ съ ученіемъ классической школы по совершенно противоположнымъ основаніямъ. Въ краснорѣчивыхъ страницахъ онъ описываетъ, какъ тяжело положеніе рабочаго во всѣхъ странахъ Европы, какъ многаго не хватаетъ рабочему, чтобы удовлетворять свои самыя элементарныя потребности въ пищѣ, одеждѣ и свѣжемъ воздухѣ. Изъ этого авторъ заключаетъ, что дѣйствительная заработная плата никогда не достигаетъ минимума средствъ существованія. Только тогда можно будетъ сказать, что рабочій имѣетъ строго необходимое для жизни, когда его жизнь не будетъ сокращаема постоянными ли-

шеніями и борьбой съ нуждою. Во всемъ этомъ много правды, но, по нашему мнѣнію, г-нъ Исаевъ, по французской пословицѣ, ломится въ открытую дверь. Трудно заподозрить въ несочувствіи рабочему классу или излишнемъ оптимизмѣ такихъ сторонниковъ «желѣзнаго закона заработной платы», какъ, напр., извѣстный нѣмецкій экономистъ, окрестившій этимъ именемъ ученіе Рикардо. Послѣдователи этого ученія не отрицаютъ тяжелаго положенія рабочихъ; но какъ бы ни была низка заработная плата, во всякомъ случаѣ она достаточна, чтобы рабочій рынокъ не опустѣлъ, а въ этомъ и заключается весь смыслъ ученія Рикардо.

Двѣ обширныхъ главы авторъ отводитъ вопросу о хозяйственныхъ кризисахъ. Единственное коренное средство противъ кризисовъ заключается, по мнѣнію г-на Исаева, въ распространеніи такихъ промышленныхъ предпріятій, въ которыхъ рента, прибыль и заработная плата достаются одному и тому же лицу. Г-нъ Исаевъ надѣется, что наша община разовьется въ болѣе совершенную форму земледѣльческой производительной ассоціаціи, члены которой воспользуются выгодами производства въ крупныхъ размѣрахъ, сохраняя свою экономическую самостоятельность. Такой общинѣ не придется бояться кризисовъ. Съ послѣднимъ можно, пожалуй, согласиться, но откуда явится такая община—этого, г-нъ Исаевъ не объясняетъ.

Какъ уже сказано выше, въ курсѣ г-на Исаева много мѣста отведено Россіи. Авторъ не отрицаетъ, что Россія теперь переживаетъ тяжелый кризисъ, который можетъ кончиться крушеніемъ общины и кустарнаго производства. На кустарное производство г-нъ Исаевъ не возлагаетъ большихъ надеждъ; по его мнѣнію, значительная часть кустарныхъ промысловъ должна быть поглощена фабрикой, и только мелкія производства, матеріалъ для которыхъ дешевъ или подъ рукою, могутъ сохраниться еще долгое время, и то лишь въ томъ случаѣ, если правительство и общество придутъ на помощь кустарямъ открытіемъ дешеваго кредита и устройствомъ артельныхъ складовъ. Зато община и артель, по мнѣнію г. Исаева, должны реформировать все наше народное хозяйство, такъ какъ въ нихъ заложено великое начало коллективнаго производства.

Въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ нашей экономической политики г-нъ Исаевъ постоянно руководится горячимъ сочувствіемъ къ трудящемуся люду, не дѣлая, при этомъ, себѣ кумира изъ мужика и мужицкаго строя жизни, подобно большинству нашихъ «народниковъ». Именно благодаря этому, новый курсъ политической экономіи, несмотря на указанныя слабыя стороны, можетъ быть очень полезенъ не только для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ онъ прежде всего назначается, но и для широкой публики.

Библіотека Общественныхъ Знаній. Вып. I. Бруно Шенланкъ. Промысловые синдикаты (картели, трэсты и пр.). Пер. съ нѣмецкаго Л. Зака. Приложеніе. Синдикаты въ Россіи С. Сергѣева. Ц. 20 к. Одесса. 1895. Картели или синдикаты, союзы предпринимателей для регулированія производства и торговли, появились еще очень недавно.

Но развитіе ихъ шло съ такой поражающей быстротой, что теперь вопросъ о картеляхъ принадлежитъ къ числу самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности. Какъ относиться къ этимъ гигантскимъ союзамъ капитала, грозящимъ совершенно уничтожить частную предпріимчивость и превратить безчисленныя отдѣльныя частныя предпріятія, въ одно планомѣрное, организованное и управляемое немногими лицами общественное хозяйство? Уже давно критики современнаго хозяйственнаго строя предсказывали, что свободная конкурренція должна неизбѣжно выродиться въ монополію.

И вотъ, это превращеніе совершается на нашихъ глазахъ. По мѣрѣ того, какъ денежные капиталы и средства производства сосредоточиваются все въ менѣе многочисленныхъ предпріятіяхъ, соглашеніе между предпринимателями становится легче выполнимымъ. Ожесточенная конкурренція на міровомъ рынкѣ, вызванная усовершенствованіемъ путей сообщенія и пріобщеніемъ многихъ странъ къ міровой культурѣ, привела къ паденію товарныхъ цѣнъ и предпринимательской прибыли. Тогда пробилъ часъ картелей.

Характеристику этихъ картелей и даетъ разбираемая брошюра Шенланка. Въ живой и увлекательной формѣ Шенланкъ объясняетъ значеніе картелей въ современномъ хозяйствѣ. Картели возникаютъ не вслѣдствіе покровительственныхъ пошлинъ, какъ думаютъ многіе правовѣрные экономисты (они существуютъ и въ классической странѣ свободной торговли—Англіи). Нѣтъ, они такой же естественный продуктъ экономическаго развитія, какимъ была фабрика по отношенію къ мелкому производству въ началѣ этого вѣка. Государство можетъ и должно бороться съ вредными сторонами картелей, но нечего надѣяться на уничтоженіе ихъ въ странахъ съ широко развитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, каковы Соединенные Штаты и Западная Европа.

Но въ какомъ положеніи стоитъ дѣло въ Россіи? Небольшая статейка г. Сергѣева даетъ на это вполнѣ правильный отвѣтъ. Русскіе синдикаты (напр.. знаменитая «нормировка» сахарозаводчиковъ и синдикатъ нефтепромышленниковъ) не вызывается, какъ на Западѣ, паденіемъ предпринимательской прибыли. У насъ капитализмъ и частная предпріимчивость пока развиты слабо, а прибыль громадна. Поэтому, мы еще не доросли до картелей, и наши картели только задерживаютъ наше экономическое развитіе, повышая цѣны товаровъ, въ ущербъ интересамъ потребителей и препятствуя расширенію производства, для котораго имѣется достаточно обширный рынокъ внутри страны.

Если бы читатель пожелалъ ознакомиться съ союзами предпринимателей болѣе обстоятельно, то ему можно порекомендовать недавно вышедшее обширное изслѣдованіе проф. И. И. Янжула «Промышленные синдикаты, или предпринимательскіе союзы».

Артель въ кустарномъ промыслѣ. В. В. С.-Петербургъ. 1895 г. 1 руб. Лѣтъ 9 тому назадъ вышла очень интересная книжка г. В. В.: «Очерки кустарной промышленности», обратившая на себя должное вниманіе всѣхъ, интересующихся русской экономической жизнью, и познакомившая читающую публику со многими такими сторо-

нами кустарной промышленности, которыя до того времени оставались для громаднаго большинства интеллигенціи terra incognita. Такъ, изъ книжки В. В. мы узнали, что мелкими промыслами въ Россіи занимаются до *пяти милліоновъ* человѣкъ, узнали о той роли, какую играютъ здѣсь женщины и дѣти, познакомились съ формами сбыта кустарныхъ издѣлій (непосредственныя сношенія производителей съ потребителями и участіе скупщиковъ), съ кредитомъ среди кустарей (отсутствіе въ большинствѣ случаевъ кредита и закабаленіе кустарей кулаку-скупщику, кредитъ частныхъ лицъ, денежный и натуральный, волостныя кассы и ссудосберегательныя товарищества), съ техникой кустарнаго производства и т. п. Въ этой же книжкѣ находится глава о «примѣненіи кооперацім къ мелкому производству»,—глава, которая и послужила самостоятельной темой для другого труда того же автора: «Артель въ кустарномъ промыслѣ».

Первичная и самая естественная форма артельнаго начала въ кустарномъ промыслѣ, это—*семейная ассоціація*. Само собою разумѣется, что артельное начало можетъ оставаться въ этихъ узкихъ рамкахъ лишь до тѣхъ поръ, пока позволяютъ самые размѣры того или другого производства или какія-либо иныя условія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда кустарю предстоитъ «операція, превышающая силы семьи, онъ обращается за помощью къ сосѣдямъ, причемъ обыкновенно участіе послѣднихъ построено на началѣ взаимопомощи, хотя иногда здѣсь играетъ роль и плата за трудъ деньгами». Среди кустарей довольно часто практикуется обычай созывать такъ называемыя «*помочи*», которыя обыкновенно обращаются во взаимопомощь, т. е. сначала сообща работаютъ у одного кустаря, затѣмъ, переходятъ къ другому, отъ этого къ третьему и т. д.; такія помочи угощеніями не сопровождаются (между тѣмъ какъ въ сельскохозяйственныхъ «позовушкахъ» угощеніе стоитъ на первомъ планѣ, и интенсивность работы «помочанъ» — прямо пропорціональна количеству предлагаемой хозяиномъ водки и разныхъ яствъ). Не менѣе важное значеніе имѣетъ *примѣненіе артельнаго начала къ пріобрѣтенію* нужнаго для кустарей *сырого матеріала*, кожи, желѣза, дерева и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, всякому хорошо извѣстно, что покупка какого бы то ни было товара въ розницу и по мелочамъ обходится несравненно дороже, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она совершается сообща и оптомъ. Но оптовая покупка матеріаловъ союзомъ кустарей не такъ широко практикуется, какъ это можно было бы предполагать: частію бѣдность мелкихъ промышленниковъ, частію другія обстоятельства не позволяютъ имъ пріобрѣтать болѣе или менѣе цѣнный товаръ сообща и оптомъ. Тѣмъ или инымъ мелкимъ производствомъ чаще всего кустари занимаются въ своихъ жилыхъ избахъ. Однако, есть промыслы, «всѣ или отдѣльныя операціи которыхъ не могутъ абсолютно быть исполняемы въ жилыхъ помѣщеніяхъ или могутъ вестись въ нихъ съ крайними неудобствами для семьи кустаря и съ ущербомъ для качества издѣлія». Но артельное начало и здѣсь помогаетъ кустарю, послѣдній старается устроить *мастерскія сообща* съ другими производителями. Такъ возникаютъ артельныя

кузницы и смолокуренные заводы. Нерѣдко бываютъ такіе случаи, когда кустари *совмѣстно продаютъ свои издѣлія.* «Сговорившись торговать вмѣстѣ на ярмаркѣ, кустари назначаютъ цѣны издѣліямъ и уговариваются, сколько кому выставить товару. На ярмаркѣ одинъ продаетъ, другой получаетъ деньги, третій записываетъ. При такой торговлѣ цѣны нѣсколько повышаются, но при этомъ требуется участіе всѣхъ прибывшихъ на ярмарку представителей даннаго промысла. Общая продажа ведетъ къ сокращенію ярмарочныхъ расходовъ». Наконецъ, кустари соединяются въ такъ называемыя *производительныя артели*, т. е. сообща выполняютъ то или другое производство, что представляетъ для нихъ немаловажныя преимущества предъ одиночнымъ трудомъ. Таковы тѣ общіе выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, на основаніи массы фактическаго матеріала, придающей труду его особую цѣнность.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

А. Д. Градовскій. «Государственное право». — Изданія «Международной библіотеки»: *А. Шенбахъ.* «Государственный строй Сѣверо-Американскихъ Штатовъ»; по *Лабанду* «Государственный строй Германской имперіи»; по *Лебону* «Государственный строй Франціи». — *Ф. Мартенсъ.* «Современное международное право».

А. Д. Градовскій. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Лекціи, читанныя въ 1885 году. Издано подъ редакціей Н. М. Коркунова. Спб. 1895. 3 р. 528 стр. Недавно вышедшая книга покойнаго профессора с.-петербургскаго университета А. Д. Градовскаго пополняетъ очень важный пробѣлъ въ русской общеобразовательной литературѣ. Оставляя совершенно въ сторонѣ Россію, для которой по тому же вопросу существуетъ нѣсколько весьма хорошихъ книгъ *), Градовскій занимается исключительно устройствомъ только такъ-называемыхъ конституціонныхъ государствъ, т. е. государствъ западной Европы и Америки (о которой въ заголовкѣ книги не упоминается). Въ первой части своей книги Градовскій объясняетъ сущность конституціоннаго строя. Конституціонныя государства, какъ всѣ вообще государства, сильно различаются другъ отъ друга по своему устройству: въ однихъ (напр., въ Ури, Унтервальденѣ и др. кантонахъ Швейцаріи) законодательная власть принадлежитъ всему народу и отправляется имъ на всенародныхъ сходкахъ, эта же власть контролируетъ выбранныхъ ею же чиновниковъ; въ другихъ (напр., въ Германіи) законодательная власть принадлежитъ парламенту, т.-е. собранію депутатовъ, выбранныхъ народомъ; надъ чиновниками же, приводящими законы въ исполненіе, народъ ни прямо, ни черезъ посредство своихъ депутатовъ не имѣетъ власти. Общее тутъ то, что государственная власть во всей полнотѣ или одна изъ важнѣй-

*) Между прочимъ, того же Градовскаго: «Начала русскаго государственнаго права». 3 тома. Спб. 1875—1887. Цѣна 7 р. 50 к. Также Коркунова: «Русское государственное право». 2 тома. Спб. 1892—1893. Цѣна 5 р.

шихъ ея частей принадлежитъ народу, прямо или въ лицѣ его представителей. Однако, сущность конституціоннаго строя вовсе не въ этомъ: то же самое было, напр., въ древнихъ Аѳинахъ и въ республиканскій періодъ Рима,—и, однако, эти государства никѣмъ не называются конституціонными. Современныя конституціонныя государства, какъ республики, такъ и монархіи, одинаково отличаются отъ древнихъ демократій не тѣмъ, что въ нихъ государственная власть принадлежитъ кому-нибудь другому, а тѣмъ, что свойства отношеній государственной власти къ управляемымъ, другими словами, тѣ условія, тотъ способъ и форма, въ которыхъ она осуществляетъ свои верховныя права, стали совершенно иными. Въ древнихъ демократіяхъ личность гражданина цѣликомъ принадлежала государству; государство могло сдѣлать съ нею все, что ему заблагоразсудилось бы; родъ жизни, одежда, вступленіе въ бракъ,—все это подлежало общественному контролю; человѣкъ не обладалъ ни однимъ правомъ, которое не могло бы быть у него отнято распоряженіемъ государственной власти. Совершенно иное наблюдается въ современныхъ конституціонныхъ странахъ: государственная власть принадлежитъ прямо или косвенно, цѣликомъ или частью, тому же народу, но дѣятельность ея связана *письменными законами*, такъ-называемыми *конституціями*. Нарушеніе ихъ, правда, не невозможно и теперь, но очень трудно въ истинно-конституціонныхъ государствахъ; законная ихъ перемѣна тоже сопряжена съ большими трудностями, хотя и иного рода. Англія—единственное изъ конституціонныхъ государствъ, гдѣ нѣтъ писанной конституціи, но въ ней эта конституція такъ ярко написана въ сердцѣ гражданъ, что нарушеніе ея еще гораздо труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Всѣ эти конституціи, писанныя и не—писанныя, гарантируютъ, хотя и весьма различно, извѣстныя права гражданъ: право личной свободы, свободы религіи, печати, передвиженія, правосудія и т. д. Гдѣ нарушеніе этихъ правъ безусловно необходимо, какъ, напр., обязательная воинская повинность или арестъ лицъ для защиты общества отъ преступленій, тамъ эти вторженія въ область личной свободы человѣка производятся въ точно и ясно предписанныхъ конституціей или закономъ формахъ (Градовскій, стр. 1—92). Въ этомъ и заключается существо конституціоннаго строя.

Вопросъ, какимъ способомъ осуществляются имъ эти задачи, Градовскій разсматриваетъ во второй части своей книги (стр. 93—528). Послѣ общаго вступленія, онъ говоритъ о правахъ и обязанностяхъ королевской власти въ конституціонныхъ монархіяхъ; потомъ переходитъ къ организаціи, дѣятельности, способу избранія и проч. парламентовъ въ разныхъ странахъ. Тутъ онъ довольно подробно останавливается на разныхъ системахъ выборовъ депутатовъ, а также на сравнительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ дѣленія парламента на двѣ палаты—верхнюю и нижнюю (какъ въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Франціи и др.), или же однопалатнаго ея устройства (какъ въ Сербіи, Греціи и друг.). Одинъ отдѣлъ посвященъ организаціи исполнительной власти (министерствъ), а въ заключеніе Градовскій посвящаетъ особую главу

спеціально французской конституціи; конституцій другихъ странъ въ отдѣльности и такъ подробно онъ не разсматриваетъ.

Все это изложено Градовскимъ довольно кратко, бѣгло и иногда нѣсколько сухо, вслѣдствіе малаго объема книги сравнительно съ обширностью ея задачи, но въ общемъ ясно, просто и очень содержательно.

Переходя во второй части книги—къ догматическому изложенію государственнаго устройства, Градовскій дѣлаетъ такую оговорку: «многія конституціонныя хартіи не только позаимствовали другъ у друга часть своего содержанія, но являлись даже простой перепечаткой, такъ что отъ чисто догматическаго изложенія получается впечатлѣніе тождества. Но, принявъ во вниманіе исторію происхожденія учрежденій и фактическую подкладку дѣйствія конституціонныхъ законовъ, мы безъ особаго труда съумѣемъ найти различія и несоотвѣтствія между провозглашаемымъ принципомъ съ одной стороны и его осуществленіемъ — съ другой, что главнымъ образомъ и создаетъ тѣ особенности, которыми отличаются другъ отъ друга различныя формы конституціонной монархіи» (стр. 127—128). Къ сожалѣнію, читатель, недостаточно знакомый съ новѣйшей исторіей, не всегда съумѣетъ «безъ особаго труда найти различіе между провозглашаемымъ принципомъ и его осуществленіемъ». Такъ, напр., Градовскій указываетъ, что въ Италіи право голоса на парламентскихъ выборахъ принадлежитъ съ извѣстными ограниченіями народу; народу же, тоже съ извѣстными ограниченіями, это право принадлежитъ и въ Англіи. Повидимому, между государствами въ этомъ отношеніи существуетъ весьма большое сходство; въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе. Въ Англіи истекаетъ срокъ парламентскихъ полномочій; правительство распускаетъ парламентъ и назначаетъ новые выборы, и на этихъ выборахъ народъ нерѣдко посылаетъ въ парламентъ такихъ депутатовъ, которые заставляютъ правительство подать въ отставку. Распускаетъ парламентъ правительство въ Италіи; какъ бы народъ ни былъ недоволенъ этимъ правительствомъ, каково бы ни было это правительство, въ результатѣ выборовъ обыкновенно является парламентъ, его поддерживающій. Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что въ Англіи выбираютъ дѣйствительно всѣ тѣ, которые имѣютъ на то право и которые желаютъ воспользоваться своимъ правомъ; въ Италіи же чиновники, завѣдующіе организаціей выборовъ (составленіемъ списковъ избирателей и проч.), пускаютъ въ ходъ всевозможныя ухищренія, чтобы не допустить до выборовъ лицъ, подозрѣваемыхъ во враждебности министерству, и въ изобрѣтеніи этихъ средствъ доходятъ до виртуозности. Такъ, напр., въ Италіи имѣютъ право голосовать только грамотные, и вотъ нѣкоторые профессора университета не допускаются до выборовъ, такъ какъ они не представили доказательствъ грамотности. Въ Германіи и въ Болгаріи существуютъ, приблизительно, одинаковыя постановленія о свободѣ печати; между тѣмъ, въ Германіи дѣйствительно господствуетъ свобода печати, а въ Болгаріи газеты, возстающія противъ безобразій своего правительства, еле влачатъ существованіе. Дѣло въ томъ, что въ Болгаріи судьи на-

ходятся въ полной зависимости отъ правительства; поэтому, когда правительство отдаетъ редактора газеты подъ судъ за оклеветаніе князя или министра, то судъ неизбѣжно его осуждаетъ, хотя бы въ статьѣ была сама святая истина. Въ Германіи же судьи пользуются полною независимостью, и потому къ ихъ помощи правительство не можетъ прибѣгнуть для подавленія свободы печати.

Объ этой сторонѣ дѣла Градовскій почти не говоритъ. Чтобы понять ее, нужно болѣе глубокое знакомство съ государственнымъ правомъ *) и исторіей; книга же Градовскаго можетъ послужить хорошимъ вступленіемъ къ изученію государственнаго права вообще. Нѣкоторая устарѣлость книги (она написана въ 1885 г. и тогда же была отпечатана для студентовъ, слушателей Градовскаго; теперь же она только стала доступной для публики)—вещь, конечно, непріятная; но нѣкоторыя изъ происшедшихъ за послѣднія 10 лѣтъ измѣненій въ государственномъ строѣ европейскихъ державъ, хотя и безъ достаточной полноты, указаны въ примѣчаніяхъ редактора книги, проф. Коркунова. Непріятное впечатлѣніе производитъ также мѣстами нѣкоторая небрежность изложенія, неточность выраженій, происходящая отъ того, что книга, записанная студентами за живымъ словомъ профессора, не была имъ самимъ предназначена для печати и потому не была проредактирована съ достаточной тщательностью,—но все это лишь въ нѣкоторой степени уменьшаетъ достоинства книги.

Антонъ Шёнбахъ. Государственный строй Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ («Международная библіотека», изд. Бейленсона и Юровскаго, № 5) 2-е изд. Одесса. 1894. 15 коп. 40 стр. По Лабанду. Государственный строй Германской Имперіи. (Тоже № 19). Од. 1894. 15 к. 32 стр. По Лебону. Государственный строй Франціи. (Тоже № 29) Од. 1895. 15 к. 32 стр. Кто желалъ бы познакомиться съ тѣми же вопросами, съ какими знакомитъ Градовскій, но съ меньшей затратой труда и времени, тому можно указать на три названныя брошюры. Само собою разумѣется, что меньшая затрата времени ведетъ за собой и меньшую серьезность и глубину получаемыхъ свѣдѣній. Эти брошюры знакомятъ съ вопросомъ чисто внѣшнимъ образомъ; историческія объясненія, даваемыя ими, крайне ничтожны; матеріала для сравненій описываемыхъ государствъ съ другими онѣ тоже не даютъ. Въ нихъ читатель найдетъ только описаніе въ отдѣльныхъ странахъ государственныхъ учрежденій, ихъ взаимныхъ отношеній, какъ оно имѣетъ мѣсто въ писанныхъ конституціяхъ; къ этому присоединены краткія (даже очень краткія) и внѣшнія замѣчанія о политическихъ партіяхъ. Теоретическихъ объясненій въ брошюрахъ вовсе нѣтъ; поэтому, смыслъ выраженій: «конституціонное управленіе», противополагаемое «парламентарному управленію» (брошюра о Франціи, стр. 21), и многихъ дру-

*) Можно рекомендовать прекрасную книгу *А. В. Дайси* — «Основы государственнаго права Англіи». Спб. 1891 г. Цѣна 2 р. 50 к., дающую пониманіе государственнаго строя одной страны. Довольно подробный обзоръ книгъ по государственному праву былъ сообщенъ въ «Мірѣ Божіемъ» 1893 г., №№ 6, 7 и 12.

гихъ—многимъ читателямъ можетъ быть непонятно. Лучше другихъ—брошюра о Германіи. Въ ней разсматривается вопросъ, обойденный въ книгѣ Градовскаго, именно вопросъ объ организаціи федеративныхъ государствъ, т.-е. сложныхъ государствъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ или даже многихъ совершенно самостоятельныхъ отдѣльныхъ государствъ. Слабѣе другихъ брошюра, посвященная Франціи; въ ней встрѣчаются кое-какія недоразумѣнія.

Ф. Мартенсъ. Современное международное право циливизованныхъ народовъ. Т. I. Изданіе 3-е Спб. 1895. Профессоръ с.-петербургскаго университета и вице-призидентъ института международнаго права, г. Мартенсъ настолько извѣстенъ какъ въ русской, такъ и въ заграничной ученой литературѣ, что нѣтъ надобности много распространяться о причинахъ успѣха, выпавшаго на долю его курса международнаго права, который уже переведенъ на нѣмецкій, французскій, испанскій и итальянскій языки. Третье изданіе его на русскомъ языкѣ (первое изданіе вышло въ 1883 году) свидѣтельствуетъ о распространенности этой книги и у насъ въ Россіи. Первый томъ курса 3 изданія состоитъ изъ обширнаго введенія и общей части. Во введеніи авторъ говоритъ объ основаніи международнаго права, опредѣляя его понятіе (въ первыхъ 5 параграфахъ). Затѣмъ излагается исторія международныхъ отношеній и правъ (§§ 6—33), исторія науки международнаго права (§§ 34—38), опредѣляются задача и цѣль науки современнаго международнаго права (§ 39), основныя черты системы, пространство дѣйствія международнаго права, его источники и кодификація (§ 40—44).

Общая часть начинается съ подробнаго выясненія понятія о международномъ общеніи. На этомъ понятіи авторъ построилъ всю систему международнаго права (§§ 45—51). Своеобразное воззрѣніе г. Мартенсъ высказываетъ на конгрессы и конференціи, какъ на органы международнаго общенія, а не отдѣльныхъ государствъ. Субъектами международнаго права авторъ считаетъ только государства, какъ международныя личности. Затѣмъ онъ весьма подробно классифицируетъ государства на простыя и сложныя, подраздѣляя послѣднія на союзъ государствъ и соединенныя государства (55—62 §§). Не менѣе подробно разбираются условія существованія государствъ, какъ международныхъ личностей, международныя свойства государствъ и ихъ основныя права. Затѣмъ излагается ученіе о правахъ государей и частныхъ лицъ и о правахъ государствъ относительно собственныхъ подданныхъ и иностранцевъ. Третья глава посвящена ученію о территоріи, четвертая (103—117 §§)—международнымъ договорамъ. Наконецъ, въ послѣднемъ (118) параграфѣ говорится о международныхъ обязательствахъ изъ дозволенныхъ и недозволенныхъ дѣйствій.

Несмотря на богатство содержанія, курсъ г. Мартенса легко усваивается, благодаря строгой систематичности изложенія. Кромѣ того, обиліе библіографическихъ примѣчаній, дѣлаетъ его превосходнымъ пособіемъ для самостоятельнаго изученія международнаго права. Наконецъ, все сочиненіе г. Мартенса проникнуто гуманнымъ духомъ. Рядомъ съ строгими юридическими воззрѣніями

мы встрѣчаемся въ немъ на каждомъ шагу съ возвышенными идеальными взглядами. Авторъ говоритъ не только о томъ, что было и есть, а и о томъ, что должно быть. Такимъ образомъ, книга, посвященная международному праву, даетъ читателю больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе. Не только въ области международнаго права, но и въ политикѣ, курсъ г. Мартенса играетъ видную роль, и равно необходимъ какъ юристу, такъ и политику.

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Др. Ковнеръ «Исторія медицины».—*В. Прейеръ* «О сохраненіи здоровья и продленіи жизни».—*Др. Гурфинкель* «Популярная гигіена для матерей».

Исторія медицины. Составилъ С. Ковнеръ. Т. I: медицина востока и древней Греціи до Гиппократа. Т. II: Гиппократъ. Т. III: Медицина отъ смерти Гиппократа до Галена включительно. Т. IV: Исторія средневѣковой медицины: медицина западной римской имперіи; медицина восточной римской имперіи. Византійская медицина и арабская медицина. Передъ нами трудъ, начатый въ 1878 г.; за 25 лѣтъ, т. е. до 1893 года, вышло 4 тома, въ которыхъ разсмотрѣна исторія древней медицины и медицины у арабовъ. Трудъ д-ра Ковнера представляется въ высшей степени отраднымъ явленіемъ не только въ научномъ отношеніи, но и въ этическомъ. Авторъ не академикъ, не счастливый рантье, обезпеченный матеріально—онъ бѣдный, скромный врачъ, поставленный въ необходимость заработывать кусокъ хлѣба тяжелымъ трудомъ практикующаго врача; составленное имъ сочиненіе не имѣетъ никакихъ данныхъ на быстрое распространеніе; стало быть, приступивъ къ своей работѣ, г. Ковнеръ напередъ зналъ, что весь тяжелый трудъ составленія подобнаго сочиненія будетъ оплаченъ только удовольствіемъ сознавать, что работаешь на пользу науки, которой обучался, и товарищей, которые, къ сожалѣнію, слишкомъ мало интрересуются исторіей своей спеціальности.

Приступая къ изложенію исторіи медицины у какого-либо народа, авторъ даетъ предварительно небольшой очеркъ исторіи культуры и философіи даннаго народа, и такимъ образомъ, устанавливаетъ ту почву, на которой разработывалась въ данное время медицинская наука. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію того, въ какомъ состояніи находились медицинскія свѣдѣнія въ извѣстную историческую эпоху, авторъ указываетъ на главнѣйшихъ дѣятелей, излагаетъ ихъ ученіе, касаясь каждой медицинской спеціальности, затѣмъ приводитъ весьма подробный списокъ сочиненій того или другого изъ выдающихся медицинскихъ писателей; къ этому списку прилагается довольно обстоятельное обсужденіе самихъ сочиненій, ихъ подлинности, ихъ различныхъ изданій и переводовъ. Говоря о второстепенныхъ дѣятеляхъ, д-ръ Ковнеръ приводитъ вкратцѣ и сущность ихъ работъ, а также и списокъ ихъ важнѣйшихъ сочиненій. Благодаря сжатости изложенія и обширности включеннаго фактическаго матеріала, сочиненіе производитъ мѣстами впе-

чатлѣніе конспекта и можетъ, въ силу этого, показаться съ перваго взгляда сухимъ и скучнымъ; но такое отношеніе къ разсматриваемому труду будетъ неправильно, ибо все важнѣйшее изложено съ большими подробностями (такъ, напр., Гиппократъ занимаетъ цѣлый томъ почти въ 600 страницъ).

Особенно интересна въ 1-мъ томѣ глава о древней индійской медицинѣ, составленная преимущественно по капитальному сочиненію Thomas Wise'a «Review of the History of medicine», 1867 г. Изъ этой главы даже и современные врачи могутъ почерпнуть много интересныхъ положеній, касающихся въ особенности этики врачебнаго сословія. Вотъ, напр., образецъ: «Врачъ, который желаетъ имѣть успѣхъ въ практикѣ, долженъ быть здоровъ, опрятенъ, скроменъ, терпѣливъ, носить коротко остриженную бороду, старательно вычищенные обрѣзанные ногти, бѣлую надушенную благовоніями одежду... Онъ долженъ обладать чистымъ, сострадательнымъ сердцемъ, строго правдивымъ характеромъ, спокойнымъ темпераментомъ, отличаться величайшею умѣренностью и цѣломудріемъ, постояннымъ стремленіемъ дѣлать добро». Вознагражденія врачъ не имѣлъ права брать от несчастныхъ, брамановъ и друзей. Но зато имущество людей зажиточныхъ, отказывавшихъ въ вознагражденіи врачу по минованіи болѣзни, присуждалось сполна въ пользу врача. Больныхъ, страдавшихъ неизлѣчимыми болѣзнями, не разрѣшалось лѣчить.

Говоря объ исторіи индійской медицины, д-ръ Ковнеръ подробно останавливается на сочиненіи Сушрута «Ayurveda». Въ этомъ сочиненіи разсмотрѣна анатомія, физіологія, общая патологія, этіологія болѣзней, затѣмъ частная патологія, діагностика, терапія, фармакологія, гигіена, хирургія, глазныя, женскія и дѣтскія болѣзни. Изъ этого сочиненія мы узнаемъ, что древнимъ индійцамъ (VI вѣка до Р. Х.) былъ извѣстенъ фактъ кровообращенія, что они прибѣгали къ оспопрививанію. Гигіенѣ древніе индійцы придавали огромное значеніе; вотъ основныя правила, касавшіяся гигіены отдѣльнаго человѣка: надо вставать рано, до восхода солнца, чистить зубы щетками и порошками, начиная съ 10-лѣтняго возраста, растирать тѣло, купаться, опрятно одѣваться, носить зонтикъ, провѣтривать по возможности часто жилища, стричь волосы на головѣ и бородѣ, обрѣзывать ногти; послѣ обѣда не спать, заниматься гимнастикой. Относительно пищи Сушрута рекомендуетъ слѣдующій режимъ: до конца перваго года ребенокъ долженъ питаться только молокомъ, до 3-го года—молокомъ и рисомъ, до 15-ти лѣтъ—однимъ только рисомъ. И только послѣ этого возраста допускалась смѣшанная пища при самомъ ограниченномъ количества мяса. Индѣйцы были большими поклонниками рвотныхъ и слабительныхъ, такъ что каждый человѣкъ для сохраненія здоровья долженъ былъ принимать 1 разъ въ мѣсяцъ слабительное—обычай, еще и въ настоящее время сохранившійся въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ Швейцаріи. Хирургія у индійцевъ стояла чрезвычайно высоко; они тогда уже дѣлали тѣ операціи, которыми гордятся даже наши современные хирурги (кесарское сѣченіе, камнесѣченіе и т. д.).

И медицинѣ китайцевъ удѣлено въ книгѣ д-ра Ковнера нѣкоторое мѣсто; но такъ какъ вообще объ исторіи китайской медицины имѣется свѣдѣній немного, то не мудрено, что и въ большихъ сочиненіяхъ по исторіи медицины мы не найдемъ особенныхъ подробностей по этому вопросу. Тѣмъ не менѣе, существенныя особенности анатоміи, физіологіи, патологіи и терапіи Китая обрисованы авторомъ весьма ярко. Разсмотрѣвъ далѣе медицину европейскихъ народовъ и остановившись преимущественно на греческой медицинѣ до Гиппократа, авторъ заканчиваетъ 1-й томъ своего труда.

Второй томъ, въ которомъ разобрана и изложена медицина Гиппократа, представляетъ особенно большой интересъ, такъ какъ здѣсь весьма подробно изложена вся сумма медицинскихъ свѣдѣній времени Гиппократа, и мы полагаемъ, что врачъ, не прочитавшій по крайней мѣрѣ этого тома, не имѣетъ права на названіе образованнаго врача.

Третій томъ заключаетъ, помимо чистой медицины, не мало матеріала, относящагося къ исторіи философіи вообще, и такъ какъ наши врачи, по необходимости, быть можетъ, слишкомъ мало знакомы съ философіей и ея исторіей, то они въ этомъ 3-мъ томѣ (какъ, впрочемъ, и въ концѣ второго) найдутъ не мало интереснаго и изъ исторіи философіи древняго міра, и о вліяніи этой философіи на естествознаніе вообще и медицинскія науки въ частности. Въ этомъ же томѣ читатель найдетъ весьма подробное изложеніе Галена (150 страницъ).

Четвертый томъ касается средневѣковой медицины. Тутъ подробно разобрана арабская медицина и труды знаменитѣйшихъ средневѣковыхъ врачей-европейцевъ (Орибазій, Аэцій, Александръ Траллійскій, Павелъ Эгинскій и Актуаріи).

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ указать почтенному автору разбираемаго труда на нѣкоторые недостатки, которые, впрочемъ, нисколько насъ не удивляютъ, въ виду того, что дѣйствительно одному человѣку да еще поставленному въ условія, въ какихъ находился д-ръ Ковнеръ, совершенно не подъ силу управиться съ громаднымъ матеріаломъ, который приходится имѣть въ рукахъ при составленіи исторіи медицины. Первый изъ этихъ недостатковъ—не вполнѣ строгое критическое отношеніе къ источникамъ, которыми пользовался авторъ; если этотъ недостатокъ не сказывается особенно рѣзко въ исторіи греческой медицины, такъ какъ она разработана весьма обстоятельно, то въ исторіи арабской медицины онъ сказывается довольно сильно.

Такъ, напр., говоря о Geber'ѣ, д-ръ Ковнеръ указываетъ на сочиненіе его *Summa perfectionis*, напечатанное въ 1668 г. подъ названіемъ «Gebri Arabis Chimia, sive Traditio summae perfectionis»; между тѣмъ, слѣдовало бы указать, что сочиненіе это напечатано гораздо раньше (между 1490 и 1520 гг.), т. е. принадлежитъ, быть можетъ, къ числу инкунабулъ; оно называется: «Geberi philosophi perspicocissimi summa perfectionis magisterii и т. д. Impressum Romae per Marcellum Silber»; кромѣ того имѣется еще одно изданіе: «Geberi liber investigationum magisterii», напеча-

танное въ 1473 г. въ Римѣ. Мы считаемъ это обстоятельство весьма важнымъ, такъ какъ оно показываетъ, что немедленно же послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, въ печати появилось сочиненіе Geber'а, стало быть, черезъ 7—8 вѣковъ послѣ своей смерти Geber еще считался въ Европѣ величайшимъ авторитетомъ. Кстати укажемъ, что д-ръ Ковнеръ ошибочно приписываетъ Geber'у знаніе металловъ цинка и, въ особенности, кадмія. Хотя цинковая руда была извѣстна арабскимъ и даже греческимъ химикамъ, но металла цинка они не знали; металлъ цинкъ впервые упоминается въ 15-мъ вѣкѣ у Basilius Valentinus'а и вполнѣ опредѣленно только у Paracelsus'а (въ 16-мъ в.). О кадміѣ и подавно не могло быть рѣчи. Кадмій открытъ лишь въ началѣ 19-го вѣка. Д-ръ Ковнеръ былъ, очевидно, введенъ въ заблужденіе названіемъ «Cadmia», которое употреблялось у средневѣковыхъ авторовъ для обозначенія цинковой руды. Точно также авторъ разбираемаго труда неправильно приписываетъ Geber'у трактатъ объ астролябіи; этотъ трактатъ принадлежитъ другому Geber'у—математику и астроному.

Затѣмъ, обратимъ вниманіе почтеннаго автора на то, что у него часто попадаются указанія на сочиненія тѣхъ или другихъ авторовъ арабскаго періода, подлинность которыхъ несомнѣнно опровергнута; такъ, напр., указывается сочиненіе Rhases'а «de aluminibus et salibus», а между тѣмъ Steinschneider въ Virchow's Archiv fur patholog. Anat. 1866 г. указалъ, что авторъ названнаго сочиненія, по собственному признанію, жилъ въ Испаніи, гдѣ Rhases никогда не былъ. То же можемъ сказать и о сочиненіяхъ, приписываемыхъ Avicenna'ѣ; такъ, сочиненіе «de anima», приведенное въ числѣ сочиненій Авиценны, не принадлежитъ ему; ибо въ этомъ сочиненіи, напр., предполагаемый авторъ его говоритъ, что онъ узналъ «великое дѣло отъ епископа Antroicus'а въ Африкѣ», гдѣ, какъ извѣстно, Авиценна никогда не былъ и т. д.

Такія небольшія и вполнѣ естественныя ошибки попадаются въ трудѣ д-ра Ковнера въ разныхъ мѣстахъ, но онѣ, конечно, нисколько не умаляютъ достоинствъ самаго труда.

Болѣе крупнымъ недостаткомъ мы считаемъ то обстоятельство, что, говоря объ арабской медицинѣ, авторъ не даетъ ей настоящей оцѣнки. Считая арабовъ рабскими подражателями, полагая, что духъ свободнаго изслѣдованія не могъ развиваться у нихъ, благодаря корану, д-ръ Ковнеръ упустилъ изъ виду, что приверженность буквѣ корана весьма скоро исчезла. и что самое свободное отношеніе къ религіознымъ вопросамъ наблюдается у арабовъ уже въ XI в. Это широкое развитіе раціонализма, какъ извѣстно, подало поводъ къ реакціи, и вмѣстѣ съ нею наступилъ періодъ упадка арабской культуры. Трактуя арабовъ такимъ образомъ, д-ръ Ковнеръ впадаетъ въ ту же крайность, въ какую впадали столь часто цитируемые имъ авторы, въ особенности Leclerc. «У арабскихъ писателей, за немногими лишь исключеніями, нечего искать,—говоритъ д-ръ Ковнеръ (стр. 173),—ни свободнаго изслѣдованія, ни новыхъ открытій, ни художественной отдѣлки литературныхъ произведеній; имъ недоставало, главнымъ образомъ, самостоятельности». И хотя въ различныхъ мѣстахъ авторъ про-

тивъ воли доказываетъ неправильность такой точки зрѣнія, однако, она все же вездѣ сказывается и свидѣтельствуетъ о томъ, что, будучи основательно знакомъ съ медицинскою дѣятельностью арабовъ, д-ръ Ковнеръ упустилъ изъ виду, что въ средніе вѣка процвѣтала у арабовъ и поэзія, и литература, славившіяся именно художественностью отдѣлки. Уже одни памятники архитектуры, составляющіе предметъ изумленія современнаго человѣчества, памятники совершенно оригинальнаго стиля—уже они одни свидѣтельствуютъ, думаемъ мы, кое о чемъ; но еслибъ авторъ обратился хоть къ тому немногому, что сказано объ арабахъ въ сочиненіяхъ Кольба («Исторія человѣческой культуры») или Дрэппера («Исторія умственнаго развитія Европы»), то онъ, по всей вѣроятности, измѣнилъ бы свое мнѣніе въ вопросѣ о художественности и самостоятельности у арабовъ. Только пристрастнымъ отношеніемъ къ арабамъ и можно себѣ объяснить что д-ръ Ковнеръ не говоритъ почти ни слова *о гигіенѣ* арабовъ, которая, какъ извѣстно, стояла на столь высокой ступени своего развитія, что мы, какъ въ частной, такъ и въ общественной гигіенѣ, не далеко ушли отъ арабовъ среднихъ вѣковъ. Стоитъ только вспомнить способы вентиляціи, увлажненія воздуха, стоитъ припомнить введеніе въ обиходъ нижняго бѣлья и пр., чтобы понять, какое значеніе арабы придавали гигіенѣ. Вотъ почему намъ кажется, что, излагая весьма добросовѣстно медицинскія ученія арабовъ, авторъ долженъ былъ обстоятельно разсмотрѣть и гигіену — какъ общественную, такъ и частную; отъ этого выиграла бы не мало та часть исторіи медицины, гдѣ разсмотрѣны средніе вѣка.

Несмотря, однако, на эти, по нашему мнѣнію, несущественные для сочиненія пробѣлы, мы должны заявить, что трудъ д-ра Ковнера представляетъ въ высшей степени драгоцѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу вообще, и медицинскую—въ частности, и будемъ считать задачу настоящей замѣтки вполнѣ достигнутою, если она посодѣйствуетъ его возможно-широкому распространенію не только между врачами, но и въ средѣ всѣхъ образованныхъ людей, интересующихся исторіей естествознанія.

В. Прейеръ.—О сохраненіи здоровья и о продленіи жизни. Изданіе Международной библіотеки. Одесса. 1895 г. Ц. 50 коп. Всѣ хотятъ быть здоровыми, но, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ вышеназванной брошюры, извѣстный физіологъ Прейеръ,—люди, въ своихъ дѣйствіяхъ, вовсе не соображаются со своими желаніями, и только немногіе, пока здоровы, умѣютъ приносить ради этого извѣстныя жертвы. Такъ какъ здоровье представляетъ такое состояніе организма, при которомъ всѣ функціи его отдѣльныхъ частей совершаются вполнѣ правильно, то Прейеръ и стремится, прежде всего, разъяснить своимъ читателямъ, въ чемъ заключается правильность отправленій организма, чѣмъ и какъ она нарушается, и какъ это нарушеніе отражается на состояніи всего организма. Многое изъ того, что говоритъ Прейеръ, представляетъ ходячую истину и извѣстно каждому, но эту истину не мѣшаетъ повторять, какъ можно чаще. Поэтому, брошюра Прейера

несомнѣнно полезна, и читатель — не спеціалистъ можетъ почерпнуть изъ нея весьма полезныя, хотя и элементарныя свѣдѣнія изъ физіологіи, замѣчанія же, высказываемыя Прейеромъ по поводу современной системы школьнаго и гимназическаго воспитанія, особенно достойны вниманія. Прейеръ говоритъ, что, разсматривая программы современныхъ гимназій, онъ нашелъ имена все тѣхъ же греческихъ и латинскихъ классиковъ, которыхъ ему приходилось читать лѣтъ 25 тому назадъ, когда онъ былъ гимназистомъ. Въ теченіе цѣлой четверти вѣка не произошло въ этомъ отношеніи никакого прогресса. «Принципъ, котораго въ настоящее время держится гуманистическая школа,— говоритъ Прейеръ,—не смотря на нѣкоторыя приспособленія къ духу новаго времени, въ существенномъ остается тѣмъ же средневѣковымъ принципомъ, который много столѣтій тому назадъ имѣлъ свое основаніе, такъ какъ человѣкъ тогда для развитія своего ума не имѣлъ ничего лучше древнихъ классиковъ, главнымъ образомъ, не имѣлъ точныхъ наукъ. Между тѣмъ, теперь есть много книгъ, которыя и по содержанію, и по формѣ гораздо болѣе указанныхъ классиковъ пригодны для образованія юношества. Почему не читать отрывковъ изъ сочиненій Галилея, Декарта, Ньютона, Бэкона, Фарадэя, Лютера, Гарвэя, Фридриха Великаго, Лейбница, Канта, Галлера?» Далѣе Прейеръ прибавляетъ: «Только филологъ станетъ отрицать, что грамматика съ ея правилами, имѣющими столько исключеній, представляетъ собою скорѣе подавляющій балластъ для памяти, чѣмъ средство, пригодное для развитія логической силы. Невольно ученикъ привыкаетъ и для другихъ правилъ, законовъ нравственности, законовъ природы, допускать исключенія и тамъ, гдѣ ихъ быть не можетъ. Элементы механики и химіи уже по своей наглядности гораздо привлекательнѣе для юноши, гораздо удобнѣе для упражненія его ума, экспериментъ — самый тонкій критерій правильности мышленія. Самое вѣрное средство сдѣлать умъ самостоятельнымъ заключается въ занятіяхъ точными науками, физикой и химіей, въ производствѣ элементарныхъ опытовъ, составляющихъ переходъ отъ дѣтской игры къ серьезности дѣйствительной жизни, а не въ переводѣ давно потерявшихъ свое значеніе адвокатскихъ рѣчей, не въ изученіи фразеологіи мертвыхъ языковъ, съ ихъ запутанной постройкой отдѣльныхъ фразъ, съ ихъ излишними частицами». Прейеръ особенно порицаетъ такой «противуестественный порядокъ вещей» потому, что онъ вреденъ для здоровья и, слѣдовательно, грѣшитъ противъ основнаго принципа общественнаго блага, такъ какъ вовсе не стремится образовать «здоровыхъ», полезныхъ членовъ общества. Физическое развитіе остается въ полномъ пренебреженіи, умственное же имѣетъ такой характеръ, «какъ будто всѣмъ гимназистамъ предстоитъ непремѣнно стать учителями гимназіи». Не менѣе справедливы замѣчанія Прейера относительно необходимости распространенія физіологическихъ познаній въ обществѣ, о томъ, что преподаваніе физіологіи, знакомство съ жизненными процессами необходимо было бы ввести во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, взамѣнъ массы другихъ свѣдѣ-

ній, только обременяющихъ память учащагося и не приносящихъ ни малѣйшей помощи ни его духовному развитію, ни его умственному и нравственному образованію.

Вторая часть брошюры Прейера посвящается вопросу о продленіи жизни. Для обыкновеннаго читателя эта часть представляетъ, пожалуй, даже болѣе интереса, чѣмъ первая, заключающая въ себѣ физіологическія свѣдѣнія. Въ этой части собрано много любопытныхъ фактовъ и вѣрныхъ взглядовъ, касающихся макробіотики.

Популярная гигіена для матерей. Дитя и уходъ за нимъ. Перевелъ съ нѣмецкаго и дополнилъ д-ръ Л. М. Гурфинкель. Москва. Изданіе книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Ц. 1 р. 1895 г. Никто не станетъ отрицать огромнаго значенія дѣтской гигіены, заботящейся о правильномъ развитіи всѣхъ сторонъ жизни дитяти и обезпечивающей появленіе здоровыхъ поколѣній. Кромѣ того, дѣтская гигіена является еще подспорьемъ педагогикѣ, такъ какъ, помимо заботъ о физическомъ развитіи ребенка, она обращаетъ вниманіе и на правильность его духовныхъ отправленій, на тѣ условія, которыя способствуютъ ихъ развитію или затрудняютъ его. Несмотря, однако, на такое важное значеніе дѣтской гигіены, она часто совершенно игнорируется современнымъ образованнымъ обществомъ, обнаруживающимъ, въ этомъ отношеніи, поразительное невѣжество, обиліе предразсудковъ и полное непониманіе дѣтской природы. Для борьбы съ такого рода прискорбнымъ явленіемъ предназначаются всевозможныя, большія и малыя, популярныя изданія, къ числу которыхъ принадлежитъ и вышеназванная книжка, обладающая тѣмъ несомнѣннымъ преимуществомъ, что въ сжатой формѣ, безъ излишнихъ разглагольствованій и уклоненій въ сторону, она знакомитъ мать или воспитателей ребенка съ главными и основными правилами дѣтской гигіены и сообщаетъ свѣдѣнія о дѣтской природѣ, безусловно необходимыя каждой матери. Книга раздѣлена на три части соотвѣтственно періодамъ жизни ребенка, которые опредѣляются процессами развитія его организма, т. е. измѣненіями въ строеніи и отправленіяхъ всѣхъ его органовъ. Въ первой части собраны свѣдѣнія, относящіяся къ строенію и особенностямъ организма новорожденнаго и уходу за нимъ, а также уходъ за груднымъ ребенкомъ и все, что сюда относится. Эта часть занимаетъ большую половину книги, такъ какъ свѣдѣнія, въ ней заключающіяся, представляютъ краеугольный камень гигіены дѣтскаго возраста. Вторая часть посвящена гигіенѣ младшаго дѣтскаго возраста, обнимающаго періодъ отъ конца перваго года жизни до перемѣны молочныхъ зубовъ на постоянные. Въ третьей части заключаются свѣдѣнія по гигіенѣ старшаго дѣтскаго возраста, такъ называемаго школьнаго. Послѣдняя глава посвящена оспопрививанію. Изъ этого краткаго перечня видно, что книга представляетъ возможно полный, хотя и сжатый, конспектъ по гигіенѣ дѣтскаго возраста. Къ сожалѣнію, не указанъ источникъ, съ котораго сдѣланъ переводъ, и неизвѣстно, какія сдѣланы дополненія къ нѣмецкому подлиннику.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

«The Story of the stars» By George F. Chambers author of a Handbook of descriptive and Practical Anatomy. Illustrated. (Исторія звѣздъ). Этотъ первый томъ популярной библіотеки, носящей названіе «The Library of useful stories», написанъ сжатымъ и образнымъ языкомъ и знакомитъ читателя со всѣми новѣйшими открытіями въ области астрономіи, съ ея исторіей и воззрѣніями ученыхъ. Интересующіеся этой наукой найдутъ въ этой книгѣ много матеріала.

(Popular Science Monthly).

«Education for Economics and Citizenship; and the Place of History and Geography in this» by professor Patrick Geddes (Cooperative Wholesale Society) Manchester. 1895. (Политикоэкономическое и гражданское воспитаніе и мѣсто исторіи и географіи въ немъ). Професоръ Геддесъ излагаетъ свои взгляды въ этой книгѣ на гражданственность и воспитаніе и признаетъ, что воспитаніе гражданина представляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ задачъ. Онъ указываетъ на важную роль въ этомъ отношеніи домашняго воспитанія, на огромное значеніе чтенія и выборъ книгъ по исторіи, географіи и др. предметамъ. Соотвѣтствующій выборъ беллетристическихъ произведеній также много значитъ въ дѣлѣ развитія гражданскаго міровоззрѣнія. Такой методъ воспитанія содѣйствуетъ развитію индивидуальности. «Чтобы воспитать хорошихъ гражданъ,—говоритъ авторъ,—мы должны соединить научную культуру съ сознаніемъ индивидуальныхъ и соціальныхъ обязанностей и развить стремленіе къ служенію обществу и странѣ въ подростающемъ поколѣніи».

(University Extension Journal).

«La Logique Sociale» par M. Tarde. Paris, Alcan, 1895. (Соціальная логика). Авторъ этой довольно объемистой книги, Тардъ, пользуется большою извѣстностью въ кружкѣ профессіональныхъ соціологовъ и криминалистовъ, какъ писатель, въ сочиненіяхъ котораго можно встрѣтить много вѣрныхъ и оригинальныхъ мыслей. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать Тарду, заключается въ томъ, что онъ печатаетъ слишкомъ объемистые томы, и это, безъ сомнѣнія, мѣшаетъ большому распространенію его сочиненій въ публикѣ. Вышеназванный трудъ является лишь повтореніемъ и нѣсколько большимъ развитіемъ его идеи о роли подражанія въ обществѣ. (Journal des Débats).

«L'Année psychologique» publieé par H. Beaunis, A. Binet, directeur du laboratoire de psychologie physiologique à la Sorbonne (Alcan) 1895. (Психологическій годъ). Въ этомъ году въ первый разъ появился въ свѣтъ ежегодникъ, изданный психо - физіологической лабораторіей въ Сорбоннѣ, въ которомъ собраны результаты работъ и научныхъ изслѣдованій и наблюденій, произведенныхъ въ этой лабораторіи. Преобладаніе экспериментальнаго метода въ психологіи вызвало появленіе особыхъ лабораторій, «психофизіологическихъ», уже одно названіе которыхъ заставило бы улыбнуться психологовъ лѣтъ тридцать тому назадъ. Америка первая подала примѣръ организаціи подобныхъ спеціальныхъ лабораторій для психофизіологическихъ наблюденій, и въ Америкѣ ихъ существуетъ уже болѣе тридцати въ настоящее время. Германія обладаетъ знаменитою психофизіологическою лабораторіей въ Лейпцигѣ, которая была создана Вундтомъ въ 1878 году, а въ Парижѣ во главѣ такой лабораторіи въ Сорбоннѣ стоитъ Бинэ. Только-что вышедшее изданіе ежегодника этой лабораторіи не только заключаетъ въ себѣ массу въ высшей степени интересныхъ

и важныхъ въ научномъ отношеніи работъ, но и указываетъ на важное значеніе и пользу экспериментальнаго метода въ психологіи. Ежегодникъ представляетъ не только необходимое руководство для всѣхъ психологовъ, литераторовъ и ученыхъ, но и можетъ служить популярною психологическою энциклопедіей для большой публики. Укажемъ, между прочимъ, на помѣщенныя въ этомъ ежегодникѣ статьи: о памяти (Бинэ и Санро), психологическія замѣтки, касающіяся драматическихъ авторовъ (Бинэ и Пасси); дѣтство великихъ людей (Іодера)—статья, заключающая въ себѣ особенно много интересныхъ для обыкновенныхъ образованныхъ читателей подробностей.

(Revue des Revues).

«*From Darkness to Light in Polynesia*» *with Illustrative ClanSongs. By the Rev. William W. Gill* (*Religions Tract Society*). (*Отъ мрака къ свѣту*). Авторъ этой книги, миссіонеръ, высадившійся въ 1851 году въ Мангаіа, на островахъ Тихаго Океана, провелъ болѣе 33 лѣтъ среди дикаго населенія архипелага Гервей. Конечно, такое продолжительное пребываніе среди дикарей дало возможность миссіонеру основательно изучить ихъ бытъ и собрать множество важныхъ наблюденій въ этнологическомъ отношеніи. Книга эта можетъ представить интересъ не для однихъ только этнологовъ, а и для обыкновенныхъ читателей, такъ какъ авторъ очень занимательно разсказываетъ свою жизнь среди дикарей, исторію введенія христіанства и т. д. (Bookseller).

«*The Earth; an introduction to the Study of inorganic Nature*» *by Evan W. Small.* (*Methuen and C°*) *London.* (*Земля*; *введеніе къ изученію неорганической природы*). Этотъ томъ входитъ въ составъ «University Extension Series», и уже это одно служитъ ему лучшею рекомендаціей. Цѣль книги—ознакомить читателя со всѣмъ, что касается планеты, на которой мы живемъ. Авторъ не предполагаетъ въ читателѣ никакихъ предварительныхъ знаній по геологіи, физикѣ, астрономіи и біологіи и поэтому старается какъ можно популярнѣе изложить всѣ необходимыя свѣдѣнія, которыя должны служить введеніемъ къ дальнѣйшему изученію неорганической природы. Очень интересны главы, въ которыхъ говорится о работѣ и энергіи и объ эволюціи земли. Въ концѣ книги приложены рисунки для волшебныхъ фонарей, которыми можно пользоваться для публичныхъ лекцій.

(Bookseller).

«*The Essentials of Logic*» *by Bernard Bosanquet* (*Macmillian and C°*) *London.* (*Главныя основанія логики*). Книга заключаетъ десять публичныхъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ связи съ университетскимъ движеніемъ, въ которыхъ излагаются главныя основанія логики. Для лицъ, приступающихъ къ изученію логики, книга эта можетъ служить очень удобнымъ вступленіемъ и облегчить имъ занятіе этою наукой.

(University Extension Journal).

«*The Ruskin Reader*» (*G. Allen*). *London.* (*Читатель Рёскина*). Маленькая книжка, знакомящая читателей со взглядами и главными произведеніями Джона Рёскина. Цитаты изъ произведеній Рёскина выбраны очень умѣло и даютъ полное представленіе о сущности теорій Рёскина касательно искусства и главныхъ, наиболѣе характерныхъ чертъ его прозаическихъ произведеній.

(Daily News).

«*Physical Education*» *by Archibald Maclaren* (*Clarendon Press*). *Oxford 1895.* (*Физическое воспитаніе*). Книга снабжена превосходными иллюстраціями (около 400) и даетъ полное понятіе объ основныхъ принципахъ физическаго воспитанія, его пользѣ и способахъ его примѣненія. (Daily News).

«*Among the Gods*: *Scenes of India*». *By Augusta Klein* (*William Blackwood and Sons*). *London 1895.* (*Среди боговъ*; *индійскія сцены*). Сюжетомъ этой книги служитъ поѣздка въ Индію цѣлой семьи, состоящей изъ отца и трехъ дочерей. Описаніе путешествія и связанныхъ съ нимъ приключеній сдѣлано очень живо и увлекательно; одна картина смѣняетъ другую, и передъ читателемъ проходятъ, какъ въ панорамѣ, различныя сцены индійской жизни. Къ книгѣ приложены прекрасные фотографическіе снимки мѣстностей, типовъ и замѣчательныхъ развалинъ. (Daily News).

«*An Australian in China: Being the Narrative of a Quiet Journey across China to British Burma*» *by Dr. G. E. Morrison* (*Horace Cox*). (*Австраліецъ въ Китаѣ*). Авторъ книги, докторъ Моррисонъ, совершилъ путешествіе черезъ весь Китай въ Бирманію. Онъ высадился въ Шанхаѣ, поднялся по Янтсекіангу, до города Чунгконга, и затѣмъ, переодѣвшись китайцемъ, проникъ въ центральныя китайскія провинціи до бирманской границы. Онъ путешествовалъ одинъ, безъ переводчика, хотя и не говоритъ по китайски. Спутниками его были только китайскіе кули, которыхъ онъ нанялъ переносить свои вещи во время путешествія. Большую

часть своего путешествiя онъ совершилъ пѣшкомъ и безъ оружiя. Описанiе этого путешествiя и составляетъ предметъ книги. (Daily News).

«*Sport on the Pamirs and Turkestan Steppes*» *by Major Q. S. Cumberland* (*Blackwood and Sons*). (*Спортъ на Памирахъ и въ Туркестанскихъ степяхъ*). Авторъ книги — страстный охотникъ, выѣхалъ во главѣ охотничьей экспедицiи изъ Сринагара (столица Кашмира) и совершилъ очень интересную экскурсiю по мало изслѣдованнымъ мѣстностямъ въ Гималайяхъ, Памирахъ и китайскомъ Туркестанѣ. Въ своемъ описанiи этой замѣчательной экскурсiи авторъ не ограничивается только разсказомъ о своихъ охотничьихъ похожденiяхъ и приключенiяхъ, а рисуетъ цѣлыя картины жизни племенъ, обитающихъ въ неприступныхъ ущельяхъ, въ горахъ и степяхъ, куда рѣдко проникаютъ европейцы. Описанiя мѣстностей и быта этихъ племенъ очень увлекательны; особенно хорошо описанiе Гималайевъ—Каракорумскаго прохода, черезъ который прошелъ авторъ. Проходъ этотъ находится на три тысячи футовъ выше Монблана. Кромѣ того, въ описанiяхъ автора можно найти много очень любопытныхъ свѣдѣнiй, касающихся обитателей китайскаго Туркестана и Памировъ. (Daily News).

«*The Origins of Invention: A study of Industry among primitive Peoples*». *By Otis T. Mason. Illustrated* (*Walter Scott Ltd. New-York*). (*Происхожденiе изобрѣтенiй*). Авторъ этого труда, профессоръ и кураторъ этнологическаго отдѣленiя при нацiональномъ музеѣ Соединенныхъ Штатовъ, задался цѣлью прослѣдить весь ходъ развитiя изобрѣтенiй и промышленности у первобытныхъ народовъ. Въ сжатомъ, но ясномъ очеркѣ онъ представилъ цѣлую картину развитiя промышленности и постепеннаго усовершенствованiя орудiй производства труда. Авторъ старается разъяснить, какими путями умъ первобытнаго человѣка дошелъ до того или другого изобрѣтенiя и какъ постепенно расширялся кругъ его потребностей. Съ нѣкоторыми выводами и заключенiями автора можно, пожалуй, не согласиться, но, тѣмъ не менѣе, трудъ его не только заслуживаетъ вниманiя и прочтенiя, но долженъ быть поставленъ въ ряду первоклассныхъ этнологическихъ изслѣдованiй. (Literary World).

«*The Life and Duties of a Citizen*» *by Henry Elliot Malden* (*Methuen and C^o*). (*Жизнь и обязанности гражданина*). Развитiе политическихъ событiй въ послѣднее время заставило многихъ серьезныхъ мыслителей Великобританiи обратить вниманiе на необходимость такого воспитанiя подростающаго поколѣнiя, которое научило бы ихъ понимать свой гражданскiй долгъ и обязанности и сознавать отвѣтственность, возложенную на нихъ демократическими учрежденiями страны. Въ этомъ отношенiи уже сдѣлано очень многое, и университетское движенiе устроило превосходныя лекцiи какъ въ Лондонѣ, такъ и въ провинцiи, имѣющiя цѣлью распространить понятiя о гражданскихъ обязанностяхъ среди молодежи и воспитать въ нихъ патрiотическое чувство. Маленькая книга Генри Мальдена также удовлетворяетъ этой цѣли, такъ какъ чтенiе ея можетъ заставить молодыхъ читателей призадуматься о своихъ политическихъ правахъ и сознать ихъ какъ слѣдуетъ. (University Extension Journal).

«*Origine du mariage dans l'espèce humaine*» *par Edouard Westermarck, traduit de l'anglais par Henry de Varigny. Collection d'auteurs etrangers contemporains; Paris, Guillaumin 1895.* (*Происхожденiе брака у людей*). Авторъ этого замѣчательнаго труда, изучая происхожденiе брака, слѣдовалъ психо-физiологическому методу, стараясь опредѣлить роль, которую играли простые инстинкты въ образованiи этого учрежденiя. Во многихъ отношенiяхъ заключенiя Вестермарка расходятся съ заключенiями его предшественниковъ, но аргументы его, во всякомъ случаѣ, очень интересны и достойны вниманiя также точно, какъ и его выводы. Эволюцiя брака совершалась, по словамъ автора, различными способами и не всегда одинаковыми путями. Преобладающею тенденцiею этого процесса въ его новѣйшихъ фазахъ было расширенiе правъ женщины. Женщина уже болѣе не составляетъ собственности мужчины, и, согласно современнымъ идеямъ, бракъ заключается обѣими сторонами на совершенно равныхъ правахъ. Такимъ образомъ, исторiю брака можно считать исторiею такихъ отношенiй, въ которыхъ женщины постепенно одерживали побѣду надъ страстями, предубѣжденiями и эгоистическими интересами мужчинъ. (Revue Scientifique).

«*History of Epidemics in Britain*» *par M. C. Creighton; University Press of Cambridge.* (*Исторiя эпидемiй въ Англiи*). Въ высшей степени почтенный трудъ, представляющiй огромный философскiй интересъ и рисующiй картину цивилизацiи прошлаго. Читателю предо-

ставляется полная возможность судить о дѣйствительномъ прогрессѣ, достигнутомъ человѣкомъ въ области улучшенія какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго, своихъ условій жизни. Авторъ заставляетъ читателя на каждомъ шагу дѣлать оцѣнку тѣмъ благодѣяніямъ, которыя принесла наука человѣчеству. Жить вообще не легко, а въ прошлыя эпохи это было еще труднѣе, нежели теперь. И это понятно, если вспомнить, до какой степени тогда преобладали нелѣпыя воззрѣнія, и какъ игнорировались людьми самыя элементарныя правила гигіены. Авторъ собралъ въ своей книгѣ много любопытныхъ подробностей, касающихся жизни прошлаго, и рисуетъ эту жизнь довольно-таки непривлекательными красками. Во второмъ томѣ своего обширнаго труда авторъ говорить, между прочимъ, объ эпидеміяхъ инфлуэнцы съ 1875 по 1894 г., особенно любопытныхъ въ томъ отношеніи, что нѣкоторыя изъ этихъ эпидемій возникали въ открытомъ морѣ, среди морскихъ экипажей или на островахъ, очень удаленныхъ отъ материка и не имѣющихъ съ нимъ сношеній. Очень интересны главы, въ которыхъ описываются голодовки и эпидеміи въ Ирландіи. Чтеніе этой книги приводитъ къ заключенію, что многое уже сдѣлано въ смыслѣ борьбы съ разрушительными силами, но еще многое остается сдѣлать, и это многое, пожалуй, было бы уже сдѣлано, если бы не варварское состояніе, въ которомъ находится Европа, превратившаяся въ настоящее время въ одинъ вооруженный лагерь.

(Revue Scientifique).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 1-го мая по 15-е іюня.

Изданіе Павленкова. Иллюстрированные романы *Вальтеръ-Скотта* въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой—съ рисунками. Цѣна каждому выпуску 40 коп., въ папкѣ 50 коп.:

Робертъ — Графъ Парижскій, Редгантлетъ, Опасный замокъ, Два пастуха, Приключенія Нигеля, Сенъ-Ронанскія воды.

Капитанъ Майнъ-Ридъ. *Островъ Діавола*—приложеніе къ журналу «Вокругъ Свѣта» за 1895 г.

— *Морской волкъ*—приложеніе къ журналу «Вокругъ Свѣта» за 1895 г.

Несчастные, Нищій и Старый Васька — *Мопасана.* **Ванька**—*Чехова.* Изданіе книжнаго склада А. М. Муриновой. Москва. 1895 г. Ц. 2 коп.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Изданіе Павленкова. Полное собраніе въ 10 томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. Спб. 1895 г.

Изданіе читальни Народной школы. Спб. Русскій книжный магазинъ Морева. 1895 г.: *Житіе милостиваго мужа Өеодора Ртищева.* Съ портретами. Ц. 15 к. *Муравей - Чудодѣй.* Съ рисунками. Ц. 10 коп. *Михайло-Простота*—Б. Прусса. Ц. 7 коп. *Счастливый уголокъ*—Корсунскаго. Ц. 15 коп. *Люди подземнаго міра.* Съ рис. Ц. 20 коп. *Разсказы о землѣ Аравійской*—Деполовича. Три книги, съ рисунками, въ одн. обложкѣ. Ц. 40 коп. *Малютка*—быль по Сентину. Ц. 15 коп. *Вольный человѣкъ Яшка*—Мамина-Сибиряка. Ц. 5 коп. *Кормилецъ*—Мамина-Сибиряка. Ц. 8 коп. *Маленькая колдунья* по Жоржъ-Занду. Ц. 10 коп. *Вымирающіе богатыри.* Ц. 15 коп. *Юліанка* по Оржешко. Ц. 10 коп. *Пятьдесятъ басенъ Крылова.* Съ рисунками. Ц. 35 коп. *Избранныя притчи Круммахера.* Ц. 10 коп. *Витязи Сѣвера*—Деполовича. Съ рисунками въ одной обложкѣ. Ц. 30 коп. *Обезьяны.* Съ рисунками. Ц. 15 коп. *Побѣдитель* по Сенкевичу. Ц. 10 к. *Скопа*—А. Чеглока. Съ 2 рис. *Катька*—О. Бѣляевской. Съ рисункомъ. Ц. 3 коп. *Пройдоха* или *Кто кого.* Шутка для народнаго театра. Съ рисунками. Ц. 15 коп. *Оспа и докторъ Дженнеръ.* Съ портретомъ. Ц. 10 коп. *Добрый смѣхъ—не грѣхъ.* Сборникъ шутливыхъ разсказовъ съ рисунками. Цѣна 2 кн. въ одной обложкѣ 25 коп.

Джонъ Леббокъ. *Какъ надо жить.* Переводъ съ англійскаго Д. Коропчевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. 80 коп.

Бруно Шенланкъ. *Промысловые синдикаты.* Перев. съ нѣм. Л. Зака. Библіотека общественныхъ знаній. Одесса. 1895 г. Ц. 20 коп.

Борисъ Бируковъ. *Къ вопросу о наслѣдственности функціональныхъ измѣненій.* Спб. 1895 г. Ц. 30 к.

С. Бураковскій. *Ревизоръ, Н. В. Гоголя.* Разборъ комедіи, для учащихся. Новгородъ. 1895 г. Ц. 35 коп.

Л. Келльнеръ. *Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи.* Перев. съ нѣм. О. Масловой, подъ ред. Н. Горбова. Москва. 1895 г. Изданіе К. Тихомірова и А. Адольфа. Ц. 1 р. 50 к.

Международная библіотека. Изданіе *Г. Бейленсона* и *І. Юровскаго*: **По А. Лебону.** *Государственный строй Франціи.* Ц. 15 коп. **Проф. Меркель.** *Сила и право.* Перев. съ нѣм. Ц. 15 коп. **Адольфъ Гацфельдъ.** *Основы литературной критики.* Переводъ Діонео. Ц. 15 коп. **Л. Флейшнеръ.** *Исторія народнаго образованія въ Англіи.* Ц. 15 коп.

Изданіе Сойкина. Полезная библіотека: *Первая помощь при несчастіяхъ съ людьми.* Съ рисунками; приложеніе къ журналу «Природа и Люди» за 1895 г. *Рыболовъ-любитель*—Ѳ. Пескова. *Научныя развлеченія.* Съ рисунк. сост. В. Буринскій.

Ч. Вѣтринскій. *Н. В. Гоголь* и его произведенія. Изданіе склада А. М. Муриновой. Ц. 8 коп.

Популярно-научная библіотека. Изд. Павленкова: *Очеркъ происхожденія семьи и собственности*—М. Ковалевскаго. Перев. съ французск. М. Голшина. Ц. 60 коп. Спб. 1895 г. *Духовный прогрессъ и счастье.* Психологическое изслѣдованіе. П. Лоскутова. Ц. 1 р. Спб. 1895 г.

Библіотека полезныхъ знаній. Изданіе Павленкова: *Ручной трудъ.* Руководство для домашнихъ занятій ремеслами. Сост. А. Графиньи. Перев. Е. Предтеченскаго съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1895 г.

Т. Циглеръ. *Что такое нравственность.* Перев. А. Острогорскаго. Ц. 50 коп. Спб. 1895 г.

Русскій хирургическій архивъ. Подъ редакціей *Н. А. Вельяминова.* Выпускъ I. Спб. 1895 г.

Дж. В. Дрэперъ. *Исторія умственнаго развитія Европы.* Перев. съ послѣдн. англійскаго изданія. М. В. Лучицкой, въ двухъ томахъ. Ц. 1 р. 50 к. Кіевъ. 1895 г.

Проф. Генрихъ Гойеръ. *Мозгъ и мысль.* Безплатное приложеніе къ журналу «Научное Обозрѣніе».

Н. Карѣевъ. *Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи.* Изданіе III, Ц. 50 к. 1895 г.

Н. Карѣевъ. *Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія.* Ц. 50 коп. Доходъ съ изданія въ пользу Общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ.

Н. С. Нестеровъ. *Сахарный кленъ и кленосахарное производство въ Сѣверной Америкѣ.* Спб. 1895 г. Ц. 50 коп.

Луйо Брентано. *Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда.* Перев. В. Э. Дена и В. В. Святловскаго Спб. 1895 г. Ц. 75 коп.

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Второе изданіе съ портретами автора и вступительной статьей Н. Михайловскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. за два тома 3 р.

Сознана ли населеніемъ потребность во всеобщемъ обученіи? Докладъ секретаря коммиссіи по вопросу о всеобщемъ обученіи. А. Ѳ. Гартвига. Москва. 1895 г.

И. Селивановскій. *Деревенскія невзгоды.* Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1895 г. Ц. 10 коп.

М. Нетыкса. *Руководство столярнаго ремесла.* Москва. Изданіе К. И. Тихомирова. Ц. 75 коп.

Бесѣды о землѣ. Книжка I. Сост. *А. Сельскій.* Изданіе склада Муриновой. Москва 1895 г. Ц. 8 коп.

Отчетъ коммиссіи по устройству въ Москвѣ народныхъ читаленъ и библіотекъ при больницахъ, пріютахъ и проч. съ 1892 г. по февраль 1895 г.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(20 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

и

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы—книжный магазинъ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха, и въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи.

Разсрочка допускается по особому соглашенію съ редакціей.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются; непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 70 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 35 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 1 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки **6** руб., съ доставкой и пересылкой въ Россіи **7** руб., за границу **10** руб.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 079411820